ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ»

На правах рукописи

ЧШИЕВ ВЛАДИМИР ТАЙМУРАЗОВИЧ

ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

07.00.06. – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
В. И. Козенкова

Владикавказ
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Оглавление.....2

Введние…….6

Глава 1. Памятники кобанской культуры предгорно-равнинной зоны Северной Осетии 17

1.1. Особенности географии и природных условий предгорной зоны Северной Осетии. Географическое расположение памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.....17

1.2. Историография исследования памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.....26

1.3.Поселения……..……..50

1.4. Могильники.....……...……73

Глава 2. Эльхотовский могильник – новый источник по истории и культуре древнего населения Северного Кавказа…….....……85

2.1. Месторасположение и общая характеристика Эльхотовского могильника…….……85

2.2. Погребальный обряд……92

2.3. Типология и систематика погребального инвентаря…….…….98

2.3.1. Сосуды……...…98

2.3.2. Орудия труда……...……..……...112

2.3.3. Аксессуары одежды: булавки, ворворки, фибулы, пуговицы, пояс и пряжки……...…120

2.3.4. Оружие……..……..134

2.3.5. Предметы конской узды……...……..148

2.3.6. Атрибуты воинского доспеха……..……..153

2.3.7. Украшения 154

2.3.8. Предметы сакрального значения.....191

2.3.9. Предметы неизвестного назначения.....192

Глава 3. Хронология и периодизация Эльхотовского могильника кобанской культуры.....198

3.1. Первая (ранняя) группа. Комплексы 9 в. до н.э.....199

3. 2. Вторая группа. Комплексы 8 в. до н.э.....213

3. 3. Третья (поздняя) группа. Комплексы начала 7 в. до н.э.....220

Глава 4. Предгорно-равнинная зона Северной Осетии как территория контактов кобанской культуры с племенами Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в 9–6 вв. до н. э.....228

4.1. Элементы обряда и артефакты Эльхотовского и других памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии, связанные с влиянием племен Северного Причерноморья и юга Восточной Европы.....231

4.2. Кавказские (кобанские) элементы в культуре населения Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в предскифское – раннескифское время.....243

Заключение.....251

Список литературы и источников.....258

Список сокращений.....298

Список иллюстраций.....301

Список таблиц приложения 1.....307

Иллюстрации.....308

ТОМ 2

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОБРЯДА И ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Оглавление.....2

Таблица № 1. Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника.....3

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма.....7

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда.....11

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер.....15

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения.....20

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески.....25

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда.....28

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда.....32

Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры.....36

Таблица № 10. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Сводная хронологическая таблица.....40

ТОМ 3

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КАТАЛОГ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНО-РАВНИННОЙ ЧАСТИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ - АЛАНИЯ

Оглавление.....2
1. Эльхотовский могильник.....3
2. Николаевский могильник.....39
3. Змейский могильник.....51
4. Заманкульский могильник.....54
5. Комаровский могильник.....55
6. Моздокский могильник.....59
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....63

ВВЕДЕНИЕ

Предгорья Северного Кавказа в границах современной Республики Северная Осетия – Алания в эпоху поздней бронзы – раннего железа были населены племенами – носителями кобанской археологической культуры.

Располагаясь между «метрополией» (горная зона Центрального Кавказа) и соседними инокультурными массивами (степные племена юга Восточной Европы и культуры Северного Причерноморья) кобанские племена предгорно-равнинной зоны Северной Осетии, в определенной степени выступали в роли контактной среды между ними. С этим, а также с зонально-геогафическим фактором, связаны некоторые особенности материальной культуры памятников кобанской культуры рассматриваемого субрегиона.

В исследовании данного вопроса важную роль играют обширные материалы Эльхотовского некрополя кобанской культуры. Памятник открыт в 1996 г. отрядом археологических разведок Института истории и археологии РСО – А (начальник отряда В. Т. Чшиев). Раскопки памятника производились с 1996 по 2005 г. Эльхотовским отрядом Археологической экспедиции Института истории и археологии РСО – Алания, возглавляемым автором работы.

Также, в диссертации рассматриваются материалы остальных известных памятников предгорно-равнинной части РСО – А: Змейское, Среднеурухское, Комсомольское, Эльхоткомское, Гизельдонское, Карагасы-обау, Николаевское, Дур-Дур-5 (Кауат), Блин-Гора 1, Моздокское и Чернореченское поселения, а также артефакты Николаевского, Заманкульского, Моздокского, Змейского и Комаровского могильников.

Степень изученности проблемы и актуальность исследования

Выбор темы исследования обусловлен отсутствием обобщающих научных трудов по комплексному изучению памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии. В решении данного вопроса первостепенную роль играют обширные материалы Эльхотовского некрополя кобанской культуры. Памятник открыт в 1996 г. отрядом археологических разведок Института истории и археологии РСО – Алания (начальник отряда В. Т. Чшиев). Раскопки памятника производились с 1996 по 2005 г. Эльхотовским отрядом Археологической экспедиции Института истории и археологии РСО – Алания под руководством автора. Несмотря на перспективность в плане археологического исследования, планомерная работа по обобщению и анализу материалов памятников кобанской культуры рассматриваемого субрегиона ранее не проводилась, что предполагает актуальность исследования. Анализируемые и вводимые автором в научный оборот археологические материалы, позволяют заполнить лакуну, образовавшуюся для исследования памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа предгорий Северной Осетии.

Плодотворное исследование кобанской культуры началось со времени открытия в последней трети 19 века известного Верхнекобанского могильника, давшего название новой археологической культуре. Вскоре после открытия Верхнекобанского (Кобанского) могильника, начались работы по выявлению и изучению памятников новой самобытной культуры Кавказа. Огромную роль в этом процессе сыграла большая, часто подвижническая работа, проделанная учеными русской археологической школы – А. С. и П. С. Уваровыми, Г. Д. Филимоновым, В. И. Долбежевым, В. Б. Антоновичем, А. А. Бобринским и другими. Однако, основные вопросы изучения кобанской культуры были поставлены и стали успешно решаться уже в советскую и постсоветскую эпоху. Проблемы абсолютной и относительной хронологии, территории распространения, происхождения,

развития и позднейшей трансформации культуры, взаимоотношения племен кобанской культуры с культурами киммерийско-скифского мира и смежными кавказскими и закавказскими племенами, кобанское искусство и технология производств, эти, и многие другие вопросы стали предметом глубоких исследований таких ученых – археологов как А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, Б.А. Куфтин, А.П. Круглов, А.А. Миллер, О.А. Артамонова-Полтавцева, Б.В. Техов, А.Х. Сланов, В.И. Козенкова, О.М. Джапаридзе, Е.П. Алексеева, Р.М. Абрамишвили, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, И.М. Чеченов, Т.Б. Барцева, Н.Н. Терехова, С.Л. Дударев, Ю.Н. Воронов, В.Б. Ковалевская, В.В. Кривицкий, Л.Н. Панцхава, Я.В. Доманский, В.Г. Котович, О.М. Давудов, А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков, В.М. Батчаев, В.Г. Петренко, А.Б.Белинский, Г.Н.Вольная (Керцева), С.Райнхольд, Т.Н. Нераденко, Ю.А.Прокопенко и ряда других.

Подчеркнем, однако, что на фоне успешного научного исследования материалов кобанской культуры в целом, территория предгорной части Северной Осетии, резко выделялась слабым специальным исследованием. В 30 – гг. 20 в. А.А.Иессеном и Б.Б.Пиотровским были раскопаны 4 погребения Моздокского могильника. В 1954 г. В.П.Любиным было выявлено Верхнесанибанское (Гизельдонское) поселение; 1957 г. – Д.В.Деопиком и Е.И.Крупновым произведены раскопки Змейского поселения; 1965 гг. – В.А.Кузнецовым открыты Николаевское поселение и одноименный могильник. В 1970 г. им же раскопано одно погребение Заманкульского могильника. В 1970 г. Т.Б.Тургиевым были раскопаны 13 грунтовых погребений Николаевского могильника, выявленного ранее В.А.Кузнецовым. В этом же году М.П.Абрамовой были исследованы 10 погребений Комаровского могильника. В 2013 г. М.А.Бакушевым выявлен и исследован новейший Змейский могильник кобанской культуры. Работа с материалом памятника пока не завер-

шена и нами использованы в исследовании опубликованные данные 14 погребений могильника.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются культурно-исторические процессы, протекавшие в предскифский – раннескифский период в среде племен кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

Предметом исследования является общий свод известных и новых материалов погребальных и бытовых памятников кобанской археологической культуры IX – VI вв. до н.э., расположенных в предгорно-равнинной части Северной Осетии, главным образом, многочисленные материалы Эльхотовского могильника, на сегодня – эталонного среди памятников изучаемого региона.

Цели и задачи исследования

Основной **целью** исследования является формирование целостного представления о погребальном обряде и материальной культуре кобанских племен предгорно-равнинной зоны территории современной Северной Осетии – Алании. Это позволяет прояснить некоторые аспекты древней истории региона, выявленные на базе новейших археологических источников.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы и последовательно решены следующие **задачи:**

– систематизация и типологизация материалов Эльхотовского могильника;

– хронологическая дифференциация погребальных комплексов Эльхотовского могильника;

– периодизация материалов памятника;

– выявление и определение инокультурных влияний на кобанские племена, оставивших Эльхотовский могильник и другие памятники центрального варианта кобанской культуры рассматриваемого региона.

– составление базы данных (каталога) материалов кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

Методика исследования

Исследование основано на применении традиционных археологических **методов**: типологического, стратиграфического, картографического, планиграфического, метода аналогий, метода датирования закрытых комплексов, хронологизации. Также в исследовании были использованы метод многомерного статистического анализа и метод количественных характеристик.

Источниковедческая база

Источниковедческая база диссертационного исследования состоит из материалов, полученных в результате полевой археологической работы автора на памятниках предгорной части Северной Осетии в период с 1996 по 2012 гг., а также, известные к настоящему времени артефакты других археологических объектов рассматриваемого региона. В целом, это материалы 11 поселениий и 7 могильников предгорно-равнинной части Северной Осетии. В первую очередь, погребальные комплексы Эльхотовского некрополя. В частности, материалы 116 погребальных комплексов Эльхотовского, Николаевского, Змейского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников (Приложение 2). Кроме того, привлечены и рассматриваются артефакты Среднеурухского, Верхнесанибанского, Николаевского, Чернореченского поселений, Карагасы-обау, Блин-гора 1.

Также, привлечены материалы Национального музея РСО – А, Государственного Эрмитажа, Археологического музея СОГУ им. К. Л. Хетагурова, Государственного исторического музея, Венского музея Естественной истории. Бо′льшую часть источников, использовавшуюся в исследовании составляют материалы археологических отчетов, хранящиеся в Архиве Института Археологии РАН, Архиве рукописных фондов СОИГСИ

им. В. И. Абаева и Архиве Национального музея РСО – А, Института истории материальной культуры РАН. [1] К их анализу и интерпретации привлечены археологические материалы синхронных памятников Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация:

– восполняет существенный пробел в изучении памятников Северной Осетии эпохи поздней бронзы – раннего железа, и в целом, материалов центрального варианта кобанской культуры;

– на основе материалов Эльхотовского могильника, а также с привлечением всего корпуса доступных артефактов других памятников рассматриваемого субрегиона прослежены векторы контактов населения этого района с культурами сопредельных регионов в рассматриваемую эпоху;

---

[1] Абрамова, М.П. 1970. Отчет об археологических раскопках в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1970 г. – Владикавказ. Архив Национального музея РСО – А. Ф. 4, оп. 2, ед. хр. 18; Кузнецов, В.А. 1965. Отчет об археологической разведке в СОАССР, произведенной в сентябре 1965 г. – Владикавказ. Архив СОИГСИ. ОРФ, Ф. 6, оп. 1., д.67, а. 1965; Тургиев, Т.Б. 1971. Отчет об археологической разведке, проведенной со студентами СОГУ (май 1970 г.) – Орджоникидзе. 1971. Архив ИА РАН. Р-1, № 4902, 4902 а; Царикаева (Албегова), З.Х. 2006. Отчет об археологической разведке в Северной Осетии в 2005 г. Владикавказ, 2006. Архив ИА РАН. № 26240; Чшиев, В.[Х.]Т.1999. Отчет о раскопках в 1998 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 1999. Архив ИА РАН. № 22607; Чшиев, В.[Х.]Т. 2001 а. Отчет о раскопках в 2000 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2001. Архив ИА РАН. № 24364; Чшиев, В.[Х.]Т. 2003 а. Отчет о раскопках в 2002 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2003. Архив ИА РАН. № 22888.

– прослежена эволюция ряда артефактов памятника с IX в. до н.э. – по начало VII в. до н.э.;

– на основе анализа зафиксированных in situ материалов Эльхотовского могильника реконструирована оригинальная система женских украшений одежды и головного убора.

– основу исследования составляют впервые вводимые в широкий научный оборот материалы бытовых и погребальных памятников кобанской культуры предгорно – равнинной части Северной Осетии – Алании, главным среди которых является Эльхотовский могильник.

Практическая значимость работы

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при написании как обобщающих трудов по истории Северной Осетии – Алании, так и трудов по древней истории Кавказа, при подготовке спецкурсов, краеведческой и музейной работе, составлении археологических карт памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа Северного Кавказа.

Хронологические рамки работы ограничены, в основном, концом II – первой половиной I тыс. до н. э. В пределах этого времени рассматриваются материалы XI – конца VIII вв. до н.э. – эпоха «классической Кобани», это преимущественно памятники предгорий, и VII – VI вв. до н.э. – периода определенной трансформации кобанской культуры, прослеживаемой как по материалам предгорий, так и равнинной части Северной Осетии.

Географические рамки охватывают предгорно-равнинную часть Северного Кавказа в современных административных границах Республики Северная Осетия – Алания. Этот микрорегион, являясь частью локального центрального варианта кобанской культуры (северокавказская группа памятников), обнаруживает, некоторое своеобразие, в вещевом инвентаре и погребальном обряде в отличие от горной и южнокавказской группы памятников.

Научная значимость диссертации обусловлена тем, что всестороннее изучение одного из ключевых памятников центрального варианта кобанской культуры – Эльхотовского могильника, а также материалов других могильников и поселений предгорно-равнинной зоны Северной Осетии выявило своеобразие этой группы памятников в общем археологическом контексте центрального варианта Кобани, показало особую роль местных племен как контактной среды между населением горной зоны Центрального Кавказа, степными племенами юга Восточной Европы и Северного Причерноморья.

Впервые для погребальных объектов кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии на базе комплексов одного памятника – Эльхотовского могильника – создана типология, классификация и хронологическая шкала археологических древностей.

Личное участие автора в получении выводов диссертации Основные положения и выводы диссертационного исследования базируются на проведенном В. Т. Чшиевым комплексном анализе материалов памятников кобанской культуры предгорно–равнинной части Северной Осетии. Из которых наиболее информативным и полнее исследованным является Эльхотовский могильник. В должности начальника отряда автор производил археологические раскопки Эльхотовского могильника с 1996 по 2005 г., Николаевского могильника с 2011 по 2012 г. С 1997 по 2013 в ходе разведочных полевых работ автором были обследованы семь поселений кобанской культуры изучаемого региона (Карагасы-обау, Верхнесанибанское, Среднеурухское, Комсомольское, Николаевское, Блин-гора 1, Чернореченское). Соискатель самостоятельно работал с вещевыми коллекциями и архивными материалами (отчетами об археологических раскопках, фотоматериалами, рисунками, чертежами), хранящимися в фондах Национального музея РСО – Алания, Археологического музея СОГУ им. К.Л.Хетагурова, Государственного Эрмитажа, Института истории

материальной культуры РАН, Института Археологии РАН, Музея естественной истории в Вене.

Апробация результатов работ

Основные положения диссертационной работы отражены в 2 монографиях и 35 статьях, опубликованных автором, материалах региональных и международных научных конференций. Доклады о результатах работ автора заслушивались на заседаниях Отдела археологии Института истории и археологии РСО – А и на заседаниях группы археологии Кавказа ИА РАН.

Положения, выносимые на защиту

В итоге проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. В начале I тыс. до н.э. племена – носители кобанской культуры предгорной части современной территории Северной Осетии находились в весьма благоприятных географических, климатических и политических условиях, что обусловило активное возникновение развитие, а также, распространение их поселений в данном регионе. Но уже в начале – середине VII в. до н.э. жизнь на части поселений кобанской культуры предгорной части Северной Осетии прекращается в связи с изменением политической обстановки в регионе.

2. Располагаясь между «метрополией» (горная зона Центрального Кавказа) и соседними инокультурными массивами (степные племена юга России и Северного Причерноморья) кобанские племена предгорной части Северной Осетии в начале – первой трети I тыс. до н.э., в определенной степени выступают в роли контактной среды между названными регионами. Превалирует, преимущественно, мирный характер контактов между ними в начале – первой трети I тыс. до н.э.

3. Некоторые особенности материальной культуры кобанских памятников предгорий Северной Осетии в IX – VI вв. до н.э., также свидетельствуют,

что оставившие их племена выступали в качестве буферной, контактной зоны со степным населением юга Восточной Европы, Северного Причерноморья.

4. На основе использования методики многомерного статистического анализа материалов Эльхотовского могильника автором разработана хронология погребений памятника как базового для других синхронных некрополей. В рамках общей датировки могильника IX в. до н.э. – начало VII в. до н.э. выделены 3 хронологические группы погребений: – IX в. до н.э., VIII в. до н.э., начала VII в. до н.э.

5. Проведенная автором типологическая классификация вещевого материала Эльхотовского могильника, с привлечением аналогий, позволила проследить трансформацию ряда артефактов памятника с IX в. до н.э. – по начало VII в. до н.э.

6. На основе материалов Эльхотовского могильника, а также, с использованием в работе всего корпуса доступных артефактов других памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии, удалось проследить конкретные направления контактов и связей населения этого района с культурами сопредельных регионов в рассматриваемую эпоху. Установлена интенсивность контактов между носителями кобанской археологической культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии и племенами Нижнего Подонья, Северного Причерноморья, а также с населением западного и восточного вариантов Кобани.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, альбома иллюстраций (63 рисунков, карт, чертежей) и двух приложений. Приложение № 1 состоит из 10 таблиц отражающих статистический и хронологический анализ погребений и вещевого инвентаря Эльхотов-

ского могильника. Приложение № 2 составляет корпус погребальных комплексов Эльхотовского и других, известных на сегодня, могильников предгорий РСО – А (материал 116 погребальных комплексов на 167 стр.).

ГЛАВА 1. ПАМЯТНИКИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНО- РАВНИННОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

1.1. Особенности географии и природных условий предгорной зоны Северной Осетии. Географическое расположение памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии

В главе рассматриваются памятники предгорно-равнинной части Северной Осетии, их географическое расположение, особенности природных условий и рельеф местности региона. Бо´льшая часть этих археологических объектов тяготеет к реке Терек (9), остальные – к его притокам.

В настоящей главе рассматриваются, также, три притеречных памятника кобанской культуры равнинной части Северной Осетии - Алании, связанные общностью исторического развития с предгорными. Это Комаровский и Моздокский могильники и Моздокское поселение

Предгорная зона Северной Осетии охватывает северные склоны Кабардино-Сунженского хребта, прилегающие к нему равнинные области с севера и северные отроги Лесистого хребта на юге. Между этими относительно невысокими горными высотами (600–1100 м над уровнем моря), протянувшимися в широтном направлении, находится Северо – Осетинская наклонная равнина, занимающая центральную часть рассматриваемой зоны, и Силтанукская возвышенность – на западе. Часть Сунженского (Кабардино – Сунженского) хребта от р. Урух до р. Терек, носит название Змейского, с вершиной Дзагебардз (высота – 725 м над уровнем моря). Сунженский хребет сложен песчаниками, глинами, конгломератами, галечниками палеогенового и неогенового и четвертичного возраста. Такой состав горных пород предопре-

делил мягкие контуры хребта. Только местами он приобретает более резкий низкогорный облик с острыми вершинами и крутыми склонами, прорезанными балками и глубокими оврагами. Высшей точкой хребта является гора Заманкул – 926 м. Лесистый хребет сильно расчленен долинами на отдельные части, местами он денудирован и поэтому менее резко выражен в рельефе. Очертания его вершин мягки, склоны сравнительно пологи. В восточной части хребет более высок. Здесь выделяются вершины: Рухс – дзуар – 1170 м, Лысая – 1038 м, Тарская – 1240 м, Кажчибос (Медвежий гай) – 1265 м. Сложен хребет породами палеогенового и неогенового возраста (Будун, 1989, с. 8).

Силтанукская возвышенность заключена между Змейскими горами и Лесистым хребтом. На востоке она обрывается террасой высотой 35 м к реке Дур-Дур. Силтанукская возвышенность и плато Цалык в целом относятся к Северо – Осетинской наклонной равнине. В северо – восточной части рассматриваемой зоны также находится небольшое поднятие – Цалыкское плато. Плато Цалык расположено между Сунженским хр. и Ачалукским горным узлом, на юге ограниченно долиной р. Камбилеевка. Это широковолнистая наклонная на юго–юго – запад равнина.

Северо – Осетинская наклонная равнина с юга ограничена Лесистым, с севера – Сунженским хребтами. Равнина образовалась на месте древнего предгорного прогиба. Поверхность ее имеет общий наклон от подножья Лесистого хр. (700 м) на северо-запад – к Эльхотовскому прорыву (380 м над уровнем моря). Эльхотовский прорыв (Эльхотовские ворота) представляет собой короткое ущелье, пробитое р. Терек в Сунженском хребте (Будун, 1989, с. 11–12).

Таким образом, с севера, запада, юга и, частично, с северо-востока, рассматриваемая зона прикрыта невысокими горными хребтами или плоскогорными возвышенностями, в которых имеются два значительных прорыва,

произведенных реками Терек и Урух. В целом, внутренняя часть зоны имеет вид котловины. С севера на юг это пространство имеет в длину около 70 км, с востока на запад – около 100 км. Вся эта территория прорезана в направлении с юга на север и северо-запад р. Терек и ее многочисленными притоками. По выходе из горных ущелий речные долины имеют по берегам 3–4 террасы, высота уступов которых быстро снижается по течению рек. С востока на запад наиболее существенными речными системами, протекающими по предгорной зоне Республики, являются реки Сунжа, Камбилеевка, Терек, Черная, Гизельдон, Фиагдон, Ардон, Урсдон, Дур-Дур, Урух, Хазнидон, Лескен.

В связи с такими особенностями предгорий Северной Осетии – Алании, климатические условия здесь определяются не только радиационными и циркуляционными условиями, характерными для данных широт умеренного пояса, но и орографическими особенностями горной системы Большого Кавказа (Климат, 2002, с. 6). Климат в пределах распространения ландшафта, характерного для данной зоны, формируется под влиянием процессов, протекающих в южной части умеренного климатического пояса, и характеризуется наиболее высокими температурами воздуха и относительно небольшим количеством осадков по сравнению с другими районами республики.

Таким образом, по влагообеспеченности вегетационного периода предгорная зона заметно отличается от соседних, близких в зональном плане территорий в положительную сторону (Климат, 2002, табл. 166).

Значительная часть предгорий была покрыта в древности широколиственными и, в меньшей степени, хвойными, лесами. Лесные массивы кроме воздействия на климат, создают также производственную базу для таких промыслов как охота, пчеловодство. В предгорной зоне представлены такие виды животных как косуля, кабан, медведь, волк, лисица, шакал, перепел и др. В древности количество видов животных в предгорьях и лесной горной зоне было более многочисленным. Так, в указанном районе еще 300 лет на-

зад, кроме перечисленных животных, были распространены благородные олени, зубры, переднеазиатский леопард и др. Все виды этого бестиария, были широко представлены в кобанском искусстве, где имеется большое количество изображений лесных животных охотничьих видов, а также рыб и птиц.

Существенно расширяет близость леса и животноводческую базу, создавая дополнительные возможности для выпаса рогатого скота и свиноводства, сенокошения, сбора лекарственных и пищевых трав, ягод, орехов, использования древесины. Зональное климатическое районирование определяет растительный покров и его вегетативные периоды, что в свою очередь связано со становлением и развитием яйлажного скотоводства, зимними и летними пастбищами, скотопрогонными трассами, игравшими исключительно важную роль в жизнедеятельности древних племен. Разветвленная речная система предгорной зоны создает весьма благоприятные условия для рыболовства. Так, имеются многочисленные свидетельства того, что еще вплоть до конца 19 века в Тереке и его притоках в больших количествах добывали такие ценные виды рыбы как лосось, севрюга, осетр, усач, сом, сазан, жерех, плотва, голавль и др. Не случайно в кобанском искусстве широко распространены изображения рыб.

Представленный геоклиматический обзор является правомерным, поскольку климатические условия и ландшафт здесь, со времени бытования кобанских памятников, не отличается большими изменениями. Так, известный знаток кавказских древностей Е.И. Крупнов полагал, что «В целом же происшедшие на протяжении 2–3 тысяч лет изменения в природных условиях края все же не столь существенны и не могут поколебать уверенности в том, что при изучении истории общества Северного Кавказа 1 тысячелетия до н. э. мы вправе учитывать и современную географическую обстановку» (Крупнов, 1960, с. 23). Последнее тем более вероятно, что рассматриваемая зона пред-

ставляет собой, в определенной степени котловину (или как ее называли раньше в географических путеводителях – Владикавказскую котловину) (Газданова, 1927, с. 43), что делало ее более консервативной в климатическом отношении и более независимой от изменений климата и растительного покрова, чем, к примеру, близкие к ней территориально, северные открытые степные области.

Последнее подтверждается, также, новейшими исследованиями климата Северного Кавказа, основанными на палеопочвенных, палинологических данных. По данным группы исследователей Ставропольского центра «Наследие»: «Время максимальной аридизации климата (Северного Кавказа – *авт.*) можно отнести к периоду 2600–2400 ВС. В период 2450–2200 ВС климат изменился на более влажный» (Александровский, Белинский, Калмыков, Кореневский, Ван дер Плихт, 2001, с. 140). «Наконец, эпоха позднего бронзового века … (по палеопочвенным данным Большого Ипатовского кургана на северной окраине Ставропольской возвышенности) … связана с периодом SB 3, характеризующимся здесь еще большим увлажнением, чем в период SB 2» (Александровский, Белинский, Калмыков, Кореневский, Ван дер Плихт, 2001, с. 142). Еще более показательны исследования подобного рода, также, недавно проведенные в Центральном Предкавказье и непосредственно на территории Северной Осетии - Алании. Они подтверждают сходство климата предгорной зоны Северной Осетии в древности и в настоящий момент, как и сходство климата в степном районе Северного Кавказа ранее и сейчас (Спиридонова, Алешинская, Кореневский, Ростунов, 2001).

Палинологическими данными подтверждается также, что степной ландшафт в древности простирался до северных подножий Сунженского хр., сменяясь, здесь, и далее – в сторону Осетинской наклонной равнины – лесистыми зонами, более влажным климатом и плодородной почвой. «Более высокое участие пыльцы древесных пород в палинологических спектрах Осетии

– один из признаков, отличающий ландшафт исследуемой территории (район с. Заманкул и Брут, т. е. – южные склоны Сунженского хребта и прилегающая территория – *авт.*), от степей в районе современной ст. Галюгаевской. Это неудивительно, так как различия проявлялись и в почвенном покрове Осетинской равнины (черноземы в междуречьях) и западной части Прикаспийской низменности (каштановые почвы)» (Спиридонова, Алешинская, Кореневский, Ростунов, 2001, с. 161).

Таким образом, можно сделать вывод, что предгорная зона Северной Осетии – Алании в древности, в частности в интересующую нас эпоху – конец поздней бронзы – начало раннего железа, собственно как и сейчас, является территорией значительно более благоприятной для хозяйственной деятельности человека, чем прилегающие к ней, например, с севера и северо-востока степные районы. Более благоприятен этот субрегион, в данном смысле, и по сравнению с районами, расположенными к югу от предгорий, занимающими высокогорные отроги Скалистого и Пастбищного хребтов горной системы Большого Кавказа, что показывает не только ее перспективность для заселения в древности, но и свидетельствует о ее важности для системы жизнеобеспечения древних племен.

Известные на данный момент памятники кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии тяготеют, как правило, к Кабардино – Сунженскому и Лесистому хребтам. Часть из них (Среднеурухское, Комсомольское, Змейское поселения) располагаются на северо-западных отрогах Кабардино – Сунженского хребта и прилегающей к ним территории. Другие памятники (могильники у с. Заманкул, Николаевская, Эльхотово, поселение Дур-Дур-3) расположены на южных и юго-восточных отрогах хребта или вблизи них. Несколько отличается своим расположением Эльхотовский могильник. По-

следний расположен почти в центре Кабардино-Сунженского хребта, в ущелье, прорезанном в нем р. Терек в меридиональном направлении.

В целом можно сказать, что рассматриваемая территория является зоной среднего течения р. Терек и его притоков – Гизельдона, Фиагдона, Уруха, Ардона, и других более мелких. Основные из этих водных артерий Терека, образуя достаточно протяженные ущелья, от своих истоков до устья, создают наиболее крупные исторические общества средневековой и современной Северной Осетии – Дигорское (Урух), Тагаурское (Терек, Гизельдон), Куртатинское (Фиагдон), Алагирское и Туалгом (Ардон и его притоки). Несмотря на некую обособленность этих обществ, определяемую географическими особенностями горных ущелий, все эти социо – территориальные единицы в 18–19 вв., как и в более позднее время, были тесно связаны друг с другом большим числом коммуникаций – пеших, вьючных, аробных дорог и перевалов, протянувшихся как в продольном (С–Ю), так и в поперечном (В–З) от ущелий направлении. Представляется вероятным, что эта система связей между ущельями, использующаяся и сегодня, в эпоху поздней бронзы – раннего железа функционировала так же интенсивно.

Таким образом, представляется вероятным, что основные показатели климата Северной Осетии, а также система социо-коммуникативных взаимоотношений здесь, зависящая исторически от рельефа и особенностей ландшафта, сохраняет в основном, те же черты, которые были присущи данной территории в эпоху раннего железного века.

Вероятно, эти особенности ландшафта предгорной части Северной Осетии, а также, географическое соседство кобанского населения этого микрорегиона с племенами восточного и западного вариантов культуры, а также, с северными и северо-западными соседями – степным населением юга России и Северного Причерноморья, определили некоторое своеобразие погре-

бальных сооружений, обряда, и, отчасти, ряда предметов материальной культуры предгорных памятников Кобани Северной Осетии.

В частности, погребальные сооружения кобанских могильников рассматриваемого региона представлены грунтовыми прямоугольными и овальными ямами. В одном случае, в некрополе у ст. Николаевская, перекрывавшимися в верхней части валунами. Лишь в одном погребении рассматриваемого региона, у с. Заманкул, погребальное сооружение составлено из каменного ящика, что характерно для горных могильников кобанской культуры РСО – Алания. Однако, необходимо отметить, что это погребение датируется более поздним временем (6 в. до н.э.), чем остальные известные захоронения предгорной зоны Северной Осетии (Змейский, Николаевский, Эльхотовский могильники, общее суммарное количество погребений которых составляет 85).

В обряде эти особенности отмечены наличием охры в погребениях Эльхотовского могильника, зафиксированной в 4 случаях, что составляет 6,7 % от числа всех захоронений памятника. Отметим, также, что часть погребений могильника ограблена и потревожена, и, гипотетически, количество могил с этим элементом обряда могло быть больше. Эта деталь обряда не известна нам в захоронениях горных памятников кобанской культуры РСО – А.

Наконец, особенностью кобанских могильников предскифского времени предгорной части Северной Осетии, в отличие от погребальных объектов известных в горах РСО – А, является большое число погребений содержавших заупокойую пищу из частей туш барана (Эльхотово, Николаевская). Примечательно, что по этой детали обряда предгорные памятники кобанской культуры, обнаруживают тесную связь с равнинными притеречными (Моздок, Комарово). В Эльхотово этот признак присутствовал в 24 погребениях, что составляет 40,6 % от числа всех захоронений, в Комарово в 3-х из 10-ти

погребений (33%). Из 8-ми раскопанных нами в Николаевском могильнике погребений, два содержали кости барана (50 %).

Некоторое своеобразие предгорных памятников заметно и в погребальном инвентаре, отмеченном присутствием как западно – и восточнокобанских, так и «степных» типов предметов, что связано, вероятно, с более активными контактами населения этого субрегиона с носителями восточного и западного вариантов кобанской культуры, а также, с северными и северо-западными соседями. Это биконическая керамика восточнокобанского и сосуд с семечковидным/ногтевым орнаметом западнокобанского типов (Эльхотово), костяные и бронзовые наконечники стрел «степных» типов (Эльхотово, Змейская, Комарово), костяная с заостренными концами и каменная овальная с рифлением застежки (Комарово, Эльхотово), стержневидный оселок (Эльхотово), керамическая овальная плошка белозерского типа (Комсомольское), костяное украшение сбруи в «скифском зверином стиле» (Комарово), костяной псалий белозерского типа (Змейская), костяная «каплевидная» привеска белозерского типа (Эльхотово).

1.2. Историография исследования памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

Кобанская археологическая культура получила свое название от с. Верхний Кобан Тагаурского общества Северной Осетии, близ которого в 1869 г. был открыт обширный некрополь, который стал известен позднее в научных кругах под названием «Уалла Кобан», «Верхнекобанский могильник», «Кобанский могильник». Первые разрозненные находки предметов археологической культуры, названной впоследствии кобанской, были сделаны в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарии, в районе р. Аргун в Чечне и близ с. Казбеги, в середине – последней трети 19 века. (Филимонов, 1878, с. 33–34).

В отличие от этих отдельных находок, смытые весенним разливом р. Гизельдон в 1869 г. многочисленные великолепные по исполнению бронзовые предметы из Верхнего Кобана, сразу привлекли к себе внимание многих исследователей. А в 1881 г., эти предметы были представлены вниманию делегатов V Всероссийского Археологического съезда, проходившего в Тифлисе, после чего материалы кобанской культуры стали активно входить в научный оборот российской и мировой археологической науки.

Вскоре после открытия Верхнекобанского могильника начались работы по выявлению и изучению памятников новой самобытной культуры Кавказа. Огромную роль в этом процессе сыграла большая, часто подвижническая работа, проделанная учеными русской археологической школы – Алексеем Сергеевичем и Прасковьей Сергеевной Уваровыми, Георгием Дмитриевичем Филимоновым, Василием Ивановичем Долбежевым, Владимиром Бонифациевичем Антоновичем, Александром Алексеевичем Бобринским и другими (Уваров, 1887; Уварова, 1900; Антонович, 1882; Филимонов, 1878; Долбежев, 1888; Миллер, 1888).

В 1900 г. увидела свет монография почетного члена Московского археологического общества графини П. С. Уваровой «Могильники Северного Кавказа». Монография была итогом четвертьвековой истории изучения археологии Северного Кавказа и первым крупным изданием о кобанской культуре на русском языке. Используя результаты трудов Георгия Дмитриевича Филимонова, Владимира Бонифациевича Антоновича, Константина Ивановича Ольшевского, Эрнста Шантра, Рудольфа Вихрова, Александра Алексеевичеа Бобринского, Василия Ивановича Долбежева и многих других, а главное – результаты своих и А. С. Уварова разведок и раскопок, П.С. Уварова впервые опубликовала обширные материалы по археологии поздней бронзы – раннего железа Северного Кавказа и отчасти, Закавказья. В этом же издании ею был опубликован большой фактологический материал из Верхнекобанского могильника. Кроме подробных описаний памятников, предметов археологии, их анализа, публикации в этом труде великолепных иллюстраций – рисунков, литографий, фотографий, Прасковья Сергеевна предложила в нем и свою датировку кобанской культуры, а также установила типологию одного из главных атрибутов культуры – кобанского парадно-боевого бронзового топора.

Однако, основные вопросы изучения кобанской культуры были поставлены и стали успешно решаться уже в советскую и постсоветскую эпоху. Проблемы абсолютной и относительной хронологии, территории распространения, происхождения, развития и позднейшей трансформации культуры, взаимоотношения племен кобанской культуры с культурами киммерийско-скифского мира и смежными кавказскими и закавказскими племенами, кобанское искусство и технология производств, эти, и многие другие вопросы стали предметом глубоких исследований таких ученых – археологов как А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, Б.А. Куфтин, А.П. Круглов, А.А. Миллер, О.А. Артамонова-Полтавцева, Б.В. Техов, А.Х. Сланов, В.И.

Козенкова, О.М. Джапаридзе, Е.П. Алексеева, Р.М. Абрамишвили, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, И.М. Чеченов, Т.Б. Барцева, Н.Н. Терехова, С.Л. Дударев, Ю.Н. Воронов, В.Б. Ковалевская, В.В. Кривицкий, Л.Н. Панцхава, Я.В. Доманский, В.Г. Котович, О.М. Давудов, А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков, В.М. Батчаев, В.Г. Петренко, А.Б.Белинский, Г.Н.Вольная (Керцева), Т.Н. Нераденко, Ю.А.Прокопенко и ряда других.

Так, в 1930–1950-е гг. вопросы кобанской культуры разрабатывались представителями советской школы исследователей в лице А. А. Иессена, Е.И. Крупнова, А.П. Круглова, А.А.Миллера, О.А. Артамоновой-Полтавцевой, Е.П. Алексеевой, Б. В. Техова. В частности, в трудах Александра Александровича Иессена большое внимание уделено вопросам металлургии древних племен Северного Кавказа, появлению и развитию уздечных наборов «новочеркасского типа», рассмотрены проблемы культурных связей Северного Причерноморья и Предкавказья с Балканским полуостровом и Эгеидой, Приуральем, Ираном. Исследования А.А. Иессена имеют важное значение для периодизации и хронологии кавказских материалов эпохи ранней и средней бронзы. Исследователь впервые в кавказоведении вводит в своих трудах понятие «металлургический очаг», обосновывает самостоятельность развития Прикубанского и Кобанского металлургических очагов, рассматривает вопросы взаимоотношений кавказских племен с племенами киммерийцев и скифов Украины и Предкавказья, связи Кавказа с древними культурами Передней Азии и Ближнего Востока. В 1933 – 36 гг. А.А. Иессеном, совместно с Б.Б.Пиотровским, был выявлен и исследован Моздокский могильник – важный памятник предгорно-равнинной зоны центрального варианта кобанской культуры (Иессен, 1935; 1941; 1951; 1953; 1954; 1956).

Труды Андрея Павловича Круглова посвящены изучению археологических памятников Северо-Восточного и Северо - Западного Кавказа эпохи энеолита, ранней и средней бронзы, раннего железа (Каякент, Джемикент,

Хорочой, Белгатой, Дарго, Долинское поселение, Нальчикский могильник и др.). Особое внимание А.П.Круглов уделял древнейшим оседлым земледельческо-скотоводческим бытовым памятникам региона эпохи III – II тыс. до н.э. А.П.Круглов стоял у истоков исследования каякентско – хорочоевской археологической культуры, внёс большой вклад в исследование ее генезиса и развития. Также, в работе ученого рассмотрены предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа, в частности раскопанный им могильник у с. Хорочой (Круглов, 1937; 1941; 1956; 1958; Круглов, Подгаецкий, 1941).

Александру Александровичу Миллеру принадлежит важная роль по организации в ГАИМК в 1923 г. специальной Северо-Кавказской археологической экспедиции. Под руководством А.А. Миллера экспедиция осуществила важные исследования на территории Кабардино – Балкарии. В частности были исследованы такие памятники эпохи энеолита и бронзы как Агубековское поселение, Нальчикский могильник, Долинское поселение. В работах А.А. Миллера обобщается опыт археологического изучения древностей Северного Кавказа, преимущественно, его западной части, ставятся и решаются проблемы исторической характеристики местных памятников материальной культуры, их датировки и периодизации (Миллер, 1932; 1933).

Важнейшее значение в деле открытия, изучения, интерпретации древностей Северного Кавказа занимают труды Евгения Игнатьевича Крупнова (Крупнов, 1940; 1948; 1951 а; 1951 б; 1952; 1957; 1960; 1965; 1969; Деопик, Крупнов, 1961). В 1960 г. вышла в свет монография Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», которая является наиболее всеобъемлющим, после работы П.С. Уваровой 1900 г., обобщающим изданием, посвященным археологии Северного Кавказа, и в первую очередь, кобанской культуре. В книгу вошли не только материалы, полученные в процессе раскопок самого Е.И. Крупнова, в том числе такого интересного памятника как Змейское поселение, но и весь пласт накопленного к концу 1950-х – началу 1960-х гг. ма-

териала по кобанской культуры. Е.И. Крупнову принадлежит и первая наиболее обоснованная схема разделения ареала кобанской культуры на локальные варианты и группы. В этом же труде Е.И. Крупновым была предложена наиболее проработанная и обоснованная хронология и периодизация кобанской археологической культуры. Впервые Е.И. Крупновым были введены в научный оборот материалы многих новых памятников, проведен анализ добытого материала. Была предложена картография памятников не только кобанской культуры, но и важных для сравнения других археологических объектов – курганов, могильников и т. д. Это обобщающее исследование стало базовым для многих последующих поколений исследователей кобанской культуры. В контексте нашего исследования, важно то, что это был один из немногочисленных трудов, в котором были представлены и подвергнуты исследованию *некоторые памятники кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии.*

В 1950-е годы начинается плодотворная работа в сфере кобанской археологии Б. В. Техова. Багратом Виссарионовичем были проведены масштабные раскопки уникального по богатству источников Тлийского могильника кобанской культуры в Республике Южная Осетия, а также некоторых других памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа, расположенных на южных склонах Главного Кавказского хребта. В опубликованных по материалам раскопок обобщающих многочисленных научных трудах, Б.В. Теховым были проработаны вопросы, связанные с характеристикой материалов кобанской культуры на территории Республики Южная Осетия, их датировкой и периодизацией. Существенное место в трудах Б.В. Техова отведено, также, проблемам культурной атрибуции югоосетинских материалов эпохи поздней бронзы – раннего железа и этноязыковой принадлежности оставивших их племен. Одна из основных заслуг исследователя состоит в том, что он доказал единство материалов Тли и Кобани, составляющих, таким образом,

памятники северной и южной групп кобанской культуры (Техов 1957; 1974; 1977; 1981; 1985; 1988; 1996; 2000; 2001; 2002; 2006).

В работе Ольги Антоновны Артамоновой-Полтавцевой «Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период» были рассмотрены и обобщены материалы памятников Чечни и Дагестана эпохи раннего железа. В частности исследовательницей были интерпретированы и введены в научный оборот материалы могильников Исти – Су, Ани – Ирзо и Байси – Ирзо (Артамонова-Полтавцева, 1950).

В трудах Евгении Павловны Алексеевой рассматриваются проблемы трансформации кобанской культуры Центрального Кавказа в позднейший период ее бытования, освящаются вопросы этнической и социально-экономической истории древнего и средневекового населения Северо-Западного Кавказа (Алексеева, 1949; 1971). В частности ее работа «Позднекобанская культура Центрального Кавказа», до сих пор остается единственным специальным крупным исследованием, посвященным проблемам изучения последнего этапа бытования кобанской культуры Кавказа (Алексеева, 1949).

Важнейшим этапом в исследовании интересующего нас субрегиона – предгорий Северной Осетии – Алании, являются фундаментальные археологические исследования на территории предгорных районов Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа д. и. н. Валентины Ивановны Козенковой. Благодаря 50-летней научно-полевой работе ею была развита, вслед за Е.И. Крупновым, научная база концепции ареального членения кобанской культуры, важное место в которой занимала версия именно вертикального и географического единства памятников в рамках одной культуры. На основе этих исследований были сделаны важные авторские выводы о существовании специализации в металлообработке кобанских племен, выявлены осо-

бенности скотоводства и земледелия в разных природных зонах (Козенкова, 1969; 1977а; 1977б; 1981а, 1981б; 1982; 1989а; 1989б; 1996; 2008; 2013; 2016).

Благодаря раскопкам и научному анализу, В.И. Козенковой получены и интерпретированы материалы таких особо важных археологических памятников как Сержень-Юртовский комплекс (могильник и поселение), изучены яркие материалы Пседахского и Кескемского могильников, Бамутского поселения, Терезинского могильника, и других памятников. В её Сводах по археологии кобанской культуры, были детально исследованы топография поселений, формы и конструкция жилищ, сыгравшие важную роль в исследовании социальной структуры и элементов хозяйственной деятельности кобанских племен (Козенкова, 1977 б; 1989 а). В результате исследований В.И.Козенковой был прояснен принципиальный вопрос о западной границе ареала кобанской культуры, что повлекло за собой пересмотр гипотезы А.А.Иессена о соотношении Кобанского и Прикубанского очагов металлообработки в конце II-го тыс. до н.э. Впервые более конкретно был поставлен важный вопрос о связях племен кобанской культуры с культурами карпато-трансильванского и северо-причерноморского регионов. (Козенкова, 1981 а, с. 37–41; Аптекарев, Козенкова, 1986). С 1970-х годов выходят в свет несколько фундаментальных трудов В.И. Козенковой по систематизации, в которых впервые был проанализирован и классифицирован весь накопленный к концу 1990-х гг. огромный пласт материалов восточного и западного вариантов кобанской культуры. Материалы культуры, вышедшие в качестве Сводов археологических источников стали базовыми исследованиями по археологии Северного Кавказа. В этих трудах В.И. Козенковой была проведена большая работа по типологической классификации, хронологии и периодизации материалов кобанской культуры (Козенкова, 1977 б; 1982 а; 1989 а; 1989 б; 1995; 1996; 1998; 2001; 2002; 2004).

В.И. Козенковой была уточнена на основе новых материалов схема локального районирования кобанской культуры Е.И. Крупнова (Козенкова, 1981 а; 1989 б, с. 252–263; 1996, с. 62; 2007; 2008, с. 69). Предложенная Е.И.Крупновым трехчастная схема локальных вариантов кобанской культуры опиралась на выделенные им определенные особенности групп памятников в погребальном обряде, керамике и, отчасти, бронзовом инвентаре. Это Западная группа (Кабардино – Пятигорская), Центральная (Северо – Осетинская) и Восточная (Грозненская) (Крупнов, 1960, вклейка на с. 137). Эта схема, как отмечалось выше, была доработана, преимущественно в части уточнения границ вариантов культуры, В.И.Козенковой в ряде работ (1981 а; 1982 в; 1989 а; 1989 б; 2008). Для выделения локальных вариантов В.И.Козенкова, также выбрала такие критерии как особенности в обряде и керамике, преимущественно, в последней. Дополнительно, исследователь опиралась на некоторые предпочтения в орнаментике керамики, выделенные ею для разных вариантов (Козенкова, 1981 а, с. 35, рис. 3). Кроме того, в рамках центрального варианта культуры В.И.Козенкова выделила две группы – А – северокавказскую и Б – южнокавказскую.

В работах, вышедших в 1970-е – 1980-е гг., вопросам истории Центрального Предкавказья и, в частности, кобанской культуре, большое внимание уделено в трудах В.Б. Ковалевской и М.П. Абрамовой. Так, если в работах Веры Борисовны Ковалевской, касающихся раннежелезной эпохи Северного Кавказа внимание уделено больше проблемам взаимоотношений скифов и населению кобанской культуры, то в трудах Майи Павловны Абрамовой уточнены границы вариантов кобанской культуры, а также, рассматривается роль сарматов в «сложении культур Центрального Предкавказья» в позднекобанскую эпоху (Ковалевская, 1984; 1980; 1988; 2005; Ковалевская, Козенкова, 2008; Абрамова, 1970; 1974; 1988; 1999). В частности, исследованные и введенные в научный оборот М.П.Абрамовой материалы Комаровского мо-

гильника в Моздокском районе РСО – Алания, послужили ей основанием для отнесения этого памятника, а также Моздокского могильника и одноименного поселения, к центральному варианту кобанской культуры. Отметим, что Е.И.Крупнов относил Моздокский могильник и поселение к восточной (Грозненской) группе памятников. В то время, как А.П.Мошинский и А.Ю.Скаков, упомянутые кобанские памятники из Моздокского района относят к западному варианту культуры (Мошинский, Скаков, 2000, с. 206 – 212).

С 1960-х годов, и во все последующие годы, активная полевая и научно-аналитическая работа проводилась, преимущественно, на территории восточного и западного вариантов кобанской культуры. В первую очередь это связано с трудами В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, Т.Н. Нераденко, А.Б. Белинского (Виноградов, 1972; 1973; 1974; 1976; Виноградов, Дударев 2003; Виноградов, Дударев, Рунич 1980; Дударев, 1991а; 1995; 1999; 2004; 2005; Нераденко, 1986; 1988; Нераденко, Дударев, 1997; Белинский, 1990; 2011; Белинский, Вальчак, 1998; Белинский, Дударев, 2001 а; 2001 б; 2007).

Наибольшее значение в деле изучения памятников кобанской культуры восточного варианта, взаимоотношений кобанских племен с кочевыми культурами эпохи поздней бронзы-раннего железа, имела экспедиционная и исследовательская деятельность Виталия Борисовича Виноградова и Сергея Леонидовича Дударева. В результате экспедиционной деятельности Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ им. Л.Н. Толстого возглавлявшейся В.Б. Виноградовым, в 70-е – 90-е гг. прошлого века на территории Чечни и Ингушетии были открыты и изучены десятки археологических памятников (Виноградов, 1963, 1972; 1973; 1974; 1976; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980; Виноградов, Дударев, 2003; Виноградов, Махортых, 1996). В числе этих памятников открыто большое количество объектов кочевнических культур – скифов и сарматов, а также материалов восточного

варианта кобанской культуры. Среди этих источников оказались материалы смешанного типа, иллюстрирующие трансформацию местных культур под инокультурным влиянием.

В. Б. Виноградов не обошел вниманием и вопрос о локальных вариантах кобанской культуры. Он также разделил ареал Кобани на три варианта: – Пятигорский, Центрально – Кавказский и Предкавказский. По мнению В. Б. Виноградова, разделенном И.М.Чеченовым, в ареальном членении культуры важную роль играет зональный географический фактор, на основе которого он выделял горные и плоскостные, равнинные группы памятников (Виноградов, 1972, с. 103, 234 – 248, 386, рис. 70; Чеченов, 1974, с. 14 - 51). В скифское время, для выделяемого В. Б. Виноградовым «центральнокавказского» варианта, исследователь считал особенно характерным признаком использование валунов в устройстве погребальных сооружений (Виноградов, 1972, с. 210).

В отличие от вышеприведенных концепций локальных вариантов Кобани, Юрий Николаевич Воронов в разработанной им схеме отказался от таких признаков как погребальные сооружения, обряд и керамический комплекс. В рамках «колхидо-кобанской этнокультурной общности» исследователь, опираясь в качестве критерия выделения отдельных групп памятников на «металлургическую продукцию» вычленил 12 локальных вариантов (Воронов, 1984, с. 10). «В Закавказье – Центрально-Колхидский, Северо-Колхидский, Южно-Колхидский, Юго-Восточнопричерноморский, Рача-Лечхумо-Сванетский, Тлийский и Самтавро-Триалетский, а на Северном Кавказе – Центрально-Кобанский, Восточно-Кобанский, Западно-Кобанский, Верхне-Кобанский и Северо-восточнопричерноморский». Отличия этих вариантов Ю.Н. Воронов связывал с различием природных условий, хозяйственной специализации выделенных групп памятников «и сложной системой перекрестных влияний со стороны синхронных культур Северного Причер-

номорья, Восточного Закавказья и Малой Азии» (Воронов, 1984, с. 8-10; 1978, с. 14).

Большим вкладом в решении вопросов связанных с историческими судьбами северокавказских племен эпохи поздней бронзы – раннего железа являются научные работы С. Л. Дударева (Дударев, 1976; 1977; 1979; 1977; 1981; 1983; 1986; 1987; 1991 а; 1991 б; 1995; 1999, 2004; 2005 и др.). Одним из итогов многолетних исследований ученого стала его концепция взаимоотношений автохтонных племен Северного Кавказа и кочевников – номадов в предскифский – раннескифский периоды, основанная, в том числе на анализе археологических материалов, в первую очередь, предгорной и плоскостной зон Северного Кавказа. Обратив внимание на узкую дату бытования кобанских археологических комплексов предгорной зоны Северного Кавказа содержащих захоронения целых лошадиных костяков, их частей, или предметов конской упряжи, исследователь пришел к выводу о привнесенном характере данного обычая. «Роль внешнего фактора в возникновении северокавказского всадничества была действительно велика. Об этом убедительно говорит почти полное исчезновение всаднических могил в Притеречье в VIII–VII вв. до н.э., в связи с концентрацией наиболее активных этнополитических и культурных контактов номадов с жителями Северного Кавказа в лежавших к северо-западу районах» (Дударев, 1999, с. 171). Одновременно, используя опыт других исследователей (Е. И. Крупнова, А. А. Иессена, В. И. Козенковой, А. И. Тереножкина, и др.) автором указывается на большой творческий инновационный потенциал автохтонных племен, выработавших многие передовые военно-технические идеи, заимствованные впоследствии племенами киммерийско-скифского круга и переданные посредством последних на весьма большие расстояния, от Северного Причерноморья до Средней Европы (Дударев, 1999, с. 176 – 178). Также, по мнению исследователя, «северокавказские культуры начала раннего железа играли роль творческих преобра-

зователей и ретрансляторов культурных импульсов, шедших из центров Закавказья, Западной Азии, Подунавья, восточноевразийских районов, развивая полученные формы на основе собственного богатого культурного опыта (Дударев, 1999, с. 179). В плане ареального членения кобанской культуры, точка зрения С. Л. Дударева близка концепции В. Б. Виноградова и И. М. Чеченова. По мнению исследователя, существуют локальные особенности между группами памятников горной и «предгорно-плоскостной зон края» (Дударев, 2011, с. 11 – 15). Важное значение в этом отведено С. Л. Дударевым внешним влияниям (Дударев, 1999, с. 170, 176, 179; 2011). В обширной работе, вышедшей в 2015 г., С. Л. Дударевым и А. Б. Белинским проведено фундаментальное исследование материальной культуры могильника Клин-Яр III западного варианта, прослежены связи древнего населения оставившего этот памятник с Закавказьем, Передней Азией, Восточной и Центральной Европой в эпоху раннего железа. Важное значение для изучения древней истории Северного Кавказа имеют представленные в труде результаты антропологических и химических исследований, позволяющие реконструировать образ жизни, рацион питания, занятия древнего населения, оставившего этот памятник.

Из зарубежных авторов активно занимавшихся в 1960-е – 1980-е гг. вопросами кобанской культуры необходимо отметить Д. Газдапустаи и Г. Коссака.

Положительным моментом в труде венгерского ученого Д. Газдапустаи, кроме общего анализа, датировки и характеристики отдельных категорий предметов и памятников кобанской культуры, является создание трехчленной абсолютной хронологической периодизации кобанских материалов Северного Кавказа центрального варианта и привлечение для обоснования датирования, материалов позднебронзовой эпохи Западной Европы (Gazdapustai, 1963).

Такая же, скрупулезная работа по уточнению периодизации и хронологии Кобани была проведена Г. Коссаком. Согласно его периодизации, основанной на анализе, в первую очередь погребения № 85 Тлийского могильника, центрально-кавказская (кобанская) культура прошла в своем развитии четыре фазы – A, B, C, D – с 13 – по 6 вв. до н.э. (Kossack, 1983).

Теме актуальных проблем истории предскифского периода Северо-Западного Предкавказья, и, в целом, Северного Кавказа, посвящены труды А. М. Лескова, В. Р. Эрлиха, А. П. Мошинского, А. Ю. Скакова, С. Б. Вальчака, Т. Н. Нераденко, В. Е. Маслова, Г. Н. Вольной, вышедшие в последней трети 20 – начале 21 века (Лесков, 1971; Лесков, Эрлих, 1999; Эрлих, 1994; 2007; Вальчак, 1996; 1997; 2005; Вальчак, Скаков, 2003; Вольная, 2002; 2010; 2014).

В 1980-е, и в последующие годы, выходят работы А. П. Мошинского и А. Ю. Скакова, посвященные, преимущественно научному анализу и интерпретации новейших памятников кобанской культуры расположенных в юго-западной части Северной Осетии – горной Дигории (Мошинский, 1987; 1988 а; 1988 б; 1996; 1999; 2003 а; 2003 б; 2005; 2006 а; 2006 б; 2007; 2008 а; 2008 б; Мошинский, Скаков, 1996; Мошинский, Скаков, 2000; Мошинский, Скаков, 2001; Мошинский, Скаков, 2008; Скаков, 1997; 1999; 2001; 2003; 2008).

В последние годы большие успехи достигнуты в деле изучения бытовых памятников кобанской культуры, в первую очередь – поселений, которые в прежнее время меньше привлекали внимание исследователей. На основе современного инструментария было найдено и стало вводиться в научный оборот большое количество поселений кобанской культуры расположенных в Кисловодской котловине и на высокогорных плато к югу от г. Кисловодск. Произошло это в первую очередь благодаря трудам А.Б.Белинского, Д.С.Коробова, Г.Е.Афанасьева, С.Н.Савенко, С.Райнхольд и А.В.Борисова (Коробов, 2002; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004; Борисов, Коробов, 2008; Коробов, Борисов, 2010; Коробов, Борисов, 2011; Белинский, Коробов, Рай-

нхольд, 2008; Белинский, Коробов, Райнхольд, 2010; Райнхольд, 2007). Также, благодаря исследованиям А.Б.Белинского и С.Л.Дударева были введены в науку и интерпретированы интересные материалы могильника западного локального варианта кобанской культуры – Клин – Яр III (Белинский, Дударев 2001 а; Белинский, Дударев, 2001 б; Белинский, Дударев, 2005; Белинский, Дударев, 2015).

В обширной монографии С. Райнхольд, вышедшей в 2007 г., автором классифицирован и картографирован известный к тому времени, многочисленный археологический материал кобанской и колхидской культур. Опираясь на эти данные, исследователем создана хронологическая периодизация рассматриваемых культурных образований, разделенных ею на пять географических зон, «которые не соответствуют напрямую упомянутым археологическим культурам» (Reinhold, 2007, с. 334). «Это Центральный Кавказ, т. е. высокогорная зона по обеим сторонам Главного Кавказского хребта, Северо-Восточное Предкавказье, т. е. современные территории Чечни и Ингушетии, предгорная зона Центрального Предкавказья, т.е. Кабардино-Балкария и район Кавказских Минеральных Вод, Кубанская область и Западная Грузия» (Райнхольд, 2007, с. 34). В целом, С. Райнхольд полагает, что кавказский регион является единым культурным «койне» с тесными связями между несколькими культурными группами памятников (Райнхольд, с. 336). В этом же ключе рассматриваются и выделенные С. Райнхольд некоторые различия в материальной культуре у разных групп населения изучаемого ареала. Исследователем выделяются связи в материальной культуре свойственные для мужского и женского инвентаря памятников (Райнхольд, 2007, с. 300 – 314, 336).

В целом, на сегодняшний день, благодаря почти 200-летнему изучению культуры выявлено «около 500 памятников кобанской культуры в более чем

150 пунктах Кавказа» (Козенкова, 1996, с. 9). Известны места 160 поселений, 240 могильников, 12 культовых мест, 10 кладов (Козенкова, 1996, с. 9). На современном этапе исследования территория распространения памятников кобанской культуры далеко выходит за пределы Осетии.

В то же время, неосвещенная часть проблем данной научной темы, в первую очередь в части изучения памятников указанной эпохи Северной Осетии – Алании, может быть проиллюстрирована словами В.И. Козенковой: «Подчеркнем, что по сравнению с другими частями Северного Кавказа именно территория Северной Осетии оказалась наименее изученной по части памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа» (Козенкова, 1996, с. 13).

По мере научного изучения кобанской культуры стали очевидными и некоторые отличия, фиксируемые в зависимости от зональной и территориальной принадлежности, а также от специфики памятников культуры. Эти отличия отразились, в частности, и в особенностях материала и обряда локальных вариантов, о которых мы писали выше. На наш взгляд, наиболее верной, при современном уровне исследования, является схема Е. И. Крупнова – В. И. Козенковой, выделивших в ареале кобанской культуры три локальных варианта – центральный, западный и восточный.

Эта схема районирования кобанской культуры, предложенная и разработанная Е.И.Крупновым (Крупнов, 1960), была доработана и развита, как отмечалось выше, В.И.Козенковой (Козенкова, 1989 б; 1996; 2008). На основе картографирования и изучения особенностей памятников культуры было установлено, что их ареал на западе занимал плато Ставропольской возвышенности, и доходил до междуречья Большого Зеленчука и Урупа, на востоке граница очерчивается до левобережья верховий р. Аксай, на юге – до среднего течения рр. Большая и Малая Лиахва, Ксан и верховий р. Арагвы (Крупнов, 1960, карты на с. 141 и 180; Чеченов, 1969; Алексеева, 1971, с. 57-71;

Виноградов, 1972; Козенкова, 1981 а, с. 29-43; 1996, с. 8-10, карта на с. 12; Дударев, 1976, с. 257-261; 1986, с. 24 – 33). Также, согласно исследованиям последних лет, установлено что, в ареал кобанской культуры на юге входили такие районы как Панкисское ущелье и некоторые области Карельского района Грузии – могильник Абано (Цихиано) (Козенкова, 2008, с. 75). Территория Осетии, как Южной, так и Северной, входит в ареал центрального варианта кобанской культуры, подразделяясь на две группы – северную и южную (Козенкова, 1989; 1996).

Центральный вариант кобанской культуры занимает срединную зону Кавказа, захватывая водную систему Казбека по обе стороны Главного Кавказского хребта. Южная граница центрального варианта фиксируется в бассейне Большой Лиахвы по линии Стырфаз – Душети; северная – по среднему течению Терека севернее Моздока; западная фиксируется, согласно современным представлениям, на территории Кабардино – Балкарии (междуречье Баксана и Чегема) и Грузии (по Рачинскому и Сурамскому хребтам). Восточная граница центрального варианта кобанской культуры проходит в Закавказье по верховьям р. Арагвы, а на севере – в междуречье Ассы и среднего течения Терека (Крупнов, 1960, с. 185; Техов, 1969; 1977, с. 189; Сланов, 1978, с. 4-7; Козенкова, 1989 б, с. 253-254; 1996, с. 10-12).

«Метрополией» кобанской культуры, по мнению В.И.Козенковой, является территория распространения памятников центрального варианта. «Именно территория Северной и Южной Осетии являются собственно сердцевиной, или метрополией, этой всемирно известной группы древностей Кавказа» (Козенкова, 1996, с. 11). Западный вариант кобанской культуры занимал запад горно-предгорной части Центрального Кавказа, захватывая водную систему Эльбруса. «Южная граница проходила по Главному Кавказскому хребту; западная – по верховьям левого берега р. Уруп, притока Кубани, и по западной части Ставропольской возвышенности, по линии Ставрополь –

Буденовск; восточная – по правобережью р. Кумы и Междуречью Баксана и Чегема» (Козенкова, 1989, с. 256). Восточный вариант кобанской культуры, согласно схеме В.И. Козенковой, занимает северо-восточные склоны Главного кавказского хребта, захватывая бассейны рр. Сунжа и Аргун, междуречье рр. Ассы и Терека, и – на востоке – бассейн р. Аксай (Козенкова, 1989 б, с. 259; 1996, с. 96).

Вскоре после ввода в научный оборот первых находок кобанской культуры перед исследователями встал вопрос о хронологических рамках бытования этих материалов.

Уже в конце 19-го начале 20 века были предприняты первые попытки создания хронологии и периодизации кобанских древностей (Chantre, 1886; Уваров, 1887; Городцов, 1910). В 1880-е годы первые научно обоснованные даты бытования кобанских древностей были предложены Г.Д. Филимоновым, А.С. Уваровым и Д.Я. Самоквасовым (Уваров, 1887; Филимонов, 1878; Самоквасов, 1887).

Их безусловным достижением было то, что все они, в отличие от некоторых других существовавших тогда версий по хронологии кобанских древностей, связывали эту культуру с эпохой развитого бронзового века. Так, А.С.Уваровым была предложена одна из первых относительных периодизаций кобанской культуры, согласно которой первый период кобанской культуры был обозначен как – «эпоха Галиата и Комунты», а второй период – «эпоха Кобани и Казбека», что вполне соответствовало уровню научного познания той эпохи. Еще более дробной была периодизация кобанских материалов предложенная П.С.Уваровой, пять периодов которой охватывали памятники кобанской культуры не только Северного Кавказа, но и Закавказья (Уварова, 1900).

Уточненные датировки бытования кобанской культуры были разработаны исследователями в советское время, в 30-е – 70-е годы 20 века.

А.А.Иессен датировал кобанскую культуру в пределах 10–8 вв. до н.э., Б.А.Куфтин и О.М.Джапаридзе – 12–8 вв. до н.э., Д. Газдапустаи – 12–5 вв. до н.э., Е.П.Алексеева – 11–3 вв. до н.э. (Иессен, 1935; 1956; Куфтин, 1949; Gazdapustai, 1963; Алексеева, 1949; 1971).

Е.И. Крупновым хронологические рамки кобанской культуры ограничивались 12–4 вв. до н.э. (Крупнов, 1960, с. 16). Им же разработана и наиболее полная система периодизации кобанской культуры, согласно которой «культура Кобани» прошла три хронологических периода: 1 – формирование и становление основных признаков культуры – раннекобанский период – середина 12 – середина 9 в. до н.э.; 2 – расцвет культуры – классический период – вторая половина 9 – середина 7 в. до н.э.; 3 – переоформление и трансформация культуры под влиянием племен скифо – сарматского круга – позднекобанский период – вторая половина 7–5/начало 4 в. до н.э. (Крупнов, 1960, с. 108; 1969).

Большую работу в разработке и уточнении хронологии и периодизации кобанской культуры провела В.И. Козенкова. В серии исследований, где важное место отведено и этой проблеме, ею принята за основу и доработана хронологическая периодизация, основанная на концепции Е.И. Крупнова (Козенкова, 1977; 1981б; 1982 а; 1982 б; 1989; 1990; 1996).

Б. В. Теховым, на основе материалов Тлийского могильника, предложена хронологическая периодизация для южной группы древностей центрального варианта кобанской культуры. По его мнению, кобанская культура, ранний этап которой относится исследователем к эпохе поздней бронзы (12-10 вв. до н.э.), проходит затем три этапа эпохи раннего железа: I – 10 – 9 вв. до н.э.; II – 8 – середина 7 в. до н.э.; III – середина 7–4 вв. до н.э. (Техов, 1977).

Для горной зоны Центрального Кавказа, где кобанские племена дольше сохраняли культурную консервативность, Е. П. Алексеевой разработана от-

дельная дробная хронологическая периодизация позднего этапа культуры. Ею выделены позднекобанский первый период – 6–3 вв. до н.э., и позднекобанский второй период – 2 в. до н.э. – 3 в. н.э. (Алексеева, 1949, с. 8, 34, 36, 38, 41, 193).

Как уже говорилось выше, наиболее полная и дробная периодизация кобанской культуры, с привлечением новых конкретных данных памятников северного и южного склонов Центрального Кавказа, предложена В.И. Козенковой. Ею выделены 4 хронологических этапа (Кобан I, II, III, IV), охватывающих временной промежуток с XIV в. до н.э. – по начало IV в. до н. э. Период Кобан I (протокобанский) (XIV – первая половина XII вв. до н. э.), характеризуется наличием в материалах культуры бронзовой дисковидной пряжки (В. Рутха), кремневых наконечников стрел, трубчатообушных бронзовых топоров с шаровидным выступом на обухе (Фаскау, В. Рутха), хурритской печати XV-XIV вв. до н. э., подвесками культуры Ноа, кинжалами переднеазиатского типа (Фаскау, Тли, В. Лиса), полуовальными поясными пряжками со спиральным орнаментом (Верхний Кобан, Фаскау). В материалах Кобани данного времени ощущается влияние позднекатакомбной и северокавказской культур, а также позднебронзовых культур Центральной Европы.

Период Кобан II (середина XII – рубеж XI–X вв. до н. э.) характеризуется появлением средиземноморских фибул (Верхний Кобан, Змейская, Тли), ранних форм глиняных пиксид (Верхний Кобан), крупных корчаг близких по форме центрально – европейским (Змейская). Завершается оформление классического дважды изогнутого бронзового топора. В этот период заметно присутствие изделий характерных для позднесабатиновских и раннебелозерских памятников: кельтов, коленчатых серпов, роговых псалиев (Змейская). В материалах культуры появляется железо, поначалу как средство украшения

(инкрустация) прямоугольных бронзовых пряжек. Появляются первые комплекты жесткой конской верховой узды (Змейское поселение).

Период Кобан III – классический (начало второй половины X – начало VII в. до н. э.) характеризуется, в основном, дальнейшим развитием уже известных в предыдущее время категорий материальной культуры – фибул, кинжалов, топоров, украшений и др. Появляются и распространяются разнообразные типы металлической узды с роговыми, костяными и бронзовыми псалиями.

В начале этого периода просматривается влияние зооморфного искусства Луристана (Юго – Западный Иран) – парные, противопоставленные друг другу зооморфные изображения, массивные бронзовые булавки с зооморфными навершиями и др.

В конце периода в североосетинских памятниках появляется узда черногоровского и новочеркасского типов – стремечковидные бронзовые удила с трубчатыми псалиями и двукольчатые удила с трехпетельчатыми псалиями, близкие изделиям Центральной Европы и Северного Причерноморья. Широкое распространение получает железное оружие – копья, кинжалы, ножи. Происходят изменения в орнаментике таких предметов как топоры и пряжки, что выражается в их изощренной стилизации и стандартизации (четвертый хронологический период в развитии кобано – колхидского графического стиля по периодизации А.Ю. Скакова). На топорах появляются и распространяются гравированные изображения животных с повернутой назад головой в динамичной позе, и лапами – «плавниками» (Скаков, 1997, с. 84-85).

Тогда же в материалах культуры широко распространяются предметы, характерные для киммерийско-скифского круга – биметаллические кинжалы и мечи с кольчатым (циркульным) орнаментом, наконечники стрел «степного» типа, разные типы акинаков, предметы, украшенные звериным стилем, в котором ощущается степное влияние (Чшиев, 2007 б, с. 253 – 254). В это

время в материалах культуры многочисленны импорты из стран Передней Азии – Ассирии, Урарту.

Также, данный период – эпоха активного расширения ареала кобанской культуры на север, северо-запад и северо-восток. Так, граница восточного варианта культуры доходит на территории Чечни до бассейна р. Аксай. Граница западного варианта проходит на севере по Ставропольской возвышенности, граница центрального варианта прослеживается севернее Моздока (Козенкова, 1989, с. 253, карта 24; 1996, с. 66-67).

Заметным элементом погребального обряда в это время, в ареале центрального варианта, становится появление в кобанских погребениях захоронений взнузданного коня вместе с всадником или помещение в могилы деталей уздечки (Верхний Кобан, Стырфаз, Тли, Адайдон, Эльхотово). Этот обряд, фиксируемый в кобанских погребениях в предскифский период, характеризует присутствие в идеологии населения кобанской культуры обряда посвящения коня уже в эпоху предшествующую скифской экспансии.

Позднекобанский период, или период Кобан IV (середина VII – начало IV в. до н. э.), характеризуется появлением массивных бронзовых фибул с широким подквадратным иглодержателем. Появляются железные фибулы, топоры, широко распространяются железные кинжалы (Верхний Кобан, Тли, Фаскау, Адайдон).

Для периода Кобан IV характерна существенная трансформация всего облика кобанской культуры. Вероятно, в первую очередь это связано с переориентацией экономических и культурных связей и вероятной утратой кобанскими племенами контроля над значительной зоной Предкавказья, в частности, утратой каспийских зимников. А также, временной потерей территорий, примыкающих с севера к центральным районам Кабардино-Сунженского хребта. Перемены эти, связаны, как считается, со вторжениями

в районы Северного Кавказа с начала VII в. до н. э. степных кочевников скифо-савроматского культурного круга.

В этот период становятся модными пояса из цепей, многочисленные привески, привязанные к ним также на цепочках, железные топоры в некоторых случаях еще дублируют форму бронзовых (Дзинага, Архон), а в конце периода появляются топоры-клевцы. В этот же период ощущается влияние греческой культуры и культуры ахеменидского Ирана. В материалах памятников присутствуют аттические бронзовые шлемы, однолезвийные кинжалы типа махайры, зеркала ольвийского типа, чаши-фиалы, биконические серьги, браслеты с прогибом спинки и зооморфными концами (Козенкова, 1996, с. 100 – 101; 2013, с. 138, 140). Кобанская керамика скифо-сарматского периода более грубой выделки. Появляются такие новые категории, как кувшины с массивной ручкой, сарматоидные миски, в конце периода – стакановидные сосуды с выступающей закраиной.

Памятники собственно кобанской археологической культуры, подвергшиеся сильному влиянию позднескифской и сарматской культуры, сохраняются в горной зоне Северной и Южной Осетии вплоть до 3 в. н.э. (Алексеева, 1949, с. 193–195).

В настоящее время в ареале центрального варианта кобанской культуры зафиксированы 21 поселение и 59 могильника. Из них на территории РСО – А находятся 21 могильник и 11 поселений. Ажиотаж, окружавший предметы из памятников кобанской культуры в конце 19 – начале 20 в., привел к грабительским раскопкам в первую очередь в Осетии, в особенности Верхнекобанского могильника. «Раскопанные хищническим образом ради добычи красивых вещей в коммерческих целях, сотни мест в горах к моменту начала планомерного исследования территории республики в конце 20-х – начале 30-х годов казались совершенно не перспективными с точки зрения их систематического научного изучения… Попытки ряда исследователей (А.А.

Миллера, А.П. Круглова, Е.И. Крупнова) найти непотревоженные памятники кобанской культуры, практически не увенчались успехом» (Козенкова, 1996, с. 14).

В конечном счете, исследователи, занимавшиеся изучением проблем истории Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа, сконцентрировали свое внимание на более перспективных, как считалось, в данном плане, соседних территориях – Кабардино – Балкарии, Чечено – Ингушетии, Ставропольском крае.

Таким образом, к концу 1980-х гг. полевая и теоретическая кобанская археология в Северной Осетии – Алании ограничивалась открытием и исследованием эпизодических материалов и памятников культуры (раскопки и исследования М.П. Абрамовой, В.А. Кузнецова, В.Х. Тменова, А.П. Мошинского, В.И. Марковина) (Абрамова, 1970, С. 17-19; Кузнецов, 1970; 1971; Тменов, 1980, С. 29–33; Мошинский, 1987; 1988 а; Марковин, 1969, с. 74-75).

Улучшение ситуации в этой сфере произошло в конце 1980 – х – 2000-е годы. В горной зоне Ирафского района Северной Осетии – Алании, в рассматриваемый период, проводились планомерные широкие исследовательские работы на кобанском поселении Сауар и могильнике Гастон Уота (раскопки А.П. Мошинского) (Мошинский, Скаков, 1996; Мошинский, 1999; 2003; 2005; 2006 а-б; Мошинский, Скаков, 2001).

В 1990 – 2000 – е годы активизируется исследовательская деятельность и на памятниках кобанской культуры, расположенных в предгорной части Северной Осетии. В 1996 г. нами был выявлен Эльхотовский могильник кобанской культуры, и с этого же года начались ежегодные раскопки памятника. В последующие годы нами были проведены исследования на территории Среднеурхского, Верхнесанибанского и Комсомольского поселений. Новейшим памятником рассматриваемого региона является Змейский могильник, выявленный в 2013 г. (Бакушев, Чечина, 2014). В 2011–2012 гг., после В.А.

Кузнецова (1965 г.) и Т.Б. Тургиева (1970 г.), нами были проведены археологические раскопки на Николаевском могильнике. В 2005 и 2006 – 2009 годах на новых памятниках кобанской культуры – Цамадском, Горносанибанском и Адайдонском могильниках, давших важные данные для сравнения материалов горной и предгорной Кобани (Чшиев, 2001; 2003 а - б; 2004; 2005 а-б; 2006 а - в; 2007 а - б; 2008 а - б; 2009; 2010; 2011; 2012 а - г; 2014 а - б).

Бóльшая часть материалов этих недавно открытых памятников впервые вводится в научный оборот в данной работе.

1.3. Поселения

Если погребальные памятники кобанской культуры Северной Осетии-Алании оказались в массе своей разграблены в конце 19 – начале 20 в., и таким образом потеряны, в определенной степени, для науки, то поселения оказываются малоисследованны вследствие других факторов. Археологические раскопки бытовых объектов, как правило, требуют вложения значительно бо'льших финансовых средств и человеческих ресурсов, чем исследование могильников. Специфика работ на поселениях, связана также с тем, что исследование должно проводиться сразу на достаточно больших площадях, требующих масштабных научных раскопок. Наряду с зарастанием лесом и наплывом балласта, одним из факторов сложности выявления кобанских бытовых памятников является их значительная древность, вследствие чего облюбованные «кобанцами» холмы, отроги, как правило, занимавшие стратегические места, впоследствии перекрывались средневековыми селищами и городищами, и даже, современными населенными пунктами. Тем не менее, в последние годы, в результате определенной работы археологов, в этом процессе наблюдается существенный прогресс.

Единственным поселением на территории предгорной части Северной Осетии, полностью раскопанным согласно научной методике, является, как упоминалось, небольшой кобанский поселок близ ст. Змейская Кировского района Республики. Еще на одном поселении – Сауар, – в горной Дигории, последние 16 лет проводятся раскопки под руководством А.П.Мошинского.

Места для поселений кобанские племена выбирали, как правило, вблизи от реки, зачастую используя крутые берега как естественное фортификационное укрепление. Достаточно часто поселки расположены на мысах подтреугольной формы, сформированных слиянием двух или более рек (Зарамагское поселение) (Козенкова, 1996, с. 34). В некоторых случаях места ко-

банских поселений представляют собой возвышенные плато, или отдельные холмы, возвышающиеся над окружающей местностью (Николаевское поселение и Дур-Дур-5).

В то же время, в предскифский период на территории западного варианта культуры известны и достаточно обширные поселения, располагавшиеся по данным Д. В. Цокур «на открытом месте» (Цокур, 2004, с. 127).

Интересная планировка жилых помещений была выявлена на исследованных в последние годы на территории высокогорных плато к югу от г. Кисловодска А. Б. Белинским, Д. С. Коробовым и С. Райнхольд западнокобанских поселениях. Выявленная большая группа кобанских поселений западного варианта культуры в р-не Кисловодска (около 200 памятников) представлена планировкой двух типов. Первый тип представляют собой поселения с овальной формой и симметричной планировкой, при которой помещения группируются по периметру поселения, внутри которого имеется площадь. Второй тип поселений выявленных в этом районе – поселения, на которых здания располагались в один или несколько рядов. Датируются эти поселения с 16 в. до н.э. по 9 в. до н.э. При этом, более ранними оказываются поселения с «несимметричной» планировкой, датируемые авторами – 16–11 вв. до н.э., и более поздними поселения с «симметричной» планировкой – 13–12 вв. до н.э. (Белинский, Коробов, Райнхольд, 2008, с. 49; Белинский, Коробов, Райнхольд, 2010, с. 59-61).

Важным атрибутом поселений кобанской культуры были помещения, связанные с производством керамических и металлических изделий - гончарни, кузни и плавильни. Эти хозяйственные помещения часто размещались на окраине населенных пунктов, с учетом доступа к источникам воды, необходимой в производственном цикле (Среднеурухское поселение, поселение Сауар). Продукты питания, зерно и т. д., хранились в специальных больших хозяйственных ямах полусферической формы, закрывавшихся в верхней час-

ти лаза крышкой. Материалы поселений свидетельствуют о достаточно ранней специализации в гончарном и металлургическом производствах. В поселениях выявлены целые кварталы с мастерскими гончаров и металлургов (Змейское, Сауар) (Деопик, Крупнов, 1961, с. 16 – 17; Козенкова, 2001, с. 89, 78, 82; Мошинский, 2007, с. 321-343).

Картографирование месторасположения кобанских поселений указывает также на то, что кроме географического фактора связанного с рельефом местности и доступностью водных источников, кобанскими племенами при выборе места учитывались и его стратегические и экономические (коммуникационные и торговые) аспекты. В частности, можно заметить, что месторасположение поселения Эльхотком перспективно вследствие того, что оно расположено в относительно возвышенной местности, на берегу ручья, и в некоторой близости от реки Терек. Также, данное местоположение позволяло жителям поселения не только использовать прилегающие к нему с юга и юго – востока равнинные поля для возделывания сельскохозяйственных культур, но и активно пользоваться богатыми лесными угодьями, примыкающими к поселению с севера и северо-востока (лесистые склоны Кабардино – Сунженского хребта). Наконец, важное коммуникационное, экономическое и военно-стратегическое значение имело здесь то, что данное поселение расположено у южного входа в Эльхотовское ущелье с севера – так называемые «Эльхотовские ворота», контролируя этот важный проход, ведущий к перевалам Главного Кавказского хребта. Другой пример – Среднеурухское поселение кобанской культуры, расположенное, также вблизи от отрогов Кабардино – Сунженского хребта, на берегу р. Урух, и, одновременно, контролировавшее, вероятно, стратегическую древнюю дорогу, пролегающую по ущелью этой реки к транскавказским перевалам.

Наконец, важным для реконструкции жизнедеятельности древнекобанских племен предгорной зоны Северной Осетии – Алании, является то, что

как показали наши расчеты, расстояние между поселениями предгорной зоны, тяготеющими к Кабардино – Сунженскому хребту в среднем составляет 9 км (от 8 до 13 км). Вероятно, это связано с определенными границами, необходимыми для жизнедеятельности среднего кобанского поселка. Так, расстояние от Змейского поселения до поселения Эльхотком составляет 8 км, от Эльхотком до Комсомольского поселения – 10 км, от Змейского до Среднеурухского поселения – 13 км, от Николаевского поселения до Эльхотком, также, 8 км, от поселения Дур-Дур-5 – до Николаевского поселения – 11 км.

Обратимся к более подробной характеристике этих бытовых объектов.

1. ЗМЕЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Змейское поселение находится на северном отроге Кабардино – Сунженского хребта, на третьей террасе старой поймы р. Терек, у юго-восточной окраины ст. Змейская Кировского района РСО – А (рис 1, *1*). Змейское поселение – это первый, и единственный на сегодняшний день бытовой памятник кобанской культуры на территории предгорной части Северной Осетии, исследованный согласно нормам современной научной археологической методики. Материалы поселения, можно считать эталонными для кобанских памятников предскифского времени Осетии.

Раскопки поселения были проведены летом 1957 года объединенной Северокавказской археологической экспедицией, организованной Институтом археологии Академии наук СССР и Северо – Осетинским научно – исследовательским институтом, под общим руководством Е.И.Крупнова (Крупнов, 1960, с. 77, с. 148 – 151; Деопик, Крупнов, 1961, с. 11 – 13).

Поселение находилось на отдельно стоящем холме высотой 28 м, верхняя часть которого была искусственно выровнена. Общая вскрытая часть раскопа составляла 360 кв.м. Культурный слой на памятнике достигал, в целом 1 м. В процессе раскопок было выявлено 12 очагов и 24 колоколовидных

хозяйственных ям, шесть жилищ, две гончарных мастерских, и одно помещение культового предназначения. Топография поселения представляла собой, вероятно, группы жилых и хозяйственных помещений расположенных по краю холма, в центре которого, между жилищами находилась свободная площадка – «сельская площадь» (Деопик, Крупнов, 1961, с. 16; Козенкова, 1996, с. 37).

Жилища были турлучными, прямоугольными в плане, стоявшими на фундаменте из камней-валунов. «Полы в помещениях были выложены либо мелким булыжником, либо глинобитные со следами неоднократных подмазок, толщина которых иногда достигала 30 см. Внутри домов постоянным атрибутом был очаг прямоугольной (0,65 х 1 м) или овальной формы, сложенный из камня или глины. Некоторые очаги имели высокие глинобитные бортики («тондыр») (Козенкова, 1996, с. 38).

Наиболее массовым материалом памятника была керамика, целые формы которой представлены замечательными образцами тарно-хозяйственной и столовой керамической, в подавляющей массе своей лощеной, посуды. Цветовая гамма змейской керамики весьма разнообразна – от охристого до, с большим количеством оттенков, коричневого, цвета. Наиболее крупные сосуды Змейского поселения – это корчаги с раздутым туловом, относительно небольшим плоским дном, коротким горлом и отогнутым венчиком, украшенные геометрическим и налепным сосцевидным орнаментом. Наряду с ними в быту у змейских «кобанцев» были и орнаментированные корчаги небольших (высота 20 см) размеров.

Весьма распространенным видом столовой посуды здесь являются также, кружки средних размеров с округлым туловом, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой, поднимающейся над венчиком, а также кружки аналогичной формы, но, меньших, по сравнению с вышеописанными размеров. Присутствуют в материалах Змейского поселения и черпачки – сосуды близ-

кие по форме к кружкам, но отличающиеся от них небольшим размером и заоваленным или округлым дном. Еще одна категория столовой посуды – миски с загнутыми краями, «в подавляющем большинстве прекрасно лощеные и орнаментированные прорезным, реже зубчатым штампованным орнаментом» (Крупнов, 1960, с. 444; Деопик, Крупнов, 1961, с. 20-23; Козенкова, 1996, с. 38, рис. 15, *23*). Время бытования Змейского поселения определяется в рамках от раннекобанской эпохи – до конца классического периода культуры. Первый этап жизни поселения относится к концу 12-11 вв. до н.э., когда в материалах памятника присутствуют такие предметы - хроноиндикаторы как бронзовая фибула типа Панталича II, бронзовый серп коленчатой формы и костяной псалий белозерского типа (Козенкова, 1996, с. 38, рис. 15, *5, 13, 15*; Кашуба, 2011, с. 70–71; Скаков, 2008, с. 334). Поздний этап жизни на поселении датируется 8 в. до н.э. и, характеризуется такими предметами, как бронзовая пуговица из крестовидной пластинки, костяная овальная пуговица с продольным каналом, ромбический в сечении костяной наконечник стрелы, и также, костяной, конический втульчатый наконечник стрелы (Козенкова, 1996, с. 37 - 38). Интересна, также, находка на окраине Змейского поселения в 1959 году рукояти биметаллического (железо-бронза) кинжала с циркульным орнаментом (Приложение 2, рис. 83 б) (Крупнов, 1960, с. 203; Козенкова, 1996, с. 39). Наиболее близкие аналогии известны из материалов Псекупского и Сержень – Юртовского могильников (Дударев, 1999, с. 291, рис. 63, с. 391, рис. 163, *3*).

О причине затухания жизни на поселении могут свидетельствовать остатки жилища в восточной части поселения, представляющего собой часть фундамента, каменную вымостку пола и тондыр с расположенной рядом каменной зернотеркой и целыми керамическими сосудами. Рядом с тондыром (очагом) в анатомическом порядке находились кости овцы (ребра) и еще один сосуд (Деопик, Крупнов, 1961, с. 15). «Картина такова, как будто жите-

ли внезапно и панически покинули дом, который сразу же был разрушен неизвестными силами» (Козенкова, 1996, с. 37).

Находка на поселении горна для обжига керамики и места скопления керамического брака, свидетельствуют о местном гончарном производстве, великолепными образцами которого являются вышеописанные лощеные и орнаментированные корчаги, кружки и черпачки.

В 2013 г., археологической экспедицией под руководством Б.А.Бакушева вблизи от поселения был выявлен Змейский могильник кобанской культуры. Исследователи могильника – Б.А.Бакушев и А.Ю.Чечина датируют его в рамках 8 – первой половины 7 вв. до н.э. (Бакушев, Чечина, 2014, с. 121). Это обстоятельство позволяет предполагать «омоложение» верхней даты Змейского поселения до времени первой половины 7 в. до н.э.

2. СРЕДНЕУРУХСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится на левом берегу р. Урух, почти в черте с. Средний Урух Ирафского района Республики Северная Осетия – Алания (рис. 1, *2*). Поселение представляет собой подтреугольную в плане возвышенность («Аргъуаны куыбыр» – «Церковный холм»), юго-восточная часть которой (гипотенуза треугольника) оканчивается глубоким вертикальным обрывом р. Урух, протекающей здесь вплотную к краям обрыва. Поверхность холма относительно ровная, с небольшим уклоном к востоку, высота северного и западного искусственно подровненных скатов – 6 – 7 м, площадь холма ок. 1230 кв. м. Мощность культурного слоя в центре холма достигает 130-150 см. С севера к нему примыкает небольшое возвышение, вытянуто-округлой в плане формы, представляющее собой, вероятно, часть фортификационной системы поселения. Юго-западная часть поселения срезана небольшим карьером добычи речного гравия. Расположение поселения соответствует традиционному принципу размещения населенных пунктов кобанской культуры, – это «как правило, самые возвышенные места в конкретной топографической

обстановке: отдельно выступающие холмы, приподнятые над окружающей поверхностью», плато или высокие мысы над поймой реки (Козенкова, 1996, с. 34).

Традиционно считается, что искусственные укрепления для поселений кобанской культуры не характерны (Крупнов, 1960, с. 166 – 167). Однако на Среднеурухском поселении мы зафиксировали весьма интересные особенности в планировке и фортификации памятника. Новым для кобанских поселений на территории центрального варианта культуры здесь, является более сложный фортификационный комплекс, включающий искусственное укрепление северного и западного склонов большими уплощенными окатанными речными камнями, а также наличие, почти примыкающего к его северной части, округлого в плане небольшого возвышения (форпост или сторожевая башня?). Единственное, на сегодняшний день, кроме Среднеурухского, кобанское поселение с усложненной фортификационной схемой – Сержень-Юртовское – известно в ареале восточного варианта культуры. Поселение отличается от других известных населенных пунктов восточного варианта предгорной зоны бытования кобанской культуры «нахождением рядом с ним отдельно стоявших холмов – убежищ, с незначительными искусственными укреплениями» (небольшой ров на юго-западной окраине холма 1) (Козенкова, 2001, с. 9).

Существенным моментом, является также то, что на весьма обширной территории, примыкающей к холму «Аргъуаны куыбыр» с севера, (на данный момент находящейся под огородами), находились фрагменты лощеной керамики аналогичной собранной с холма и вокруг него. Данный факт позволяет предполагать, что комплекс поселения состоял из двух частей, две возвышенные части которого возможно были цитаделью, а нижняя – посадом. На холмах и вокруг них, нами были собраны фрагменты черной, серой и ко-

ричневой лощеной орнаментированной керамики характерной для кобанской культуры.

Наиболее близкие аналогии орнаментированным фрагментам керамики из Среднего Уруха и Комсомольского мы видим в материалах расположенного между двумя вышеупомянутыми памятниками Эльхотовского могильника – это материалы погребений 23, 30, 38, 54 и других (Чшиев, 2001 б, с. 47, рис. 2).

В первую очередь это украшенные сосцевидными налепами корчаги; нарезные параллельные линии по периметру плечиков на корчагах, нарезной орнамент в виде заштрихованных ромбов и треугольников на сосудах как малых, так и больших форм. Из прямых аналогий бронзовым предметам имеющемся и в материалах Эльхотовского могильника укажем на среднеурухский топор с пятью ребрами на корпусе (рис. 49, *11*). Близкую комсомольской и среднеурухской керамике орнаментику обнаруживают и материалы кобанского поселения и зольника у ст. Николаевская Дигорского района Северной Осетии – Алании, расположенного в 10 км к ю-з от Эльхотовского могильника (рис. 1, *7*) (Тургиев, 1971, рис. 5, *1–2, 4–5*).

Близкий нарезной орнамент наблюдается и на керамике предгорной зоны памятников восточного варианта – Алхастинского (9–6 вв. до н.э.) и Сержень - Юртовского (11–7 вв. до н.э.) поселений, Зандакского (12–5 вв. до н.э.) и Пседахского могильников (Крупнов, 1960, с. 159, рис. 20, *1*; с. 443, табл. XXI, *1-10*; с. 448, табл. XXVI, *1, 3-4*; с. 449, табл. XXVII, *1-2*; Козенкова, 2001, с. 139, рис.33, *10*; с. 171, рис. 68, V тип; Марковин, 2002, с. 17, рис. 8, *9*; с. 88, рис. 10; с. 92, рис. 66, *1*).

Обнаруженные в культурном слое Среднеурухского поселения, орнаментированные широкие ручки керамических сосудов, достаточно редкие в классической Кобани, судя по материалам раннескифского-скифского време-

ни распространяются в кобанской культуре, вероятно, именно в эту эпоху (Абрамова, 1999, с. 116-117, рис. 14, *3,7-9*; рис. 15, *1-2, 5, 7, 8-9, 11-12*).

Таким образом, верхняя дата Среднеурухского поселения может быть определена по вышеупомянутым своеобразно орнаментированным ручкам в пределах начальной фазы скифской эпохи (7 – начале 6 вв. до н.э.). Представляется интересным, на наш взгляд, тот факт, что по орнаментации ручек, форме черпачков и бокалов (рис. 44, *7*; рис. 45, *2-6*) керамика Среднего Уруха сближается с ранними материалами известного Бельского городища в Приднепровье, а также, с керамикой Крыма и Северного Причерноморья предскифского времени (Шрамко, 1983, с. 72, с. 80, рис. 6, *7-8, 11*; с. 83, рис. 8, *10*; С. 88, рис. 11, *4*; Махортых, 2005, с. 143, рис. 46, *10*; с. 179, рис. 82, *4*; с. 212, рис. 115, *2-3*; Крис, 1981, с. 110, табл. 30, *3, 14*; с. 125, табл. 45, *1*; Крис, 1989, с. 315, табл. 10, *7 – 8, 11*).

Нижняя дата Среднеурухского поселения, по имеющимся на сегодняшний день материалам, определяется 9 веком до н. э.

На принадлежность Среднеурухского поселения к памятникам центрального варианта культуры эпохи ее расцвета, указывает также такой примечательный факт как наличие белой затирки нарезного орнамента на некоторых фрагментах керамики (рис. 44, *7*; рис. 45, *5-6*). Последнее, по мнению исследователей, характерно также для керамики «киммерийской культуры» Северного Причерноморья (Крупнов, 1958, с. 192).

Вблизи от Среднеурухского поселения местными жителями был найден упомянутый выше, литой парадно-боевой бронзовый топор с пятью ребрами на боковой части втулки, тонкой выделенной обушной частью и проухом вытянуто-овальной формы (рис. 49, *11*). Топор не обработан после отливки – по периметру корпуса на нем сохранились следы литейных швов. Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос о возможности расположения на территории Среднеурухского поселения металлургического про-

изводства по изготовлению бронзовых изделий. Топор относится к типу Б, по классификации П.С.Уваровой, 4 типу по Е.И.Крупнову, 4 варианту II-го типа I-го отдела по классификации В.И.Козенковой для западного варианта и II типу по Б.В.Техову (Уварова, 1900, с. 15, табл. IV, *3*; Крупнов, 1960, с. 83-84, рис. 8, *4*; Козенкова, 1995, с. 69, табл. XVШ, *3–5*; Техов, 1977, с. 87, рис. 75, с. 90, рис. 77, с. 91, рис. 78, *1-7*).

Топоры этого типа наиболее характерны для территории западного и центрального вариантов кобанской культуры. Для востока кобанской культуры топоры данного вида (более точному их определению соответствует 4-й вариант второго типа первого отдела по классификации В.И.Козенковой) не характерны. В то же время, в Западном Закавказье, на территории распространения колхидской культуры, находки топоров этого типа не являются редкостью (Трапш, 1970, с. 115, 118-119,121-123; Очерки истории Грузии, 1989, рис. 76 и 79).

В центральнокобанских материалах данный топор датируется весьма широко – от периода Кобан II – до Кобан IV а. В памятниках западного варианта – периодами Кобан II – Кобан III (по периодизации В.И.Козенковой), что, в целом, не выходит за рамки датировок топоров данного типа из материалов Тлийского могильника – 10 – 6 вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 69, табл. XVIII, *3*; Техов, 1977. с. 87).

В материалах с территории Западной Грузии топоры данного типа (из погребения 1 Куланурхвского могильника, погребения 1 могильника на Сухумской горе, Красномаяцкого могильника) датируются М.М.Трапшем 9 – первой половиной 7 вв. до н.э. (Трапш, 1970, с.115, табл.1, *6-7*, с. 118, с. 121, рис. 9, *1-3*, с. 122–123, рис. 10, *1*).

Наконец, наиболее близкую, если не сказать почти идентичную аналогию среднеурухскому топору, в том числе по форме, размерам и даже по такой детали как «вписывание» верхней и нижней части продольных ребер в

подобие рамки, и, одновременно наиболее близкую аналогию территориально, мы находим в материалах погребения № 54 Эльхотовского могильника (рис. 24, *6*) (Чшиев, 2003 б, рис. 8, *10*; 11; Фидаров, Чшиев, 2004, с. 203, рис. 13, с. 204, рис. 14). Единственное видимое отличие среднеурухского топора – в том, что он не обработан после отливки, как топор из Эльхотово. Это позволяет предполагать о принадлежности обоих предметов к одному очагу металлургии и металлообработки, а возможно и об изготовлении их в одной мастерской.

Таким образом, вероятно, вполне справедливо мнение В.И.Козенковой что, «Всю серию топоров 4-го варианта… отличает заметная стандартизация. Найденные в разных частях ареала западного варианта, они при сравнении между собой напоминают изделия, отлитые в одной и той же литейной форме.» Единство формы и сходство облика, видимо, объясняется узким хронологическим диапазоном (вторая половина VIII – начало VII в. до. н.э.) моды данной разновидности на северном склоне (Козенкова, 1995, с. 69).

Эту дату подтверждает и недавно уточненная С. Б. Вальчаком датировка (конец VIII – начало VII в. до н.э.) известного погребения № 12 Верхнекобанского могильника из раскопок Э. Шантра, где среди прочих предметов, в том числе двукольчатых удил, находился и топор данного типа с пятью ребрами на корпусе (Козенкова, 1996, с. 21, рис. 5, *1, 12, 15*; Вальчак, 2001, с. 69, рис. 1, *2*).

3. КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение расположено на северном отроге Кабардино – Сунженского хребта, у поросшего лесом подножия последнего, на выделенном, овальной в плане формы, уплощенном возвышении холма с крутыми скатами, вблизи от северного входа в «Эльхотовские ворота» – естественного географического прохода через Кабардино – Сунжеский хребет, по ущелью, пробитому здесь р. Терек в широтном направлении (рис. 1, 3). Памятник находится вблизи от

границы центрального и восточного вариантов культуры, что также, позволяет считать его весьма перспективным в плане уточнения важных исторических аспектов. Данное поселение, интересно, также, для прояснения вопроса об основных торгово-стратегических населенных пунктах кобанской культуры (ярмарки, крупные поселения на стратегических торговых трактах), функции которого, судя по его выгодному расположению, мог выполнять данный памятник.

Подъемный материал с территории поселения: – чернолощеная, орнаментированная кружка, керамическое пряслице, овальный сосуд с низкими бортиками и небольшой округлой ручкой, фрагменты лощеной керамики коричневого и серого цвета, находят аналогии в кобанских древностях центрального варианта культуры предскифского – раннескифского времени.

Глиняная «сковорода» с ручкой, из Комсомольского поселения (рис. 48, *4*) относится к немногочисленным пока находкам столовой посуды своеобразной формы – овальным в плане, небольшим сосудам. Единичные находки подобных сосудов (три целых предмета) до настоящего времени были известны лишь «из слоя и ям в помещении XI близ керамической мастерской № 1» Сержень – Юртовского поселения восточного варианта культуры (Козенкова, 2001, с. 17, рис. 71, *2–5*; 1982, с. 77, табл. LI, *7*). В Сержень – Юрте такие «сковороды-жаровни», были найдены на полу в слое помещения, которое по радиокарбонному анализу датируется второй половиной 9 в. до н.э. Находки овальных блюд («сковородок»?) среди материалов Сержень – Юртовского поселения В.И. Козенкова связывает с контактами между серженьюртовскими кобанцами и племенами белозерской культуры Северного Причерноморья (Козенкова, 2001, с. 35).

Единичность случаев находок данной категории предметов не только для ареала кобанской культуры (Сержень – Юрт, Комсомольское) но и для Кавказа в целом, на данном этапе исследования может свидетельствовать о

привнесенном характере этой своеобразной формы посуды, и свидетельствуют о весьма удаленных контактах «кобанцев» (Восточное побережье Крыма – Восточное Предкавказье). В то же время, необходимо отметить, что вышеописываемый сосуд из Комсомольского несколько отличается от Сержень – Юртовских (в первую очередь своими размерами и овальностью). Также, на дне сосуда из Комсомольского присутствуют слабые следы нагара, что может свидетельствовать, возможно, о использовании его в качестве какого либо рода светильника (сального ?)

Керамические пряслица усеченно-конической формы с вогнутым основанием – тип 1 по классификации Е.И.Крупнова и тип IV по В.И.Козенковой – из Среднеурухского и Комсомольского поселений являются весьма важными определяющими предметами (рис. 49, *9–10, 12*). Данные пряслица наиболее типичны для западного варианта кобанской культуры, и весьма распространены в материалах центрального – только в слоях Змейского поселения пряслиц данного типа, орнаментированных аналогичным нашим образом, найдено 49 штук (Козенкова, 1998, с. 27; Деопик, Крупнов, 1961, с. 25, с. 29, рис. 8, *10–11*).

Для материалов восточного варианта данный тип пряслиц не характерен, здесь наиболее распространен I-й тип по классификации В.И.Козенковой (Козенкова, 1982, с.12–13, табл. VI, *14–18*).

Керамические пряслица данного типа на Змейском поселении наиболее распространены в горизонтах, относящихся к ранним и средним хронологическим этапам жизни памятника. На территории центрального варианта аналогичные пряслица происходят из кобанского поселения близ ст. Николаевская Дигорского р-на РСО – А (Тургиев, 1971, с. 22, рис. 4, *1–2*).

На Сержень – Юртовском поселении, пряслица данного типа происходят из штыков 2–3 слоя, относящегося ко времени первого этапа жизни на поселении, характеризующего эпоху расцвета памятника – 11 – начало 7 вв.

до н.э. В материалах западного варианта кобанской культуры хронология подобных пряслиц (тип IV, вариант 1 по классификации В.И. Козенковой для западной группы памятников) «устанавливается в пределах VIII–VI вв. до н.э. на основании комплексов, в которых они найдены» (Козенкова, 1998, с. 27).

Три пряслица данного типа отмечены на западе ареала, для более ранних периодов – слой 10–8 вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 и из погребения 14 одноименного могильника. Учитывая находки пряслиц данного типа в ранних слоях Змейского поселения, диапазон бытования данного орудия труда для памятников центрального варианта, оказывается, вероятно, весьма широк – с 10 (а возможно и с 11) по 6 в. до н.э. Нахождение же аналогичных пряслиц в слоях Хумаринского поселения скифского времени, указывает на верхнюю дату жизни на Среднеурухском и Комсомольском поселениях (Абрамова, 1999, с. 114, рис. 12, *1–3*).

С территории Комсомольского поселения происходит, также, небольшая керамическая кружка с утраченной (вероятно, петлевидной) ручкой (рис. 46, *5*). Кружка средних размеров черного (местами темно-серого) цвета с нарезным орнаментом. Венчик слабоотогнут наружу, горло короткое, тулово расширено, дно плоское, несколько выделенное, тесто с добавлением мелкого песка. Ручка и часть венчика – утрачены. Первая крепилась к верхнему краю венчика, составляя часть последнего. Нижнюю часть горла опоясывает линия из коротких штрихов расположенных под углом. В месте перехода тулова к горлу, сосуд опоясывает горизонтальная линия, к которой снизу примыкают сторонами 9 равнобедренных треугольников. Кружки данного типа также являются более характерными для центрального варианта кобанской культуры. Они имеются среди материалов Змейского поселения (Деопик, Крупнов, 1961, с. 23–24, рис. 7, *7–8*). Данный тип сосудов выделяется авторами в отдельную категорию третьего типа змейской керамики. Аналогии

этим кружкам имеются среди керамики Верхнекобанского могильника, погребений 8–7 вв. до н.э. Николаевского могильника (Раскопки Т.Б.Тургиева), Пседахского могильника (раскопки В.И.Козенковой), могильника Верхняя Рутха (раскопки Е.И.Крупнова). Близкая категория кружек (первый вариант второго типа по классификации В.И.Козенковой) имеется среди материалов слоя 10 – 7 вв. до н.э. Сержень – Юртовского поселения, а также в Нестеровском могильнике (Крупнов, 1960, с. 476, табл. LVI, *4*).

Большое количество кружек этого типа находилось в материалах погребений Эльхотовского могильника (рис. 12 – 13). В эльхотовских комплексах кружки данного типа, но несколько бо´льшие по размерам, сочетались с такими категориями датирующих предметов, как бронзовые двукольчатые удила с прямоугольным рифлением на грызле, керамическая корчага с небольшими округлыми ручками на плечиках 9 – начала 7 вв. до н. э., очковидные височные и крестовидные бронзовые привески, небольшие бронзовые поясные пряжки подпрямоугольной формы и т.д.

Важным моментом является то, что Комсомольское поселение кобанской культуры находится в приграничной зоне памятников центрального и восточного локальных вариантов кобанской культуры, что позволяет считать его весьма перспективным в плане уточнения вопросов связанных с границами локальных групп.

4. ПОСЕЛЕНИЕ ЭЛЬХОТКОМ (ПАРСТАГ)

Поселение расположено на южном склоне Кабардино – Сунженского хребта, в районе «Эльхотовских ворот», в 3 км юго-восточнее с. Эльхотово (рис. 1, *4*). Здесь отроги хребта спускаются к р. Терек. Один из отрогов был в древности искусственно выровнен древними «кобанцами» и превращен в укрепленное поселение. Памятник выявлен В.А.Кузнецовым в 1965 г. Поселение представляет собой холм с крутыми склонами. На памятнике зафиксировано наличие культурных слоев двух эпох – поздняя бронза – раннее железо

(кобанская культура) и средневековой. Кобанская керамика с поселения лепная, с нарезным орнаментом, коричневого и светло-серого цвета. Обжиг средний, тесто крупнозернистое или среднезернистое, с присутствием песка. Отсюда же происходит ручка от глиняной «подставки», того же типа что и «подставки» Змейского поселения. Предварительная датировка поселения – 10 – 8 вв. до н.э. (Кузнецов, 1965, с. 4 – 6; 1970, с. 5 – 7; Козенкова, 1996, с. 147).

5. ВЕРХНЕСАНИБАНСКОЕ (ГИЗЕЛЬДОНСКОЕ) ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится на северном склоне Лесистого хребта, на последнем отроге, спускающемся в долину р. Гизельдон вблизи с. Верхняя Саниба Пригородного р-на РСО – А, на входе в Гизельдонское ущелье, в глубине которого расположен известный Верхнекобанский могильник (рис. 1, *5*). Поселение было выявлено научным сотрудником ЛОИИМК АН СССР В.П.Любиным в 1954 г. и уже им памятник был определен как многослойный – от кобанской эпохи до средневековья (Крупнов, 1960, с. 147).

Судя по подъемному керамическому материалу, найденному нами на территории поселения, памятник датируется, предварительно, 7 – 5 вв. до н.э. Керамика поселения представлена фрагментами сосудов, вероятно, типа корчаг, средних размеров. Цвет сосудов – коричневый, светло-коричневый и черный. Керамика – лощеная, обжиг средний, тесто средней зернистости, с добавлением песка.

6. КАРАГАСЫ – ОБАУ

Поселение расположено на холме округлой формы с крутыми склонами близ с. Урсдон Дигорского р-на РСО – А, на правом берегу р. Урсдон (рис. 1, *6*). По подъемному материалу с памятника – фрагментам керамики, устанавливается наличие на нем как минимум двух культурных слоев, позднекобанского и средневекового. Кобанская керамика с поселения представлена фрагментами лепных лощеных мисок, кружек и корчаг с резным геометрическим орнаментом. В 2006 г. З.Х.Царикаевой (Албеговой) на поселе-

нии были проведены разведочные работы, в ходе которых был собран керамический материал аналогичный сборам В.А.Кузнецова в 1965 и 1970 гг. (Кузнецов, 1965; 1970).

На основе этих данных поселение датируется 6 – 5 вв. до н.э. и входит в круг позднекобанских памятников северной группы центрального варианта кобанской культуры.

На наш взгляд, судя по фрагментам керамики, найденным на поселении нами, здесь есть кобанский слой и более раннего времени, а именно 8 – 7 вв. до н.э. (рис. 50, *3 – 4*; 53, *1–4*).

7. НИКОЛАЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (ДУР-ДУР-2)

Поселение находится в 3 км к западу от ст. Николаевская Дигорского района РСО – А, на южных отрогах Кабардино – Сунженского хребта, на приподнятом плато, спускающемся к реке Кутанка, к северу от разрушенной МТФ бывшего колхоза им. Легейдо (рис. 1, *7*). Поселение является частью средневекового городища Дур-Дур-2 выявленного в 1965 году В.А.Кузнецовым во время разведок в данном районе. Длина плато 300 м, ширина 150 м. Площадь, с учетом нахождения посадов вокруг городища – не менее 150 000 кв. м. С юга на городище имеется проход, фланкированный с двух сторон выступами плато, в которых В.А.Кузнецов предположил нечто вроде бастионов. В южном углу городища В.А.Кузнецов также отметил выступ похожий на вышеупомянутые «бастионы», предположив здесь цитадель местного властителя. На городище была найдена керамика сходная с керамикой земляных аланских городищ (первой половины I тыс. н.э.), которая была отнесена В.А.Кузнецовым к VIII–X вв. (Царикаева (Албегова), 2007, с. 14).

В 1970 г. в ходе прохождения полевой практики студентами исторического факультета СОГУ ст. преподавателем Т. Б. Тургиевым были проведены археологические разведки и раскопки в районе ст. Николаевской. Кроме раскопок на Николаевском могильнике кобанской культуры, Т. Б. Тургиевым

были проведены сборы керамики на территории средневекового городища Дур-Дур-2, которое было отнесено им к 10–12 вв. Также, Т. Б. Тургиев предположил вероятность наличия здесь слоев более раннего времени, опираясь в том числе, на наличие зольника насыщенного фрагментами кобанской керамики (Тургиев, 1971, с. 9).

В 2006 г. Северо – Осетинским отрядом ИА РАН под руководством З.Х.Царикаевой (Албеговой) в районе данного памятника были проведены археологические разведки. В ходе этих работ на городище Дур-Дур-2 были собраны, кроме фрагментов аланской керамики эпохи средневековья и фрагменты посуды кобанской культуры. Таким образом, было подтверждено, что на городище присутствуют слои и кобанской культуры (Царикаева (Албегова), 2007, с. 15). На поселении были найдены: фрагмент горла и стенки от чернолощеной керамической корчаги грушевидной формы, фрагменты стенок керамических лощеных сосудов охристого цвета с линейным орнаментом. Отсюда же происходит верхняя часть небольшой корчаги с раздутым туловом и слабоотогнутым венчиком, часть миски с прямым венчиком, слабоотогнутый венчик и дно тулова корчаги, часть тулова большой кружки с резным геометрическим и лепным (сосцевидным) орнаментом (рис. 51, *5–8*). По фрагментам керамических сосудов поселение датируется 8 – 7 вв. до н.э.

Зольник, оставленный жителями данного бытового памятника в процессе своей жизнедеятельности, представляет собой холм высотой 3,5 м и диаметром 35 м, состоящий из пепла, золы, битой керамики и фрагментов костей животных. В ходе сборов Т.Б. Тургиева в 1970 г. на зольнике были найдены фрагменты лощеных корчаг, кружки и миски с загнутым внутрь венчиком черного, охристого и серого цвета с геометрическим и лепным орнаментом (Тургиев, 1971, с. 10 – 11, рис. 5).

Как и поселение, зольник датируется 8 – 7 вв. до н.э. Аналогичные зольники зафиксированы Е.И.Крупновым на Алхастинском поселении восточного варианта культуры (Крупнов, 1960, с. 156 – 157).

8. ПОСЕЛЕНИЕ ДУР – ДУР – 5 (КАУАТ)

Данное поселение, также, расположено в Дигорском районе РСО – А, на левом возвышенном берегу р. Дур-Дур, в 5,5 км к западу от г. Дигора, на надпойменной террасе вытянутой с северо-запада на юго-восток (рис. 1, *8*). Поселение является частью средневекового аланского городища Дур-Дур-5, и в значительной степени перекрыто слоями последнего. Поселение выявлено в 2005 г. Тогда же на его территории З.Х.Царикаевой (Албеговой) были собраны фрагменты лощеной орнаментированной кобанской керамики 8 – 7 вв. до н.э. Фрагменты представляли собой часть тулова сероглиняного лощеного черпачка с высокой петлевидной ручкой, два фрагмента стенки черно-лощеного сосуда, и два фрагмента стенки керамического сосуда охристого цвета. Последние четыре фрагмента керамики украшены резным линейным орнаментом из параллельных и косых линий и заштрихованных треугольников (Царикаева (Албегова), 2006, с. 18, рис. 86, *25*; рис. 88, *35–37*). На западной окраине этого городища/поселения, в 2006 г. в ходе разведочной шурфовки З. Х. Царикаевой (Албеговой) были выявлены кобанские погребения аналогичные по типу могил захоронениям Николаевского могильника. Две грунтовые подпрямоугольной формы ямы были обложены и перекрыты валунами. Погребения не вскрывались, но предварительно атрибутируются по характеру погребальных сооружений и невыразительным фрагментам керамики близких найденным на данном поселении кобанской керамики 8–7 вв. до н.э. (Царикаева (Албегова), 2006, с. 44–45). Мы не включаем данный могильник в общую сводку, так как данных о характере его материальной культуры и обряде пока не достаточно.

9. ЧЕРНОРЕЧЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится в 3 км к юго-западу от г. Владикавказ, на одном из южных отрогах Лесистого хребта (рис. 1, *9*). Памятник представляет собой искусственно эскарпированный холм, вытянутой с запада на восток, формы, вблизи от правого берега р. Черная. Поселение было зафиксировано в 2006 г. Царикаевой (Албеговой) З.Х. Тогда же на памятнике были собраны фрагменты лощеных корчаг и горшков темно-серого, коричневого и охристого цвета, украшенных горизонтальным линейным прочерченным орнаментом. В 2012 г. на памятнике нами был собран подъемный материал, представлявший собой фрагменты керамических лощеных корчаг с плавно отогнутым венчиком темно-серого, почти черного и коричневого цвета, который характерен для кобанской культуры 6–5 вв. до н.э., а также фрагменты керамики более раннего времени – эпохи ранней и средней бронзы. Вероятно, кобанские слои данного поселения, являются одновременным таким бытовым памятникам кобанской культуры как Моздокское поселение и Карагасы-обау.

10. ПОСЕЛЕНИЕ БЛИН - ГОРА 1

Поселение находится в предгорной части Северной Осетии, между селениями Карджин и Красногор, в 1700 м от пос. Бекан. Поселение представляет собой уплощенную возвышенность (рис. 1, *10*). На юго-западной периферии возвышенности, у правого берега р. Белой были обнаружены фрагменты керамической посуды кобанской культуры. Среди них – венчики, стенки и донца сосудов. Тесто рыхлое, охристого, рыжего и коричневого цветов. Имеется также фрагмент турлучной обмазки. Керамика найдена в срезах грунтовой дороги и склоне на протяжении 100–150 м вдоль периферии плато. Поселение выявлено в 2006 в результате разведочных работ, проводившихся археологической экспедицией ИА РАН под руководством З. Х. Царикаевой (Албеговой). На поселении был собран следующий керамический подъемный материал: фрагмент лощеного плавно отогнутого венчика сосуда коричневого цвета, фрагмент лощеного плавно отогнутого венчика горшка рыжего цве-

та, фрагмент стенки лощеного сосуда охристого цвета украшенный сосцевидным налепом, фрагмент горла толстостенного сосуда светло-рыжего цвета, фрагмент плоского дна светло-рыжего цвета, фрагмент плоского дна сосуда светло-рыжего цвета (диаметр – 10 см), фрагмент турлучной обмазки. Предварительно, материал поселения датируется позднекобанским временем – 6–5 вв. до н.э. [2]

11. МОЗДОКСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится в 1 км к востоку от ст. Моздок (рис. 1, *11*). Исследовано экспедицией ГАИМК под руководством М. А. Миллера в 1935 г. В южном обрезе карьера, расположенного на второй террасе Терека был обнаружен культурный слой толщиной 1 м. Слой прослежен на длину в 180 м. Примерная площадь – 150 х 200 м (больше Змейского). Культурный слой поселения включал кроме зольных линз и фрагментов древесного угля также большое количество фрагментов керамики, поделок из камня, зернотерок, костей домашних животных, створок раковин, а также костей рыб и птиц. Керамика поселения представлена обломками сосудов разнообразных форм и размеров. Среди них следует отметить: а) большие сосуды грушевидной формы, с темной лощеной поверхностью, достигающие высотой до 0,8 м (корчаги); б) сосуды горшечной формы, высотой до 0,2–0,3 м, иногда украшенные по плечам налепными валиками; в) сосуды в форме мисок с узкими днищами и слабо загнутыми внутрь краями (диаметром до 0,2 м); г) небольшие кувшинчики с ручкой.

Материал поселения аналогичен находкам из раскопок Моздокского могильника кобанской культуры. Е. И. Крупнов связывал Моздокское поселение с Моздокским могильником кобанской культуры в один комплекс, и

---

[2] Выражаю большую благодарность З.Х. Царикаевой (Албеговой) за возможность использования материалов ее разведочных работ, выявленных на вышеперечисленных памятниках.

датировал их 6 в. до н.э. По данным приводимым В.И.Козенковой, поселение было частично прорезано Моздокским могильником кобанской культуры конца 7 – первой половиной 6 вв. до н.э. Это обстоятельство, по мнению В.И.Козенковой не позволяет относить верхний рубеж жизни поселения позднее начала 6 в. до н.э. Нижний рубеж бытования данного поселка, «возможно, определяется даже концом 8 в. до н.э.» (Крупнов, 1960, с. 147–148; Пиотровский, Иессен, 1940; Козенкова, 1996, с. 34).

1. 4. Могильники

1. НИКОЛАЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Грунтовый могильник кобанской археологической культуры близ ст. Николаевской Дигорского р-на РСО – А находится на левом берегу р. Дур-Дур на территории бывшей МТФ колхоза им. Легейдо (рис. 1, *12*). Первые сведения о памятнике относятся к 1965 г., когда сотрудником СОНИИ В.А.Кузнецовым во время археологических разведок от местных жителей были получены археологические находки кобанского типа. В мае 1970 г., старшим преподавателем СОГУ им. К.Л. Хетагурова Т.Б.Тургиевым, в ходе проведения полевой практики студентов исторического факультета СОГУ на указанном памятнике были проведены частичные раскопки. В ходе археологических работ было исследовано 13 погребений, располагавшихся тремя рядами. Погребальные сооружения представляли собой грунтовые ямы вытянуто-овальной формы, обложенные большими камнями-валунами. Сверху на погребения наваливались два-три слоя таких камней. Ведущие формы керамики – корчаги с раздутым туловом и резко отогнутым венчиком и кружки с шаровидным туловом, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой, переходящей в венчик (рис. 44, *1, 11 – 12*; рис. 45, *7 - 14*); бронзы – пластинчатые браслеты, цилиндрические накосники, бронзовый топор с прямым корпусом, крестовидные пуговицы, полусферическая нашивная бляшка (Кузнецов, 1965, с. 9 – 11; Тургиев, 1971).

Осенью 2005 года на территории могильника нами были собраны фрагменты керамики кобанской культуры 9 – 8 вв. до н.э., оставшиеся от грабительских траншей, проложенных по территории могильника неустановленными лицами (рис. 50, *1*; рис. 51, *1, 3-4*).

В 2006 г. район поселения и могильника были обследованы Северо – Осетинским отрядом археологической экспедиции Института Археологии РАН под руководством с.н.с. З.Х.Царикаевой (Албеговой). В результате об-

следования, в грабительских шурфах были найдены фрагменты керамических сосудов характерные для кобанской археологической культуры эпохи конца классического периода.

Позднее, в 2011 и 2012 гг., нами были произведены раскопки на могильнике, имевшие целью, в основном, провести доследование вскрытых грабительскими траншеями участков могильника и предотвратить дальнейшую утрату археологических материалов памятника. В результате раскопок было подтверждено, что погребальные сооружения могильника представляют собой грунтовые ямы подпрямоугольной формы заваленные валунами и имеющие наброску из таких же камней. Погребения, выявленные в 2011 – 2012 гг., как и в погребения, исследованные Т.Б.Тургиевым в 1970 г., были ориентированы на Ю Ю В. Дополнением к уже известным чертам погребального обряда данного могильника, после раскопок 2011 – 2012 гг., является то, что согласно нашим исследованиям, на памятнике практиковалось как левостороннее положение погребенных (скорченно на левом боку), так и правостороннее (скорченно на правом боку). Этими же раскопками выявлен такой интересный аспект древней погребальной традиции, как наличие детских мужских захоронений сопровождавшихся уменьшенными копиями бронзового оружия (Чшиев, 2012 б, с. 239).

В целом, археологический материал могильника находит близкие аналогии в материалах Змейского и Среднеурухского поселений, Эльхотовского могильника, и датируется в рамках 9 – 7 вв. до н.э.

2. ЗАМАНКУЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК

В результате поисково – исследовательской работы в Кировском р-не РСО – А (В.А.Кузнецов – 1965, 1970 гг., В.Л.Ростунов – 1980-е – 1990-е гг., Чшиев В.[Х.]Т., 2002 – 2005 гг.) были получены данные о наличие здесь памятников кобанской культуры. Так, разведочные материалы из окрестностей с. Заманкул, расположенного у самого подножия южной экспозиции Кабар-

дино – Сунженского хребта, свидетельствуют о наличии, по меньшей мере, двух памятников кобанской культуры. Первый из них, по найденным здесь бронзовому топору с прямым корпусом, бронзовой модели кисти руки и бронзовому клинку кинжала, с характерным сужением в средней части лезвия, ажурной бронзовой пряжки, а также по керамическому пряслицу, датируется, предварительно, 9-7 вв. до н.э. (рис. 49, *14*; 50, *2, 5*; 51, *2*). Месторасположение первого могильника у с. Заманкул не выявлено. Вышеописанные предметы кобанской культуры, находящиеся сегодня в фондах Национального Музея РСО – А, были переданы местными жителями В.Л.Ростунову, без локализации места их находки. Среди названных предметов определенный интерес представляет массивная бронзовая поясная пряжка (рис. 50, *5*). Место и обстоятельства обнаружения предмета остались неизвестными, но, согласно устной информации полученной от местных жителей, возможно он происходит из разграбленных в районе с. Заманкул в 70-е годы 20 века кобанских погребений. Внешняя поверхность пряжки украшена геометрическим орнаментом, на внутренней имеется крючок, и на противоположной от него стороне пряжки – отверстия, для прикрепления к поясу. Массивность пряжки (она закрывает практически весь живот, при одевании на человека), свидетельствует, о ее принадлежности не только к аксессуару костюма (вероятно, праздничного), но и об использовании ее в качестве защитного доспеха. Пряжки данной формы не характерны для материалов центрального и западного вариантов кобанской культуры, и, опять же, типичны для восточного. Здесь бронзовые пряжки подобного типа, с некоторыми различиями по вариантам (тип IX по типологической классификации В.И.Козенковой), найдены в количестве 18 экземпляров (Козенкова, 1982, с. 53, табл. XXXI, *5;* с. 148, рис. 1, *Б*). Наиболее заметное отличие от них заманкульской пряжки – значительно бо′льшие размеры. В.Б.Виноградов считал этот тип пряжек локальным для древностей восточного варианта культуры (Виноградов, 1972, с.

277). Этот вывод ученого был поддержан В.И.Козенковой (Козенкова, 1982, с. 54). Посвятившая пряжкам рассматриваемого типа специальную статью В.А.Петренко, полагает, что «...картографирование барельефно-ажурных блях устанавливает территорию их распространения – предгория юго – восточной Чечни (селения Ведено, Горгали, Курен-Беной, ялхой-Мохк, Аххинчу-Барзой, Гуни, Аллерой, Хатуни, Шали или его окрестности, город Гудермес) (Петренко, 1984, с. 36). Пряжка из Гудермеса, рассматриваемая в работе В.А.Петренко, не только схожа с заманкульской по форме и орнаментике, но и близка по размерам (Петренко, 1984, с. 41, рис. 1, *10)*. По мнению В.А.Петренко пряжки этого типа датируются 5 – 4 вв. до н.э. (Петренко, 1984, с. 41). В.И.Козенкова относит время бытования восточно-кобанских пряжек IX типа к хронологическому отрезку от середины 7 – до 4 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 148, рис. 1, *Б*), а также, отмечает бытование на территории Чечни и Ингушетии поздних дериватов пряжек этого типа вплоть до 3 в. н.э. (Козенкова, 1999, с. 189, рис. 2, *4 – 6, 8 – 9*).

Таким образом, вышерассмотренная пряжка может свидетельствовать об определенных связях населения восточного и центрального вариантов кобанской культуры, прослеживающихся в памятниках культуры предгорий обоих вариантов северного склона Главного Кавказского хребта. На примере этого предмета прослеживается влияние восточного варианта культуры на центральный, отразившееся в присутствии в классических центральнокобанских памятниках элементов материальной культуры типичных для племен – носителей восточного варианта кобанской археологической культуры.

Второй памятник близ с. Заманкул, также представляет собой могильник, но датируется уже скифским временем. Могильник был выявлен в 1970 году В.А.Кузнецовым, в ходе разведочных работ в окрестностях с. Заманкул (Кузнецов, 1970, с. 7). Были зафиксированы два разрушенных и разграбленных погребения, и одно целое. Погребальные сооружения представляли со-

бой впущенные в грунт каменные ящики, сложенные из монолитных песчаниковых и известняковых плит. В.А.Кузнецовым было исследовано одно женское погребение. Костяк располагался скорченно на левом боку, головой на Ю Ю З. Пол могилы земляной. Погребальный инвентарь был представлен кувшином серо-черного цвета биконической формы, тулово которого украшено резным геометрическим орнаментом и чернолощеной кружкой с петлевидной ручкой, переходящей в отогнутый венчик. Из металлических вещей была найдена бронзовая булавка с закрученной головкой. В области таза погребенной находилась раковина каури. Погребение отнесено В.А.Кузнецовым к кругу кобанских памятников скифского времени типа Моздокского и Нестеровского могильников и датировано 6-5 вв. до н.э. (Кузнецов, 1970, с. 6-7).

В 2005 г. в р-не Заманкульского могильника скифского времени нами было найдено глиняное пряслице усеченно – конической формы, характерной для кобанской культуры классического периода (рис. 49, *13*).

3. ЗМЕЙСКИЙ МОГИЛЬНИК

Змейский могильник кобанской культуры был выявлен в 2013 г. в ходе археологических работ, проводившихся в окрестностях ст. Змейской Кировского района РСО – А экспедицией под руководством М.А.Бакушева («Археологическое общество Кубани»). Могильник расположен вблизи от известного Змейского поселения кобанской культуры, и, безусловно, связан с последним (рис. 1, *18*). В результате археологических раскопок были выявлены 14 грунтовых погребений, датирующихся в рамках 8 – первой половины 7 в. до н.э. (Бакушев, Чечина, 2014, с. 121). Из них два захоронения содержали по два костяку. Положение костяков в погребениях памятника весьма сходно с наиболее близко расположенному к нему (на противоположном берегу р. Терек), Эльхотовскому могильнику – слабоскорченные захоронения на правом или левом боку, кисти рук расположены перед лицевыми костями

черепа. Весьма близка и ориентация погребенных – преимущественно северо-восточная и восточная, а также, северо-западная. Инвентарь могильника обнаруживает большое сходство с вещевыми комплексами 8 – начала 7 вв. до н.э. из Эльхотовского и Николаевского могильников кобанской культуры. Это корчаги, украшенные по тулову вертикальными линиями, а также – с сосцевидными налепами на тулове, кружки с массивной ручкой и вертикальным линейным орнаментом, черпачки с заоваленным дном и сосцевидными налепами на средней части тулова, бронзовые накосники, браслеты с закрученными в волюты концами, стрелы - «площики», нашивные бляшки, височные привески с рифлением, крестовидные пуговицы (Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, I, *1, 4, 6*; II, *3-4, 11-15*; III, *4-6*; с. 123, рис. 2, I, *1 - 4*; V, *2 - 4*). Особый интерес вызывает находка в Змейском женском погребении № 11 пояса, составленного из 8 бронзовых спиралей (Ук. соч., с. 122, рис. 1, II, *8*), исключительно близкого поясу из погребения 77 Эльхотовского могильника (Приложение 2, с. 109, рис. 45 а).

4. МОЗДОКСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник находится на террасе левого берега р. Терек, у северной окраины Моздока (рис. 1, *15*). Памятник исследовался А.А.Иессеном и Б.Б.Пиотровским (1933–1936 гг.) Погребальные сооружения представляли собой как курганы, так и грунтовые погребения. Курганы содержали по одному центральному погребению, сопровождавшемуся захоронением лошади. Положение костяков – скорченное на боку, головой на юг. Грунтовые погребения могильника, сопровождавшиеся тождественным подкурганным могилам инвентарем, имели также аналогичное положение тела и ориентировку. Могильник датирован А.А.Иессеном и Б.Б.Пиотровским 6 в. до н.э. (Иессен, 1940, с. 28).

Отличие между данными погребениями заключалось лишь в наличие или отсутствии насыпей над погребениями. Украшения могильника – брон-

зовые браслеты, булавка, перстень со спиральными щитками, посуда – корчаги с раздутым туловом, кружки, глубокие миски с загнутым внутрь венчиком, свидетельствуют о датировке памятника 7 – 6 вв. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 19).

А.А.Иессен считал, что материальная культура Моздокского могильника свидетельствует о его связи с культурой предшествующего периода. Об этом говорит скорченное положение костяков в погребениях, бронзовые дуговидные фибулы, керамика центральнокобанского типа.

Е.И.Крупнов относил данный памятник к восточному варианту кобанской культуры, а В.Б.Виноградов к восточной (правобережной) группе предкавказского (плоскостного) варианта скифского периода. Однако раскопки М.П.Абрамовой, в 1970 г. исследовавшей аналогичный Моздокскому Комаровский могильник здесь же в среднем Притеречье, убедительно показали, что оба памятника относятся к центральному варианту кобанской культуры (Иессен, 1940, с. 26; Абрамова, 1974, с. 210-211; Крупнов, 1960, с. 242; Виноградов, 1972, с. 252; Козенкова, 1996, с. 17).

Материалы Моздокского могильника хорошо иллюстрируют переходный характер периода 6-5 вв. до н.э. для памятников кобанской культуры, когда наряду с предметами и обрядами, уходящими в эпоху классической Кобани, появляются скифоидные элементы, сменяющиеся, в свою очередь, позднее, признаками характерными для сарматской культуры.

5. КОМАРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Еще одним памятником кобанской культуры скифского времени является Комаровский могильник, расположенный на левом берегу р. Терек близ с. Комарово Моздокского р-на РСО – А (рис. 1, *16*). Могильник исследовался в 1970 М.П.Абрамовой. Всего было выявлено 10 погребений, располагавшихся рядами на довольно большом расстоянии друг от друга – 10–15 м на высоком надпойменном мысу р. Терек (Абрамова, 1970, с.17–19). Погребе-

ния грунтовые индивидуальные, захоронения произведены в овальных ямах на левом (мужчины) и правом (женщины) боку, головой на юг или юго-запад и юго-юго-запад. Руки погребенных согнуты в локтях, кисти приближены к лицевой части черепа, ноги согнуты в коленях, ступни приближены пятками к тазовым костям. Внешние признаки погребений не зафиксированы. В погребениях были найдены древесные угли, что свидетельствует об использовании огня в погребальном ритуале. Также, частью погребального обряда данного памятника было сопровождение захоронения частью туши МРС (барана). Интересной чертой костюма погребенных в Моздокском могильнике является находки у правой части груди или плеча стержневидных булавок типичных для памятников кобанской культуры, но уже выполненных не в бронзе, а в железе. Также частью погребального ритуала данного памятника является захоронение вместе с покойником и верхового взнузданного коня (погребение № 3). Уздечный набор включал собой двукольчатые железные удила и трехпетельчатые железные псалии, а также костяные зооморфные украшения. Керамика могильника представлена чернолощеной и серой посудой – корчаги, грушевидные кувшины с ручкой переходящей в венчик, глубокие миски с вертикальными стенками и относительно небольшим дном, украшенные нарезным орнаментом. В нескорых случаях резной орнамент комаровских сосудов был затерт белой пастой (Абрамова, 1970, с. 20–22). В погребении № 8 могильника были найдены бронзовые стрелы, характерные для кобанской культуры предскифского времени – площики. И здесь же находились бронзовые втульчатые двух- и трехлопастные наконечники стрел с шипами, типичные для степных форм. В результате изучения материалов Комаровского могильника М.П.Абрамова отнесла его к кругу памятников центрального варианта кобанской культуры скифского времени (конец 7–6 в. до н.э.). По ее мнению «могильник был оставлен местными племенами кобанской культуры. Однако эти племена находились под влиянием северных

степных кочевников…» (Абрамова, 1970, с. 25; 1971, с. 23). Этой же точки зрения придерживается В.И.Козенкова (Козенкова, 1996, с.17, рис. 11).

6. ПОГРЕБЕНИЕ У ПОСЕЛКА САДОВЫЙ (?)

Особняком в рассматриваемом ряду памятников стоит погребение у поселка Садовый, не входящее в круг центральнокобанских и сочетающее в комплексе как типично степные кочевнические черты, так и западнокобанские. Погребение включено нами в сводку памятников предскифского – раннескифского времени предгорно-равнинной зоны Северной Осетии по причине его выразительной показательности в качестве маркера контактной зоны.

Захоронение было выявлено в 1989 г., в Моздокском районе РСО – А, археологической экспедицией СОГОМИАЛ, на левобережье р. Терек, (рис. 1, *14*). Впускное (№ 6) в курган эпохи бронзы № 1 захоронение было совершено в овальной грунтовой яме ориентированной длинной осью по линии восток – запад. Погребенный лежал на левом боку, с «завалом на спину», головой на восток. Ноги сильно согнуты в коленях. Левая рука вытянута вдоль тела, правая рука согнута в локте под углом 90°. У черепа расчищены сильно фрагментированный керамический горшок и фрагменты керамического сосуда (жаровня?) Рядом с сосудом находились кости жертвенного животного. У правого локтевого сустава находилась крупная бронзовая бусина (ворворка?). У тазовых костей, в области поясницы были найдены сильно коррозированный фрагмент железного ножа и кусочек кремня. Кисть правой руки находилась на каменном цилиндрическом молоте, расположенном у правого колена. Края молота закруглены, отверстие – двустороннего сверления. Длина молота – 187 мм, диаметр – 40 мм, диаметр отверстия – 16–20 мм (Сосранов, Черджиев, 2008, с. 447).

Погребальный инвентарь могилы состоял из керамического нелощеного горшка биконических очертаний с небольшим плавно отогнутым венчи-

ком. Тулово горшочка сплошь покрытого семечковидными вдавлениями. По мнению В.И.Козенковой, Р. С. Сосранова и Э.Л.Черджиева погребальный инвентарь захоронения находит аналогии, преимущественно, в материалах западного варианта кобанской культуры. Это горшочек с семечковидными вдавлениями и каменный молот, находящий аналогии в погребении 5 могильника «Мебельная фабрика» 1, и из погребения 14 Клин-Ярского III могильника. Для уточнения датировки погребения у п. Садовый, важную роль играет наличие каменного молота в первом раннем слое Сержень – Юртовского поселения (помещение 10) – датируемого В.И. Козенковой концом 11 – началом 7 в. до н.э. В целом, комплекс из п. Садовый проанализирован и отнесен В.И.Козенковой ко второму этапу (в пределах 8 в. до н.э.) бытования памятников западного варианта кобанской культуры (Козенкова, Сосранов, Черджиев, 1997, с. 16; Козенкова, 2001, с. 78, рис. 92, *11*; Козенкова, 1996, с. 26).

Атрибуция погребения у п. Садовый В.И.Козенковой «как западнокобанского» была разделена А.П.Мошинским и С.Ю.Скаковым (Мошинский, Скаков, 2000, с. 207). Отметив, вслед за М.П.Абрамовой и В.И.Козенковой «сходство моздокской керамики с материалами из Заманкула» А.П.Мошинский и А.Ю. Скаков полагают, что «возможно, это связано с распространением элементов культуры западного варианта в скифское время на Осетинскую равнину», что может быть обусловлено, по мнению исследователей тем, что «в позднекобанское время здесь образовалась контактная зона» (Мошинский, Скаков, 2000, с. 207).

В то же время, С. Л. Дударев приводит ряд аргументов, на основании которых относит рассматриваемое захоронение к группе черногоровских раннекочевнических (Дударев, 2011, с. 114 – 115). По мнению С. Л. Дударева, такие признаки погребального обряда как впущенность могильной ямы в курган, Ю-Ю-В ориентировка костяка, захоронение тела на левом боку, на-

личие среди инвентаря напутственной пищи и каменного молота, а также наличие таких «микродеталей погребального ритуала, как вытянутость левой руки вдоль тела, помещение молота в кисть правой руки погребенного» свидетельствуют о его кочевнической атрибуции (Дударев, 2011, сс. 115 – 118, рис. 2). На наш взгляд, сопряженность в этом погребении таких предметов инвентаря, как горшочек с ногтевыми насечками типичный для западного варианта кобанской культуры (близкий горшок с аналогичной орнаментикой мы рассматривали выше среди материалов Эльхотовского могильника) и каменный молоток, характерный для степных культур, являются еще одним наглядным аргументом для включения памятников предскифского – раннескифского времени Моздокского района РСО – А в контактную зону.

Дискуссия среди специалистов пока не привела к окончательному решению вопроса о культурной атрибуции рассматриваемого погребения и нами оно вводится в сводку кобанских объектов под вопросом (рис. 1, *14*).

Картографирование вышеописанных памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии показывает, как уже отмечалось выше, что выбор места для основания поселений кобанских племен, с одной стороны, был связан с условиями ландшафта каждой конкретной местности, а с другой, находился во взаимосвязи с определенными границами земельных угодий древних кобанцев (рис. 1). Так, определение расстояния между памятниками кобанской культуры предгорий (район Кабардино – Сунженского хребта) показало достаточно близкие цифры – от 8 до 12 км. Последнее наблюдение подразумевает, вероятно, существование определенной системы, возможно связанной с социально – политическими и экономическими реалиями этих племен в рассматриваемое время.

Основной памятник нашего исследования – Эльхотовский могильник, по материалам уверенно вписывается в контекст вышеприведенных объектов предгорной зоны Северной Осетии.

ГЛАВА 2. ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

2. 1. Месторасположение и общая характеристика Эльхотовского могильника

Эльхотовский могильник кобанской культуры был открыт во время археологических разведок, проводившихся в 1996 г. силами научных сотрудников Института истории и археологии РСО – А (начальник отряда В. Т. Чшиев) (Чшиев, 2001 а; 2001 б, с. 45 – 51; 2004, с. 273 – 286; Фидаров, Чшиев, 2004, с. 186 – 206; Чшиев, 2005 а, с. 182 – 186; 2005 б, с. 89 – 99; 2006 а; 2006 г, с. 142 – 150; 2007 б; 2011; 2012 а; 2012 б; 2012 в, с. 65 – 69; 2012 г, с. 96 – 100). Памятник находится на древней возвышенной террасе правого обрывистого берега р. Терек в 2,3 км к юго-востоку от с. Эльхотово Кировского р-на РСО – А и в 65 км к северо-западу от г. Владикавказа (рис. 1, *17*). Географическое наименование местности, где расположен памятник – «Эльхотовские ворота» – весьма точно отражает его выгодное месторасположение. Здесь в древности р. Терек пробила себе проход на север в гряде Кабардино – Сунженского хребта. Этот естественный проход стал важным стратегическим путем для древних народов, так как является наиболее короткой и удобной дорогой ведущей из Северного Предкавказья к Крестовому (через Дарьяльское ущелье) и другим перевалам центральной части Главного Кавказского хребта. Отсюда, после прохождения по «Эльхотовским воротам» к югу, можно было попасть в соседние ущелья по многочисленным притокам Терека, а также, выйти в восточные районы Северного Кавказа, вдоль северного склона Главного Кавказского хребта, вплоть до Дербентского (Каспийского) прохода.

Раскопки на памятнике проводились с 1996 по 2005 г. В ходе раскопок исследована площадь в 921 кв. м, на которой было зафиксировано 84 одиночных и одно двойное грунтовое погребение. Из них 58 относились к могильнику кобанской культуры (в том числе – двойное) и 26 – к христианскому кладбищу 14 в., расположенному стратиграфически выше первого. Все погребения кобанской культуры находились в скорченном положении на правом (как правило, женские) или на левом боку (как правило, мужские) (приложение 1, табл. 1), ноги согнуты в коленях, пятки, часто вплотную, приближены к тазу. Руки погребенных, как правило, расположены перед лицевыми костями черепа. Ориентированы погребенные головой на северо-восток, восток, редко на юго-восток (приложение 1, табл. 1). Все кобанские погребения, кроме одного, содержали одиночные захоронения. Лишь в одном случае (комплекс № 73, раскопки 2003 года) в погребении находились два костяка, мужской и, вероятно, женский (погребение потревожено и ограблено).

Исследование и анализ материалов Эльхотовского могильника позволяет, бесспорно, отнести этот памятник именно к центральному варианту кобанской культуры. На это указывают такие категории бронзовых предметов как: дуговидные фибулы, массивные цилиндрические спиральные накосники, витые налокотники, двоякоизогнутый топор, топор с гравированным изображением кошачьего хищника в динамичной позе, гривны, пластинчатые браслеты с завитками на концах, широкий пояс, спиральные биконические пронизи, многочисленные крестовидные привески, пластинчатые прямоугольные пряжки и др. А также, керамика: – высокие корчаги с расширенным туловом и плавно отогнутым венчиком, круглодонные черпачки с сосцевидными налепами и петлевидной ручкой, орнаментированные кружки и др. Нахождение в едином закрытом комплексе погребения № 32 «центральнокобанской триады» в виде двоякоизогнутого бронзового топора, крестовидной

бронзовой привески и дуговидной фибулы орнаментированной «елочкой», подтверждает атрибуцию памятника как центральнокобанского.

Памятник находится вблизи от границы центрального и восточного вариантов (междуречье Терека и Ассы), но в нем не отмечены такие характерные для восточного варианта культуры признаки, как помещение в могилу плоских каменных плиток-жертвенников, пластинчатые браслеты с «рогатыми» стилизованными зооморфными концами, бронзовые ажурные браслеты, ножницевидные привески, глиняные модели колес, конусовидные пряслица, овальные прорезные подвески, горшки биконической формы (Козенкова, 1989, с. 259–260). В то же время, ряд предметов памятника свидетельствует о связях с населением восточного варианта кобанской культуры, что подробнее будет рассмотрено ниже.

В Эльхотовском могильнике не обнаружены и такие разновидности инвентаря, характерные для западного варианта, как цилиндрические молоты, зооморфные секиры – скипетры, бронзовые булавки конусовидной формы, булавки с навершием в виде одной плоско закрученной спирали, массивные браслеты из спирально свернутого прута, булавки с навершием в виде розетки и зооморфной фигурки на петле. Нет и сосудов с многоваликовым рифлением (Козенкова, 1989, с. 257–258). Вместе с тем, в материалах памятника выявлен сосуд, украшенный типичным для западнокобанской керамики «семечковидным» или ногтевым орнаментом.

Кроме этого случая, сходство с западнокобанским материалом связано по предметам, имеющим близость к вещам с так называемыми, «киммерийскими» признаками, или в широком смысле с предметами типа «новочеркасских». Это бронзовые двукольчатые удила с прямоугольно-двурядным рифлением грызла, большие бронзовые бляхи, небольшие бляшки с четырехлучевой звездой и кругом в центре. По такому набору многочисленные параллели Эльхотовским материалам составляют предметы западнокобанского мо-

гильника предскифского времени Клин-Яр III. В частности, к ним относятся бронзовые и костяные втульчатые наконечники стрел, бляшки с четырехлучевой звездой, бронзовые наконечники для ремней, бронзовые бляхи-фалары (Козенкова, 1995, с. 160, табл. XXV, *2, 4, 6, 9*; с. 164, табл. XXIX, *2*; с. 163, табл. XXVIII, *3*; 1989 а, с. 189, табл. XLII, *2*; Белинский, Дударев, 2001 а, с. 68, рис. 3, *3*; с. 69, рис. 4, *4–6*, с. 73, рис. 8, *2 – 3, 5*; с. 65, рис.1, *4*, с. 66, рис. 2, *5, 9*; с. 70, рис. 5, *2*).

Важным моментом, является, также выявление сходства, и отличий при сравнении эльхотовских комплексов с горными памятниками кобанской культуры северного склона Кавказа. В первую очередь, это относится к наличию близких аналогий для эльхотовской керамики, кружек и корчаг из Верхнекобанского и Верхнерутхинского могильников. В то же время, керамика из Эльхотово значительно отличается от керамики в хронологически одновременных комплексах южной группы кобанской культуры, например, таких как Тлийский могильник.

Одним из характерных признаков погребального обряда Эльхотовского могильника, является наличие в комплексах памятника (в среднем в каждом третьем случае) погребальной жертвенной животной пищи. Причем кости мелкого рогатого скота, положенные в погребения, располагаются часто в анатомическом порядке, представляя собой целые передние или задние ноги животных. Эта деталь погребального обряда сближает памятник с одной стороны с одновременными могильными памятниками Прикубанья, в целом Западного Предкавказья, и степными номадическими погребениями.

В этом плане представляет интерес, также, такая категория предметов Эльхотовского могильника, как керамические пряслица особого «шляпковидного» типа, представляющие собой диск с цилиндрической втулкой (рис. 19, *12–13*). В материалах горных памятниках культуры аналогии им пока не зафиксированы. Однако, в ареале предгорных памятников восточного вари-

анта культуры (Алхастинское поселение) они известны (Крупнов, 1960, с. 450, табл. XXVIII, *4)*.

Довольно многочисленны в погребениях могильника и разнообразные бляхи с петлей на обратной стороне, большие и малые, конические и полуовальные, наконечники – обоймы, ворворки, некоторые из которых обычно трактуются как принадлежность конской сбруи. В Эльхотовском могильнике, данные предметы, в том числе, парные массивные литые бляхи с петлей (диаметр – до 7 см), находились в закрытых женских комплексах (рис. 34, *1–2, 5–6*; рис. 35, *31–41*). Причем, аналогичные предметы в большом количестве найдены в комплексах «киммерийского» облика Прикубанья и Северо-Западного Кавказа, что возможно связано с тесными контактами двух этих регионов с населением, оставившим Эльхотовский могильник.

Вышеперечисленные признаки археологических материалов Эльхотовского могильника, вместе с другими, отмеченными в главе 1, определенно позволяют отнести его к **центральному** варианту кобанской культуры, и в то же время, указывают на некоторые специфические особенности каждого из памятников предгорной зоны. Скорее всего, эти особенности иллюстрируют сложный вектор связей, взаимоотношений и взаимовлияний населения оставившего изучаемый могильник с родственными, а также, инокультурными племенами не только Северного Кавказа, но и более отдаленных регионов.

Важной особенностью Эльхотовского могильника является существованиние на одном могильном поле трех хронологических групп захоронений. Основанием для подобного выделения является анализ вещевого матриала и особенностей погребального обряда, о чем будет подробно сказано в третьей главе работы. Здесь же, для полноты общей характеристики памятника, кратко отметим эти погребения и датирующие вещи.

Первую хронологическую группу составляют 8 погребений – №№ 15, 20, 22, 32, 36, 41, 77, 80. Погребение 15 выделено в группу по нахождению в

комплексе бронзовых овального ножа – ланцета и крестовидной пуговицы с архаическими признаками. Плоский нож из погребения 15 весьма близок бронзовым ножам – ланцетам 12 – 10 вв. до н.э. из погребений Тлийского могильника (рис. 17, 1). В Тли эти предметы атрибутируются Б.В.Теховым как инструменты, связанные с медициной (Техов, 1977, с. 120, рис. 93, *2, 4*). Крестовидная пуговица с отверстием в центре из погребения 15 (рис. 17, 1; приложение 1, табл. 10) относятся к первому варианту I-го типа по типологии В.И. Козенковой, и датируется ею в рамках 11–8 вв. до н. э. Все остальные пуговицы данного типа найденные в погребениях могильника вырезаны из бронзовой пластины. В то время как рассматриваемая – литая. Также, концы ее не подпрямоугольной формы, как у других экземпляров памятника, а заостренно-треугольные. Последние два признака свидетельствуют в пользу удревнения находки.

В погребении № 20 удревняющими предметами погребального инвентаря являются керамичсекий горшок «тюльпановидного» типа (единственный случай в могильнике) и бронзовая круглая височная привеска/подвеска с рифлением (рис. 33, *5*; приложение 1, табл. 10). Аналогичная привеска найдена в могильнике Терезе и датируется В.И.Козенковой в рамках 14 – 10 вв. до н.э.

Погребение 22 выделено в раннюю группу по наличию в инвентаре бронзовой витой (а не «ложновитой») стержневидной булавки с головкой, закрученной в трубочку и овальной привески архаичного типа (Козенкова, 1998, с. 35). В погребении 32 была найдена бронзовая дуговидная фибула относительно раннего типа с дужкой, покрытой гравированным орнаментом «елочка» (рис. 21, 21). В погребении 36 удревняющими, относительно общего массового инвентаря памятника, характерного для 8 в. до н.э., являются бронзовые витой усечено-конусовидный налокотник и массивная гривна с геометрическим орнаментом (рис. 31, 1, 3, 5; приложение 1, табл. 10). Ком-

плекс захоронения № 41 отнесен к первой группе по наличию в инвентаре таких предметов, как бронзовый цельнолитой кинжал – дериват синкретичной формы «переднеазиатских» и кавказских форм, литой бронзовый наконечник стрелы с длинными подтреугольными «крыльями» и бронзовой дуговидной фибулы с дужкой покрытой гравированным орнаментом «елочка» (рис. 21, *22*; рис. 26, *1;* рис. 27, *12;* приложение 1, табл. 10). В погребении № 77 к удревняющим предметам относятся бронзовые спиральные конусовидные налокотники и костяная «каплевидная» привеска (рис. 31, *2*; рис. 29, *5*; приложение 1, табл. 10) аналогичная белозерским экземплярам (Кубышев, Черняков, 1986, с. 152 – 155, рис. 7, *27*; 8, *12*)

Последнее, восьмое погребение ранней группы, удревняет керамический черпачок с высокой петлевидной ручкой (рис. 15, *9;* приложение 1, табл. 10) аналогичный «круглодонным чаркам» из Верхнерутхинского могильника (Крупнов, 1960, с. 224, 236, 463, табл. XLI, *21*).

Вещевой инвентарь второй хронологической группы Эльхотовского могильника типичен для материалов кобанской культуры 8 в. до н.э. Это 44 погребений – №№ 23, 25, 29 – 31, 37, 45, 49 – 60, 62 – 64, 68 – 69, 72 – 74, 76, 78, 83, 85 – 87, 91 – 94. (приложение 1, табл. 10, группа погребений 8 в. до н.э.; приложение 2). Ниже, в разделе главы 2 и в главе 3, мы подробно рассмотрим эти материалы.

В третью, позднюю группу погребений могильника вошли три захоронения - №№ 38, 39 и 82. Эти захоронения, в результате нахождения в комплексах предметов, датирующихся временем несколько поздним, чем 8 в. до н.э., относятся к началу 7 в. до н.э. В частности, в погребении 38 таковыми являются тонкая бронзовая пряжка (рис. 22, *3*) аналогичная экземпляру из могильника Гастон Уота и керамическая кружка с круглой ручкой (рис. 12, *14*) характерная для раннескифского времени (комплексы Султангорского, Карабашевского и Тлийского могильников) (Козенкова, 1989, с. 191, табл.

XLIV, Б, *4*; В, *23*; Техов, 1980, рис. 121, *1*). В погребении 39, кроме вещей типичных для 8 в. до н.э., находились небольшой бронзовый топор с прямым корпусом и небрежно оформленным обушком и керамическая кружка с туловом близким к биконической форме (рис. 24, *2;* рис. 12, *15;* приложение 1, табл. 10). Размеры и форма топора свидетельствуют о его несколько поздней дате, чем 8 в. до. н.э. Вышеописанная кружка из этого погребения находит аналогии в экземплярах из Нестеровского и Ассиновского могильников (Крупнов, 1960, с. 476, табл. LVI, *4*; Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7, *1*). Третье захоронение рассматриваемой группы, № 82, отнесено ко времени начала 7 в. до н.э. по нахождению в инвентаре вырезанной из бронзовой пластины тонкой поясной пряжки с сужением в средней части и бронзовой гривны с небольшим в сечении диаметром прута (рис. 22, *6;* рис. 31*, 7;* приложение 1, табл. 10). Гривна из погребения типична для материалов скифского периода (Козенкова, 1998, с. 50; Алексеева, 1977, с. 55, с. 302, табл. 76, *15).* Пряжка из погребения 82 близка поздней пряжке из захоронения № 38 третьей хронологической группы могильника.

Планиграфия могильника и выделенные хронологические группы погребений памятника свидетельствуют о развитии последнего с юга на восток. При этом, наиболее ранние захоронения концентрируются в юго-западной части могильного поля – погребения 15, 20, 22, 41 (рис. 3).

2. 2. Погребальный обряд (рис. 4–5; приложение 1, табл. 1; приложение 2)

Погребальные сооружения могильника представляют собой грунтовые ямы подпрямоугольной с закругленными углами, или, в некоторых случаях, близкой к овалу формы. Стенки могильной ямы прямые, без обкладки и засыпки могил камнем.

Всего исследовано 58 погребений, в которых находились 59 захоронений. В одном случае погребение было двойным, во всех остальных погребениях находилось по одному захороненному телу.

Погребенные располагались в относительно скорченном положении на правом или левом боку. Мы применили определение «относительно», так как в большинстве случаев, спина погребенных достаточно прямая или несколько согнута вперед (погребения 58, 59, 78). В то время, как у погребений № 25, 32, 60, 63, 80, 87 и 93, не только практически прямое положение позвоночного столба, но и аналогичное расположение шейных позвонков (рис. 4 и 5). Кроме того, в одном случае, в мужском захоронении из погребения № 32, костяк расположен не совсем на боку, а в положении «на боку, с завалом на спину» (рис. 4). В скорченном положении на левом боку, в полном смысле этого определения, зафиксирован только костяк погребения № 15.

Руки погребенных были согнуты в локтях и приближены к лицевым костям черепа, или располагались кистями перед лицевой или лобной частью головы. В погребениях № 59, 80, 91 и 93 фаланги кистей частично находились под черепом. В одном случае, в погребении № 58, кости рук были согнуты в локтях и крестообразно сложены на груди, с расположением кистей на правой и левой ключицах (рис. 4). Еще в одном случае, в мужском погребении № 32, левая рука костяка была согнута в локте и располагалась кистью на некотором отдалении (30 см) перед лицевой частью черепа. Правая рука погребенного была слабо согнута в локте и покоилась частично на области пояса, частично на диафизе левой плечевой кости. Ноги погребенных согнуты в коленях. В некоторых случаях, угол сгиба настолько малый, что бедренные и берцовые кости располагаются почти параллельно (погребения № 58, 80, 78, 91). В то время как у погребений № 60, 63 и 87, угол согнутых ног в коленях составляет от 35 до 45°.

Этот элемент погребального обряда (скорченность), как показал анализ и сопоставление других факторов, является, также и хронологическим индикатором. В главе 3 работы «Хронология и периодизация Эльхотовского могильника» мы подробнее остановимся на этом. Здесь же, коротко отметим, для большей полноты понимания погребального обряда могильника, что бо′льшая скорченность характерна для первой ранней хронологической группы памятника. Эта группа, как уже отмечалось выше, объединяет 9 погребений могильника – №№ 15, 20, 22, 22, 36, 32, 41, 45, 77 и 80. Из них наибольшую степень скорченности, не только в рассматриваемой ранней группе, но и по сравнению со всеми другими погребальными комплексами могильника, обнаруживает захоронение № 15 (приложение 2, рис. 1). Погребенный располагается на левом боку, позвоночник согнут, череп наклонен вперед и прижат к кистям согнутых в локте рук. Ноги сильно согнуты в коленях и приближены пятками к тазу. Бедренные и берцовые кости ног располагаются почти параллельно. Следующим, по степени скорченности костяка, можно назвать погребение № 45 (приложение 2, рис. 18), также относящееся к ранней группе.

В положении на левом боку находились 24 захоронения, что составляет 40% от числа всех захоронений. Из них женщин погребено на левом боку – 3; детей – 5, и мужчин – 13. На правом боку уложены 26 захоронений, что составляет 44% от числа всех погребенных. Из них женские – 18, и детские – 7. (приложение 1, табл. 1).

Органичной частью погребального обряда населения кобанской культуры оставившего Эльхотовский могильник, был обычай помещения в могилы частей мелкого рогатого скота (барана). Это были трубчатые кости задних и передних ляжек. Располагались кости МРС, как правило, перед лицом погребенного, рядом с сосудами с жертвенной пищей. В одном случае, в погребении № 60, кости МРС расположены у бедра захороненного, и в одном слу-

чае, в погребении № 78, кости МРС найдены за головой погребенного, у затылочной части черепа (рис. 4–5). Всего в погребениях Эльхотовского могильника кобанской культуры кости барана были найдены в 24 захоронениях, что составляет 40,6 % от общего количества погребений (приложение 1, табл. 1). На наш взгляд, эта цифра, вероятно должна быть больше, так как 19 погребений могильника были потревожены или полностью ограблены, с утерей соответственно, такой категории погребального обряда как жертвенная пища.

Вероятно, эта категория погребального обряда памятника, может служить и хронологическим признаком. Во всяком случае, из 8 погребений могильника, составляющих раннюю группу, в 4 случаях зафиксировано наличие напутственной пищи – костей МРС (приложение 1, таблица 1). При этом, всего в могильнике кости МРС зафиксированы в 24 погребениях (приложение 1, таблица 1).

Вышеописанный обряд сопровождения погребенных жертвенной пищей, представляющей собой части ног МРС, известный и в некоторых других погребальных памятниках кобанской кио, не находит пока единого мнения в среде исследователей. Уделивший ему большое внимание С.Л.Дударев, в одной из своих последних монографий, опираясь на статистические данные западнокобанских могильников, пришел к выводу о привнесенном, степном характере данного обряда (Дударев, 1999, с. 41, с. 80–81). В то же время, материалы Эльхотовского могильника, находящегося на территории распространения центрального варианта кобанской культуры, показывают весьма большой удельный вес захоронений сопровождавшихся погребальной пищей, и в частности бедренной частью ног МРС (40,6 %). Наличие здесь подобного обычая – еще одно из свидетельств, показывающих перспективность исследования предгорных памятников центрального варианта кобанской культуры, позволяющих, на более широком историко – географическом фоне решать актуальные вопросы древней истории Северного Кавказа.

Еще одним, важным признаком погребального обряда населения оставившего Эльхотовский могильник, является наличие в погребениях древесного угля. Из 58 раскопанных кобанских погребений могильника уголь зафиксирован в 12. В процентном соотношении это составляет 20 % от раскопанных погребений. Учитывая, что 19 погребений могильника потревожены или полностью ограблены, можно сделать вывод, что погребений с углем было больше, и он служил в качестве достаточно важного элемента погребального обряда памятника. Причем, если в одних погребениях уголь зафиксирован в засыпке и на полу могильных ям (погребения № 25, 32, 36, 37, 41, 45, 47, 49, 52, 55, 72, 84, 87), то в погребении № 77 он присутствует в весьма большом количестве. Уголь здесь начинает встречаться уже с первых штыков в засыпке, затем, непосредственно прослежен над костяком. На полу этого погребения уголь присутствует уже в виде более крупных фракций, прослойкой до 5 см. Наконец, в данном погребении наблюдалось прокаливание пола, на котором располагалась прослойка угля, что может свидетельствовать о засыпке в могилу углей в горячем виде. Или же на полу могильной ямы перед захоронением был разведен костер. Крупные фрагменты угля были зафиксированы также на полу погребений № 36 и 37.

Своеобразным элементом обряда захоронений Эльхотовского могильника является наличие охры на полу погребений. Охра зафиксирована в виде округлых линз диаметром от 8 до 10 см, и толщиной 1–2 см в погребениях 32, 41, 45, 72. Т.е., в 4-х случаях, что составляет 6,7 % от всех захоронений могильника (приложение 1, табл. 1). В погребении № 32 охра находилась на полу у левого бедра костяка. Рядом с ней обнаружены два кусочка кремня, что явно свидетельствует о связи этих предметов в погребальной обрядности. Аналогичная ситуация зафиксирована нами в погребении № 41, где в линзе охры, располагавшейся между бедром и локтями костяка, был найден кусочек кремня. В погребениях № 45 и 72 пятна охры были засвидетельствованы

также у колен или бедра погребенных. При анализе случаев наличия охры в погребениях разных хронологических групп могильника, оказывается, что этот признак является дополнительным аргументом для датировки. Так, из 4 выявленных в погребениях памятника случаев фиксации охры, 3 относятся к захоронениям первой ранней группы - №№ 32, 41, 45 (приложение 1, таблица 1). Все эти погребения отличает и заметная компактность расположения на могильном поле (рис. 3). В поздней группе захоронений с охрой нет.

Ориентация по сторонам света захоронений Эльхотовского могильника кобанской культуры была различна (приложение 1, табл. 1). Бо´льшая часть погребенных головой ориентирована на северо – восток – 30 случаев, что составляет 50,8% от всех захоронений могильника. 9 погребенных лежали головой на СВВ – 15 % от количества всех захоронений; 7 погребений ориентированы на восток, т.е. – 11% от количества всех захоронений; 5 погребений – на ССВ – 8,4 % захоронений; 1 погребение ориентировано на север. В 7 случаях ориентировка не определена.

Данные по половозрастному признаку (в тех случаях, когда удалось их выявить) показало следующую картину (приложение 2, табл. 9). Всего погребений – 58. Захоронений – 59. В 57 погребениях находилось по одному одиночному захоронению и в 1 погребении (№ 73) было двойное захоронение (мужчина и женщина). В последнем случае, к сожалению, это интересное двойное погребение, было потревожено и сильно ограблено. Всего взрослых погребенных – 42. Из них мужских – 15. Женских – 27. Детские захоронения представлены в 15 погребениях.

По некоторым признакам (фрагменты артефактов, уровень залегания, расположение фрагментов костей скелетов), к кобанским погребениям относились еще 3 могилы. Однако ни положение костяков, ни их половозрастная характеристика не определяется.

2. 3. Типология и систематика погребального инвентаря

2. 3. 1. СОСУДЫ (рис. 8–16; приложение 1, табл. 7)

Вся посуда Эльхотовского могильника кобанской культуры изготовлена из глины. Сосуды лепные, но формы их достаточно симметричные, что позволяет предполагать наличие у эльхотовских гончаров вращающейся подставки. В тесте сосудов присутствует довольно большое количество песка. Обжиг разный, наряду с посудой рыхлого, слабого обжига, присутствуют сосуды высокотемпературного обжига, с плотным, прочным черепком. Характерной особенностью эльхотовской керамики является наличие цветовых пятен от неравномерного обжига, когда на общем, как правило, сером или коричневом фоне основного цвета сосуда, присутствуют участки черного, темно-серого, бежевого или пепельного цвета. Вся эльхотовская керамика лощеная, значительная часть украшена орнаментом (приложение 1, табл. 7). Орнамент керамического комплекса могильника преимущественно линейный, это – врезные горизонтальные и вертикальные линии, косые линии на тулове, заштрихованные треугольники. В меньшем количестве встречается налепной орнамент. Последний представлен овальными, сосцевидными, а также, вертикальными удлиненными налепами. Цветовая гамма сосудов могильника весьма разнообразна, это – коричневый, черный, серый (нескольких оттенков, от светло-серого, до почти черного) и оранжевый цвета.

Ведущие и постоянные категории сосудов Эльхотовского могильника – корчаги с раздутым туловом, относительно широким горлом и отогнутым венчиком, кружки с петлевидной массивной ручкой, выступающей над отогнутым венчиком. В одном случае, в погребении № 83, найден горшочек, близкий по форме корчагам, но меньших размеров (рис. 11, *3*). В одном случае, в мужском захоронении № 32 могильника, была найдена небольшая миска с загнутым венчиком и небольшой округлой ручкой (рис. 16, *3*). В двух случаях найдены сосуды так называемой «тюльпановидной» формы. В одном

случае это был горшочек, а в другом – кружка с утраченной ручкой (рис. 11, *3*; рис. 16, *1, 4*). Своеобразной формой отличался, также найденный в одном случае, в погребении № 80, керамический кубок со слабоотогнутым венчиком, украшенный лепным и «семечковидным» вдавленным орнаментом (рис. 16, *2*).

Характерной частью эльхотовского керамического набора являются черпаки, – сосуды с высокой петлевидной ручкой и закругленным дном (рис. 15). Среди них выделяется своими размерами миниатюрный сосуд, украшенный врезным линейным орнаментом (рис. 15, *9*). В одном случае в могильнике была, также, найдена корчага биконической формы с небольшим, отогнутым венчиком (рис. 11, *2*). Несмотря, на схожесть с эльхотовским керамическим комплексом данного сосуда по таким категориям как цвет, тесто, обжиг и характер лощения, эта форма не типична для могильника. На наш взгляд, этот сосуд сделан теми же мастерами, что лепили остальную посуду могильника, но, вероятно, ориентируясь на форму посуды других источников.

Анализ керамического сервиза показал, что для обряда погребения характерен обычай помещать в могилу набор из сочетания корчаги и кружки (кружек) или, реже, (корчаги и черпака).

Керамические сосуды, найденные в погребениях Эльхотовского могильника, разделены нами по назначению на три раздела: тарные, кухонные и столовые. В выборке учтены целые сосуды и сосуды, форму которых удалось восстановить.

1. Тарные сосуды (рис. 8–11)

В раздел тарной посуды входят корчаги – сосуды с раздутым туловом, относительно высоким горлом, плоским, часто, выделенным, небольшим дном и отогнутым венчиком. Необходимо отметить, однако, что корчаги, выполняли, видимо функции не только тарной, но и столовой посуды.

Всего в погребениях могильника найдено 37 корчаг. В большинстве случаях, при раскопках корчаги находились во фрагментированном виде. Однако в процессе реставрации форма 25 из них была восстановлена (рис. 8–11). Как правило, в каждом погребении находилось по одному сосуду данного вида. Только в одном случае, в погребении № 54, были найдены две корчаги. Всего на памятнике зафиксировано 11 орнаментированных корчаг и 26 – неорнаментированных (приложение 1, табл. 7). В погребениях могильника процент данной категории (от общего количества могил) составляет 64,4 %. Из них 18,6 % корчаг были орнаментированы, и 26 % составляют находки без орнамента.

Количественное соотношение корчаг от числа всех форм сосудов (107) составляет 35,5%.

Подавляющее большинство корчаг серого цвета, меньшее количество – коричневого, четыре сосуда – черного цвета и два – бежевого (приложение 1, табл. 7). Орнаментация их также весьма разнообразна (приложение 1, табл. 7). Как уже отмечалось выше, все сосуды могильника залощены. В мужском погребении № 32, была найдена изящная, довольно большая корчага, средняя часть которой, от придонной области до места перехода тулова сосуда в горло, было покрыто удлиненными вертикальными валиками на расстоянии 2–3 см друг от друга (рис. 9, *1*). Вертикальными валиками, также украшена корчага из погребения № 53. Однако здесь они короткие и расположены двумя группами по два друг против друга на центральной части периметра тулова. Этот сосуд украшен, также, тремя сосцевидными налепами расположенными на «плечиках» корчаги (рис. 10, *2*). Тремя сосцевидными налепами, расположенными на «плечиках» на равном расстоянии друг от друга по периметру тулова сосуда, украшена и корчага из погребения № 76 (рис. 10, *1*). И, наконец, из погребения № 93 происходит корчага, украшенная четырьмя сосцевидными налепами по периметру верхней части тулова (рис. 9, *4*). Врезными

вертикальными линиями расположенными близко друг к другу, была украшена средняя часть корчаги из погребения № 57. Орнаментику данного сосуда дополняли также два параллельных врезных ободка опоясывающих горло (рис. 9, *2*). Богатым декором, сочетающим врезной линейный и лепной, украшена, к сожалению, сильно фрагментированная, корчага из погребения № 54. По периметру средней части тулова сосуда прочерчена горизонтальная линия шириной 1,5 мм и глубиной 0,7 мм. От этой черты вниз прочерчены вертикальные линии аналогичных размеров, образующие группы по три. В средней части сосуда имелись два продолговатых, вытянуто-овальных очертаний налепа, располагающихся друг против друга. Длина налепов 21 мм, ширина – 14 мм, высота – 9 мм. От верхней части сосуда сохранились лишь фрагменты горла и верхней части тулова, на которых имеется орнамент, сочетающий сосцевидные налепы и прочерченные косые линии. Налепы, вероятно, были расположены группами по три (рис. 9, *6*). Тремя овальными налепами в горизонтальной плоскости, на равном расстоянии друг от друга, расположенными по периметру на «плечиках» сосуда, была украшена корчага из погребения № 77 (рис. 9, *8*). Фрагментированная корчага из погребения № 87, также сочетала лепной и врезной линейный орнаменты. По периметру «плечиков» сосуда проходит поясок из небольших углублений треугольной формы. В 8 мм ниже проходит горизонтальная линия шириной 2 мм и глубиной 1 мм, от которой отходят вниз, под небольшим углом, прочерченные по сырой глине линии длиной 70–90 мм и шириной 2 мм. Также на «плечиках», на некотором расстоянии друг от друга находились два овальных налепа вытянутые в горизонтальной плоскости. Их длина – 25 мм, ширина – 15 мм и высота – 5 мм (рис. 11, *5*).

Единственная корчага, имеющая округлые небольшие ручки на «плечиках», найдена в мужском погребении № 60. Это довольно большой сосуд изящных очертаний, с расширенным туловом и достаточно большим плавно

отогнутым венчиком. В верхней части тулова корчаги, друг против друга по периметру, расположены два овальных, вытянутых в горизонтальной плоскости, налепа (рис. 11, *1*).

Все корчаги могильника, как говорилось выше, имеют схожую, с некоторыми отклонениями, форму – раздутое тулово овальных очертаний, плавно переходящее в горло и также плавно – в довольно большой отогнутый, венчик. Только в одном случае, в погребении № 78, была найдена корчага, резко отличающаяся по внешним очертаниям. Тулово этого сосуда имело почти правильную биконическую форму. Дно небольшое, выделенное, горла как такового почти нет, верхняя часть биконического тулова сразу переходит в короткий, резко отогнутый венчик (рис. 11, *2*). Также, своей формой выделяется корчага из погребения № 82. Это небольшой, сосуд с несколько выделенным дном, округлым, почти шаровидным туловом, коротким относительно широким горлом и широким плавноотогнутым венчиком (рис. 8, *3*).

Корчаги могильника разделены нами на типы и подтипы исходя из формы сосудов, их размера и орнаментации.

Тип 1. (*16 экземпляров)*. Орнаментированные и неорнаментированные сосуды, имеющие приземистую, сильно раздутую форму тулова (рис. 8, *1 – 7*; рис. 9, *1 – 9*). Определяющим критерием здесь выступает соотношение общей высоты сосуда по отношению к максимальной ширине тулова. Для первого типа керамических корчаг характерно соотношение, при котором высота сосуда или равна, или ненамного больше показателя ширины тулова. Среди корчаг первого типа выделен *подтип 1* – представленный неорнаментированными сосудами (не считая лощения) (рис. 8, *1–7*; рис. 9, *3, 5, 7, 9*). Ко *второму подтипу* первого типа отнесены украшенные налепным и линейным врезным орнаментом корчаги (рис. 9, *1–2, 4, 6, 8*).

Тип 2. (*6 экземпляров)***.*** Корчаги с более вытянутыми, стройными пропорциями, когда ширина тулова, существенно меньше высоты. Среди них по

признаку орнаментации, также выделены *два подтипа – первый* – неорнаментированные (рис. 10, *3–6*) и *второй* – орнаментированные (рис. 10, *1 - 2*).

Наши корчаги первого и второго типа относятся ко второму типу по классификации В.И.Козенковой и датируются ею в хронологических рамках от 9 в. до н.э. – до раннего скифского времени (Козенкова, 1998, с. 94). Аналогии им известны в материалах Каменномостского, Султангорского 3-го могильников, в могильнике Уллубаганалы 2, Зандакском, Сержень – Юртовском и Змейском могильнике.

Тип 3. (1 экземпляр). Как отмечено выше, из мужского погребения № 60 происходит корчага близкая по форме и пропорциям к первому типу, но имеющая на «плечиках» две небольшие округлые ручки, расположенные по периметру сосуда друг против друга (рис. 11, *1*). Эта форма, известная в материалах кобанской культуры под названием «корчаги – вазы», датируется В.И.Козенковой 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 102–103). Данная форма сосудов, найдена в керамическом наборе могильника в одном экземпляре.

Тип 4. (1 корчага). Представлен в единственном экземпляре – корчагой из погребения № 78. По обжигу, формовочной глиняной массе (тесту), характеру лощения и цвету, этот сосуд не отличается от других корчаг могильника. Отличает его форма тулова – биконическая (рис. 11, *2*), что позволяет выделить корчагу в отдельный тип.

Лощеные сосуды близкой формы известны на востоке ареала кобанской культуры, в материалах Сержень – Юртовского могильника и одноименного поселения (сосуды 1 типа по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 1982, с. 74, с. 172, табл. XLVIII, *3)*. Там они датируются в рамках 10–8 вв. до н.э. Третий памятник, где были найдены сосуды близкого типа, также находится на территории восточного варианта кобанской культуры. Речь идет о Зандакском могильнике (Марковин, 2002. с. 117, рис. 73, *1*.) Наконец, четвертый известный нам памятник, где найдены биконические кор-

чаги с небольшим выделенным дном и коротким венчиком, также находится в границах восточного варианта. Это курганы у ст. Ассиновской конца 6 – начала 5 вв. до н.э., расположенные вблизи от западной границы восточного варианта (Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7, *2*). Таким образом, четвертый тип корчаг, можно рассматривать как характерный для восточного варианта, а корчагу из Эльхотово, как результат взаимодействия между двумя разными вариантами кобанской культуры. Корчага из Ассиновской, несмотря на то, что изготовлена позднее Эльхотовской, примерно на столетие, обнаруживает с последней весьма большое сходство. Это свидетельствует о достаточно устойчивом бытовании некоторых традиционных форм керамики кобанцев вплоть до начала 5 в. до н.э. Примечательно, что в материалах Асиновских курганов имеются и кружки с петлевидной ручкой, близкие кружкам середины – конца классического периода кобанской культуры (Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7, *1*).

Тип 5. (1 экземпляр). Данный тип найден также в единственном экземпляре, в погребении № 87. Это фрагментированная корчага, с плоским невыделенным дном, округлым туловом, орнаментированным лепным и врезным орнаментом, коротким горлом и небольшим слабоотогнутым венчиком. Последние два признака, позволяют выделить данный сосуд в отдельный, пятый тип (рис. 11, *5*).

2. Кухонная керамика. Горшки (рис. 11, *3–4, 6*; 16, *1*)

Вероятно в связи с погребальным характером памятника, в его материалах найдены только четыре сосуда, которые условно относятся к категории кухонной керамики.

Тип 1. (1 экземпляр). Невысокий (высота 98 мм) горшок так называемого «тюльпановидного» типа из женского погребения № 20 (рис. 16, *1*). Он имеет плоское дно, округлое тулово, переходящее в короткий слабоотогнутый венчик.

Тип 2. (1 экземпляр). Горшок представляет собой небольшой сосуд (высота – 140 мм) близкий по пропорциям корчагам первого типа из погребения № 52 (рис. 11, *3*). Украшен вертикальными удлиненными налепами по тулову, сгруппированными по три, и горизонтальным валиком, проходящим по периметру сосуда в месте перехода горла в венчик.

Тип 3. (1 экземпляр). Сосуд во фрагментированном виде, из погребения № 52. Форма его, скорее всего, представляла приземистый горшок средних размеров с расширенным туловом и почти вертикально расположенным венчиком (рис. 11, *4*). Он также украшен врезным орнаментом в виде ободка по венчику, от которого к краю венчика прочерчены короткие линии. В 12 мм от края венчика имеется сосцевидный налеп. На целой форме их вероятно, было несколько. На фрагментах тулова имеются вертикальные врезные линии, вероятно, опоясывавшие среднюю часть сосуда.

Тип 4. (1 экземпляр). Горшочек из погребения № 85 могильника (рис. 11, *6*). Он представляет собой сосуд средних размеров с достаточно массивным плоским дном, расширенным корпусом и горлом и небольшим слабоотогнутым венчиком. Орнаментирован косыми лепными волнами, нанесенными на тулово кружки, и одним сосцевидным налепом, расположенным на «плечике» сосуда.

Наиболее близкие аналогии горшочку «тюльпановидного типа» (тип 1) имеются в материалах Змейского поселения, расположенного на противоположном берегу р. Терек. В 7–6 вв. до н.э. сосуды такого типа известны на территории восточного варианта, в Нестеровском могильнике (Крупнов, 1960, с. 327, с. 476, табл. LVI, *1*; Деопик, Крупнов, 1961, с. 20–21, 24, рис. 4, *3, 4, 7*). Несколько аналогий известны в материалах Кубанского могильника протомеотской группы памятников (Эрлих, 2007, с. 270, рис. 75, *4 – 6*).

Как уже говорилось выше, всего в погребениях могильника было найдено четыре горшка, что в процентном соотношении от количества захоронений составляет 6,7 %.

От общего количества всех керамических сосудов могильника горшки составляют 3,7 %.

3. Столовая керамика: кружки, черпачки, миска, кубок

Кружки (рис. 12–14)

Многочисленной категорией посуды, найденной в погребениях являются керамические кружки. Всего в захоронениях памятника находилось 52 кружки. Из них целые и восстановленные составляют 42 экземпляра. В одном случае, в погребении № 78 найдено четыре кружки, во втором случае – в погребении № 85, имелось 3 кружки. В одиннадцати погребениях (№ 15, 25, 38, 39, 48, 50, 62, 68, 74, 82 и 92) находилось по два сосуда. В целом, эта форма была найдена в 39 из 59 захоронений, что составляет 88 %. (приложение 1, табл. 7). Из всего числа кружек – с орнаментом было 22 сосуда.

От общего количества всей керамической посуды памятника кружки составляют 48,5 % (приложение 1, табл. 7).

Керамические кружки могильника распределены нами на пять типов, из которых первый тип подразделяется на три подтипа, и второй – на два. В основу типологии положены отдельные различия в форме сосудов и их орнаментации.

Тип 1. (38 экземпляров). Кружки средних размеров с прямым, иногда выделенным, дном, округло-расширенным туловом и широким горлом, плавно переходящим в небольшой, отогнутый венчик. По классификации В.И. Козенковой, кружки такой формы относятся к первому варианту второго типа и найдены в слоях Сержень – Юртовского поселения (Козенкова, 1982, с. 80, с. 175, табл. LIV, *7*). Ручка кружек данного типа – петлевидная, переходящая верхней частью в венчик. Во всех случаях она всегда выше венчика

сосуда. Во многих случаях, «переход» ручки в венчик кружки, оформлен в виде выступа-«перелома» (рис. 12, *6, 12, 15*; рис. 13, *6, 8, 10, 11, 13–14*; рис. 14, *1–3, 5*). Рассматриваемый тип является самой массовой формой в материалах могильника.

Такие кружки вообще характерны для многих памятников центрального варианта кобанской культуры и бытуют на протяжении классического периода (Кобан III по периодизации В.И.Козенковой). Они широко представлены в материалах Верхнекобанского, Николаевского, Пседахского, Верхнерутхинского могильников, в Фаскау (Галиат), Змейском поселении и одноименном могильнике и др. (Деопик, Крупнов, 1961, с. 24, рис. 7, *7*; Крупнов, 1960, с. 464, табл. XXIV, *1, 5–6*; с. 465, табл. XLIII, *4, 6–7*; Козенкова, 1986, с. 139, рис. 5, *1*, с. 146, рис. 10, *1*, с. 148, рис. 12, *18*; Тургиев, 1971, рис. 13; Козенкова, 1996, с. 38, рис. 15, *24*; с. 28, рис. 10, *11*, с. 18, рис. 3, *11, 13*).

В первом типе нами выделено три подтипа. Неорнаментированные кружки данного типа выделены в *подтип 1* первого типа (рис. 12, *7–14, 16*; рис. 13, *1–3, 6–9, 12*; рис. 14, *3, 5–7*).

Кружки *второго подтипа* выделены по нарезному орнаменту в виде вертикальных и косых линий по тулову, в некоторых случаях дополняемых ободком, опоясывающим верхнюю часть тулова (рис. 12, *2–6, 9*; рис. 13, *5, 11*; рис. 14, *1, 4, 8*). В одном случае, кружка подтипа 2 была орнаментирована тройной ломаной штрихованной линией опоясывающей среднюю часть тулова (рис. 12, *1*). Четыре кружки орнаментированы по тулову группами косых линий по три и четыре, отходящими от ободка, опоясывающего верхнюю часть тулова (рис. 13, *10, 13–14*). В одном случае данного подтипа имелся сосуд, украшенный по средней части тулова фризом, из нарезных заштрихованных треугольников и ромбов (рис. 14, *2*).

В *подтип 3* первого типа выделена кружка из погребения № 39 (рис. 12, *15*). Она отличается от других формой тулова и ручки. Тулово кружки

имеет биконические очертания, но без резкого перехода в средней части. Ручка массивная, петлевидной формы, но значительно вытянута, удлиненная часть наклонена почти параллельно верхней части тулова сосуда. Кружка аналогичного типа была найдена в материалах Нестеровского могильника скифского времени и в кургане 10 Ассиновского могильника (Крупнов, 1960, с. 476, табл. LVI, *4*; Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7, *1*).

Возможно, кружки данного типа постепенно трансформируются, в более позднюю эпоху, в кувшинчики биконических очертаний с массивными ручками (по В.А.Козенковой – кувшины т.н. «кавказского гальштатта»), которые получают широкое распространение в древностях Северного Кавказа 7–6 вв. до н.э. (Комаровский и Заманкульский могильники, курган у с. Новозаведенное, Краснознаменские курганы) (Козенкова, 1998, с. 96; Абрамова, 1970, рис. 17; Козенкова, 1996, с. 27, рис. 9, *4*; Кореняко, 2001, с. 58, рис. 5, *1*; Петренко, 1989, с. 394, табл. 89, *5–6*).

Тип 2. (1 экземпляр). Лощеная неорнаментированная кружка серого цвета с петлевидной, слегка выступающей над венчиком ручкой, округлым туловом, прямым относительно небольшим, плоским дном. Происходит из женского погребения № 25 (рис. 14, *9*). Главным отличительным признаком данного типа является косо срезанный венчик, в результате чего он приобретает как бы форму слива. От других типов ее отличает также ручка, форма которой вытянута не в вертикальной плоскости, или близкой к вертикали, а имеет наклон к венчику, при котором в профиль, средняя удлиненная часть ручки становиться почти параллельной наклону стенки верхней части корпуса сосуда.

Тип 3. (1 экземпляр). Представлен одним экземпляром с утраченной ручкой (рис. 14, *10*). Небольшой сосуд имеет очень маленькое плоское дно, раздутое тулово, широкое горло и резко отогнутый, достаточно большой венчик. Эти признаки придают сосуду изящные (вазовидные) очертания.

Кружка украшена косыми врезными линиями, опоясывающими тулово. Основанием для выделения кружки в отдельный тип является ее форма, схожая с большинством эльхотовских корчаг, но в виде кружки встречается только в данном случае.

Тип 4. (1 экземпляр). Представляет собой фрагментированный сосуд, морфологически аналогичный горшкам «тюльпановидного» типа, с тем отличием, что он является по назначению кружкой (рис. 16, *4*).

Тип 5. (1 экземпляр). Это кружка (рис. 12, *14*) из женского погребения № 38. Она уникальна тем, что имеет ручку, по форме приближающуюся к кольцу. Все остальные кружки и черпаки из могильника имеют ручки петлевидной формы, как правило, значительно возвышающиеся над венчиком. Ручка данного сосуда столь незначительно выступает над венчиком, что создается впечатление расположения их на одном уровне. Отличается кружка и формой венчика. Он слабо отогнут, и отходит, почти вертикально, непосредственно от верхней части тулова. Форма тулова также не характерна для подавляющего числа кружек и черпаков могильника, которые, как правило, округлые или приближаются к плавно-биконичнским очертаниям. Максимальное расширение тулова приходится на его верхнюю треть.

Кружки, имеющие подобную форму ручки и венчика имеются в археологических материалах Кавказа и соседних регионов в более позднее время чем 8 в. до н.э. На западе ареала культуры они представлены в комплексах скифского периода Султангорского 1 и Карабашевского могильников. В центре ареала, близкая по форме ручки и венчика вышеописанной кружка известна в материалах комплекса № 18 могильника Верхняя Рутха. Аналогичные особенности – округлой формы ручка, не поднимающаяся над венчиком и чуть отогнутый венчик, почти прямо отходящий от места перехода тулова сосуда в горло имеет сосуд из комплекса скифского времени № 121 Тлийского могильника. Лощеные кружки близких форм известны также в савромат-

ских материалах нижнего Поволжья (Козенкова, 1989, с. 191, табл. XLIV, Б, *4*; В, *23*; Крупнов, 1960, с. 465, табл. XLIII, *5*; Техов, 1980, рис. 121, *1*; Смирнов, 1964, с. 352, рис. 60, *14*).

Черпаки (рис. 15)

Черпаки отделены нами от кружек в особый подраздел столовой посуды по функциональному назначению и отличиям в форме. Закругленное, или в некоторых случаях, овальное дно этих, как правило, небольших сосудов, а также, их место в керамическом наборе погребений могильника, свидетельствуют, о том что, они были частью комплекта «корчага – кружка – черпак» или комплекта «большая кружка – черпак».

Всего в погребениях было найдено 10 черпаков, из них 7 орнаментировано и 3 были без декора. В каждом из случаев в погребениях присутствовал один черпачек, кроме погребения № 23, где было два орнаментированных сосудика. Таким образом, черпаки находились в 9 погребениях, что составляет 18,6 % от числа всех захоронений. Соответственно, в 11,8 % от общего количества захоронений в них присутствовали орнаментированные черпаки, и в 6,7 % – неорнаментированные (приложение 1, табл. 7).

Количественный показатель находок данной категории керамики от числа всех сосудов могильника составляет 10,2 % (приложение 1, табл. 7).

Среди черпаков нами выделено два типа, исходя из формы донышка сосудов. Кроме того учитывался такой признак как орнаментация.

Тип 1. (7 экземпляров). Черпаки с заоваленным, в средней части туловом и почти горизонтальным, дном (рис. 15, *1–2, 4–7*). В данном типе черпаков, выделено *два подтипа*. В первый подтип входят орнаментированные сосуды (рис. 15, *1–2, 4, 7*), во второй – неорнаментированные (рис. 15, *5–6*).

Тип 2. (3 экземпляра). Черпаки с округлым дном и высокой петлевидной ручкой (рис. 15, *3, 8–10*). Исходя из их орнаментации, также, выделены три подтипа. Черпаки *первого подтипа* украшены (не считая лощение) косы-

ми врезными линиями опоясывающими тулово (рис. 15, *8 - 9*). *Подтип 2* – в одном случае сосуд был украшен лепным орнаментом (сосцевидные налепы) (рис. 15, 3). И, в одном случае, круглодонный черпачек не орнаментирован – *подтип 3* (рис. 15, 10).

Черпаки первого и второго типов наиболее характерны для памятников кобанской культуры центрального варианта, например: Змейского поселения и могильника, Верхнерутхинского могильника (Деопик, Крупнов, 1961, с. 21, рис. 4, *2*, с. 24, рис. 7, *1,3*; Бакушев, Чечина, 2014, с. 123, рис. 2, I, *2-3*; III*, 2*).

Миски (рис. 16, 3)

Тип 1. (1 экземпляр). Еще одним видом столовой посуды, найденным в погребениях Эльхотовского могильника, является небольшая миска из мужского погребения № 32 (рис. 16, *3*). Круглая, в плане миска, имеет плоское дно и небольшой загнутый венчик. Сосуд снабжен небольшой округлой ручкой отходящей от средней части корпуса и переходящей в венчик. Миска лощеная, коричневого цвета. Миски близкого типа, с одной и двумя ручками, многочисленны в Сержень – Юртовском поселении восточного варианта (III и VIII тип по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 2001, с. 176, рис. 73, *III*; с. 77, рис. 74, *VIII*). Миски с одной петлевидной ручкой найдены и в Луговом могильнике, также на востоке ареала Кобани (Мунчаев, 1963, с. 186, рис. 20, *19 – 20*).

Кубки (рис. 16, 2).

Тип 1. (1 экземпляр). В единственном экземпляре в материалах Эльхотово представлен изящный орнаментированный глубокий кубок (рис. 16, *2*). Поверхность сосуда оранжевого цвета, дно плоское, тулово шаровидное, плавно переходящее в широкое горло и отогнутый венчик. Кубок по периметру украшен четырьмя овальными немного заостренными, налепами, расположенными симметрично друг против друга в месте перехода тулова в горло. Сосуд орнаментирован «семечковидными» нарезными вдавлениями по тулову, и тремя поясками, опоясывающими горло составленными из таких

же вдавлений. Кубок найден в детском погребении № 80, вместе с небольшим черпачком второго типа. По форме и отделке «семечковидным» орнаментом кубок находит аналогии на западе ареала.

По классификации и типологии В.И.Козенковой керамической посуды западного варианта кобанской культуры, наш сосуд наиболее близок к шестому типу (е) – из Терезинского могильника (Козенкова, 1998, с. 100, с. 193; табл. XXXVII, *15, 19*). Данный тип керамических кубков датируется В.И.Козенковой в рамках 9 – начала 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 100).

2. 3. 2 ОРУДИЯ ТРУДА

По назначению все категории орудий труда делятся по разделам. По материалу – по подразделам; по особенности формы выделяются типы

1. Ножи (рис. 17)

По материалу в первом разделе выделено два подраздела.

Подраздел 1. Бронзовые ножи

Тип 1. (1 экземпляр). Единственный бронзовый нож, выделенный нами в первый тип, был найден в погребении № 15 (рис. 17, *1*; табл. № 3). Нож представляет собой бронзовую пластину вытянуто-овальной формы с заточкой по всему периметру, вследствие чего не ясно, где у него рукоять. На наш взгляд, данный предмет выполнял, в основном, роль скальпеля/ланцета и использовался в медицинских целях. К этому нас склоняет небольшая толщина предмета (1,5 мм в средней части), что исключает его использование в хозяйственных целях. Т.е., на наш взгляд, это медицинский нож-ланцет. Возможно, также, что он выполнял и функции ножа, но использовавшегося для каких-то особых случаев. В сводной таблице № 3, он выделен нами особо как архаичный тип. Полные аналогии неизвестны, но в женских погребениях Тлийского могильника были найдены пять бронзовых ножей-ланцетов (Техов, 1977, с. 119). От эльхотовского экземпляра их отличеает наличие заостренного стержня. Как отмечает Б.В.Техов «Лезвия этих инструментов на-

столько остры, что ими можно было сделать примитивную операцию...» (Техов, 1977, с. 119). Форма трех из пяти тлийских ножей-ланцетов (если не считать наличие стержня) совпадает с эльхотовской (Техов, 1977, с. 120, рис. 93, *1 – 2, 4*).

Подраздел 2. Железные ножи

Железные ножи Эльхотовского могильника представлены шестью предметами. По своей морфологии они делятся на два типа – ножи с горбатой спинкой и прямым лезвием и серповидные ножи. Еще в трех случаях – из погребений 32, 41 и 60, форму железных ножей не удалось восстановить (рис. 17, *5, 6*).

Тип 1. (1 экземпляр). Нож из мужского погребения № 45 фрагментирован, однако форма восстановлена. Нож с горбатой спинкой, прямым лезвием (прямой режущей кромкой) и коротким подпрямоугольной формы черенком для насада (рис. 17, *2*). В сечении клинок ножа имеет вытянуто-треугольную форму. По классификации В.И.Козенковой ножи такого вида выделены во второй тип и отнесены к четвертому варианту. Датируются они В.И. Козенковой, по комплексу гробницы 1 Терезинского могильника, в рамках 11–8 вв. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 141). По мнению В.Р.Эрлиха «корректной датой этого комплекса является IX (возможно, X в. до н.э.) - - первая половина VIII в. до н.э.» (Эрлих, 2007, с. 22). На западе ареала железные ножи данного типа найдены, кроме Терезе, в Каменномостском могильнике и Учкекенском кургане. На востоке ножи подобной формы обнаружены в Нестеровском могильнике (1 экз.) и могильнике Исти-Су. На Северо-Западном Кавказе известны аналогии в древностях протомеотской группы памятников (Эрлих, 2007, с. 389, рис. 213, *10, 17, 19*).

Тип 2. (2 экземпляра). Железные ножи из мужских захоронений № 85 и 87 имеют горбатую спинку и выемку в режущей кромке лезвия, что придает им серповидную форму. Черенки для насада продолжают лезвие (рис. 17, *3*–

4). В сечении лезвия обеих ножей имеют вытянуто-треугольную форму. По своей морфологии оба ножа выделяются во второй тип подобных орудий труда Эльхотовского могильника. По классификации В.И.Козенковой ножи такого вида отнесятся к пятому варианту второго типа. Ножи данного типа известны в гробнице 3 могильника Терезе (9 экз.), погребении 12 Исправненского могильника и могильнике «Мебельная фабрика» 1 в Кисловодске. Ножи из Терезе датируются «не позднее середины VIII в. до н.э.», а ножи из Исправненского могильника и «Мебельной фабрики» – в пределах конца 8 – начала 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 9; с. 157; табл. I, *11*; Козенкова, 2004, с. 113, табл. 25, *6, 10, 11*). На Северо-Западном Кавказе аналогии известны в могильнике Кочипэ и Геленджикских дольменах (Эрлих, 2007, с. 389, рис. 213, *13 – 15, 20*).

В количественном соотношении находок от числа захоронений могильника, ножи составляют следующую корреляцию: процентное соотношение всех ножей – 11,6 %; бронзовые ножи («скальпель») – 1,6 %; железные ножи – 10 % (табл. 3).

Таким образом, ножи могильника составляют категорию предметов труда типичную для мужских захоронений Эльхотовского могильника предскифского – раннескифского времени.

Ножи серповидной формы известны в материалах кобанской культуры с конца 2 – начала 1 тыс. до н.э. (Терезе). В этот период они изготовлялись из бронзы (Козенкова, 1998, с. 157, табл. I, *3–4*). Из материалов Терезинского могильника происходят и одни из наиболее ранних железных ножей данного типа. Они датируются 9–8 вв. до н.э. Таким образом, представляется справедливым мнение Е.И.Крупнова, поддержанное В.И.Козенковой, о местном, кавказском происхождении железных серповидных ножей кобанской культуры, берущим свое начало от бронзовых такой же формы (Крупнов, 1960, с. 204; Козенкова, 1998, с. 9; Козенкова, 2004, с. 113, табл. 25, *6, 10, 11*).

2. Кремневые вкладыши и резцы (рис. 18, *1–8*)

Кремневые пластинки, представлявшие собой, вероятно, вкладыши для серпа, найдены в погребениях 29 и 53. Пластинки, заостренные с одной или двух сторон, как правило, подтреугольной в сечении формы (рис. 18, *3–7*; приложение 1, табл. № 3). В первом погребении были найдены две пластинки, во втором – три. По аналогиям нашим предметам в материалах кобанской культуры, мы считаем возможным рассматривать наши находки в качестве вкладышей для серпов (Козенкова, 1998, с. 19; табл. III, *26–27*).

Еще в трех погребениях могильника – 25, 51 и 59, было найдено по кусочку кремня более крупного размера. Последние, возможно выполняли функцию резцов (рис. 18, *2, 8*). Во всех 5 случаях и вкладыши и резцы находились в женских захоронениях. Кремневые вкладыши (пластинки) из пп. 29 и 53 отличаются от известных в материалах кобанской культуры отсутствием зубчатой кромки на режущей части. Однако по своей удлиненной подпрямоугольной в плане форме они близки таким изделиям, найденным в слое 10–7 вв. до н.э. Сержень – Юртовского поселения (Козенкова В.И., 1982, с. 9).

В процентном соотношении кремневые вкладыши и резцы находились в 5 из 59 захоронений могильника, что составляет 8,4 % случаев нахождения в могильнике.

3. Кремневые огнива – кресала (рис. 18, *9–15*)

Еще одним предметом труда, изготовленным из кремня, являются небольшие кусочки, выполнявшие, вероятно, роль огнива. Всего такие предметы встречались в 6 погребениях могильника. Все захоронения, где были найдены кремневые огнива, являются мужскими (рис. 18, *9–15*; табл. № 3).

В погребении 41 кремневое огниво лежало на линзе охры у коленей мужского костяка (Чшиев, 2001 а, с. 20). Аналогичная ситуация наблюдается в погребении № 32, где у бедренной кости два кусочка кремня лежали на линзовидном в сечении округлом пятне охры бледно-желтоватого цвета

(Чшиев, 1999, с. 28-29). В мужском погребении № 39, кремень находился под черепом костяка. В ограбленном погребении № 52, кусочек кремня засвидетельствован в центральной части костного скопления захоронения. В погребении № 60, кремень находился у тазовых костей погребенного (Чшиев, 2003 а, с. 47-48).

В ареале кобанской культуры, по данным В.И.Козенковой, кремневые отщепы наиболее характерны для западного варианта (Агачевский, Березовский 1 могильники, погр. у Красных камней, «Мебельная фабрика» 1, Султангорский 3, Каменномостский могильники). При этом, по мнению исследователя, погребения с кремневыми отщепами «относятся к престижным, воинским погребениям, но не самым поздним, если сравнивать их с древностями новочеркасского типа, т.е., они могут быть датированы не позднее середины 8 в. до н.э.» (Козенкова, Сосранов, Черджиев, 1997, с. 16–17).

Материалы Эльхотовского могильника это мнение подтверждают, все пять случаев находок кусочков кремня были в мужских воинских престижных захоронениях (погребения № 32, 39, 41, 45, 60). В данных комплексах, кроме традиционного керамического набора, находились: в погр. 32 – бронзовый топор, фибула, железный наконечник копья, оселок, железный нож; в погр. 39 – бронзовый топор, оселок, железный нож; в погр. 41 – два топора (каменный и бронзовый), бронзовый кинжал, бронзовый наконечник стрелы, фибула, железный нож, оселок; в погр. 45 – бронзовый топор (с зооморфной гравировкой), бронзовые наконечники стрел, бронзовый кинжал, железный нож, оселок; в погр. 60 – бронзовый топор, бронзовые двукольчатые удила с роговыми псалиями, железный нож, бронзовые наконечники стрел. Кроме того, только два погребения могильника содержали бронзовые дуговидные фибулы (погребения № 32, 41). В обоих случаях в этих же погребениях находились кусочки кремня.

Примечательно, что найденное в контактной зоне, в северной части Моздокского района РСО – А, у п. Садовый грунтовое погребение предскифского времени, также содержало кусочек кремня, располагавшийся у пояса захоронения, на уровне оселка и железного ножа (Козенкова, Сосранов, Черджиев, 1997, с. 15, рис. 1).

В Прикубанье, в протомеотском могильнике Фарс/Клады предскифскоего периода, захоронения с кремневыми отщепами относятся к ранней (первой) группе могил памятника и датируются А.М.Лесковым и В.Р.Эрлихом в «пределах первой половины – третьей четверти 8 в. до н.э.» (Лесков, Эрлих, 1999, с. 68, с. 71).

В процентном соотношении погребения с кремневыми отщепами-огнивами в Эльхотовском могильнике составляют 10 % (приложение 1, табл. 3).

4. Иглы (рис. 19, *1–9*)

Всего в погребениях могильника находилось 9 бронзовых игл (рис. 19, *1–9*). Отверстие в 5 из них образовано заворачиванием верхнего утонченного края в ушко и проковкой для закрепления. Эти экземпляры отнесены нами к *первому типу.* В четырех случаях (в погребениях № 25, 53, 59 и 59) отверстие в ушке пробито в уплощенном конце иглы – *второй тип.* Иглы круглые в сечении и отличаются далее только размерами. Все они найдены в женских захоронениях, по одному предмету в погребении. Количественное соотношение по находкам от количества погребений могильника для данной категории предметов труда составляет 10, 2 %.

В материалах западного варианта кобанской культуры наиболее близкие по форме эльхотовским экземпляры найдены в погребениях могильника № 2 у Лермонтовской скалы, в Кисловодской котловине. В материалах восточного варианта культуры аналогии им известны в Сержень – Юртовском

поселении и одноименном могильнике (Козенкова, 1998, с. 14; табл. III, *6–7*; 2001, рис. 84, *7–9*; 2002, с. 75, табл. 30, *5*).

5. Проколки (шилья) (рис. 19, 10–12)

Тип 1. (1 экземпляр). Предмет труда, функционально сочетающий в себе иглу и проколку (шило) был найден в женском погребении № 82 (рис. 19, *10*). Круглый в сечении предмет в 3 см от одного из заостренных концов имеет расширение, в котором пробито линзовидное по форме отверстие. Таким образом, данное шило могло выполнять и функции шила и иглы.

Аналогий нашей эльхотовской проколке, нам обнаружить не удалось.

Тип 2. (1 экземпляр). Вторая проколка, также найденная в женском погребении (№ 69), изготовлена из железа (рис. 19, *11*). Предмет сильно фрагментирован и корродирован, но, по-видимому, это была округлая в сечении проколка, возможно, насаживаемая на несохранившуюся деревянную рукоять.

Тип 3. (1 экземпляр). Бронзовое шило бипирамидальной формы. В погребении № 52 был найден бронзовый предмет в виде небольшого квадратного в сечении стержня, оба конца которого заострены (рис. 19, *12*). По форме предмет вытянуто-ромбовидных очертаний, точнее – вытянуто-бипирамидальный. Один заостренный конец вдвое длиннее другого. Аналогии нашему шилу (тип II по классификации В.И.Козенковой) имеются в материалах кобанской культуры предскифского времени как западного, так и восточного вариантов (Козенкова, 1982, табл. III, *14–16*; 1998, табл. III, *12*).

В количественном соотношении находки вышеописанных проколок составляют в погребениях могильника 5 %. (приложение 1, табл. 3).

6. Пряслица (рис. 19, *13–15*)

В погребениях могильника найдено три керамических пряслица (рис. 19, *13–15*; приложение 1, табл. 3). Все они находились в женских захоронениях. По форме пряслица разделяются на два типа.

Тип 1. (2 экземпляра). К первому типу относятся пряслица из погребений № 29 и 68 (рис. 19, *13–14*). Предметы представляют собой по форме диск, одна сторона которого плоская, а вторая плавно переходит в усеченный конус с отверстием в центре. Аналогий в материалах центрального и западного вариантов культуры нами не обнаружено, однако, в материалах восточного варианта культуры, в слое Алхастинского поселения, находился экземпляр аналогичного типа (Крупнов, 1960, с. 450, табл. XXVIII, *4).*

Тип 2. (1 экземпляр). Пряслице данного типа (находилось в погребении № 76), представляет в сечении конус с усеченной вершиной; в нижней части предмета имеется вогнутость (рис. 19, *15*). Предмет аналогичен по форме типичным кобанским усечено-коническим пряслицам с вогнутым основанием, известным и на территории всех трех вариантов кобанской культуры (Козенкова, 1998, с. 26–27; табл. VIII, *8,10*; 1982, с. 151, табл. VI, *16*). Однако, наибольшую близость наш предмет имеет с находками на западе ареала кобанской культуры, среди пряслиц второго варианта четвертого типа (по классификации В.И.Козенковой). Датируются они В.И. Козенковой в рамках 8–6 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 26–27).

Количественное соотношение находок пряслиц в погребениях могильника – 5 % (приложение 1, табл. 3).

7. Каменные оселки (рис. 20, *1 – 7*)

В погребениях Эльхотовского могильника найдено 7 оселков. Все они происходят из мужских захоронений памятника. Во всех случаях, кроме одного, оселки находились по одному экземпляру в каждом погребении. В погребении № 52 имелось два оселка (рис. 20, *3–4*). Все точильные камни снабжены отверстиями в верхней части. В двух случаях – отверстия цилиндрического сверления (рис. 20, *5–6*), во всех остальных – двустороннего. Из 7 оселков – два сделаны из темно-желтого мелкозернистого песчаника (рис. 20,

3, 5), остальные изготовлены из черного сланца (рис. 20, *1–2, 4, 6–7*). Пять оселков имеют явные следы амортизации (рис. 20, *1, 3–4, 6–7*).

Оселки могильника по своей форме разделяются на два типа.

Тип 1. (6 экземпляров). К первому типу относятся уплощенные экземпляры брусковидных очертаний, главным образом подпрямоугольного сечения, из погр. 32, 39, 41, 52, 54 (рис. 20, *1–5*).

Оселки первого типа находят аналогии среди точильных брусков второго типа западного и восточного вариантов кобанской культуры (по классификации В.И.Козенковой) и датируются В.И.Козенковой от рубежа 2–1 тысячелетий – до сер 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 24–25; табл. VII; она же, 1982, с. 11, с. 151, табл. V, *14–20*). Близкие аналогии нашим оселкам отмечены и в погребальных комплексах Закубанья начала – первой половины 1 тыс. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 160, рис. 52, 1 – 3, 6).

Тип 2. (1 экземпляр). Из погребения № 45 происходит оселок овальной, почти круглой, в сечении, формы, отнесенный нами ко второму типу (рис. 20, *6*). От остальных оселков могильника этот точильный камень отличается и своими большими размерами (длина – 163 мм, ширина в средней части – 21 мм) и формой. Оселок второго типа из Эльхотово близок к типу 3 точильных камней восточного варианта (по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова. 1982, с. 11; с. 151, табл. V, *13*).

Точильные бруски этого типа датируются В.И.Козенковой скифским временем, и по ее мнению могут быть связаны своим происхождением со степными номадами скифского культурного круга (Козенкова, 1982, с. 11).

2. 3. 3. АКСЕССУАРЫ ОДЕЖДЫ: БУЛАВКИ, ВОРВОРКИ, ФИБУЛЫ, ПУГОВИЦЫ, ПОЯС И ПРЯЖКИ

В данной группе представлены предметы одежды, объединенные в шесть разделов по назначению.

1. Булавки (рис. 21, *1–13*)

Тип 1. (13 экземпляров). Всего в погребениях Эльхотово найдено 13 бронзовых булавок относящихся к первому типу. По форме – это стержневидный (круглый в сечении) предмет с нижней заостренной частью и верхней раскованной и завернутой в трубочку (рис. 21, *1–13*). По различиям в форме стержня булавки первого типа делятся на два подтипа.

Подтип 1. К этому подтипу относятся булавки с прямым стержнем (рис. 21, *1–10*).

Подтип 2. Второй подтип объединяет булавки с витым вдоль своей оси стержнем подпрямоугольной в сечении формы (рис. 21, *11–13*). Всего в могильнике было найдено 10 булавок с прямым стержнем и три булавки – с витым.

Две булавки (рис. 21, *5, 11*) находились в погребении № 76. Во всех остальных случаях в каждом захоронении находилось по одной булавке. Из 12 погребений, в которых были найдены стержневидные булавки – одно захоронение (№ 86) было детским, два захоронения (№ 76, и 92) женские, и остальные 9 – мужские.

В количественном плане находки булавок составляют 20,3 % от числа погребений могильника.

Первый и второй подтипы первого типа эльхотовских булавок соответствует первому и второму вариантам шестого типа, по классификации кобанских древностей В.И.Козенковой, и датируются началом – первой половиной 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 65–66; табл. XXI, *15–16, 18, 19*). В погребениях № 76 и 52 булавки – ложновитые, т.е. отлитые в литейной форме. В погребении № 22 булавка – витая, т.е. первоначально после отливки ее стержень имел в нижней части округлое сечение, а в верхней – подпрямоугольное, затем верхняя часть скручена механически. Она отличается, также небольшим количеством витков, в отличие от двух вышеописанных. Эти два

отличительных признака, позволяют датировать ее несколько ранним периодом, чем булавки из погребений 76 и 52.

2. Ворворки и наконечник ремня (рис. 21, *14–22*)

Бронзовые *ворворки* были найдены как в женских, так и в мужских захоронениях. Функционально к ним близок бронзовый наконечник ремня, который мог выполнять роль ворворки, поэтому он рассматривается нами в одном разделе с последними.

В мужском погребении № 32 (рис. 21, *14*) ворворка лежала между левым локтем и тазовыми костями погребеного. В женском погребении № 36 она (рис. 21, *15*) находилась в нижней части грудного отдела костяка. В мужском погребении № 45 ворворка обнаружена у трубчатых костей погребенного, в непосредственной близости от бронзового кинжала (рис. 21, *16*). В потревоженном мужском погребении № 52, ворворка засвидетельствована у левого плеча костяка (рис. 21, *22*). В мужском погребении № 58, такой предмет находился на поясе захоронения. В женском погребении № 87 ворворка обнаружена между левым плечом и согнутыми в локтях руками костяка.

Таким образом, в погребениях могильника всего найдено 6 бронзовых ворворок, которые подразделяются, морфологически на три типа.

Тип 1. (4 экземпляра). К первому типу относятся ворворки в виде невысокого полого цилиндра с выделенным в виде шайбы основанием (рис. 21, *15–18*). Всего в погребениях могильника найдено четыре подобных предмета (пп. № 36, 45, 58, 87). Наиболее полные аналогии известны нам в протомеотских древностях (Фарс/Клады, Кубанский могильник, Ахтырский Лиман I) (Эрлих, 2007, с. 382, рис. 203, 6, *19 – 20*). Ворворка из Кубанского могильника близка морфлогически, отличие состоит в небольшом отверстие в цилиндрической части предмета (Эрлих, 2007, с. 382, рис. 203, 6).

Тип 2. (1 экземпляр). Второй тип ворворок, найденный в одном случае в погребении № 32 (рис. 21, *14*), аналогичен третьему типу, по классификации

В.И.Козенковой. Верхняя часть предмета имеет форму короткого диска, нижняя – «форму утолщенного диска, с округлыми боками». Датируются такие ворворки В.И.Козенковой в рамках 9–7 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 32, с. 159, табл. XXI, *18*; 1995, с. 139, табл. IV, *25–26*). Практически аналогичная ворворка известна на Северо-Западном Кавказе, в погребении 9 грунтового могильника Фарс (Лесков, Эрлих, 1999, с. 104, рис. 12, *6*).

Тип 3. (1 экземпляр). Представлен одним предметом из мужского погребении № 52. Бронзовая ворворка по форме конусовидная с круглым отверстием в центре. Она украшена треугольными выемками по периметру (рис. 21, *19*). Аналогии в материалах Кобани нам не известны, но близкий предмет – «ажурное навершие», был найден в древностях колхидской культуры, среди находок из «тайника» при погребальной яме 5 могильника Джантух (Скаков, Джопуа, 2013, с. 384, рис. 1, *13*). Погребальная яма 5 датируется А.Ю.Скаковым и А.И.Джопуа 4 – 3 вв. до н.э., а ажурное навершие – 4 в. до н.э. (Скаков, Джопуа, 2013, с. 382). Еще один не аналогичный, но близкий по форме и орнаментации нашему бронзовый предмет, происходит из погребения 451 Тлийского могильника (Техов, 2002, с. 411, табл. 121, 9).

В потревоженном женском погребении № 55, в центре костного скопления, находился бронзовый *наконечник ремня* (рис. 21, *20*). Он имеет форму полого конуса с дисковидным выступающим основанием и закругленной вершиной. В нижней части имелись два сквозных отверстия. Высота предмета 28 мм, диаметр дисковидного основания – 17 мм. Такие предметы, по справедливому мнению А.М.Лескова, В.Р.Эрлиха, А.Б.Белинского и С.Л.Дударева, относятся к наконечникам ремней. Они найдены в четырех погребениях могильника Клин-Яр III (Лесков А.М, Эрлих В.Р., 1999, с. 59; Белинский, Дударев, 2005, с. 110, с. 112, рис. 1, *12–13, 15*). В целом же, предметы данного типа (первый тип ворворок по классификации В.И.Козенковой), известны в материалах как восточного, так и западного вариантов кобанской

культуры и датируются в рамках 8–7 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 32, с. 159, табл. XXI, *16*; 1995, с. 139, табл. IV, *23*).

Близкие наконечники ремней найдены и в протомеотских материалах Северо-Западного Кавказа (Фарс/Клады, Ахтырский Лиман I) (Лесков, Эрлих, 1999, с. 104, рис. 12, *8*; Эрлих, 2007, с. 203, *2 – 3*).

Все вышеуказанные эльхотовские ворворки датируются по материалам комплексов, в рамках 8 – самого начала 7 вв. до н.э. Как и ворворки первого и третьего типов по классификации В.И.Козенковой (Козенкова, 1982, с. 32).

Таким образом, в погребениях находилось по одной ворворке. В шести случаях они были найдены в мужских погребениях и в двух случаях – в женских.

Ворворки, в количественном соотношении от числа захоронений памятника составляют 15,2%. (приложение 1, табл. 2).

3. Фибулы

Бронзовые дуговидные фибулы были найдены в двух случаях, в мужских погребениях. Первая находилась в погребении № 32, у левого плеча костяка (рис. 21, *21*), вторая – в захоронении № 41, также, вблизи от левого плеча (рис. 21, *22*).

Морфологически фибулы разделяются на два типа.

Тип 1. (1 экземпляр). Фибула относительно большого размера с умеренной высотой полукруглой дуги, большим диаметром кольца пружины иглы и узким иглоприемником (рис. 21, *21*). Длина фибулы – 78 мм, высота – 52 мм, диаметр пружины – 18 мм. В средней части диаметр круглой в сечении дужки составляет 6 мм. Фибулу отличает небольшой диаметр круглой, в сечении, дужки. Поверхность ее покрыта орнаментом «елочка», который дополнен, в центральной части дуги и на ее концах гравированными поясками. Аналогии фибуле достаточно широко представлены в Тлийском могильнике, где они отнесены Б.В.Теховым к первому типу (Техов, 1977, с. 142).

В.И.Козенкова относит их ко второму варианту первого типа для древностей западного варианта культуры, и датирует 9–8 вв. до н.э. Наиболее близки к нашей фибуле экземпляры из Заюково, Кич-малки и Гунделена, отнесенные В.И.Козенковой к ранней группе фибул, бытовавших в древностях западного варианта на II этапе развития культуры (Козенкова, 1998, с. 73; с. 180; табл. XXIV, *15, 17–18*). Сходство изделий этой группы с фибулой нашего первого типа обнаруживается также, в таком важном морфологическом признаке, как большой диаметр свернутой в один оборот пружины фибул.

В целом, фибулы первого типа наиболее характерны для древностей центрального варианта кобанской культуры 9–8 вв. до н.э., возможно, с некоторым удревнением их до середины 10 в. до н.э.

Тип 2. (1 экземпляр). Фибула из воинского захоронения № 41, примерно таких же размеров как вышеописанная, но отличающаяся формой дужки и ее большей толщиной. Дужка здесь более выгнутая – высокая. Дуга фибулы покрыта сплошным гравированным елочным орнаментом (рис. 21, *22*). Длина фибулы – 78 мм; высота – 67 мм; диаметр дужки в средней части – 10 мм.

По классификации В.И.Козенковой такие фибулы относятся ко второму варианту первого типа фибул западного варианта кобанской культуры (Козенкова 1998, с. 73–74; табл. XXIV, *13–21*). Второй вариант первого типа (по В.И.Козенковой) объединяет фибулы, имеющие как гладкую высокую дужку, так и орнаментированную. Их дата – от 9 в. до н.э. – до скифского времени. Наиболее ранними экземплярами с утолщенной дужкой, являются орнаментированные фибулы относительно больших размеров. Фибулы этого же типа меньшего размера, с гладкой дужкой, «доживают» до 7 в. до н.э. Несмотря на отличие в орнаментации, фибула второго типа из Эльхотово, по размерам и форме близка фибулам из Гижгида и Баксанского ущелья (коллекция Е.Зичи) (Козенкова, 1998, с. 73–74; табл. XXIV, *16, 17*).

В материалах восточного варианта кобанской культуры такие фибулы характерны для комплексов 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 59, табл. XXXVII, *2*; Козенкова, 2002, с. 177, табл. 22, *6*).

В специальной работе Б.В.Техова, посвященной появлению и развитию на Кавказе дуговидной фибулы, фибула нашего второго типа соответствует второму типу по типологии Б.В.Техова и датируется им концом 11 – первой половиной 10 вв. до н.э. (Техов, 1973, с. 144, с. 142–143, рис. 1, *32*).

Достаточно многочисленны фибулы вышеописанных типов в древностях колхидской культуры (Трапш, 1970, с. 151, табл. IV, *3 – 4*; Воронов, 1980, с. 202, рис. 1, *50*; с. 204, рис. 2, *52, 59*; Очерки истории Грузии..., 1989, илл. 84 – 85; Скаков, 2008 а, с. 342 – 344; 2008 б, с. 87 - 95).

В количественном отношении находки дуговидных бронзовых фибул от числа захоронений Эльхотовского могильника составляют 3,3 % (приложение 1, табл. 2).

4. Поясные пряжки (рис. 22, *1-7*)

Поясные пряжки Эльхотовского могильника пластинчатые, изготовлены из бронзы. Всего в могильнике найдено 7 пряжек разного размера, по одной в погребении. Все они происходят из женских погребений.

Поясные пряжки Эльхотово относятся к *первому типу* (тип II по типологии В.И.Козенковой) (Козенкова, 1982, с. 52; табл. XXX, *3–5*). Морфологически и по способу изготовления они делятся на *два подтипа*. *К первому подтипу* относятся 5 литых пряжек подпрямоугольной формы с небольшим сужением в центральной части, в месте размещения крючка (рис. 22, *1–5*). Кроме того, первый подтип делится на два варианта, в зависимости от наличия или отсутствия орнамента. К *первому варианту* относятся две пряжки с гравированным орнаментом в виде ломаной линии заключенной в рамку, в одном случае и, гравированной «бегущей волной», также заключенной в прямоугольную рамку, во втором случае (рис. 22, *1-2*). В последней, рамочка

с «бегущей волной» дополнительно окантована еще одной узкой рамккой с штриховкой. Ко *второму варианту* отнесены неорнаментованные пряжки (рис. 22, *3 – 5*). В трех случаях, край пряжек, в котором имеются круглые отверстия для прикрепления к поясу, снабжен неглубокой выемкой (рис. 22, *1–2, 5*).

Ко второму подтипу первого типа относятся два экземпляра, вырезанные из листовой бронзы (рис. 22, *6–7*).

Пряжки различаются, также, количеством отверстий для прикрепления к поясу. В двух случаях (из погребений № 30 и 59) пряжки снабжены четырьмя отверстиями (рис. 22, *1, 7*). В трех случаях пряжки снабжены пятью отверстиями (из погребений № 38, 77, 82) (рис. 22, *3, 5, 6*). В одном случае, в погребении № 53, находилась пряжка с 6 отверстиями (рис. 22, *4*). Одна, богато орнаментированная пряжка, была снабжена 8 отверстиями (рис. 22, *2*). Последние две пряжки были самыми высокими, и, видимо, наиболее ранними, судя по аналогиям, анпример, в Тлийском могильнике.

По аналогиям, все пряжки Эльхотово ближе всего экземплярам именно из Тлийского могильника.

В тех захоронениях, где пряжки были найдены в положении in situ, они находились в поясном отделе костяка или вблизи от него, что не оставляет сомнений в том, что пряжки скрепляли пояс.

В количественном отношении находки пряжек составляют 11,8 % от числа погребений могильника.

5. Пояса (рис. 22, *8 – 10*)

Пояса бронзовые, обнаружены в двух комплексах. Но, учитывая наличие в погребениях 7 пряжек и ворворок, можно предполагать, что их было гораздо больше, в этих случаях они, видимо, были изготовлены из кожи или ткани.

Первый пояс представляет собой тонкую гладкую бронзовую ленту толщиной 1,5 мм. По периметру обеих краев пояса чеканкой нанесен пунсонный орнамент (рис. 22, *8–9*). Пояс сильно фрагментирован, точная его длина не устанавливается. Ширина пояса – 44 мм. Происходит из женского погребения № 36.

Второй пояс также был найден в женском захоронении (№ 77). Он изготовлен из длинных бронзовых тонких спиралей-пронизей, вероятно нашитых на кожаную или матерчатую основу. От него сохранились сильно фрагментированные, цилиндрические спирали, скрученные из подтреугольной в сечении ленты (рис. 22, *10*). Они обнаружены in situ, в виде 6–7 параллельных рядов под поясницей костяка, и частично – на его ребрах. Судя по спиралям, ширина пояса была весьма большой – от 10 до 16 см. То что, эти спирали связаны с поясом, подтверждает то, что в непосредственной близости от них находилась бронзовая пластинчатая пряжка (рис. 22, *5*). Таким образом, выделяется два типа бронзовых поясов.

Тип 1. (1 экземпляр). К нему относится вышеописанный пластинчатый пояс из погребения 36. В классический период Кобани подобные пояса известны из Верхнекобанского и Тлийского могильников (Уварова, 1900, с. 34–37, рис. 38–41; Техов, 1977, с. 122–127. Особенно много таких поясов найдено в материалах Тлийского могильника (раскопки Б.В.Техова). Вместе с фрагментированными экземплярами количество их здесь достигает 40 штук. Среди тлийских поясов из листовой бронзы, есть экземпляры абсолютно аналогичные Эльхотовским. В том числе, имеются пояса, снабженные бронзовыми пряжками близкими к вышеописанной (Техов, 1977, с. 123, рис. 95, *10–11, 15, 18–22*).

Как уже говорилось выше, пояса из листовой бронзы датируются классическим кобанским периодом, т.е. периодом Кобан III (по периодизации В.И.Козенковой), охватывающим время с начала второй половины 10 по на-

чало 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36). Известны пластинчатые бронзовые пояса и в скифский период. В Луговом могильнике, в комплексе 6 в. до н.э. (погребение № 64), найден (раскопки Е.И.Крупнова и Р.М.Мунчаева) пластинчатый бронзовый пояс, украшенный геометрическими и зооморфными фигурами (Мунчаев, 1963, с. 181, рис. 26, *11*). Известны подобные пояса и в Казбекском кладе скифского времени. Пластинчатые пояса распространены и в археологических материалах Закавказья (Трапш, 1970, с. 115, табл. I, *4*; с. 147, табл. III, *2*; рис. 18; Очерки истории Грузии..., 1989, илл. 55; Иванчик, 2001, с. 149, рис. 69; с. 150, рис. 70, *3 – 4*; с. 179, рис. 85, *15*).

Тип 2. (1 экземпляр). Второй пояс состоял, как отмечалось выше из бронзовых спиралей. Единственная точная аналогия известна из недавно открытого экспедицией М.А.Бакушева Змейского могильника кобанской культуры (Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, II, 8). Также, в погребениях раннего этапа Сержень – Юртовского могильника, типичными были узкие пояса в виде тонкой бронзовой спирали, сквозь которую протягивался кожаный шнур (Козенкова, 1982, с. 51). Не исключено, что Сержень – Юртовские спиральные пояса были ранними прототипами той формы, которую мы видим в Эльхотово и Змейском могильнике.

В количественном отношении находки поясов составляют в погребениях Эльхотовского могильника 3,3 %.

6. Пуговицы (рис. 23, *1-49*)

Одной из самых массовых категорий Эльхотовского могильника были пуговицы. Они изготовлены из разных материалов – бронзы, сурьмы, камня и кости. В ряде случаев сложно определить функциональную принадлежность предметов, поскольку они могли относиться также к украшениям, например – дисковидные экземпляры. В некоторых случаях они могли служить, также, в качестве застежек или украшений сбруйных комплектов уздечки. Однако,

формально, они включены нами в раздел аксессуаров одежды. Типология пуговиц разработана нами исходя из формы, являющейся определяющим признаком. В результате, морфологически, пуговицы Эльхотовского могильника подразделяются на 11 типов с подтипами.

Тип 1. (53 экземпляра). Больше всего в погребениях могильника было найдено бронзовых пуговиц изготовленных из крестовидной пластинки с согнутыми к центру концами и отверстием, пробитым в центре (рис. 23, *1–21*). Этот тип пуговиц относится к первому варианту I-го типа по типологии В.И. Козенковой и датируется ею в рамках 11–8 вв. до н. э. (Козенкова, 1998, с. 36–37, с. 166, табл. X, *1–2*). Среди них выделяется бронзовая крестовидная пуговица из мужского погребения № 15, которая отличается от остальных в могильнике (рис. 23, *1*). Ее отличает заостренная форма концов, и то, что концы не загнуты к центру под прямым углом, как в других случаях, а закруглены. Причем, если все остальные пуговицы первого типа вырезаны из бронзового листа или пластинки, то пуговица из погребения № 15 – литая. В целом, и пуговица и сам комплекс погребения № 15, представляется одним из наиболее ранних в могильнике. Близкие по форме, но бо′льшего размера пуговицы известны в материалах рубежа 2–1 тыс. до н.э. из Баксанского ущелья. Наиболее близкие, территориально и хронологически, аналогии первому типу эльхотовских пуговиц найдены в погребениях Змейского могильника кобанской культуры (Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, II, *14*).

Пуговица выделена нами в *первый подтип* первого типа. Все остальные экземпляры этого типа относятся ко *второму подтипу.* Из них одна пуговица была найдена в мужском погребении (рис. 23, *8*), одна – в детском (рис. 23, *7*). Остальные пуговицы второго подтипа первого типа обнаружены в шести женских погребениях (№ 20, 36, 51, 55, 68, 70), в количестве от четырех – до 17 в каждом (приложение 1, табл. 2). В женском погребении № 70 имела место только одна крестовидная пуговица первого типа.

Всего пуговицы первого типа найдены в 9 захоронениях могильника, что составляет 15, 2 % (приложение 1, табл. 2).

Тип 2. (10 экземпляров). Бронзовые, полусферические пуговицы с прямой петлей – перекладиной на внутренней стороне (рис. 23, *22–30*). Пуговицы этого типа известны в материалах как западного, так и восточного вариантов кобанской культуры. По типологии В.И.Козенковой они относятся к первому варианту II-го типа и датируются ею 8 – началом 7 вв. до н. э. (Козенкова, 1982, с. 160, табл. XXIV, *4–5*; 1998, с. 36–37, с. 166, табл. X, *3–4*). Достаточно распространены подобные аксессуары костюма в материалах южной группы памятников центрального варианта кобанской культуры, в частности, в погребениях Тлийского могильника (Техов, 1977, с. 170, с. 177–178, рис. 114, *58–62*), а также и других кобанских древностях, в том числе и в материалах т.н. «новочеркасского» типа. Они обнаружены в восьми захоронениях Эльхотовского могильника (№ 41, 45, 57, 60, 62, 68, 77, 82). Две пуговицы в мужском погребении № 41 (рис. 23, *28–29*), две в женском погребении № 77 (рис. 23, *23*). В остальных случаях в каждом из погребений находилась одна полусферическая пуговица. В мужском погребении № 60, полусферическая пуговица имела значок в виде ромба, в центре которого находится небольшой кружок (рис. 23, *24*). В четырех случаях такие пуговицы находились в женских погребениях, в трех случаях – в мужских, и в одном случае – в детском (№ 62).

В целом, процент полусферических пуговиц данного типа от количества захоронений могильника составляет 13,5 %.

Тип 3. (3 экземпляра). Бронзовые пуговицы ромбовидной формы с прямой перекладинкой на внутренней стороне. Всего найдены две пуговицы этого типа. Одна в женском погребении № 25 и одна, также в женском захоронении № 69 (рис. 23, *32–33*). Такие пуговицы известны в материалах западного (Заюково, Хабаз, Каменномостский, Березовский 1-й, Терезе, «Мебель-

ная фабрика» 1 и др.) и центрального (В. Кобан, Тли) вариантов культуры. Они характерны для комплексов от 10 до 7 вв. до н.э. По типологии В.И. Козенковой относятся к VI типу (Козенкова, 1998, с. 37, 166, табл. X, *13–14*; Техов, 1977, с. 170, 178, рис. 114, *68–71*).

Тип 4. (1 экземпляр). Бронзовая пуговица-застежка, найденная в мужском погребении № 56 (рис. 23, *34*). Предмет представляет собой пластинку вытянуто-овальной формы, внешняя сторона которой покрыта поперечным рифлением, а на внутренней имеется арочная петля. По форме пуговица близка черногоровским застежкам с рифлением, изготовленным из камня и кости (Тереножкин, 1976, с. 193, рис. 97, III, *50*).

Тип 5. (3 экземпляра). Дисковидная пуговица с арочной петлей на обратной стороне отлитая из сурьмы. Лицевая сторона пуговицы украшена орнаментом в виде «киммерийской звезды»: – рельефным квадратом с круглым выступом в центре (рис. 23, *31, 44 - 45*). Предмет напоминает бронзовые бляшки новочеркасского типа, которые часто составляли комплексы с деталями уздечки. В Эльхотовском могильнике предметы находились в 3 женских погребениях, потому мы склонны рассматривать их как пуговицы (или род женских украшений-бляшек).

Тип 6. (18 экземпляров). Сурьмяные пуговицы в плане круглой и в сечении конической формы, снабженные скрытой петлей для пришивания. Все они найдены в женских захоронениях. Пуговицы разных размеров. Самые мелкие (1–1,3 см в диаметре) найдены в погребениях № 68, 77 (рис. 23, *35, 40*). Более крупные (диаметром 1,7–2 см) находились в погребениях № 36 и 68 (рис. 23, *38–39*).

Сурьмяные пуговицы этого типа близки найденным в могильниках западного варианта культуры (Заюково, Каменномостский могильник). Они относятся ко второму варианту V - го типа по классификации В.И. Козенковой (Козенкова, 1998, с. 37, с. 166, табл. X, *11*).

Пуговицы шестого типа найдены в 3 погребениях могильника, что составляет 5 % от количества захоронений памятника.

Тип 7. (22 экземпляра). Небольшие пуговицы круглой в плане и полусферической в сечении формы, со скрытой петлей также отлитые из сурьмы (рис. 23, *41*). Они происходят из женских погребений № 69 и 77. В захоронении № 68 найдена 21 пуговица такого типа, в № 77 – 1. Они находились у запястий рук и в области груди погребенной, что возможно свидетельствует об употреблении их не только для закрепления одежды (рукавов, полы платья), но и как украшений.

Тип 8. (5 экземпляров). Отлитые из сурьмы небольшие диски, на внешней стороне которых имеются рельефные круглые выступы – от 4-х до 5-ти, обрамленных ободком, проходящим по краю диска, а на оборотной – несколько выступающая, внутренняя, скрытая петля с канавкой (рис. 23, *42–43*). Пуговицы восьмого типа происходят из женских погребений №№ 36 и 55. Аналогии данному типу пуговиц в кобанских памятниках нам не известны.

Тип 9. (3 предмета). Представлен экземплярами, отлитыми из сурьмы. Это круглые в плане, приближающиеся к конической форме предметы, где внешняя, конусовидная часть имеет вытянутые очертания (рис. 23, *46–48*). На оборотной стороне круглая внутренняя скрытая петля, обозначенная небольшим выступом. В одном случае пуговица такого типа находилась в мужском погребении № 49 (рис. 23, *46*), и в двух случаях найдены в женских захоронениях № 69 и 77 (рис. 23, *47 – 48*). На внешней стороне пуговицы из погребения № 69 имеется рельефный ободок по периметру диска. Полная аналогия данному типу пуговиц в кобанских памятниках нам не известна.

Тип 10. (1 экземпляр). В погребении № 36 была найдена пуговица – застежка из доломита белого цвета овально-вытянутой формы. Внешняя сторо-

на украшена поперечным рифлением в виде 4 поперечных полосок, оборотная – плоская (рис. 23, *49*). Петелька отсутствует.

Как отмечает В.И. Козенкова, подобные застежки весьма редки в памятниках кобанской культуры, известен один экземпляр из погребения 7 могильника 1 «Мебельная фабрика» в Кисловодске (Козенкова, 1995, с. 112, табл. IV, *21*). Напротив, в памятниках Степи и Лесостепи, в Северном Причерноморье они представлены в болшом количестве (Козенкова, 1995, с. 112; Махортых, 2005, с. 85, рис. 29, *5, 22–23*, с. 159, рис. 62, *3*, с. 168, рис. 71, *5*, с. 170, рис. 73, *42*; Иванчик, 2001, с. 211, рис. 102, *30–33*, с. 215, рис. 105, *13–19*).

2. 3. 4. ОРУЖИЕ

Несмотря на относительно небольшую группу погребений могильника, содержавшую мужские захоронения, а также, значительное количество потревоженных или ограбленных погребений (приложение 1, табл. 1), тем не менее, материалы могильника представлены достаточно большим количеством предметов вооружения, свидетельствующих о высокой степени военизированности населения оставившего Эльхотовский некрополь. Предметы вооружения представлены такими категориями, как топоры (бронзовые и каменный), наконечники копий (все из железа), кинжалы (четыре бронзовых и один железный), наконечники стрел (бронзовые и костяные).

В основу классификации предметов вооружения положены такие признаки как материал (бронза, камень, кость, железо), форма, орнаментация.

Также, в данном разделе нами рассматриваются бронзовые панцирные пластинки подпрямоугольной формы от наборного защитного доспеха. Хотя они найдены в женском захоронении и, вероятно, использовались уже вторично в качестве украшения, как например, в Пседахском могильнике (Козенкова, 1986, с. 139, рис. 5, *3*).

1. Топоры (рис. 24)

Топоры Эльхотовского могильника разделены на два подраздела по материалу.

Подраздел 1. Бронзовые топоры (рис. 24, *1-7*)

Всего в погребениях Эльхотовского могильника было найдено 7 бронзовых топоров. Морфологически, исходя из формы корпуса, обуха и количества подтреугольных граней на боках и орнаментации они разделяются на три типа и два подтипа.

Тип 1. (1 экземпляр). К первому типу относится топор из погребения № 32, имеющий очертания корпуса близкие к двояковыгнутым экземплярам (рис. 24, *1*). Топор массивный, имеет короткий, невыделенный молоточковидный обух, снабжен тремя гранями на корпусе. Проушина вытянуто-овальной формы. Лезвие топора отличается некоторой особенностью. В отличие от остальных топоров, этот имеющих равномерно закругленное широкое лезвие, этот топор имеет, относительно короткое, неширокое уплощенное лезвие, с как бы косо срезанной передней частью, в результате чего оно приобрело асимметричные очертания.

По классификации В.И.Козенковой топоры двояковыгнутых очертаний относятся к первому типу, и в большинстве датируются в рамках 10–9 вв. до н.э., не позднее 8 в. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 23, *156*, табл. XVI, *1–2*).

Тип 2. (4 экземпляра). Ко второму типу относятся четыре топора имеющие проушину вытянуто – овальной формы, закругленное лезвие, снабженные тремя ребрами на обушной части (рис. 24, *2–5*). Топоры второго типа более легкие, чем топор первого типа. Кроме того они имеют молоточковидный обух. В одном случае (рис. 24, *2*) обух короткий, не выделенный. В остальных случаях (рис. 24, *3–5*), топоры имеют выделенный обушок. Верхняя часть обуха двух топоров, в сечении близка к клиновидной форме (рис. 24, *4–5*). Среди этого типа выделены два подтипа – *первый - неорнаментиро-*

ванные (рис. 24, 2 – 4) и *второй – орнаментированные* (рис. 24, 5). Второй подтип выделен среди серии второго типа по наличию на одном из топоров гравировки, сочетающей зооморфные и геометрические изображения. Топор второго подтипа из погребения № 45 (рис. 24, *5*) имеет вытянутые изящные очертания. Боковые стороны корпуса и частично лезвие, украшены одинаковыми изображениями фантастического животного с длинным изогнутым хвостом с кисточкой. Задняя нога имеет окончание в виде стилизованнного заостренного треугольника, передние ноги отсутствуют, ушки небольшие вытянуто-подтреугольной формы, как бы раздвинуты в стороны. Голова животного повернута назад, пасть открыта, глаз несоразмерно большой, относительно общего размера головы. У головы животного нанесено гравированное крестовидное изображение, концы которого оформлены в виде треугольников («мальтийский крест»). На теле имеются два пояска, один несколько ниже шеи, другой тянется от брюшка к спине. Вся поверхность тела животного, кроме поясков и глаза, как и поверхность крестовидных фигур, покрыты чеканными точками.

Внизу передней части спинки и на «брюшке» топора, ближе к втулке, имеются, также, по два гравированных кружочка-«глаза».

Близкие эльхотовским топоры с прямым корпусом, молоточковидным обушком и тремя ребрами на корпусе отнесены В.И.Козенковой ко второму типу и датируются ею 8–7 вв. до н.э. Исходя из хронологической схемы развития кобано-колхидского графического стиля А.Ю.Скакова, наш топор, по ряду признаков (зооморфное животное в «обернутой назад динамичной позе», пояски на теле, стилизованные в виде плавников лапы) относится к третьему хронологическому периоду (Козенкова, 1982, с. 23, *156,* табл. XVI, *5–6*; Козенкова, 1995, с. 68–69, 153, табл. XVIII, *4–5*; Скаков, 1997, с. *78–79*).

Тип 3. (2 экземпляра). К третьему типу бронзовых топоров могильника относятся два экземпляра (рис. 24, *6–7*). Как и предыдущие, эти топоры име-

ют прямой корпус, вытянуто-овальную проушину, закругленное лезвие и выделенный молоточковидный обух. Однако в отличие от первых двух типов, топоры третьего типа имеют на корпусе пять ребер. По классификации В.И.Козенковой подобные топоры относятся к четвертому варианту II – го типа первого отдела, и датируются в рамках 8–7 вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 68–69, 153, табл. XVIII, *3*).

Топоры второго и третьего типов распространены и в материалах колхидской культуры в Закавказье (Лукин, 1941, табл. X, 1; табл. XIII, 1 – 2; Трапш, 1970, с. 121, рис. 9, *1 – 3*; с. 122, рис. 10, 1; Скаков, 1997 а, с. 1 – 20; Скаков, 1997 б, с. 70 – 97).

В количественном отношении процент находок бронзовых топоров от числа всех захоронений составляет 11,8 %. От числа мужских захоронений (в том числе ограбленных) – 46,6 % (приложение 1, табл. 1).

Подраздел 2. Каменные топоры (рис. 24, *8*).

В материалах могильника был найден один каменный топор (рис. 24, *8*). Он изготовлен из серого мелкого твердого песчаника и находился в погребении № 41 вместе с бронзовым топором второго типа. Оба топора, и бронзовый, и каменный лежали вплотную друг к другу под правой согнутой в локте рукой погребенного. Короткий каменный полированный топорик с круглым двойного сверления отверстием для рукояти, как бы копирует классическую форму кобанского топора с прямым корпусом. Клиновидное в (профиль) лезвие имеет полукруглую (в фас) форму. Имеется также, характерная для бронзовых топоров выемка у «брюшка». Боковые стороны проуха украшены тремя овальными в сечении, ребрами-нервюрами. Обух молоточковидный, выделенный, как это характерно для бронзовых парадно-боевых кобанских топоров.

Полная аналогия эльхотовскому топору в материалах кобанской культуры нам не известна. Но близкие предметы из камня имеются в материалах

западного варианта. В погребении 1 Султангорского 1-го могильника был найден каменный боевой молот, один из концов которого оформлен в виде лезвия топора. По классификации В.И.Козенковой Султангорский молот относится ко второму варианту II-го типа каменных молотов и датируется ею второй половиной 8 – рубежом 8 и 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 83, 157, табл. XXII, *12*). Многочисленные, не абсолютные, но весьма близкие аналогии известны в протомеотской группе памятников Северо – Западного Кавказа (Эрлих, 2007, с. 353, рис. 164, *5, 7 – 9*).

Несмотря на то, что на лезвии нашего каменного топора есть скол от амортизации, мы вслед за В.И.Козенковой полагаем, что каменные молоты (и топоры, как в нашем случае) небольших размеров, преимущественно «выступали символом власти или парадным воинским атрибутом» (Козенкова, 1995, с. 83). По классификации топориков-молотков, произведенной С.Л.Дударевым, наш каменный топорик близок первому типу. Последний датируется С.Л. Дударевым в рамках позднечерногоровского – новочеркасского времени (Дударев, 1999, с. 114–115, рис. 260). Определенный интерес в данном случае представляет и находка в слое 10–8 вв. до н.э. Змейского поселения кобанской культуры каменного топора и заготовки для каменного молота-топорика, так как данное поселение находится в непосредственной близости от Эльхотовского могильника. Каменный топорик-молот, также был найден в погребении № 51 Зандакского могильника в Чечне (Марковин, 2002, с. 90–92, с. 125). Последняя находка представляется важной потому, что в Зандакском погребении кроме каменного топора-молота имелся каменный оселок, железный нож и огниво из кремня. Именно такой же набор был и в погребении 41 вместе с вышеописанным каменным топориком. Существенным фактом, на наш взгляд является также то, что топор и оселок из Зандака, как и топор из Эльхотово сделаны из мелкозернистого серого песчаника (Марковин, 2002, с. 125; Чшиев, 2001 а, с. 18-20; Чшиев, 2004, с. 281).

В количественном отношении процент находок каменных топоров от числа всех захоронений составляет 1,6 %. От числа мужских захоронений (в том числе ограбленных) – 6,6 % (приложение 1, табл. 1).

2. Наконечники копий (рис. 25, *1-5*)

Все пять найденных в Эльхотовском могильнике наконечники копий изготовлены из железа, кованные (рис. 25, *1–5*). Все они втульчатые, втулка раскрытая, круглая в сечении. В двух случаях на втулке имелось по одному отверстию (рис. 25, *4* - *5*). Толщина втулки относительно небольшая, поэтому возможно, для предохранения втулки от раскрытия при ударе, последняя могла обвязываться ремнями (Бочкарев, 2004, с. 389). Сечение пера сохранивших форму наконечников копий – вытянуто-ромбовидное. Вследствие плохой сохранности предметов, форма пера установлена только в двух случаях: у экземпляра из погребения № 85 она была вытянуто-лавролистной (рис. 25, *4*), а в погребении № 56 был найден наконечник копья с пером вытянуто-треугольной формы. Вытянутая узкая форма пера данного наконечника, возможно, предназначалась для пробивания доспеха (рис. 25, *3*).

В основу типологии наконечников копий положены форма пера и втулки и их соотношение по длине. Наконечники разделены нами на два типа.

Тип 1. (1 экземпляр). Наконечник копья с узким пером вытянуто-подтреугольной в плане формы. Втулка раскрытая, конусовидной формы. Соотношение длины между пером и втулкой почти равное (рис. 25, *3*). Сечение пера вытянуто-ромбовидное. Перо без выделенного ребра жесткости.

По классификации В.И.Козенковой наш наконечник копья относится к первому варианту третьего типа, второго отдела, датируется концом 8 – началом 7 в. до н.э. Близкий нашему наконечник найден на востоке ареала, в погребении № 24 Сержень – Юртовского могильника (Козенкова, 1995, с. 41, 142, табл. VII, *4*; 2002, с. 63, 82, рис. 9, *4*).

Тип 2. (1 экземпляр). В погребении № 85 находился наконечник копья с вытянуто-лавролистной формой пера (рис. 25, *4*). Длина втулки в два раза превосходит перо. Наконечник имеет выделенное, немного закругленное в сечении ребро жесткости переходящее во втулку. На конце втулки имеется одно небольшое отверстие для прикрепления наконечника к древку.

По классификации В.И. Козенковой данный наконечник копья относится к первому типу второго отдела и датируется в рамках 8 – начала 7 вв. до н.э. Аналогия нашему наконечнику, также происходит из материалов Сержень – Юртовского могильника – материал погребения № 26 (Козенкова, 1995, с. 39, 141, табл. VI, *7*; 2002. с. 63, 82, рис. 9, *5*).

В количественном соотношении копья составляют 8,4 % от всех захоронений могильника, и 33,3 % от мужских (в том числе ограбленных) (приложение 1, табл. 1).

3. Кинжалы (рис. 26, *1–5*)

Все кинжалы по материалу разделены на два подраздела. Они были найдены в пяти погребениях могильника. Учитывая количество непотревоженных мужских погребений (всего – 7), т. е. почти половина всех мужских захоронений памятника, можно предполагать, что данный вид оружия был типичен для погребального инвентаря. Из пяти кинжалов четыре были изготовлены из бронзы и один из железа (рис. 26, *1–5*). Среди бронзовых кинжалов один экземпляр цельнолитой с рукояткой, и три представлены лишь бронзовыми клинками, у которых были, вероятно, деревянные, несохранившиеся, рукояти.

В количественном соотношении находки кинжалов составляют 8,4 % от числа всех погребений могильника. Процентное соотношение находок кинжалов от количества мужских погребений составляет 33,3 %. Из них бронзовые – 26,6 % и железный – 6,6 % (табл. 8).

В основу типологии кинжалов положены особенности формы предметов и материал, из которого они изготовлены. Исходя из этих признаков, эльхотовские кинжалы разделяются на два подраздела – бронзовые (4 типа), и железные (1 тип).

Подраздел 1. Бронзовые кинжалы

Тип 1. (1 экземпляр). К первому типу относится цельнолитой кинжал из погребения № 41 (рис. 26, *1*). Кинжал обоюдоострый, вытянуто-подтреугольной формы, срединное ребро треугольной формы, в сечении клинок представляет собой вытянутый ромб. Лезвие подтреугольно-вытянутой формы с плавным сужением к концу. Рукоять отлита вместе с клинком. В плане представляет собой пластину с плавным сужением в центре. В сечении это вытянутый прямоугольник. Нижняя часть рукояти (в месте перехода ее в клинок) – прямая, горизонтальная, широкое перекрестье, с небольшими, плечиками, выступающими за режущую кромку клинка, плавно сужаясь, переходит в ручку и, далее расширяясь, образует навершие. Прямая верхняя часть навершия имеет небольшой выступ в центре. В верхней его части имеется отверстие диаметром 4 мм. Режущая часть лезвия клинка прокована и заточена.

Аналогии данному кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известны. На наш взгляд, по внешним очертаниям эльхотовский цельнолитой кинжал напоминает кинжалы так называемого «переднеазиатского» типа, с составной рукоятью и заполнением или деревянными вставками и накладками, известные на западе РСО – А – Дигории, Южной Осетии – в Тлийском и Стырфазском могильниках, и в Закавказье – с. Кедабек. Также, в Закавказье, цельнолитой кинжал с рукоятью близких очертаний, но с закраинами для накладок известен из с. Гари (в Раче) (Техов, 1977, с. 106, рис. 89, *13–14*; 2006, с. 275, рис. 26, *1*; Куфтин, 1949, табл. XXIX, *7*; Крупнов, 1951, с. 67, рис. 25, *3, 6*).

Тип 2. (1 экземпляр). Ко второму типу относится клинок кинжала вытянуто-треугольной формы, с резко выделенным срединным ребром подпрямоугольной в сечении формы из погребения № 73 (рис. 26, *2*). Верх клинка имеет прямоугольный заостренный выступ для насаживания на рукоять. Там же пробито два отверстия для шпеньков, посредством которых к клинку прикреплялась деревянная рукоять.

Прямой аналогии нашему кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известно, однако в материалах Тлийского могильника есть экземпляры сходные с ним. Это некоторые варианты бронзовых кинжалов, отнесенных Б.В. Теховым к третьему типу тлийских кинжалов (Техов, 1977, с. 90, с. 96, рис. 83, *20*). Необходимо отметить, однако, что срединное ребро тлийских кинжалов третьего типа – треугольное, а нашего – прямоугольное.

Тип 3. (1 экземпляр). К третьему типу относится клинок кинжала с сужением в средней части, насадом подтреугольной формы и двумя отверстиями в последнем из погребения № 45 (рис. 26, *3*). В отверстиях сохранились бронзовые круглые в сечении шпеньки для закрепления, вероятно, деревянной рукояти. Срединное ребро на клинке слабовыраженное, по форме – полуовал. Кинжал, имеет следы выраженной амортизации, неоднократно проковывался и подтачивался. Возможно, ребро на эльхотовском кинжале изначально было классической подпрямоугольной формы, однако в результате использования и дополнительных проковок оказалось испорченным. Кинжал близок морфологически клинкам второго варианта первого типа по классификации В.И.Козенковой. В частности, это клинок из погребения в каменном ящике 1 Инжиччукунского могильника, датируемый рубежом 2–1 тыс. до н.э. Подобные клинки характерны для кобанской культуры с раннего периода и, «доживают» до 8 в. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 50, табл. VIII, *4*; 1995, с. 50–51).

Кинжалы с сужением в средней части широко представлены также, в Тлийском и Стырфазском могильниках, где они датируются временем от рубежа 2–1 тыс. до н.э. – до начала 1 тыс. до н.э. (Техов, 1977, с. 98, рис. 84; 2006, с. 263, рис. 12). Данный кинжал является одним из наиболее ранних артефактов в материалах Эльхотовского могильника, и может быть продатирован в пределах 9 – 8 вв. до н.э.

Тип 4. (1 экземпляр). Четвертый тип кинжалов могильника представлен клинком вытянуто-треугольной формы и эфесом подтреугольных очертаний (рис. 26, *4*). В верхней части клинка (перекрестье) сохранился бронзовый шпенек для закрепления рукояти. Судя по слабозаметному отличию цвета окислов на насаде клинка, деревянное перекрестье охватывало края насада в виде дуги. Ребро клинка треугольной формы. Клинок прокован и остро заточен.

Кинжал относится к первому варианту первого типа по классификации В.И. Козенковой. В памятниках восточного варианта на эфесе кинжалов данного типа присутствуют от пяти до двух отверстий для скрепления с рукоятью. При этом, как отмечает В.И. Козенкова: «Типологически наиболее поздними … были клинки с двумя отверстиями» (Козенкова, 2002, с. 62, 85, рис. 8, *4*). Ближе всего к нему некоторые кинжалы из Верхнекобанского могильника. Похожий кинжал найден в погребении 7 Кескемского и 43 Пседахского могильника из раскопок В.И.Долбежева (Козенкова, 2009, с. 238, рис. 2, 17). Кинжалы этого типа отнесены В.И. Козенковой к первому варианту первого типа по ее классификации. Датируются они В.И. Козенковой в рамках 10–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 19, 155, табл. XIV, *3*).

Подраздел 2. Железные кинжалы

Тип 1. (1 экземпляр). Единственный найденный в Эльхотовском могильнике клинок железного кинжала выделен нами в первый тип второго подраздела (рис. 26, *5*). Клинок имеет вытянуто-подтреугольную форму, за-

оваленное перекрестье/насад и вытянуто – линзовидную форму. В месте насада имеются четыре отверстия, в которых сохранились бронзовые, подпрямоугольной формы в сечении шпеньки, для закрепления рукояти. Погребение № 52, где был найден кинжал, потревожено и ограблено, вследствие этого кончик клинка утрачен. Но не вызывает сомнений что он был треугольной формы. Железо, из которого сделан кинжал достаточно высокого качества. Аналогии нашему клинку в материалах кобанской культуры нам не известны. Железные кинжалы разных форм, снабженные отверстиями в насаде и бронзовыми шпеньками известны в материалах Тлийского могильника скифского времени, однако они резко отличаются от нашего по форме, в первую очередь, насада/перекрестья. (Техов, 2002, с. 334, табл. 53, *5*, с. 344, табл. 63, *3*, с. 364, табл. 82, *2*).

На наш взгляд, кобанские мастера, изготовившие данный экземпляр, ориентировались на классические бронзовые кинжалы с треугольным клинком и подтреугольным или овальным насадом. То есть, морфологически кинжал подражает бронзовым экземплярам. Об этом свидетельствует архаичная форма насада/перекрестья и традиционные бронзовые шпеньки для закрепления деревянной рукояти. Позднее, как известно, кинжалы из железа уже не снабжались отверстиями, и соответственно, не были составными, а отковывались целиком.

В целом, по материалам комплекса, где был найден данный кинжал, он может датироваться второй половиной 8 – началом 7 в. до н. э.

4. Наконечники стрел (рис. 27, *1–17*)

Всего в материалах Эльхотовского могильника было обнаружено 17 наконечников стрел. Все они найдены в мужских захоронениях. Из них – бронзовых было – 13 и костяных – 4. Набольшее количество бронзовых стрел происходит из мужского воинского погребения № 45 – 8 штук (рис. 27, *1–6,*

8–9). Два бронзовых и три костяных наконечника находились в погребении № 60 (рис. 27, *7, 10, 15–17*). Один бронзовый наконечник обнаружен в погребении № 52 (рис. 27, *11*), два наконечника – бронзовый и костяной найдены в погребении № 49 (рис. 27, *13–14*). Один бронзовый наконечник стрелы происходит из погребения № 41 (приложение 1, рис. 27, *12*).

В целом, наконечники стрел были найдены в пяти погребениях могильника. От общего количества погребений это составляет 8,4 %. От числа мужских погребений могильника (15 пп.) соотношение составляет 33,3 %; от числа мужских непотревоженных (7 пп.) – 71,4% (приложение 1, табл. 8).

По материалу изготовления и форме наконечников они разделяются на два подраздела и три типа.

Подраздел 1. Бронзовые наконечники стрел

Тип 1. (7 экземпляра). К нему относятся литые черешковые наконечники с треугольной заостренной головкой и с заостренными опушенными крыльями (шипами) и удлиненным черенком. Всего найдено 7 подобных наконечника, один в мужском погребении № 41 (рис. 27, *12*), один в погребении № 52 (рис. 27, *11*), и пять в погребении № 45 (рис. 27, *4–6, 8, 9*). По классификации В.И.Козенковой подобные наконечники стрел относятся к кавказской группе и составляют первый тип, который морфологически делится на два варианта (Козенкова, 1995, с. 8–9). Наши наконечники стрел первого типа также подразделяются на *два подтипа* – к первому относится литой наконечник из погребения № 41, имеющий линзовидное сечение и стержневидный удлиненный черенок (рис. 27, *12*). От наконечников второго подтипа он отличается большей длиной. Также, остальные наконечники первого типа, в большей или меньшей степени, уплощены, а рассматриваемый более массивный и имеет линзовидное сечение головки. Наконечник найден близ головы погребенного, у керамического набора и костей барана – жертвенной пищи. Единичность находки, а также то, что он был воткнут в пол могилы, свиде-

тельствует в данном случае, видимо, о его ритуальной функции. По В.И.Козенковой, наконечники первого варианта первого типа относятся к ранним экземплярам, и встречаются в материалах кобанской кио с 12–11 вв. до н.э.

Наконечники *второго подтипа* первого типа, или варианта (по классификации В.И.Козенковой) в Эльхотово находились в двух погребениях – 45 и 52. В последнем был найден один наконечник (рис. 27, *11*), а в первом – пять наконечников данного подтипа (рис. 27, *4–6, 8–9*). Бронзовые наконечники первого типа на востоке ареала кобанской культуры известны в поселении Сержень – Юрт, где найдены в слое 10–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 15, 154, табл. XI, *22*). Более узкая дата бытования данных наконечников в Сержень – Юртовском поселении – 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 2001, с. 46, с. 188, рис. 86, *7*). Известны такие наконечники и в памятниках западного варианта культуры. Аналогичные нашим наконечники первого типа имелись в гробнице № 1 могильника Терезе, где они датируются В.И.Козенковой в рамках 11–8 вв. до н.э. Там было найдено 4 наконечника этого типа. По мнению В.И. Козенковой самая поздняя дата бытования наконечников этого типа – начало 8 в. до н.э., а «период массового их производства, скорее всего, может быть отнесен к X–IX вв. до н.э.» (Козенкова, 1995, с. 8; 2004, с. 97, с. 139, табл. II).

Тип 2. (5 экземпляров). В этот тип выделены бронзовые черешковые наконечники, вырезанные из бронзового листа или пластины (рис. 27, *1–3, 7, 10*). Они плоские в сечении, имеют заостренные шипы, и относятся к так называемым «кавказским площикам». Такие наконечники найдены в двух мужских погребениях – № 45 и 60. В погребении № 45 три (рис. 27, *1–3*) и в погребении № 60 – два (рис. 27, *7, 10*). По классификации В.И.Козенковой они относятся ко второму типу и датируются временем от конца II тыс. до н.э. – до 6–5 вв. до н.э. Они известны на всей территории кобанской культуры, в памятниках как северной, так и южной группы (Козенкова, 1982, с. 15, с. 154,

табл. XI, 26; 1995, с. 136, табл. I, *23, 25–30*; Куфтин, 1949, табл. XXXV, *7-11*; Бакушев, Чечина, 2014, с. 123, рис. 2, I, *1*).

Тип 3. (1 экземпляр). К третьему типу относится втульчатый двухлопастный наконечник с ромбовидным очертанием головки, так называемого «новочеркасского» типа (рис. 27, *13*). Втулка конусовидная. В месте перехода втулки в головку имеется сквозное овальное отверстие. Наконечник найден в мужском погребении № 49. Он относится, по классификации В.И. Козенковой, к 2-й подгруппе третьей группы (некавказские формы), и третьему варианту доскифского и скифского периода, и датируются 8 – началом 7 в. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 11, табл. II, *11, 15–16*). Самая близкая аналогия нашему наконечнику известна в Белореченском 2 могильнике предскифского времени (Дударев, 2004, с. 87, рис. 26, *2*).

Такие наконечники стрел были широко распространены не только на Северном Кавказе, но и в соседних с кобанской культурой регионах (Эрлих, 2007). Особенно, в памятниках Северного Причерноморья предскифского времени (Граков, 1977, рис. 101, б, *1–3*; Махортых, 2005, с. 112, рис. 39, *16*).

Подраздел 2. Костяные наконечники стрел

Тип 1. (4 экземпляра). Все четыре костяных наконечника стрел из Эльхотово относятся к этому типу. Они имеют пирамидальную форму и квадратное сечение основания (рис. 27, *14 – 17*). Костяные наконечники найдены в двух мужских погребениях могильника – 49 (рис. 27, *14*) и 60 (рис. 27, *15–17*). В погребении № 49 костяной наконечник находился вместе с втульчатым наконечником стрелы «новочеркасского облика», а в погребении № 60 три костяных наконечника находились вместе с одним бронзовым «площиком».

Костяные наконечники стрел известны на территории всех трех вариантов кобанской культуры. По типологии В.И.Козенковой наши наконечники относятся к седьмому типу второй группы, подгруппа 1 – кавказские формы. Костяные наконечники из Эльхотово (рис. 27, *15 - 17*), относятся к первому

варианту VII-го типа по классификации В.И.Козенковой. В целом же, наконечники 1–2 вариантов этого типа датируются в достаточно большом временном диапазоне – от конца эпохи поздней бронзы – до середины 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 7, 136, табл. 17, *10*; она же, 1982, с. 14, 153, табл. X, *8–10*; она же, 2004, с. 96, 186, табл. 17, *6–7;* Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, III, 3).

2. 3. 5. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УЗДЫ (рис. 26, *6–10*)

Предметы, связанные с взнуздыванием коня, найдены в двух мужских погребениях могильника. В погребении № 60 находился комплект узды, состоявший из бронзовых двукольчатых удил и двух роговых псалиев (рис. 26, *6–8*). В погребении № 85 обнаружены два роговых псалия без удил (рис. 26, *9–10*). Возможно, удила в этом погребении были ременные и поэтому не сохранились, или их не положили в погребение вместе с псалиями вследствие большой ценности данного предмета.

Роговые псалии могильника выделены нами в два типа исходя из их формы, а также, по количеству и расположению отверстий на них.

Т.о., конская узда представлена двумя разделами.

1. Удила

Бронзовые литые двукольчатые удила из погребения № 60 двухчастные, состоят из двух звеньев. Каждое звено имеет по три кольца, два на одном конце и одно на другом. Сечение мундштучной части удил подпрямоугольной формы, на одной из сторон поверхности звеньев имеется рельеф в виде двурядно-прямоугольной полоски. Удила хорошей сохранности, с незначительными следами амортизации.

Подобные удила относятся к типу 1 по типологии А.А.Иессена и первому типу по типологии В.И.Козенковой (Иессен, 1953, с. 52, рис. 2, *1*; Козенкова, 1995, с.100, табл. XXV, *2, 4*). Двукольчатые удила характерны для

конца периода Кобан III (по периодизации В.И.Козенковой – начало второй половины 10 – начало 7 в. до н.э.). Они имеются среди материалов Верхнекобанского могильника, Зандакского могильника, из Каменномостского, Султангорского 1-го, Баксанского, Эшкаконского, Клин-Ярского III-го могильников, 1 могильника «Мебельная фабрика» и др. В Западной Грузии двукольчатые удила найдены в составе клада бронзовых предметов из Сурмуши, включающих топор с двоякоизогнутым корпусом. Клад датируется Ю.Н.Вороновым концом 8 – первой половиной 7 в. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36; Уварова, 1900, с. 30–31, рис. 35, табл. XXXVII, *1*; Марковин, 2002, с. 77, рис. 56, *1*; Крупнов, 1960, табл. XIII, *10*; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 191–192, рис. 5, *14, 16*; Иессен, 1953, с. 65, рис. 8; Воронов, 1980, с. 204, 208, рис. 2, *17–18, 20*).

В классификации удил, сочетающиеся с трехпетельчатыми бронзовыми псалиями Восточной Европы, разработанной С.Б.Вальчаком, двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом присутствуют во всех трех выделенных автором группах – от ранней (предновочеркасская стадия; уздечные комплекты с псалиями типа Фарс 25), до поздней группы (классическая новочеркасская стадия – уздечные комплекты типа Новочеркасского клада) (Вальчак, 1997, с.100, рис. 1, *5*; рис. 12, *1–3*). В памятниках протомеотской группы анлогии найдены и в могильнике Пшиш I (Эрлих, 2007, с. 260, рис. 62, *1*).

По абсолютной хронологии, разработанной для могильника Фарс/Клады, подобные нашим удила относятся ко второй (вторая половина – последняя четверть 8 в. до н.э.) и третьей (конец 8 в. до н. э. – первая половина 7 в. до н.э.) хронологическим группам (Лесков, Эрлих, 1999, с. 51–52, 68–71, рис. 55, *2–3, 5*; Эрлих, 2007, с. 260, рис. 62, *1*).

В настоящее время в ареале кобанской культуры найдено более 40 бронзовых двукольчатых удил, которые являются преобладающими как в ма-

териалах западного, так и других вариантов кобанской культуры в предскифское и раннескифское время (Козенкова, 1995, с. 103, с. 105). По В.И. Козенковой появление удил данного типа в кобанской культуре относится ко времени не ранее 9 в. до н.э. (Зандакский могильник, погребение № 38), но наибольшее распространение они получили в 8 в. до н. э. По мнению А.А. Иессена «основным центром производства этих удил был, конечно, Северный Кавказ и отсюда они распространились на север» (Иессен, 1953, с. 127). Почти аналогичной точки зрения по этому вопросу придерживается В.И. Козенкова, которая считает центром их производства и распространения в соседние районы, «к протомеотам, киммерийцам, древнейшим скифам и населению Закавказья», – территорию центральной части Северного Кавказа (Козенкова, 1995, с.103; 2013, с. 122). С. Л. Дударев, особо выделяя роль района Прикубанья и Пятигорья в выработке основных типов узды предскифского и раннескифского времени, в том числе двукольчатых удил, считает, что «западные и центральные районы Предкавазья были своего рода «лабораторией» выработки разнообразных вариантов сбруи в VIII и первой половине VII в. до н.э.» Этот ареал, по мнению исследователя, сыграл решающую роль «в формировании руководящих типов сбруи предскифского времени на всем юге Европейской части СССР» (Дударев, 1991, с. 58). Типичны они и для протомеотских памятников (Эрлих, 2007, с. 115 – 117).

Большая длина удил (200 мм) указывает на то, что мастера-литейщики, изготовившие их, ориентировались на крупную большеротую лошадь, что подтверждает мнение В.И Козенковой об использовании племенами кобанской культуры в этот период именно подобной породы лошадей (Козенкова, 1995, с. 100).

Как показывает остеологический материал исследованных кобанских поселений предгорий Северной Осетии и Чеченской республики, кости лошадей зафиксированы здесь начиная с самого начала существования этих

бытовых памятников – 12–11 вв. до н.э. (Змейское, Сержень – Юрт). Для эпохи поздней бронзы–раннего железа, таким образом, наличие лошади в местном хозяйстве определенно, и связано с использованием в качестве тягловой силы, а также началом освоения лошади под верх. Первые данные об использовании лошади для верховой езды зафиксированы в кобанских материалах начиная с 10 – начала 9 вв. до н.э. (Змейское поселение). Таким образом, упоминавшийся выше комплект узды из погребения № 60, т. е. усложненный строгий тип узды, появляется в материалах кобанской культуры, скорее всего в середине 9 в. до н.э. В первой половине 8 вв. до н.э., они уже типичны. К 8 в. до н.э., относятся такие прекрасные образцы кобанской узды, как удила и псалии из Верхнекобанского, Кумбултского, Галиатского (Фаскау), Эльхотовского и других могильников. На данный момент, только в ареале центрального варианта кобанской культуры, на территории 17 памятников (поселений, могильников, кладов), обнаружено более 60 предметов от разнообразных типов конской сбруи, при этом примечательно, что «большая часть предметов узды происходит с северного склона, причем более половины с территории Северной Осетии» (Козенкова, 1996, с. 59).

2. Псалии

Исходя из различий в форме, в разделе представлены два типа псалиев.

Тип 1. (2 экземпляра). В погребении № 60 могильника, перпендикулярно к звеньям вышеописанных бронзовых удил и параллельно друг другу, были уложены два трехдырчатых псалия из отверший рога оленя (рис. 26, *7–8*). Форма рога заостренная, изогнутая. Сечение рога у основания и в средней части подпрямоугольно-овальное. Рог полый внутри. В 4 мм от основания просверлено круглое сквозное отверстие. Еще одно отверстие расположено на расстоянии 27 мм от первого. Третье, последнее отверстие, проделано в псалии на расстоянии 26 мм от второго.

Роговые трехдырчатые псалии с отверстиями расположенными в одной плоскости, известны среди материалов кобанской культуры с 11 – до первой трети 7 в. до н.э. (Иессен, 1953, с. 79, с. 88; Козенкова, 1982, с. 28–29, табл. XX, *7–10*; 1995, с. 105, табл. XXVII, *3*).

Находка в погребении 60 роговых псалиев в сочетании с бронзовыми двукольчатыми удилами подтверждает предположение А.А.Иессена о том, что такие комплекты узды (с псалиями из рога или клыков) предшествовали бронзовым классическим цельнолитым комплексам новочеркасского типа (Иессен, 1953, с. 104). Близкие нашему комплекту псалии известны в погребении 31 могильника Фарс/Клады, погребения 83 могильника Пшиш и погребения 36 Кубанского могильника (Лесков, Эрлих, 1999, с. 20–21, рис. 26, *9*; Эрлих, 2007, с. 365, рис. 183, *9 - 10*). Комплекс погребения 31 отнесен А.М.Лесковым и В.Р.Эрлихом к первой, ранней хронологической группе могильника Фарс/Клады, вместе с комплексами, имеющими уздечку «предновочеркасского облика» (Лесков, Эрлих, 1999, с. 68). В системе абсолютных дат, разработанной для данного памятника, эта группа относится к временному промежутку первой половины – третьей четверти 8 в. до н.э., возможно с удревнением в конец 9 в. до н.э. (Лесков, Эрлих, с. 71, рис. 62). Учитывая тот факт, что наши удила были найдены в комплекте с роговыми псалиями раннего типа, а также привлечение других датирующих предметов из данного погребения (литые стрелы - «площики», массивный бронзовый топор с прямым корпусом), можно уточнить дату рассматриваемого уздечного комплекта, и, соответственно, время захоронения погребения 60, ограничив его второй третью – серединой 8 в. до н.э., или концом предновочеркасской – началом классической новочеркасской стадии бытования комплексов предскифского периода. Эту дату, подтверждает, на наш взгляд, также, находка в погребении № 60 керамической «корчаги – вазы», близкой сосуду из могильника Веселая Роща III (9 – начало 7 в. до н.э.), и сосудам из каменных ящиков

6 и 9 Каменномостского могильника (Козенкова, 1998, с.101–102, рис. 7, *2*, табл. XXXYIII, *1, 4*).

Тип 2. (2 экземпляра). В погребении 85 могильника, перед лицевыми костями черепа костяка, были найдены два полых роговых псалия с двумя круглыми отверстиями в одной плоскости (рис. 26, *9–10*). Расширенные концы псалиев, имеют выемку по периметру рога, что, на наш взгляд связано с креплением в этом месте некоей ременной или веревочной части уздечки. Вероятно, этим объясняется и то, что псалии снабжены только двумя сквозными отверстиями. Недалеко от псалиев были найдены два бронзовых колечка и две полусферические в сечении бронзовые бляшки с прорезным орнаментом в виде четырехконечной розетки и петлями на внутренней стороне, характерные для комплексов новочеркасского периода (рис. 35, *40–41*) (Козенкова, 1995, с. 111, табл. XXVIII, *12–13*). Они, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к уздечке, где четырехлепестковые бляшки с петлями, вероятно, располагались на нащечном ремне, возможно, в месте соединения его с капсулем.

В целом, погребальный инвентарь захоронения № 85 Эльхотовского могильника, укладывается во временные рамки середины–конца 8 в. до н.э. (приложение 1, табл. 10).

2. 3. 6. АТРИБУТЫ ВОИНСКОГО ДОСПЕХА (рис. 27, *18–23*)

В женском погребении № 55 были найдены две целые и четыре фрагментированные бронзовые панцирные пластинки от защитного составного доспеха (рис. 27, *18–23*). Подквадратной формы пластины имеют прямой верхний край и закругленный и изогнутый нижний. По верхнему краю пробито три отверстия в одну линию. Так как ни оружия, ни других воинских атрибутов в данном в могиле не обнаружено, то мы не можем считать это погребение захоронением «амазонки». Вероятно, здесь мы имеем дело с вто-

ричным использованием пластинок доспеха в качестве украшения – нашивных бляшек, части составного монисто или оторочки подола платья.

Абсолютная аналогия нашим пластинкам происходит из каменного ящика у подножия Кабан-горы близ г. Кисловодск. Бронзовые панцирные пластинки данного типа были найдены также в могильнике Индустрия 1, Пседахском могильнике (погребение 1), на погребальной площадке кургана предскифского времени Уашхиту в Адыгее (Козенкова, 1986, с. 139, рис. 5, *3*; Дударев, 1991, с. 51; Эрлих, 1994, с. 35–36). В.И. Козенкова датирует комплекс из каменного ящика у Кабан-горы «не позднее середины VIII в. до н.э.» (Козенкова, 1995, с. 95–96, с. 159, табл. XXIV, *3*). Пседахское погребение 1 датируется в пределах 8 в. до н.э. (Козенкова, 1986, с. 154).

2. 3. 7. УКРАШЕНИЯ

Чрезвычайно обильно в погребениях Эльхотовского могильника представлены всевозможные украшения. Все они классифицированы в 12 разделах с подразделами. Здесь же рассматриваются зооморфные привески, которые были и украшением и, видимо, играли роль оберегов.

1. Привески (рис. 28, 29)

По назначению и материалу все привески разделены на 14 типов.

Тип 1 – птицевидные (16 штук). К этому типу относятся бронзовые литые зооморфные привески, сочетающие в себе протому хищного животного или мифологического существа со стоячими ушами, с птичьим хвостом, снабженные в центре отверстием для привешивания или пришивания к одежде (рис. 28, *1–16*). У двух зооморфных птичек из погребения № 51 (рис. 28, *12–13*) ушки утрачены.

В некоторых случаях на спинах данных фигурок имелся бугорок, вероятно символизирующий сложенные крылья (рис. 28, *6–7, 11*). Треугольный хвост птичек атрибутируется нами как птичий. Фантастические птички были

крылатыми, судя по материалам Тлийского могильника, где некоторые фигурки аналогичные нашим, имели расправленные крылья (Техов, 1977, с. 166, рис. 112, *9*).

У ряда фигурок ушки подтреугольной формы, у других – большие округлой формы. Иногда отличается и форма «хвоста». В большинстве случаев хвост подтреугольной формы, но у трех он закругленный (рис. 28, *12–13, 15*).

На наш взгляд, хвост птичек несет двойную семантическую нагрузку, он не только свидетельствует о крылатости, какой то связи с небом, но и изображает топор-секиру. В этом нас убеждает наличие в материалах кобанской культуры привесок в виде точных копий классических парадно-боевых кобанских топоров. Три такие привески были найдены в женском погребении № 37 анализируемого могильника (рис. 28, *12–14*). Вероятно, привески-птицы с секировидными хвостами выполняли функции оберегов.

Птицевидные привески первого типа наиболее характерны для центрального и западного вариантов кобанской культуры. По типологии В.И. Козенковой они относятся к первой группе XVII –го типа, и датируются в рамках 10–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 43, табл. XII, *19*). В Закавказье, кроме памятников кобанской культуры южнокавказской группы, птицевидные бронзовые привески с треугольным хвостом известны и в материалах колхидской культуры (Скаков, Джопуа, 2016, с. 115 – 117, рис. 1, *12*).

Все птицевидные привески Эльхотовского могильника происходят из женских погребений. Две привески в погребении № 36 (рис. 28, *8–9*), четыре – в погребении № 51 (рис. 28, *2–3, 12–13*). Здесь же, в погребении № 51, но не при костяке, а в засыпи могилы, была найдена еще одна фрагментированная такая привеска (рис. 28, *16*). Пять привесок находились в погребении № 69 (рис. 28, 1, *4–7*), и четыре из них – в погребении № 77 (рис. 28, *10–11, 14–15*).

Важно отметить, что при использовании древними «кобанцами» в костюме подобных привесок прослеживается стремление к дуализму или к пар-

ности. Так из четырех погребений с птицевидными привесками, в одном были найдены две привески, в двух – по четыре, и только в одном – 5. В погребении № 51 также найдено пять привесок, но только четыре из них находились на костяке. Пятая привеска из этого погребения (рис. 28, *16*), как указывалось выше, находилась в заполнении могилы. Тенденция к двоичности, или парности, вероятно, свидетельствует об определенной устойчивой мифологеме древних кобанцев, касающейся образа этой зооморфной привески.

В количественном отношении находки птицевидных привесок в погребениях могильника составляют 6,7 % (приложение 1, табл. 6).

Исходя из различий в формы хвоста, привески делятся на два подтипа.

Подтип 1. Птицевидные привески с хвостом треугольной или подтреугольной формы (рис. 28, *1–11, 14*). Среди них встречаются привески как небольших размеров (рис. 28, *1, 4–7, 9–11*), так и почти вдвое превышающие последние по размерам (рис. 28, *2–3*). Из 16 найденных на памятнике птицевидных привесок к первому подтипу относились 13.

Подтип 2. Птицевидные привески с закругленным хвостом, по форме напоминающим лезвие секиры (рис. 28, *12–13, 15*). Две такие привески найдены в погребении № 51, и одна – в погребении № 77.

Тип 2. (3 экземпляра). Ко второму типу привесок могильника относятся три литые бронзовые привески в виде головок баранов с петлями для привешивания (рис. 29, *1–3*). Все они происходят из женских погребений. По своей морфологии они разделяются на три подтипа.

Подтип 1. Привеска из погребения № 77 (рис. 29, *1*). Она классической, для памятников центрального варианта (Верхний Кобан, Тли и др.) кобанской культуры, формы в виде стилизованной, относительно крупной, головы барана с закрученными рогами и вытянутой мордой. Рога украшены орнаментом в виде продольной линии и отходящих от нее штрихов. Массивная петля между рогами также украшена тремя вертикальными линиями. Время

бытования данного подтипа – период Кобан III – классический (по периодизации В.И.Козенковой).

Подтип 2. Представлен небольшой привеской в виде головы барана, но выполненной более реалистично (рис. 29, *2*). Между рогов головка снабжена петлей для привешивания, как и у подтипа 1. Привеска найдена в женском погребении № 68.

Подтип 3. Литая голова барана отличающаяся новой иконографией (рис. 29, *3*). Морда животного стилизованная, удлиненная. Рога, закручены в полтора оборота, но не раскинуты в стороны, как у первых двух подтипов. Привеска снабжена длинной петлей, каплевидной формы. Внешняя сторона петли украшена литым орнаментом «веревочка».

По классификации В.И.Козенковой бронзовые привески в виде головок животных, снабженные петлей для привешивания, относятся к третьей группе XVII – го типа (Козенкова, 1998, с. 43–44, 168, табл. XII, *16–18*).

Привески в виде головок барана типичны для памятников центрального варианта, как северной, так и южной группы кобанской культуры (Уварова, 1900, с. 11, рис. 9; с. 248, рис. 202; Техов, 1977, с. 165, рис. 111, *1–16*).

Тип 3. (1 экземпляр). К третьему типу относится сложносоставная бронзовая литая привеска из погребения № 69, в виде головки стилизованного рогатого животного (тура или козла), прикрепленной к треугольной формы пластинке (рис. 29, *4*). В нижней части пластинки имеется два кольца, к одному из которых дополнительно прикреплена конусовидная привеска, напоминающая колокольчик. Довольно близкая по конструкции привеска происходит из могильника Уллубаганалы-2 (Козенкова, 1998, с. 34 – 44, табл. XI, *19-20*).

Тип 4. (1 экземпляр). К четвертому типу относится бронзовая литая привеска в виде головы медведя (или свиньи) (рис. 29, *5*). В верхней части головки имеется круглое отверстие для привешивания. Изображение живот-

ного передано достаточно реалистично, пасть раскрыта, ушки небольшие, стоят вертикально. Привеска найдена в женском погребении № 36.

Ближе всего привеска относится по классификации В.И. Козенковой ко второй группе XVII-го типа, и датируется в рамках классического кобанского времени – начало второй половины 10 – начало 7 в. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 43; 1998, с. 43–44, с. 168, табл. XII, *26–27*).

Тип 5. (9 экземпляров). К пятому типу относятся бронзовые литые привески в форме т.н. «мальтийского креста» с круглыми в сечении концами (рис. 29, *6–11*). В центре привесок – круглое отверстие. Привески обнаружены в трех погребениях. Из них семь привесок происходят из женского погребения № 36 (рис. 29, *6–9*), одна из женского погребения № 77 (рис. 29, *10*), и одна из мужского погребения № 32 (рис. 29, *11*). В погребении № 36 шесть крестовидных привесок располагались в два ряда по три штуки в каждом от левого плеча до тазовых костей погребенной (рис. 29, *6–8*). Отдельно, между правым плечом и нижней челюстью находилась седьмая крестовидная привеска (рис. 29, *9*).

Крестовидные привески данного типа относятся по классификации В.И.Козенковой ко второму варианту XXIII-го типа и датируются в рамках начала 1 тыс. до н.э. – концом 8 в. до н.э., «доживают до раннескифского времени, т.е. не позднее конца VIII в.до н.э.» (Козенкова, 1998, с. 46–47, с 169, табл. XIII, *4*). Большое их число найдено в Тлийском могильнике (Техов, 1977, рис. 112, 13 – 27). Достаточно многочисленны и в материалах колхидской культуры (Трапш, 1970, с. 151, табл. IV, *6*;.Скаков, 2010, с. 326, рис. 1, *2 – 3, 13*; Скаков, 2013, с. 29 – 43).

Вероятно, привески данного типа связаны с солярной символикой древних кобанцев.

Тип 6. (3 экземпляра). К шестому типу относятся привески в виде уменьшенной копии кобанского бронзового топора с прямым корпусом (рис.

29, *12–14*). Привески литые, выполнены весьма реалистично, отверстием для привешивания служит овальный проух «топора». На одной привеске-топорике изображены три грани на боковых сторонах корпуса, как на реальных парадно-боевых (рис. 29, *14*). Всего найдено три привески этого типа. Все они обнаружены в женском погребении № 37.

По классификации В.И. Козенковой привески – модели топоров относятся к XXVII типу и датируются 12–11 вв. до н. э. Привески в виде моделей топоров найдены в могильнике Терезе, в Инжиччукунском могильнике и в окресностях Баксана. По форме и размерам наши привески аналогичны терезинской (Козенкова, 1998, с. 47, с. 169, табл. XIII, *15*).

Тип 7. (1 экземпляр). К седьмому типу относится бронзовая литая ажурная привеска подтреугольной формы с выделенной петлей и тремя кольцами в нижней части (рис. 29, *15*). Внешняя поверхность привески покрыта орнаментом «веревочка». Внутри треугольная рамка разделена на два треугольника. Украшение найдено в женском погребении № 51. Примечательно, что весьма близкая привеска известна в Закавказье, в материалах южнокавказской группы кобанской культуры (Куфтин, 1949, табл. VI, *3*), а также, среди материалов эпохи поздней бронзы Кобальского могильника (Тушишвили, Амиранашвили, Маргишвили, 1987, сс. 17 – 21, табл. XV, *15* , табл. XVII, *12*).

Тип 8. (1 экземпляр). В этом же женском погребении была найдена бронзовая литая привеска в виде ведерка с округлой дужкой и закругленным дном (рис. 29, *16*).

На западе и востоке ареала кобанской культуры аналогии нам не известны, но в материалах южной группы центрального варианта, в Тлийском могильнике, находилась бронзовая литая привеска близкой формы, но снабженная четырьмя коническими выступами по периметру средней части предмета (Техов, 1977, с. 166, рис. 112, *32*). Кроме того, предметы близкой

формы – котелковидные подвески – найдены в материалах Центрального Предкавказья, в могильнике № 1 Татарского городища (Прокопенко, 2014, с. 685, рис. 245, *8-9*).

Тип 9 – дисковидная сурьмяная привеска. В женском погребении № 86 была найдена литая привеска в виде диска с выступающим в центре кругом, от которого отходят штрихи – «лучи». Привеска снабжена в верхней части, небольшой петлей (рис. 29, *17*). Украшение, видимо, связано с солярной символикой. Точные аналогии в памятниках кобанской культуры нам не известны. Однако, в памятниках восточного варианта встречались близкие кольцевидные привески из сурьмы (Козенкова, 1982, табл. XXIV, *29*).

Тип 10. (2 экземпляра). В двух погребениях могильника были найдены по одному бронзовому предмету в виде коренных человеческих зубов с круглым отверстием в центре (рис. 29, *37–38*). Возможно, также, что данные предметы могли выполнять и роль ворворок. Одна привеска была найдена в женском погребении № 36, вторая – в мужском № 91. В погребении № 91, предмет был найден на левом бедре костяка, вблизи таза.

Тип 11. (9 экземпляров). Натуральные клыки хищника (собака, лисица?) составляют 11 тип привесок могильника. В верхней части просверлено отверстие (рис. 29, *18–26*). Они найдены в четырех погребениях могильника. Характерно, что три могилы (№ 34, 62, 94) были детскими, а одна (№ 55) – женская.

На востоке ареала кобанской культуры, привески из зубов различных животных и клыков кабана были обнаружены в слоях 10–7 вв. до н.э. Сержень-Юртовского поселения. По классификации В.И. Козенковой они относятся к XV типу (Козенкова, 1982, с. 43). На западе они распространены, главным образом, в период 2-го и 3-го этапов бытования памятников западного варианта кобанской культуры. Там бо´льшая часть их датируется 8-7 вв. до н.э. Они известны в материалах Белореченского 2-го могильника, «Ме-

бельная фабрика» 1, Каррасского 1-го могильника (Чеснок-гора), Каменномостского могильнка (Козенкова, 1998, с. 43).

Тип 12 – гальки-привески. (3 экземпляра). К двенадцатому типу относятся привески, изготовленные из плоского округлого или круглого камня с отверстием. Всего в материалах могильника были найдены три такие каменные привески. Одна из них, округлой формы с отверстием на краю, находилась в детском погребении № 34 (рис. 29, *27*). Две другие, круглой и овальной формы, найдены в детском погребении № 64 (рис. 29, *28–29*).

На западе ареала, каменная галька-привеска, овально уплощенной формы, найдена в погребении № 12 Этокского могильника. По классификации привесок В.И.Козенковой она относится к X типу (Козенкова, 1998, с. 41, с. 167, табл. XI, *23*) и датируется 6 в. до н.э..

На востоке ареала кобанской культурно-исторической общности уплощенные каменные гальки – привески известны в слоях Сержень-Юртовского и Алхастинского поселений, а также в материалах Сержень-Юртовского и Аллероевского 1-го могильника. В центре ареала, овальные гальки-привески были найдены в слоях Змейского поселения (Козенкова, 1982, с. 42).

Тип 13 – раковины моллюсков (208 экземпляров). К тринадцатому типу относятся два подтипа таких привесок (рис. 29, *30–35*). Необходимот отметить, что в погребениях раковины каури истользовались и как бусы или привески в составе ожерелий и, вероятно, как нашивные украшения на платье или головной убор. Зачастую сложно определить какую функцию выполняли раковины в захоронении, первую, вторую или третью. Вследствие этого, мы объединили раковины каури в разделе привесок, как, вероятно наиболее многочисленную категорию в составе ожерелий.

Подтип 1 представлен раковинами каури (Cuprea moneta), которые были найдены в 14 женских погребениях могильника (погр. № 25, 36, 37, 38, 51, 55, 59, 68, 69, 71, 76, 77, 78, 82). Количественно насчитывают 207 экземпля-

ров. *Подтип 2* представлен единственной находкой раковины Каспийского моллюска (Cardium sp.), найденной, также, в женском погребении № 63 (рис. 29, *30*).

По классификации В.И. Козенковой привески и бусы из раковин моллюсков относятся к XXIV типу. Они широко известны в памятниках всего ареала кобанской культуры. На западе они характерны для памятников второго и третьего этапов развития западного варианта культуры – 10–начала 4 вв. до н.э. Раковины каури найдены в материалах Каменномостского, «Южного», Минералводского могильников и могильника «Мебельная фабрика» 1. Раковины Каспийского моллюска найдены, на западе, в погребениях Каменномостского и Минералводского могильников (Козенкова, 1998, с. 47).

На востоке ареала раковины каури найдены в слое 10–7 вв. до н.э. Сержень-Юртовского поселения, а также в погребениях могильников у с. Кескем, Пседах, Атаги, Зандак, Нестеровского могильника. На востоке ареала кобанской культуры они встречаются вплоть до 6–5 вв. до н.э. Раковины каспийских моллюсков (Cardium sp. и Didacna Trigonoidas) в виде бус и деталей ожерелий отмечены на востоке в памятниках первого этапа. Они найдены в Зандакском могильнике, в слое 10–7 вв. Сержень-Юртовского могильника и других (Козенкова, 1982, с. 65, с. 168, табл. XL, *1–6*).

Раковины каури характерны и для памятников центрального варианта кобанской культуры, как южной так и северной группы, в классическую и позднюю эпохи (периоды Кобан III и Кобан IV) (Козенкова, 1996, с. 27, рис. 9, *2*; с. 70, рис. 29; Техов, 1985, табл. 149, *5*, табл. 172, *3*;Тургиев, 1971, с. 16, рис. 8, *3*;).

В количественном соотношении, погребения с раковинами каури составляют 22 % от числа всех раскопанных захоронений могильника (приложение 2, табл. 5). Раковина двустворчатого каспийского моллюска, как говорилось выше, найдена всего в одном погребении некрополя.

Тип 14 – шаровидная (каплевидня) привеска. (1 экземпляр). Данный тип представлен одним предметом из женского погребения № 77. Привеска костяная, с цилиндрическим выступом, снабженным отверстием (рис. 29, *40*). Одна аналогия известна из Майртурского могильника восточного варианта и датируется В.Б.Виноградовым и С.Л.Дударевым XI – X вв. до н.э. (Виноградов, Дударев, 2003, с. 19, рис. 25). В то же время, привески этого типа являются эпонимным предметом для белозерских древностей (т. н. каплевидные привески) (Кубышев, Черняков, 1986, с. 152 – 155, рис. 7, 27, *8, 12*; Козенкова, 2013, с. 37, рис. 16, *24*).

2. Браслеты (рис. 30)

Тип 1 (V тип по В. И. Козенковой) *(20 экземпляров)*. Бронзовые литые пластинчатые браслеты с тремя треугольными ребрами на спинке и концами, закрученными в волюты, были найдены в двенадцати женских погребениях Эльхотовского могильника (рис. 30, приложение 1, табл. № 5). В погребении № 70 находился только фрагмент браслета (рис. 30, *12*). Все браслеты ручные. В тех случаях, когда они найдены с непотревоженными костяками, они находились на запястьях погребенных.

Данный тип браслетов характерен для всего ареала кобанской культуры и является одним из эпонимных элементов ее материальной культуры (Козенкова, 1982, с. 46; 1996, с. 22 – 23, табл. XVI, *7 - 9*; 1998, с. 53; Техов, 1977, с. 161, рис. 100). Наиболее ранние происходят из Терезе и Тли. Самые поздние из Березовского могильника.

Дата – с рубежа 2–1 тыс. до н.э. – до 7 в. до н.э.

В Закавказье, кроме памятников южнокавказской группы Кобани, представлены и в колхидской культуре (Куланурхва, Бамбора) (Лукин, 1941, табл. XIV, *1*; Трапш, 1970, с. 147, табл. III, 7).

В количественном соотношении погребения с бронзовыми браслетами первого типа составляют 20,3 % от всего количества захоронений могильника.

3. Браслеты – налокотники (рис. 31, *1–4*)

Тип 1. (4 экземпляра). Бронзовые усеченно – конические налокотники были найдены в двух женских погребениях могильника – № 36 и 77 (рис. 31, *1–4*), по два предмета в каждом. Они находились на руках погребенных. В погребении № 77 запястья украшали пластинчатые браслеты первого типа, а на диафизы локтевой и лучевой костей рук были одеты налокотники. Налокотники спиралевидно скручены из подтреугольной в сечении бронзовой ленты. Количество витков – от 8 до 11. На налоконике из огребения 36 одни концы спирали обрублены, а вторые закручены в волюты. В погребении № 77 оба конца спиральной ленты закручены в волюты. Налокотникам из Эльхотово наиболее близки, морфологически и территориально, экземпляры из Верхнего Кобана и Пседаха (Козенкова, 1986, с. 136, рис. 2, *8*; 1996, с. 15, с. 18-20, рис. 3–4).

Истоки цилиндрических браслетов-налокотников уходят в местную кавказскую традицию эпохи средней бронзы (Козенкова, 1998, с. 52). На востоке ареала кобанской культуры данный вид женских украшений присутствует в материалах пограничного с центральным вариантом Кескемского могильника (Козенкова, 2009, с. 234, рис. 1, *2*).. На западе им близка форма варианта 2 типа I и XXII типа бронзовых браслетов, по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 1998, с. 52, табл. 16, *1 – 2*; с. 55, табл. 17, *19*; Дударев, 2004, с. 69, рис. 9, *13*). Следует, однако, указать, что налокотники цилиндрической и усечено-конической формы из подтреугольной в сечении бронзовой ленты, немонгочисленны и являются характерными лишь для памятников северной группы центрального варианта кобанской культуры (Доманский, 1984, илл. 156 – 158; Козенкова, 186, с. 136, рис. 2, *8*; 1996, с. 15, 18,

20, рис. 3, *12*; с. 98, рис. 36; с. 94, рис. 35, *21; 2009, с. 234, рис. 1, 2*). Хронология налокотников определяется периодами Кобан II–III. Самые выразительные экземпляры происходят из Верхнекобанского могильника и датируются не позднее 9 в. до н.э.

В количественном соотношении находки налокотников в погребениях могильника составляют 3,3 % (приложение 1, табл. 5).

4. Гривны (рис. 31, *5–7*)

Бронзовые гривны – шейные обручи, находились в трех женских погребениях Эльхотовского могильника. Все они однотипны и представляют собой гладкий бронзовый прут круглого сечения, утонченный на концах. Концы несомкнуты, завернуты в трубочки. Различия заключаются в размерах и орнаментации. Гривна, найденная в погребении № 82 (рис. 31, *7*), меньше по размеру и диаметру сечения, чем две другие. В одном случае (рис. 31, *5*), гривна была украшена гравированными поясками орнамента «елочка».

По нашей классификации археологического материала могильника гривны относятся к *первому типу (3 экземпляра)*. По классификации В.И.Козенковой, подобные украшения относятся к первому варианту первого типа. Из аналогичных предметов на западе ареала, в Березовском № 1 могильнике была найдена самая близкая эльхотовской гривна, с «елочным» орнаментом, разделенным на три зоны (Козенкова, 1998, с. 50, табл. XIV, *2*).

Подобные гривны были распространены на территории всех трех локальных вариантов кобанской культуры. На востоке они известны в слоях 10–7 вв. до н.э. Сержень-Юртовского могильника, в материалах Нестеровского и могильника у с. Алпатово. На западе они известны в Инжиччукунском, Березовском 1, Индустрия 1, Заюково, Каменномостском, Березовском 2, Кисловодском, Султангорском 1 могильниках и др. (Козенкова, 1982, с. 45; 1998, с. 50).

В центре ареала они известны в Верхнекобанском, Тлийском, Пседахском, Галиатском (Фаскау), Верхнерутхинском, Стырфазском, у с. Хелцуа (Цхинвальский район) и других могильниках (Техов, 1977, с. 151; 2006, с. 262; Козенкова, 1986, с. 139, рис. 5, *4*; 1996, с. 94).

Таким образом, гривны данного типа встречаются в материалах кобанской культуры с рубежа 2–1 тыс. – по 7 в. до н.э. Однако наиболее многочисленны они в материалах 9–8 вв. до н.э.

На южном склоне Главного Кавказского хребта гривны рассматриваемого типа известны также, в материалах колхидской культуры – Приморское, Анухва, Эшера (Воронов, 1980, с. 202, рис. 1, *59*; Иванчик, 2001, с. 231, рис. 112, *2*; с. 253, рис. 124, *15, 18*).

В количественном соотношении находки гривн в погребениях могильника составляют 5 % (приложение 1, табл. 5).

5. Височные привески / подвески (рис. 32–33)

Височные привески Эльхотовского могильника изготовлены из бронзы. Бо´льшая часть их найдена в области головы погребенных или вблизи от нее. Все они происходят из 18 женских захоронений. Как правило, в каждом погребении было по два или четыре экземпляра.

Морфологически выделяются четыре типа.

*Тип 1. (28 экземпляров).*Первый тип привесок представляют собой круглые спиральные кольца, скрученные из круглого в сечении бронзового прута в полтора оборота (рис. 32). По классификации В.И.Козенковой, привески данного вида относятся к восьмому варианту второго типа (Козенкова, 1982, с. 36). Среди эльхотовских привесок первого типа, по размерам можно выделить два варианта. К *первому варианту* относятся более крупные привески, скрученные из более толстого прута, *ко второму* – экземпляры меньших размеров. Бóльшая часть эльхотовских привесок первого типа относится

к первому варианту (рис. 32, *1–18*), меньшая (из трех захоронений) – ко второму (рис. 32, *19–24*).

Привески данного типа были распространены на всей территории ареала кобанской культуры. Датируются они, преимущественно, классическим периодом, в некоторых случаях доживая до 6 в. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 36; 1998, с. 35; 2004, с. 187, табл. 28).

Тип 2. (9 экземпляров). Привески второго типа представляют собой бронзовое кольцо, скрученное в полтора оборота из тонкой пластинки прямоугольной в сечени формы (рис. 33, *1–7, 10*). Верхняя часть кольца, имеет перемычку. Морфологически выделяются два подтипа. К *первому* относятся привески, скрученные из гладкой пластинки или пластинки с небольшим продольным ребром по центру (рис. 33, *1–4, 6–7, 10*), ко *второму* – из пластинки, имеющей продольное рифление на внешней стороне (рис. 33, *5*).

По классификации В.И. Козенковой подобные привески относятся к седьмому типу и датируются (по комплексам могильника Терезе и др.) от раннекобанского времени – до классического периода (Козенкова, 1998, с. 36; 2004, с. 142, табл. III). Привески рассматриваемого типа имели место в памятниках не только западного, как полагает В.И.Козенкова (Козенкова, 2013, с. 42), но и центрального вариантов культуры (Терезе, Эшкакон, Заюково, Индустрия 1, Николаевский и Змейский могильники) (Козенкова, 1998, с. 36; Тургиев, 1971, рис. 9, *1;* Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, II, *3-4*). Наши экземпляры с рифлением особенно близки терезинским, где они датируются не позднее 10 в. до н.э. Весьма близок данный тип привесок с рифлением привескам из могильника Сахарна 1, где они датируются М.Т. Кашубой концом 11 в. до н. э. (Kašuba, 2008, Abb. 9, 7, 10, 12).

Привески 2 типа найдены в 4 погребениях могильника, что составляет 6,7 % от числа всех захоронений памятника.

Тип 3. (1 экземпляр). К третьему типу относится одна бронзовая височная привеска овальной формы, скрученная из подтреугольной в сечении проволоки в 1,5 оборота. Верхняя часть привески (место привешивания) заужено (рис. 33, *8*). По классификации В.И.Козенковой они относятся к IV типу. Характерны для памятников Большого Кавказа (Тли, Стырфаз и т.п.) эпохи средней и поздней бронзы, в эпоху раннего железа встречаются чрезвычайно редко (Козенкова, 1998, с. 35, табл. IX, 15, *16*). Привеска найдена в погребении № 22, что позволяет относить его к одному из ранних захоронений могильника.

Тип 4. (3 экземпляра). К четвертому типу височных привесок относятся три экземпляра, найденные в женском захоронении № 36. Привески очковидной формы (двуволютные), скрученные из круглой в сечении бронзовой проволоки. На одной имеется колечко для привешивания (рис. 33, *11–13*). По классификации В.И.Козенковой такие привески относятся к первому и второму вариантам VI типа (Козенкова, 1982, с. 41, с. 160, табл. XXIV, *32–33*). На наш взгляд, эти украшения могли использоваться как височные и как нагрудные привески, в составе бус и других украшений. Очковидные привески были распространены на всей территории бытования кобанской культуры. На востоке ареала они известны в слое 10–7 вв. до н.э. Сержень – Юртовского поселения и в одноименном могильнике. Обнаружены они и в Нестеровском, Луговом, Аллероевском, Майртупском могильниках. На западе ареала очковидные привески найдены в погребении на Солнечной поляне на Домбае, в Заюково и Этокском могильнике, в Карассе (коллекция Г.Ф. Свинадзе) (Козенкова, 1982, с. 41; 1998, с. 40), то есть, доживают до позднекобанского периода.

В ареале центрального варианта очковидные привески известны в Стырфазском могильнике (Техов, 2006, с. 181, рис. 29, *5*, с. 188–189, рис. 42, 13, рис. 44, *34*), могильниках Гастон Уота (Мошинский, 2006, с. 186, рис. 27,

18–19) и Верхняя Рутха. В последнем случае они были прикреплены к тонкой бронзовой гривне (Motzenbäcker, 1996, S. 272, Taf. 72, *4*), как и в погребении 76 Сержень – Юртовского могильника (Козенкова, 1982, табл. XXVI, 6). В Закавказье известны и в материалах колхидской культуры (Трапш, 1970, с. 151, табл. IV, 10; Скаков, Джопуа, 2013, с. 384, рис. 1, *12, 14*).

Таким образом, привески данного типа бытуют в памятниках кобанской культуры от конца 2 тыс. до н.э. (Стырфаз) – до позднекобанской эпохи (6–5 вв. до н.э.), но наиболее характерны для классического периода.

Тип 5. (2 экземпляра). Привески овальной формы, относительно небольшие, бронзовые, свернуты из пластинки подтреугольного сечения в 1 оборот. Найдены под основанием черепа женского погребения № 20 (рис. 33, 9).

6. Бронзовые бляхи крупного размера (рис. 34)

Бронзовые бляхи Эльхотовского могильника, относятся к аксессуарам женского костюма. Ими украшалась как одежда погребенных, так и головной убор. По способу прикрепления к костюму они делятся на *два вида* – бляхи с петлей и нашивные. Морфологически выделяются 4 типа.

Тип 1. (4 экземпляра). К первому типу относятся вогнуто-выпуклые крупные бляхи, изготовленные из бронзового листа и снабженные двумя отверстиями по краям. Диаметр блях – 7–9 см. Всего в погребениях могильника найдено четыре такие бляхи. Две в погребении № 36 (рис. 34, *3–4*) и две в погребении № 55 (рис. 34, *8*). В последнем случае бляхи были украшены пунсонным ободком по краю.

Бляхи первого типа характерны для всего ареала кобанской культуры. По классификации В.И.Козенковой они относятся к первому типу (Козенкова, 1998, с. 61). На востоке ареала они найдены в слое 10–7 вв. Сержень – Юртовского поселения, в Бамутском поселении, Сержень – Юртовском могильнике и типичны для первой половины 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1982, с.

54). В материалах западного варианта кобанской культуры они известны в погребениях Березовского 1-го могильника, в могильниках Индустрия 1, Белореченском 2, Березовском 1, «Мебельная фабрика» 1, Терезе. Две бляхи находились в погребении № 3 могильника Лермонтовская скала (раскопки 1989 г.) (Березин, Дударев, 1998, с. 208, рис. 21, *3–4*). В этой части ареала они бытовали на протяжении второго и третьего хронологических этапов западнокобанских древностей (Козенкова, 1998, с. 61). Особенно они типичны для Белореченского 2-го могильника (Дударев, 2004, с. 75, 79, 80–82). Здесь они интересны тем, что дают представление о роли этих предметов в сложной системе украшений головного убора, и в целом, костюма, кобанских женщин в предскифскую – раннескифскую эпоху (Дударев, 2004, с. 75, рис. 14; с. 82, рис. 21). Известны такие бляхи и в материалах Верхней Рутхи (Motzenbäcker, 1996, S. 284, Taf. 84, *7–9*).

Тип 2. (2 экземпляра). Ко второму типу относятся две крупные бляхи из женского погребения № 53. Они изготовлены из бронзового листа и снабжены двумя отверстиями для прикрепления. В сечении они плоские с выступающей закраиной (рис. 34, *7*). Диаметр – 10 см. Бляхи были найдены справа и слева от таза женского погребения № 53. Возможно, они были нашиты по бокам на платье, несколько ниже пояса.

Тип 3. (2 экземпляра). К третьему типу относятся литые конусовидные бляхи с внутренней арочной петлей (рис. 34, *1–2*). Бляхи украшены гравированным орнаментом. Диаметр – 4,5–5 см. В одном случае это треугольники, опоясывающие края бляхи, во втором – рисунок трудноразличим (рис. 34, *2*).

Бляхи 3 –го типа также характерны для всего ареала кобанской культуры. По классификации В.И. Козенковой они относятся к шестому типу, второй разновидности (орнаментированные). На западе ареала они найдены в могильнике Терезе, склепе в Гижгиде, кладе из Лайлаши и характерны для первого и второго этапов, т.е. 10 – 8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 62). На

востоке ареала орнаментированные и неорнаментированные умбоновидные бляхи известны в Сержень-Юртовском, Кескемском могильниках, в Яман-су и др. Наиболее близкие нашим экземпляры датируются там в рамках 10–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 55).

Тип 4. (2 экземпляра). К четвертому типу относятся две литые слабовогнутые массивные бляхи с небольшой внутренней петлей дуговидной формы (рис. 34, *5–6*). Диаметр блях 8 см. Они были найдены в женском погребении № 25.

В целом, бляхи крупного размера происходят из пяти погребений, что составляет 8,4 % от числа всех захоронений (приложение 1, табл. 5).

7. Бронзовые бляхи малого размера (рис. 35)

Все бляшки изготовлены из бронзы. Их форма либо полусферическая, либо конусовидная. По способу прикрепления они разделяются на *два подраздела* – с петлями и нашивные. Часть бляшек имеет петлю на внутренней стороне (рис. 35, *34–41*), остальные были снабжены двумя, и в одном случае – четырьмя (рис. 35, *32*) отверстиями. Бляшки находились как в женских, так и в мужских погребениях. Наибольшее их количество находилось в 12 женских захоронениях. В мужских погребениях они встречены дважды – в погребениях № 91 и 54. В в погребении № 64, полусферическая бляшка находилась в детском (подросток) погребении. На наш взгляд, погребение представляло собой захоронение девочки. Обе разновидности бляшек, вероятно, нашивались на одежду. Ими могли украшать, также, пояс.

Подраздел 1. Нашивные бляшки

В данном подразделе представлены три типа, различающиеся по своей форме.

Тип 1 – полусферические круглые в плане бляшки. (51 экземпляр). Они выкованы из тонкого бронзового листа толщиной 1–1,5 мм (рис. 35, *1–7, 9 – 23, 33*). Такие экземпляры найдены в 15 погребениях могильника, в 12 женских, двух мужских и одном детском (приложение 1, табл. 5). Все они замет-

но отличаются размерами (рис. 35, *1–3, 8, 21*) и имеют по два круглых отверстия, пробитых друг против друга по краю. Только в одном случае, погребение № 74, отверстия имеют подпрямоугольную форму (рис. 35, *20*). По классификации В.И. Козенковой бляшки относятся к первому типу и характерны для классического периода бытования кобанских древностей (Козенкова, 1998, с. 61, 176, табл. XX, *1–3*).

Тип 2 – полусферические овальные бляшки. (4 экземпляра). В сечении, как и бляшки первого типа они полусферические (рис. 35, *8, 29–31*). Всего в женских погребениях найдено четыре такие бляшки, одна в погребении 20, две в погребении № 36 (рис. 35, *29, 30*) и одна, в № 31 (рис. 35, *31*). Подобные бляшки отнесены В.И. Козенковой ко второму типу ее классификации и датируются 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, табл. XX, *5–6*).

Тип 3 – конусовидные бляшки. (7 экземпляров). Конусовидные в сечении, круглые в плане нашивные бляшки, были найдены в двух женских захоронениях могильника. Их размер – 3–4 см в диаметре. Три бляшки находились в погребении № 68 (рис. 35, *27, 28*) и одна, в погребении № 53 (рис. 35, *32*). В погребении № 53 находилась бляшка с пятью отверстиями – четыре по периметру краев и одно – в центре (рис. 35, *32*). Еще три бляшки (рис. 35, *24 – 26*) обнаружены вне комплексов, вблизи от женского погребения № 82 и, возможно, связаны с ним.

Подобные бляшки отнесены В.И.Козенковой к первому типу и, также, датируются классическим кобанским временем (Козенкова, 1998, с. 61, с. 176, табл. XX, *4*).

Бляшки первого подраздела обнаружены у головы костяков, и в некоторых случаях у пояса. Вероятно, ими обшивались головные уборы погребенных, пояса, и, возможно, платья (в женских погребениях). Более крупные найдены только в женских погребениях, в области груди и в нижней части скелета.

В количественном соотношении погребения с бляшками составляют 25 %.

Подраздел 2. Бляшки с петлей

Полусферические литые круглые в плане бронзовые бляшки снабжены петлей на внутренней стороне. Найдены в четырех погребениях, в трех женских (рис. 35, *34–36, 38–39*) и одном мужском (рис. 35, *37*). В двух случаях – в погребениях № 25 и 36 – они были снабжены двойной петлей (рис. 35, *38–39)*. На внутренней стороне двух бляшек из погребения № 25 сохранились прикипевшие к бронзе колесовидные сурьмяные бусы, что свидетельствует об использовании их в качестве деталей наборного украшения – в связке бус или колье (рис. 35, *35, 38*). Аналогичное сочетание в наборе из бляшек и бус отмечено в украшении из погребения № 49 Сержень – Юртовского могильника (Козенкова, 1982, с. 49–55, табл. XXXII, *5*).

В количественном соотношении погребения с бляшками с петлей составляют 6,7 %. Морфологически представлены три типа.

Тип 1. (4 экземпляра). Круглые выпукло-вогнутые бляшки с арочной скрытой петлей на оборотной стороне (рис. 35, *34, 36–37*). Все они найдены в женских погребениях (3 экземпляра). По классификации В.И.Козенковой относятся к VI типу и датируются первой половиной 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 49–55, табл. XXXIII, *2*).

Тип 2. (2 экземпляра). Круглые бляшки, отличающиеся формой петли. У экземпляров данного типа она двойная (двухарочная) (рис. 35, *35, 38*). Такие бляшки найдены в женских погребениях №№ 25 и 36 и, как отмечалось выше, видимо являются элементами сложного украшения.

Тип 3. (2 экземпляра). Бляшки крестовидной формы с выпуклым изображением круга в центре. На оборотной стороне – арочная петля (рис. 35, *40–41*). Такие изделия характерны для «новочеркасских древностей» (Дударев, 1999; Эрлих, 2007). Бляшки найдены в мужском воинском захоронении.

Они широко известны в памятниках западного и центрального вариантов кобанской культуры как принадлежность конской сбруи (Дударев, 1999, рис. 110, *2 – 3*). В Эльхотовском могильнике эти бляшки найдены вблизи от роговых псалиев (погребение № 85). По классификации В.И.Козенковой бляшки подобного вида относятся к первому варианту третьего типа, и наиболее характерны для 8 – первой половины 7 в.до н.э. (Козенкова, 1995, с. 109–110, с. 163, табл. XXVIII, *12*). Близкие, территориально и хронологически, эльхотовским, бляшки данного типа находились и в могильнике Клин-Яр III (Белинский, Дударев, 2001, с. 38, рис. 2, *2, 4*).

8. Перстни (рис. 36. 1 – 40)

Все перстни Эльхотовского могильника изготовлены из бронзы. Найдены они как в мужских, так и в женских погребениях. Но преимущественно, данная категория украшений наиболее типична для женских захоронений (17 погребений). И редко встречается в мужских (два погребения). Всего перстни были обнаружены в 19 погребениях могильника, что составляет 32,2 % от количества всех исследованных захоронений (приложение 1, табл. 5). Перстни находились на фалангах пальцев погребенных, от одного – до четырех на руке. Морфологически подразделяются на три типа.

Тип 1. (2 экземпляра). Перстни, скрученные из плоской ленты в один оборот, концы которых утончены и закручены в плоский щиток в виде завернутых в разные стороны спиралей (рис. 36, *1–2*). Всего найдено два перстня, оба – в мужском захоронении № 56.

По классификации В.И. Козенковой подобные украшения относятся к первому типу. Распространены на территории всего ареала кобанской культуры. На востоке ареала они известны в материалах Сержень – Юртовского могильника (группа погребений 10–8 вв. до н.э.), Урус – Мартановского могильника (курган 1) (Козенкова, 1982, с. 39). В Сержень – Юртовском могильнике такие перстни находились, как и в Эльхотово, в мужском погребе-

нии. На западе ареала они имелись в Этокском могильнике, где датируются 7–6 вв. до н.э. В центре ареала они известны в Верхнекобанском и Моздокском могильниках (Козенкова, 1996, с. 30, рис. 12, *11*; 1998, с. 38).

Тип 2. (40 экземпляров). Перстни из уплощенной или подтреугольной в сечении бронзовой узкой пластинки скрученной в 1–2,5 оборота (рис. 36, *3–34, 39*). Все они, кроме одного (рис. 36, *19*), найдены в женских захоронениях. В одном случае, перстень был украшен гравированной ломаной линией (рис. 36, *21*). По классификации В.И. Козенковой подобные перстни относятся ко второму типу. Они распространены по всему ареалу кобанской культуры и бытовали на протяжении первой половины 1 тыс. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 40; 1998, с. 38; Техов, 2002, с. 255–256).

*Тип 3. (5 экземпляров). (*Перстни, скрученные в 1–3 оборота из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 36, *35-38, 40*). Найдены только в женских захоронениях. По классификации В.И. Козенковой относятся к третьему типу. Типичны для всего ареала кобанской культуры первой половины 1 тыс. до н.э. При этом, в Тлийском могильнике, для мужских захоронений характерен именно третий тип (Козенкова, 1982, с. 40; 1998, с. 39; Техов, 2002, с. 256).

9. Пронизи (рис. 37. 1 – 18)

Все пронизи могильника изготовлены из бронзы. Представляют собой спирально скрученные из плоской или подтреугольной тонкой ленты украшения биконической или цилиндрической формы разной длины – от одного – до нескольких десятков сантиметров. В одних случаях пронизи выступают в виде разграничителей в связках бус или колье, в других – нашивались на одежду или пояс. Морфологически выделяются два типа.

Тип 1. Спиральные пронизи цилиндрической формы, скрученные из плоской или подтреугольной тонкой ленты (рис. 37, *1–14*). Такие пронизи найдены в 12 погребениях могильника. В 10 женских и двух мужских. Все-

ледствии хрупкости спирали фиксировались во фрагментах, поэтому точное их количество определенть невозможно.

Подобные спирали, в сочетании с бронзовыми бляхами известны в составе женских украшений Сержень – Юртовского могильника. В достаточно большом количестве подобные спирали были найдены в погребениях начала 1 тыс. до н.э. Тлийского могильника. В небольшом количестве известны они и в материалах могильника Гастон Уота (Козенкова, 1982, с. 55, табл. XXXII, *5*; Техов, 1977, с. 168, рис. 113, *33–47*; Мошинский, 2006, с. 186, рис. 27, *24*).

Тип 2. (6 экземпляров). Биконические пронизи, свернутые спирально из уплощенной или подтреугольной тонкой бронзовой ленты (рис. 37, *15–18*). Подобные пронизи могли выступать в роли разграничителей сложносоставных женских украшений или в качестве отдельных привесок-украшений или бус. По классификации В.И.Козенковой для древностей восточного варианта данные украшения отнесены к разделу бус VIII типа. Здесь они характерны для памятников района смешения центрального и восточного вариантов культуры (могильники у с. Кескем, Пседах, Ахлово) (Козенкова, 1982. с. 62). В целом, типичны для материалов культуры всего ареала начала 1 тыс. до н.э., доживают до 8–7 вв. до н.э. Большое количество (120 экз.) биконических спиралей - привесок найдено в материалах западного варианта культуры. По свидетельству В.И. Козенковой биконические пронизи (бусы) наиболее характерны для ранних могильников конца 2 – рубежа 2–1 тыс. западного и центрального вариантов кобанской культуры. На западе они известны в этот период в Эшкаконском, Инжиччукунском и Терезинском могильниках. Особенно многочисленны они в ранней гробнице № 2 последнего памятника. На западе ареала, особенно в Кисловодской котловине, они типичны и для комплексов 10–8 вв. до н.э. (могильники Агачевский, «Мебельная фабрика» 1, Березовский-4, Клин-Яр III, Кисловодский, Заюковский-1) (Козенкова, 1998, с. 49). В Закавказье, кроме ареала южнокавказской группы Кобани, бикони-

ческие витые пронизи известны и в материалах колхидской археологической культуры (Трапш, 1970, с. 191, рис. 17, *1, 3*; Воронов, 1980, с. 202, рис. 1, *53, 72*). В Эльхотовском могильнике биконические пронизи найдены в двух женских погребениях. В погребении № 38 одна пронизь находилась в области груди вместе с бусами. В погребении № 69 пять подобных пронизей входили в состав сложного нагрудного украшения вместе с бусами и привесками.

Таким образом, в количественном соотношении находки биконических спиралей-пронизей составляют 3,3 % от количества погребений Эльхотовского могильника.

10. Трубочки (рис. 37. 19 – 43)

6 экземпляров. Трубочки Эльхотовского могильника свернуты из бронзовых пластинок в 1–1,3 оборота. Все они – цилиндрические, но разного диаметра и длины (рис. 37, *19–42*). Только в одном случае, в детском погребении № 62, трубочка была орнаментирована пунсонной линией (рис. 37, 30), в остальных случаях, все трубочки – гладкие. В системе костюма они выступали, в некоторых случаях как дополнение к бусам, возможно – разграничители, но преимущественно как украшение головного убора и платья, вероятно как нашивные элементы. Трубочки встречены в 14 погребениях могильника: в 11 женских, 1 мужском и в двух детских. В захоронениях находились от одной – до пяти трубочек. Так как морфологически, по способу изготовления и по материалу они одинаковы, то, соответственно известные на сегодняшний день трубочки относятся к одному – *первому типу* данной категории украшений.

Бронзовые цилиндрические трубочки известны на всей территории распространения кобанской культуры. По классификации В.И. Козенковой они относятся ко второму типу привесок (Козенкова, 1982, с. 40). На востоке ареала они известны в слое 10–7 вв. Сержень – Юртовского поселения, и в материалах одноименного могильника, а также в Нестеровском и Кескем-

ском могильниках. На западе ареала они многочисленны в Каменномостском, Березовском-1, Султангорском 1, Белореченском 2 и др. могильниках. В центре ареала бронзовые трубочки найдены в погребениях Верхнекобанского и Тлийского могильников. Известны они и в материалах могильника Гастон Уота (Козенкова, 1982, с. 40, табл. XXIV, *25–26*; 1998, с. 39; Техов, 1977, с. 168, рис. 113, *46*; Мошинский, 2006, с. 186, рис. 27, *23*). В целом бронзовые трубочки датируются в пределах 10–6 вв. до н.э.

11. Накосники (рис. 38. 1 – 31)

Примечательными изделиями Эльхотовского могильника являются бронзовые накосники. Они находились в женских погребениях и составляли элемент украшения головного убора. Накосники изготовлены из уплощенной или подтреугольной ленты, скрученной спирально в виде цилиндрической трубки. Длина накосников варьирует от нескольких сантиметров до нескольких десятков сантиметров (рис. 38, *1–31*). Диаметр украшений также различается. Самые крупные имеют диаметр 3,5 см, самые маленькие – 0,5 см. Концы некоторых экземпляров утончены и свернуты в спиральные волюты. Как правило, накосники находились между лопаток и в области спины погребенных, в некоторых случаях спускаясь вдоль спины до пояса и таза костяков. В погребениях № 20 и 77 массивные накосники сочетались с тонкими, где первые располагались выше, и вероятно вплетались в косы, а последние составляли конечную часть сложной системы головных украшений. Накосники были найдены в 8 женских погребениях могильника, что составляет 13,% от количества всех исследованных комплексов (приложение 1, табл. 5).

Морфологически, и по своим размерам, накосники разделяются на два типа.

Тип 1. (10 экземпляров). Массивные экземпляры, свернутые из широкой ленты (ширина – от 0,5 до 1,2 см), большого диаметра, часто оканчивающиеся спиральными волютами (рис. 38, *1–22, 26*). Подобные экземпляры найде-

ны в материалах Заюковского 1 могильника и в гробнице № 2 могильника Терезе. Замечательные экземпляры женского головного убора близкого по накосникам нашему типу имели место в погребении № 81, и других женских могилах, Сержень – Юртовского могильника. Украшения близкие нашему первому типу, находились также, в захоронении № 1 Пседахского могильника, а также, в материалах Верхнекобанского, Николаевского и Змейского могильников центрального варианта (Козенкова, 1986, с. 139, рис. 5, *5–6*; 1996, с. 22, рис. 6, *7*; 1998, с. 76; 2002, с. 113, табл. 58, *14*, рис. 23 [реконструкция]; Тургиев, 1971, рис. 8, *4*, рис. 9, *2*; Бакушев, Чечина, 2014, с. 122, рис. 1, II, *12*).

В целом, накосники данного типа характерны для комплексов временного периода от рубежа 2–1 тыс. – до начала 7 в. до н.э.

Тип 2. (4 экземпляра). Накосники меньшей длины и меньшего диаметра, изготовленные из более узкой бронзовой ленты. В отличие от первого, они не имеют спиральных волют на концах (рис. 38, *23- 25, 27–31*). Накосники первого типа вплетались в косы. Накосники второго типа, вероятно, прикреплялись к волосам, убранным в виде прически. Наиболее близки эльхотовским, спиральные цилиндрические накосники Тлийского могильника (Техов, 1977, с. 168, рис. 113, *23–47*).

Накосники второго типа бытовали на Кавказе в широком хронологическом диапазоне – от второй половины 2 тыс. до н.э. – до первой половины 1 тыс. до н.э. (Техов, 1977, с. 169).

Обилие бронзовых головных украшений, приверженность женщин Эльхотовского могильника к большому количеству разнообразных накосников, трубочек и др., являются отличительной чертой анализируемого памятника. Характерно, что накосники первого типа отсутствуют в материалах центрального варианта скифского времени, к примеру, в Гастон Уота и Мездокском могильнике. Вероятно, к этому времени они уже вышли из моды.

12. Бусы и бисер (рис. 39 – 40)

В погребениях Эльхотовского могильника в большом количестве найдены разнообразные бусы. Они находились как в составе ожерелий, включавших привески, так и отдельно. Как правило, они обнаружены в области шеи, груди, изредка – у головы и ног. В последнем случае, вероятно, ими обшивались края платья. Бусы имели место в женских погребениях и в некоторых случаях и в небольшом количестве – в мужских (приложение 1, табл. 4).

Исходя из материала изготовления и формы, бусы распределяются на шесть подразделов и несколько типов.

Подраздел 1. Стеклянные бусы и бисер

Тип 1. Стеклянные бусы колесовидной формы.

Подтип 1. (246 экземпляров). Стеклянные бусы колесовидной формы с гладкой поверхностью (рис. 39, *1–16*). Преимущественно бусы белого (рис. 39, *1, 3*) и зеленого цвета (рис. 39, *6–7, 12–14*). Но встречаются бусы и желтого, красного и оранжевого цвета (рис. 39, *2, 9, 15*). Они изготовлены из прозрачного стекла, часть – из непрозрачной стеклянной пасты (приложение 1, табл. 4). В Эльхотово они типичны для женских захоронений. В мужских погребениях зафиксированы только в двух случаях. Три бусы в погребении 15 и 84, вмете с бронзовыми бусами-скобочками, у пяточных костей погребения № 60.

Подтип 2. (2 экземпляра). Стеклянные бусы колесовидной формы с рифленой поверхностью из глухого стекла бледно-зеленоватого цвета (рис. 39, *17–18*). Две такие бусы найдены в детском (женском) погребении № 94.

Бусы первого типа имели место в погребениях Лугового могильника и в могильнике Гастон Уота скифского времени (Крупнов Е.И., 1960, табл. LXIX, *1*; Мошинский, 2006, с. 188, рис. 29, *1, 8–9*).

Но их находили и погребениях Майртупского 2 могильника второй хронологической группы (начала 1 тыс. до н.э.) (Виноградов, Дударев, 2003, с. 49, рис. 19, *8*).

Тип 2. (7 экземпляров). Короткие бусы цилиндрической формы из глухого непрозрачного стекла светло-серого и черного цвета (рис. 39, *19–21*). Они найдены в женском погребении № 77, в составе сложносоставных ожерелий.

Тип 3. (1 экземпляр). Боченковидная бусина из глухого стекла светло-серого цвета (рис. 39, *22*). Также из погребения № 77.

Тип 4. (3 экземпляра). Небольшие бусы треугольной (пирамидальной) формы из прозрачного стекла зеленого цвета. Найдены в женском погребении № 51 (рис. 39, *23–25*). Аналогии известны в комплексах скифского времени могильника Гастон Уота (тип 15 по типологии А.П.Мошинского) (Мошинский, 2006, с. 188, рис. 29, *18*).

Тип 5. (3 экземпляра). Крупные треугольные, в поперечном сечении, бусы с рифлением. Контур сторон плавно изогнут (рис. 39, *26–28*). Изготовлены из непрозрачного стекла светло-зеленого цвета. Всего было обнаружено три бусины данного типа. Они находились в женском погребении № 36. Аналогии не известны.

Тип 6. (17 экземпляров). Шаровидные из непрозрачного (глухого) стекла зеленого и желтого цвета (рис. 39, *29–33*). Обнаружены в трех женских погребениях могильника. По классификации В.И.Козенковой они относятся к первому и второму варианту третьего типа. Характерны для комплексов Сержень – Юртовского могильника 10–8 вв. до н.э., «но доживают до VI–IV вв. до н.э.» (Козенкова, 1982, с. 63).

Тип 7. (38 экземпляров). Бусы биконические, с рифленой поверхностью (рис. 39, *34–39*). Тринадцать таких бус, изготовленных из непрозрачной массы белого цвета, найдены в женском погребении № 36. Кроме того, 25 бус, из

непрозрачной стеклянной массы бледно-желтоватого цвета, имели место в женском погребении № 55. Бусы характерны для ожерелий 6 – 4 вв. до н.э. в Луговом и Нестеровском могильниках (Козенкова, 1982, с. 63, табл. XXXIX, 12 – 18).

Тип 8. (3 экземпляра). Бусы овоидной формы, изготовленные из непрозрачного черного (рис. 39, *40*) и прозрачного зеленого и оранжевого стекла (рис. 39, *41–42*). Первая буса найдена в женском погребении № 68, остальные – в женском погребении № 51. В обоих случаях бусы входили в состав ожерелий вместе с другими типами бус.

Наиболее близкие аналогии им происходят из могильника Гастон Уота (по классификации А.П.Мошинского – тип 2 первого отдела) (Мошинский, 2006, с. 52).

Тип 9. (1 экземпляр). Цилиндрическая, подквадратная в сечении бусина с рифлением (рис. 39, *43*). Изготовлена из зеленого стекла, полупрозрачная. Найдена в женском погребении № 69 и входила в состав ожерелья. Аналогии в памятниках кобанской культуры неизвестны.

Тип 10. (1 экземпляр). Бусина вытянутоовальной формы из черного глухого непрозрачного стекла (рис. 39, *44*). Найдена в женском погребении № 63 (тип IV, 1, по классификации В.И.Козенковой).

По форме и материалу наша бусина аналогична бусам 6–5 вв. до н.э. из погребений Лугового могильника, но там они синего цвета (Крупнов, 1960, табл., LXIX, *16–17;* Козенкова, 1982, табл. XXXIX, 9 - 11).

Тип 11. (39 экземпляров). Удлиненные цилиндрические бусы-пронизи из белой непрозрачной стеклянной массы (приложение 1, рис. 39, *72–78*). Найдены в 5 женских погребениях, в составе ожерелий. В погребениях находились от 2 бусин (захоронение № 38) до 25 штук (захоронение № 69).

Тип 12. Бисер колесовидной формы синего, желтого, бежевого и зеленого (бирюзового) цвета (рис. 39, *45–54, 59–60*). Найден в семи женских по-

гребениях могильника (приложение 1, табл. 4). В основном он входил в состав ожерелий, но в некоторых случаях, нашивался на одежду и головной убор (погребение № 82).

Бисер данного типа известен на западе ареала в погребениях могильника Терезе конца 12–8 вв. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 129–130, с. 214, табл. 45, *26, 31–32*). На территории восточного варианта кобанской культуры он имел место в погребениях Сержень – Юртовского могильника (погребение 81 и др.) (Козенкова, 2002, с. 213, табл. 58, *5–6*).

Тип 13. Бисер цилиндрической формы, изготовленный из синего, зеленого, белого и светло-серого глухого непрозрачного стекла. Имеет три разновидности – одинарный, двойной и тройной (рис. 39, *55–58, 61–71*). Как и бисер двенадцатого типа, он, также нашивался на одежду и входил в состав ожерелий.

На востоке ареала этот тип известен в погребениях могильника Сержень – Юрт предскифского времени (Козенкова, 2002, с. 213, табл. 58, *2–4*). На западе, он был найден в материалах Терезинского могильника и в погребениях 2-го Белореченского могильника также предскифского периода (погребение № 15) (Дударев, 2004, с. 69, рис. 9, *12*).

Подраздел 2. Сердоликовые бусы и бисер

Тип 1. (116 экземпляров). Колесовидные (рис. 40, *2–13, 17*). Цвет – красно-коричневый и бледно-розовый (рис. 40, *1, 17*). Большинство сердоликовых бус найденных в погребениях Эльхотовского могильника относятся к этому типу. Они, как правило, входили в состав ожерелий собранных из стеклянных, бронзовых бус, и в некоторых случаях, разнообразных привесок. Изредка они встречаются и в мужских погребениях. В области шеи мужского воинского захоронения № 60, вместе с бронзовыми бусами-скобочками, находилась нитка сердоликовых колесовидных бус из 7 штук.

Сердоликовые бусы данного типа многочисленны в памятниках кобанской культуры начала – первой половины 1 тыс. до н.э. Они находились в материалах погребений могильника Терезе, Белореченском 2 могильнике, Тлийском могильнике и др. (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *14*; 2004, с. 215, табл. 46, *4*; Техов, 1977, с. 179, *11*; Дударев, 2004, с. 69, рис. 9, *11*, с. 64, рис. 5, *А, 9*).

Тип 2. (1 экземпляр). Шаровидные. Представлен единственной бусиной найденной в женском погребении № 69 (рис. 40, *18*). Она темно-розового цвета, найдена у шеи погребенной в составе ожерелья.

Такие бусы достаточно широко распространены в памятниках как восточного, так и западного вариантов культуры. На территории распространения центрального варианта, крупные шаровидные сердоликовые бусы особенно типичны для погребений Тлийского могильника классического периода. Известны они и в материалах скифского времени могильника Гастон Уота (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *12–13*; 2004, с. 128–129, с. 215, табл. 46, *5–7, 12*; Техов, 1977, с. 179, рис. 117, *1–9*; Мошинский, 2006, с. 188, рис. 29, *31*).

Тип 3. (8 экземпляров). Цилиндрические. Бусы светло – коричневого («медового») цвета найдены в женских погребениях № 77 и № 87 (рис. 40, *16, 19*).

Они известны в памятниках начала 1 тыс. до н.э. как востока, так и запада культуры. В небольшом количестве представлены и в материалах центрального варианта классического периода (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *15*; 2004, с. 215, табл. 3; Техов, 2002, с. 296).

Тип 4. Сердоликовый бисер колесовидной формы. Найден в трех женских погребениях в составе ожерелий (рис. 40, *21 – 22, 24*). Бисер рубленый, с небольшой шлифовкой, медового и красно-коричневого цвета.

Этот тип известен в памятниках кобанской культуры всего ареала, характерен для классического периода и раннего скифского времени (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *18*; 2004, с. 215, табл. 46, *1–2*; Мошинский, 2006, с. 188, рис. 29, *17*; Дударев, 2004, с. 69, рис. 9, *9*).

Тип 5. Сердоликовый бисер циллиндрической формы. Отмечен в двух женских погребениях - № 25 и 77 (рис. 40, *20, 23*).

Данный тип известен на востоке, и западе кобанской культуры (Белореченский 2-й могильник) ареала, в материалах классического – предскифского периодов (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *16–17*; Дударев, 2004, с. 95, рис. 34, *6*).

Тип 6. (2 экземпляра). Бочковидные. Бусы бледно-розового цвета найдены в погребении № 77 (рис. 40, *14–15*). По классификации В.И.Козенковой II тип. Известен в памятниках предскифского (Зандак) и скифского времени (Козенкова, 1982, с. 60, табл. XXXVIII, *14).*

Подраздел 3. Гагатовые бусы

Тип 1. (3 экземпляра). Гагатовые бусы усеченно-биконической формы. Всего найдены три бусы, одна в женском погребении № 25 и две в женском погребении № 51 (рис. 40, *26–28*).

По классификации В.И. Козенковой, гагатовые бусы близкой формы относятся к первому типу. На востоке ареала они известны в кладе 8 в. до н.э. на территории Сержень – Юртовского поселения. На восточной границе центрального варианта встречены в женском погребении № 2 Пседахского могильника – предскифского-раннескифского времени, и в центрально - кобанских погребениях Комаровского могильника рубежа 7–6 вв. (Козенкова, 1982, табл. XXXVIII, *32–34*; 1986, с. 153, с. 141, рис. 6, *3–5*; Абрамова, 1970, рис. 89).

Подраздел 4. Бронзовые бусы

Бронзовые бусы составляли многочисленную и типичную для Эльхотово категорию изделий данного раздела. Они найдены в 28 погребениях могильника – шести детских, восьми мужских и 16 женских. Можно сделать вывод, что в количественном соотношении бронзовые бусы являются наиболее характерным украшением данного типа для детских захоронений. По способу изготовления и форме бронзовые бусы Эльхотовского могильника разделены нами на пять типов и два подтипа.

Тип 1 – цилиндрические. (372 экземпляра). Бусы-скобочки, скрученные из тонкой прямоугольной пластинки (рис. 41, *1–14*).

Они типичны для женских захоронений, но встречаются и в мужских и в детских могилах (приложение 1, табл. 4). В женском погребении № 36 их количество достигало 134 штук. Для сравнения – в мужском захоронении № 52 было 8 штук, а в мужском воинском погребении № 25 – 25 штук. В последнем случае, видимо, только половина этих бус принадлежала ожерелью захороненного. Та, что была найдена в области шеи и груди. Остальные бусы - скобочки находились у ног погребенного, располагаясь компактно, вместе с сердоликовыми бусами, и представляли, возможно, «последний дар вдовы.»

По классификации В.И. Козенковой, бронзовые бусы подобного вида относятся к первому типу. Типичны для слоя 10–7 вв. до н.э. Сержень – Юртовского поселения. Они, также, имели место в погребениях № 18, 47 и 70 Сержень – Юртовского могильника, и в погребениях начала 1 тыс. до н.э. могильника у с. Шарой. На западе ареала они известны в гробницах Терезе и в Белореченском 2 могильнике (Козенкова, 1982, с. 62, табл. XXXVIII, *41*; 2004, с. 214, табл. 45, *12*; Дударев, 2004, с. 62, рис. 4, *3*; с. 75, рис. 14, *7*).

На территории центрального варианта культуры подобные бусы встречены в комплексах 7 – 6 вв. до н.э. Тлийского могильника, и могильника

скифского времени Гастон Уота (Техов, 1985, табл. 172, *8*; Мошинский, 2006, с. 188, рис. 29, *34*).

Тип 2 – колесовидные (15 экземпляров). Литые колесовидные бусы найдены в двух женских погребениях могильника. Три – в погребении № 55 (рис. 41, *15,17*), и 12 бус – в погребении № 36 (рис. 41, *18–20*). Погребение 55 было потревожено и ограблено в древности, вследствие чего местоположение бус восстановить невозможно. В погребении № 36 бусы располагались полукругом в области нижней части шеи погребенной.

Бусы данного типа представлены в могильнике Терезе, в комплексах Тлийского могильника, погребениях могильника Белореченский – 2 (Козенкова, 2004, с. 214, табл. 45, *18*; Техов, 1985, табл. 107, *11*; Дударев, 2004, с. 76, рис. 15, *3*; с. 80, рис. 19, *5*).

Тип 3 – бочковидные (1 экземпляр). Литые бронзовые бусы бочковидной формы с цилиндрическим продольным каналом (рис. 41, *21*). Найдена всего одна, в женском погребении № 51. Она входила в состав ожерелья из стеклянных и сурьмяных бусин меньшего размера.

На востоке ареала, в Сержень – Юртовском могильнике подобные бусы были найдены в погребении № 4 (Козенкова, 2002, с. 157, табл. 2, *12*). Близкие по форме бусы известны в центре ареала, в погребениях Тлийского могильника (Техов, 1977, с. 179, рис. 117, *72*). На западе ареала они широко представлены в гробницах 1 и 2 могильника Терезе (Козенкова, 2004, с. 129, с. 214, табл. 45, *19*). Однако, их нет в памятниках 7 – 6 вв. до н.э. Например, они отсутствуют в погребениях могильника центрального варианта Гастон Уота. Таким образом, их датировка ограничена в пределах начала 1 тыс. до н.э.

Тип 4 – биконические (13 экземпляров). В материалах могильника выделяются два подтипа бус биконической формы – литые и, изготовленные из тонкой бронзовой пластинки (штампованные).

Подтип 1 – штампованные. Изготовлены из бронзовой пластинки, полые, внутренняя полость заполнена стекловидной масссой светло-бурого цвета (рис. 41, *16*). Аналогии неизвестны.

Подтип 2 – литые. Массивная, литая биконическая бусина входила в состав сложного ожерелья из женского погребения № 69, составленного из различных бус, пронизей и птицевидных привесок (рис. 41, *22*).

Тип 5 – булавовидная (1 экземпляр). Буса представлена в одном экземпляре, в женском погребении № 69, в составе сложного ожерелья. Крупная, литая буса, на наш взгляд, представляет собой миниатюрную копию цилиндрического навершия булавы с четырьмя округлыми выступами и отверстием в центре. На торцевую часть «втулки» нанесены насечки (рис. 41, *23*). Близкая по форме и размерам, миниатюрная копия навершия булавы, находилась в гробнице № 3 могильника Терезе. Похожая буса отмечена среди предметов коллекции графа Зичи, собранных в Баксанском и Чегемском обществах Кабардино – Балкарии. Третья аналогия нашей бусе происходит из раскопок Е. Шантра на территории Верхнекобанского могильника (Козенкова, 2004, с. 129, табл. 17, 12.; Chantre, 1886, pl. XXIX, *20*).

Подраздел 5. Сурьмяные бусы

Сурьмяные бусы относятся в материалах могильника к категории наиболее широко распространенных. Все они литые. Разных форм и типов они были найдены в 14 захоронениях, что составляет 23,7 % от всех погребений (приложение 2, табл. 4). В женском погребении № 69 было найдено 181 штук, в остальных погребениях их количество колеблется от 6 – 5 десятков – до одного экземпляра. Как и другие категории бус, сурьмяные, как правило, входили в состав ожерелий.

Морфологически сурьмяные бусы могильника делятся на 3 типа и 2 подтипа.

Тип 1 – колесовидные (653 экземпляра). Наиболее многочисленная серия сурьмяных бус могильника (рис. 41, *24–39, 41–42*). Они отличаются размерами. Мелкие составляют 4–5 мм в диаметре, крупные – 9 мм в диаметре.

Колесовидные сурьмяные бусы известны на востоке ареала в материалах рубежа 2–1 тыс. – начала 1 тыс. до н.э. – тип 3 по классификации В.И. Козенковой (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *38*). На западе ареала они находились в погребениях Белореченского 2 могильника предскифского времени, Клин-Ярского III, Березовского 1 (Дударев, 2004, с. 63, рис. 4, А, *9*, В, *5*, С, *6*; с. 64, рис. 5, В, *4*, С, *6*; Белинский, Дударев, 2001, с. 71, рис. 6, *3*).

Тип 2 – конусовидные (64 экземпляра).

Подтип 1 – конусовидные бусы с продольным отверстием. Бусы этого подтипа найдены в двух женских погребениях памятника, № 20 и 68 (рис. 41, *40, 48*). В обоих случаях входили в состав ожерелий. Аналогии им имеются на востоке ареала в материалах рубежа 2–1 тыс. – начала 1 тыс. до н.э. – тип 1 по классификации В.И. Козенковой (Козенкова, 1982, с. 167, табл. XXXVIII, *36*).

Подтип 2 – конусовидные, с поперечным отверстием. Бусы данного типа найдены в двух женских погребениях могильника, № 59 и 77 (рис. 41, *44–47*). Возможно, они могли использоваться и как бусы, и в качестве пуговиц. На западе ареала конусовидные бусы (пуговицы) близкой формы и размеров найдены в материалах предскифского времени Заюковского и Каменномостского могильников (Козенкова, 1998, с. 37, табл. X, *11*).

Тип 3 – полусферические (11 экземпляров). Полусферические бусы были найдены в двух женских погребениях могильника (рис. 41, *48 – 51*). В первом случае одна буса или пуговица находилась в области груди погребения № 77, во втором случае, в погребении № 20; 10 бус найдены в области плеч, груди и пояса погребенной.

Сурьмяные бусы (пуговицы) данного типа, довольно редки в памятниках кобанской культуры. В центре ареала они известны на западе Северной Осетии – Алании в материалах протокобанского времени (Скаков, 2003, с. 21, рис. 1, *11–13*).

Подраздел 6. Железные бусы

В погребениях Эльхотовского могильника найдено две железные бусы. При этом, если экземпляр из женского погребения № 20, из-за небольшого размера и формы может быть отнесен к категории бус (рис. 41, *52*), то во втором случае, в мужском погребении № 52, может быть как бусиной (престижный характер металла предмета в ту эпоху), так и портупейным кольцом (рис. 41, *53*). Железные бусы подразделяются на два типа.

Тип 1 – цилиндрические. Небольшое железное колечко в форме короткого цилиндра с тонкими стенками было найдено в области груди женского погребения № 20. Диаметр бусины – 6 мм, ширина – 3 мм (рис. 41, *52*). Аналогии неизвестны.

Тип 2 – колесовидные. В мужском воинском захоронении № 52, между черепом и кистями костяка, находилось железное колечко колесовидной формы. Кольцо фрагментировано, в сечении – круглое (рис. 41, *53*). Размеры его: диаметр – 15 мм, диаметр сечения – 4 мм. Комплекс погребения № 52 был потревожен и частично разрушен в древности, вследствие этого точное первоначальное месторасположение колечка неясно. Однако, в погребении также находились железный клинок составного кинжала и каменный оселок. Поэтому, на наш взгляд, железное колечко, как говорилось выше, могло быть как украшением (бусой), так и частью портупейного или поясного набора.

2. 3. 8. ПРЕДМЕТЫ САКРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Астрагалы (альчики) мелкого рогатого скота *(4 экземпляра)* были найдены в четырех погребениях могильника. В одном детском, одном мужском, и двух женских (рис. 42, *3–4*). Астрагалы – бараньи. В детском погребении № 31, находился астрагал молодого животного – ягненка (рис. 42, *1*). В остальных случаях – крупные кости, принадлежавшие взрослым животным. Астрагал, найденный в мужском воинском захоронении № 32 (рис. 42, *2*), находился вместе с костями ноги барана, и вместе с ними является частью жертвенной, напутственной пищи. Астрагал, найденный в детском погребении № 31, находился у кистей рук. Видимо, здесь он положен или как дар ребенку его прижизненной игрушки, или как предмет, имеющий ритуально-сакральный характер. В женских погребениях № 82 и 92, жертвенная пища в виде костей ног барана присутствовала, но астрагалы барана были найдены в противоположных от места расположения трубчатых костей МРС углах могильной ямы. То есть, в обеих женских могилах астрагалы найдены в ногах погребенных, что говорит, на наш взгляд, об их ритуальном, или каком-то другом, специальном предназначении в данных захоронениях.

В материалах кобанской культуры бараньи астрагалы, с отверстиями и без, известны как предметы для игры или как гадальные «кости». На востоке ареала они представлены в слое Сержень – Юртовского поселения 10–7 вв. до н.э., в погребениях начала 1 тыс. до н.э. Зандакского могильника. На позднем этапе – в погребении 20 Нестеровского могильника скифского периода. На западе ареала они известны в материалах гробниц могильника Терезе 11 – 8 вв. до н. (Козенкова, 1982, с. 66, 168, табл. XL, *14–15*; 2004, с. 38, табл. 1; с. 39; с. 217, табл. 48, *2*).

Весьма многочисленны находки бараньих астрагалов и в памятниках центрального варианта кобанской культуры, как в классическую эпоху, так и в скифское время (Техов, 1985, табл. 185, *3*; с. 189, *3*; 2002, с. 74). В поселе-

нии Сауар, расположенном в высокогорной зоне центрального варианта кобанской кио, астрагалы были найдены на участке 5–4 вв. до н.э., на территории культовой площадки. Астрагалы отсюда были или просверлены, или покрыты резными косыми штрихами, а также штрихами в виде треугольника (Мошинский, 2006, с. 93, рис. 6, *7–11*). Уникальным является бараний астрагал, найденный на культовой площадке поселения Сауар, который был инкрустирован бронзой. По мнению А.П. Мошинского, астрагалы поселения Сауар «возможно, использовались для культового счета или для гадания» (Мошинский, 2006, с. 96).

2. 3. 9. ПРЕДМЕТЫ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Роговая втулка?

В мужском воинском погребении № 49 был найден обрез рога цилиндрической формы с несквозным отверстием в 1 см от одного из срезов (рис. 43). Поверхность предмета обработана – заглажена. В погребении № 49 находилось мужское воинское захоронение. Здесь же, кроме других предметов, были найдены железный наконечник копья и бронзовые наконечники стрел. К сожалению, погребение сильно потревожено и ограблено. Возможно, предмет является частью рукояти для плети. Во всяком, случае, близкая по форме нашему предмету рукоять из рога с отверстием была найдена в слое 10–7 вв. до н.э. Сержень – Юртовского могильника (Козенкова, 1982, с. 33, 159, табл. XXII, *4*).

Типология и систематика погребального инвентаря, анализ и аналогии вещам и обряду Эльхотовского могильника, показали преимущественные связи Эльхотово с горной группой памятников центрального варианта, в том числе и южнокавказской (группа А – *по В.И.Козенковой*). А также, позволили проследить некоторые связи населения, оставившего этот некрополь цен-

трального варианта кобанской культуры, с памятниками восточного и западного. При сравнении Эльхотово с памятниками восточного и западного вариантов культуры, установлена несколько более тесная связь по инвентарю с последними, чем с первым (рис. 62).

В частности, это прослеживается по следующим категориям погребального инвентаря.

Западный вариант.

1. Как мы уже отмечали выше, в двух женских погребениях Эльхотовского могильника, общим количеством 6 экземпляров, находились бронзовые витые биконические пронизи (рис. 37, *15–18*). Пронизи типичны для центрального и западного варианта, и в небольшом количестве известны в памятниках района смешения центрального и восточного вариантов культуры (могильники у с. Кескем, Пседах, Ахлово) (Козенкова, 1982. с. 62). На западе они известны в Эшкаконском, Инжиччукунском и Терезинском могильниках. Особенно многочисленны они в ранней гробнице № 2 последнего памятника. На западе ареала, особенно в Кисловодской котловине, они типичны и для комплексов 10–8 вв. до н.э. (могильники Агачевский, «Мебельная фабрика» 1, Березовский-4, Клин-Яр III, Кисловодский, Заюковский-1). Общее количество пронизей рассматриваемого типа в памятниках западного варианта – 120 экземпляров (Козенкова, 1998, с. 49).

2. В детском погребении № 80 был найден изящный орнаментированный глубокий кубок орнаментированый «семечковидными» нарезными вдавлениями по тулову, и тремя поясками, опоясывающими горло (рис. 16, *2*). Сосуд типичен для керамики западного варианта, в частности, наиболее близкая аналогия происходит из Терезинского могильника (Козенкова, 1998, с. 100, с. 193; табл. XXXVII, *15, 19*).

3. Из женского погребения № 37 происходят бронзовые привески – модели топоров. Привески в виде уменьшенных копий топоров (XXVII тип по

классификации В.И.Козенковой), на сегодняшний день наиболее многочисленны в памятниках западного варианта (Козенкова, 1998, с. 47, с. 169, табл. XIII, *15*).

4. Из женского погребения № 20 происходят две бронзовые привески в 1,5 оборот с продольным рифлением на внешней стороне (рис. 33, *5*). Привески рассматриваемого типа (тип 7 по В.И.Козенковой) не типичны для восточного варианта, и, напротив, находят многочисленные аналогии (Терезе, Эшкакон, Заюково, Индустрия 1), в памятниках западного (Козенкова, 1998, с. 36; 2004, с. 142, табл. III).

5. В одном случае, в погребении № 69 могильника находилась бронзовая булавовидная буса (рис. 41, *23*). Одна аналогия ей происходит из ареала центрального варианта (В. Кобан) и два экземпляра (Терезе и среди предметов собранных в Баксанском и Чегемском обществах КБР) западного (Козенкова, 2004, с. 129, табл. 17, 12.; Chantre, 1886, pl. XXIX, *20*).

Восточный вариант.

1. Предметом, маркирующим контакты кобанских племен – носителей восточного и центрального вариантов ареала культуры, является биконическая керамическая корчага из погребения № 78. Всего в погребениях Эльхотовского могильника найдено 37 корчаг нескольких типов. Только в одном случае, в погребении № 78, была найдена корчага, резко отличающаяся по внешним очертаниям. Тулово этого сосуда имеет почти правильную биконическую форму. Дно небольшое, выделенное, горла как такового почти нет (что не типично для остальных корчаг могильника), верхняя часть биконического тулова сразу переходит в короткий, резко отогнутый венчик (рис. 11, *2)*. Сосуды подобной формы не характерны для центрального и западного вариантов кобанской культуры, и, напротив, составляют специфику восточного локального варианта. Лощеные сосуды близкой формы известны на востоке

ареала, в материалах Сержень – Юртовского могильника и одноименного поселения (сосуды 1 типа по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 1982 а, с. 74; с. 172, табл. XLVIII, *3*). Третий памятник, где были найдены сосуды близкого типа, также находится на территории восточного варианта кобанской культуры. Речь идет о Зандакском могильнике (Марковин, 2002, с. 117, рис. 73, *1*). Наконец, четвертый известный нам памятник, где найдены биконические корчаги с небольшим выделенным дном и коротким венчиком, также находится в границах восточного варианта. Это курганы у ст. Ассиновской 6 – начала 5 вв. до н.э., расположенные вблизи от западной границы восточного варианта (Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7, *2*).

2. В женских погребениях могильника № 29 и 68 были найдены керамические дисковидные пряслица с выступающей втулкой (рис. 19, *13–14*). Аналогии в материалах центрального и западного вариантов культуры нам не известны. В то время как в материалах восточного варианта культуры, в слое Алхастинского поселения, они есть (Крупнов, 1960, с. 450, табл. XXVIII, *4)*.

3. Еще одним видом столовой посуды, найденным в погребениях Эльхотовского могильника всего в одном экземпляре, но типичным для восточного варианта, является небольшая миска из мужского погребения № 32 (рис. 16, *3*). Круглая, в плане миска, имеет плоское дно и небольшой загнутый венчик. Сосуд снабжен небольшой округлой ручкой отходящей от средней части корпуса и переходящей в венчик. Миска лощеная, коричневого цвета. Миски близкого типа, с одной и двумя ручками, многочисленны в Сержень – Юртовском поселении восточного варианта (III и VIII тип по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 2001, с. 176, рис. 73, *III*; с. 77, рис. 74, *VIII*). Миски с одной петлевидной ручкой найдены и в Луговом могильнике, также на востоке ареала Кобани (Мунчаев, 1963, с. 186, рис. 20, *19 – 20*).

4. Бронзовые усеченно – конические налокотники были найдены в двух женских погребениях могильника – № 36 и 77 (рис. 31, *1–4*). Налокотники

этого типа наиболее характерны для центрального варианта культуры. В материалах западного варианта некоторое сходство с ними обнаруживают многочисленные экземпляры браслетов XXII типа (по В.И.Козенковой) (Козенкова, 1998, с. 52, табл. 16, *1 – 2*; с. 55, табл. 17, *19*). Однако более близкая аналогия происходит из пограничного Кескемского могильника восточного варианта (Козенкова, 2009, с. 234, рис. 1, *2*).

О связи памятников Кобани предгорной части Северной Осетии с восточным вариантом культуры, может свидетельствовать и описанная выше бронзовая прямоугольная ажурная поясная пряжка, найденная у с. Заманкул. Пряжка относится к типичным для восточного варианта артефактам, и на территории центра Кобани зафиксирована в единственном рассматриваемом случае.

Кроме того, рассмотренные в 1 и 2 главах работы материалы Эльхотовского и других памятников кобанской культуры предгорно – равнинной части Северной Осетии позволили проследить параллели с закавказскими материалами эпохи поздней бронзы – раннего железа. Причем, не только в инвентаре южнокавказской группы центрального варианта кобанской культуры, но и в целом на Южном и Юго-Западном Кавказе (Мелаани, Трели, Димац, Калакент, Арчадзор, Джантух, Куланурхва, Бамбора, Гари, Приморское, Анухва, Эшера, Гудаута, Оджоли, Нигозети и др.). Это такие предметы погребального инвентаря как фибулы (с. 119), очковидные привески (с. 161), ворворки (с. 116), гривны (с. 158), биконические привески (с. 169), браслеты (с. 156), крестовидные привески (с. 151), ажурная треугольная привеска (с. 153). В этот вектор связей, Закавказье – северокавказская группа памятников центрального варианта кобанской культуры, входят и S – видные бронзовые

псалии, которые были найдены в горной и предгорной части Северной Осетии.

В то же время, как отмечалось выше в главах 1 и 2, материалы Эльхотовского могильника, Змейского поселения и одноименного могильника, обнаруживают определенные, достаточно многочисленные аналогии в протомеотской группе памятников Северо – Западного Кавказа. Кроме многочисленных близких паралелей оселкам Эльхотово и Змейского могильника, это такие предметы погребального инвентаря как ворворки и наконечники ремней (с. 116 - 117), удила (с. 142), псалии (с. 145), каменные топоры-молотки (с. 131), биметаллический кинжал с кольчатым орнаментом (с. 50), ножи с горбатой спинкой и серповидные (с. 107 – 108), каменные топоры – молотки (с. 131), горшочек «тильпановидного» типа (с. 99), происходящие из таких памятников как Фарс/Клады, Кочипэ, Геленджик, Кубанский могильник, Ахтырский Лиман I, Пшиш и др.

Также, рассмотренные выше материалы позволили проследить связи по инвентарю и обряду Эльхотовского и других кобанских памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии и со степными культурами юга России и Северного Причерноморья, причем как в начальную фазу их бытования, так и в позднюю. Подробно этот апект будет рассмотрен ниже в главе 4.

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Задача определения последовательности развития Эльхотовского могильника во временной и в «горизонтальной плоскости» представляется достаточно сложной вследствие нескольких факторов. Первый из них заключается в том, что часть погребений памятника, в той или иной степени потревожено. Стратиграфически, выше кобанского могильника на этом же участке поля размещается средневековое христианское кладбище 14 в. н.э. Глубина захоронения средневековых погребений, как правило, выше «кобанцев» на 0,4–0,6 м. Однако, часто, в процессе захоронения средневековые погребения «достигали» уровня кобанских. В таких случаях, последние подвергались вмешательству и, как правило, ограблению. Таким образом, информативность комплексов кобанского могильника во многих случаях неполная.

Вторым фактором является то, что массив погребений, который нами изучен, все же не может дать исчерпывающую картину развития памятника от начала и до конца, так как не вся площадь могильника исследована. Анализ материала памятника, на наш взгляд свидетельствует о том, что мы исследовали ту часть могильника, которая, в основном, представляет собой довольно близкие по времени захоронения. Они достаточно однородны, и заметные изменения в погребальном обряде или вещевом материале еще не столь разительны. Тем не менее, нам представляется, что имеющиеся датирующие артефакты позволяют, с определенной долей условности, определить относительную хронологическую последовательность совершения захоронений и их абсолютные даты. Анализ инвентаря и элементов обряда комплексов могильника дает возможность для хронологического выделения в нем трех групп погребений.

3. 1. Первая (ранняя) группа. Комплексы 9 в. до н.э.

К первой (ранней) группе относятся 8 погребений могильника. Из них четыре погребения мужские (№ 15, 22, 32, 41), три женские (№ 20, 36, 77), и одно детское (№ 80).

Погребение № 15

Погребение 15 обнаружено на южной окраине раскопа, в квадрате В-2. По обряду захоронение производит впечатление более архаичного, чем остальные. Это выражается в том, что положение тела погребенного было сильно скорченно, на левом боку, ноги сильно, практически максимально поджаты, руки, также сильно прижаты к груди, кисти рук располагались перед лицом. Тело ориентировано головой на СВ, лицевая сторона черепа повернута к востоку. При сравнении с положением других костяков могильника, оказалось, что в погребении № 15 наблюдается наибольшая скорченность костяка, что на наш взгляд служит одним из признаков, удревняющих данный комплекс.

Кроме того, как указывалось выше, в погребении найден бронзовый плоский нож или ланцет архаичного облика, редкого для материалов кобанской культуры типа. Предмет вытянуто-овальной формы, обоюдоострый, следов рукояти или кожаной обмотки на нем не обнаружено. Длина ножа – 99 мм, макс. ширина – 21,5 мм; толщина – 1,5 мм (рис. 17, *1*). Он найден в области поясницы костяка.

По форме наш предмет аналогичен бронзовым ножам-ланцетам имевшим место в погребениях 12 – 10 вв. до н.э. Тлийского могильника. Б.В.Техов ым они атрибутируются как инструменты, связанные с медициной (Техов, 1977, с. 120, рис. 93, *2, 4*). Однако, у предмета из погребения № 15 отсутствует стержень, которым снабжены все тлийские ножи-лопаточки. Важной особенностью ножа является то, что он остро заточен по всему внешнему периметру. Поэтому, возникает вопрос о том, как его держали в руке при ис-

пользовании. Возможно, его зажимали в кисти пальцами так, чтобы противоположная режущая кромка не касалась ладони.

Еще одним признаком, на наш взгляд, удревняющим данное захоронение, является находка здесь бронзовой крестовидной пуговицы архаичного облика, с отверстием в центре (рис. 23, *1*). Данные пуговицы относятся к первому варианту I-го типа по типологии В.И. Козенковой, и датируется ею в рамках 11–8 вв. до н. э. Пуговица из погребения № 15 не вырезана из бронзового листа или пластины, как все другие пуговицы данного типа, найденные в могильнике, а является литой. Также, в отличие от всех остальных таких пуговиц, концы ее не подпрямоугольной формы, а заостренно-треугольные.

Погребение не ограблено, соответственно комплекс предметов зафиксирован в неприкосновенности. Кроме ножа/скальпеля и пуговицы в захоронении № 15 находилась бронзовая булавка с гладким стержнем и головкой раскованной и закрученной в трубочку (рис. 21, *1*), которая датируется в широком диапазоне от рубежа 2–1 тыс. до н.э. – до конца классического периода. В этом же погребении была найдена сильно фрагментированная кружка с отогнутым венчиком и плоским дном (рис. 12, *17*) и небольшой черпачок с утраченной ручкой и туловом украшенным косыми прочерченными линиями (рис. 15, *1*). Обе кружки типичны для классического периода бытования кобанской культуры. В комплекс входили, также, небольшая (длина – 25 мм) бронзовая цилиндрическая витая пронизь, 3 пастовые бусы белого цвета и небольшая цилиндрическая бронзовая трубочка (рис. 37, *1*). Таким образом, в погребении 15, на наш взгляд нет предметов, «омолаживающих» его, и, напротив, есть три признака, удревняющих его, относительно остальных захоронений: – сильная скорченность и поджатость конечностей костяка, бронзовый нож или скальпель и бронзовая пуговица архаичного типа. Кроме того, в планиграфии могильника, погребение № 15 располагается на самом краю могильного поля, в его южной части, недалеко от обрыва в сторону р. Терек.

В таблице взаимовстречаемости предметов комплексов погребального инвентаря (рис. 56 а-б), из 8 предметов, найденных в погребении № 15, два предмета не встречаются в других захоронениях. Это упомянутые бронзовый нож или скальпель и бронзовая пуговица с заостренными концами. Также, не встречается, как уже указывалось выше, в других погребениях такой признак погребального обряда как сильная скорченность костяка и прижатость конечностей к телу. На наш взгляд, это погребение является самым ранним среди исследованных. Абсолютная дата погребения № 15 – начало – середина 9 в. до н.э.

Погребение № 20

Погребение № 20 обнаружено на юго-западной окраине могильника, в 2,5 м к северо-востоку от погребения № 15 (рис. 3). Захоронение женское. Погребальный инвентарь представлен тюльпановидным горшочком, фрагментированной кружкой с петлевидной ручкой, выступающей над венчиком, бронзовыми крестовидными пуговицами, полусферическими бляшками, цилиндрическими пронизями, спиральными накосниками, нашивными полусферическми бляшками, сурьмяными полусферическими пуговицами и др. Погребальный инвентарь захоронения, рассмотренный нами выше в главе № 2, хронологически укладывается в рамки конца 9–8 вв. до н.э. Однако нахождение в комплексе бронзовых височных привесок в 1,5 оборота (рис. 33, *5*), свернутых из тонкой рифленой пластинки, несколько удревняет данное погребение. Совершенно тождественные этим височным привескам найдены в гробнице № 2 могильника Терезе (раскопки В.И.Козенковой). Привеска из Терезе датируется В.И.Козенковой в хронологических рамках от 14 до 10 вв. до н.э. На наш взгляд, экземпляр из погребения 20 является реминисценцией типа терезинских, и датируется в Эльхотово в рамках начала – первой половины 9 века до н.э.

Погребение № 22

Погребение № 22 находилось на северной окраине могильного поля, в квадратах Е-4–5, в 4 м к северо-востоку от погребения № 15 (рис. 3). Захоронение не потревожено, если не считать деятельность грызунов, сместивших фаланги, некоторые ребра костяка, и вероятно, некоторые мелкие предметы погребального инвентаря. Положение тела – слабо-скорченное на левом боку, головой на СВ, лицом на ЮВ. Кисти рук – перед лицом. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к локтям. Угол между положением позвоночного столба и бедренными костями 50°. Погребение женское.

В 3 см к СЗ от лицевой кости черепа найдена бронзовая бусина-скобочка, скрученная из пластинки толщиной 1,5 мм; шириной 4–7 мм; диаметр бусины – 10 мм (рис. 41, *10*). В области шейных и грудных позвонков были найдены 2 колесовидные сурьмяные бусины (диаметр – 13 мм; толщина – 3–5 мм; диаметр отверстия – 4,5 мм; рис. 41, *38–39*). В 3 см к ЮЗ от грудной клетки находился фрагмент бронзовой небольшой нашивной полусферической бляшки. Толщина фрагмента – 1 мм. В 2 см к СВ от таза найдена бронзовая булавка с завернутой в трубочку головкой и витым стержнем. Длина – 106 мм; толщина в средней части – 4 мм; диаметр головки – 7 мм; диаметр отверстия головки – 4 мм. Ширина головки – 6,5 мм. Количество витков на стержне булавки – 4 (рис. 21, *12*). В 5 см к ЮВ от диафиза правой локтевой кости была обнаружена овальная бронзовая привеска в 1,5 оборота (рис. 33, *8*), из проволоки подтреугольного сечения. Концы привески более широкие (5 мм), заходят друг за друга, верхняя часть – 2,5 мм. Длина привески – 23 мм, ширина – 16 мм; толщина бронзовой проволоки – 2 мм.

В целом, погребальный инвентарь захоронения № 22 довольно скудный. Это единственное взрослое неограбленное погребение могильника, в котором отсутствуют керамические сосуды. Как правило, даже детские захоронения могильника снабжены, по крайней мере, одной кружкой или черпа-

ком. Уже по этому показателю погребение 22 выступает из общего ряда типовых захоронений. Найденная же здесь, бронзовая височная привеска овальной формы в 1,5 оборота раннего типа, характерная для эпохи бронзы, представляет собой единственный пока случай на территории могильника. По классификации В.И.Козенковой привески данного вида относятся к IV типу. Об архаичности захоронения свидетельствуют и сурьмяные бусы. Таким образом, показательные предметы погребения типичны для памятников Большого Кавказа эпохи средней и поздней бронзы. В эпоху раннего железа они составляют архаический комплекс и встречаются редко (Козенкова, 1998, с. 35).

Наличие предметов, не известных в других могилах, их архаичность относительно основного массива артефактов свидетельствуют о раннем захоронении. Как сказано выше, это сурьмяные колесовидные бусы большого размера, бронзовая височная овальная привеска в 1,5 оборота. Не противоречит этому и небольшая витая вдоль оси бронзовая булавка с головкой, закрученной в трубочку. Булавки с витым стержнем датируются в достаточно широком диапазоне от первой половины 1 тыс. до н.э. – до скифского времени (Козенкова, 1998, с. 66). Булавка из погребения 22 – витая, а не «ложновитая», как в погребениях 52 и 76. По нашему мнению погребение № 22 может быть отнесено к первой половине 9 в. до н.э., где – то, после погребения 20.

Погребение № 77

Погребение № 77 было обнаружено в юго-восточной части могильника, в квадратах Ф-Х-14–13 (рис. 3). В засыпке могильной ямы находились мелкие фракции древесного угля, которые начинают встречаться уже на глубине 70 см от современной дневной поверхности. В засыпи могилы, непосредственно над костяком и на полу погребения находился древесный уголь более крупных фракций, прослойкой до 5 см. Под прослойкой угля, занимавшей центральную часть погребальной ямы, грунтовый пол немного обожжен, что

вероятно, связано с засыпкой горячих углей. Женское захоронение находилось в слабоскорченном положении на правом боку, головой на ССВ. Позвоночник почти прямой. Ноги согнуты в коленях, бедренные и берцовые кости расположены почти параллельно друг другу и под прямым углом по отношению к позвоночнику. Руки погребенной были согнуты в локтях, кисти приближены к лицевой части черепа. Захоронение сопровождалось жертвенной пищей. Между сосудами и коленями костяка лежали кости ноги МРС.

Многочисленный погребальный инвентарь представлен керамической корчагой первого типа (рис. 9, *8*), кружкой первого типа, бронзовыми спиральными накосниками, пластинчатыми браслетами с волютами на концах, привеской в виде стилизованной головы барана, птицевидными привесками (рис. 28, *10–15*; рис. 29, *1*; рис. 38, *16*), биконическими полыми бронзовыми бусами (рис. 41, *16*), сурьмяными коническими бусами (рис. 41, *46–47*), пластинчатой поясной пряжкой (рис. 22, *5*) и др. Кроме того в захоронении находились бронзовые спиральные налокотники конусовидной формы (рис. 31, *2, 4*), и костяная привеска т.н. «каплевидной» формы (рис. 29, *40*). Последние две категории украшений, относящиеся к ранним артефактам, позволяют, на наш взгляд, удревнить дату захоронения № 77 началом – серединой 9 в. до н.э. (приложение 1, табл. 10). В первую очередь, это касается костяной подвески, аналогичной белозерским экземплярам из Широчанского и Чернянского памятников 11 в. до н.э. (Кубышев, Черняков, 1986, сс. 152 – 155, рис. 7, *27;* 8*, 12*).

Погребение № 36

Погребение 36 также находилось на юго-западной окраине могильника в квадрате А1-12–13 (рис. 3). Погребение женское, непотревоженное. Многочисленный погребальный инвентарь данного погребения, проанализированный нами в главе 2, также характерен для материалов кобанской культуры периода 9 – 8 вв. до н.э. Но наличие в данном комплексе многовитковых

бронзовых налокотников (рис. 31, 1, 3), аналогичных Верхнекобанским, позволяет отнести его дату к середине – концу 9 вв. до н.э. Отличает погребение № 36 и присутствие в комплексе бронзового пояса (рис. 22, 8–9), отсутствующего в других захоронениях могильника.

Погребение № 32

Погребение № 32 находилось в юго-западной части могильника, в квадратах В-13–14 (рис. 3). Захоронение совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы. Положение тела – на левом боку, с небольшим завалом на спину, головой на СВ (рис. 4). Позвоночник почти прямой, череп покоится на левом виске, лицевой частью повернут к востоку, кости ног согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазовым костям. Угол между бедренными костями и позвоночником составляет 120 °. Правая рука согнута в локтевом суставе, кисть расположена на плечевой кости левой руки. Левая рука сильно согнута в локте, кисть расположена перед лицевой частью черепа. Близ черепа находилась бо´льшая часть погребального инвентаря – керамические корчага, кружка и миска, железный наконечник копья с раскрытой втулкой, бронзовый топор (рис. 9, *1*, рис. 12, *4*, рис. 16, *3*, рис. 24, *1*, рис. 25, *5*), а также, кости ноги барана. На левом плече обнаружена бронзовая дуговидная фибула, на правом плече – стержневидная бронзовая булавка с головкой, закрученной в трубочку (рис. 21, *21*, рис. 21, *3*). У левого виска погребенного лежала бронзовая крестовидная привеска (рис. 29, *11*). В области пояса находились фрагменты железного ножа и каменный оселок (рис. 20, *1*). У колен погребенного обнаружена небольшая округлая линза охры бледно-коричневого цвета и два кусочка кремня. У локтевого сгиба левой руки находилась бронзовая ворворка второго типа (рис. 21, *14*).

Бронзовый топор 1 – го типа из погребения 32 по форме близок к двояко-изогнутым классическим для Кобани экземплярам (рис. 24, 1). Отличается лезвие топора. Передняя часть его – скошена. Обух – короткий, не выделен-

ный. Фибула 1-го типа из погребения имеет относительно тонкую полукруглую дужку и узкий иглоприемник (рис. 21, 21). Дужка покрыта сплошном гравированным орнаментом «елочка». Фибулы данного типа наиболее характерны для комплексов центрального варианта кобанской культуры 9–8 вв. до н.э. Топоры двоякоизогнутых очертаний по классификации В.И. Козенковой относятся к первому типу, и датируются в рамках 10–9 вв. до н.э., не позднее 8 в. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 23, с. 156. табл. XVI, *1–2*). В целом, погребальный инвентарь данного погребения, позволяет, по нашему мнению, датировать захоронение № 32 серединой – концом 9 в. до н.э.

По взаимовстречаемости предметов погребального инвентаря (рис. 56 а – б) бронзовый топор, фибула, корчага с вертикальными каннелюрами и миска с ручкой не имеют аналогий в других захоронениях могильника. В то же время, такие категории инвентаря и обряда как охра, кости ноги барана, кремень, железный нож, бронзовая булавка, ворворка, каменный оселок, сближают его с погребениями ранней группы – № 15, 77, 22, 41, 45.

Погребение № 41

Погребение № 41 находилось на юго-восточной окраине могильника, в квадратах Е1–Ж1-7–8 (рис. 3). Захоронение мужское; положение тела – на левом боку, головой на северо-восток. Руки погребенного сильно согнуты в локтях, кисти расположены перед лицевыми костями черепа. Череп раздавлен, повернут лицевой частью на восток. Положение позвоночного столба почти прямое, ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу. У локтя правой руки погребенного имела место линза охры бледно-оранжевого цвета (диам. ок. 10 см и толщ. 1,5–2 см), на которой располагался небольшой кусочек кремня (рис. 18, *10*). Могильная яма подпрямоугольной формы. В ее центральной части и в засыпи отмечено небольшое количество древесного угля. В восточном углу ямы, кроме традиционного набора керамики – корчага и кружка, лежали кости ноги барана. У северо-западной стенки, за спиной по-

гребенного, параллельно позвоночному столбу, обнаружен бронзовый цельнолитой кинжал 1-го типа (рис. 26, *1*). Общая длина кинжала – 303 мм, длина клинка – 198 мм.

Параллельно бронзовому кинжалу, ближе к позвоночному столбу найден небольшой оселок из черного сланца, со следами амортизации (рис. 20, *7*). На клинке кинжала, в средней его части располагались фрагменты небольшого железного предмета, вероятно, ножа (рис. 17, *6*). Вблизи от кинжала отмечены две бронзовые полусферические пуговицы с внутренней петлей (рис. 23, *25*). В восточном углу могильной ямы, рядом с корчагой обнаружен крупгый бронзовый литой черешковый наконечник стрелы (рис. 27, *12*). По классификации В.И.Козенковой наконечник относится к кавказской группе, тип 1 (Козенкова, 1995, с. 8–9).

В области правого плеча находилась бронзовая дуговидная фибула 2-го типа с утолщенной покрытой гравированным орнаментом «елочка» дужкой (рис. 21, *22*). То есть, ко второму варианту первого типа по классификации В.И.Козенковой. Фибула по форме и размерам наиболее близка к фибуле из Гижгида и находке в Баксанском ущелье 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 180, табл. XXIV, *16, 19*). По нашему мнению, фибула из погребения 41, учитывая общий состав погребального инвентаря комплекса, датируется концом 9 в. до н.э. В надежно датированных А.П. Мошинским комплексах могильника скифского времени Гастон Уота, памятника центрального варианта кобанской культуры, фибулы подобного типа отсутствуют (Мошинский, 2006, с. 195, рис. 36), что также подтверждает их раннюю дату.

Как отмечалось выше, цельнолитой бронзовый кинжал из погребения 41, на наш взгляд не имеет прямых аналогий в материалах кобанской культуры, однако по некоторым характерным деталям можно проследить его прототипы и близкие ему параллели. Такими важными деталями являются форма перекрестья, плавно «охватывающего» клинок с небольшим выступом и пе-

реходящего в ручку, где последняя постепенно расширяясь, переходит в навершие с прямой верхней частью, снабженной небольшим выступом по центру (вероятно – литник). Кинжалы, имеющие в плане подобную форму рукояти, известны в материалах Верхнекобанского и Тлийского могильников (Уварова, 1900, табл. IX, *2*; Техов, 1977, с. 106, рис. 89, *12*). Так, в погребении № 176 Тлийского могильника был найден бронзовый кинжал с рукоятью снабженной костяными накладками. Форма рукояти этого кинжала, в плане, аналогична форме эльхотовского. Клинок кинжала из погребения № 41 имеет слабовыраженное подтреугольное сечение, и по этому признаку также находит аналогии в относительно ранних материалах Тлийского могильника (тип 3 по классификации Б.В.Техова) (Техов, 1977, с. 96, с. 90, рис. 83, *19–21*). На наш взгляд, форма рукояти весьма близка очертаниям рукоятей некоторых типов кинжалов, так называемого, «переднеазиатского типа». Эта близость, обусловлена также тем, что как «переднеазиатские» так и эльхотовский кинжал предполагают наличие накладок на уплощенную бронзовую рукоять. Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кумбулта, по мнению Т.Н. Нераденко сделан на Кавказе под влиянием переднеазиатских или закавказских прототипов, и вследствие этого, отличается от последних рядом признаков (Нераденко, 1986, с. 59–61, табл. 1, *4*). Этот кинжал по форме (в плане) весьма близок анализируемому. Их связывает, также, наличие отверстий на рукояти. Не исключено, что кинжал из Эльхотово, представляет собой синкретичную форму, соединяющую в себе ряд признаков формы кинжалов «переднеазиатского типа» (к примеру, кинжалы из Фаскау и Кумбулта) и традиционного перекрестия типичного для кобанских клинков (Уварова, 1900, табл. XCVII, *4*). Видимо, это связано со сложившемся каноном, заключающемся в разнообразных синкретических сочетаниях рукояти переднеазиатского типа и перекрестья кобанских форм. Этот синкретизм форм, восходит, вероятно, к каким-то более ранним прототипам, и проявляется как в ма-

териалах северного склона Главного Кавказского хребта, так и южного, с преобладанием пока среди южных закавказских находок (Куфтин, 1949, с. 44, табл. IX–XXIX). В вопросе о поиске исходной формы для этой синкретической категории предметов, вероятно близким к истине является мнение С.Л.Дударева, полагающего, что прототипами кобанских кинжалов с однокольчатым орнаментом на рукояти следует считать переднеазиатские образцы (Дударев, 1999, с. 104 – 105). В таком случае кинжал из погребения № 41 может быть доказательством одной из линий развития той формы, более ранними звеньями которой являются кинжалы из Кумбулты и Гари (Куфтин, 1949, табл. XXIX, *7*). Среди других артефактов Эльхотовских комплексов, данный кинжал отличается архаичностью, что позволяет относить его к материалам первой группы и датировать серединой – концом 9 в. до н.э.

Под локтем правой согнутой руки погребенного, параллельно друг другу и перпендикулярно локтевой и лучевой костям, находились каменный и бронзовые топоры. Бронзовый топор относится к распространенному типу с прямым корпусом, выделенным обушком и тремя ребрами жесткости на боковых сторонах (рис. 24, *3*). По классификации В.И.Козенковой он относится к четвертому варианту второго типа первого отдела и бытует в кобанских древностях с конца 2 тыс. до н.э. – по начало 7 в. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 69, табл. XVIII, *3–5*).

Каменный полированный топорик из серого плотного песчаника, с круглым отверстием двойного сверления (рис. 24, *8*), как мы уже отмечали выше, по классификации В.И.Козенковой каменных топоров – молотов кобанской культуры, относится ко второму варианту II-го типа и датируется ею второй половиной 8 – рубежом 8 и 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 83, 157, табл. XXII, *12*). В то же время, как отмечает исследовательница, в слоях поселений кобанской культуры засвидетельствованы как заготовки изделий, так и готовые экземпляры данной категории предметов, которые в ряде случаев

оказываются более ранними, чем молоты 8 – начала 7 в. до н.э. из могил. Мы вполне разделяем вывод В.И.Козенковой о том, что «видимо, необходим дифференцированный подход к хронологии тех или иных разновидностей рассматриваемого типа оружия» (Козенкова, 1995, с. 83). Территориально, и, вероятно хронологически, наиболее близки к эльхотовскому экземпляру, находки топоров-молотов в слое 10–8 вв. до н.э. Змейского поселения кобанской культуры, и в Николаевском могильнике (Козенкова, 1995, с. 83).

На наш взгляд, каменный топорик из погребения № 41 может быть датирован временем несколько более ранним, чем 8 в. до н.э., а точнее – в рамках середины 9 в. до н.э., по следующим соображениям. Топор-молот копирует еще бронзовые парадно-боевые кобанские топоры. Кобанские мастера позднее перешли на более простую клиновидную форму, без нарезки нервюр и выреза у «брюшка». Кроме того, в Змейском поселении (10–8 вв. до н.э.) каменный топор-молот был найден в средних слоях памятника.

Предметы близкого вида были найдены и в комплексах Северного Кавказа синхронных «черногоровскому пласту и стыку последнего с новочеркассими древностями» (Дударев, 1999, с. 115).

Бронзовый наконечник стрелы из погребения № 41 был рассмотрен нами выше в разделе «Оружие». Наконечник – литой, типичен для северокавказских древностей черногоровского времени.

Элементом обряда, также сближающим погребение № 41 с погребениями первой группы, является наличие здесь в качестве заупокойной пищи костей ноги барана. Керамический набор погребения стандартен – корчаги и кружки (приложение 2, рис. 16, *1 - 2*).

В целом, по обряду и инвентарю, для погребения № 41 не исключена дата от середины 9 до второй половины 8 в. до н.э. Однако такие предметы, как бронзовый кинжал с архаичными признаками, каменный топор и литой

бронзовый наконечник стрелы, сужают его дату до последней трети – конца 9 в. до н.э.

По взаимовстречаемости предметов оселок из этого захоронения связан с погребениями № 32, 39, 45, 52, 54. Два из них относятся к ранней группе (№ 32 и 39). Охра встречается кроме данного погребения еще в трех захоронениях, из которых два относятся ко второй хронологической группе (№№ 45 и 72), и одно (№ 32) – к ранней группе.

Погребение № 80

Детское, женское, погребение № 80 было обнаружено в юго-восточной части могильника, в квадратах Х-Ф-8 (рис. 3). Во многом оно близко вышеперечисленным. Погребальный инвентарь отсюда датируется в рамках конца 9–8 вв. до н.э. Однако удревняет его керамический черпачок (рис. 15, 9). По деталям формы (округленное дно, высокое расположение ручки над венчиком) он аналогичен типичным «круглодонным чаркам» из Верхней Рутхи (Крупнов, 1960, с. 224, с. 236, с. 463, табл. XLI, *21*). Комплекс № 11 из Верхней Рутхи датируется Е.И.Крупновым «начальными веками I тысячелетия до н.э.» (Крупнов, с. 236, с. 463, табл. XLI, *21*). В.И. Козенкова отнесла данный комплекс к периоду Кобан 1 б (Козенкова, 1996, с. 119, рис. 44), то есть не позднее конца 12 в. до н.э..

Учитывая наличие в погребении керамического кубка с налепами (рис. 16, *2*), значительно «омолаживающего» комплекс, нам представляется возможным отнести захоронение № 80 ко времени последней трети – концу 9 в. до н.э.

Таким образом, вся вышерассмотренная группа проявляет заметную компактность, по обряду, инвентарю, а также, в большей части, и по местоположению на могильном поле.

По взаимовстречаемости с предметами из других погребений могильника (рис. 56 а-б) видно, что в могиле 45 находились 5 литых наконечников

стрел кавказской группы, которые кроме этого погребения не встречаются в других. К таким же, не встречающимся в других захоронениях предметам относится бронзовый кинжал с сужением в средней части клинка и бронзовый топор с зооморфной гравировкой. Все эти предметы относятся к группе ранних артефактов для данного памятника. По комплексу, погребение № 45, скорее всего позднее п. № 15. В то же время, в данном захоронении были предметы и элементы погребального обряда, имеющие аналогии в других захоронениях могильника, тяготеющих к ранней группе. Это наконечники стрел и бронзовый кинжал раннего типа (погребение 41), бронзовый топор архаичного типа (погребение 32). Погребения ранней группы (погребения 32, 41, 45, 77) сближает, также, взаимовстречаемость таких категорий погребального инвентаря и обряда как охра, кости МРС, оселки, кремень, стрелы, топоры, ворворки, железные ножи (рис. 56 а-б). Погребения 32 и 41 близки между собой и по такой категории инвентаря как бронзовые фибулы (рис. 56, а, *5*). В других захоронениях могильника они отсутствуют. Архаичным выглядит и погребение № 80 с черпачком верхнерутхинского типа.

3. 2. Вторая группа. Комплексы 8 в. до н.э.

Классификация и типология вещевого материала из Эльхотово и его датировка по аналогиям из наиболее близких памятников, произведенная выше (см. глава 2), показывает, что самая большая часть погребений Эльхотовского могильника, хронологически относится к 8 в. до н.э. Это 44 погребения, которые составляют вторую хронологическую группу (№№ 23, 25, 29, 30, 31, 34, 37, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 93, 94). Еще три погребения – №№ 33, 47 и 79, вследствие малоинформативности комплексов или их значительной утраты, не представляется возможным, с достоверностью отнести к какой-либо хронологической группе.

Погребения второй группы по обряду и пгребальному инвентарю весьма близки. Предметы этой группы могли бытовать как в первой половине 8 в. до н.э., так и в середине и в конце века. Поэтому, относительная хронология самих захоронений внутри второй группы фактически невозможа. Можно лишь сделать вывод о времени захоронения этих погребений в рамках 8 в. до н.э. Конкретное представление о погребальном инвентаре и обряде этой группы комплексов дают рисунки и таблицы Приложений 1 – 2.

Посуда во второй группе представлена керамическими корчагами 1–7 типов, кружками 1–4 типов, и черпачками 1–2 типов.

Для **женских погребений второй группы** характерны сердоликовые и бронзовые бусы, преимущественно – бусы-скобочки, бронзовые иглы с головкой, закрученной в петлю, керамические пряслица, «шляпковидные» (тип 1) и вогнуто-выпуклые (тип 2), планстинчатые литые бронзовые пряжки с крючком, в двух случаях (погребения 30 и 76), украшенные геометрическим гравированным орнаментом. Широко представлены в женских погребениях бронзовые пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волютки (рис. 30, *1–15, 18–21*). Браслеты, или их фрагменты, были найдены в 8 женских по-

гребениях второй группы. Бронзовая гривна, обнаруженная в погребении 51 – массивная, с концами, закрученными в широкие трубочки (рис. 31, *6*). Многочисленны, также, бронзовые крупные витые цилиндрические накосники (рис. 38, *1–21*). Найдены в 6 женских погребениях. Для женских погребений этой группы типичны полусферические нашивные бронзовые бляшки, стеклянный пастовый бисер, бронзовые височные привески в 1,5 оборота с нерифленой поверхностью (рис. 33, 1 – 4, 6 – 10), двуволютные («очковидные») привески, птицевидные привески и в виде литой головы барана, бронзовые перстни, цилиндрические и биконические спиральные пронизи, сурьмяные бусы, раковины каури и др.

В **мужских погребениях второй группы** обнаружены бронзовые топоры с прямым корпусом и изящно выделенным молоточковидным обушком (рис. 24, *3–4, 6–7*). В их числе – два топора с пятью ребрами на боковых сторонах корпуса (тип 2, вариант 4 по классификации В.И.Козенковой) (Козенкова, 1995, с. 69). Каменные оселки, бронзовые стрелы – «площики», костяные пирамидальные втульчатые наконечники стрел, ромбовидный наконечник «новочеркасского типа» с сигнальным отверстием, железные ножи с горбатой спинкой и железные наконечники копий с раскрытой втулкой, бронзовые стержневидные булавки с головкой, закрученной в трубочку, бронзовые клинки кинжалов вытянуто-подтреугольной формы с отверстиями для закрепления рукояти у основания. Весьма важен в этой группе *железный* кинжал из погребения № 52, такой же формы как бронзовые, но имеющий бронзовые штыри в отверстиях основания для закрепления деревянной рукояти (рис. 26, *5*). На его примере можно наблюдать, как новый эффективный металл входил в обиход эльхотовских «кобанцев» 8 века. Здесь видно, что приемы работы с ним и формы оружия пока соблюдают многовековую традицию. Мастер пробил в железе отверстия для бронзовых штырей крепления, а не отковал рукоять вместе с клинком, как это стало практиковаться позднее, в 7–6 вв. до н.э.

Важное место в данной группе занимает богатое по погребальному инвентарю мужское воинское погребение № 60 (рис. 4; приложение 2, рис. 32). Тело погребенного было уложено на левый бок, ориентировано на северо-восток. Ноги согнуты в коленях, пятки несколько поджаты к тазовым костям, позвоночник почти прямой, руки сильно согнуты в локтях (трубчатые кости рук расположены почти параллельно) и прижаты к грудной области, кисти рук располагаются перед лицевыми костями черепа. В этом захоронении, расположенном в самом центре могильного поля, кроме традиционного набора керамики – кружка с петлевидной ручкой, корчага с расширенным туловом, резко отогнутым венчиком и двумя небольшими круглыми ручками на «плечиках» («корчага-ваза»), бронзового и костяных (пирамидальных) наконечников стрел, бронзового топора с выделенным обушком и др., находились бронзовые двукольчатые удила. Удила классического «новочеркасского» типа, на одной из сторон мундштучной части звеньев имеется рельеф двурядно-прямоугольного вида (рис. 26, *6*). Двукольчатые удила характерны для периода Кобан III (классического) (по периодизации В.И.Козенковой) (Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36). Как отмечалось выше, они имеются в Верхнекобанском и Зандакском могильниках; в могильнике «Мебельная фабрика» 1, в Султангорском 1 и Каменномостском могильнике, Баксанском, Заюковском, Клин-Ярском III-м могильнике и др. (Уварова, 1900, с. 30–31, рис. 35, табл. XXXVII, *1*; Марковин, 2002, с. 77, рис. 56, *1*; Крупнов, 1960, табл. XIII, *10*; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 191–192, рис. 5, *14, 16*).

В классификации удил имеющих трехпетельчатые бронзовые псалии, разработанной С.Б.Вальчаком для территории Восточной Европы, двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом присутствуют во всех трех, выделенных автором группах – от ранней (предновочеркасская стадия; уздечные комплекты с псалиями типа Фарс - 25), до поздней группы (класси-

ческая новочеркасская стадия; уздечные комплекты типа Новочеркасского клада) (Вальчак, 1997, с.100, рис. 1, *5*; рис. 12, *1–3*; 2009).

Поперек одного из звеньев бронзовых удил из погребения № 60, параллельно друг другу, были уложены два роговых псалия с тремя круглыми отверстиями в одной плоскости (рис. 26, *7–8*). Как мы уже отмечали выше, полые трехдырчатые роговые псалии с расположением отверстий в одной плоскости известны из погребения 31 могильника Фарс/Клады. Комплекс погребения 31 отнесен А.М. Лесковым и В.Р.Эрлихом к первой, ранней хронологической группе могильника Фарс/Клады, вместе с комплексами, имеющими уздечку «предновочеркасского облика». В системе абсолютных дат, разработанной для данного памятника, эта группа относится к временному промежутку от первой половины – до третьей четверти 8 в. до н.э. (Лесков, Эрлих, 1999, с. 20–21, рис. 26, *9*; с. 68; с. 71, рис. 62).

Как говорилось выше, из этого же погребения происходит корчага близких по форме пропорций к первому, наиболее распространенному в керамике могильника типу, но имеющая на «плечиках» две небольшие округлые ручки, расположенные по периметру сосуда друг против друга (рис. 11, *1*). Эта форма, известная в материалах кобанской культуры под названием «корчаги – вазы» датируется В.И.Козенковой 9–8 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 102–103). В комплексе захоронения № 60 находились также, лощеная кружка черного цвета с широкой петлевидной ручкой (рис. 13, *11*), бронзовый топор с прямым корпусом (рис. 24, *4*), бронзовая булавка с раскованным и завернутым в трубочку верхним концом, частично обработанный кусочек кремня светло-коричневого цвета, фрагменты однолезвийного железного ножа, сердоликовые бусы и бронзовые бусы-скобочки, два бронзовых наконечника стрел – «площики» и три костяных втульчатых наконечника вытянуто – пирамидальной формы (рис. 27, *7, 10, 15–17*).

Также, во второй группе выделяется богатством инвентаря погребение 45. Погребение было обнаружено в северо-восточной части раскопа, в квадратах Д1–Е1-19–20 (рис. 3). В засыпи могилы отмечено значительное количество древесного угля. Погребение принадлежало взрослому мужчине. Сохранность костяка средняя. Положение тела – скорченное, на левом боку, головой на СВВ. Руки сильно согнуты в локтях, плечевые кости прижаты к области груди, кисти прижаты друг к другу, приближены к лицевой части черепа. Позвоночный столб костяка слегка изогнут. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к области груди, пятки прижаты к тазу. В восточном углу могильной ямы, у маленькой кружки, возле рук погребенного, находились кости ноги барана – жертвенная пища. Часть костей от нее лежали поверх венчика кружки. У колен погребенного прослеживалась линза охры бледно-оранжевого цвета, овальной в плане формы, диаметром 8–10 см и толщиной 2 см. На полу, большей частью в северном углу и у северо-западной стенки, как и в засыпи погребения, найдены древесные угли.

Погребальный инвентарь захоронения состоял из керамических корчаги и кружки, 8 бронзовых стрел - «площиков» (рис. 27, *1–5*; приложение 3, рис. 18), каменного оселка (рис. 19, *6*), бронзового топора с прямым корпусом и зооморфной гравировкой (рис. 24, 5), фрагментов железного ножа с горбатой спинкой (рис. 17, *2*), бронзовой ворворки, кусочка кремня, бронзового кинжала и др. В целом, весь погребальный инвентарь характерен для классического периода кобанской культуры (период Кобан III по периодизации В.И. Козенковой, 10 – начало 7 вв. до н.э.). Две категории инвентаря из погребального комплекса – бронзовые литые стрелы и бронзовый кинжал позволяют отнести это захоронение к началу классического периода. Пять наконечников стрел из погребения 45 (тип 1 по классификации В.И.Козенковой), наиболее характерны для времени X – IX вв. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 97). Предметом, удревняющим погребение № 45, является

также, бронзовый кинжал 3-го типа с сужением в средней части клинка (рис. 26, *3*). Кинжал со следами длительного использования, обоюдоострый, режущие кромки и кончик тонко прокованы и остро заточены. Срединное ребро слабовыраженное. Черенок у кинжала как таковой отсутствует, основание клинка – подтреугольной формы, на верхе клинка имеются два отверстия на расстоянии 12-ти мм и 13-ти мм друг от друга. В отверстиях сохранились бронзовые штыри-заклепки. Рукоять (вероятно деревянная) не сохранилась, но по некоторому различию цвета окислов на поверхности основания клинка, можно заключить, что она оканчивалась прямым перекрестьем. Размеры клинка кинжала: длина – 182 мм, ширина у основания – 54 мм, ширина в средней суженной части –33 мм, ширина в последней трети клинка (расширенной) – 39 мм, толщина клинка в средней части – 3 мм.

Кинжал морфологически близок клинкам второго варианта первого типа, по классификации В.И. Козенковой, а также, клинкам, найденным в Тлийском и Стырфазском могильниках, датирующихся от рубежа 2–1 тыс. до н.э. – до 8 в. до н.э. Наиболее распространенны подобные клинки в период от рубежа II-I тыс. до н.э. – до 9 в. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 50, табл. VIII, *4*; Техов, 1977, с. 98, рис. 84; 2006, с. 263, рис. 12).

В погребении также найден бронзовый топор 2-го типа с прямым корпусом, выделенным молоточковидным обушком и гравированным орнаментом, сочетающим зооморфные и геометрические изображения (рис. 24, *5*). Как отмечалось выше, топоры близкие по форме нашему отнесены В.И.Козенковой ко второму типу и датируются ею 8–7 вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 23, с. 156, табл. XVI, *5–6*; 1995, с. 68–69, с. 153, табл. XVIII, *4–5*).

В то же время, наличие в данном комплексе фрагментированного железного ножа (форма не восстанавливается) и железного небольшого заостренного стержня (часть кончика наконечника стрелы?) (приложение 2, с. 79,

рис. 18, *14*), несколько омолаживает датировку погребения, и позволяет отнести его ко времени от рубежа 9 – 8 вв. – до середины 8 в. до н.э.

Выразительно во второй группе и женское погребение № 69 (приложение 2, рис. 37). Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В северном углу могильной ямы у фрагментированной корчаги, находились кости ног барана. Инвентарь захоронения составляли керамическая корчага и кружка, бронзовые перстни свернутые из узкой пластинки в 1,2 и 2 оборота, витые биконические пронизи, птицевидные привески, пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волютки, массивные конические бляхи с внутренней дуговидной петлей, ромбическая пуговица с внутренней прямой петлей – перекладинкой, биконическая буса и буса в форме навершия булавы, привеска в виде миниатюрной скульптурной фигурки тура или горного козла. Также, в погребении найдены сурьмяные полусферические бляшки или пуговицы с внутренней петлей, колесовидные бусы, дисковидная бляшка или буса с выступом в центре и внутренней петлей, стеклянные и сердоликовые колесовидные, круглые и цилиндрические бусы и бисер.

Важным хроноиндикатором для второй группы является также, бронзовый втульчатый наконечник стрелы с ромбической головкой «новочеркасского» типа из погребения № 49, снабженный сигнальным отверстием на втулке (рис. 27, *13*). Погребение обнаружено в центральной части могильника, в квадратах В, Г – 27, 28 (рис. 3). Погребение, мужское, сохранность костей очень плохая. Могила ограблена в древности, скелет полностью разрушен, за исключением фаланг кистей. На полу могильной ямы отмечено скопление древесного угля, между которым находились обгоревшие фрагменты трубчатых костей скелета. Исходя из размещения фаланг кисти, оставшихся

не потревоженными и, а также немного сдвинутых фаланг ступней, костей таза, ребер и ключицы, представляется вероятным первоначальное размещение костяка погребения на левом боку, с ориентацией головой на СВ. На полу сохранилась часть погребального инвентаря – фрагментированная корчага с раздутым туловом, часть железного наконечника копья, бронзовый перстень, сурьмяная пуговица, бусина-скобочка, роговая втулка от неизвестного предмета, фрагмент бронзовой нашивной бляшки (рис. 23, *46*; рис. 25, *1*; рис. 43, *1*). Здесь и находился бронзовый ранний втульчатый наконечник стрелы с ромбовидным пером т.н. «новочеркасского» типа (рис. 27, *13*).

В процентном отношении 44 погребения второй группы составляют, 75,8 % от всех погребений могильника.

3. 3. Третья (поздняя) группа. Комплексы начала 7 в. до н.э.

В третью, позднюю группу Эльхотовского могильника, вошли три погребения (приложение 1, табл. 10). Из них – одно женское, погребение № 38, одно мужское, погребение № 39, и одно детское, захоронение девочки-подростка из погребения № 82. В количественном отношении захоронения третьей хронологической группы составляют 5 % от числа всех погребений.

Погребение № 38

Погребение № 38 было обнаружено в квадрате Е-13, на юго-западной окраине могильника (рис. 3). Захоронение женское. Положение тела – скорченное на правом боку, головой на СВВ, позвоночник несколько наклонен вперед, руки согнуты в локтях, расположены почти параллельно друг другу, кисти рук сложены вместе перед лицевыми и лобной костями. Кости ног скелета согнуты в области колена и подтянуты к грудной клетке, расположены друг над другом, ступни подтянуты к тазу. Костяк занимал центральную и южную часть могильной ямы, керамические сосуды с заупокойной пищей (корчага и две небольшие кружки) расположены в северо-восточном углу и центре могилы.

В основном, погребальный инвентарь типичен для кобанских материалов предскифского времени (приложение 1, табл. 1 – 7, 10). Это бронзовые предметы – бусины-скобочки, биконическая спиральная пронизь, пластинчатая пряжка с крючком на внутренней стороне, круглые височные привески в 1,5 оборота, крестовидная пуговица с загнутыми к центру концами, бронзовый перстень 2 –го типа. Керамические – корчага с раздутым туловом и отогнутым венчиком (рис. 8, *2*), кружка с округлой ручкой и кружка с петлевидной ручкой и вертикальными линиями, прочерченными по тулову (рис. 12, *2 и 14*), а также раковины каури, цилиндрические глухого стекла бусы и др. Среди них в комплексе присутствуют предметы, позволяющие отнести погребение к более позднему времени, чем комплексы второй группы. Таковы более поздняя пластинчатая бронзовая поясная пряжка (рис. 22, *3*) и кружка с округлой ручкой (рис. 12, *14*).

Кружка светло – коричневого цвета, лощеная, с круглой ручкой, верхняя часть которой переходит в венчик сосуда, тулово округлое расширенное, горло короткое, переходящее в почти вертикально стоящий венчик, имеющий небольшую отогнутость наружу. Высота кружки – 83 мм, диам. тулова – 93 мм. Типологически и хронологически, как указывалось выше, кружки подобного облика более характерны для комплексов скифского времени. Например, для комплексов Султангорского 1 и Карабашевского могильников (Козенкова, 1989, с. 191, табл. XLIV, Б, *4*; В, *23*). Аналогичные особенности – округлая форма ручки, не поднимающаяся над венчиком и чуть отогнутый венчик, почти прямо отходящий от места перехода тулова сосуда в горло, имеет также сосуд из тлийского комплекса скифского времени № 121 (Техов, 1980, рис. 121, *1*). Лощеные кружки близких форм известны, также, в савроматских материалах нижнего Поволжья, в комплексах, позднее 8 в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 352, рис. 60, *14*).

Пряжка от пояса из данного погребения представляет собой бронзовую пластинку подпрямоугольной формы, длинные внешние стороны которой несколько вогнуты. Спереди пластина имеет загнутый заостренный крючок. Вдоль противоположной стороны имеются 5 отверстий, на расстоянии 15–10 мм друг от друга, которые расположены не в канавке, как это типично для более ранних форм развитого классического времени, а непосредственно «пробиты» в пластине. Длина пряжки – 75 мм, ширина (в центре) – 23 мм, (на концах) – 26–28 мм, толщина – 3 мм (рис. 22, *3*). Орнаментированные и неорнаментированные пряжки с сужением в средней части многочисленны в комплексах кобанской культуры скифского периода (Крупнов, 1960, с. 467, табл. XLV, *1*; с. 469, табл. XLVII, *9*; Козенкова, 1989, с. 408, табл. 102, Б, *42, 44*; 1998, с. 175, табл. XIX, *10 – 11;* Техов, 2002, с. 440, табл. 149, *5*. Морфологически, близкая аналогия имеется в материалах могильника Гастон Уота 7–6 вв. до н.э. (Мошинский, 2006, с. 189, рис. 30, *6*; с. 204, рис. 45). Кроме того, подобная форма пряжек (с сужением в средней части) широко представлена в материалах Тлийского могильника 7–6 вв. до н.э. (Техов, 1985, табл. 111, *3*; 112, *2*; 113, *2*; 114, *8*; 195, *3*; 2002, с. 352, табл. 71, *3*; с. 409, табл. 119, *1*). В фондах Абинского народного музея известна близкяя аналогия, но украшенная богатым геометрическим орнаментом (Пьянков, Пономарев, 1997, с. 8 – 10, рис. 1, *2*). Предмет, согласно устной информации, случайно найден у ст. Николаевская РСО – А в 1990 г. (Пьянков, Пономарев, 1997, с. 7).

По взаимовстречаемости вещей погребение 38 связано с комплексами изделий хронологической группы № 2 по целому ряду категорий предметов: – биконические спиральные бронзовые пронизи и кружка первого типа, бусины-скобочки, крестовидная пуговица, раковины каури и стеклянные бусы. Но кружка, с охарактеризованными выше признаками, имелась только в материалах третьей группы. Не встречается в более ранних погребениях могильника и бронзовая пряжка имеющая вогнутость обеих длинных сторон.

Этот поздний признак, а также, отсутствие орнаментации, не характерное для пряжек расцвета классического периода центрального варианта кобанской культуры, свидетельствуют, что комплекс погребения № 38 хронологически может быть отнесен к началу 7 в. до н.э. (приложение 1, таблица 10).

Погребение № 39

Погребение № 39 было обнаружено в квадратах Д – Е –10, также, на юго – западной окраине могильного поля, в 2 м к югу от п. 38 (рис. 3). Погребение мужское, потревоженное в древности. Положение тела – скорченное на левом боку, головой на северо-восток, лицом на на юго-восток. Кости рук согнуты в локтях, кисти располагались перед лицом. Нижняя часть тела погребенного (поясничный отдел позвоночника, тазовые кости и кости ног) отсутствует. В головах погребеного находились типичная для Эльхотово лощеная корчага с раздутым туловом, широким горлом и резкоотогнутым венчиком (тип 1) и две керамические кружки. Одна кружка, сильно разрушенная, но все-же можно сказать, что она относится к первому типу. Вторую кружку удалось реставрировать (рис. 12, *15*). Она относится к третьему подтипу первого типа нашей типологии. Тулово кружки имеет биконические очертания, но без резкого перехода в средней части. Ручка массивная, петлевидной формы. Кружки аналогичного типа происходят из материалов Нестеровского могильника и из кургана 10 Ассиновского могильника скифского времени (Крупнов, 1960, с. 476, табл. LVI, *4*; Бурков, Маслов, 2007, с. 319, рис. 7*, 1*).

В юго-восточном углу могильной ямы, параллельно трубчатым костям, согнутой в локте левой руки погребенного, находился небольшой бронзовый топор (длина – 157 мм) (рис. 24, *2*). Лезвие топора закруглено, обух молоточковидный, но не выделенный как у топоров предыдущих хронологических групп, проушина – овальная, боковые грани украшены тремя ребрами подтреугольного сечения. На лезвии сохранились слабые следы амортизации.

Топор типичен классическим кобанским топорам с прямым корпусом. Однако такие детали как небольшой размер и небрежно оформленный обушок, свидетельствуют по нашему мнению, о его изготовлении в более позднее время. На его примере можно видеть постепенный отход от классической формы, ранних экземпляров, что свидетельствует о более поздней дате топора из погребения 39.

У северо-восточной стены могильной ямы, рядом с керамической кружкой найден оселок (длина – 89 мм) из черного сланца. Он представляет собой брусок вытянуто-прямоугольной формы со сглаженными углами и отверстием в верхней, несколько суженной части (рис. 20, *2*). Под черепом погребенного обнаружен небольшой подпрямоугольной формы отщеп кремня (рис. 18, *9*).

По взаимовстречаемости вещевого материала комплексов прослеживаются связи (оселок, керамика и кремневый отщеп) с погребениями первой и второй групп (рис. 56 а-б). В то же время отсутствуют предметы и элементы обряда, которые бы указывали на раннее время, по сравнению первой группой. А именно: – стрелы раннего типа, бронзовые кинжалы, бронзовые булавки, фибулы, охра. Кроме того, вторая кружка из погребения № 39 не встречается ни в одном из других погребений могильника, и имеет переходные признаки, характерные для развитого скифского времни (кружки из Нестеровского и Ассиновского могильников). Топор с указанными выше особенностями формы, также не встречен в других комплексах. Таким образом, представляется, что данный комплекс характерен, в целом, для новочеркасского времени, но кружка и топор, указывают на более узкую дату, а именно на начало 7 в. до н.э.

Погребение № 82.

Третье захоронение могильника, отнесенное нами к поздней группе, было обнаружено на юго-восточной окраине раскопа в квадратах Ф-Х-7 (рис.

3). Оно принадлежит женщине и нарушено в древности. По положению непотревоженных костей можно понять, что первоначально тело погребенной находилось на левом боку головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу, ноги согнуты в коленях, но не подтянуты к груди; пятки прижаты к тазу. В целом, поза слабоскорченная. Захоронение сопровождалось жертвенной пищей. В юго-восточном углу могильной ямы, у сосудов, находились трубчатые кости ноги барана.

Керамический набор состоял из корчаги первого типа и двух кружек первого типа (рис. 8, *3*; рис. 14, *4, 7*). В погребальный инвентарь входили также, бронзовые пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волюты, бронзовая гривна, бронзовая игла, бронзовые бусины-скобочки, раковины каури, пластинчатая пряжка с удиненным крючком, и другие украшения характерные для кобанских комплексов 8 – 7 вв. до н.э. В то же время, два предмета из этого комплекса, позволяют на наш взгляд, уточнить абсолютную их дату и определить относительное положение погребения № 82 в хронологии памятника. Это бронзовая пластинчатая пряжка и бронзовая гривна, имеющие более поздние морфологические признаки (рис. 22, *6*; рис. 31, *7*).

Так, гривна по своему облику относится, в целом, к первому варианту первого типа по классификации В.И.Козенковой, который датируется в широком временном диапазоне от рубежа 2–1 тыс. до н.э. – по 7 в. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 49–50). Например, к данному типу относятся гривны «диаметром 0,7–1,4 см. Ширина раскованных трубчатых концов 1–3 см» (Козенкова, 1998, с. 50). Гривна из погребения 82 имеет диаметр 4,5 мм (в средней расширенной части), ширину концов – трубочек – 8 мм. Такая же по параметрам гривна, была найдена в материалах Инжиччукунского могильника (макс. диам. в средней части – 0,5 см), который, по мнению Е.П.Алексеевой «обычен для позднекобанского времени» (Алексеева, 1977, с. 55, с. 302, табл. 76, *15*). То есть, гривна из погребения 82 по аналогии может быть отнесена к

началу 7 в. до н.э. Тем самым, уточняется и дата погребения, как принадлежащего третьей, самой поздней группе.

В 2005 г. во время наших раскопок в районе с. Заманкул, расположенном в 15 км к востоку от Эльхотовского могильника, в грунтовой яме было исследовано женское погребение сарматской культуры, относящееся к последним векам до н.э. (Чшиев, 2006 а, с. 51). В захоронении на шее костяка находилась гривна аналогичная по форме и размерам эльхотовской из погребения № 82, но уже изготовленная из железа (рис. 49, *1*). Как показывает эта находка, в предгорной зоне, где были всегда активные контакты племен скифо-сарматского культурного круга и «кобанцев», некоторые категории кобанских украшений доживали до сарматского времени.

Вторым предметом, омолаживающим дату погребения 82, является бронзовая поясная пряжка. Ее отличие от пряжек погребений второй хронологической группы состоит в том, что она не отлита в форме, а вырезана из бронзовой пластины (толщина – 1,9 мм). Пряжка более узкая в центральной части, и имеет заметно выступающий крючок. Эти морфологические признаки характерны для поздних кобанских пряжек. По форме, пряжка из погребения 82 сближается с пряжкой из захоронения № 38 могильника, также относящегося к поздней группе.

Морфологически пряжка из погребения 82 близка и к пряжке из погребения 59 (рис. 22, *7*). Однако последняя – литая. В погребении № 59 присутствовали такие предметы как, орнаментированная кружка первого типа, сурьмяные бусы и массивный бронзовый накосник с концами, закрученными в волюты, которые хронологически несколько отделяют его от погребения 82.

Относительная хронология третьей (поздней) группы, по нашему мнению, представляет собой следующую последовательность. Наиболее ранним здесь является погребение 39, позднее совершено захоронение в могиле №

38, где была найдена литая бронзовая пряжка позднего типа. Наиболее поздним является погребение № 82, где находились пряжка, вырезанная из бронзовой пластины и тонкая гривна позднего типа.

ГЛАВА 4. ПРЕДГОРНО-РАВНИННАЯ ЗОНА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ КАК ТЕРРИТОРИЯ КОНТАКТОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 9–6 ВВ. ДО Н.Э.

В эпоху поздней бронзы – раннего железа, как и позднее – в эпоху средневековья, торговые и военно-стратегические пути из Северного Причерноморья и юга Восточной Европы проходили в непосредственной близости от предгорных районов Чечни, Ингушетии, Кабардино – Балкарии и Северной Осетии. Некоторые из этих коммуникаций пролегали непосредственно по их территории. В частности, в Северной Осетии – Алании, в нижнем течении р. Терек, в ее ущельях и вдоль его притоков, проходили древние транскавказские тракты, ведущие в страны Закавказья, Ближнего Востока и Передней Азии. Один из основных путей к горным перевалам Главного Кавказского хребта проходил и проходит сегодня, через короткое ущелье, пробитое Тереком в невысоком Кабардино – Сунженском предгорном хребте. В этом ущелье, называемом «Эльхотовские ворота», и расположен Эльхотовский могильник кобанской культуры. В северном Притеречье, в нижнем течение Терека и в районе его дельты, находились зимние пастбища для мелкого рогатого скота местного населения. Племена кобанской культуры, таким образом, проживали вблизи от от степных племен, представленных скифскими и савроматскими памятниками. Еще раньше, в начале I тыс. до н.э., местные племена предгорной зоны вступали в контакты с киммерийцами.

По мнению Е.И. Крупнова и других исследователей – кавказоведов, во время своих переднеазиатских походов в конце 8 и в 7 вв. до н.э. племена киммерийско-скифского культурного круга продвигались по побережью Каспийского и Черного морей, а также по перевалам Главного Кавказского

хребта. Согласно карте Е.И. Крупнова, один из основных путей передвижения «степняков» проходил через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал, вдоль течения Терека (Крупнов, 1960, рис. 4). То есть, вблизости от рассмотренных выше памятников кобанской культуры, расположенных в предгорной части РСО – А.

Предгорная зона Северной Осетии – Алании, являясь наиболее перспективной в хозяйственно-производственном, климатическом, плане, наряду с аридными высокогорными котловинами, была густо заселена в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Именно благодаря своему территориальному расположению, предгорные памятники Республики Северная Осетия – Алания (в т.ч. и Эльхотовский могильник), выполняли роль контактной зоны между предгорными памятниками кобанской культуры степными племенами киммерийско-скифского круга. А возможно, и Лесостепи и Приднепровья.

По мнению С.В. Махортых такие регионы Северного Кавказа как Центральное Предкавказье и Закубанье «испытывали особенно сильное влияние киммерийской культуры». По мнению автора, немногочисленность собственно киммерийских захоронений Северного Кавказа «увеличивает ценность информации предоставляемой нам материалами грунтовых могильников Северного Кавказа, по которым прослеживаются интенсивные киммерийско – кавказские связи» (Махортых, 1994, с. 51). В то же время С.В.Махортых выделяет из этих районов Закубанье, и в особенности, протомеотскую группу памятников 9–7 вв. до н.э., локализующуюся в Закубанье. Именно с этими территориями, он связывает решение вопроса о месте пребывания киммерийцев (Махортых, 1994, с. 51). По мнению автора «из всех кобанских памятников могильники Кабардино – Пятигорья испытывали наиболее сильное влияние киммерийской культуры» (Махортых, 1994, с. 60).

В более позднее время, в 5–4 в.в. до н.э., направление и интенсивность связей древних «кобанцев», вероятно, несколько меняется. По мнению

А.П.Мошинского, на какое-то время усиливаются связи с южными соседями кобанской культуры, в частности – с Закавказьем. Это прослеживается по материалам горных памятников Северной Осетии. Как полагает А.П.Мошинский, подобный процесс связан с усилением «нажима» в 5–4 вв. до н.э. на кобанские племена с севера (Мошинский, 2008 а, с. 477).

В заключении 2 –й главы нами суммированы выявленные в 1 й и 2 –й главах параллели погребальному инвентарю Эльхотовского и других памятников предгорно – равнинной части Северной Осетии в материалах восточного и западного вариантов кобанской культуры, а также – в памятниках Закавказья. Ниже рассмотрены связи в материальной культуре и обряде исследуемого региона с населением степей юга России и Северного Причерноморья.

Как мы отмечали выше, ряд исследователей рассматривали в своих работах разного рода связи между Северным Кавказам и Северным Причерноморьем, и в целом, Югом России в предскифский – раннескифский периоды (Е.И.Крупнов, В.И.Козенкова, В.Б.Виноградов, С.Л.Дударев, А.Б.Белинский, В.Р.Эрлих, С.В.Махортых, С.Б.Вальчак, А.П.Мошинский, А.Ю.Скаков, В.Е.Маслов, А.И.Иванчик, Ю.А.Прокопенко и другие). В следующих ниже двух подразделах 4 главы нами рассматривается ряд новых случаев связей, прослеживающихся между указанными регионами по материалам Эльхотовского и других памятников кобанской культуры предгорно-равнинной зоны Северной Осетии.

4.1. Элементы обряда и артефакты Эльхотовского и других памятников кобанской культуры предгорно – равнинной части Северной Осетии, связанные с влиянием племен Северного Причерноморья и юга Восточной Европы

Какие же категории инвентаря и погребального обряда Эльхотовского могильника и других кобанских памятников предгорной-равнинной зоны Северной Осетии могут свидетельствовать о связях местных племен с культурами Северного Причерноморья и Восточной Европы в рассматриваемый период (9–6 вв. до н.э.).

1. Охра

Как отмечось выше, в погребальном обряде Эльхотовского могильника в 4 захоронениях были отмечены следы охры (погребения № 32, 41, 45, 72), что составляет 6,7 % от общего числа погребений памятника. Наличие в погребальном обряде охры известно на Кавказе с эпохи ранней бронзы. В эпоху поздней бронзы этот элемент ритуала известен и в кобанской культуре. В частности, охра найдена в погребениях Зандакского могильника, могильника «Мебельная фабрика» 1, Клин-Ярском III могильнике (Козенкова, 1989 а, с. 80, с. 129; Флеров, Дубовская, 1993, с. 267). В то же время, по подсчетам В.В. Отрощенко, погребения с красящими веществами у племен черногоровской культуры составляют 22 %. (Отрощенко, 1989, с. 112).

По мнению С.Л.Дударева наличие охры в кобанских памятниках, и, в целом, присутствие этого признака в обряде кобанской культуры, является отражением влияния кочевнического (черногоровского) ритуала (Дударев, 1999, с. 73, с. 282, рис. 54, *4*). Вероятно, этот ритуал был воспринят и местным кобанским населением в период интенсивных контактов с племенами Северного Причерноморья.

2. Бронзовый наконечник стрелы «новочеркасского типа»

Особо показательной категорией погребального инвентаря указывающей на определенные взаимоотношения кобанского населения с племенами Северного Причерноморья, являются бронзовые втульчатые наконечники стрел с ромбовидной формой пера. Подобный наконечник «новочеркасского» типа, обнаружен в погребении № 49 Эльхотовского могильника (рис. 27, *13*). Бронзовые втульчатые наконечники с ромбовидной формой пера (тип I по А.И. Тереножкину, тип II первой подгруппы по С.Л.Дудареву), являются типичными для вооружения населения юга Восточной Европы и Северного Кавказа в предскифский период (Дударев, 1999, с. 87, 245, рис. 18, *4–10*).

По классификации В.И.Козенковой такие наконечники относятся к третьему типу (модификации) 2-й подгруппы третьей группы (наконечники стрел некавказских форм) (Козенкова, 1995, с. 9 – 11). По поводу происхождения наконечников новочеркасского типа нет единого мнения. С.Б.Вальчак и В.Э. Эрлих связывают их генезис с северокавказским регионом (Вальчак, Эрлих, 1993, с. 19; Эрлих, 1994, с. 75). О.Р.Дубовская объясняет связью с западным вариантом кобанской культуры (Дубовская, 1997, с.181–206). С.Л.Дударев отстаивает их степное происхождение (Дударев, 1995, с. 17; 1999, с. 89).

Лук и стрелы в предскифский период занимали в военном деле кобанских племен достаточно скромное место, хотя и представлены в материальной культуре с самого раннего этапа ее появления. Эти объясняется немногочисленный количественно «колчанный набор» кобанцев этого времени. В то же время, бронзовые втульчатые стрелы с ромбовидной головкой широко представлены в памятниках предскифского периода Северного Причерноморья. Именно в Предкавказье, в кладе у г. Новочеркасск, была найдена форма для отливки данного типа наконечников стрел (Иессен, 1953, с. 49 – 110; Граков, 1977, с. 143, рис. 101, а, *1–4*; с. 144, рис. 102, *1*; с. 166, рис. 114, *8*;

Махортых, 2005, с. 78, рис. 22, *69, 83*; с. 112, рис. 39, *12–34*; с. 190, рис. 93, *7–29*; с. 197, рис. 100, *2*; с. 242, рис. 145, *13*; Иванчик, 2001, с. 127, рис. 58, *9*; с. 211, рис. 102, *3–4*).

Немногочисленность данной категории вооружения в материалах Эльхотовского могильника, а также, в других памятниках рассматриваемого региона, свидетельствует, на наш взгляд, о возможности отнесения бронзовых наконечников «новочеркасского» типа к числу предметов, появившихся в местной культуре под воздействием степных.

3. Костяные наконечники стрел пирамидальной формы

К элементам материальной культуры, появившимся у населения кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии под влиянием степных племен, могут быть отнесены и втульчатые костяные наконечники стрел пирамидальной формы с прямым основанием из Эльхотовского и Змейского могильников (рис. 27, *14–17*; приложение 1, рис. 77, *2*). Как отмечалось выше, четыре наконечника данного типа (2-й тип по классификации А.И.Мелюковой и 1-й вариант седьмого типа по В.И.Козенковой) (Козенкова, 1995, с. 7), происходят из двух погребений могильника – 49 и 60. Еще один аналогичный наконечник находился в погребении 12 Змейского могильника (Бакушев, Чечина, 2014, с. 121). В ареале кобанской культуры они известны и в погребении у Красных Камней, Султангорском 1 могильнике, в погребении, найденном в черте г. Кисловодск, Барановой и Крестовой горках г. Кисловодск, Терезинском, Минералводском могильниках, Сержень – Юртовском поселении, Зандакском могильнике, Клин-Ярском III могильнике, Станичном и др. (Козенкова, 1982 а, с. 14; 1995, с. 7; Дударев, 1999, с. 91; Белинский, Дударев, 2001 а, с. 73, рис. 8, *2–3*).

В Северном Причерноморье, и на юге Восточной Европы в предскифский – раннескифский период они представлены массово. Это могильник Малая Цимбалка, Калантаевское и Субботовское городища, Сахарнянское и

Уч-Башское поселения, курган у с. Зольное, Васильевки, Мелитополя, Малокатериновки, Кисличеватого, курган у Соколово, и др. (Граков, 1977, с. 143, рис. 101 б, *5*; с. 144, рис. 102, *2*; Дударев, 1999, с. 91; Махортых, 2005. с. 78, рис. 22, *3,5,7,9,15*; с. 112, рис. 39, *42–44*; с. 158, рис. 61, *4–5*; с. 159, рис. 62, *2*; с. 190, рис. 93, *33*; с. 191, рис. 94, *20, 23, 26*; с. 212, рис. 115, *14*). С.Л.Дударев полагает, что подобные наконечники использовались для охоты на мелких животных и, преимущественно, птиц, и связывает их происхождение с «кочевым предскифским миром» (Дударев, 1999, с. 91).

На наш взгляд, преобладание находок костяных прирамидальных наконечников стрел вне Кавказа, свидетельствует о зарождении данной формы в степных и северопричерноморских культурах.

4. Каменная застежка с рифлением

Застежка найдена в женском погребении № 36 (приложение 1, рис. 23, *49*). Как отмечает В.И.Козенкова, в материалах кобанской культуры они редки. Кроме Эльхотовского могильника, известен всего один случай на западе ареала кобанской культуры, в погребении № 7 могильника «Мебельная фабрика» 1 (Козенкова, 1995, с. 112, табл. IV, *21*). В то же время, в памятниках Степи и Лесостепи, в Северном Причерноморье они представлены весьма широко. Это застежки из могильника Высокая Могила, Васильевка, могильников Квитки, оз. Эльтон, кургана Аржан, выполненные в бронзе экземпляры из Носачевского кургана и др. (Козенкова, 1995, с. 112; Махортых, 2005, с. 85, рис. 29, *5, 22–23*, с. 159, рис. 62, *3*, с. 168, рис. 71, *5*, с. 170, рис. 73, *42*; Иванчик, 2001, с. 211, рис. 102, *30–33*, с. 215, рис. 105, *13–19*).

5. Оселок стержневидной формы

В мужском воинском погребении № 45 могильника, вместе с гравированным бронзовым топором и клинком кинжала архаичной формы, находился каменный (черный сланец) точильный брусок стержневидной формы (рис. 20, *6*). Среди семи оселков найденных в погребениях могильника только этот

экземпляр имеет подобную форму (тип 3 по классификации В.И. Козенковой).

Точильные бруски, с отверстиями и без, известны в материалах кобанской культуры с конца 2 тыс. до н.э. (Сержень – Юрт, Зандак, Терезе). Известны они в памятниках Северного Кавказа и в эпоху ранней бронзы (комплекс кургана № 13 Усть-Джегутинского могильника) (Мунчаев, Нечитайло, 1966, с. 134, 142, рис. 8, *3–4*).

Стержневидные, округлые или круглые в сечении оселки, датируются В.И. Козенковой скифским временем, и по ее мнению, могут быть связаны своим происхождением со степными номадами скифского культурного круга (Козенкова, 1982, с. 11). В материалах кобанской культуры они известны в Аллероевском 1 могильнике, Нестеровском, Урус-Мартановском и Луговом могильниках, Клин-Ярском III, Каменномостском, Султангорском могильниках, погребении у ст. Бекешевской (Козенкова, 1982, с. 11; 1998, с. 25).

По мнению С.Л.Дударева, преобладание находок каменных оселков в предскифское время в центральных и западных районах Северного Кавказа, по сравнению с северо-восточной частью региона, может быть связано с «киммерийским» влиянием (Дударев, 1999, с. 120).

Точильные бруски стержневидной формы известны в Северном Причерноморье и в «предскифский» период. Это оселок из погребения 3 кургана 3 могильника Изобильное, курган 5, погребение 2 Суворовского могильника (вместе с биметаллическим кинжалом кабардино-пятигорского или «киммерийского» типа) (Махортых, 2005, с. 191, рис. 94, *34*; 2012, с. 281, рис. 1, *3*). Это позволяет удревнить, в некоторых случаях, находки подобных оселков и в памятниках Северного Кавказа. В частности, в Эльхотовском могильнике по остальному инвентарю погребение № 45 может быть уверенно отнесено к предскифскому времени.

Таким образом, если брусковидные оселки являются генетически дериватами местных кавказских традиций, то стержневидная форма, вероятно, появляется в Причерноморье, откуда уже попадает к кавказским племенам.

6. Керамический кубок

В комплексе погребения № 80 могильника был найден керамический кубок, украшенный четырьмя налепами и «семечковидным» орнаментом (рис. 16, *2*). Кубок, является единственным экземпляром этой категории посуды найденной в материалах могильника. Подобные сосуды в небольшом количестве имеются в материалах Верхнекобанского могильника северной группы центрального варианта культуры (Козенкова, 1996, с. 46, рис. 17, *2, 6*). Датируется данный тип керамических кубков В.И.Козенковой в рамках 9 – начала 7 вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 100). На территории восточного варианта кобанской культуры они не известны. Значительно большее количество их (тип е – по классификации В.И. Козенковой) – 33 целые формы, известно в материалах западного варианта культуры (Козенкова, 1998, с.100).

В то же время, в памятниках Степи и Лесостепи Северного Причерноморья в конце 2 – начале 1 тыс.до н.э., и в большей степени, в предскифский период, кубки данного типа представлены весьма широко (рис. 52, *1–2, 11*; рис. 54, *3, 6–7, 9*) (Граков, 1977, с. 180, рис. 128, *4–5*; с. 191, рис. 137, *5*; Мелюкова, 1979, с. 50, рис. 13, *9, 11*; с. 54, рис. 16, *14*; с. 66, рис. 22, *2*; Махортых, 2005, с. 114, рис. 41, *3*; с. 115, рис. 42, *1, 6*). Так, кубки из погребения 13, кургана у с. Головковка и сосуды чернолесской культуры, кроме аналогичной эльхотовскому формы, украшены такими же четырьмя налепами «по плечикам» (рис. 52, *1*; рис. 54, *3*). «Семечковидный» (ногтевой) орнамент сосуда типичен для посуды памятников западного варианта кобанской культуры, в то время как форма сосуда, вероятно, является дериватом прототипов культур Северного Причерноморья или Поднепровья. На наш взгляд, эта форма – глубокие изящные кубки, украшенные налепным орнаментом по

плечикам (с чуть приостренными концами налепов), могла быть занесена в местную кавказскую культуру в результате контактов последней с племенами Северного Причерноморья и Приднепровья. В таком случае, становится понятным отсутствие этих форм в памятниках восточного варианта, наиболее отдаленного географически; незначительное количество их в ареале центрального варианта, и преобладающее – на территории западного варианта, наиболее близкого территориально к Северному Причерноморью.

То, что прямые экономические связи между племенами кобанской культуры и Лесостепным регионом Северного Причерноморья и Подунавьем вполне возможны, показывают предметы из клада, найденного в 1984 г. близ ст. Упорной Краснодарского края. В перечне находок этого клада присутствуют бронзовые кельты, наконечник копья с прорезями в лопасти пера, топор-секира «крендорфского» типа и бляха умбон с выступом в центре. Наконечник копья и кельты являются импортами белозерского этапа срубной культуры, а секира и бляха-умбон типичны для культуры поздней бронзы бассейна Дуная Средней Европы (Аптекарев, Козенкова, 1986, с. 121–136; Козенкова, 1996, с. 121, рис. 45, *1–3, 5*).

7. Каменный молоток

В 1989 г. у пос. Садовый Моздокского р-на РСО – А, было найдено и исследовано грунтовое погребение предскифского-раннескифского времени с погребальным инвентарем западнокобанского и степного типа (Козенкова, Сосранов, Черджиев, 1997, с. 14–18; Сосранов, Черджиев, 2008, с. 447).

Среди сопровождающего данное захоронение инвентаря, находился каменный цилиндрический молоток (1 тип каменных боевых молотков по классификации В.И. Козенковой) (Козенкова, Сосранов, Черджиев, 1997, с. 16). Наиболее близкие аналогии данному предмету в материалах кобанской культуры, это находки из Белореченского, Кисловодского могильников и из могильника «Мебельная фабрика» 1 (Козенкова, 1995, с. 83, табл. XXII, *1–3*).

В целом, в материалах Кобани, как в предскифский-раннескифский период, так и ранее, широко представлены каменные топоры. Как справедливо отмечает В.И. Козенкова оба типа (каменные молоты и каменные топоры) «свидетельствуют скорее о социальном ранжировании в воинской среде, где они выступают символом власти» (Козенкова, 1995, с. 83). На наш взгляд, если каменные топорики 9–8 вв. до н.э. из кобанских комплексов имеют, безусловно, местное происхождение (заготовка для каменного топора найдена в слое Змейского поселения 10–8 вв. до н.э.), то каменные молоты, появившиеся в кобанских комплексах в предскифское время, могут быть связаны с северопричерноморским импульсом.

На обширной территории восточного и центрального вариантов кобанской кио за все время исследования культуры каменные молоты найдены в трех памятниках. Это молот в погребении у пос. Садовый и заготовки подобных предметов из Сержень – Юртовского и Змейского поселений (Деопик, Крупнов, 1961, с. 32 – 33; Козенкова, 2001, с. 78). При этом, как верно отметила В.И.Козенкова, внимательно рассмотревшая обряд и погребальный инвентарь комплекса из Садового, последний характерен для западного варианта культуры. Таким образом, в общирном ареале центрального и восточного вариантов культуры, каменные молоты, на сегодняшний день, найдены лишь в двух памятниках – Сержень – Юртовское и Змейское поселения.

Наличие на западе кобанской культуры большего количества находок рассматриваемых предметов, возможно, свидетельствует, о заимствовании «моды» на молоты из районов Северного Причерноморья, так как именно западнокобанские племена граничили и наиболее тесно соприкасались с культурами Северного Причерноморья. Вероятно, отсюда, из районов распространения памятников кобяковской и чернолесской культуры, каменные молоты распространяются в предскифский период на территорию протомеот-

ских памятников (Казазово, Кубанский) а также и к западным «кобанцам» (Махортых, 1994, с. 61; Смирнова, Кашуба, 1988).

Как известно, сделать цилиндрический молот гораздо легче, чем сделать каменный топор, тем более топор сложной формы с нервюрами, подобный экземплярам из Эльхотова и Псекупского могильника (Дударев, 1999, с. 260, рис. 33, *5*). Тем не менее, кобанские мастера изготавливали преимущественно, те формы, которые, видимо, были типичны для метрополии кобанской культуры, т.е. – каменные топоры. Если мы допустим, что изначально для кобанской культуры характерны обе формы, то мы должны наблюдать в материалах Кобани цилиндрические молоты в раннюю эпоху, чего пока нет. Западнокобанские племена, видимо под влиянием северопричерноморских образцов (только в чернолесских памятниках зафиксировано 10 каменных молотов) (Махортых, 1994, с. 61), в предскифский период, в определенной степени стали отходить от кавказской «традиции», и начали использовать как каменные топоры, так и молоты

Однако, необходимо отметить, что вопрос об истоках традиции каменных молотов на Кавказе в предскифский период, пока еще окончательно не решен, так как существуют находки заготовок молотов в Сержень – Юртовском поселении. Практически готовый цилиндрический молот, были найдены здесь в раннем, первом слое (помещение X) (Козенкова, 2001, с. 78; с. 147, рис. 41, *4*; с. 194, рис. 92, *11*), что свидетельствует и о местной камнерезной традиции.

8. Керамический сосуд типа сковороды

Керамический плоский сосуд вытянуто-овальной формы, близкий по форме сковороде, темно-серого цвета с небольшой петлевидной ручкой (рис. 48, *4*) был найден на Комсомольском поселении в предгорной зоне РСО – А. Посуда данного типа относятся к немногочисленной пока категории предметов кобанской культуры. Кроме находки из с. Комсомольского известны три

находки целых сосудов «из слоя и ям в помещении XI близ керамической мастерской № 1» Сержень – Юртовского поселения восточного варианта. В Сержень – Юрте «сковородки» были найдены на полу помещения, которое по радиокарбонному анализу датируется второй половиной – концом 10 в. до н.э. (Козенкова, 2001, 29, 85, табл. 5; рис. 71, *2–5*).

Находки данной категории предметов в материалах Сержень – Юртовского поселения В.И.Козенкова связывает с контактами между серженьюртовскими «кобанцами» и племенами белозерской культуры Северного Причерноморья и Крыма, в частности с населением Кировского и других поселений (Козенкова, 2013, с. 28, рис. 12, *9 - 11*). Единичность случаев находок подобных сосудов не только для ареала кобанской культуры (Сержень – Юрт, Комсомольское), но и для Кавказа в целом, подтверждает тезис о привнесенном характере этой своеобразной формы посуды, и свидетельствует о весьма удаленных контактах древних племен (Северное Причерноморье, Крым, Северо-Восточный Кавказ).

9. Костяная застежка

В грунтовом погребении № 3, Комаровского могильника кобанской культуры предгорной зоны, содержавшем захоронение человека и лошади, была найдена костяная стержневидная застежка (приложение 2, рис. 90, *4)*, характерная для памятников степного типа (Абрамова, 1970, с. 19, рис. 73, рис. 76, *3*). Застежка, найденная у левой лопатки лошади, представляет собой заостренный с обеих сторон стержень с перехватом в центре. Подобные предметы характерны для степных культур новочеркасской стадии. В частности, они весьма распространены в раннескифских памятниках Северного Причерноморья (Журовка, Пруссы, Белоглинка, Старшая Могила, Три брата, Дарьевка, Залесье) (Мелюкова, 1989, с. 336, рис. 31, *10, 12–14*; Иванчик, 2001, с. 26, рис. 5, *1–5*, *10, 12, 16–17*, *18, 20, 22*). Имеются костяные стержневидные застежки и в кавказских памятниках, но – другой формы. Костяные

застежки с перехватом кобанской культуры отличаются срезанными под прямым углом, или закругленными концами (Козенкова, 1995, с. 139, табл. IV, *15–17*; Березин, Дударев, 1998, с.195, рис. 8, *10*).

10. Костяное украшение сбруи

В этом же захоронении Комаровского могильника, на скелете лошади, находилось костяное зооморфное украшение или ворворка (рис. 90, *2*) уздечки скифского типа (Абрамова, 1970, с. 19, рис. 73; 76, *1*).

Грифонообразные украшения подобного типа широко распространены в материалах савроматской и скифской культур (Смирнов, 1964, с. 369, рис. 77, *3*; Членова, 1993, с. 68, рис. 17, *1–2, 6*; Зуев, 1993, с. 49, рис. 6, *8, 10, 19–20, 26*, Галанина, 2006, с. 55, рис. 76; Рябкова, 2012, с. 364, табл. 1, *8*; с. 377, рис. 4, *1, 8*).

Сложно определить было ли данное украшение сделано кобанскими мастерами или является степным импортом, но, несомненно, что оно изготовлено в соответствии с образцами скифо-савроматского звериного стиля.

11. Бронзовые наконечники стрел скифского типа

В трех погребениях Комаровского могильника (№ 3, 8 и 9) находились бронзовые втульчатые трех и двухлопастные наконечники стрел, с шипом и без шипа (приложение 2, рис. 90; 8 – 9), скифского типа (Абрамова, 1970, с. 19, 23, 24, рис. 75, рис. 113, рис. 119).

Наконечники данных типов отнесены А.И.Мелюковой ко второй хронологической группе скифских бронзовых наконечников (7–6 вв. до н.э.) (Мелюкова, 1964, табл. 6, А*, 3–5,* З, *5, 7–8*, И, *3, 5, 8*; Смирнов, 1984, с. 25, рис. 6; Членова, 1993, с. 52, рис. 1; Галанина, 1995, с. 42, рис. 2, *3, 15,17*, *18, 20*; Туаллагов, 2006, с. 152).

В погребении № 3 Комаровского могильника находился бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с шипом. Погребение потревожено в древности, поэтому гипотетически можно предполагать наличие изначально бо´льшего количество стрел в данном комплексе (Абрамова, 1970, с. 19). В

потревоженном погребении № 8 данного могильника, были найдены еще пять бронзовых наконечников стрел скифского типа. И, наконец, в погребении 9, находились 9 бронзовых таких наконечников стрел (Абрамова, 1970, с. 23–24).

12. Костяной псалий Змейского поселения

Еще одной находкой свидетельствующей о кобанско-причерноморских контактах, является наличие в квадрате «Ж» (объект 10), Змейского поселения, костяного псалия (Деопик, Крупнов, 1961, с. 32, рис. 9, 10) с отверстиями расположенными в разных плоскостях (рис. 50, *6*). В.С. Бочкарев, В.В. Отрощенко и В.И. Козенкова датируют псалий 11–10 вв. до н.э., и относят данную находку к древностям характерным для белозерской культуры Северного Причерноморья (Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986; Козенкова, 1996, с. 37).

14. Костяной втульчатый наконечник стрелы с выемкой у основания

Среди материалов Змейского поселения, по свидетельству Е.И.Крупнова и Д.В.Деопик «Уникальным для Кавказа является наконечник граненой втульчато-выемчатой стрелы... прямыми аналогиями ему являются такие же наконечники из Субботовского городища Среднего Приднепровья» (Деопик, Крупнов, 1961, с. 28 – 29; с. 32, рис. 9, *8*; Козенкова, 1996, с. 38 0 39, рис. 15, 11). Подобные наконечники стрел по классификации В.И.Козенковой относятся к VI типу (по А.И.Мелюковой тип 1). Ряд аналогий известен в памятниках восточного и западного вариантов (Козенкова, 1995, с. 7), «но широко они представлены в памятниках Евразии в киммерийский период» (Козенкова, 1995, с. 7; Мелюкова, 1964, табл. 1, *6,* [Предскифские наконечники стрел юга Восточной Европы]).

14. Каплевидная костяная привеска

Костяная овальная привеска 14 типа из женского погребения № 77 (рис. 29, *40*). Она не имеет аналогий в материалах кобанской культуры, за исключением, морфологически, экземпляра в Майртупском могильнике на вос-

токе ареала (Виноградов, Дударев, 2003, с. 19, рис. 25). В то же время, аналогичные эльхотовской костяные «каплевидные» привески являются характерным элементом памятников белозерской культуры Северного Причерноморья. Это Широчанское поселение и могильник Чернянка 11 – 10 вв. до н.э. (Кубышев, Черняков, 1986, с. 152 – 155, рис. 7, *27;* 8*, 12*).

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о реальных контактах инокультурного характера в предгорной зоне Северной Осетии на протяжении около 400 лет, от рубежа 10–9 вв. до н.э. – вплоть до скифского периода – 7–6 вв. до н.э.

4.2. КАВКАЗСКИЕ (КОБАНСКИЕ) ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПРЕДСКИФСКОЕ – РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ

1. Керамическая миска

В погребении № 4 Николаевского могильника кобанской культуры в 2011 году нами найдена керамическая глубокая лощеная миска с округлым плечом и плавно отогнутым коротким венчиком (рис. 48, *1*). Такие миски, по классификации В.И. Козенковой тип «и» (для древностей западного варианта) и тип XV (для восточного), широко представлены в материалах кобанской культуры (Козенкова, 1982, с. 79; 1998, с. 98). Но наиболее массово распространены в памятниках западного варианта. По подсчетам В.И. Козенковой, там такие миски составляют более 40 % от общего числа (Козенкова, 1998, с. 98). Датируются они в памятниках кобанской культуры с 10 в. до н.э. (Уллубаганалы-2, Ессентукское, Этокское поселения), по 6–4 вв. до н.э. (Исти-су, Нестеровский, Аллероевский могильники) (Козенкова, 1982, с. 79; 1998, с. 98).

В кобанской культуре форма таких сосудов широко представлена и в бронзе (Верхнекобанский, Тлийский, Терезинский, Султангорский 1 могиль-

ники (Козенкова, 1996, с. 21, рис. 5, *16*; 1998, с. 198, табл. XLII, *1*; 2004, с. 184, табл. 15, *9–10*, с. 185, табл. 16; Техов, 2002, с. 393, табл. 103, *1;* с. 404, табл. 114, *1*; с. 408, табл. 118, *1*; с. 430, табл. 140, *1*).

Аналогичная бронзовая миска найдена в лесостепной зоне Северного Причерноморья в Зелевкинском кладе 9–8 вв. до н.э., на территории распространения чернолесской культуры (рис. 52, *6*) (Граков, 1977, с. 174, рис. 122, *1*). Примечательно, что в кладе находились, также типичные кобанские биконические привески, скрученные из подтреугольной в сечении проволоки (рис. 52, *7*) (Граков, 1977, рис. 122, *3*). Не вызывает сомнения, что данная кобанская миска и привески являются импортами с территории Северного Кавказа.

2. Бронзовые ситулы и кружки с зооморфными ручками

Одной из типичных категорий кобанской посуды являются бронзовые кованные ситулы и кружки с одной или двумя зооморфными ручками. Они представлены в материалах как горных, так и предгорных памятников культуры. Заметна бесспорная северная и северо-западная направленность вектора их распространения. Это подтверждается большим числом таких сосудов в Прикубанье, р-не Краснодара, Ставрополя, Украины, вплоть до среднего течения Днепра, в памятниках как предскифского («киммерийского»), так и раннескифского, времени (Крупнов, 1952, с. 31; 1960, с. 131, карта на рис. 10). В указанное время бронзовые сосуды на Кавказе становятся достаточно массовым типом посуды кобанской культуры. Только в погребениях Нартанского могильника их 20, в Тли – общее количество бронзовой посуды разных типов достигает до 200 экземпляров. Значительную часть бронзовой посуды составляли кружки, главным образом из горной зоны. Только в Тлийском могильнике их более 40. Кружки этого типа были нами найдены и при раскопках Адайдонского некрополя в горной части Северной Осетии (Сокровища Алании, 2011, с. 85, рис. 82, а, б).

Престижность и красота изящных бронзовых кружек способствовали их распространению к соседям населения кобанской культуры (Чшиев, 2008 а, с. 97–99). Находки таких сосудов известны в скифских памятниках Северного Причерноморья (Жаботинское поселение, могильник Квитки) и Прикубанья (Келермес), как в «киммерийское» время (Квитки), так и в скифское (Келермес) (Иванчик, 2001, с. 217, рис. 106, *47*; Галанина, 2006, с. 62, 64, рис. 87–88).

Дорогие, престижные бронзовые ситулы и кружки с зооморфной ручкой, по всей видимости, входили в ряд предметов торговли, обмена, носителей кобанской культуры со степными племенами. Посредником и участником этих торговых контактов выступало кобанское население контактной зоны – предгорий Северного Кавказа, и, в частности предгорной части Северной Осетии.

3. Двукольчатые бронзовые удила «новочеркасского» типа.

Из мужского воинского погребения № 60 Эльхотовского могильника происходят бронзовые двукольчатые удила в сочетании с роговыми псалиями (рис. 26, *6–8*) (Чшиев, 2012 а, рис на стр. 83, *9-10*).

Удила относятся к типу 1 по типологии А.А.Иессена (Иессен, 1953, с. 52, рис. 2, *1*) и к первому типу по В.И. Козенковой (Козенкова, 1995, с. 100, табл. XXV, *2, 4*).

Двукольчатые удила этого типа характерны для периода Кобан III по периодизации В.И. Козенковой – начало второй половины 10 – начало 7 в. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36), главным образом, для 8 в. до н.э. Они имеются среди материалов Верхнекобанского, Зандакского могильников, из Каменномостского, Султангорского 1-го, Баксанского, Эшкаконского, Клин-Ярского III-го могильников, 1 могильника «Мебельная фабрика» и др. (Уварова, 1900, с. 30–31, рис. 35, табл. XXXVII, *1*; Марковин, 2002, с. 77, рис. 56, *1*; Крупнов, 1960, табл. XIII, *10*; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 191–

192, рис. 5, *14, 16*). Строгий тип узды появляется в материалах кобанской культуры, как уже говорилось выше, в 11–10 вв. В 9 – первой половине 8 в. до н.э. они представлены в большом числе. К 8 в. до н.э. относятся такие разнообразные бронзовые и роговые образцы кобанской узды как удила и псалии из Верхнекобанского, Кумбултинского, Галиатского (Фаскау), Эльхотовского, Адайдонского и других могильников, Змейского, Сержень – Юртовского и Бамутского поселений. Только в ареале центрального варианта кобанской культуры, на территории 18 памятников (поселений, могильников, кладов), обнаружено более 60 предметов от всевозможных типов конской сбруи. Примечательно, что «большая часть узды происходит с северного склона, причем более половины с территории Северной Осетии» (Козенкова, 1996, с. 59). Из них значительное число бронзовых жестких уздечных комплектов, «новочеркасского» периода, со временем постепенно модифицируясь, получила позднее широкое распространение в культуре скифских племен. Разнообразные варианты уздечных наборов «новочеркасского» типа составляют комплекс, который «складывался в сфере кобанской культурно-исторической области» (Дударев, 1999, с. 170). Однако, большое их число имело место в протомеотских памятниках (Эрлих, 2007, с. 115 – 117; Вальчак, 2009, с. 185, карта 5). Узда новочеркасского типа была заимствована и модифицирована степными племенами скифского культурного круга, и в результате мобильности степняков, передана другим племенам, часто значительно отдаленным от Кавказа: в Северное Причерноморье и Подунавье (Украина, Венгрия, Австрия) (Эрлих, 1997, с. 32; Вальчак, 1997, с. 45–47; Дубовская, 1989, с. 11, 39; Махортых, 1994, с. 68).

4. Уздечный комплект с S-видными псалиями

Оригинальным типом узды, появившемся на Кавказе несколько раньше чем в регионах расположенных от него к северу и северо-западу, являются S-видные бронзовые псалии. При раскопках Адайдонского некрополя кобан-

ской культуры в Зарамагской межгорной котловине Северной Осетии – Алании, в гробнице № 37 нами было исследовано интересное воинское захоронение, сопровождавшееся всадническим уздечным набором строгого типа (Чшиев, 2011, с. 170, 175; Сокровища Алании, 2011. с. 86–87, фото 83). Уздечный комплект состоит из однокольчатых бронзовых удил, с напускными S-видными бронзовыми псалиями, концы которых оканчиваются зооморфными украшениями (рис. 47 а). Удила подвижные, двухчастные. Соединение звеньев осуществлено путем загнутых в петли стержневидных концов. Псалии S-видного типа, литые, напускные. Одни концы псалиев подтреугольной формы, противоположные – украшены скульптурными головами хищника с раскрытой пастью. Присущая зооморфным изображениям на концах псалиев динамичная, кобанская стилистика, свидетельствует о местном изготовлении уздечного комплекта, но с ориентацией на переднеазиатские прототипы. Для более точной атрибуции уздечного комплекта, весьма примечательна, на наш взгляд находка бронзового псалия с зооморфными концами из с. Галиат Северной Осетии – Алании (Крупнов, 1960, с. 436, табл. XIV, *4*). В Галиате, наряду с типичными для скифского времени бронзовыми псалиями, концы которых завершаются головками баранов, или «грифобаранов», был найден бронзовый псалий, конец которого исполнен в виде изображения собаковидного животного в традиционном кобанском стиле (Крупнов, 1960, табл. XIV, *4–6*).

Однокольчатые удила, близкие экземпляру Адайдонского могильника, характерны для стран Передней Азии и Южного Закавказья уже в ранние периоды позднебронзовой эпохи, с 13 в. до н.э. Широко представлены в этих регионах и напускные бронзовые S-видные псалии в 10 в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 147, 186–187, 190; Медведская, 2005, с. 18, 24).

Несмотря на простоту изготовления, такой тип удил, видимо не получил распространения в кобанской культуре. Самые близкие им удила извест-

ны в Луристане. Они украшались чрезвычайно схожими с адайдонскими напускными псалиями, но с головками львов на концах и датированы Л. Ванден-Берге 9 –8 вв. до н.э. (Ванден-Берге, 1992, с. 84, рис. 222). Такие же удила со стержневидными трехдырчатыми псалиями имели место в могильнике Марлик (Иванчик, 2001, с. 147, рис. 68, *б*). Несколько удил данного типа с разными вариантами псалиев происходят из Мелаани в Восточной Грузии, могильника Трели (Тбилиси), некрополей Димац (Кировокан), Калакент (Кировабад), кургана 1 у с. Арчадзор и датируются 9 – 8 вв. до н.э. В целом, А.И. Иванчик датирует подобные удила временем не позднее 8 в. до н.э. (Иванчик, 2001, с.147, 186–187, 190, 193, рис. 89, *9*, *12, 17,18,19–24*; с. 92). Аналогичные удила с бронзовыми напускными псалиями из Хасанлу IV B (Иран) И.Н. Медведская относит к урартской традиции и связывает с упряжью колесниц, датируя серединой 8 в. до н.э. (Медведская, 2005, с. 118, 124, рис. 2).

В комплексе с уздечным комплектом из гробницы 37 Адайдонского некрополя находились два двоякоизогнутых бронзовых топора с тремя ребрами на корпусе (тип 2 по классификации кобанских топоров). Поверхность одного из них была покрыта гравировками в виде змей, рыб и собак. По хронологии кобанских древностей А.Ю. Скакова, основанной на стилистике графической орнаментики на бронзовых топорах культуры, можно сказать, что адайдонский топор относится ко 2 хронологическому периоду (Скаков, 1999, с. 123, рис. 1). В то - же время, это сочетание – собака, змея, рыба, с близкой нашему топору иконографией, но дополненные геометрическим орнаментом, встречается и в 3 хронологическом периоде по схеме А.Ю.Скакова (Скаков, 1999, с. 133, рис. 3). Но учитывая архаический тип удил, топор из комплекса 37 может датироваться временем не позднее конца 9 – первой половины 8 в. до н.э.

Особо подчеркнем, что в узде из Адайдонского могильника мы имеем дело с одной из наиболее ранних находок S-видных псалиев с зооморфными

окончаниями на территории Центрального и Северного Кавказа, а также юга России.

Адайдонский могильник расположен в горной зоне Северной Осетии, но рассматриваемый уникальный уздечный комплекс отсюда, найденный как отмечено выше, в районе верховий р. Терек, главной водной артерии региона, чрезвычайно важен для выяснения межкультурных контактов древних «кобанцев». Среднее течение Терека и его притоков захватывает предгорную часть Северной Осетии. Как отмечалось выше, ущелья этих водных артерий являлись путями связей между памятниками кобанской культуры горной и предгорной зон в Северной Осетии – Алании и местом контактов кобанских племен Осетии с более северными и северо-западными племенами, обитавшими за пределами ареала. Разнообразные материалы из кобанской среды, попадали к северным или северо-западным соседям через предгорную территорию. В результате, благодаря географическому фактору, местное население оказывалось прямым посредником всевозможных связей. Одним из примеров подтверждающих это, например, является более поздний чем адайдонский, но также **S-видный бронзовый псалий с зооморфными концами** из фондов Национального Музея РСО – А (коллекция Г.А. Вертепова), найденный в р-не **предгорий** Северной Осетии (Крупнов, 1957, с. 142, рис. 42, *3*). Таким образом, позднее, S-видные псалии, снабженные зооморфными окончаниями, появляются в предгорьях Северной Осетии. В дальнейшем, спустя 50 – 100 лет, на наш взгляд, этот интересный тип узды встречается в Прикубанье, Причерноморье и в скифских памятниках Северного Предкавказья (Полидович, 2004, с. 152–156; Эрлих, 2002, с. 11–12).

Рассмотренная выше новая находка уздечного комплекса из Адайдона, подтверждает мнение А.А.Иессена о первоначальной роли Передней Азии в формировании некоторых типов металлической узды предскифского времени (Иессен, 1953, с. 103 – 104), и указывает на наличие вектора связей: Передняя

Азия → Северный Кавказ. Особенно, для времени начала «киммерийских военных компаний в последней четверти 8 в. до н.э.» (Вальчак, 1996, с. 115; 2009, с. 97). Примечательно, что такой же путь продвижения, но уже для технологии производства железа (Передняя Азия → Кавказ → Северное Причерноморье [металлургическая мастерская Уч-Баш в Крыму] со ссылкой на В.Р. Эрлиха, отмечает М.Т. Кашуба (Кашуба, 2013, с. 128).

В конечном счете, «кобанский путь» поступления рассмотренных категорий артефактов из Передней Азии в степные районы был, очевидно, не единственным, но представляется, что он являлся одним из основных (Чшиев, 2014 б, с. 72-73).

Таким образом, наряду с уздой «новочеркасского» типа, вышеописанный тип уздечных комплектов является одним из маркеров связей племен Северного Причерноморья, степного мира юга России и кобанской археологической культуры, которые не могли осуществляться без посредничества населения предгорий Северного Кавказа, и, в частности, древнего населения предгорной зоны Северной Осетии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предгорная часть Северной Осетии в начале – первой трети I тыс. до н.э. представлена памятниками северной подгруппы центрального варианта кобанской культуры эпохи их расцвета. Как отмечает В.И.Козенкова, в это время наблюдается активная жизнь на Сержень – Юртовском, Змейском, Бамутском предгорных поселениях (Козенкова, 2006, с. 143). Аналогичная картина наблюдается в слоях Среднеурухского, Николаевского, Комсомольского и других поселений предгорной зоны Северной Осетии, анализ материалов которых приведен в главе 1. Обстановка здесь меняется в начале 7 в. до н.э. Об этом свидетельствует видимое по археологическим материалам затухание жизни на предгорных памятниках рассматриваемого региона.

Вероятно, именно в начале 7 в. до н.э., резко меняется политическая ситуация в регионе. В более южных районах предгорий Северной Осетии, а также высоко в горах, жизнь на кобанских поселениях продолжается без перерыва и в 7–5 вв. до н.э., (Чернореченское, Верхнесанибанское (Гизельдонское), Зарамагское, Сауар и др.). В предгорно-равнинной зоне, после временного затухания, в том числе, на границе степной зоны, уже в конце 7 и в 6 вв. до н.э., вновь появляются памятники кобанской культуры. Об этом свидетельствуют материалы поселения Блин-гора 1, Заманкульского, Комаровского и Моздокского могильников, Моздокского поселения. Например, поселение Блин-гора 1 – 6–5 вв. до н.э., и Заманкульский могильник 7–6 вв. до н.э., появляются в непосредственной близости, от уже закончивших к этому времени свое функционирование Эльхотовского могильника, и опустевших кобанских поселений Эльхотком и у ст. Змейской (рис. 1).

Материалы рассмотренных в нашем исследовании памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии показывают динамично развивавшиеся связи населения предгорий в предскифскую эпоху, как с со-

предельными районами культуры, в том числе высокогорий, так и со степными районами, в том числе, достаточно отдаленными регионами Северного Причерноморья. На примере биконической корчаги, пряслиц с выступающей закраиной, миски с округлой ручкой Эльхотовского могильника прослеживается связь с восточным вариантом кобанской культуры. Кубок с «семечковидным» орнаментом из Эльхотово, бронзовые привески в 1,5 оборота с рифлением на внешней поверхности, булавовидная буса, привески-топорики, биконические витые пронизи и др. показывают связи с западным вариантом культуры.

В то же время, подавляющяя часть керамических сосудов Эльхотово, Змейской, Комсомольского, Среднего Уруха, Николаевского могильника и зольника одноименного поселения, аналогична керамике высокогорных памятников культуры Северной Осетии – Алании этого времени – Горносанибанского поселения (рис. 48, *5–6*; рис. 55, *1–9*), Верхнерутхинского (Кумбултского), Верхнекобанского могильников, Фаскау и др. (Крупнов, 1960, с. 227, рис. 32; с. 461, табл. XXXIX, *12–13*; с. 465, табл. XLIII).

Аналогичная ситуация прослеживается и с бронзовым инвентарем памятников (Крупнов, 1960, с. 466, табл. XLIV, *4, 6, 8*; с. 471, табл. XLIX, *11*; с. 229, рис. 33, *9, 21*; Козенкова, 1996, с. 98, рис. 36, *10, 12, 14, 23, 26*).

Одновременно наблюдаются и некоторые зональные отличия. В частности, в высокогорных районах западной части РСО – А, в Верхней Рутхе (Кумбулта), Фаскау (Галиат), а также, в материалах южной подгруппы центрального варианта, в том числе среди многочисленного вещевого инвентаря обширного Тлийского могильника, исследованного Б.В.Теховым, нет ни одного случая находок двукольчатых удил «новочеркасского типа», представленных на севере в В. Кобане, Эльхотово, Пседахе. Также, на территории южной подгруппы отсутствуют бронзовые многовитковые налокотники и некоторые другие категории артефактов. Это свидетельствует о некоторых

региональных отличиях, существовавших в рамках одной культуры. Представляется вероятным, что эти особенности связаны с бо´льшей вовлеченностью местного населения северной группы в межкультурные, межплеменные взаимоотношения с далекими соседями, происходившие, вероятно в местах контактов. Именно в предгорно-равнинной части происходили взаимные культурные заимствования между племенами Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Подунавья, Поволжья и т.д. Как справедливо замечено С.Л.Дударевым, «взаимодействие между местным населением и номадами было не одинаково интенсивным для различных районов и географических зон Северного Кавказа. Наиболее частыми в предскифскую эпоху были сношения между теми и другими в предгорно – равнинной зоне, особенно в западных и центральных областях» (Дударев, 1995, с. 44).

В главе 4 на примере вещевых импортов, мы рассмотрели случаи конкретных связей между кобанскими памятниками предгорной части Северной Осетии и племенами Северного Причерноморья и юга России. Примечательно, что эти культурные связи прослеживаются не только с северной или восточной частью Северного Причерноморья, но и с достаточно удаленными от Кавказа районами, Лесостепью, Приднепровьем. Такие категории посуды как кружки с выступающей ручкой, корчаги с расширенным туловом и отогнутым венчиком, тюльпановидные сосуды и др., происходящие из кобанских памятников предгорной части Северной Осетии, и шире, из кобанских памятников северного склона Главного Кавказского хребта в 9–7 вв. до н.э., обнаруживают большое сходство с керамикой Северного Причерноморья и Приднепровья (рис. 52, *1–5, 8–12*; рис. 54, *1–9*) (Граков, 1977, с. 137, рис. 96, б, *5*; с. 159, рис. 110, *8, 10*; с. 174, рис. 122, *1*; с. 178, рис. 127, *10*; с. 181, рис. 129, *10*; Мелюкова, 1979, с. 50, рис. 13, *9, 11*; с. 54, рис. 16, *14*; с. 58, рис. 18, *7*, *10*; с. 63, рис. 20, *1–2*; 1989, с. 313, табл. 8, *2, 11*; Махортых, 2005, с. 93, рис. 37, *11*; с. 195, рис. 98, *7*; с. 196, рис. 99, *2*; с. 210, рис. 113, *2*; Иванчик,

2001, с. 177, рис. 84, *12*; Крис, 1981, с. 107, табл. 27, *5, 12, 14*; с. 111, табл. 31, *10*; 1989, с. 315, табл. 10, *4, 18, 24*).

При этом, если кубки с налепами, миски, овальный сосуд – «сковорода», а также бронзовые кобанские ситулы (Мелюкова, 1989, с. 313, рис. 8, *13*; Иванчик, 2001, с. 217, рис. 106, *47*) и кружки с зооморфными ручками и др., вполне определенно являются взаимными импортами и маркируют тесные экономические и культурные связи двух регионов, то множественные параллели, имеющиеся в керамике, остаются пока не ясными. Например, в этой связи, представляют интерес существование параллелей в форме бокалов и орнаментации ручек кружек Среднеурухского поселения (рис. 44, *7*; рис. 45, *1–6*) в сравнении с материалами известного Бельского городища в Приднепровье 9–3 вв. до н.э. (Шрамко, 1983, с. 72, с. 80, рис. 6, *7–8*, 11; с. 83, рис. 8, *10*; с. 88, рис. 11, *4*). А также, аналогии змейским и среднеурухским керамическим бокалам (рис. 48, *2*) в памятниках белозерской и кизил-кобинской культур и «киммерийских» памятниках Северного Причерноморья, уже отмечавшиеся кавказоведами (Крупнов, 1960, с. 445, табл. XXIII, *1–2, 5*; 1961, с. 24, рис. 7, *4*; Махортых, 2005, с. 143, рис. 46, *10*; с. 179, рис. 82, *4*; с. 212, рис. 115, *2–3*; Крис, 1981, с. 110, табл. 30, *3, 14*; с. 125, табл. 45, *1*).

В вопросах характера контактов и причинах появления в кавказской среде указанных импортов, представляется справедливым мнение О.Р. Дубовской о разноплановости этих взаимоотношений в разные временные периоды вплоть до середины – 8 – начала 7 в. до н.э. (Козенкова, 2007, с. 143). Как отмечает О.Р. Дубовская: «сомнительно, что все народы – носители культур, где засвидетельствованы синхронные кобанским вещи, воевали с Кавказом одновременно» (Дубовская, 1997, с. 212).

После этого периода, как мы отмечали выше, ситуация меняется. С чем связано прекращение функционирования Змейского, Комсомольского, Среднеурухского поселения, Эльхотовского могильника и других памятников ко-

банской культуры в предгорной части Северной Осетии – Алании установить с уверенностью пока не представляется возможным. Возможно, это связано с экспансией скифских или савроматских племен.

В 7 – 6 вв. до н.э. происходят изменения и в погребальном обряде кобанского населения предгорно-ранинной части Северной Осетии, появляются каменные ящики, составленные из массивных плит и впущенные в грунт (Заманкул) и подкурганные захоронения (Моздок).

В рассматриваемый период происходят изменения и в материальной культуре. Многие артефакты Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников, Моздокского поселения, представлены уже в формах близких элементам обширного скифо-сарматского культурного круга. Носители кобанской культуры начинают изготавливать и пользоваться наконечниками стрел степного типа, оформляют узду и оружие в скифском стиле. Широкое распространение в этот период в среде местных племен получают короткие железные мечи скифского типа – акинаки, однако часто приближенные по форме к более ранним, кобанским образцам (Козенкова, 1996, с. 100, рис. 37, *11 – 12*; Вольная, 2002, с. 147, рис. 1, с. 148, рис. 2).

Вместе с тем, некоторые категории кобанской керамики, в измененном виде, продолжают бытовать в предгорных памятниках Северной Осетии – Алании и в сарматское время (Чшиев, 2008 а, с. 97–99). Находка в сарматском погребении у с. Заманкул шейной гривны кобанского типа, описанной выше, также свидетельствует о бытовании некоторых типов украшений кобанской культуры в предгорной части Северной Осетии в последние века до н.э. Но это уже выходит за рамки темы нашего исследования.

В результате разработанной типологии, корреляции материалов и их хронологической периодизации в Эльхотовском могильнике были выделены три разновременные группы погребений. В первую группу вошли восемь погребений, с наиболее архаичными чертами погребального обряда и вещевого

материала (погребения № 15, 20, 22, 32, 36, 41, 77, 80), датирующиеся в рамках 9 в. до н.э., большей частью, середины – второй его половины. Основная их часть локализуется на юго-западной окраине могильного поля. Среди захоронений первой группы присутствует всего одно детское погребение. Вторую хронологическую группу составляет большинство погребений (44), датирующихся в рамках 8 в. до н.э. Третью хронологическую группу составляют всего три погребения (№ 38, 39, 82) датирующиеся началом 7 в. до н.э.

Абсолютные поздние даты могил Эльхотовского погребального поля подтверждаются материалами могильника Гастон Уота, исследованного А.П.Мошинским в горной части РСО – А, в Дигории. Они, в целом, датируются А.П.Мошинским в рамках 7 – первой половины 4 в. до н.э. Однако, только часть предметов из Эльхотово находит аналогии в комплексах Гастон Уота. Причем, из раних комплексов, относенных А.П.Мошинским к первому, раннему этапу функционирования могильника, то есть, к 7 – 6 вв. до н.э. (Мошинский, 2006, с. 204, рис. 45, с. 205, рис. 46). Конкретно, это поясные пряжки с вогнутой спинкой и очковидные привески, имеющие достаточно широкую дату бытования.

Таким образом, предгорья Северного Кавказа, и в частности на территории современной Республики Северная Осетия – Алания, в рассматриваемое время были с одной стороны весьма «не спокойной зоной», связанной с периодически меняющейся политической обстановкой на северных и северо-западных границах кобанской культуры. С другой стороны, наличие фактора контактной зоны с инокультурными сообществами способствовал для носителей кобанской культуры более активному развитию новых перспективных элементов местной материальной культуры. Также, этот фактор, возможно, способствовал и более активным социально-политическим процессам в зоне сосредоточения предгорных памятников. Примечательным и новым объектом вышеозначенной группы является Эльхотовский могильник кобанской

культуры. Его обширный полноценный материал, который впервые вводится в научный оборот, представляет собой важный источник для изучения древней истории Северного Кавказа и Кавказа в целом.

Список литературы и источников

Абрамишвили, Р. М. 1957. К вопросу о датировке памятниках эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМТ. Т. XIX – А, XXX – Б. – Тбилиси, 1957. – С. 25 – 45.

Абрамова, М.П. 1970. Отчет об археологических раскопках в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1970 г. – Владикавказ. Архив Национального музея РСО – А. Ф. 4, оп. 2, ед. хр. 18.

Абрамова, М.П. 1971. Раскопки в Моздокском р-не Северной Осетии // Археологические открытия 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 123–124.

Абрамова, М.П. 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА / Глав. ред. А.В.Арциховский, Отв. секретарь – В.С.Титов. – М.: Наука, 1974. – № 2. – С. 195–212.

Абрамова, М.П. 1988. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа / Ред. В.Х. Тменов. – Орджоникидзе: Изд-во СОНИИ, 1988. – С. – 23–33.

Абрамова, М.П. 1999. Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. – М.: Редакционно-издательский отдел ИА РАН, 1999. – С. 89–120.

Алексеева, Е.П. 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ. – Л. Изд-во ЛГУ, 1949. – Вып. 13. – С. 191–267.

Алексеева, Е.П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1971. – 355 с.

Александровский, А.Л., Белинский, А.Б., Калмыков, А.А., Кореневский, С. Н., Ван дер Плихт, Й. 2001. Погребенные почвы большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Ред. А.Б.

Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – Вып. II. – С. 131–143.

Антонович, В.В. 1882. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // Труды предварительных комитетов V археологического съезда в Тифлисе. – М. 1882. – Т. 1. – С. 217–270.

Артамонова-Полтавцева, О.А. 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА / Отв. ред. М.И.Артамонов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. XIV. – С. 20–101.

Аптекарев, А.З., Козенкова, В.И. 2008. Клад из Упорной и новые данные о контактах культур Северного Кавказа и Центральной Европы в конце II тыс. до н. // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Владикавказ / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения: 1971–2006 / Гл. ред. А.Б. Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – Вып. VIII. – С. 378–379.

Афанасьев, Г.Е., Савенко, С.Н., Коробов, Д.С. 2004. Древности Кисловодской котловины. – М.: Научный мир, 2004. – 204 с.

Атабиев, Б. Х. 1988. Новые материалы по эпохе поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа (IX – VI вв. до н.э. // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. – М.: Наука, 1988. – С. – 135 – 136.

Атабиев, Б. Х. 2006. Новые открытия в Кабардино – Балкарии // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. / Отв. ред. И. М. Чеченов. – Нальчик: КРОЛОРИТ, 2006. – С. 8 – 9.

Бакушев, М.А., Чечина А.Ю. 2014. Змейский могильник кобанской культуры // Е.И.Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции.

Москва, 21 – 25 апреля 1914 г. / Отв. ред. Д.С.Коробов. – М.: ИА РАН, 2014 – 408 с., илл.

Барцева, Т. Б. 1981. Цветная металлообработка скифского времени. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

Барцева, Т. Б. 1984. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино – Балкарии / Ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. – Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 2. – С. 116 – 134.

Барцева, Т. Б. 1988. Бронзовые кинжалы Сержень-юрта (итоги спектрального анализа) // КСИА. Вып. 194. – М.: ИА РАН, 1988. – С. 78 – 96.

Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино – Балкарии / Ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. – Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 2. – С. 7 – 115.

Белинский, А.Б. 1990. К вопросу о появлении шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА / Гл. редактор С.А.Плетнева. – М.: Наука, 1990. – № 4. – С. 190–195.

Белинский, А.Б. 2011. Клин-Ярский могильник в системе синхронных памятников Восточной и Центральной Европы // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Сб., посвящ. юбилею В.И. Козенковой / Отв. ред. Х.М. Мамаев. – Грозный - Москва: Изд – во АН ЧР, 2011. – С. 122–133.

Белинский, А.Б., Вальчак, С.Б. 1998. Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Отв. ред. А.Б. Белинский. – Ставрополь: Изд-во ГУП «Наследие», 1998. – Вып. 1. – С. 151–166.

Белинский, А.Б., Дударев, С.Л. 2001 а. К характеристике наконечников стрел из могильника Клин-Яр III // Материалы по изучению историко-

культурного наследия Северного Кавказа / Ред. А.Б. Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – Вып. II. – С. 64–83.

Белинский, А.Б., Дударев, С.Л. 2001 б. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г. Кисловодск) // МИАР / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. – М.: ИА РАН, 2001.– № 3. – С. 37–44.

Белинский, А.Б., Дударев, С.Л. 2005. Ворворки и наконечники ремней из могильника Клин-Яр III (типология, хронология, атрибуция) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2005. – Вып. 5. – С. 108–112.

Белинский, А.Б., Дударев, С. Л. 2007. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. – С. 122 – 135.

Белинский, А.Б., Коробов, Д.С., Райнхольд, С. 2008. Изучение поселений кобанской культуры с симметричной планировкой: новые результаты // XXV юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ им. В.А.Абаева, 2008. – С. 49–51.

Белинский, А.Б., Коробов, Д.С., Райнхольд, С. 2010. Новые результаты исследований поселений эпохи поздней бронзы с монументальной каменной архитектурой на высокогорных плато к югу от Кисловодска // XXVI юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. – Магас: ООО «Пилигрим», 2010. – С. 59–61.

Белинский, А.Б., Дударев, С.Л. 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – 446 с.

Березанская, С.С., Отрощенко, В.В., Чередниченко, Н.Н., Шарафутдинова, И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1986. – 165 с.

Березин, Я.Б., Дударев, С.Л. 1998. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» - памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Отв. ред. А.Б. Белинский. – Ставрополь: ГУП «Наследие», 1998. – Вып. 1. – С. 167–209.

Бочкарев, В.С. 2004. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. статей посвящ. 77-летию Л.С. Клейна / Отв. ред. Вишняцкий Л. Б. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 385–408.

Борисов, А.В., Коробов, Д.С. 2008. Изучение следов террасного земледелия в Кисловодской котловине // XXV юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2008. – С. 60–63.

Бурков, С.Б., Маслов, В.Е. 2007. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой. – МИАР / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. – М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2007. № 8. – С. 295–320.

Будун, А.С. 1989. Природа и природные ресурсы Северной Осетии. – Орджоникидзе: Ир, 1989. – 160 с.

Вальчак, С.Б. 1996. Переднеазиатские и европейские параллели в предскифских уздечных комплексах Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня

рождения А.А. Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: ГЭ, 1996. – С. 113–115.

Вальчак, С.Б. 1997. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии / Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. – М.: ГИМ, 1997. – С. 88–119.

Вальчак, С.Б. 2001. История исследования и особенности воинского погребения из Верхнекобанского могильника // МИАР/ Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. – М.: ИА РАН, 2001. – № 3 – С. 65–70.

Вальчак, С.Б. 2005. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Сб. памяти В.С. Ольховского / Ред. В.И. Гуляев. – М.: ИА РАН, 2005. – 590 с.

Вальчак, С.Б. 2009. Конское снаряжение в первой трети 1 тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М.: ИА РАН, Таус, 2009. – 292 с.

Вальчак, С.Б., Эрлих, В.Р. 1993. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко Тез. докл. – Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1993. – С. 17 – 19.

Вальчак, С.Б., Скаков, А.Ю. 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА / Глав. ред. Л.А.Беляев. – М.: Наука, 2003. – С. 114 – 122.

Ванден-Берге, Л. 1992. Древности страны Луров: Каталог выставки / Сост. Л. Ванден-Берге. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1992. – 126 с.

Вольная, Г.Н. 2002. Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тыс. до н. э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). – Владикавказ: Иристон, 2002. – 145 с.

Вольная, Г.Н. 2010. О происхождении образа лежащего хищника из памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа в раннем железном

веке // Вопросы истории и культуры народов России // Отв. ред. Р.С.Бзаров. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.Гассиева, 2010. – С. 254 – 283.

Вольная, Г.Н. 2014. Зооморфные находки о контактах кавказского и фракийского населения в раннем железном веке // Вестник Российского университета дружбы народов / Глав. ред. С.А.Воронин. – М.: Изд-во РУДН, 2014. – Серия «Всеобщая история», Вып. 4. – С. 47 – 59.

Воронов, Ю.Н. 1978. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («Колхидо-кобанская культура») // Тез. докл. VIII Крупновских чтений. – Нальчик, 1978.

Воронов, Ю.Н. 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 200–218.

Воронов, Ю.Н. 1984. Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII века до н.э. – VIII в. н.э. // Автореф. диссерт. на соискание уч. степени докт. ист. наук. 07.00.06. Институт Археологии СССР. – М., 1984. – 40 с.

Виноградов, В.Б. 1963. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е.И.Крупнов. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 212 – 216.

Виноградов, В.Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказа в скифское время. – Грозный: Чечено - Ингушское книжное издательство, 1972. – 189 с.

Виноградов, В.Б. 1973. Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе // III Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: Чечено - Ингушское книжное издательство, 1973. – С. 9–11.

Виноградов, В.Б. 1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА / Глав. ред. А.В.Арциховский. – М.: Наука, 1974. – № 4. – С. 258–263.

Виноградов В.Б. 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1976. – С. 147–152.

Виноградов В.Б. 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / А.И.Мелюкова, М.Г.Мошкова. – М.: Наука, 1976. – С. 147–152.

Виноградов, В.Б., Дударев, С.Л., Рунич, А.П. 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. Ред. А.И.Тереножкин. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 184–199.

Виноградов, В.Б., Дударев, С.Л. 2003. Могильники позднего бронзового века у села Майртуп в Чечне // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. С.Л. Дударев. – Армавир: Центр археологических исследований АГПУ. – Вып. 1. – 2003. – С. 5–61.

Виноградов, В.Б., Махортых, С.В. К современному состоянию изучения киммерийской проблемы // Из практики кавказоведческих изысканий (1986 – 1996 гг.). – Армавир – Грозный, 1996.

Газданова, С.Б. 1927. По горам и предгорьям Северной Осетии. Туристический путеводитель / Сост. С.Б. Газданова. – Владикавказ: ИР, 1927. – 47 с.

Газдапустаи, Д. 1962. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л.: ЛГУ, 1962. – 11 с.

Галанина, Л.К. 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ / Ред. М.Б.Щукин. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. – Вып. 32. – С. 40–52.

Галанина, Л.К. 2006. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 80 с.

Городцов, В.А. 1910. Бытовая археология. – Курс лекций. – М.: Изд-во Московского Археологического института, 1910. – 475 с.

Граков, Б.Н. 1971. Скифы. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 203 с.

Граков, Б.Н. 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.

Джапаридзе, О. М. 1950. Цхинвальский клад // ВГМГ. Т. XVI – В. – Тбилиси, 1950. – С. 56 – 74.

Джарарidзе, О. М. 1953. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. Вып. XVIII. – М.: Наука, 1953. – С. 67 – 78.

Деопик, Д.В., Крупнов, Е.И. 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии / Ред. Е.И.Крупнов. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. – МАДИСО. Т. 1. – С. 11–36.

Долбежев, В.И. 1888. Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище близ с. Уалла-Кобан (Терской области) // – СМОМПК. – Тифлис, 1888. – Вып. VI. – С. 50–76.

Доманский, Я. В. 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. – М. : Искусство, 1984. – 240 с.

Дубовская, О.Р. 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА / Глав. ред. С.А.Плетнёва, отв. секретарь В.И. Козенкова. – М.: Наука, 1989. № 1. – С. 63–69.

Дубовская, О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах / Глав. ред. А.В.Колесник. – Донецк: ООО «Китис», 1997 . – № 6 С. 181 – 218.

Дударев, С.Л. 1976. Раскопки могильника у сел. Ахинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) // СА № 1 / Глав. ред. А.В.Арциховский, отв. секретарь – В.С.Титов. – М.: Наука, 1976. – С. 257-261.

Дударев, С.Л. 1977. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии // Археология и вопросы атеизма / Отв. ред. проф. В.Б. Виноградов – Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1977. – С. 86– 94 С.

Дударев, С.Л. 1979. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: ЧИГУ им. Л.Н.Толстого, 1979. – С. 5 – 13.

Дударев, С.Л. 1981. О ранних погребениях Аллероевского 1 могильника // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. – Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1981. – С. – 112 – 122.

Дударев, С.Л. 1983. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX – VII вв. до н.э.) // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Киев, 1983. – 24 с.

Дударев, С.Л. 1986. О хронологии некоторых памятников конца II – начала I тыс. до н.э. из Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии / Ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: Изд-во ЧИНИИ, 1986. – С. 24-33.

Дударев, С.Л. 1987. Некоторые аспекты освоения железа населением Северного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической ис-

тории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: ЧИГУ им. Л.Н.Толстого, 1987. – С. 20 – 34.

Дударев, С.Л. 1991 а. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингушского государственного университета, 1991.– 124 с.

Дударев, С.Л. 1991 б. Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных работ 1989-1990 годов // Аннотация сообщений / Отв. Ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1991. – С. 7–9.

Дударев, С.Л. 1995. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.. – Армавир: КНИИТИМ,1995. – 53 с.

Дударев, С.Л. 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.) – Армавир: ЦАИ АГПИ, 1999. – 401 с.

Дударев, С.Л. 2004. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б.Виноградов.– Армавир: ЦАИ АГПИ, 2004. вып. 3. – С. 15–100.

Дударев, С.Л. 2005. «Кескемский» клад бронзовых предметов (полная публикация) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И.Нарожный. – Армавир: ЦАИ АГПИ, 2005. – вып. 5. – С. 73–88.

Дударев, С.Л. 2011. Сборник научных работ С. Л.Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М.: Илекса, 2011. – 558 с.

Зуев, В.Ю. 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р.Хр. // Петербургский археологический вестник. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь / Ред. М.Б.Щукин. – Спб.: ФАРН, 1993. – Вып. 6. – С. 38–52.

Иванчик, А.И. 2001. Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии / Ред. А. Иванчик, Г. Парцингер. – Москва: Палеограф, 2001. Вып. II. – 324 с.

Иванчик, А.И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. – Москва – Берлин: Палеограф, 2005. – 311 с.

Иессен, А.А. 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК / Ред. Б.Е.Деген-Ковалевский. – М-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. Вып. 120. – С. 237.

Иессен, А.А. 1940. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Моздокский могильник. Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа / А.А.Иессен, Б.Б.Пиотровский.– Л.: 4-я типография Ленпартиздата, 1940. Вып. 1. – С. 22–53.

Иессен, А.А. 1941. Материалы по археологии Кабардино – Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. М.И.Артамонов. – Москва – Ленинград: Изд – во АН ССР, 1941. – № 3. – С. 7 – 50.

Иессен, А.А. 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. Е.И.Крупнов. – Москва – Ленинград: Изд – во АН ССР, 1951. – № 23. – С. 75 – 124.

Иессен, А.А. 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. XVIII. – С. 49–110.

Иессен, А.А. 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. – Москва: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 112–131.

Иессен, А.А. 1956. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тезисы докладов на пленарных заседаниях Конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М.: б.и., 1956. – С. 5 – 12.

Кашуба, М.Т. 2011. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М.Мамаев. – Грозный – Москва: Ин-т археологии РАН; Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. – С. 64 – 81.

Кашуба, М.Т. 2013. Некоторые причины асинхронного наступления раннего железного века в Северном Причерноморье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – С. 125–130.

Климат, 2002. Природные ресурсы Республики Северная Осетия-Алания / Отв. ред. Л.Б.Валиева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. – 224 с.

Ковалевская, В.Б. 1984. Кавказ и аланы: века и народы. – М.: – Наука, 1984. – 192 с.

Ковалевская, В.Б. 1988. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа / Отв. ред. В.А.Кузнецов. – Орджоникидзе: ИПЦ СОНИИ, 1988. – С. 10–22.

Ковалевская, В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс.до н.э. – I тыс. н.э. – М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Ковалевская, В.Б. 2008. Некоторые методические вопросы подхода к абсолютному и относительному датированию (по материалам древних и средневековых могильников Северного Кавказа) // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) Москва // МИАСК. Вып. VIII. Крупновские чтения: 1971 – 2006: Глав. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 256.

Ковалевская, В.Б., Козенкова, В.И. 2008. Новейшие раскопки поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии // IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Элиста // МИАСК. Вып. VIII. Крупновские чтения: 1971–2006 / Глав. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 232 –233.

Козенкова, В.И. 1969. Раннекобанский могильник у сел Сержень-Юрт // СА / Зам. глав. ред. А.П.Смирнов, отв. секретарь И.С.Каменецкий. – М.: Наука, № 4. – С. 171–183.

Козенкова, В.И. 1973. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р.М.Мунчаев, В.И.Марковин. – М.: Наука, 1973. – С. 149 – 158.

Козенкова, В.И. 1975. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica: Фракоскифские культурные связи / Отв. ред. А.Фол и Л.Огненова - Маринова. – София, Вып. 1. – С. 91 – 101.

Козенкова, В.И. 1977 а. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М.Г. Гаджиев. – Махачкала. – С. 70–95.

Козенкова, В.И. 1977 б. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В 2-5 / Отв. ред. Н.Л.Членова. – М.: Наука, 1977. – 86 с.

Козенкова, В.И. 1981а. О границах западного варианта кобанской культуры // СА / Отв. ред. С.А.Плетнева. – М.: Наука, 1981. № 3. – С. 29–43.

Козенкова, В.И. 1981б. О протокобанской группе древностей Северного Кавказа // Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V археологического съезда, Тби-

лиси, 21-26. IV. 1981 Тезисы докл. пленар. заседаний. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – С. 7 – 10.

Козенкова, В.И. 1982 а. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ / Отв. ред. Н.Л.Членова. – М.: Наука, 1982. Вып. В 2-5. – 175 с.

Козенкова, В.И. 1982 б. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // Конференция по археологии Северного Кавказа XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. – М.: б.и., 1982. – С. 27 – 30.

Козенкова, В.И. 1982 в. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа //СА / Отв. ред. С.А.Плетнева. – М.: Наука, 1982. № 3. – С. 14–34.

Козенкова, В.И. 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976 – 1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И.Марковин. – М.: Наука, 1986. – С. 134 – 158.

Козенкова, В.И. 1989 а. Кобанская культура. Западный вариант // САИ / Отв. ред. В.Г.Петренко. – М.: Наука, 1989. Вып. В 2-6. – 196 с.

Козенкова, В.И. 1989 б. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. А.И.Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – С. 252–267.

Козенкова, В.И. 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА / Глав. ред. С.А.Плетнева, отв. секретарь В.И.Козенкова. – М.: Наука, 1990. – № 3. – С. 64 – 92.

Козенкова, В.И. 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Систематизация и хронология. Западный вариант // САИ / Отв. ред. В.Г.Петренко. Вып. В 2-5. – М.: ИА РАН, 1995. – 166 с.

Козенкова, В.И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые пробле-

мы происхождения и развития кобанской культуры). М.: – ИА РАН, 1996. – 162 с.

Козенкова, В. И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ / Ред. Б.А.Рыбаков. Вып. В 2-5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. – 200 с.

Козенкова, В.И. 1999. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А.И.Мелюкова, М.Г.Мошкова, В.А.Башилов. – М.: Институт археологии РАН, 1999. – с. 185 – 194.

Козенкова, В.И. 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). – М.: Наука, 2001. – 198 с.

Козенкова, В.И. 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – Вып. III. – 232 с.

Козенкова, В.И. 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – Вып. V. – 220 с.

Козенкова, В.И. 2007. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П.Абрамовой / ред. В.И.Козенкова, В.Ю.Малашев. – МИАР. – М.: Таус, 2007. № 8. – С. 258 – 294.

Козенкова, В.И. 2008. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии: (сб. памяти В.А. Башилова) / Отв. ред. М.Г.Мошкова. – МИАР. – М.: Таус, 2008. № 10. – С. 69–95.

Козенкова, В.И. 2009. К вопросу о хронологии Кескемского могильника // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б.Белинский. – Ставрополь. Наследие, 2009. – Вып. IX. – С. 231 – 247.

Козенкова, В.И. 2013. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М.: ТАУС, 2013. – 252 с.

Козенкова, В.И. Материальные свидетельства духовного мира «кобанцев» как проявление культурной универсалии общеиндоевропейских мифологических традиций // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18 – 21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х.Багаев, Х.М.Мамаев. – Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2016. – С. 94 – 96.

Козенкова, В.И., Сосранов, Р.С., Черджиев, Э.Л. 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // МИАР Вып. 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред. Р.М.Мунчаев, В.С.Ольховский. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 14–18.

Кореневский С.Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 20 – 41.

Кореняко, В.А. 2001. Курган раннескифского времени у села Новозаведенное в Ставропольском крае //. Северный Кавказ: историко-

археологические очерки и заметки / Отв. ред. М.П.Абрамова, В.И.Марковин. – МИАР. – М.: А РАН, 2001. № 3– С. 52–64.

Коробов, Д.С. 2002. Работы в Кисловодской котловине //АО 2001 года / Ред. В.В.Седов. – М.: ИА РАН, 2002. – С. 278.

Коробов, Д.С., Борисов, А.В. 2010. Почвенно-археологические исследования древнего и средневекового земледелия в Кисловодской котловине // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. М.Б.Мужухоев. – Магас: Пилигрим, 2010. – С. 209–212.

Коробов, Д.С., Борисов, А.В. 2011. О земледелии эпохи позднего бронзового – раннего железного века в Кисловодской котловине // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Сб. посвящ. юбилею В.И.Козенковой / Отв. ред. Х.М.Мамаев. – Грозный-Москва: Ин – т археологии РАН; ин – т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. – С. 47–63.

Котович, В. Г. 1978. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // Известия СКНЦВШ. – Серия «Обшественные науки». Вып. 3. – Ростов-на –Дону, 1978. – С. 45 – 78.

Крис, Х.И. 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ / Отв. ред. А.И.Мелюкова. Вып. Д1-7. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

Крис, Х.И. 1989. Кизил-кобинская культура предгорного Крыма. //Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР /ред. А.И.Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – С. 29–32.

Круглов, А.П. 1937. Археологические работы на реке Терек // СА / Отв. ред. И.И.Мещанинов, отв. секретарь С.Н.Замятнин. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. III. – С. 245–250.

Круглов, А.П. 1956. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тезисы докладов на пленарных заседаниях Конферен-

ции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. – М.: б.и., 1956. – С. 67 – 69.

Круглов, А.П. 1958. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э.: Древние племена и народности Кавказа // МИА / Отв. ред. Б.Б.Пиотровский – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 68. – С. 7 – 146.

Круглов, А.П., Подгаецкий, Г.В. 1941. Долинское поселение у г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. М.И.Артамонов. – Москва - Ленинград: Издательство АН СССР, 1941. – № 3. – С. 147 – 212.

Крупнов, Е.И. 1940. Из итогов археологических работ в Северной Осети в 1935 г. // Изв. СОНИИ / Отв. ред. К.Х.Дзогкаев. – Орджоникидзе: Госиздат СОАССР, 1940. Т. IX – 247 с.

Крупнов, Е.И. 1948. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи / Труды ГИМ / Ред. А.Я.Брюсов. Вып. XVII. – М.: ГИМ, 1948. – С. – 5 – 79 с.

Крупнов, Е.И. 1951 а. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. – М. – Л., 1958. – № 1. – С. – 72 – 82.

Крупнов, Е.И. 1951 б. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА / Отв. ред. Е.И.Крупнов.– М.-Л.: Наука, 1951. Вып. 23. – С. 17–74.

Крупнов, Е.И. 1952. Жемталинский клад // Труды ГИМ. Памятники культуры / Отв. ред. К.Ф.Смирнов. – М.: Издательство ГИМ, 1952. Вып. IV. Москва. – 36 с.

Крупнов, Е.И. 1957. Древняя история и культура Кабарды. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 175 с.

Крупнов, Е.И. 1958 г. Киммерийцы на северном Кавказе // Древние племена и народности Кавказа / Отв. ред. Б.Б.Пиотровский. МИА. – Изд-во АН СССР. М.-Л. . Вып. 68. – С. 176–195.

Крупнов, Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.:– Изд-во АН СССР, 1960. – 520 с.

Крупнов, Е.И. 1965. Ранний железный век Северного Кавказа (опыт датировки памятников материальной культуры) // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. – Махачкала: б.и., 1965. Т. XIV.– С. 325–336.

Крупнов, Е.И. 1969. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА / Гл. ред. А.В.Арциховский. – М.: Изд-во АН СССР. № 1. – С. 13–18.

Кубышев, А.И., Черняков, И.Т., 1986. Грунтовый могильник белозерской культуры у сел. Чернянка (Херсонской области) // СА / Отв. секретарь В.И Козенкова, зам. глав. ред. С.А.Плетнева. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. – № 3. – С.139–157.

Кузнецов, В.А. 1965. Отчет об археологической разведке в СОАССР, произведенной в сентябре 1965 г. – Владикавказ. Архив СОИГСИ. ОРФ, Ф. 6, оп. 1., д.67, а. 1965.

Кузнецов, В.А. 1970. Новое в археологии Северной Осетии. – Владикавказ. Архив СОИГСИ. ОРФ, Ф.6,оп. 1., д. 91. 1965.

Кузнецов, В.А. 1971. Разведки в районе с. Заманкул // АО – 1970 / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР. 1971. – С. 130.

Кузнецов, В.А. Эльхотовские ворота в X – XV веках. – Владикавказ: ФГУП «Издательство «Кавказская здравница», 2003. – 191 с.

Куфтин, Б.А. 1949 а. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. – 230 с.

Куфтин, Б.А. 1949 б. Материалы к археологии Колхиды. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. – 359 с.

Лесков, А.М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. Проблемы скифской археологии // МИА / Отв. ред. П.Д.Либеров, В.И.Гуляев. М.: Наука, 1971. № 177. – С. 75 - 91.

Лесков, А.М., Эрлих, В.Р. 1999. Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. – М.: ГМВ, 1999. – 163 с.

Марковин, В.И. 1969. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Ред. В.А.Кузнецов. – Орджоникидзе: Изд – во СОНИИ, 1969. – Т. 2. – С. 63–83.

Марковин, В.И. 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. – М.: Наука, 2002. – 154 с.

Махортых, С.В. 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. – Киев: ПРЕПРИНТ, 1994. – 95 с.

Махортых, С.В. 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Изд-во Шлях, 2005. – 380 с.

Медведская, И.Н. 2005. Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии / Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Сб. памяти В.С.Ольховского /ред. В.И.Гуляев. – М.: ИА РАН. Москва. – С. 107–126.

Мелюкова, А.И. 1964. Вооружение скифов // Археология СССР (Свод археологических источников. Вып. Д 1 – 4) / Отв. ред. О.Д.Дашевская. – М.: Наука, 1964. – 92 с.

Мелюкова, А.И. 1979. Скифия и Фракийский мир. – М.: Наука, 1979. – 256 с.

Мелюкова, А.И. 1989. Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII–III вв. до н.э. Скифская материальная культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. А.И.Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – С. 91–100.

Миллер, В. Ф. 1888. Терская область: Археологическая экскурсия //МАК. – М.: Издательство «Товарищество типографии А.И. Мамонтова», 1888. Вып. 1. – С. 1–99.

Миллер, А.А. 1932. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // СГАИМК / Отв. ред. – Л.: ГАИМК, 1932. № 9 - 10. – С. 38 – 46.

Миллер, А.А. 1933. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры / Ред. Н.Я.Марр. – Л.: Типография «Печатный двор», 1933. № 1-2. – С. 28-45.

Мошинский, А.П. 1987. Раскопки экспедиции ГИМ на могильнике Верхняя Рутха в 1985-1986 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М.: Наука, 1987. – С. 179 – 180.

Мошинский, А.П. 1988 а Жертвенник кобанского могильника Гастон-Уота // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.А.Кузнецов. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. – С. 37–38.

Мошинский, А.П. 1988 б. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа / Ред. В.Х.Тменов. – Орджоникидзе: Изд – во СОНИИ, 1988. – С. 34–42.

Мошинский, А.П. 1996. Образ хозяина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А.Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1996. – С. 111–113.

Мошинский, А.П. 1999. Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа. Сб. статей посвященный 70-летию Р.М.Мунчаева / Отв. ред. В.И.Марковин. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 136–151.

Мошинский, А.П. 2003 а. Кобанский воин-всадник //Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа / Отв. ред. А.А.Кудрявцев. – Став-

рополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2003. – С. 40 – 43.

Мошинский, А.А. 2003 б. Место горной Дигории в кобанской культурно-исторической области // Тезисы конф. посвященной 100 - летию деятельности В.А.Городцова / Отв. ред. Н.И.Шишлина. – М.: ГИМ, 2003. Т. II. – С. 16–18.

Мошинский, А.П. 2005. Аксессуары костюма населения горной Дигории в VII–IV вв. до н.э. // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья / Гл. ред. В.И.Гуляев. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 490 – 503.

Мошинский, А.П. 2006 а. Керамическое производство в горной Дигории в V в. до н.э. // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов / Отв. ред. И.М.Чеченов. – Нальчик: ООО Издательство «КРОЛОРИТ», 2006. – С. 139 – 141.

Мошинский, А.П. 2006 б. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. (систематизация и хронология) // Труды ГИМ. Вып. 154. – М.: ГИМ, 2006. – 208 с.

Мошинский, А.П. 2007. Гончарное производство в горной Дигории в 5 – начале 4 вв. до н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П.Абрамовой / Отв. ред. В.И.Козенкова, В.Ю.Малашев. – М.: Ин – т археологии РАН: ТАУС, 2007. – МИАР, № 8. – С. 321–344.

Мошинский, А.П. 2008 а. Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения: 1971–2006» / Гл. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 477.

Мошинский, А.П. 2008 б. Хронология позднекобанского могильника Гастон Уота // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.

Тезисы докладов. Кисловодск // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения: 1971–2006» / Гл. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 515.

Мошинский, А.П. 2010. Древние бронзы Кавказа. Альбом. Составитель А.П.Мошинский. – М.: Новостат, 2010. – 200 с.

Мошинский, А.П., Скаков А.Ю. 2000. Новые исследования по кобанской культуре // РА / Глав. ред. В.И.Гуляев, зам. глав. ред. Л.А.Беляев, отв. секретарь В.С.Ольховский. – М.: Изд – во РАН, 2000. – № 2. – С. – 205–204.

Мошинский, А.П., Скаков А.Ю. 2001. Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // МИАР / Отв. ред. М.П.Абрамова, В.И.Марковин. – М.: ИА РАН, 2001. – № 3. – С. 86–102.

Мошинский, А.П., Скаков, А.Ю. 2008. Железоделательный комплекс на поселении Сауар // XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Москва // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения: 1971–2006» / Гл. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 582.

Мунчаев, Р. М. 1961. Новые данные по археологии Чечено – Ингушетии // КСИА. – Вып. 84. М.: НАУКА, 1961. – С. 126 – 170.

Мунчаев, Р.М. 1963. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е.И.Крупнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 139 – 211.

Мунчаев, Р.М., Нечитайло, А.Л., 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике (Карачаево-Черкесская АО) // СА / Отв. ред. А.И.Мелюкова. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – № 3. – С. 133–151.

Нераденко, Т.Н. 1986. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзово-

го оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б.Тургиев. – Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. – С. 57–63.

Нераденко, Т.Н. 1988. Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Киев: ИА АН УССР, 1988. – 17 с.

Новичихин, А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). — Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. — 220 с.: ил.

Очерки истории Грузии. 1989. Грузия с древнейших времен до IV в. до н.э. /Ред. Г.А.Меликишвили, О.Д.Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. Том 1. – 510 с.

Панцхава, Л. Н. 1975. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.00.06) / АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. – Тбилиси: [б. и.], 1975. - 29 с.

Панцхава, Л. Н. 1988. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 129 с.

Петренко, В.А. 1984. Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени юго-восточной Чечни // Археология и вопросы социальной истории Северного кавказа / Отв. ред. В.Б.Виноградов. – Грозный: ЧИГУ им. Л.Н.Толстого, 1984. – С. 35 – 43.

Петренко, В.Г. 1989. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. А.И.Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – С. 216–233.

Пиотровский, Б.Б. 1940. Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г. // Моздокский могильник. Археологические экспеди-

ции Гос. Эрмитажа / А.А.Иессен, Б.Б.Пиотровский.– Л.: 4-я типография Ленпартиздата, 1940. Вып. 1. – С. 3 –21.

Полидович, Ю. Б. 2004. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии: Элементы упряжки и конского снаряжения в древности / Отв. ред. А.Н.Усачук. – Донецк: ИА НАН Украины; ООО «Апекс», 2004. – Археологический альманах. Вып. 15. С. 143–165.

Прокопенко, Ю. А. 2012. К вопросу о реконструкции этнической истории Предкавказья в V – III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М.Мунчаев. Вып. 11. – Армавир – Краснодар – Москва, 2012. – С. 201 – 212.

Прокопенко, Ю.А. 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Часть 2. – Ставрополь: Изд – во СКФУ, 2014. – 726 с.

Пьянков, А.В., Пономарев, В.П. 1997. Два кобанских предмета из Абинского народного музея // Древности Кубани (материалы семинара посвященного 85 - летию Н.В.Анфимова / Составители: А.В.Пьянков, Ю.В.Зеленский, А.П.Винидиктов. – Краснодар, 1997. – С. 7 – 10.

Рябкова, Т.В. 2012. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // Российский археологический ежегодник / Отв. ред. Л.Б.Вишняцкий. – СПб.: Университетский издательский консорциум, 2012. Вып. № 2. – С. 360–382.

Самоквасов, Д.Я. 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Труды Пятого археологического съезда в Тифлисе (1881 г.). – М.: Синодальная типография, 1887. – С. 247 – 262.

Сланов, А.Х. 1975. К истории изучения археологических памятников эпохи раннего железа на южном склоне Центрального Кавказа // Известия СОНИИ. Вып. XX / Отв. ред. Б.В.Техов. – Цхинвали: Ирыстон, 1975. – С. 87 – 92.

Сланов, А.Х. 1978. Памятники скифо-сарматского периода на территории Южной Осетии // Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Москва: МГУ, 1978. – С. 4-7.

Сланов, А.Х. 1989. Железный век на территории Южной Осетии. – Цхинвали: Ирыстон, 1989. – 112 с.

Скаков, А.Ю. 1997 а. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т Археологии. – Москва, 1997. – 20 с.

Скаков, А.Ю. 1997 б. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии / Отв. ред. С.В.Демиденко, Д.В.Журавлев. – М.: ГИМ, 1997. – С. 70–87.

Скаков, А.Ю. 1999. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И.Марковин. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 121–135.

Скаков, А.Ю. 2001. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии. Сб. статей посвящ. 70-летию М.Ф.Косарева / Отв. ред. М.А.Девлет. – М.: ТОО «Старый сад», 2001. – С. 97–122.

Скаков, А.Ю. 2003. Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Тезисы конф. посвященной 100 - летию деятельности В.А.Городцова / Отв. ред. Н.И.Шишлина. – М.: ГИМ, 2003. Часть II. – С. 18-22.

Скаков, А.Ю. 2008 а. Происхождение и хронология фибул древней колхиды // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий / Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов / Отв. ред. А.А.Туаллагов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 342–344.

Скаков, А.Ю. 2008 б. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология. // Revista Arheologică (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. nr.2. Chişinău. – Кишинев, 2008. С. 74-99.

Скаков, А.Ю. 2010. Ареал распространения и хронология крестовидных подвесок на Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа (XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов / Отв. ред. М.Б.Мужухоев. – Магас: ООО «Пилигрим», 2010. – 324 – 327.

Скаков, А.Ю. 2013. Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. Вып. I. – Краснодар, 2013. С. 29-43.

Скаков, А.Ю., Джопуа, А.И. 2013. Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И.Марченко. – Краснодар, Экоинвест, 2013. – С. 381 – 384.

Скаков, А.Ю., Джопуа, А.И. 2016. Бронзовая зооморфная пластика могильника Джантух // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18 – 21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х.Багаев, Х.М.Мамаев. – Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2016. – С. 115 – 117.

Смирнов, К.Ф. 1964. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 379 с.

Смирнов, К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

Смирнова, Г. И., Кашуба, М. Т. 1988. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ / Отв. ред. – Ленинград: Искусство, 1988. Вып. 29. – С. 18-28.

Сосранов, Р.С., Черджиев, Э.Л. 2008. Раскопки курганов в Моздокском р-не Северной Осетии // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения: 1971–2006» / Гл. ред. А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. – 447.

Сокровища Алании, 2011. Археологические материалы из фондов Института истории и археологии РСО-А / Ред. М.М.Блиев. – М.: Эксмо, 2011. – 240 с.

Спиридонова, Е.А., Алешинская, А.С., Кореневский, С.Н., Ростунов, В.Л. 2001. Сравнительный анализ природной среды времени существования майкопской культуры в Центральном Предкавказье (Ставропольский край, Северная Осетия-Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б.Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. Вып. II. – 144 – 162.

Тереножкин, А.И. 1976. Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 224 с.

Терехова, Н. Н. 1990. Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино – Балкария) // СА / Глав. ред. С. А. Плетнева, отв. секретарь В.И.Козенкова. – М.: Изд – во РАН, 1990. – № 4. – С. – 205–214.

Терехова, Н. Н., Эрлих, В. Р. 2000. Древнейший черный металл на Северо – Западном Кавказе (к проблеме выделения традиций) // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – 230 с.

Техов, Б.В. 1957. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. (Древний могильник в с. Тли). – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1957. – 171 с.

Техов, Б.В. 1969. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тыс. до н.э. // МАДИСО / Ред. В.А.Кузнецов. – Орджоникидзе: СОНИИ, 1969. Т. II – С. 47–53.

Техов, Б.В. 1973. О появлении и развитии кавказской дуговидной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р.М.Мунчаев, В.И.Марковин. – М.: Наука, 1973.. Москва. – С. 141–149.

Техов, Б.В. 1974. Стырфазские кромлехи. – Цхинвали: Ирыстон, 1974. – 95 с.

Техов, Б.В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 238 с.

Техов, Б.В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н.э.) – Тбилиси: Мецниереба, 1980.– 58 с.

Техов, Б.В. 1981. Тлийский могильник II (комплексы IX – первой половины VII вв. до н.э.) – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 73 с.

Техов, Б.В. 1985. Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII–VI вв. до н.э.) – Тбилиси: Мецниереба., 1985. – 69 с.

Техов, Б.В. 1988. Бронзовые топоры тлийского могильника. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 178 с.

Техов, Б.В. 1996. Средняя Европа и Центральный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А.Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: ГЭ, 1996. – С. 101– 104.

Техов, Б.В. 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (стырфазские кромлехи). – Владикавказ – Цхинвал: Изд – во ВНЦ РАН, 2000. – 240 с.

Техов, Б.В. 2001. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тыс. до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). – Владикавказ-Цхинвал: Изд-во ВНЦ РАН, 2001. – 316 с.

Техов, Б.В. 2002. Тайны древних погребений. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. – 512 с.

Техов, Б.В. 2006. Археология южной части Осетии. – Владикавказ: Ир, 2006. – 639 с.

Трапш, М.М. 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды в четырех томах. – Сухуми: Алашара, 1970. Том первый. – 212 с.

Туаллагов, А.А. 2006. Скифы и сарматы Северного Кавказа. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2006. – 172 с.

Тургиев, Т.Б. 1971. Отчет об археологической разведке, проведенной со студентами СОГУ (май 1970 г.) – Орджоникидзе. 1971. Архив ИА РАН. Р-1, № 4902, 4902 а.

Тушишвили, Н.Н., Амиранашвили, Д.Ш., Маргишвили, С.Г. 1987. Археологическая экспедиция Алгетского ущелья (1983 – 1985) // Полевые археологические исследования в 1984 – 1985 годах / Ред. О.Д.Лордкипанидзе, Т.К.Мекеладзе, И.Л.Джалагания. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – С. 17 – 21.

Уваров, А.С. 1887. К какому заключению о бронзовом веке приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Труды V Археологического съезда в Тифлисе / Ред. П.С.Уварова. – М.: Типография А.И.Мамонтова и К°, 1887. – С. 1–9.

Уварова, П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова, 1900. Вып. VIII. – 420 с.

Флеров, В.С., Дубовская, О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники / Отв. ред. И.С. Каменецкий, С.А. Узянов – Вып. I. М.: Центр «Шелковый путь», 1993. – С. 123 – 135.

Фидаров, Р.Ф., Чшиев, В.[Х.]Т. 2004. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // МИАСК

/.. Отв. редактор Е.И.Нарожный. – Армавир: ЦАИ АПГУ. Вып. 3. – С. 186–206.

Филимонов, Г.Д. 1878. О доисторической культуре осетин // Протоколы заседания Комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М.: Типография М.Н.Лаврова и К°, 1878. № 20. – С. 73 – 92.

Цокур, Д.В. 2004. Поселения кобанской культуры Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И.Марченко. – Краснодар: ООО «Фирма НСС», 2004. Вып. 4. – 126–145.

Царикаева (Албегова), З.Х. 2006. Отчет об археологической разведке в Северной Осетии в 2005 г. Владикавказ, 2006. Архив ИА РАН. № 26240.

Царикаева (Албегова), З.Х. 2007. Отчет об археологических разведках в Северной Осетии в 2006 г. Владикавказ, 2007. Архив ИА РАН.

Чеченов, И.М. 1969. Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте) / Ред. В. А. Кузнецов. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 151 с.

Чеченов, И.М. 1974. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого – Этнографический сборник. Вып. 1. – Нальчик, 1974. – С. 14 – 51.

Членова, Н.Л. 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник / Гл. ред. М.Б.Щукин. – СПб.: Фарн, 1993. Вып. № 7. – С. 49–77.

Чшиев, В.[Х.]Т. 1997. Отчет о раскопках Эльхотовского могильника в 1996 г. – Владикавказ, 1997. Архив ИИА РАН.

Чшиев, В.[Х.]Т.1999. Отчет о раскопках в 1998 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 1999. Архив ИА РАН. № 22607.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2000. Отчет о раскопках в 1999 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2001. Архив ИА РАН.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2001 а. Отчет о раскопках в 2000 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2001. Архив ИА РАН. № 24364.

Чшиев, В. Х. Т. 2001 б. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // МИАР / Отв. ред. М.П.Абрамова, В.И.Марковин. – М.: ИА РАН, 2001. Вып № 3.– С. 45–51.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2002. Отчет о раскопках в 2001 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2001. Архив ИА РАН.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2003 а. Отчет о раскопках в 2002 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2003. Архив ИА РАН. № 22888.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2003 б. Альбом к отчету о раскопках Эльхотовского могильника в 2002 г. Владикавказ. Архив ИИА РАН. № 22889.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2004. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И.Нарожный. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2004. Вып. № 4.– С. 273–286.

Чшиев, Х. Т. 2005 а. Предметы конской узды из Эльхотовского могильника кобанской культуры // Сб. трудов международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» / Ред. Т. А. Буниятов, М. Н. Рагимова... – Баку: «NURLAR», 2005. – С. 182–185.

Чшиев, Х.Т. 2005 б. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа /

Отв. ред. Е.И.Нарожный. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2005. Вып. № 5. – С. 89–99.

Чшиев, Х. Т. 2005 в. Отчет о раскопках в 2004 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2005. Архив ИА РАН.

Чшиев, Х.Т. 2006 а. Отчет о раскопках двухслойного грунтового могильника близ с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А, разведках близ с. Заманкул Правобережного р-на РСО-А и разведках близ с. Горная Саниба Пригородного р-на РСО-А в 2005 году. – Владикавказ, 2006. Архив ИА РАН.

Чшиев, Х. Т. 2006 б. Птицевидные привески кобанской культуры раннего типа из Алагирского ущелья Сев. Осетии // Международная Конференция «XXIV-е Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. 26-29 мая 2006 г. Тезисы докладов / Отв. редактор И.М.Чеченов. – Нальчик: КРОЛОРИТ, 2006. – С. 198–199.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2006 в. Раскопки могильника кобанской культуры Адайдон в Алагирском ущелье Северной Осетии в 2006 г. // Археологические открытия. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 63.

Чшиев, Х. Т. 2006 г. Древнеиранская собако-птица в кобанской металлопластике // Б.А.Алборов и проблемы кавказоведения. (Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А.Алборова) / Отв. ред. Т.А.Хамицаева. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2006. Часть II. – С. 142–150.

Чшиев, Х.Т. 2006 д. Отчет о раскопках в 2005 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2006. Архив ИА РАН.

Чшиев, Х.Т. 2007 а. Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры (Северная Осетия) // Материалы и

исследования по археологии Северного Кавказа.– Армавир: Редакционно – издательский центр АГПУ, 2007. № 8. – С. 40–49.

Чшиев, Х.Т. 2007 б. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А.А.Туаллагов. Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2007. Т. 1. – С. 178–293.

Чшиев, Х.Т. 2008 а. К вопросу о северо-кавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // Российская Археология / Отв. ред. Л.А.Беляев. – М.: Наука, 2008. – № 3. – С. 97–99.

Чшиев, Х.Т. 2008 б. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг.: Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов / Отв. ред. А.А.Туаллагов. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2008. – С. 376–380.

Чшиев, Х.Т. 2009. Традиции и инновации в археологии Кавказа (по материалам кобанской археологической культуры) // Проблемы всеобщей истории и политологии / Отв. ред. Б.Г.Койбаев. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, 2009. – С. 126–134.

Чшиев, Х.Т. 2010. Клювовидные секиры Адайдонского некрополя (новые данные о вооружении древних племен Кавказа) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Международная Конференция «XXVI-е Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Тезисы докладов. – Магас: Пилигрим, 2010.– С. 362–365.

Чшиев, Х.Т. 2011. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии //

Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М.Мамаев. – Грозный – Москва: Ин – т археологии РАН; ин – т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. – С. 168–175.

Чшиев, В. Х. Т. 2012 а. Эпоха поздней бронзы - раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии / Отв. ред. С.А.Айларова, А.Г.Кучиев. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2012. Т. 1. – С. 53–88.

Чшиев, В. Х. Т. 2012 б. Новые данные по погребальному обряду Николаевского могильника кобанской культуры // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Международная научная конференция XXVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. М.С.Гаджиев. – Махачкала: Издательский дом Мавраев, 2012. – С. 239–241.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2012 в. К истории взаимоотношений ираноязычных племен скифского культурного круга с автохтонными племенами Северного Кавказа по данным археологических источников Северной Осетии // Вестник Северо - Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. И.Б.Толасова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2012. – № 3. – С. 65–69.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2012 г. Всадничество у племен кобанской археологической культуры Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. И.Б.Толасова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2012. – № 4. – С. 96–100.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2012 д. Отчет об археологических разведках проведенных в р-не станицы Николаевская Дигорского района РСО-А в 2011 г. Владикавказ, 2013 г. Архив ИА РАН.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2013. Отчет об археологических работах проведенных в р-не станицы Николаевская Дигорского района РСО-А в 2012 г. Владикавказ, 2013 г. Архив ИА РАН.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2014 а. Солярные колесовидные привески кобанской культуры: к семантике одного из древних мифологических образов Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. З.А.Дзугаева. – Владикавказ: Издательство СОГУ им. К.Л.Хетагурова, 2014. – № 1. – С. 109–112.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2014 б. Некоторые линии развития связей Северного Кавказа (Северная Осетия - Алания) и Передней Азии (Урарту, Иран) в предскифское – раннескифское время // Вестник РУДН / Ред. С.А.Воронин. Серия «Всеобщая история». №4, Москва. Изд-во РУДН: № 4. С. 69 – 74.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2016 а. Наконечники стрел «степного» типа в памятниках кобанской культуры предгорной зоны РСО – А // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18 – 21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х.Багаев, Х.М.Мамаев. – Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2016. – С. 115 – 117.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2016 б. Элементы обряда и предметы материальной культуры , свидетельствующие о контактах племен-носителей кобанской археологической культуры предгорий РСО – А с населением Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Заметки ученого /Ред. С.А.Анесянц. № 6. Ростов – на Дону, 2015. – С. 105 – 107. (0,6 п.л.).

Чшиев, В.[Х.]Т. 2016 в. Массивные кружки биконических очертаний кобанской культуры и кувшинчики «кавказского гальштата» // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 61 – 64.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2016 г. К вопросу об ареале находок бронзовых птицевидных привесок кобанской археологической культуры // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 59 – 61.

Чшиев, В.[Х.]Т. 2016 д. «Киммерийский» наконечник стрелы с сигнальным отверстием из предгорий Северной Осетии // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 65 – 67.

Чшиев, В. Т. Новые находки из памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии как маркеры контактов автохтонного населения и племен киммерийско-скифского культурного круга // Вестник Российского университета дружбы народов / Ред. С.А.Воронин. – Москва: Изд-во РУДН, 2016. № 4. – С. 73 – 84.

Чшиев, В. [Х.]Т. Керамические сосуды редких форм из погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Ред. Ю. А. Прокопенко; Т. А. Невская. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. Вып. 9. С. 14 – 21. (0, 3 п. л.)

Чшиев, В. Т. Контакты племен – носителей восточного и центрального вариантов кобанской археологической культуры по материалам памятников предгорий Северной Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Ред. А. А. Слезин. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 193-196.

Чшиев, В. Т. Медицинские инструменты в кавказских древностях (по материалам кобанской археологической культуры) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Ред. А. А. Слезин. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 205-209.

Чшиев, В. Т. Новый комплекс с орнаментированным кобано – колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 246 / Глав. ред. Н. А. Макаров, Отв. ред. Ю. В. Лунькова. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – с. 280 – 297. *В соавторстве с А. Ю. Скаковым.*

Шрамко, Б.А. 1983. Архаическая керамика восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры. Археологический сборник / Ред. М.Б.Щукин. – Ленинград: Искусство, 1983. – Вып. 23. – С. 73–92.

Эрлих, В.Р. 1994. У истоков раннескифского комплекса. Отв. ред. А.М.Лесков. – М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1994. – 145 с.

Эрлих, В.Р. 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред. Р.М.Мунчаев, В.С.Ольховский. – М.: ИА РАН, 1997. – МИАР. Вып. № 1. – С. 19–33.

Эрлих, В.Р. 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М.Мунчаев. – Армавир-Москва: Армавирский краеведческий музей, 2002. – Вып. 8. – С. 7–17.

Эрлих, В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. (Протомеотская группа памятников). – М.: Наука, 2007. – 430 с.

Chantre, E. 1886. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Vol. II. – Paris: C. Reinwald, 1886. – 226 S.

Gazdapustai, Gy. 1963. Beziehungen zwischen den praskythischin Kulturen des Karpaten beckens und Nordkaukasus. – Szeged.1963. – 118 S.

Kašuba, M. 2008. Die ältesten Fibeln im Nordpontus // Eurasia antique. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 14. Deutshes Archäologisches Institut. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2008.– S. 193–231.

Kossack, G. 1983. Tli grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukazus // Beträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Band. 5. Bonn. 1983. – S. 89–181.

Motzenbäcker, I. 1996. Samlung Kossnierska. Bestandskataloge. Bang 3. Berlin: Museum für Vor – und Frühgeschichte, 1996. – 294 S.

Reinhold S., 2007. Die Spätbronze – und fruhe Eisenzeit im Kaukazus // Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Band 144: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn. 2007. – 383 S.

Список сокращений

АН – Академия наук

АО – Археологические открытия в СССР (Москва)

АС – Археологический съезд

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград)

ВГМГ – Вестник Государственного Музея Грузии (Тбилиси)

ВДИ – Вестник древней истории (Москва)

ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологи (Москва)

ВЛГУ – Вестник Ленинградского государственного университета (Ленинград)

ГИМ – Государственный Исторический Музей (Москва)

ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт – Петербург)

ЗРАО – Записки Русского археологического общества (Санкт – Петербург)

ИАА – Историко-археологический альманах (Армавир)

ИАК – Известия археологической комиссии (Санкт – Петербург)

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры (Ленинград)

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР (Цхинвали)

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (Москва)

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии (Орджоникидзе)

МАК – Материалы по археологии Кавказа (Москва)

МГУ – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)

МИАР – Материалы и исследования по археологии России (Москва)

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (Армавир)

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани (Краснодар)

МИИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (Москва)

ОАК – Отчет Археологической комиссии (Санкт – Петербург)

ОРФ СОИГСИ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева (Владикавказ)

ОПИ – Отдел полевых исследований Института Археологии РАН (Москва)

РА – Российская археология (Москва)

РСО-А – Республика Северная Осетия-Алания

РУДН – Российский университет дружбы народов (Москва)

СА – Советская археология (Москва)

САИ – Свод археологических источников (Москва)

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии материальной культуры (Ленинград)

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа (Ленинград)

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова (Владикавказ)

СОГОМИАЛ – Северо – Осетинский государственный объединенный музей истории, археологии и литературы (Владикавказ)

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт им. В.И.Абаева (Владикавказ)

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)

СЭ – Советская этнография (Москва)

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа (Ленинград)

ЦАИ АГПУ – Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического института (Армавир)

ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт (Грозный)

ESA – Eurasia Septentrionalis Antigua (Helsinki)

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта расположения памятников кобанской культуры в предгорно – равнинной зоне Северной Осетии: а – границы государств, краев, республик; б – горные хребты; в – горные вершины; г – ледники; д – 1 – 18 – археологические объекты: 1, 18 – Змейское поселение и могильник; 2 – Среднеурухское поселение; 3 – Комсомольское поселение; 4 – Эльхоткомское поселение; 5 – Верхнесанибанское поселение; 6 – Поселение Карагасыобау; 7, 12 – Николаевское поселение и могильник; 8 – Поселение Дур-Дур-5; 9 – Чернореченское поселение; 10 – Поселение Блин-гора 1; 11, 15 – Моздокское поселение и могильник; 13 – Заманкульский могильник; 14 – могильник у п. Садовый (?); 16 – Комаровский могильник; 17 – Эльхотовский могильник.

Рис. 2. Ситуационный план Эльхотовского могильника кобанской культуры: а – шоссейная дорога; б – обрыв; в – придорожная древесная посадка; г – кустарник; д – лиственные деревья; е – посадки грецкого ореха; ж – железная дорога; з – противотанковый ров 1942 г.; и – асфальтированные дорожки; I – Эльхотовский могильник кобанской культуры; II – христианская церковь 14 в.; III – монумент участникам сражений 1942 – 1943 гг. у Эльхотовских ворот.

Рис. 3. Генеральный план Эльхотовского могильника кобанской культуры и христианского кладбища 14 в.: I - Раскоп 1996 г.; II – раскоп 1998 г.; III – раскоп 1999 г.; IV – раскоп 2000 г.; V – раскоп 2001 г.; VI – раскоп 2002 г.; VII – раскоп 2003 г.; VIII фундамент христианской церкви 14 в.; IX – границы раскопов (++++); X – нулевой репер могильника; XI – раскоп 2004 г.; XII – асфальтовая дорожка; XIII – раскоп 2005 г.; XIV – Отдельно стоящие многолетние лиственные деревья; 10 – 94 – погребения. Могилы № 15, 20, 22 – 23, 25, 29 – 34, 36 – 41, 44 – 45, 47 – 60, 62 – 64, 68 – 80, 82 – 87, 91 – 94 относятся к Эльхотовскому могильнику кобанской культуры, остальные – к

христианскому кладбищу 14 в. Погребения выделенные красным цветом – 1 хронологическая группа; выделенные зеленым цветом – 3 хронологическая группа; не выделенные цветом – 2 хронологическая группа.

Рис. 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Погребальные сооружения и обряд. Планы погребений. Вид сверху.

Рис. 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Погребальные сооружения и обряд. Планы погребений. Вид сверху.

Рис. 6. Николаевский могильник. Погребальные сооружения и обряд.

Погребение № 3. Вид сверху. 1 – керамический сосуд; 2, 6 – бронзовые бляшки; 3 – бронзовый кинжал; 4 – бронзовая булавка; 5 – сердоликовые бусы; 7 – бронзовые кольца; 8 – бронзовые бляшки; 9 – 10 – сурьмяные пуговицы; 11 – фрагмент бронзового предмета; 12 – фрагмент бронзовой трубочки; 13 – фрагменты бронзовой спирали.

Рис. 7. Николаевский могильник кобанской культуры. Погребальные сооружения и обряд. Погребение № 1. Вид сверху. 1 – фрагмент керамической корчаги; 2 – фрагмент керамической корчаги; 3 – фрагмент керамической кружки; 4 – фрагмент дна керамической кружки; 5 – фрагмент венчика керамического сосуда; 6 – фрагмент венчика керамического сосуда; 7 – бронзовая височная привеска; 8 – фрагмент бронзовой височной привески.

Рис. 8. Эльхотово. Столовая керамика. Корчаги. 1-7, тип 1, подтип 1.

Рис. 9. Эльхотово. Столовая керамика. Корчаги. 1-2, 4,6,8 тип 1, подтип 2; 3,5,7,9 тип 1, подтип 1.

Рис. 10. Эльхотово. Корчаги. 1-2 тип 2, подтип 2; 3-6 тип 2, подтип 1.

Рис. 11. Эльхотово. Столовая керамика. Корчаги. 1 – тип 3; 2 – тип 4; 5 – тип 5. Горшки. 3 – тип 2; 4 – тип 3; 6 – тип 4.

Рис. 12. Эльхотово. Столовая керамика. Кружки. 1 – 13, 15 – 17 – тип 1; 14 – тип 5.

Рис. 13. Эльхотово. Столовая керамика. Кружки. 1 – 14 – тип 1.

Рис. 14. Эльхотово. Столовая керамика. Кружки. 1 – 8 тип 1; 9 – тип 2; 10 – тип 3.

Рис. 15. Эльхотово. Столовая керамика. Черпачки. 1 – 2, 4 – 7 – тип 1; 3, 8 – 9 - тип 2.

Рис. 16. Эльхотово. Столовая керамика. Сосуды редких форм. 1 – сосуд «тюльпановидного» типа; 2 - кубок с сосцевидными налепами и семечковидным орнаментом; 3 – миска с круглой ручкой; 4 – кружка «тюльпановидного» типа.

Рис. 17. Эльхотово. Орудия труда. Ножи. (1 – бронза, остальное – железо).

Рис. 18. Эльхотово. Кремневые вкладыши и огнива.

Рис. 19. Эльхотово. Орудия труда. Иглы, проколки, прясла (1 – 10, 12 – бронза, 11 – железо, 13 – 15 – керамика).

Рис. 20. Эльхотово. Оселки (камень).

Рис. 21. Эльхотово. Булавки, ворворки, фибулы (бронза).

Рис. 22. Эльхотово. Поясные пряжки и пояса (бронза).

Рис. 23. Эльхотово. Пуговицы (1 – 30, 32 – 34 – бронза, 31, 35 – 48 – сурьма, 49 – камень).

Рис. 24. Эльхотово. Топоры (1 – 7 – бронза, 8 – камень).

Рис. 25. Эльхотово. Наконечники копий (железо).

Рис. 26. Эльхотово. Кинжалы, удила, псалии (1 – 4, 6 – бронза, 5 – железо, 7 – 10 – рог).

Рис. 27. Эльхотово. Наконечники стрел и пластины доспеха (1 – 13, 18 – 23 – бронза, 14 – 17 – кость).

Рис. 28. Эльхотово. Привески (бронза).

Рис. 29. Эльхотово. Привески (1 – 16, 37 – 38 – бронза, 17 – сурьма, 18 – 26 – клыки, 27 – 29 – камень, 30 – 36 – раковина; 39 – кость).

Рис. 30. Эльхотово. Браслеты (бронза).

Рис. 31. Эльхотово. Налокотники и гривны (бронза).

Рис. 32. Эльхотово. Височные привески (бронза).

Рис. 33. Эльхотово. Височные привески (бронза).

Рис. 34. Эльхотово. Бронзовые бляхи.

Рис. 35. Эльхотово. Полусферические бляшки (бронза).

Рис. 36. Эльхотово. Перстни (бронза).

Рис. 37. Эльхотово. Пронизи и трубочки (бронза).

Рис. 38. Эльхотово. Накосники (бронза).

Рис. 39. Эльхотово. Стеклянные бусы и бисер.

Рис. 40. Эльхотово. Каменные бусы.

Рис. 41. Эльхотово. Бусы (1 – 23 – бронза, 24 – 52 – сурьма, 53 – 54 – железо).

Рис. 42. Эльхотово. Астрагалы МРС.

Рис. 43. Эльхотово. Предмет неизвестного назначения (рог).

Рис. 44. Керамические корчаги. 1, 11 – 14 – Николаевская (12 – реконструкция), 2 – 10 – Средний Урух.

Рис. 45. Керамические кружки. 1 – 6 – Средний Урух, 7 – 14 – Николаевская.

Рис. 46. Керамические кружки (с. Комсомольское).

Рис. 47. Бронзовые удила (Адайдонский некрополь).

Рис. 48. Керамические сосуды. 1 – Николаевская, 2 – 3 – Средний Урух, 4 – Комсомольское, 5 – 7 – Горная Саниба.

Рис. 49. Предметы из памятников кобанской культуры предгорной части РСО – А. 1, 13 – 14 – Заманкул, 2 – 8 – Николаевская, 9 – 11, 15 – Средний Урух, 12 – Комсомольское (1 – железо, 2 – 5, 11, 14 – 15 – бронза, 6 – 8 – сердолик, 9 – 10, 12 – 13 – керамика).

Рис. 50. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1 – Николаевская, 2, 5 – Заманкул, 3 – 4 – Карагасы-Обау (1, 3 – 5 – керамика, 2, 5 – бронза).

Рис. 51. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1, 3 – 4 – Николаевская, 2 – Заманкул, 5 – 8 – Дур – Дур – 2 (1,3 – 8 – керамика, 2 – бронза).

Рис. 52. Посуда из памятников Степи и Лесостепи Северного Причерноморья предскифской эпохи (без масштаба). 1 – 2, 5 – 7, 9 – 11 – по Б.Н.Гракову, 1977; 3 – 4 по А.И.Мелюкова, 1979; 8, 12 – по С.В.Махортых, 2005. 1 – 2 – Чернолесская культура, 6 – 7 – Чернолесская культура (Зелевкинский клад), 8 – киммерийская культура, 9 – 10 – Высоцкая культура, 3 – 4 – Культура Ноа (памятники «фракийского гальштатта»), 5 – белогрудовский этап Чернолесской культуры, 11 – белозерский этап срубной культуры, 12 – киммерийская культура (Киркаешты).

Рис. 53. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1 – 4 – Карагасы – Обау.

Рис. 54. Керамика Крыма, Степи и Лесостепи Северного Причерноморья предскифской эпохи. 1, 7 – по А.И.Мелюкова, 1989; 4 – 5, 8 – по Х.И.Крис, 1989, 2 – 3, 6 – по С.В.Махортых, 2005.

Рис. 55. Фрагменты керамических кружек. Горная Саниба.

Рис. 56 а. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Сводная схема взаимовстречаемости вещей в погребениях.

Рис. 56 б. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Сводная схема взаимовстречаемости вещей в погребениях. Условные обозначения к рисункам 56 а и 56 б: П – погребения; В – вещи; 1 – корчаги; 2 – кружки; 3 – черпачки; 4 – булавки с закрученной головкой; 5 – фибулы; 6 – браслеты; 7 – височные подвески в 1,5 оборота; 8–гривны; 9 – каури; 10–накосники; 11 – налокотники; 12 – бронзовые кинжалы; 13 – железные копья; 14 – крестовид-

ные пуговицы; 15 - железные ножи; 16 – каменные оселки; 17 – перстни; 18 – полусферические бляшки с петлей; 19 – пластинчатые пряжки; 20 – птицевидные привески; 21 – топоры; 22 – бронзовые стрелы; 23 – иглы; 24 – бронзовый нож; 25 – овальная привеска в 1,5 оборота; 26 – миска; 27 – крестовидные привески; 28 – очковидные привески; 29 – кремень (огниво); 30 – ворворки; 31 – сурьмяные бусы; 32 – стеклянные бусы; 33 – бронзовые бусы; 34 – сердоликовые бусы; 35 – гагатовые бусы; 36 – железный кинжал.

Рис. 57. Космоснимок археологических памятников у ст. Змейская РСО А. П – поселение кобанской культуры; М – могильник кобанской культуры.

Рис. 58. Рис. 58. План раскопок Змейского поселения кобанской культуры(по Д.В. Деопик, Е.И. Крупнов, 1961).

Рис. 59. Эльхотовское средневековое городище и поселение кобанской культуры «Эльхотком», схематичный план (по В.А.Кузнецову, 1965). I – IV – Эльхотовское средневековое городище; II – поселение кобанской культуры «Эльхотком».

Рис. 60. Рис. 60. Поселение кобанской культуры Дур-Дур – V (по З.Х. Царикаева (Албегова), 2006).

Рис. 61. Средневековое городище Дур-Дур-II и Николаевское поселение кобанской культуры. Схематичный план (по В.А.Кузнецову, 1965).

Рис. 62. Схема связей по инвентарю центрального варианта кобанской культуры (Эльхотовский могильник) с памятниками восточного (1 – 4) и западного (5– 9).

Рис. 63. Реконструкция системы женских украшений Эльхотовского могильника (реконструкция автора, рисунок Б. Г. Цогоева.

Список таблиц приложения 1.
Таблицы количественных данных элементов обряда и вещевого материала Эльхотовского могильника

Таблица № 1. Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника.

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма.

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда.

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер.

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения.

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески.

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда.

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда.

Таблица № 9. Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника.

Таблица № 10. Эльхотовский могильник. Сводная хронологическая таблица.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

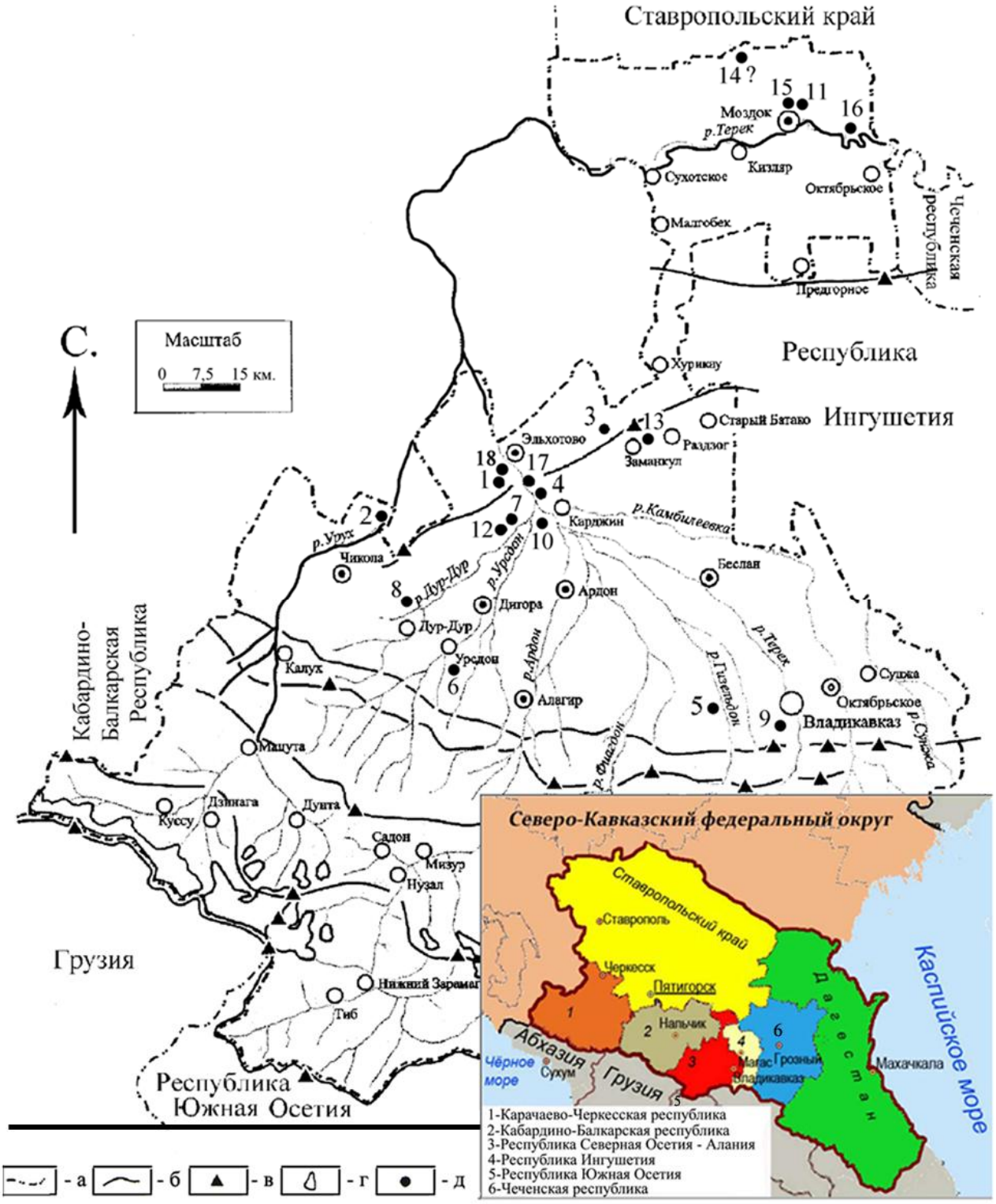

Рис. 1. Памятники кобанской культуры в предгорно-равнинной зоне Северной Осетии. Условные обозначения: а – границы государств, краев, республик; б – горные хребты; в – горные вершины; г – ледники; д – археологические объекты – (1 – 18).

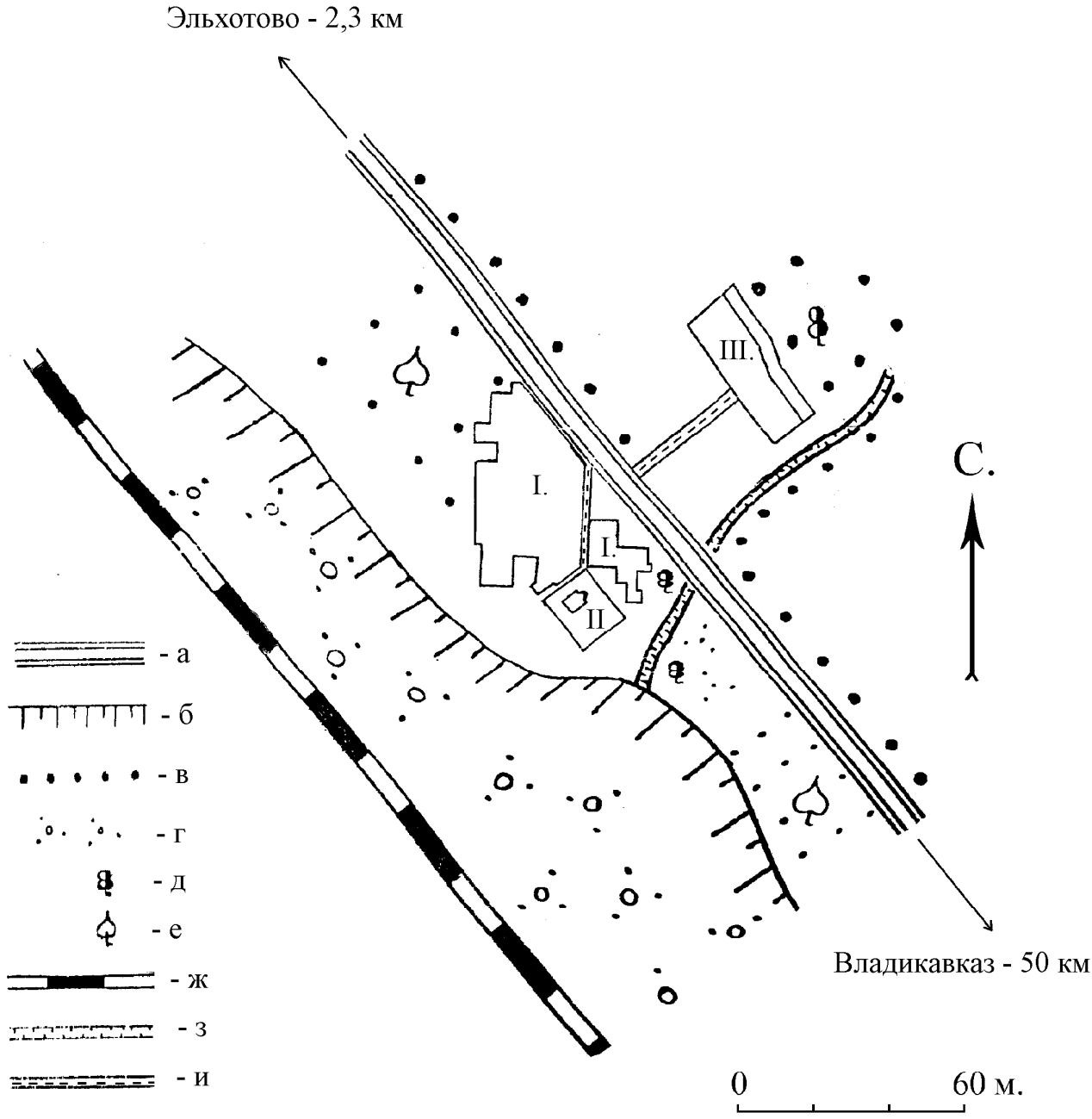

Рис. 2. Ситуационный план Эльхотовского могильника кобанской культуры.

а – шоссейная дорога; б – обрыв; в – придорожная древесная посадка; г – кустарник; д – лиственные деревья; е – посадки грецкого ореха; ж – железная дорога; з – противотанковый ров 1942 г.; и – асфальтированные дорожки; I – Эльхотовский могильник кобанской культуры; II – христианская церковь 14 в.; III – монумент участникам сражений 1942 – 1943 гг. у Эльхотовских ворот.

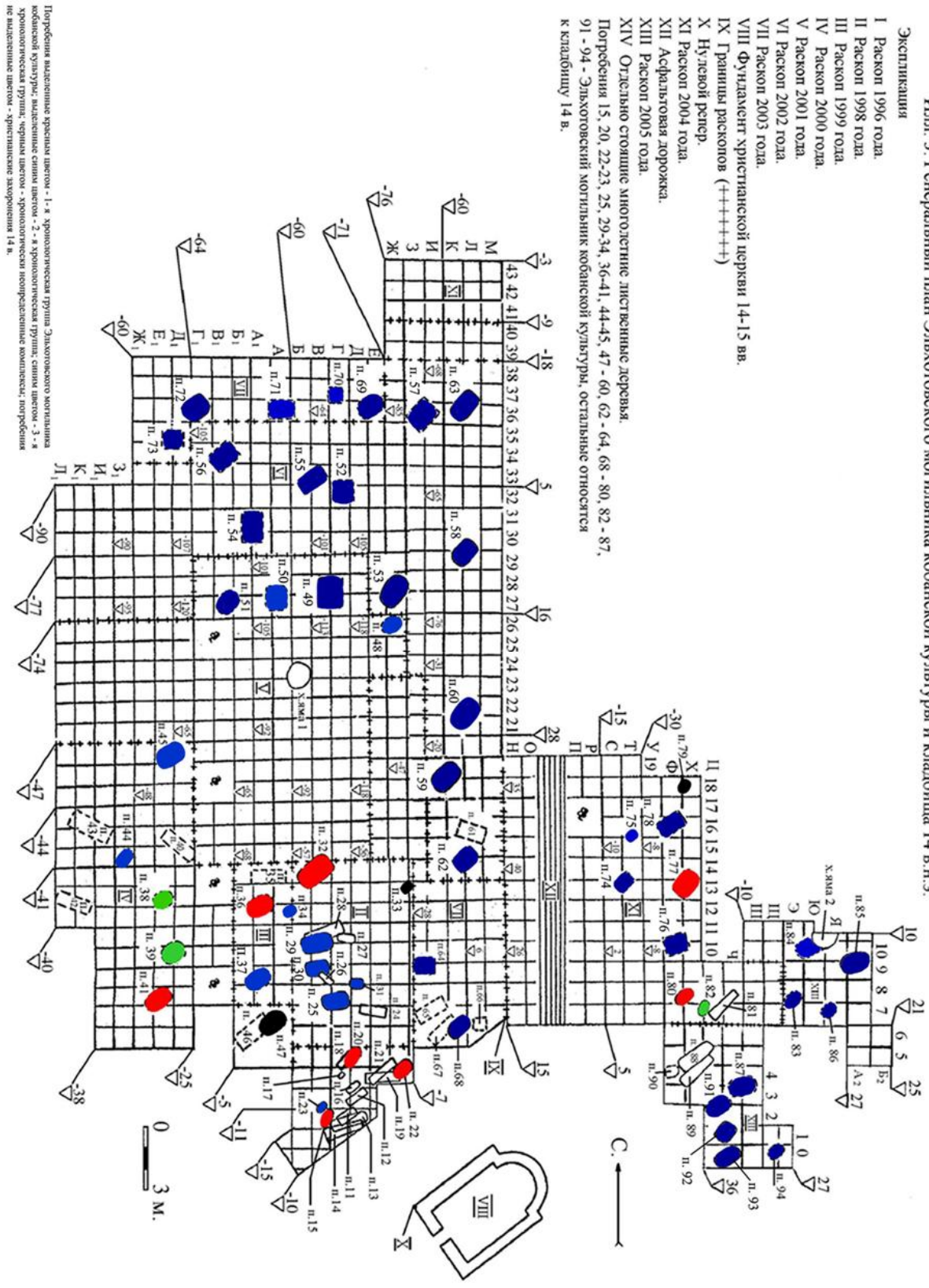

Рис. 3. Генеральный план Эльхотовского могильника кобанской культуры и христианского кладбища 14 в.

Аннотация к рис. 3. Генеральный план Эльхотовского могильника кобанской культуры и христианского кладбища 14 в.

I – Раскоп 1996 г.; II – раскоп 1998 г.; III – раскоп 1999 г.; IV – раскоп 2000 г.; V – раскоп 2001 г.; VI – раскоп 2002 г.; VII – раскоп 2003 г.; VIII фундамент христианской церкви 14 в.; IX – границы раскопов (++++); X – нулевой репер могильника; XI – раскоп 2004 г.; XII – асфальтовая дорожка; XIII – раскоп 2005 г.; XIV – Отдельно стоящие многолетние лиственные деревья; 10 – 94 – погребения. Могилы № 15, 20, 22 – 23, 25, 29 – 34, 36 – 41, 44 – 45, 47 – 60, 62 – 64, 68 – 80, 82 – 87, 91 – 94 относятся к Эльхотовскому могильнику кобанской культуры, остальные – к христианскому кладбищу 14 в. Погребения выделенные красным цветом – 1 хронологическая группа; выделенные синим цветом – 2 хронологическая группа, выделенные зеленым цветом – 3 хронологическая группа; выделенные черным цветом – неопределенные.

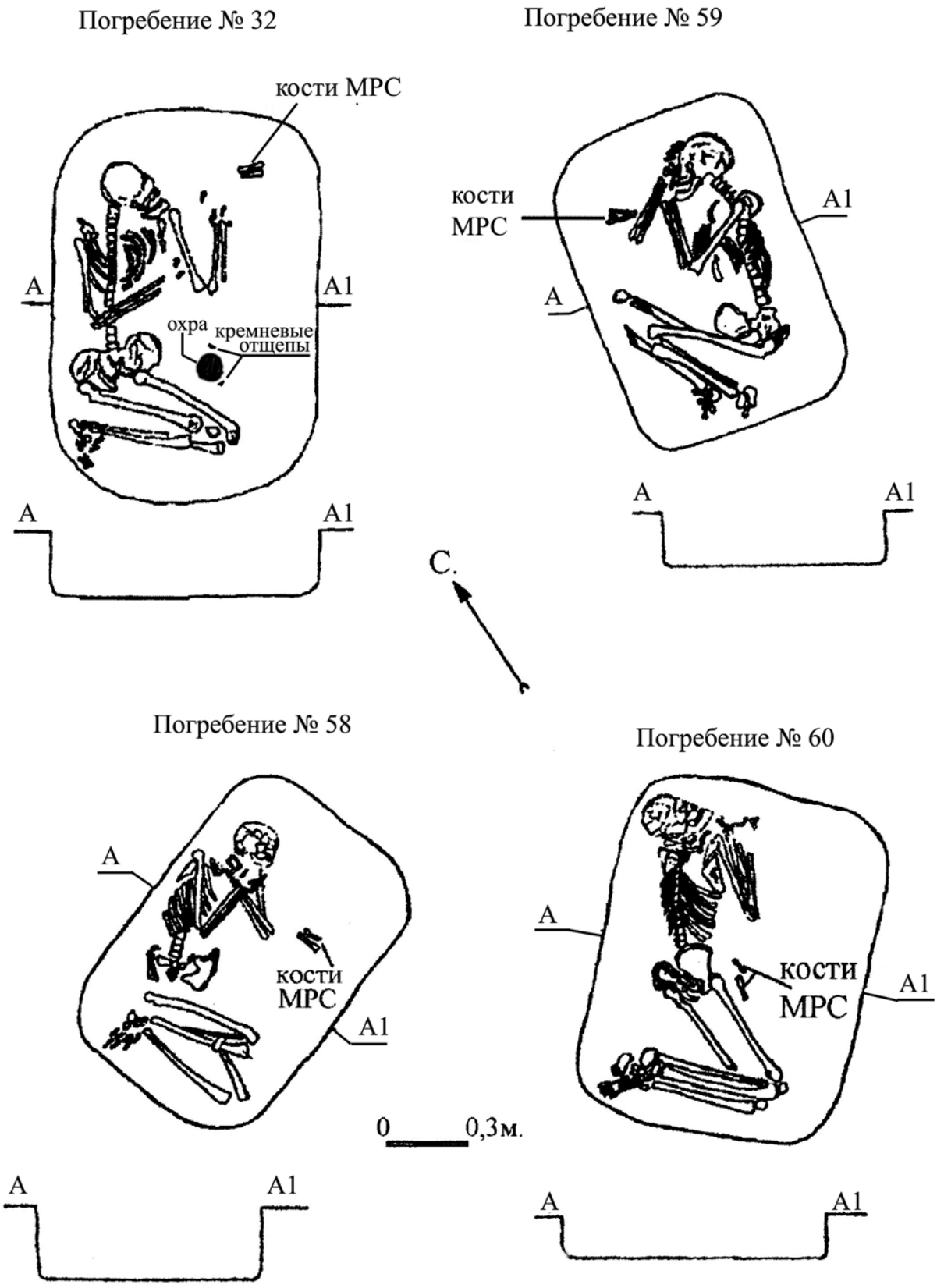

Рис. 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Погребальные сооружения и обряд. Планы погребений. Вид сверху.

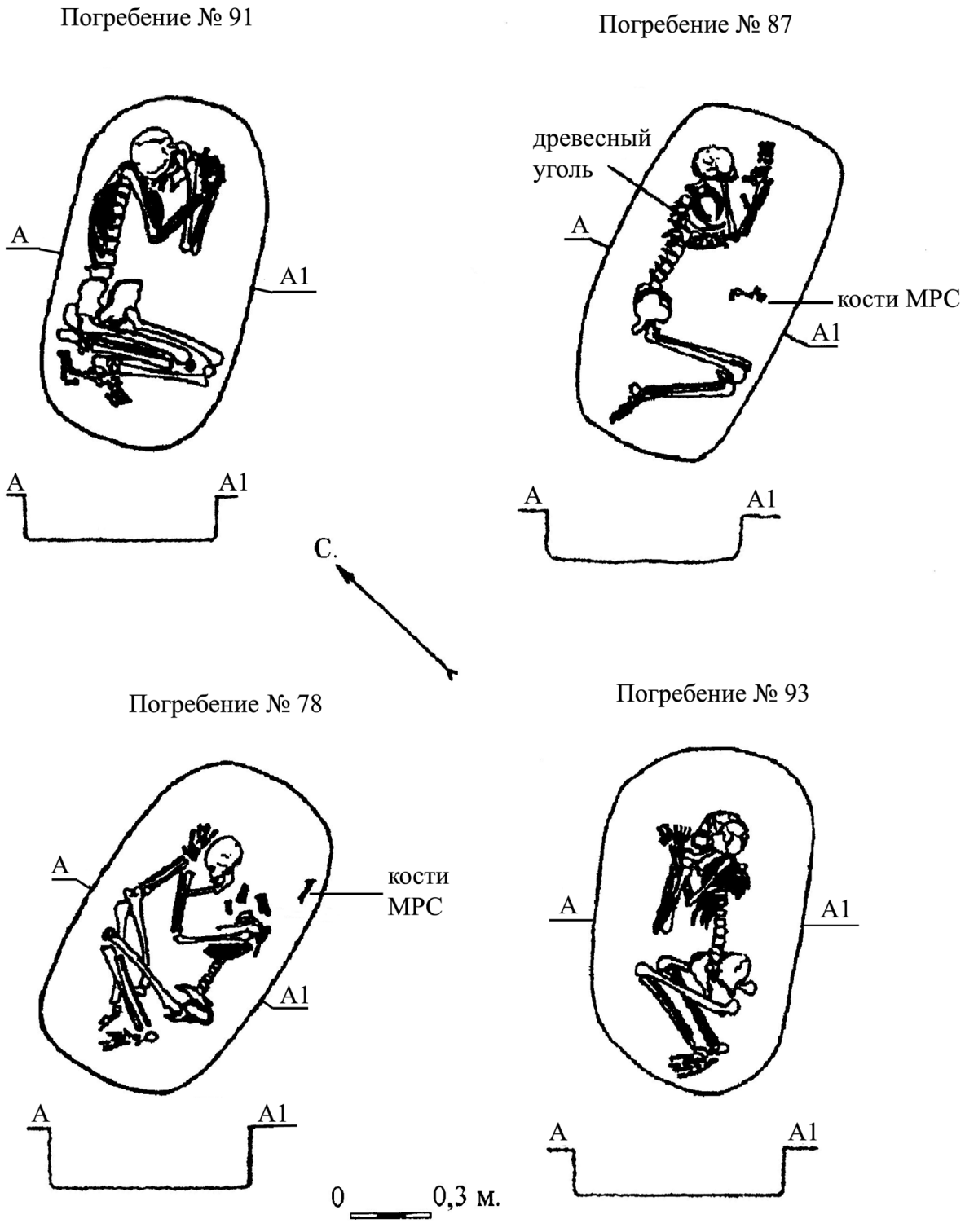

Рис. 5. Эльхотовский могильник. Погребальные сооружения и обряд. Планы погребений. Вид сверху.

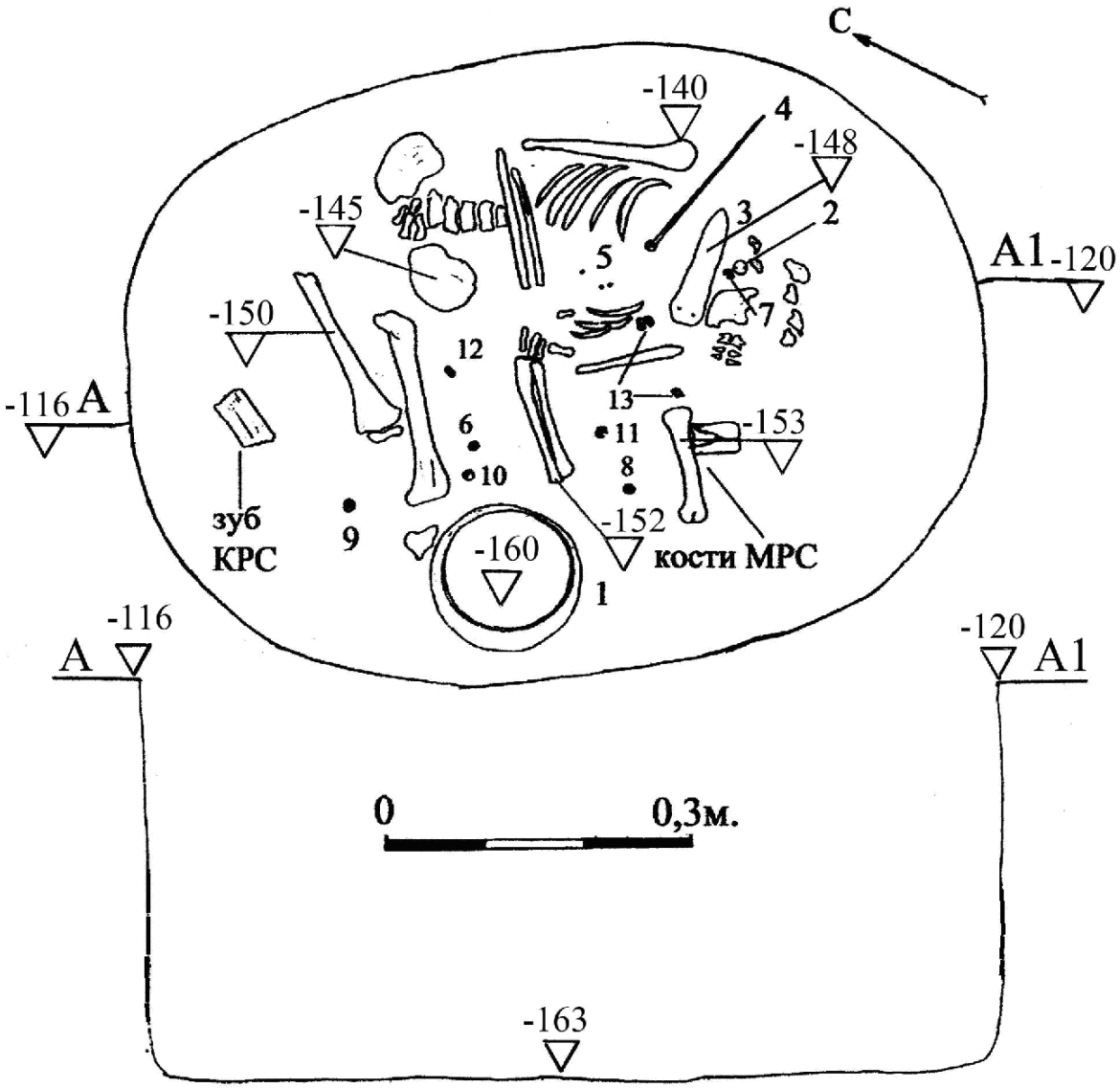

Рис. 6. Николаевский могильник. Погребальные сооружения и обряд.

Погребение № 3. 1 – керамический сосуд; 2, 6 – бронзовые бляшки; 3 – бронзовый кинжал; 4 – бронзовая булавка; 5 – сердоликовые бусы; 7 – бронзовые кольца; 8 – бронзовые бляшки; 9 – 10 – сурьмяные пуговицы; 11 – фрагмент бронзового предмета; 12 – фрагмент бронзовой трубочки; 13 – фрагменты бронзовой спирали.

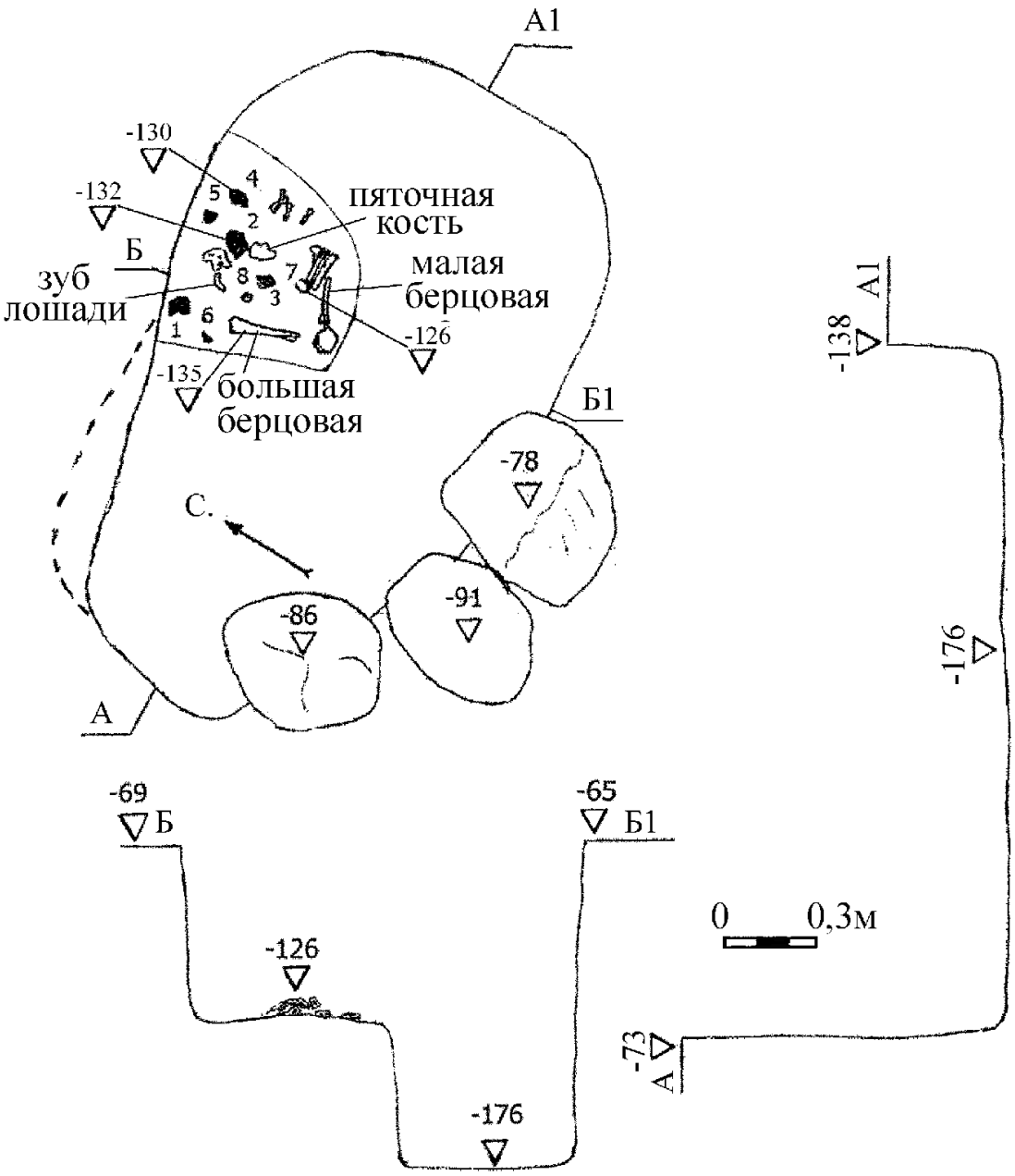

Рис. 7. Николаевский могильник. Погребальные сооружения и обряд.

Погребение № 1. 1 – фрагмент керамической корчаги; 2 – фрагмент керамической корчаги; 3 – фрагмент керамической кружки; 4 – фрагмент дна керамической кружки; 5 – фрагмент венчика керамического сосуда; 6 – фрагмент венчика керамического сосуда; 7 – бронзовая височная привеска; 8 – фрагмент бронзовой височной привески.

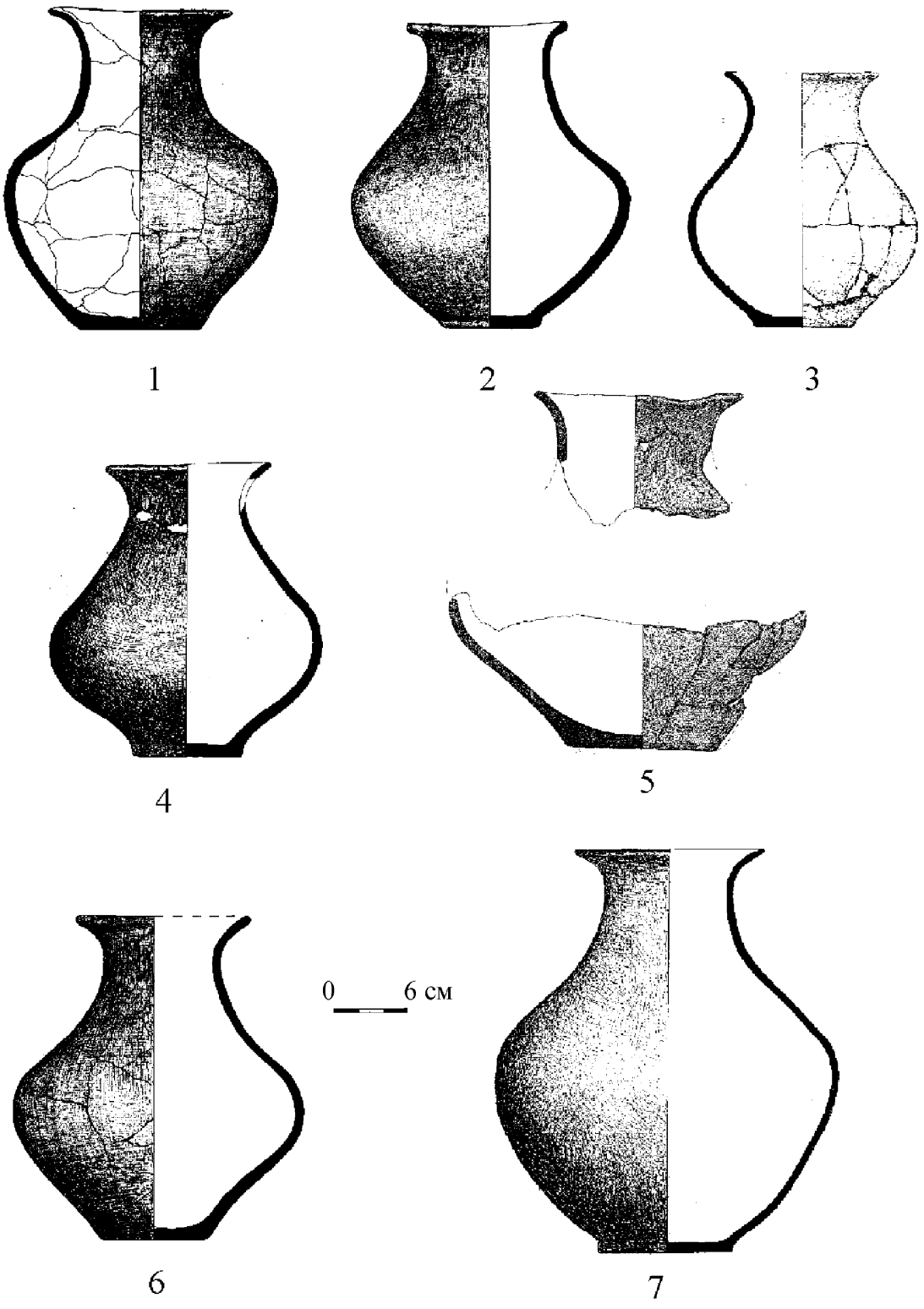

Рис. 8. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Корчаги. 1-7 тип 1, подтип 1 (1 – погребение 41; 2 – погребение 38; 3 – погребение – 82; 4 – погребение 25; 5 – погребение – 29; 6 – погребение – 45; 7 – погребение 73).

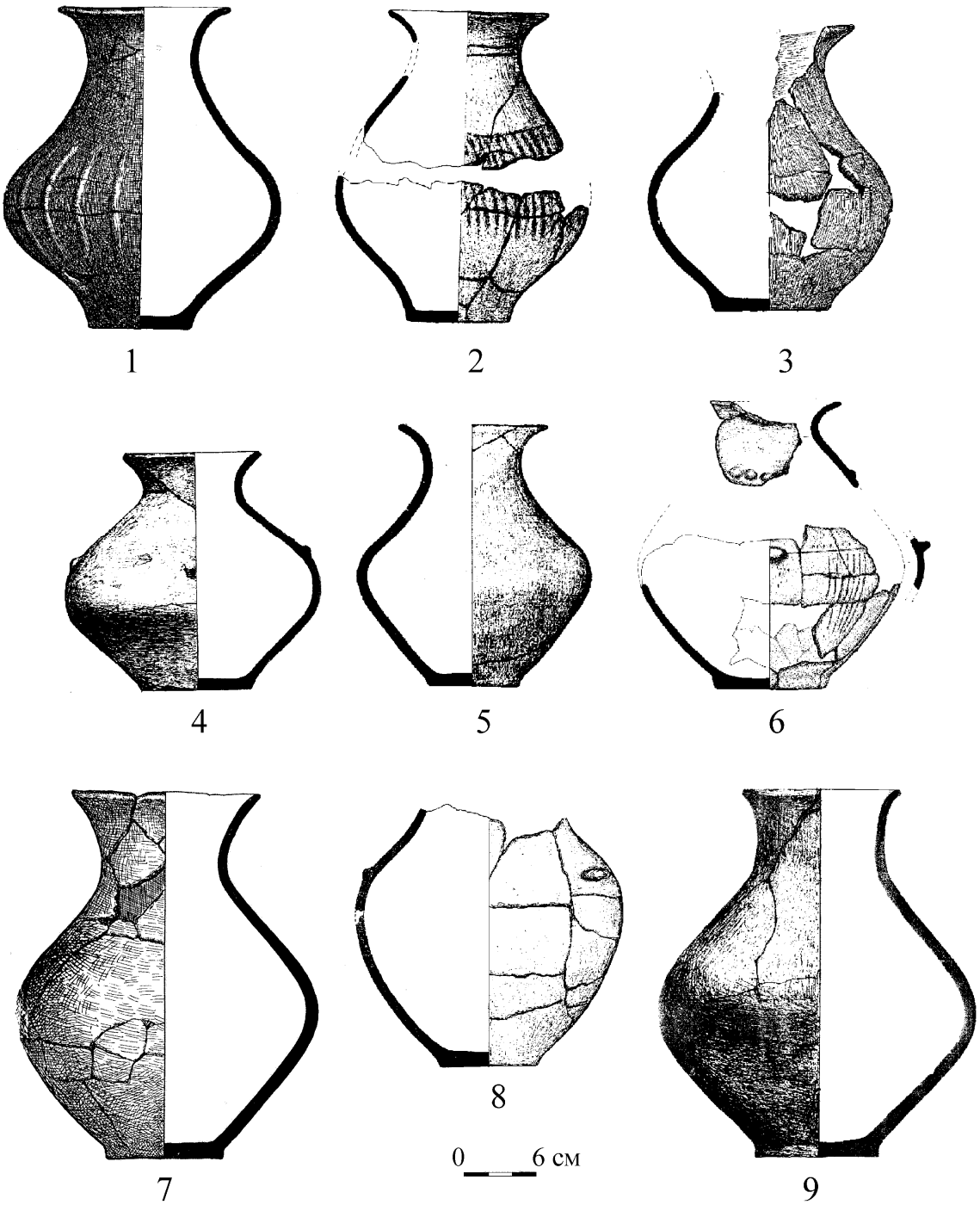

Рис. 9. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Корчаги. 1-2, 4,6,8 тип 1, подтип 2; 3,5,7,9 тип 1, подтип 1 (1 – погребение 32; 2 – погребение 57; 3 – погребение 30; 4 – погребение 93; 5 – погребение 62; 6 – погребение 54; 7 – погребение 36; 8 – погребение 77; 9 – погребение 85).

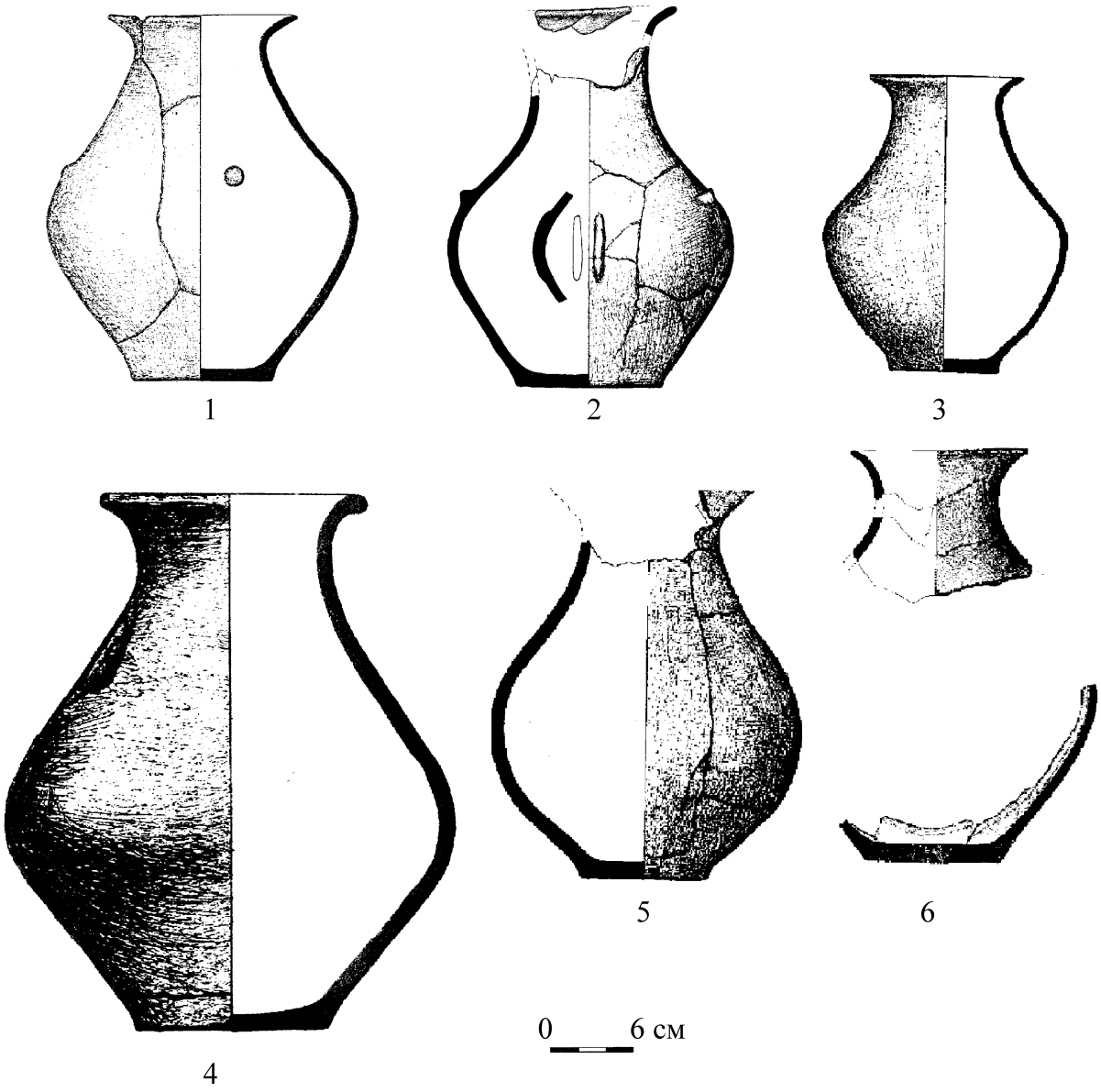

Рис. 10. Эльхотовский могильник. Корчаги.

1-2 тип 2, подтип 2; 3-6 тип 2, подтип 1 (1 – погребение 76; 2 – погребение 53; 3 – погребение 68; 4 – погребение 92; 5 – погребение 58; 6 – погребение 59).

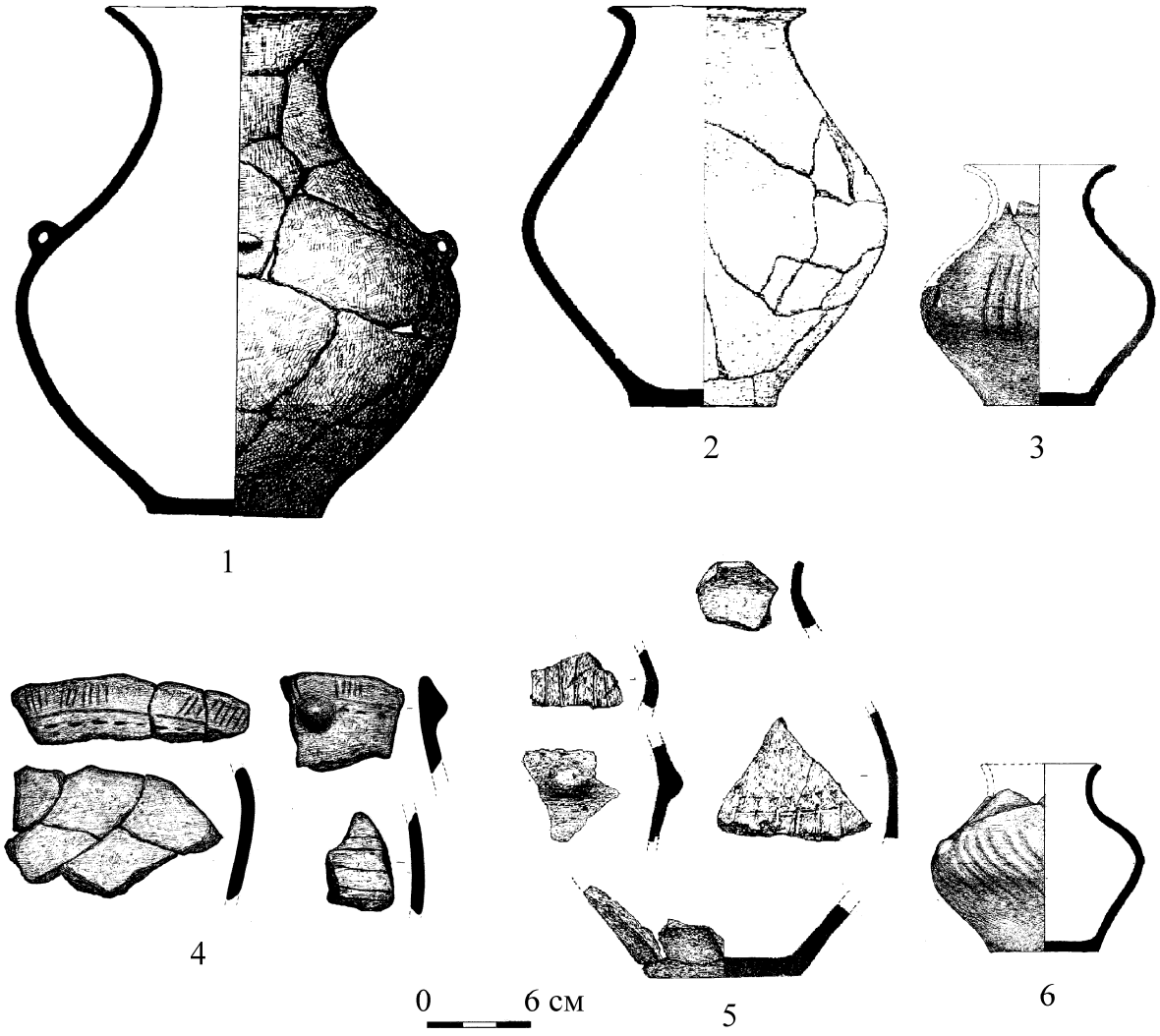

Рис. 11. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Корчаги и горшки.

1 – тип 3; 2 – тип 4; 5 – тип 5. Горшки. 3 – тип 2; 4 – тип 3; 6 – тип 4 (1 – погребение 60; 2 – погребение 78; 3 – погребение 83; 4 – погребение 52; 5 – погребение 87; 6 – погребение 85).

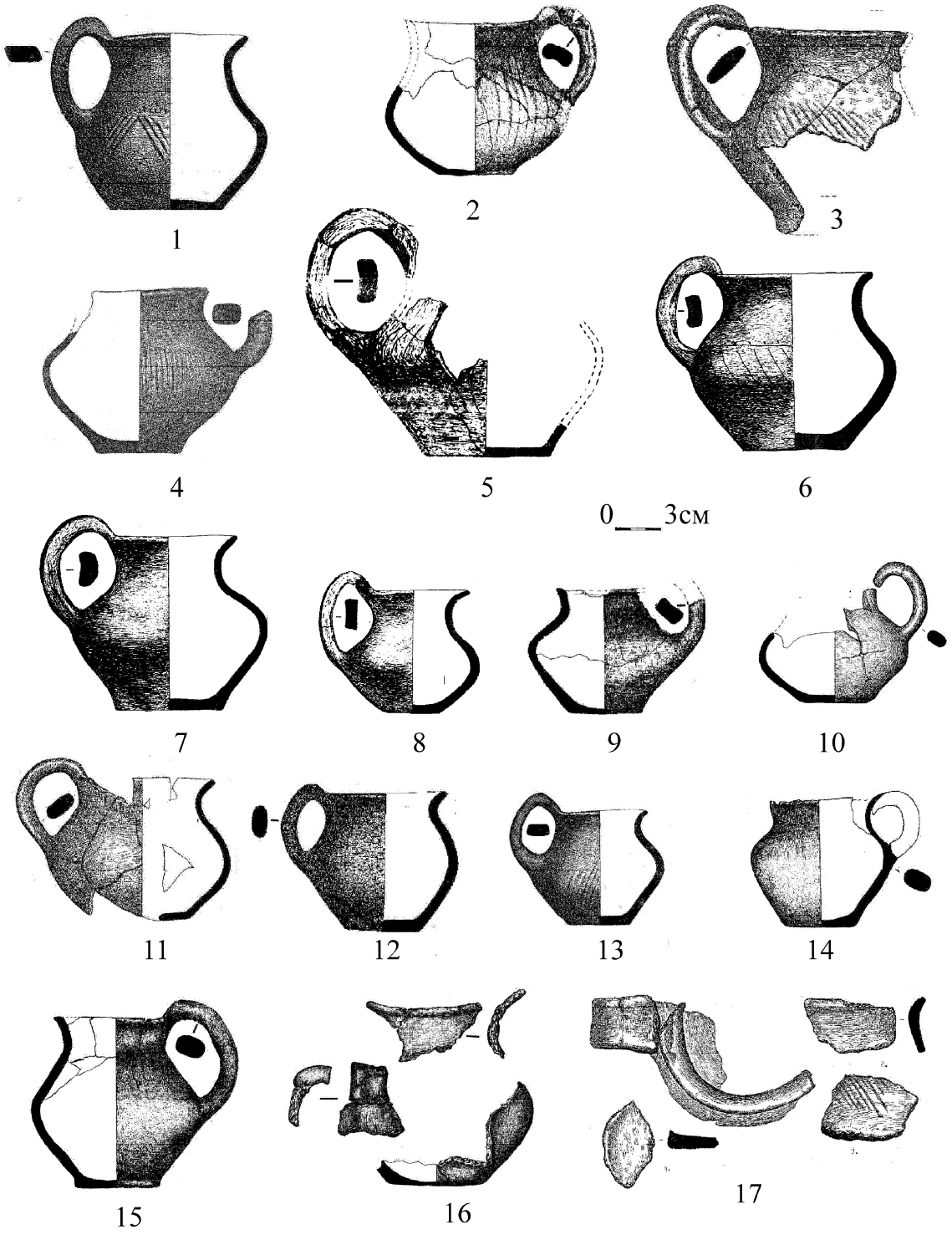

Рис. 12. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Кружки.

1 – 13, 15 – 17 – тип 1; 14 – тип 5 (1 – погребение 30; 2 – погребение 38; 3 – погребение 20; 4 – погребение 32; 5 – погребение 86; 6 – погребение 93; 7 – погребение 92; 8 – погребение 94; 9 – погребение 41; 10 – погребение 25; 11 – погребение 36; 12 – погребение 37; 13 – погребение 31; 14 – погребение 38; 15 – погребение 39; 16 – погребение 45; 17 – погребение 15).

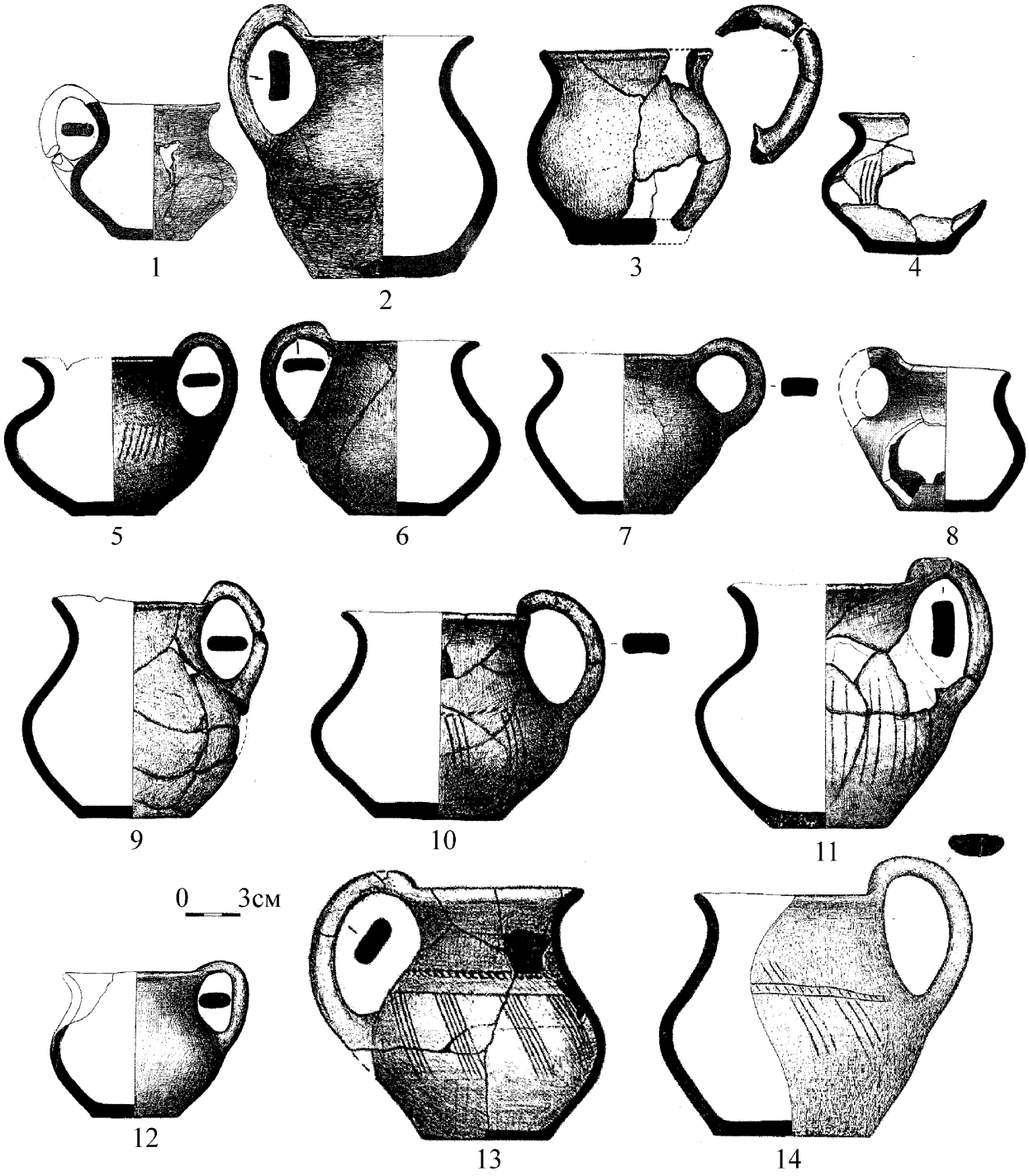

Рис. 13. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Кружки.

1 – 14 – тип 1 (1 – погребение 48; 2 – погребение 85; 3 – погребение 64; 4 – погребение 62; 5 – погребение 53; 6 – погребение 54; 7 – погребение 58; 8 – погребение 68; 9 – погребение 56; 10 – погребение 59; 11 – погребение 60; 12 – погребение 63; 13 – погребение 68; 14 – погребение 74).

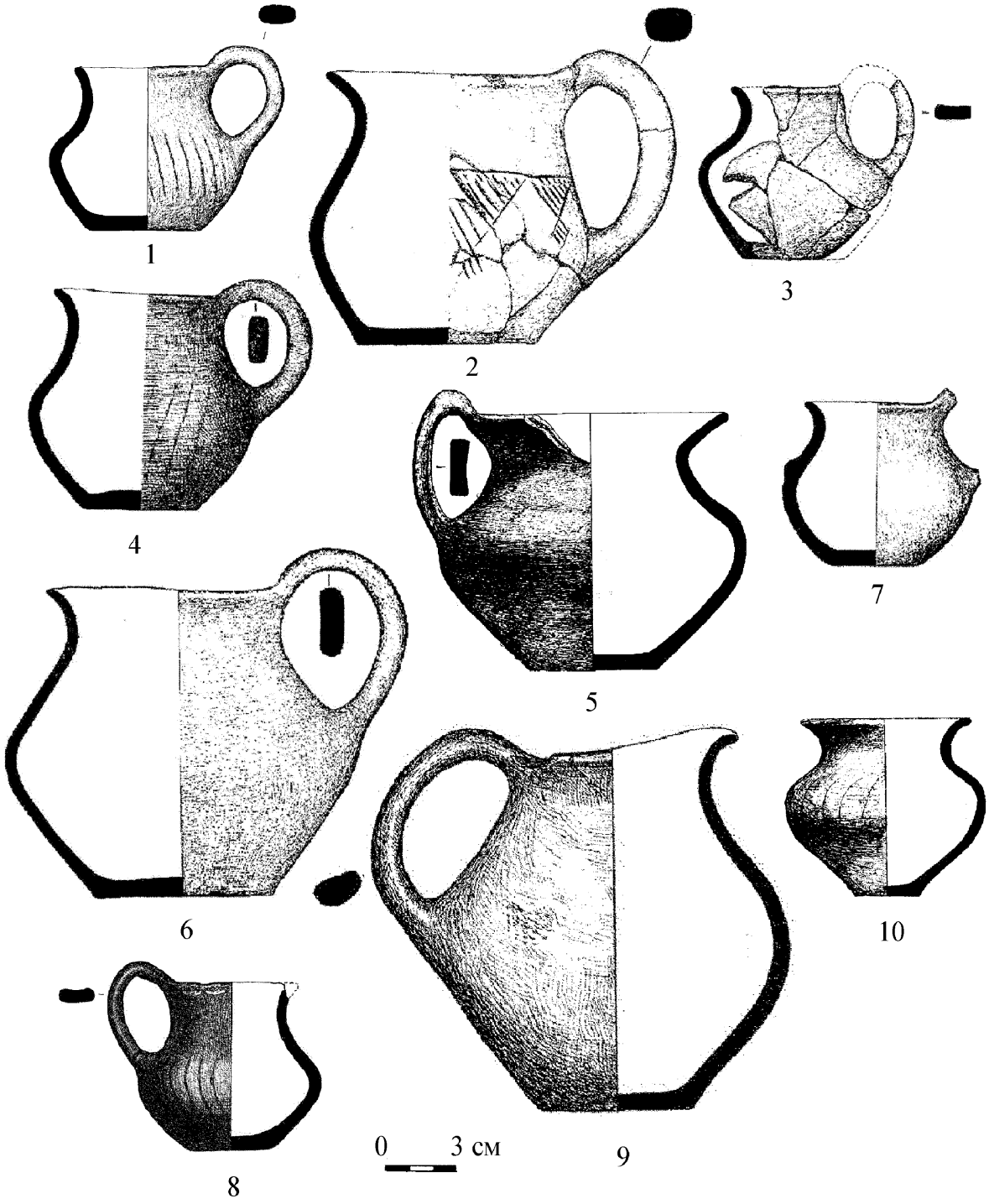

Рис. 14. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Кружки.

1 – 8 тип 1; 9 – тип 2; 10 – тип 3 (1 – погребение 74; 2 – погребение 74; 3 – погребение 74; 4 – погребение 82; 5 – погребение 87; 6 – погребение 76; 7 – погребение 82; 8 – находка вне комплекса; 9 – погребение 25; 10 – погребение 92).

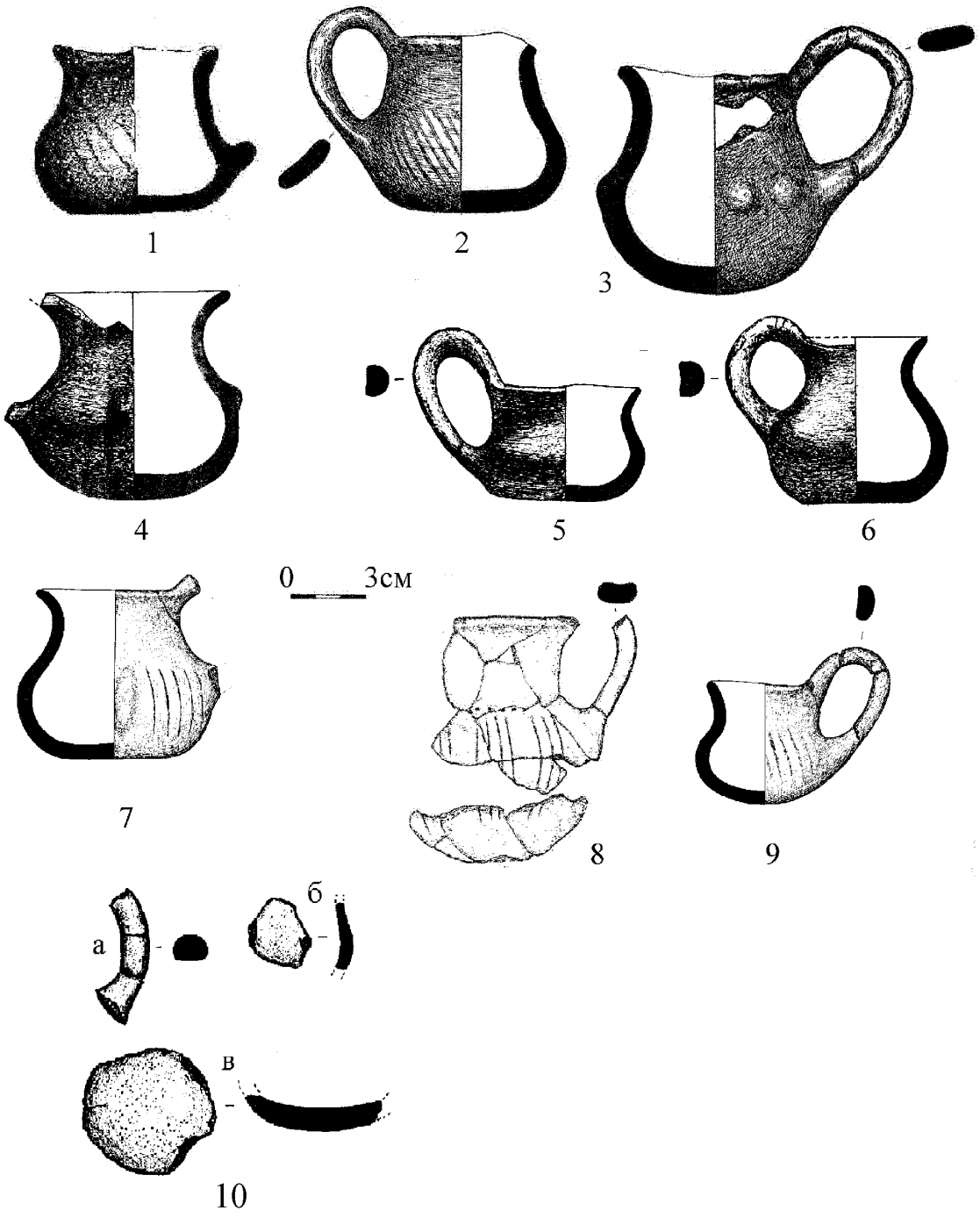

Рис. 15. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Черпачки.

1 – 2, 4 – 7 – тип 1; 3, 8 – 10 - тип 2 (1 – погребение 15; 2 – погребение 23; 3 – погребение 23; 4 – погребение 85; 5 – погребение 91; 6 – погребение 92; 7 – погребение 78; 8 – погребение 75; 9 – погребение 80; 10 – погребение 64).

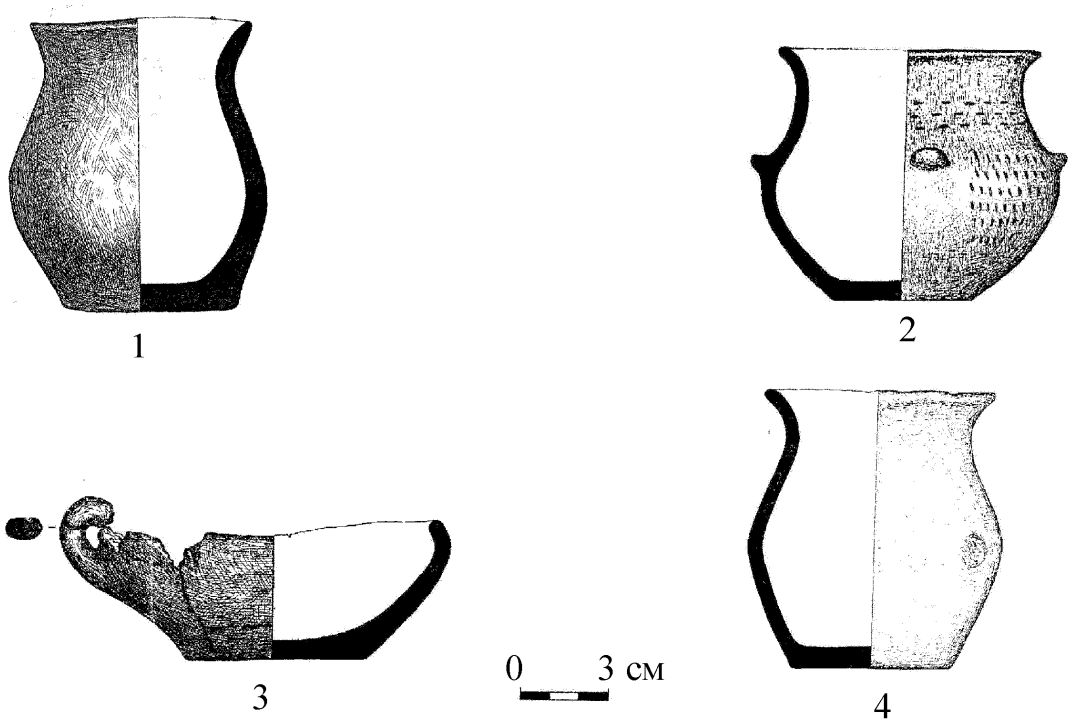

Рис. 16. Эльхотовский могильник. Столовая керамика. Сосуды редких форм. 1 – сосуд «тюльпановидного» типа; 2 - кубок с сосцевидными налепами и семечковидным орнаментом; 3 – миска с круглой ручкой; 4 – кружка «тюльпановидного» типа (1 – погребение 20; 2 – погребение 80; 3 – погребение 32; 4 – погребение 74).

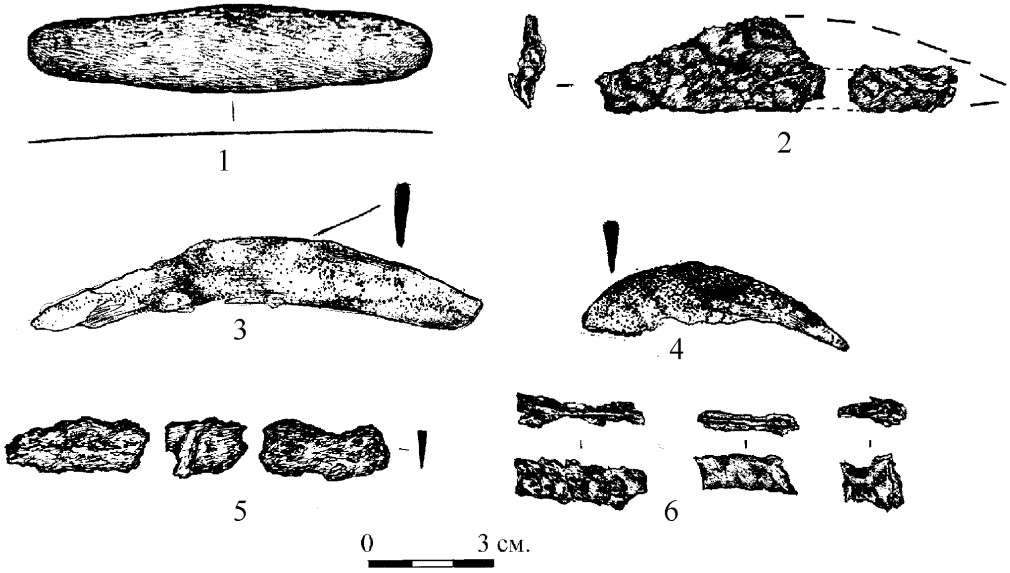

Рис. 17. Эльхотовский могильник. Орудия труда. Ножи (1 – бронза, остальное – железо; 1 – погребение 15; 2 – погребение 45; 3 – погребение 87; 4 – погребение 85; 5 – погребение 60; 6 – погребение 41).

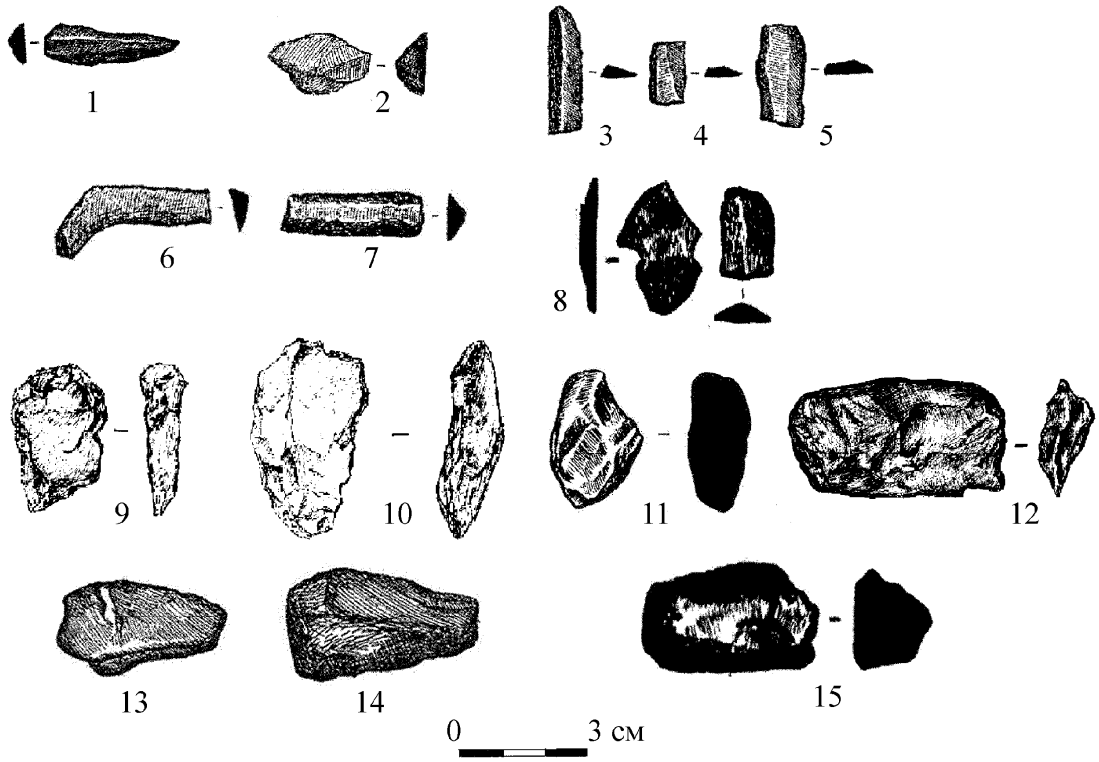

Рис. 18. Эльхотовский могильник. Кремневые вкладыши и огнива (1 – погребение 25; 2 – погребение 51; 3 – 5 погребение 29; 6 – 7 погребение 53; 8 – погребение 59; 9 – погребение 39; 10 – погребение 41; 11 – погребение 52; 12 – погребение 45; 13 – 14 погребение 32; 15 – погребение 60).

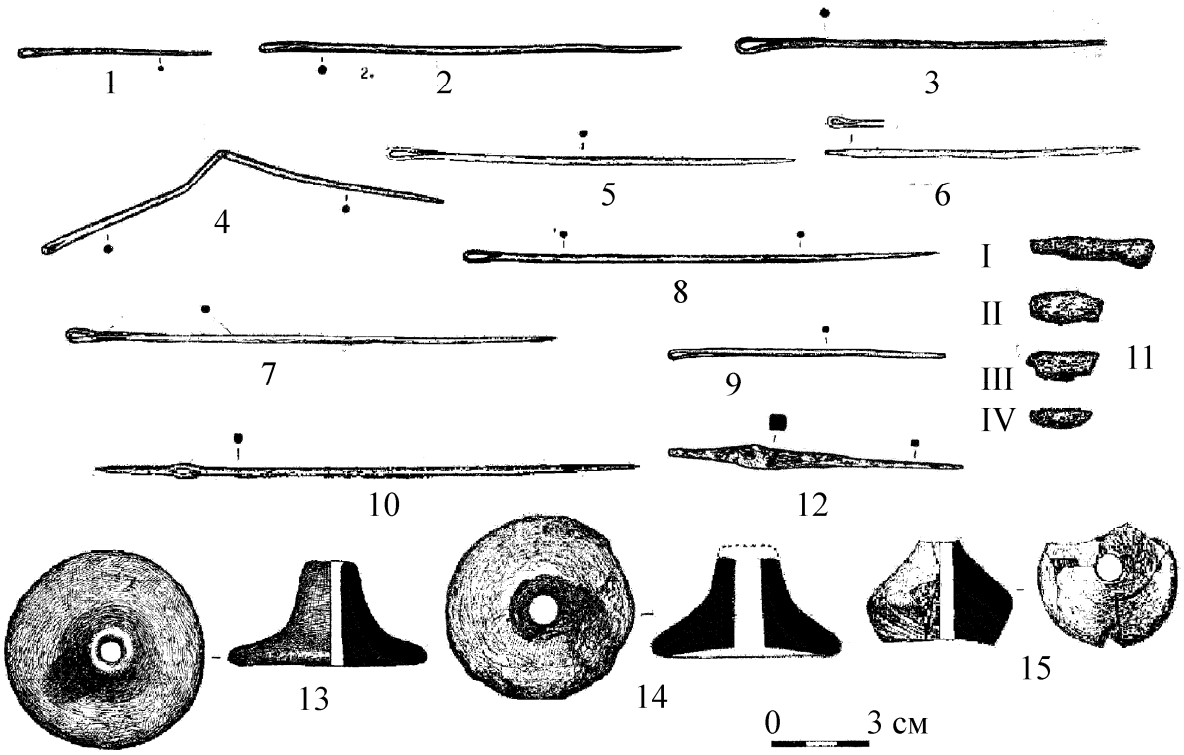

Рис. 19. Эльхотовский могильник. Орудия труда. Иглы, проколки, прясла (1 – 10, 12 – бронза, 11 – железо, 13 – 15 – керамика; 1 – погребение 25; 2 – погребение 29; 3 – погребение 36; 4 – погребение 68; 5 – погребение 78; 6 – погребение 76; 7 – погребение 93; 8 – погребение 59; 9 – погребение 53; 10 – погребение 82; 11 – погребение 69; 12 – погребение 52; 13 – погребение 29; 14 – погребение 68; 15 – погребение 76).

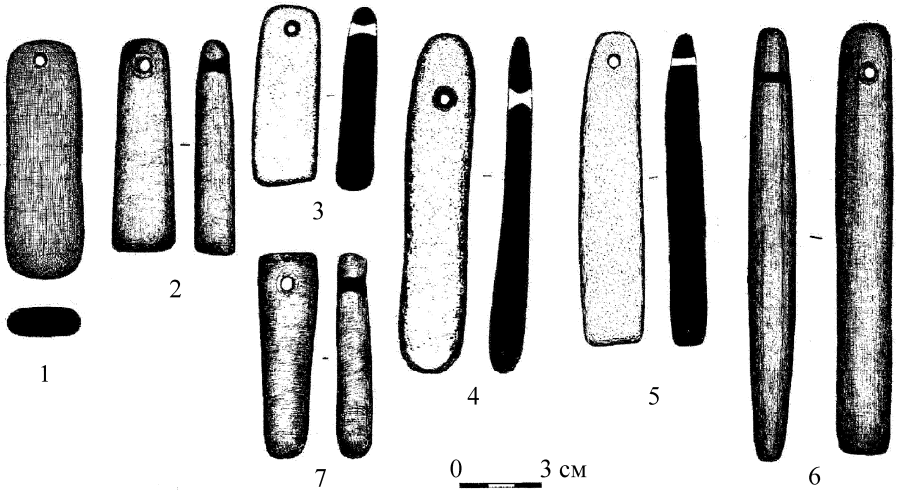

Рис. 20. Эльхотовский могильник. Каменные оселки (1 – погребение 32; 2 – погребение 39; 3 – 4 погребение 52; 5 – погребение 54; 6 – погребение 45; 7 – погребение 41).

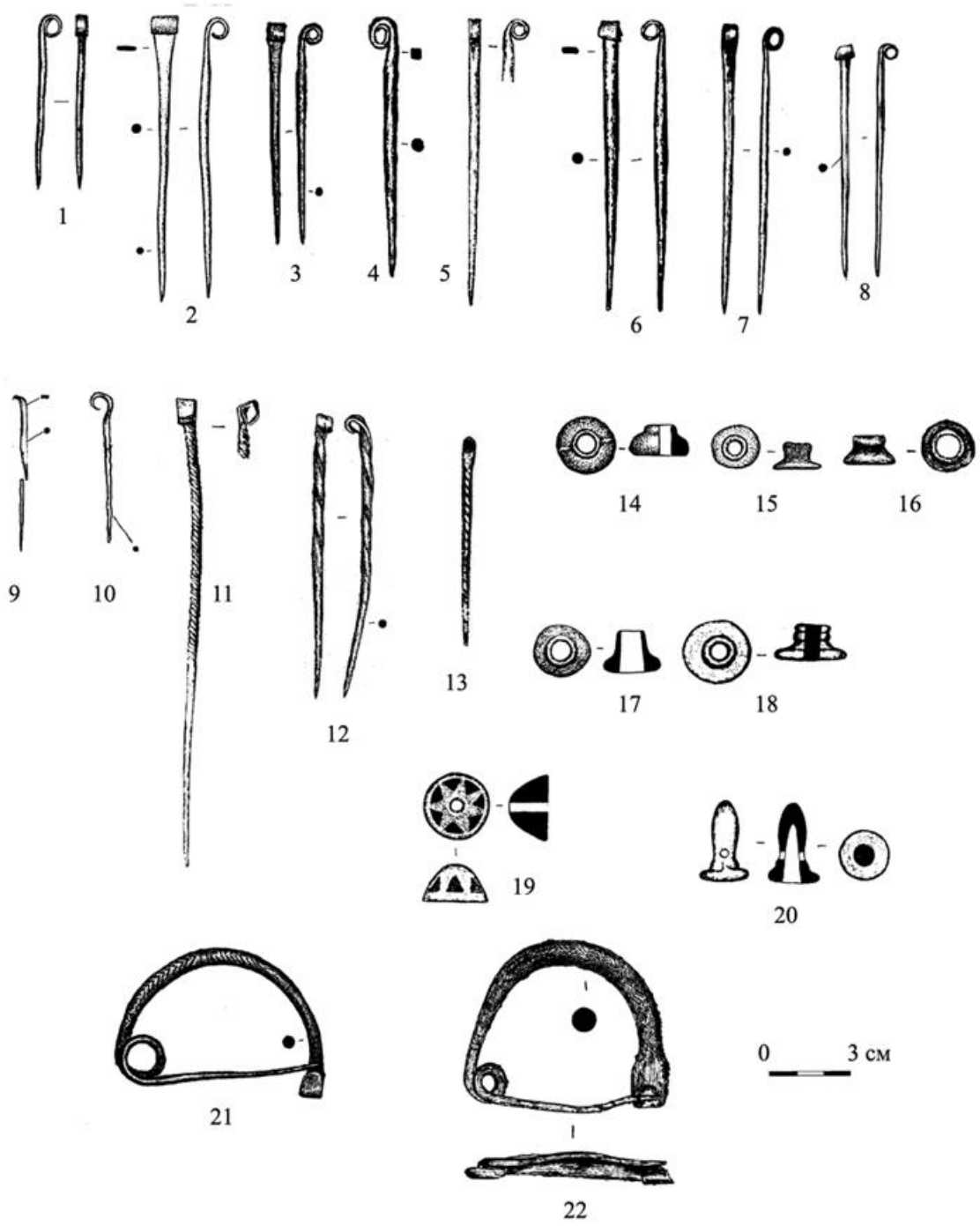

Рис. 21. Эльхотовский могильник. Булавки, ворворки, фибулы (бронза; 1 – погребение 15; 2 – погребение 72; 3, 14, 21 – погребение 32; 4, 18 – погребение 58; 5, 11 – погребение 76; 6 – погребение 56; 7 – погребение 60; 8, 17 – погребение 87; 9 – погребение 86; 10 – погребение 92; 12 – погребение 22; 13, 19 – погребение 52; 15 – погребение 36; 16 – погребение 45; 20 – погребение 55; 22 – погребение 41).

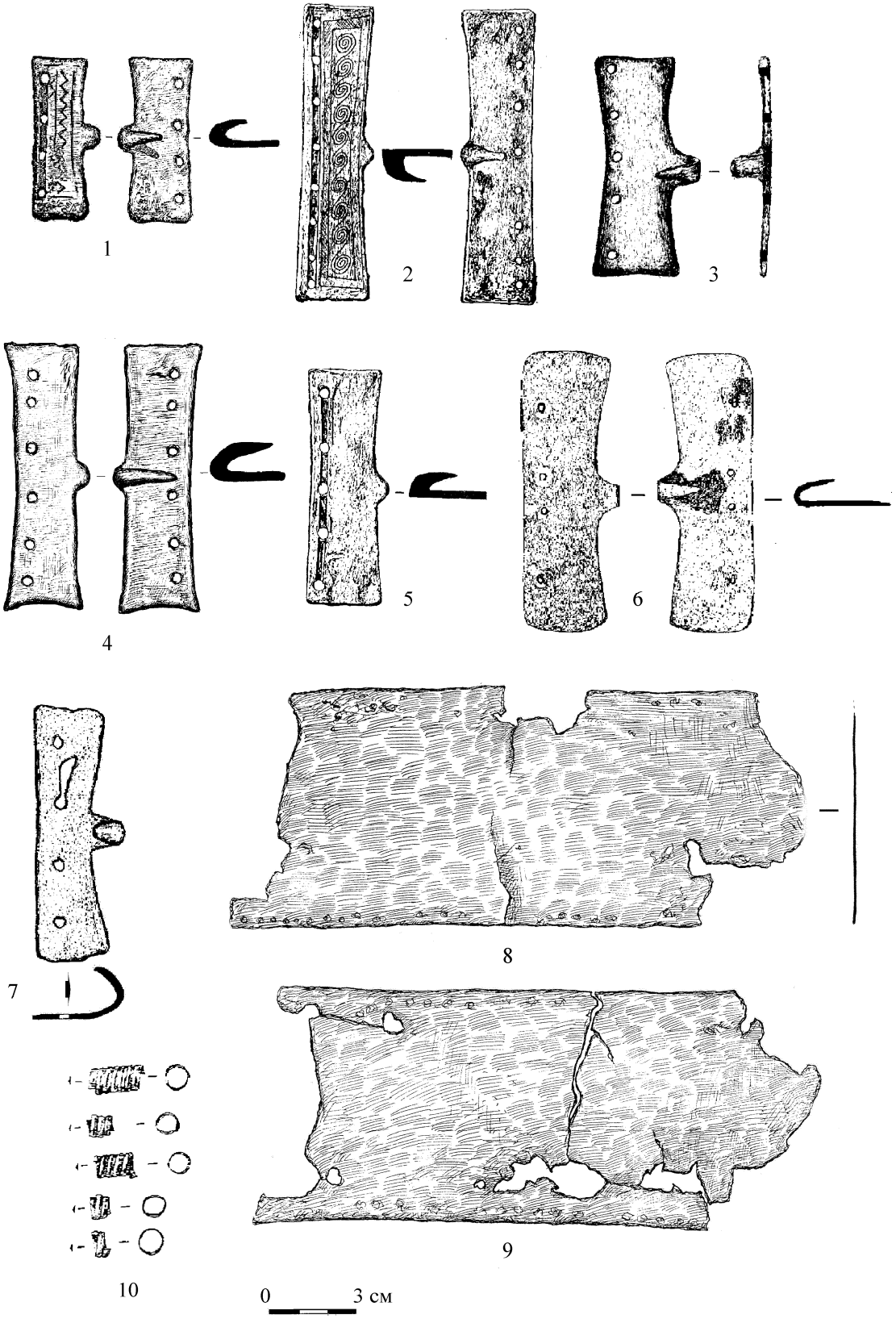

Рис. 22. Эльхотовский могильник. Поясные пряжки и пояса (бронза; 1 – погребение 30; 2 – погребение 76; 3 – погребение 38; 4 – погребение 53; 5, 10 – погребение 77; 6 – погребение 82; 7 – погребение 59; 8 – 9 погребение 36).

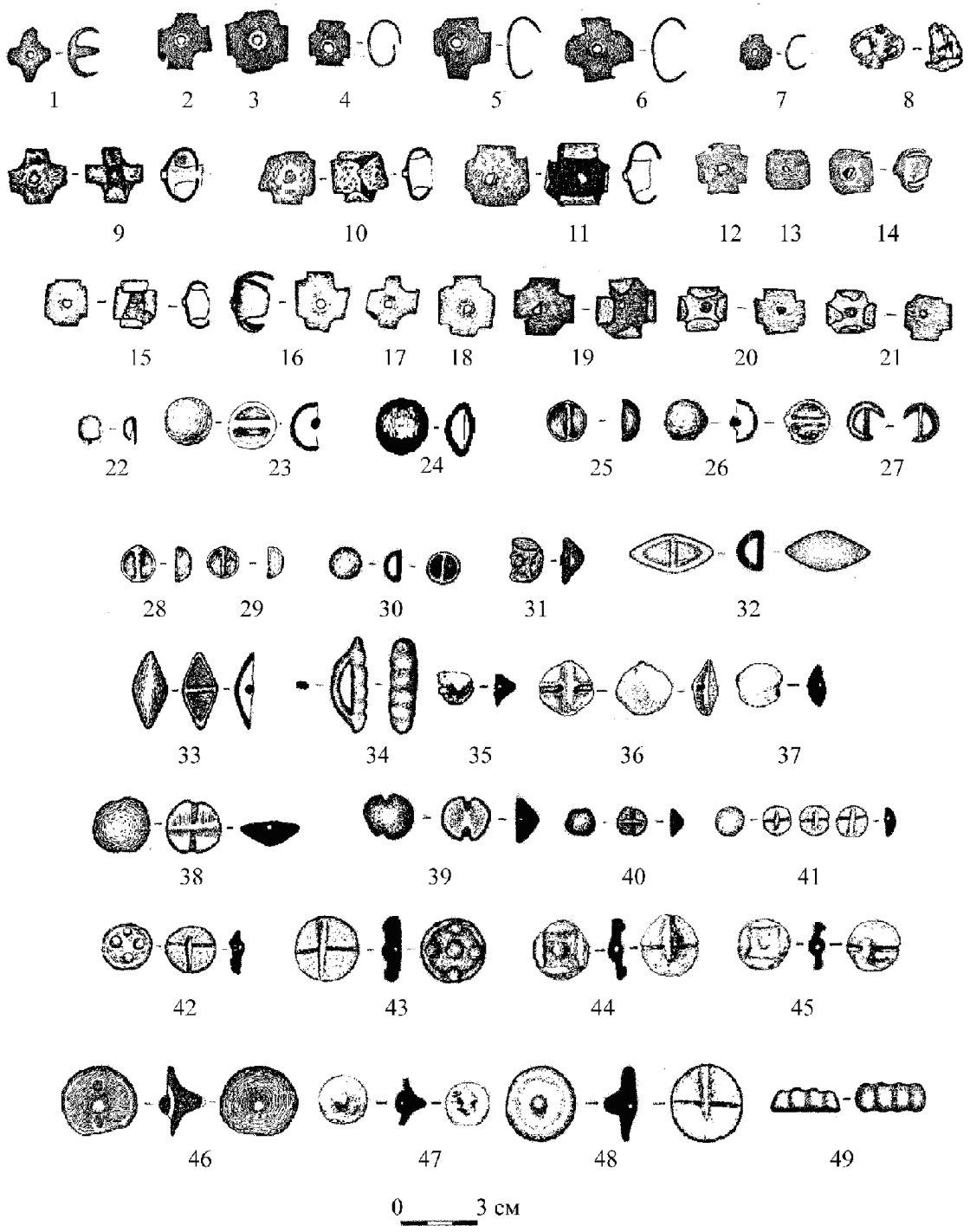

Рис. 23. Эльхотовский могильник. Пуговицы (1 – 30, 32 – 34 – бронза; 31, 35 – 48 – сурьма; 49 – камень; 1 – погребение 15; 3 – 6 погребение 20; 7 – погребение 31; 8 – погребение 41; 2, 9 – 11, 31 погребение 51; 12 – 14, 38, 42, 49 погребение 36; 15 – погребение 70; 16 – 18, 43 погребение 55; 19 – 21, 27, 39 – 40 погребение 68; 22 – погребение 62; 23, 35 – 37, 44 – 45, 47 погребение 77; 24 – погребение 60; 25, 28 – 29 – погребение 41; 26 – погребение 82; 30 – погребение 57; 32, 41, 48 – погребение 69; 33 – погребение 25; 34 – погребение 56; 46 – погребение 49).

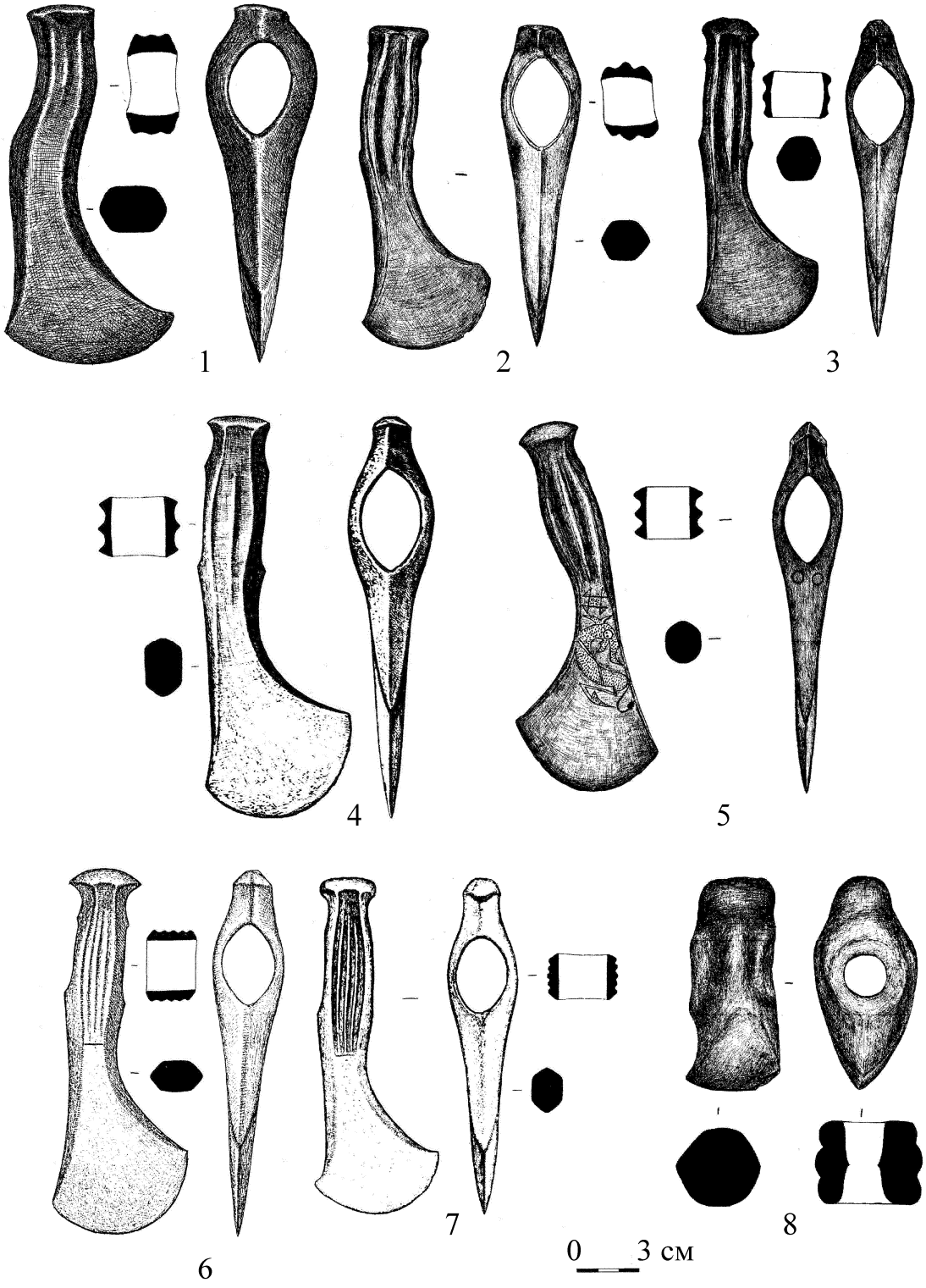

Рис. 24. Эльхотовский могильник. Топоры (1 – 7 – бронза, 8 – камень; 1 – погребение 32; 2 – погребение 39; 3, 8 – погребение 41; 4 – погребение 60; 5 – погребение 45; 6 – погребение 72; 7 – погребение 54).

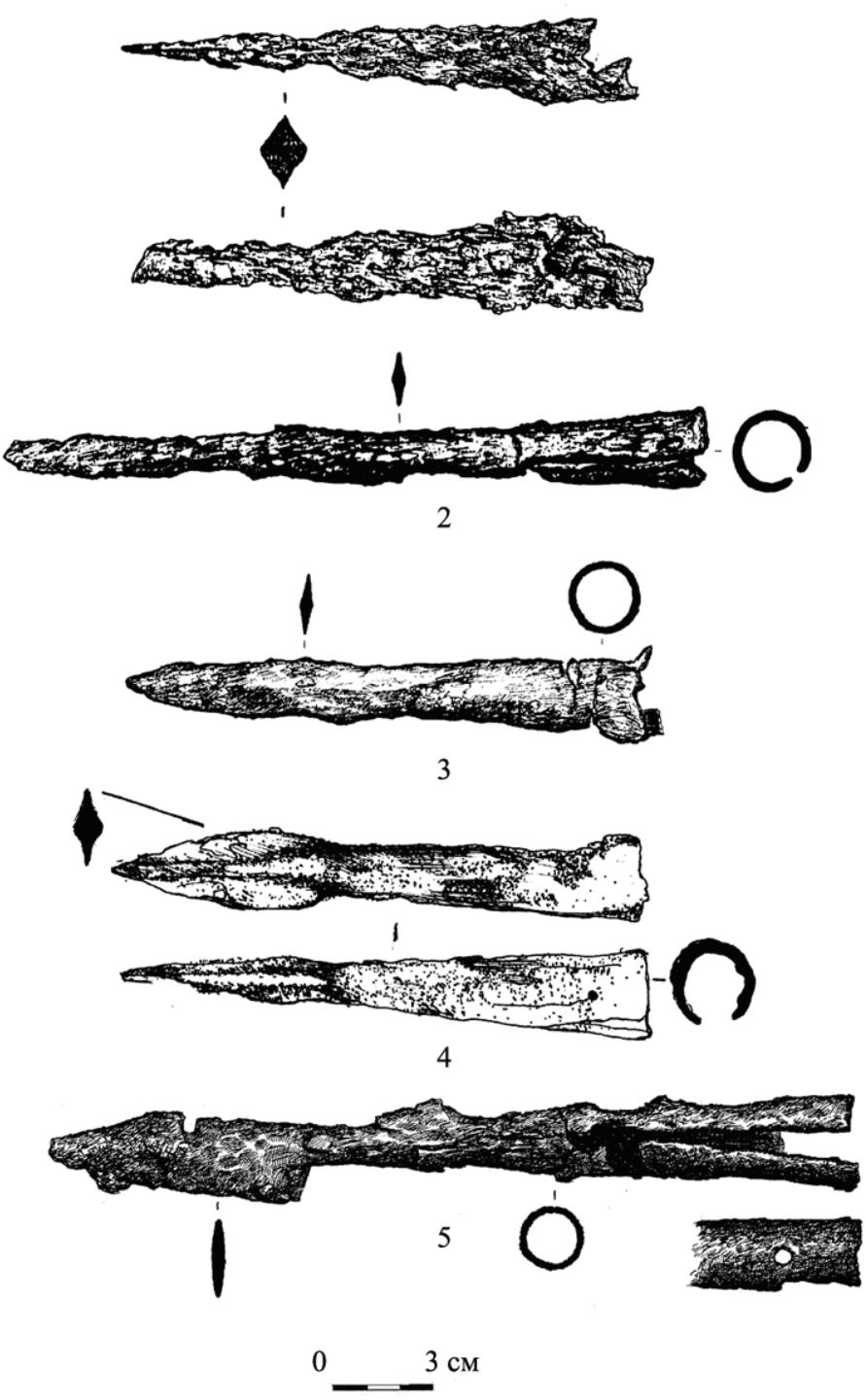

Рис. 25. Эльхотовский могильник. Наконечники копий (железо).

1 – погребение 49; 2 – погребение 58; 3 – погребение 56; 4 – погребение 85; 5 – погребение 32.

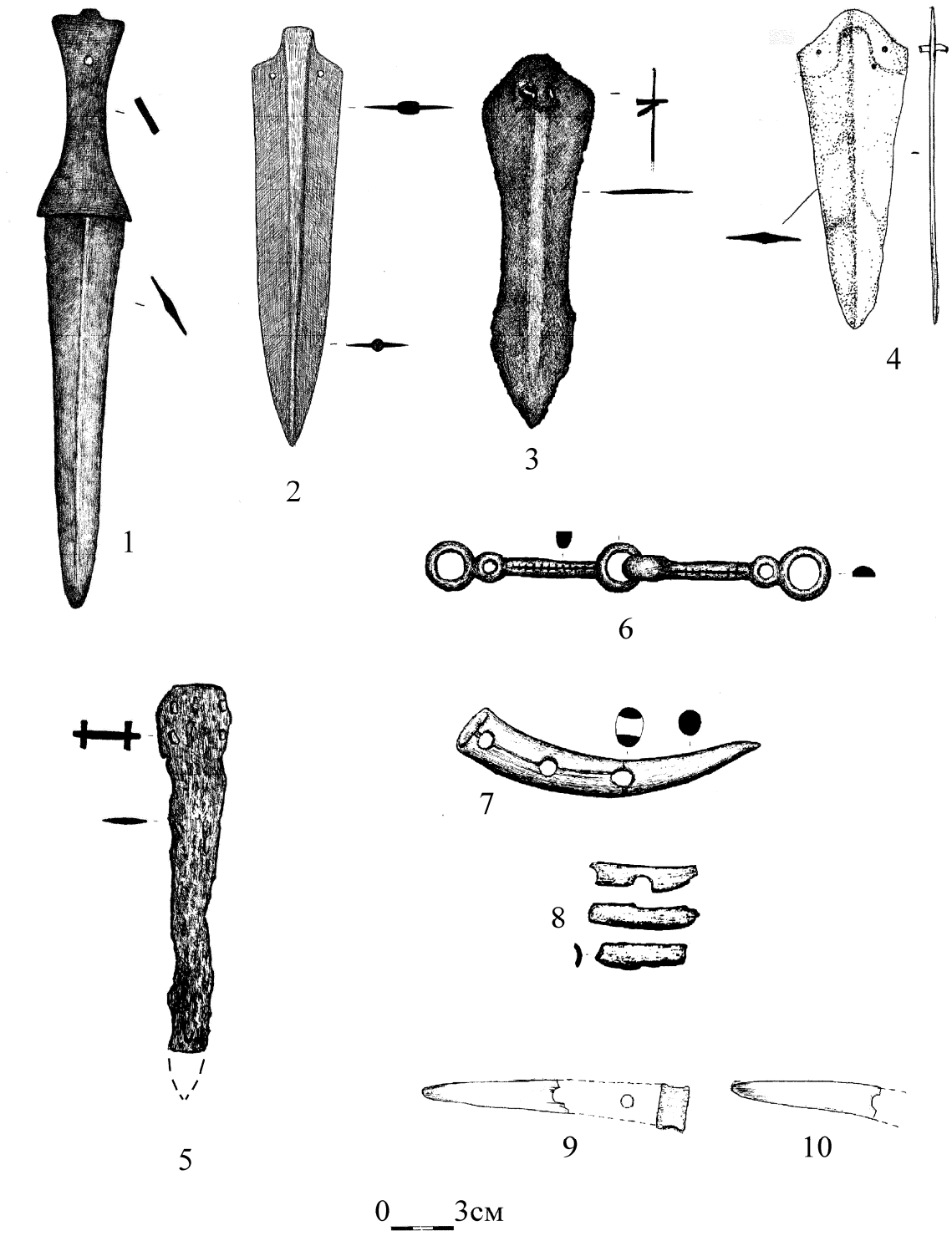

Рис. 26. Эльхотовский могильник. Кинжалы, удила, псалии (1 – 4, 6 – бронза; 5 – железо; 7 – 10 – рог; 1 – погребение 41; 2 – погребение 73; 3 – погребение 45; 4 – погребение 91; 5 – погребение 52; 6 – 8 погребение 60; 9 – 10 погребение 85).

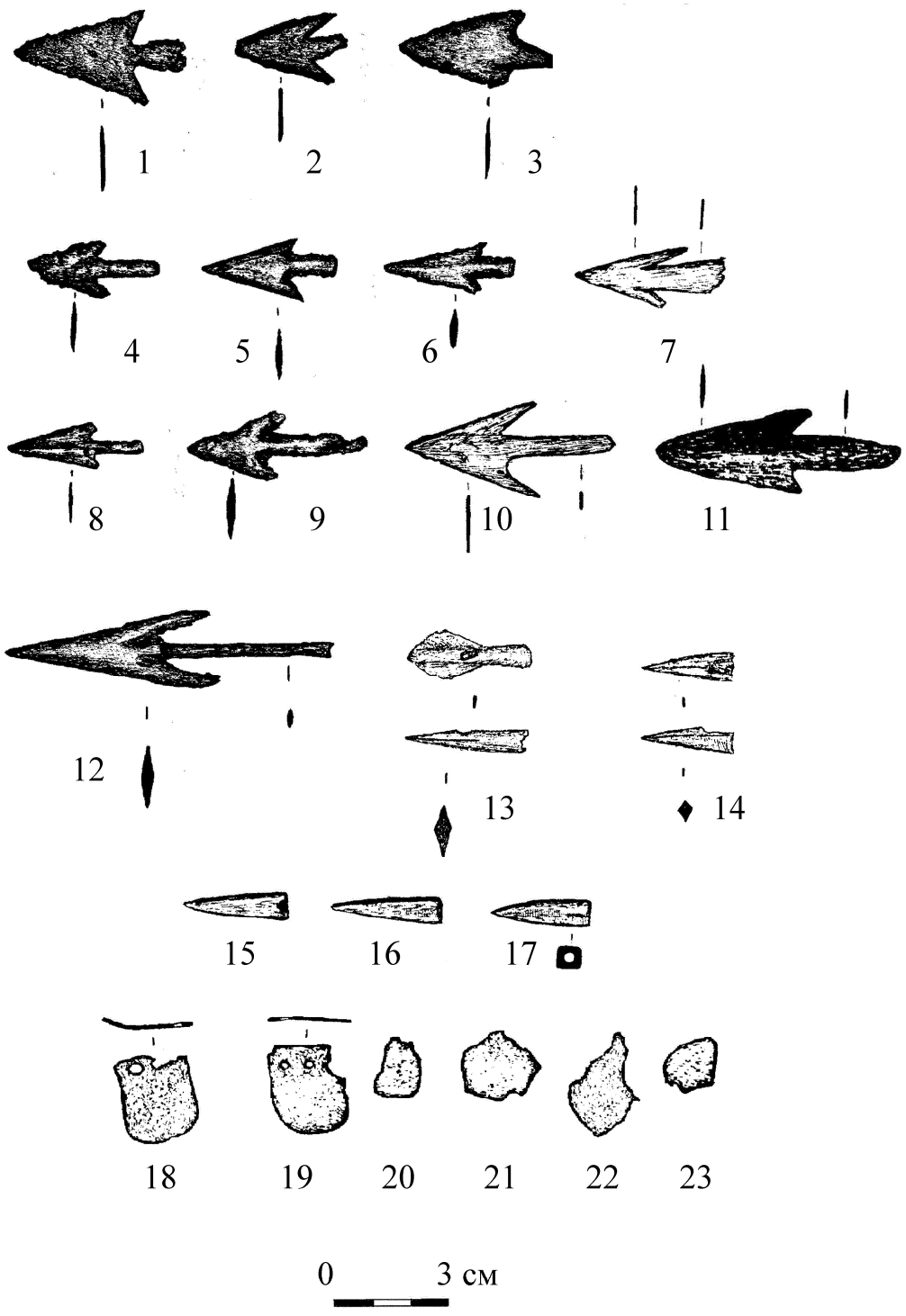

Рис. 27. Эльхотовский могильник. Наконечники стрел и пластины доспеха (1 – 13, 18 – 23 – бронза; 14 – 17 – кость; 1 – 6, 8 – 9 погребение 45; 7, 10, 15 - 17 – погребение 60; 11 – погребение 52; 12 – погребение 41; 13 – 14 – погребение 49; 18 – 23 – погребение 55).

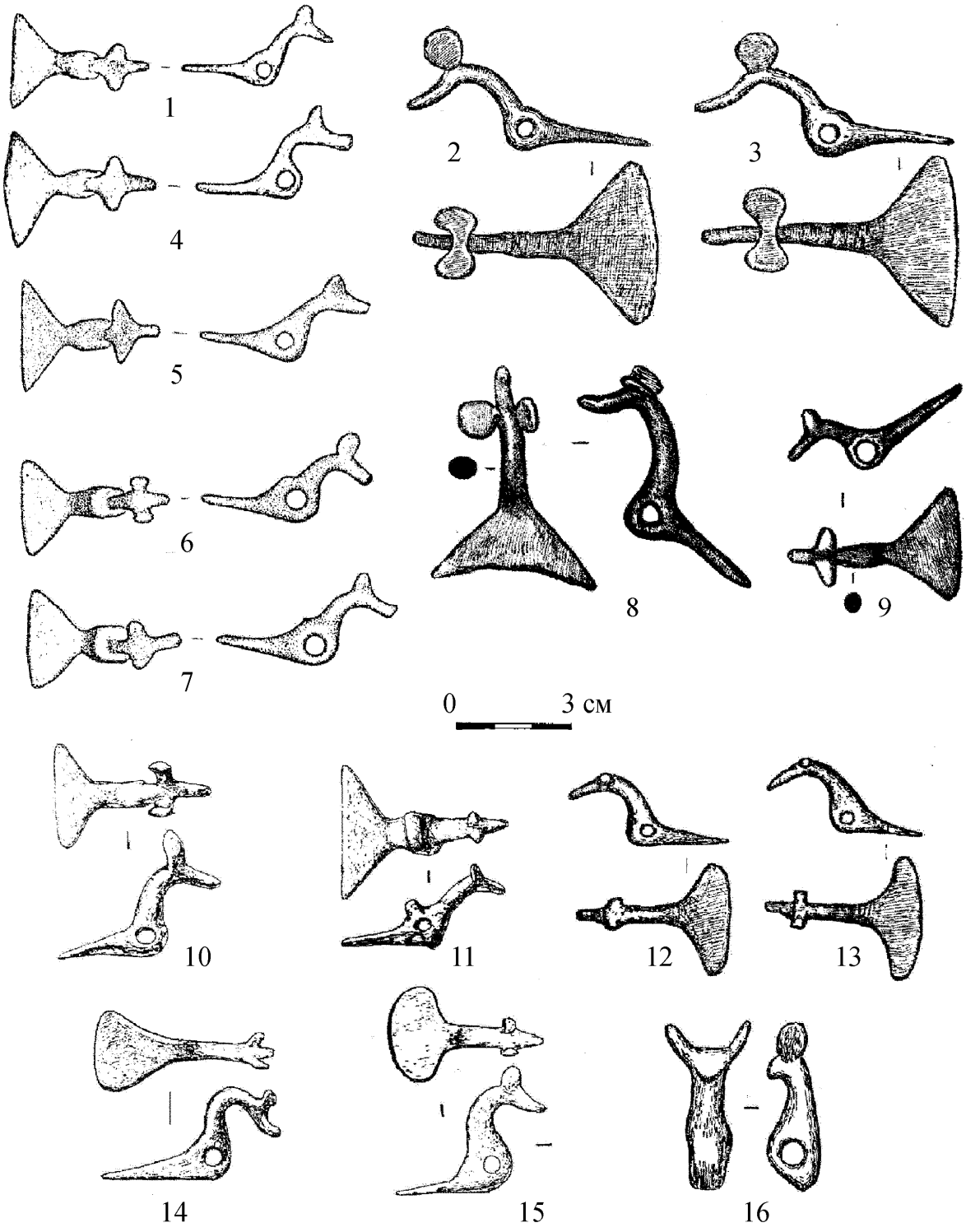

Рис. 28. Эльхотовский могильник. Привески (бронза).

1, 4 – 7 – погребение 69; 2 -3 – погребение 51; 8 – 9 – погребение 36; 10 – 11, 14 – 15 – погребение 77; 12 – 13, 16 – погребение 51).

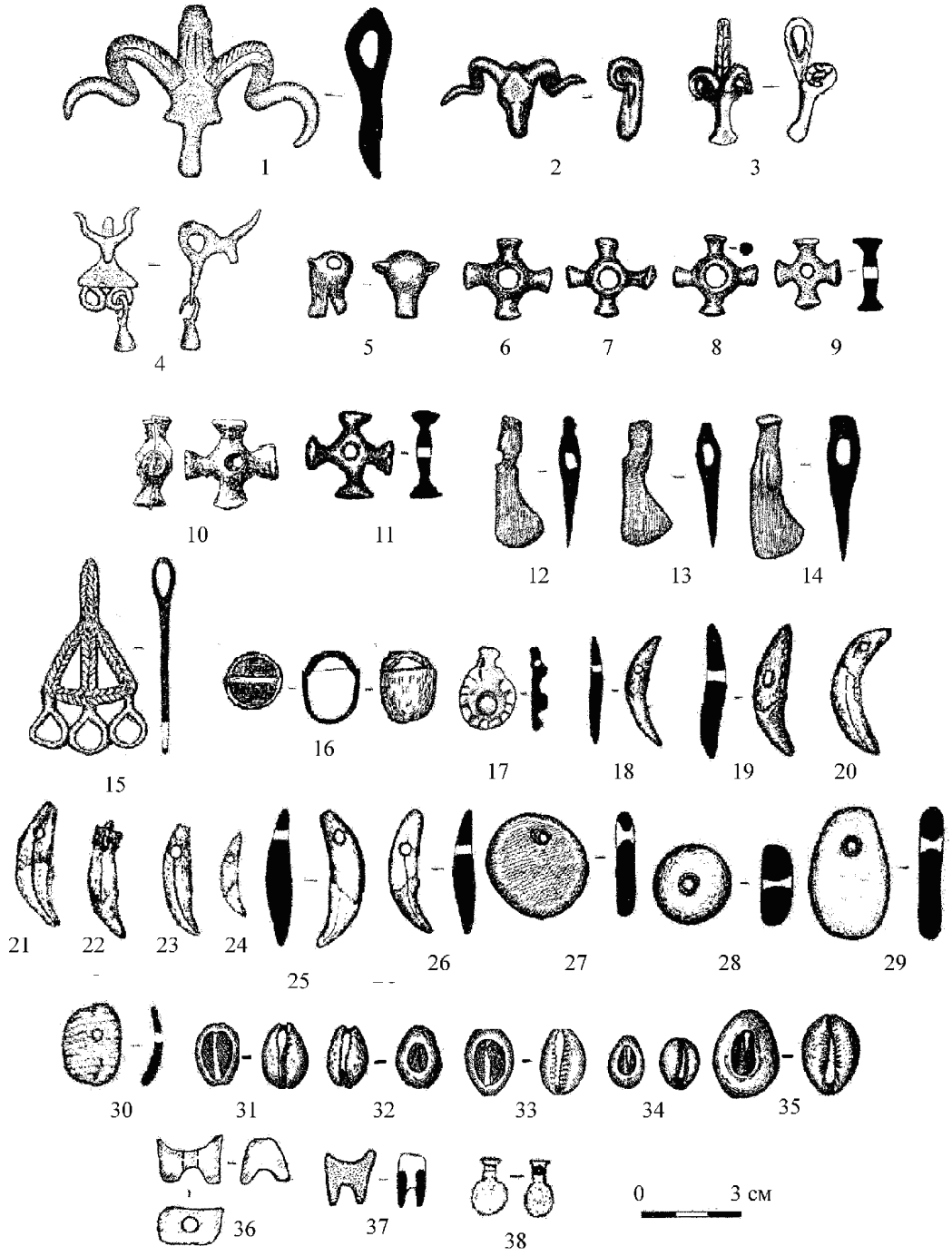

Рис. 29. Эльхотовский могильник. Привески (1 – 16, 36 – 37 – бронза; 17 – сурьма; 18 – 26 – клыки; 27 – 29 – камень, 30 – 35 – раковина; 38 – кость; 1, 10, 38 – погребение 77; 2 – погребение 68; 3 – погребение 87; 4 – погребение 69; 5 – 9, 35, 37 – погребение 36; 11 – погребение 32; 12 – 14, 33 – погребение 37; 15 – 16, 34 – погребение 51; 17 – погребение 86; 18 – 19, 27 – погребение 34; 20 – 24 – погребение 94; 25 – погребение 62; 26 – погребение 55; 28 – 29 – погребение 64; 30 – погребение 63; 31 – 32 – погребение 25; 36 – погребение 91).

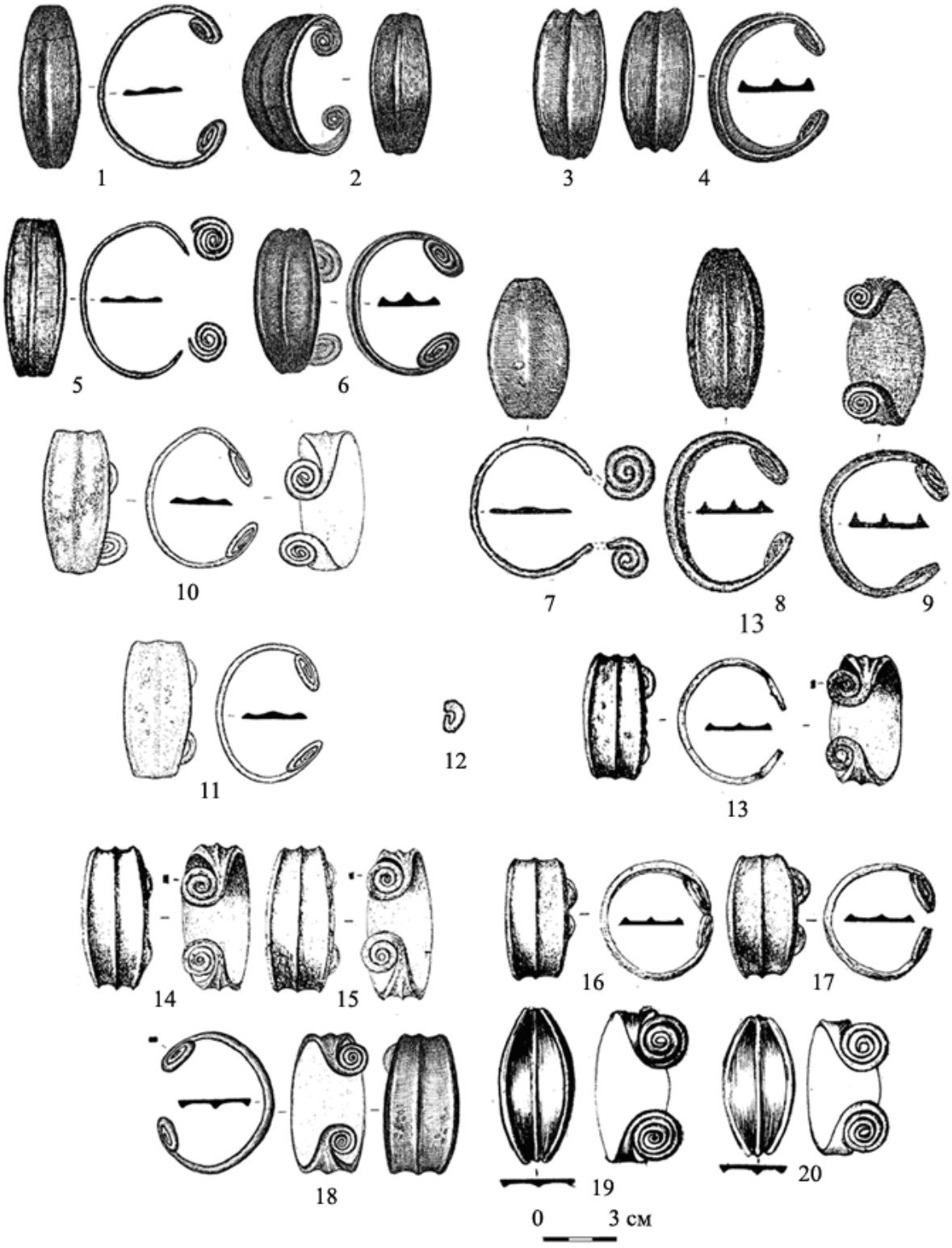

Рис. 30. Эльхотовский могильник. Браслеты и фрагмент браслета (бронза).

1 – 2 – погребение 25; 3 – 4 – погребение 36; 5 – погребение 59; 6 – погребение 30; 7 – 9 – погребение 51; 10 – 11 – погребение 69; 12 – погребение 70; 13 – погребение 76; 14 – 15, 18 – погребение 77; 16 – 17 – погребение 82; 20 – 21 – погребение 93.

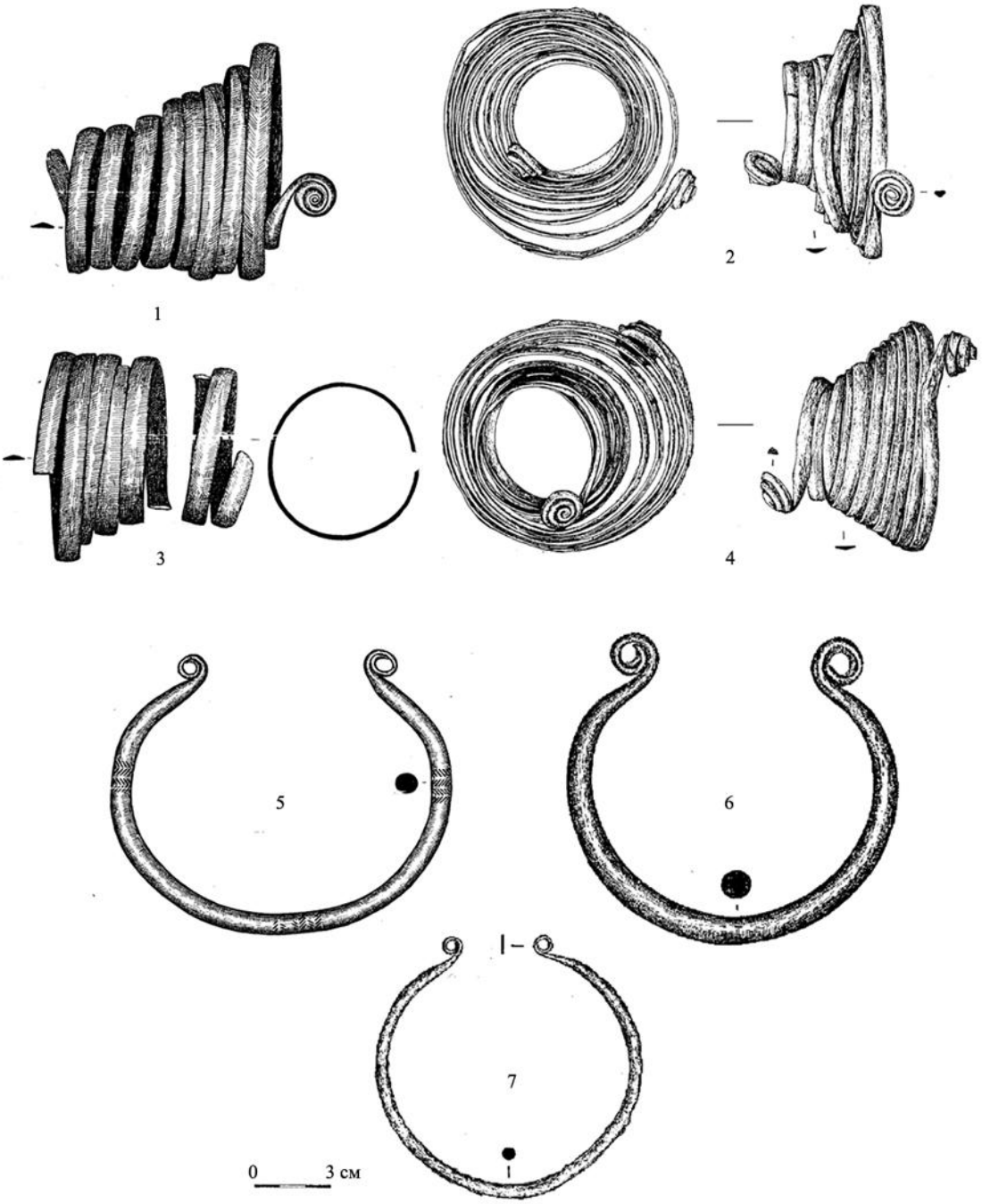

Рис. 31. Эльхотовский могильник. Налокотники и гривны (бронза).

1, 3, 5 – погребение 36; 2, 4 – погребение 77; 6 – погребение 51; 7 – погребение 82.

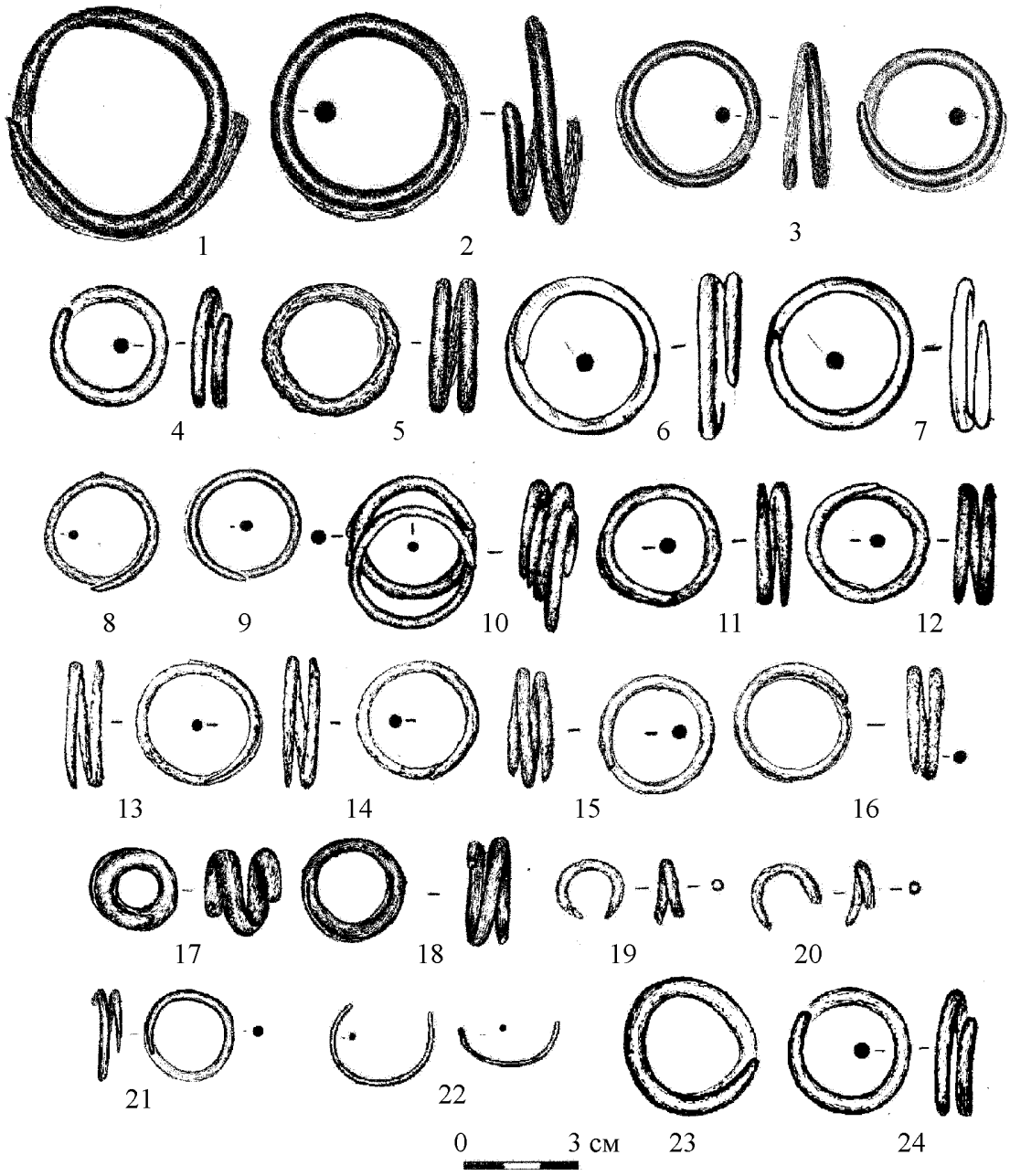

Рис. 32. Эльхотовский могильник. Височные привески (бронза).

1 – 2 погребение 25; 3 – погребение 30; 4 – 5 – погребение 37; 6 – 7 – погребение 93; 8 -9 – погребение 36; 10 – 14, – погребение 82; 15 – 16 – погребение 77; 17 – погребение 38; 18 – погребение 45; 19 – 20 – погребение 76; 21 – 22 – погребение 53; 23 – 24 – погребение 59.

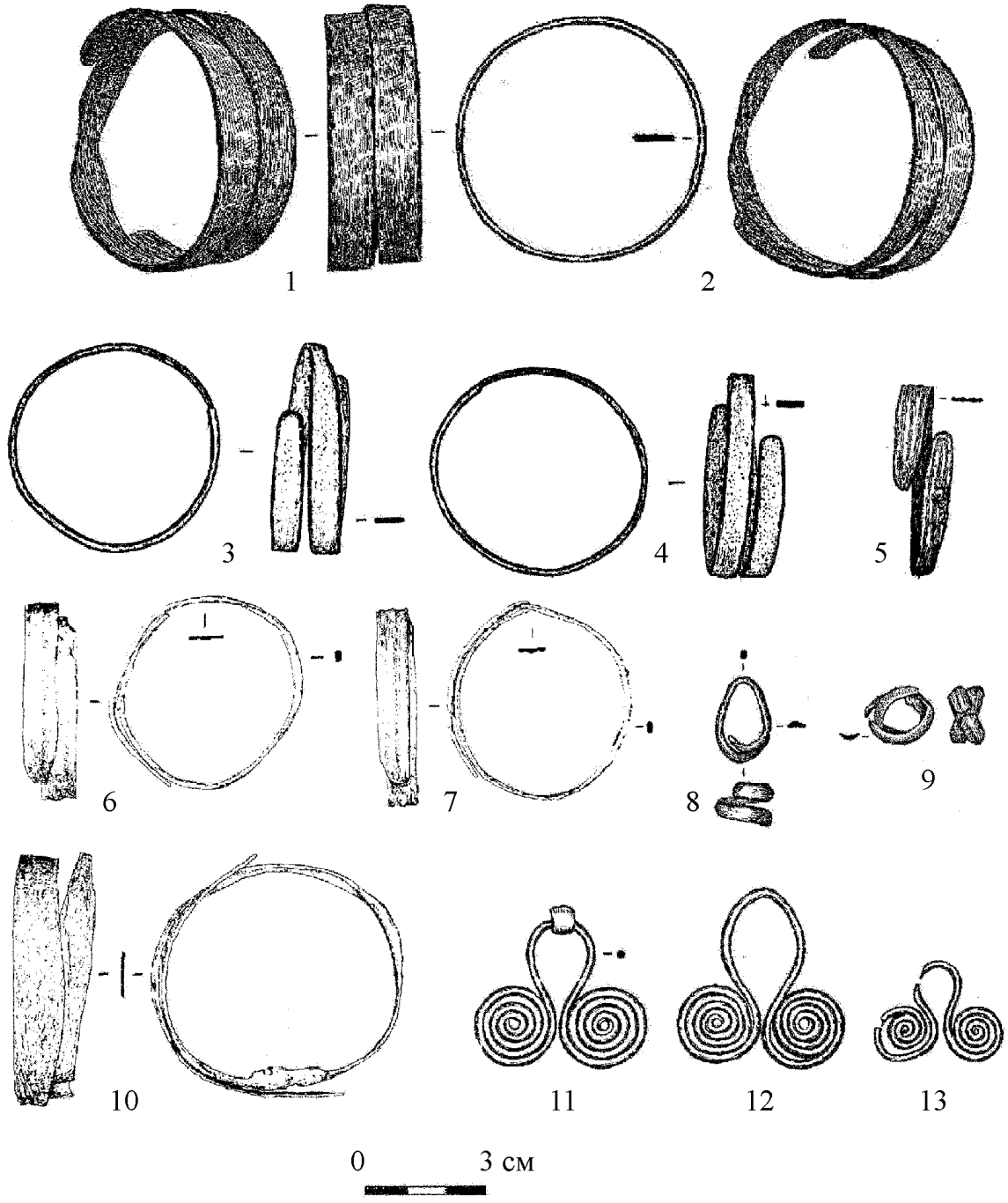

Рис. 33. Эльхотовский могильник. Височные привески (бронза).

1 – 2 – погребение 25; 3 – 4 погребение 68; 5, 9 – погребение – погребение 20; 6 – 7 – погребение 77; 8 – погребение 22; 10 – погребение 78; 11 – 13 – погребение 36.

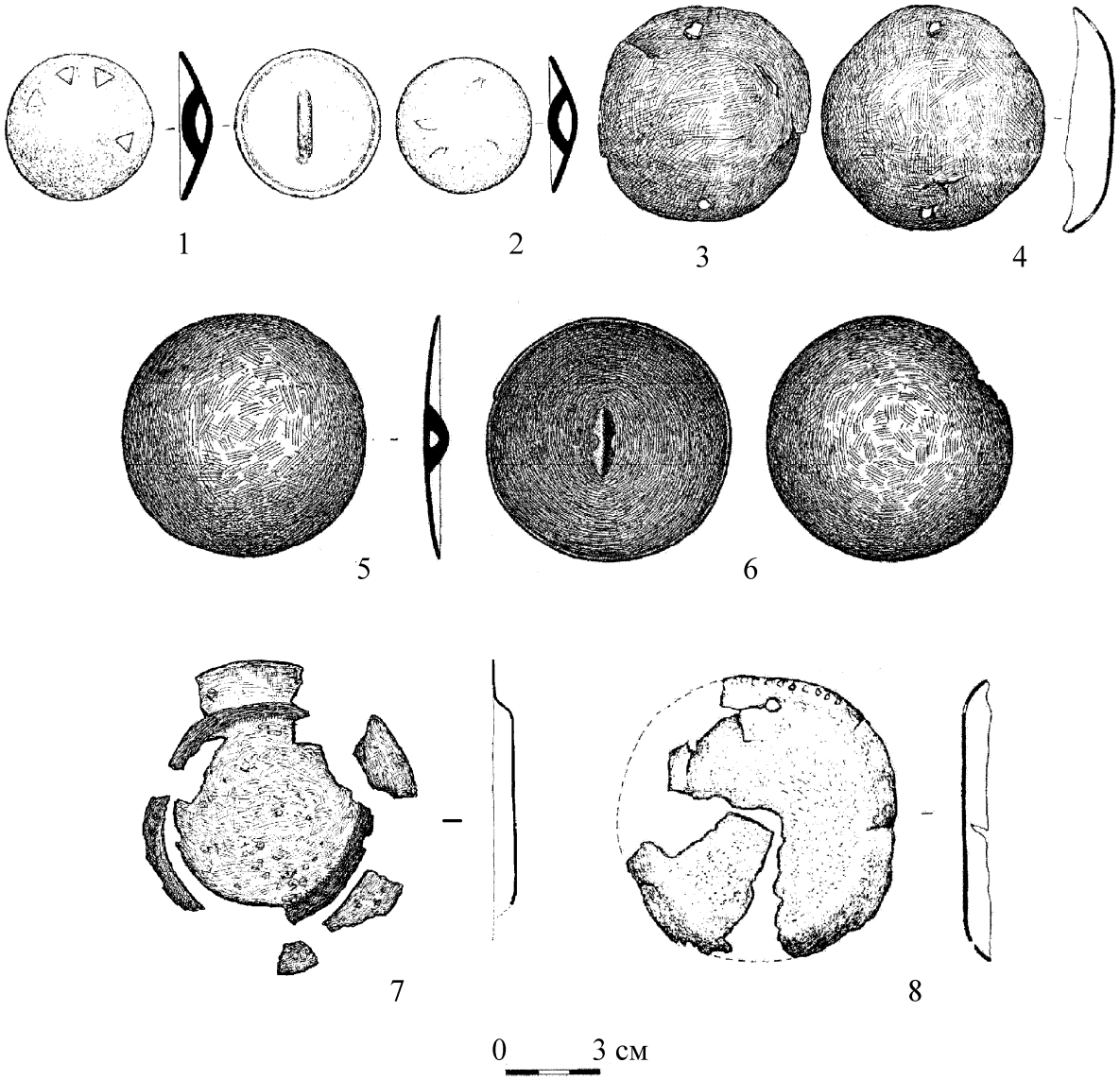

Рис. 34. Эльхотовский могильник. Бронзовые бляхи.

1 – 2 – погребение 69; 3 – 4 – погребение 36; 5 – 6 – погребение 25; 7 – погребение 53; 8 – погребение 55.

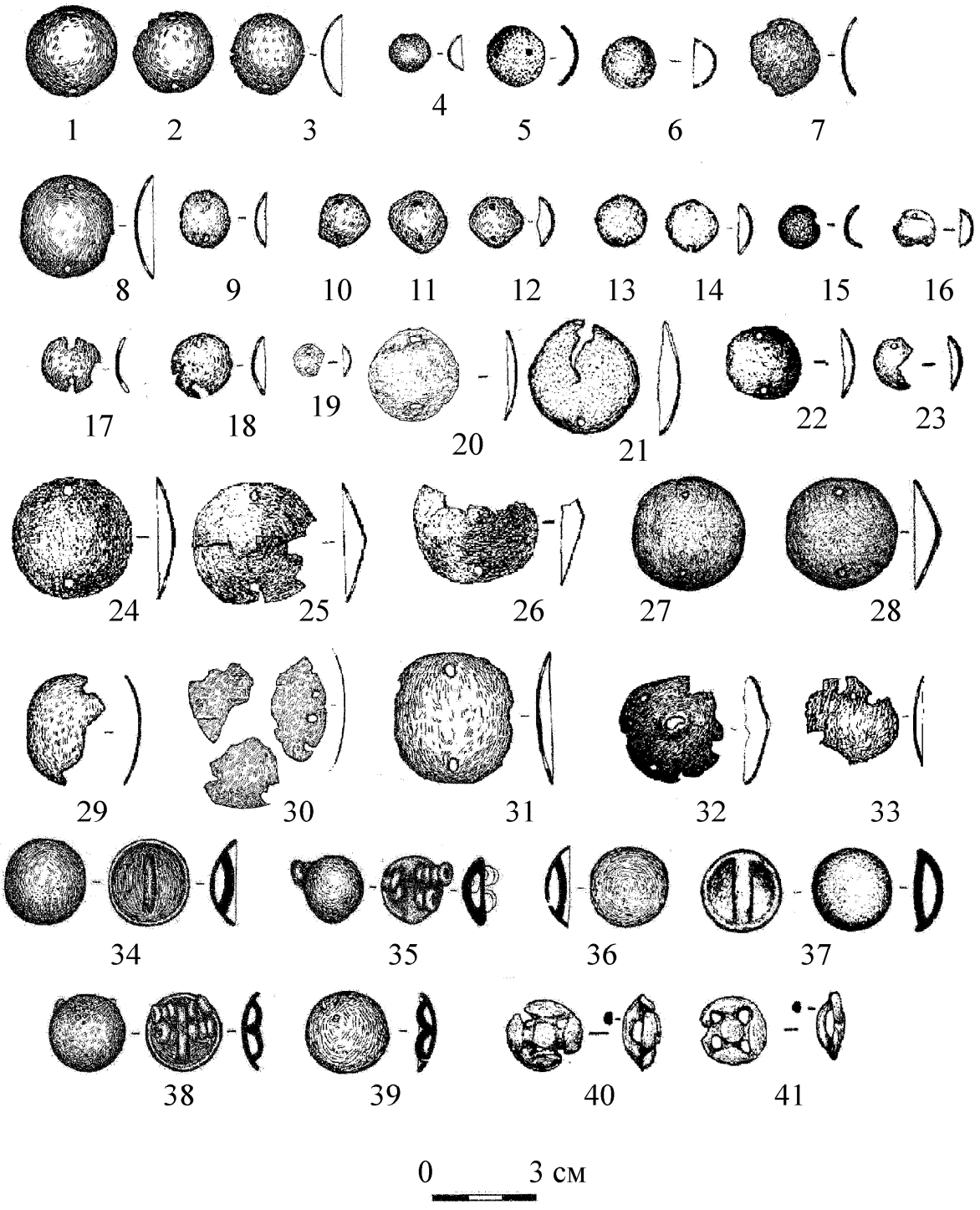

Рис. 35. Эльхотовский могильник. Полусферические бляшки (бронза). 1 – 4, 8, 34 – погребение 20; 5 – погребение 91; 6 – погребение 76; 7, 35, 38 – погребение 25; 9, 13 – 14,28 – погребение 68; 10 – 12, 37 – погребение 54; 15 – погребение 64; 16 – погребение 77; 17 – 18, 31 – погребение 51; 19 – 20 – погребение 74; 21 – погребение 59; 22 – 23 – погребение 82; 24 – 26 – находки вне комплексов; 29 – 30, 39 – погребение 36; 32 – погребение 53; 33 – погребение 50; 40 – 41 – погребение 85.

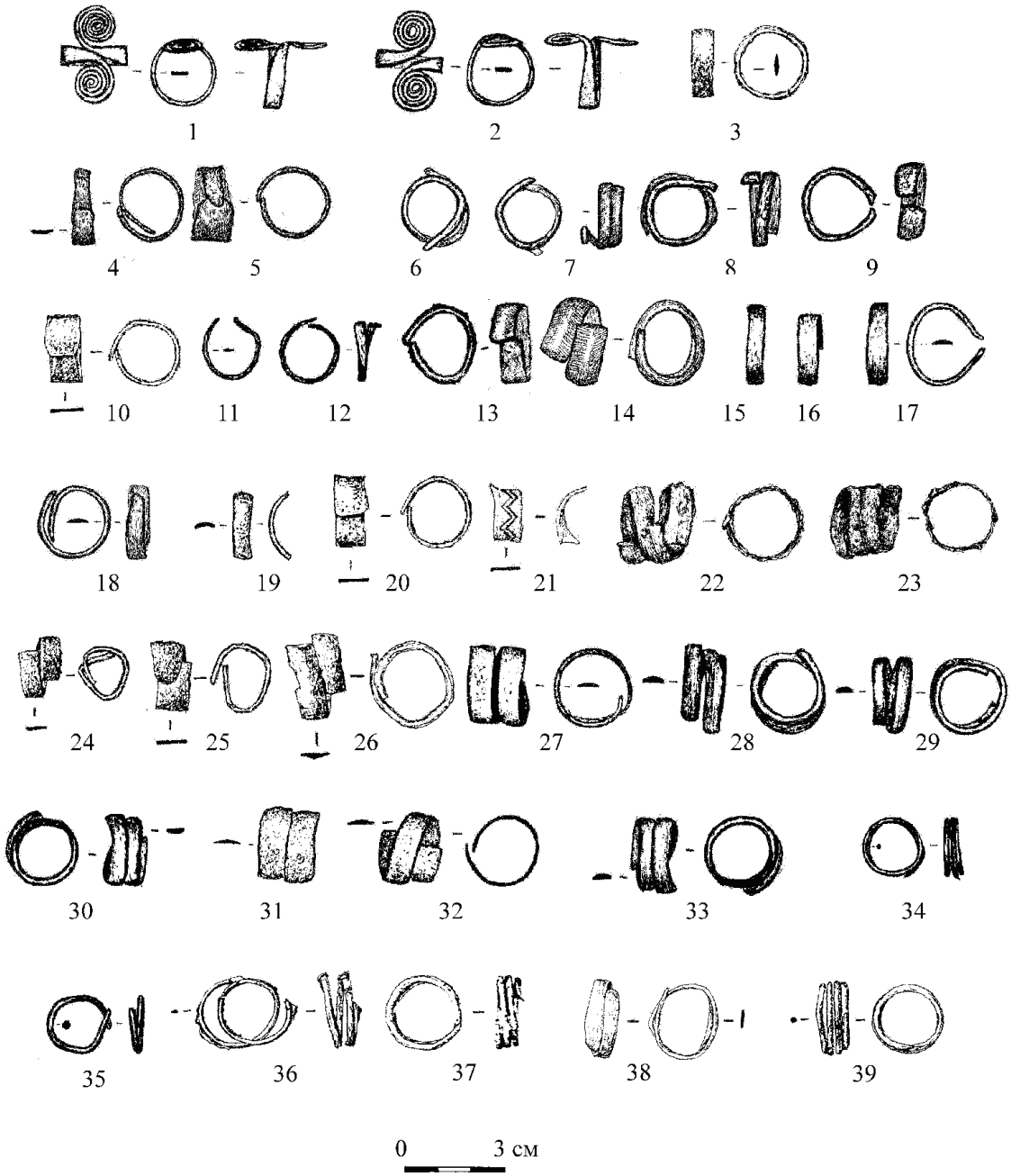

Рис. 36. Эльхотовский могильник. Перстни (бронза).

1 – 2 – погребение 56; 3, 37 – 40 – погребение 77; 4 – 5 – погребение 25; 6 – 7 – погребение 37; 8 – 9 – погребение 37; 10 – погребение 76; 11 – 12 – погребение 53; 13 – 14 – погребение 36; 15 – 17 – погребение 59; 18 – погребение 30; 19 – погребение 72; 20 – погребение 76; 21 – погребение 74; 22 – 23 – погребение 38; 24 – 26 – погребение 78; 27 – погребение 57; 28 – 29 – погребение 63; 30 – 31, 33 – погребение 69; 32 – погребение 70; 35 – 36 – погребение 29).

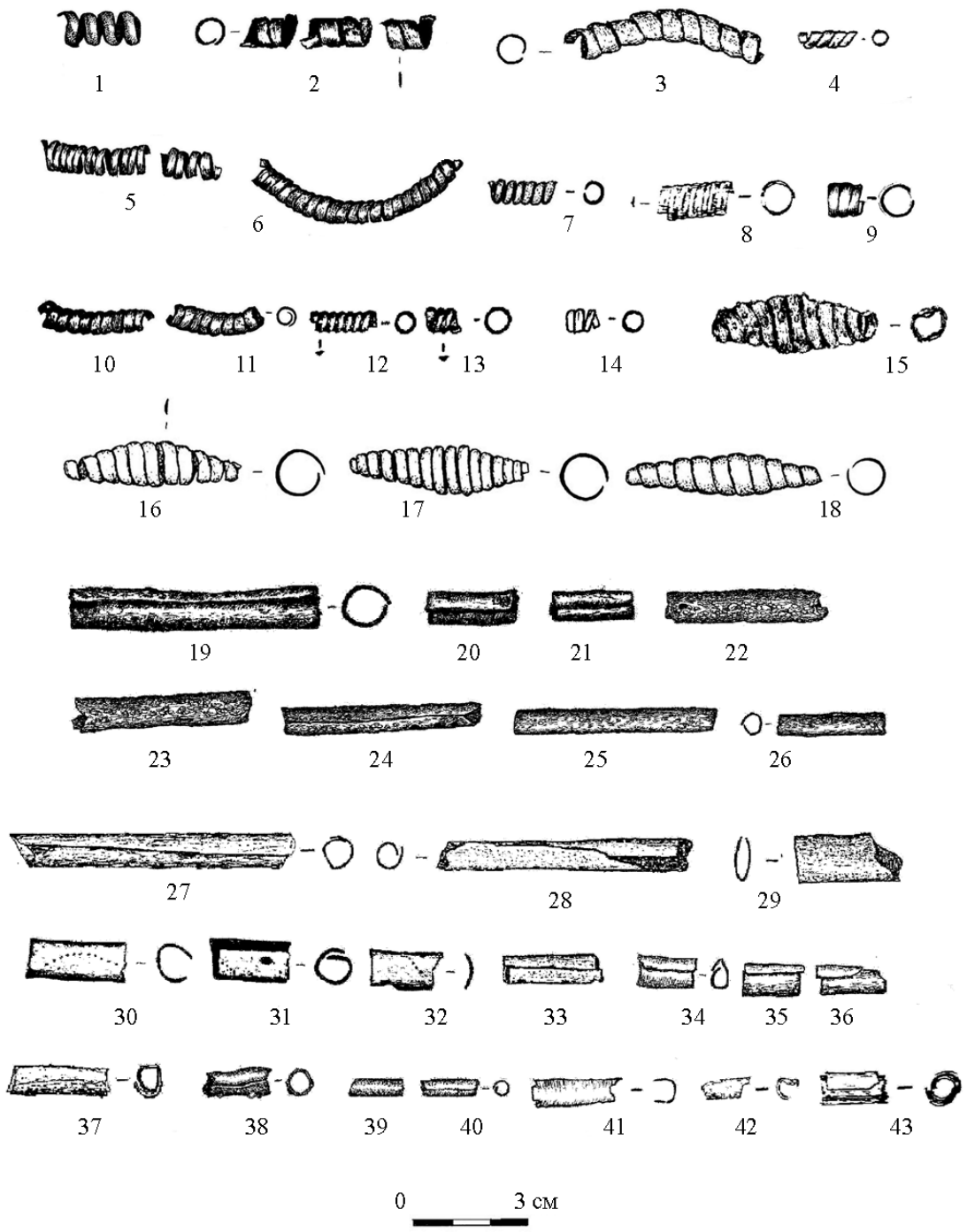

Рис. 37. Эльхотовский могильник. Пронизи и трубочки (бронза). 1, 38 – погребение 15; 2 – погребение 53; 3, 28 – 29 – погребение 73; 4 – погребение 92; 5 – погребение 30; 6, 10 – 11, 39 – 40 – погребение 20; 7 – погребение 68; 8, 27 – погребение 77; 9 – погребение 87; 12 – 13 – погребение 84; 14 – погребение 85; 15 – погребение 38; 16 – 18 – погребение 69; 19 – 21 – погребение 36; 22 – 26 – погребение 25; 30 – 32 – погребение 62; 33 – 36 – погребение 51; 37 – погребение 76; 41 – погребение 86; 42 – погребение 75; 43 – погребение 74.

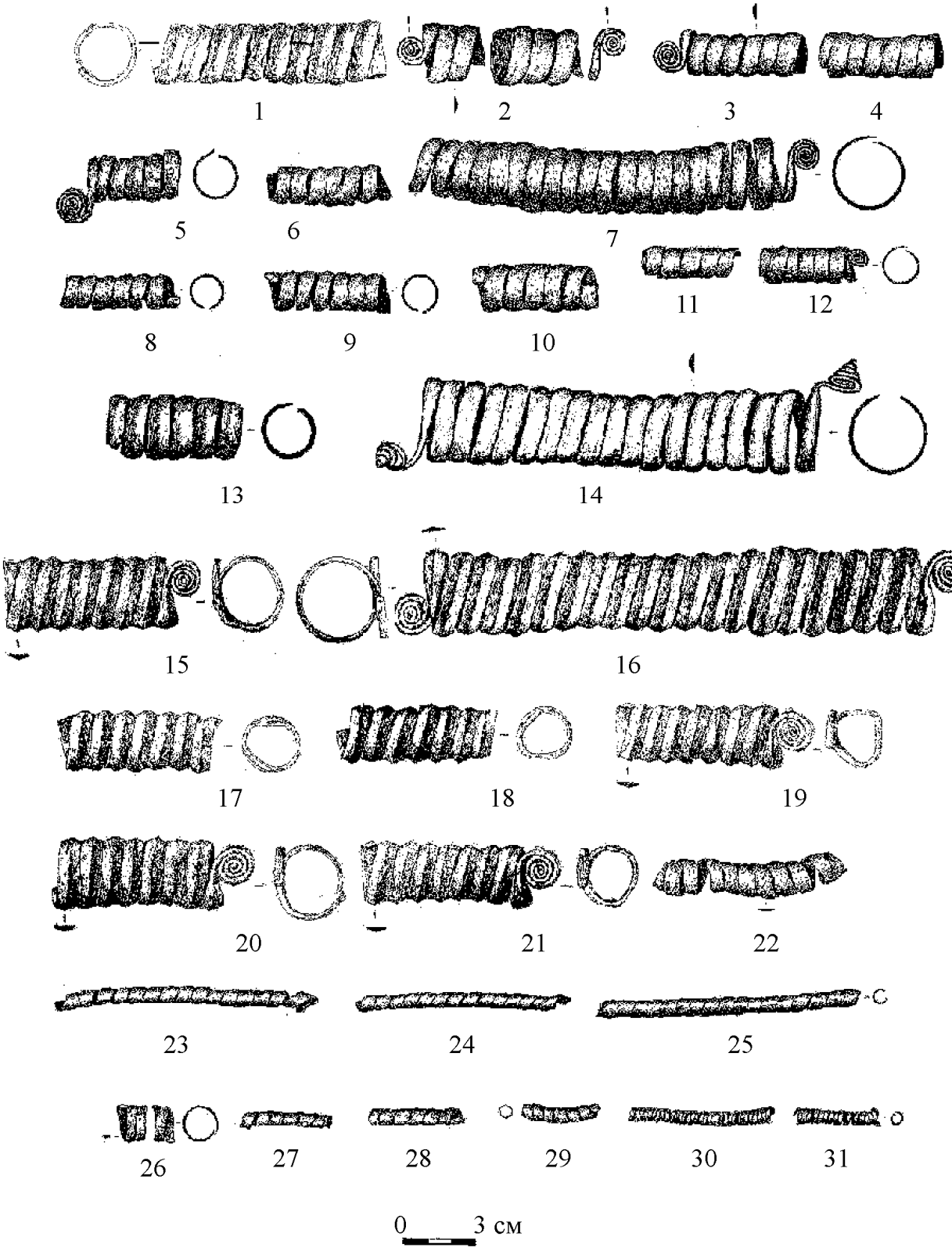

Рис. 38. Эльхотовский могильник. Накосники (бронза). 1, 15 – 21 – погребение 77; 2 – 4 – погребение 53; 5 – 6, 8 – 9 – погребение 30; 7, 10 – 12, 23 – 25, 27 – 31 – погребение 25; 13 – погребение 29; 14 – погребение 59; 22, 26 – погребение 20.

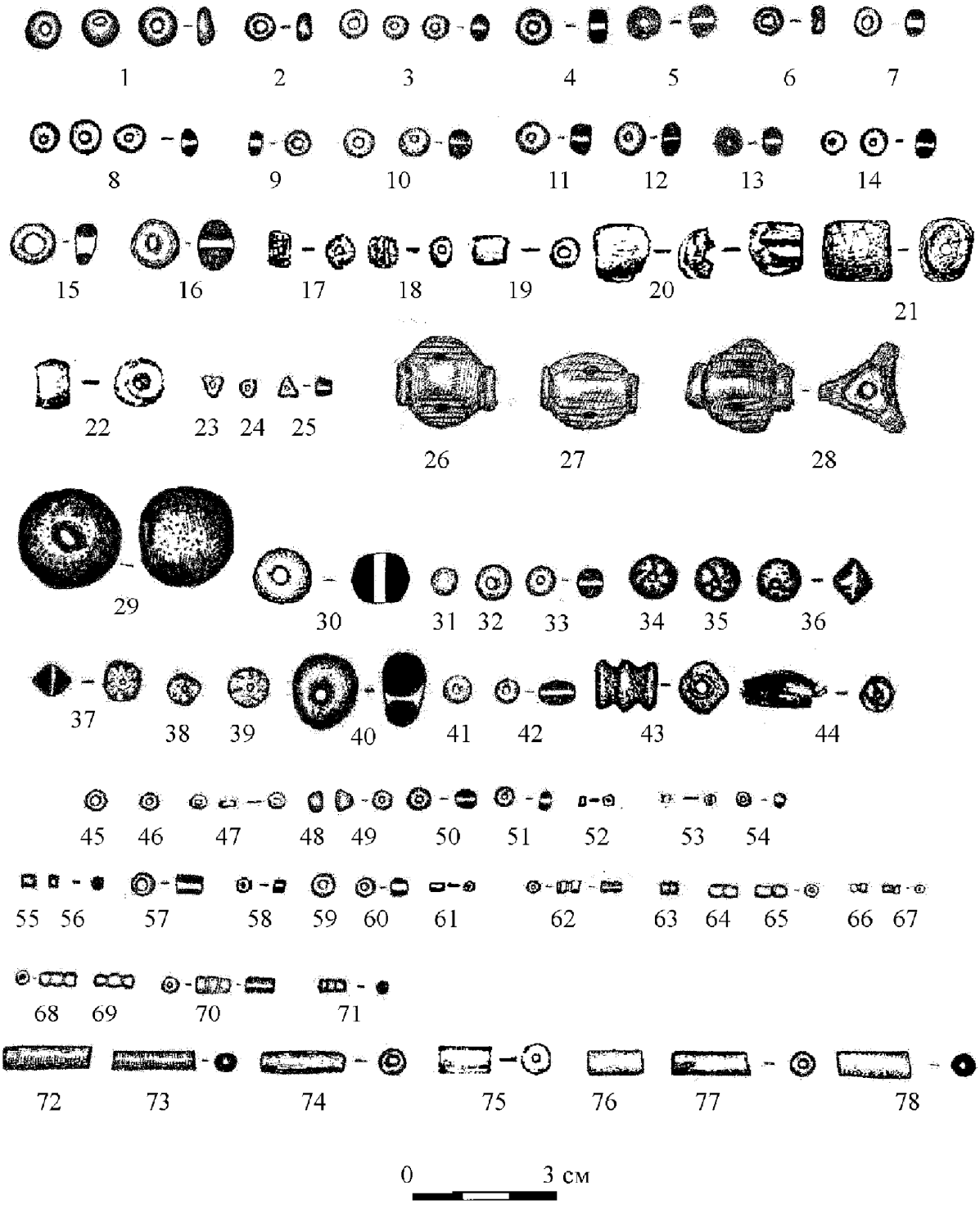

Рис. 39. Эльхотовский могильник. Стеклянные бусы и бисер.

1 – погребение 15; 2, 74 – погребение 38; 3, 8, 10 – 16, 23 – 25, 31 – 33, 40 – 42, 70 – 73 – погребение 51; 4 – 6, 40, 68 - 69 – погребение 68; 17 – 18 – погребение 94; 7, 19 – 22, 55 – 56, 75 – погребение 77; 26 – 29, 34 – 36, 62 – 67 – погребение 36; 30, 43, 76 – 78 – погребение 69; 37 – 39 – погребение 55; 44 – 47. 52 – 54 – погребение 63; 48 – 49, 51 – погребение 20; 50 – погребение 29; 57 – 60 – погребение 25; 61 – погребение 82.

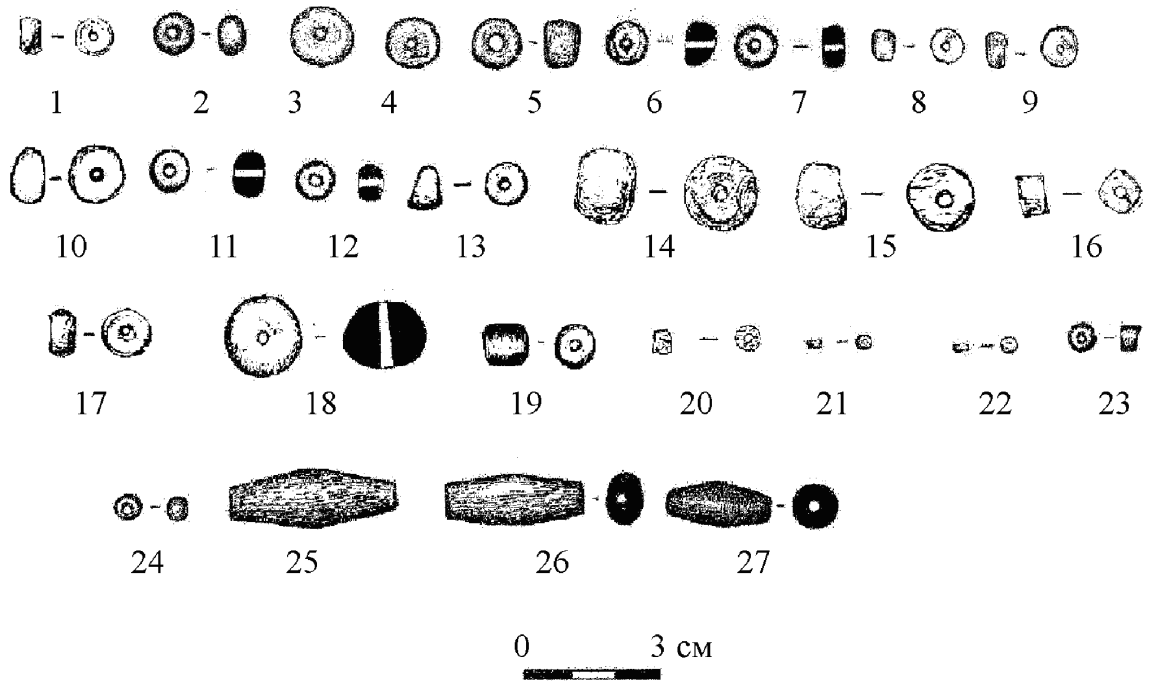

Рис. 40. Эльхотовский могильник.

Каменные бусы и бисер (1 – 25 – сердолик, 26 – 28 – гагат).

1, 17 – погребение 76; 2, 23 – 24, 27 – погребение 25; 3 – 5 – погребение 36; 6, 21 – погребение 63; 7, 11 – погребение 68; 8 – 9, 14 – 16, 20 – погребение 77; 10, 19 – погребение 87; 12 – погребение 60; 13 – погребение 85; 18 – погребение 69; 22 – погребение 82; 26 – 27 – погребение 51.

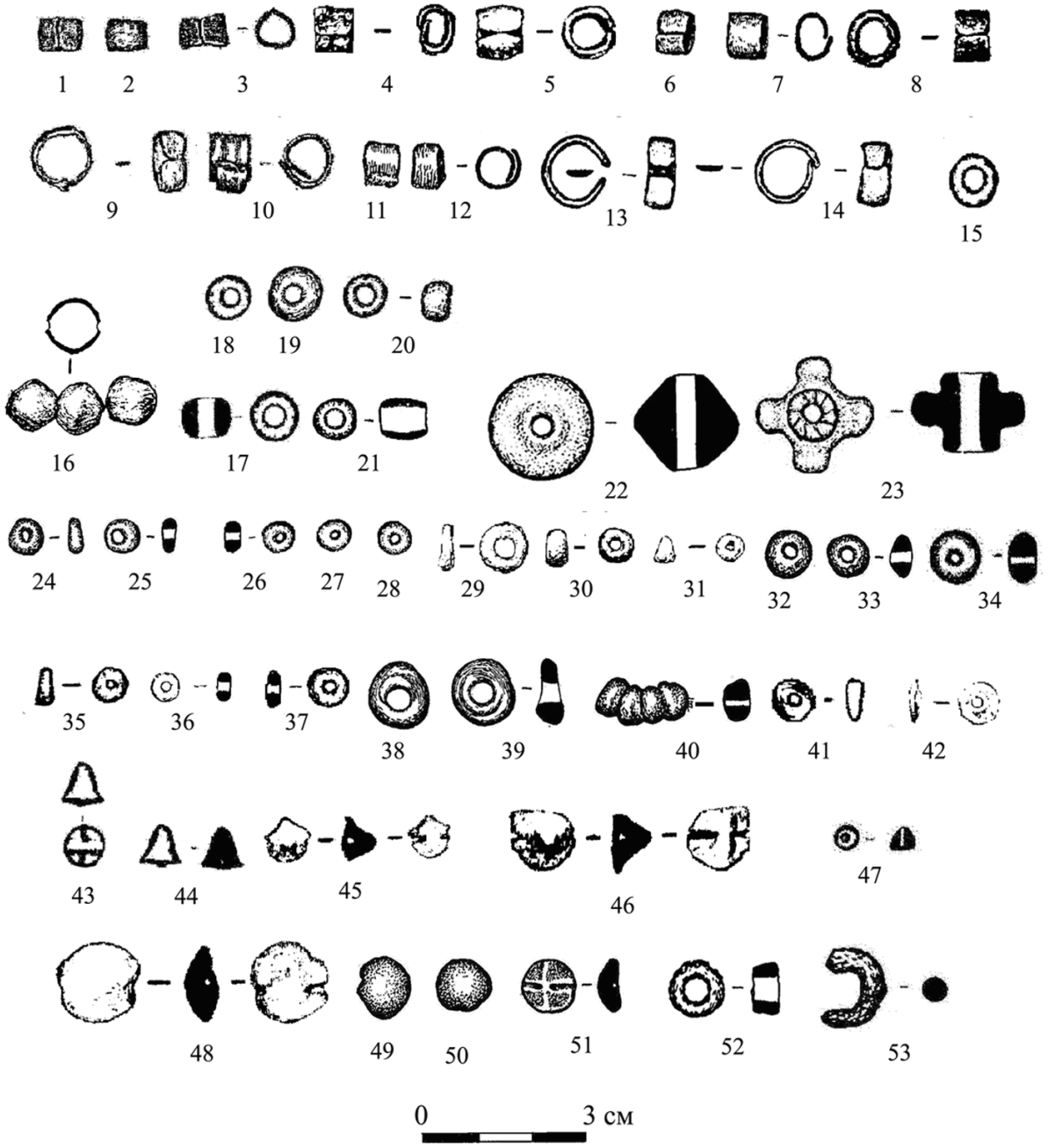

Рис. 41. Эльхотовский могильник. Металлические бусы (1 – 23 – бронза; 24 – 52 – сурьма; 53 – 54 – железо). 1 – 3 – погребение 25; 4 – погребение 76; 5, 16, 45 – 46, 48 – погребение 77; 6 – 7 - погребение 29; 8, 35 – погребение 82; 9 – погребение 49; 10 – погребение 22; 11 – 12 – погребение 38; 13 – 14 – погребение 56; 15 , 17 – погребение 55; 18 – 20 – погребение 36; 21 – погребение 51; 22 – 23, 36 – погребение 69; 24 – 25 – погребение 53; 26 – 28, 34, 47 – погребение 68; 29 – 31 – погребение 74; 37 – погребение 73; 38 – 39 – погребение 22; 40, 49 – 52 – погребение 20; 41 – погребение 91; 42 – погребение 78; 43 – 44 – погребение 59; 53 – погребение 52.

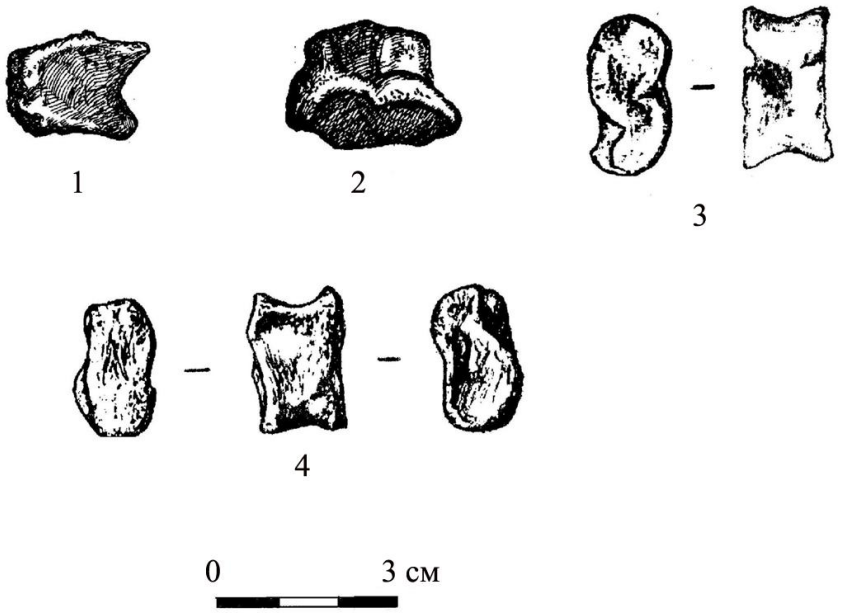

Рис. 42. Эльхотовский могильник. Астрагалы МРС.
1 – погребение 31; 2 – погребение 32; 3 – погребение 82; 4 – погребение 92.

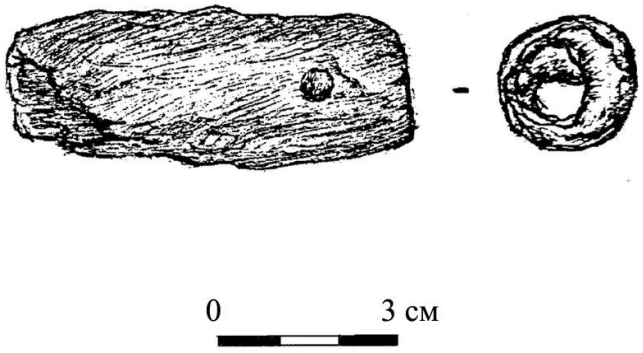

Рис. 43. Эльхотовский могильник. Предмет неизвестного назначения (рог).
Погребение 49.

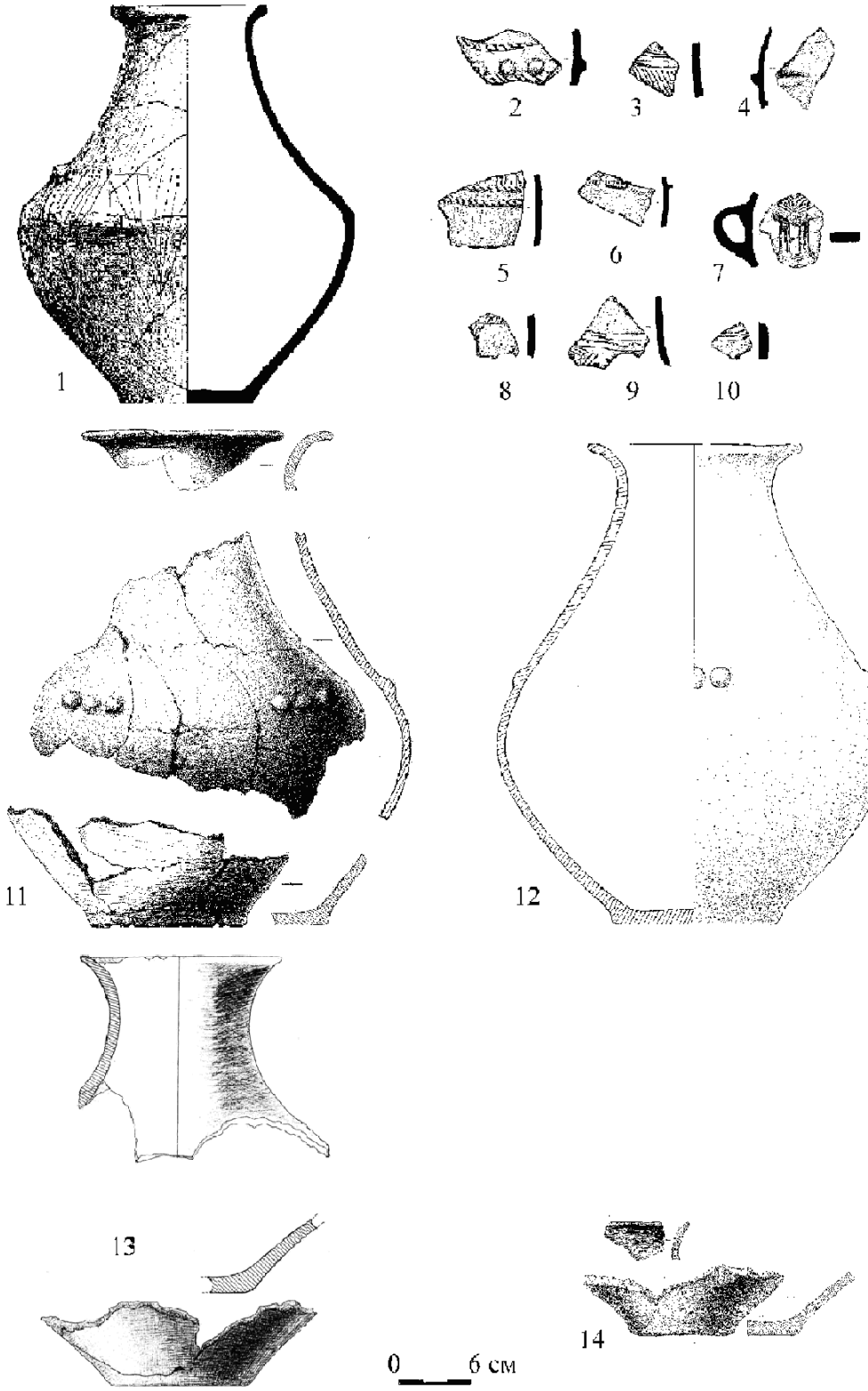

Рис. 44. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. Керамические корчаги. 1, 11 – 14 – Николаевская (12 – реконструкция); 2 – 10 – Средний Урух. 1 – 10 – находки вне комплексов; 11 – 12 – погребение 4; 13 – погребение 6; 14 – погребение 2.

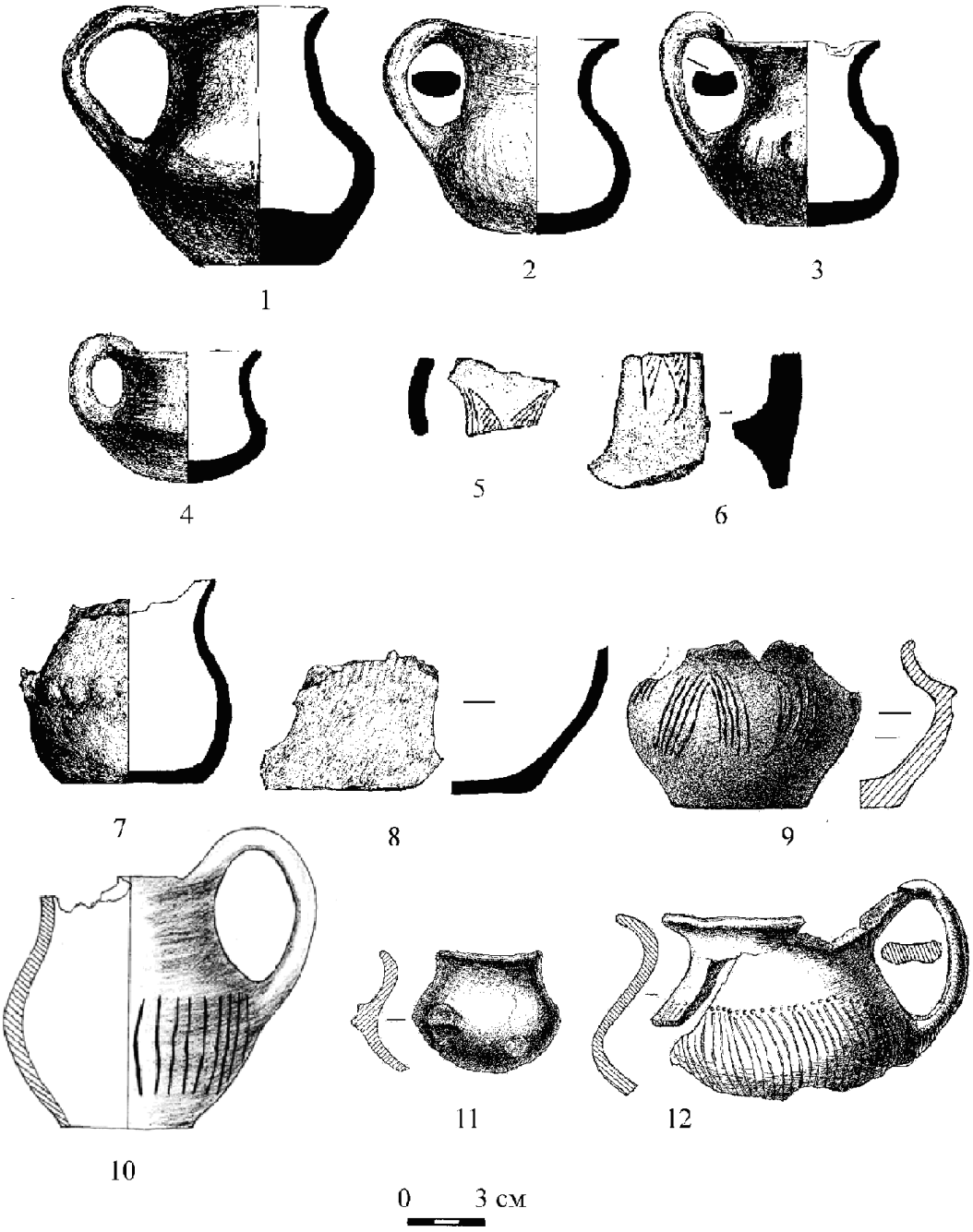

Рис. 45. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. Керамические кружки. 1 – 6 – Средний Урух, 7 – 14 – Николаевская. 1 – 9 – находки вне комплексов; 10 – погребение 7; 11 – погребение 4; 12 – погребение 2.

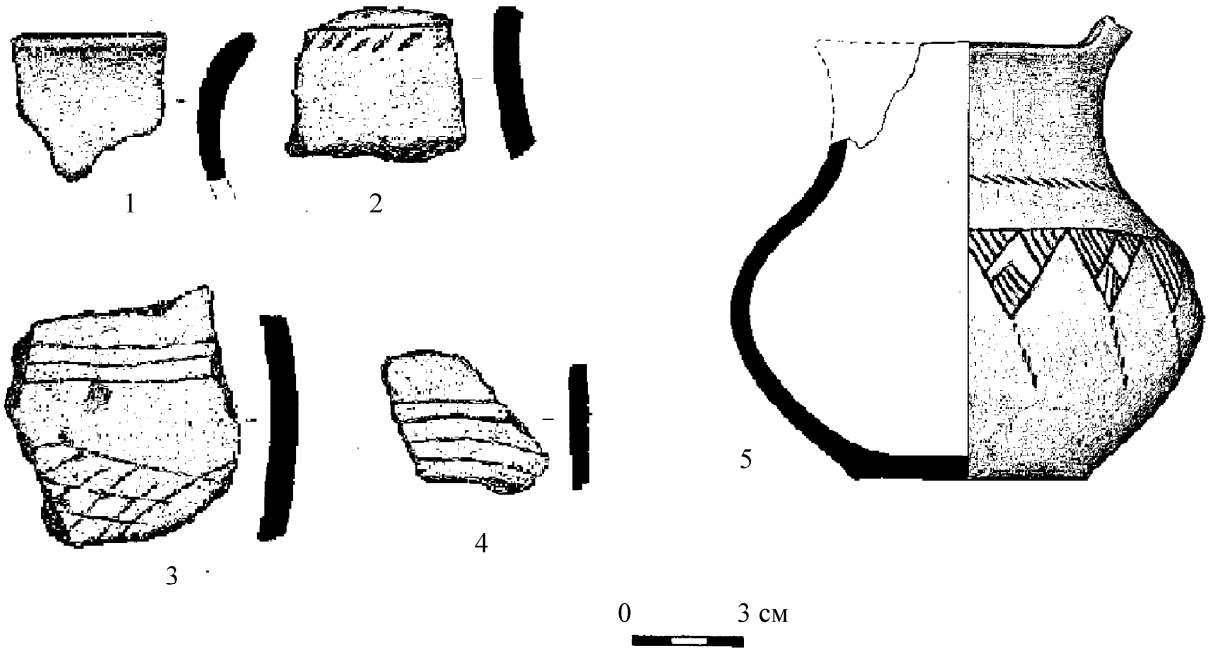

Рис. 46. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии (с. Комсомольское). 1 – 5 – находки вне комплексов.

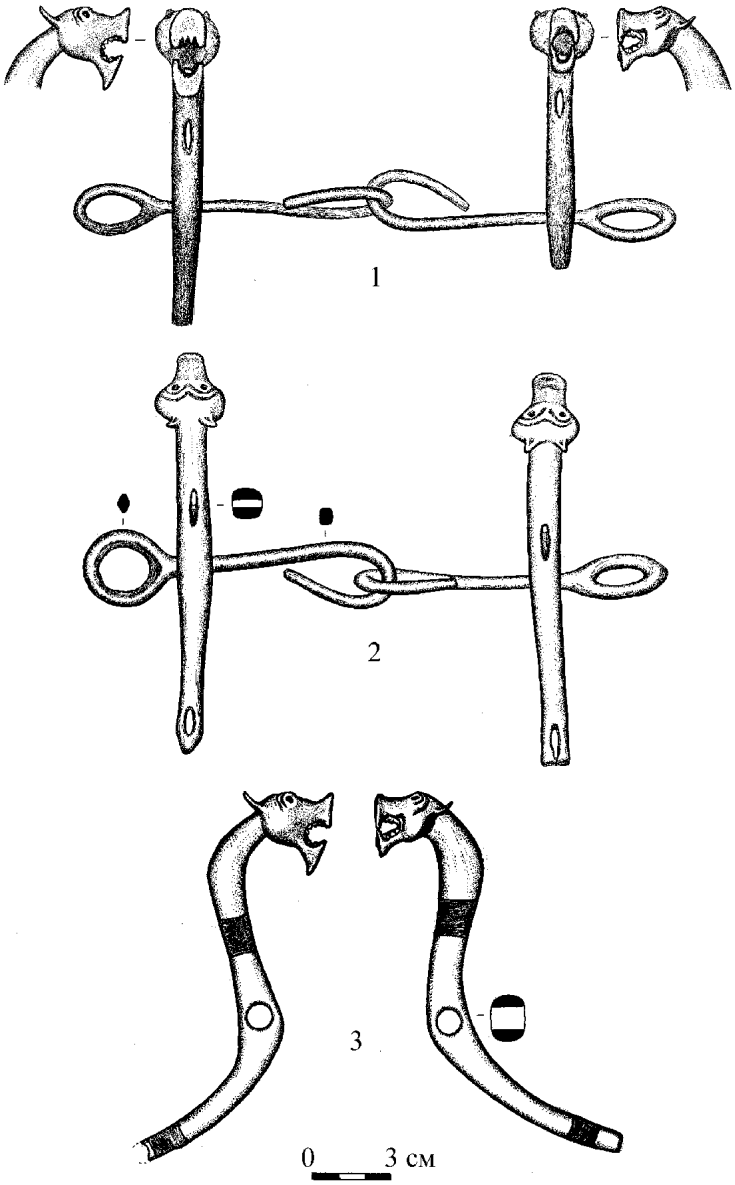

Рис. 47 а. Бронзовые удила (Адайдонский некрополь). Погребение 37.

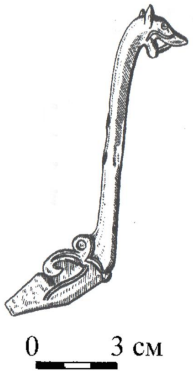

Рис. 47 б. Бронзовый псалий из фондов Национального музея РСО – А (По Е.И. Крупнов, 1957).

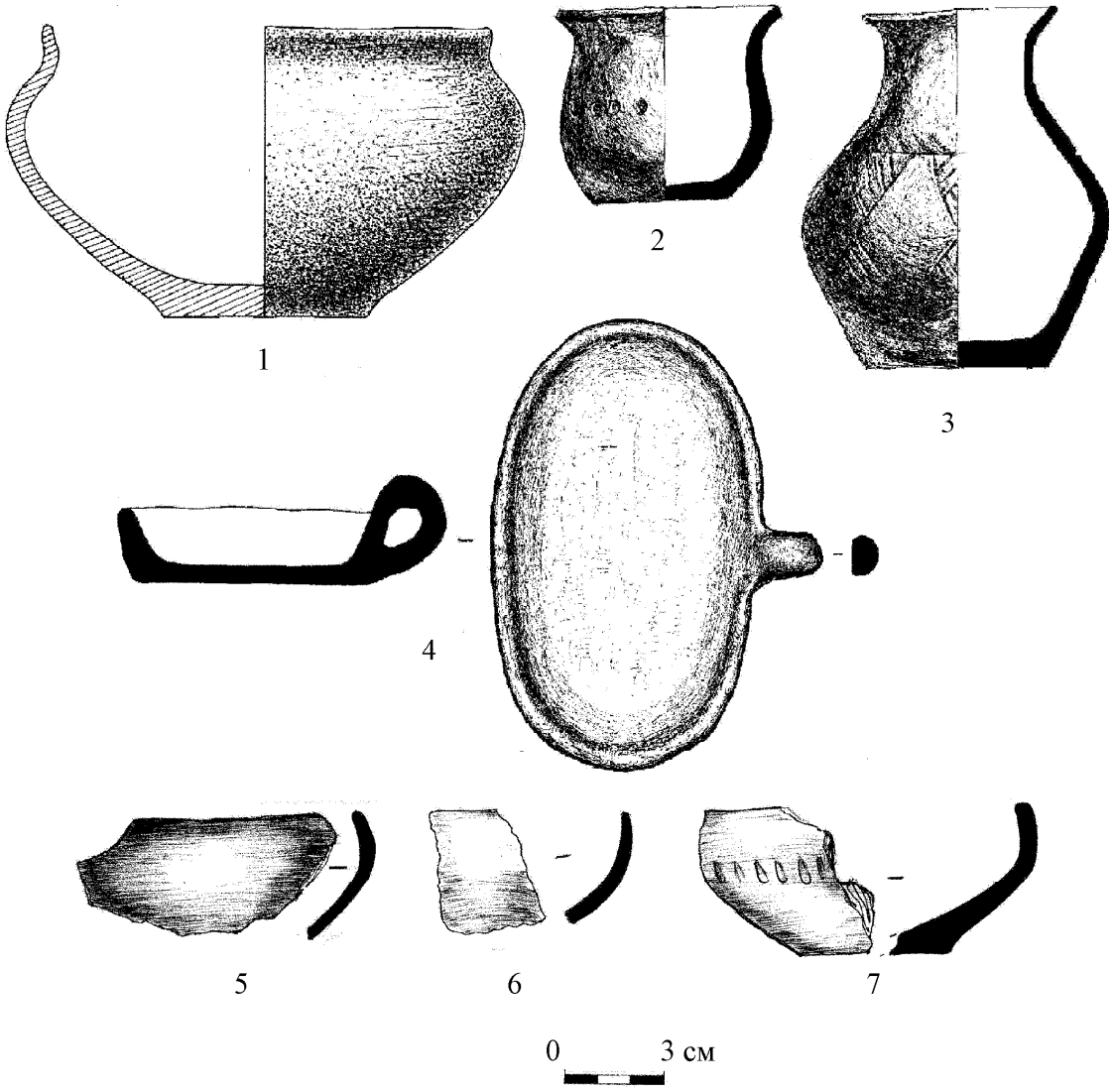

Рис. 48. Материалы памятников кобанской культуры на территории Северной Осетии. Керамические сосуды редких форм. 1 – Николаевская; 2 – 3 – Средний Урух; 4 – Комсомольское, 5 – 7 – Горная Саниба. 1 – погребение 3; 2 – 7 – находки вне комплексов.

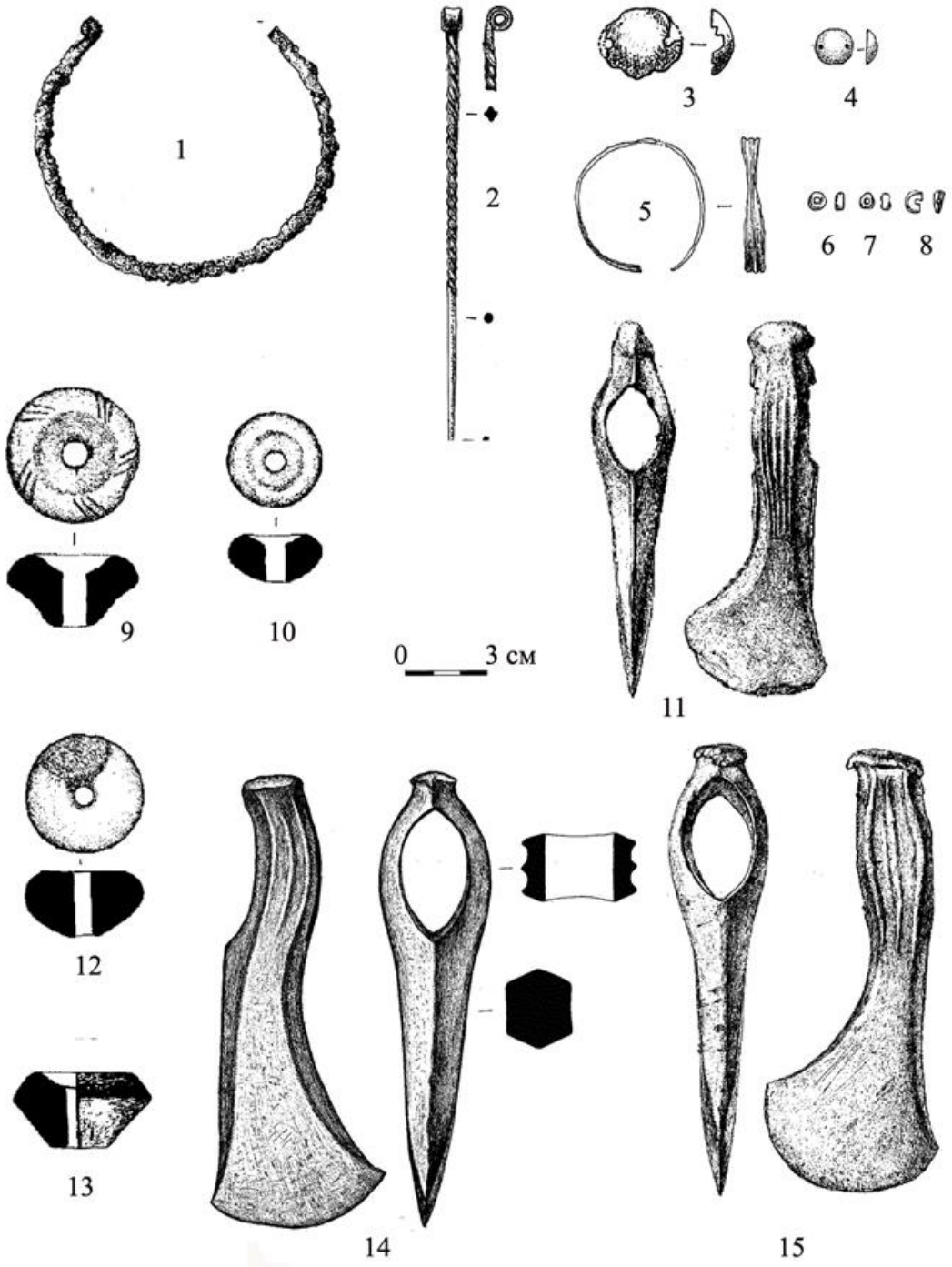

Рис. 49. Предметы из памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1, 13 – 14 – Заманкул; 2 – 8 – Николаевская; 9 – 11, 15 – Средний Урух; 12 – Комсомольское (1 – железо, 2 – 5, 11, 14 – 15 – бронза, 6 – 8 – сердолик, 9 – 10, 12 – 13 – керамика). 1 – погребение 1; 2, 4, 6 – 8 – погребение 3; 3 - погребение 2; 5 – погребение 5; 9 – 15 – находки вне комплексов.

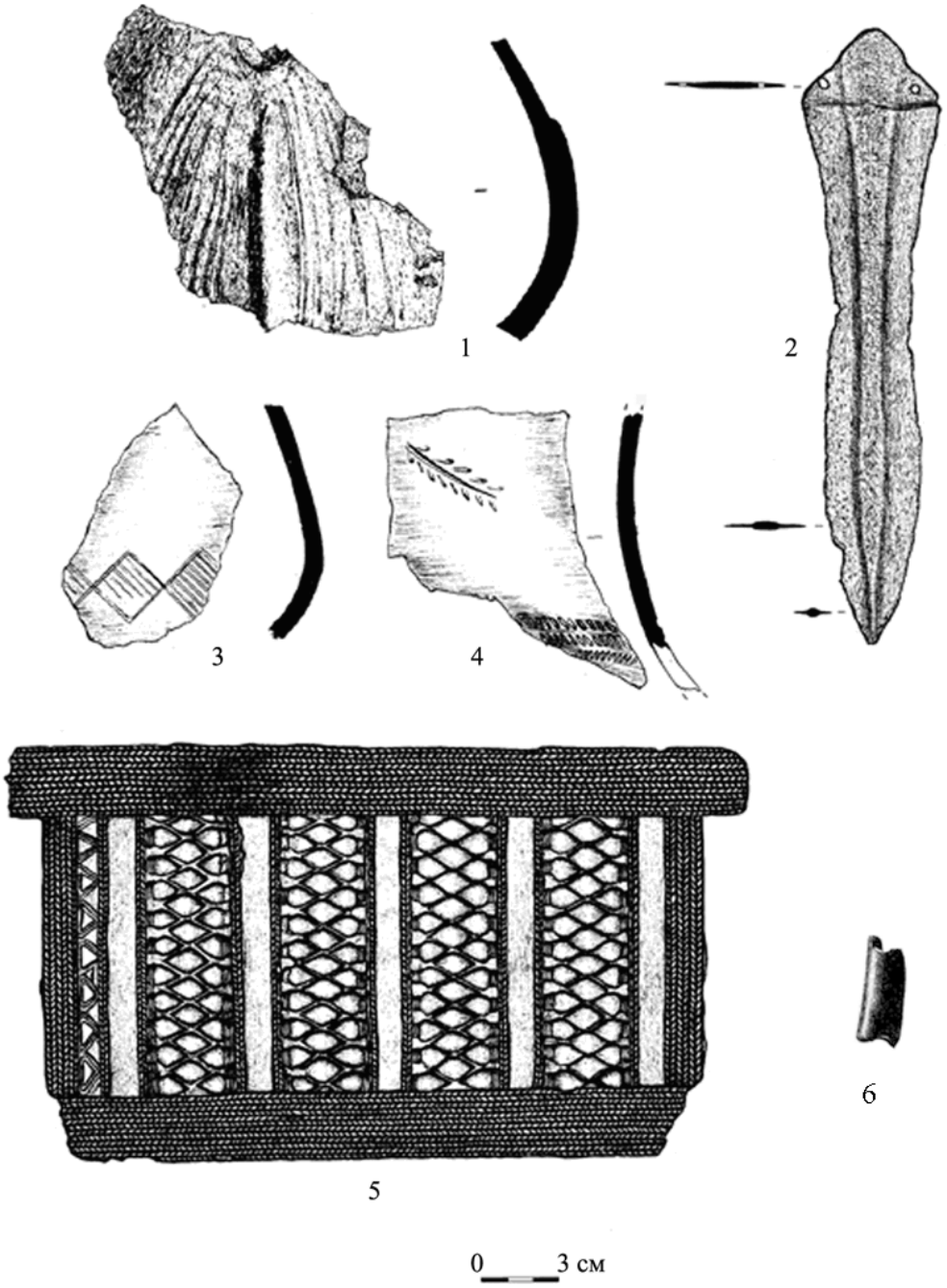

Рис. 50. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1 – Николаевская, 2, 5 – Заманкул, 3 – 4 – Карагасы-Обау, 6 – Змейская (1, 3 – 5 – керамика, 2, 5 – бронза, 6 – кость). 1 – 5 – находки вне комплексов, 6 – Змейское поселение.

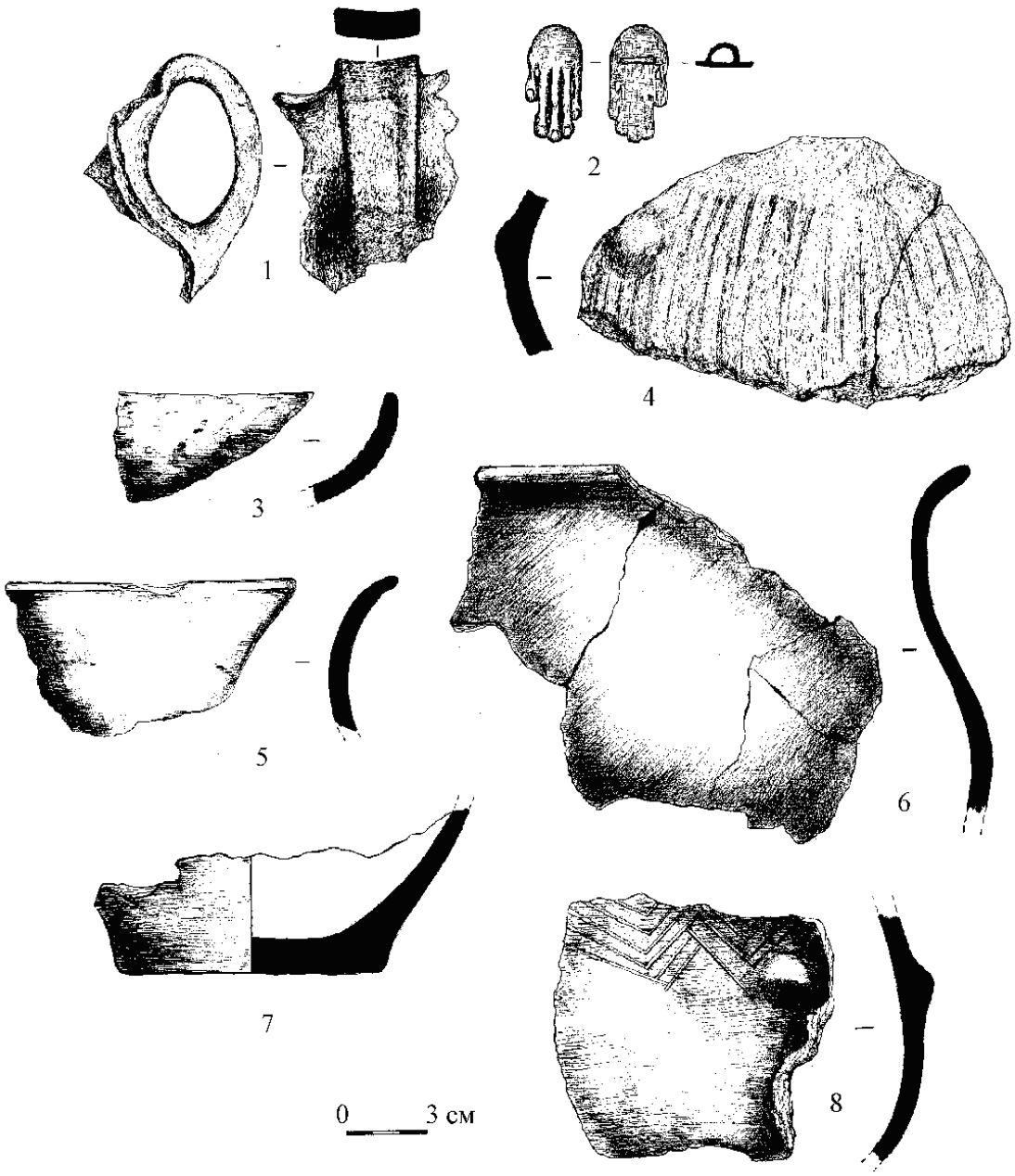

Рис. 51. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1, 3 – Николаевская; 2 – Заманкул; 5 – 8 – Дур - Дур-2 (1,3 – 8 – керамика, 2 – бронза). Находки вне комплексов.

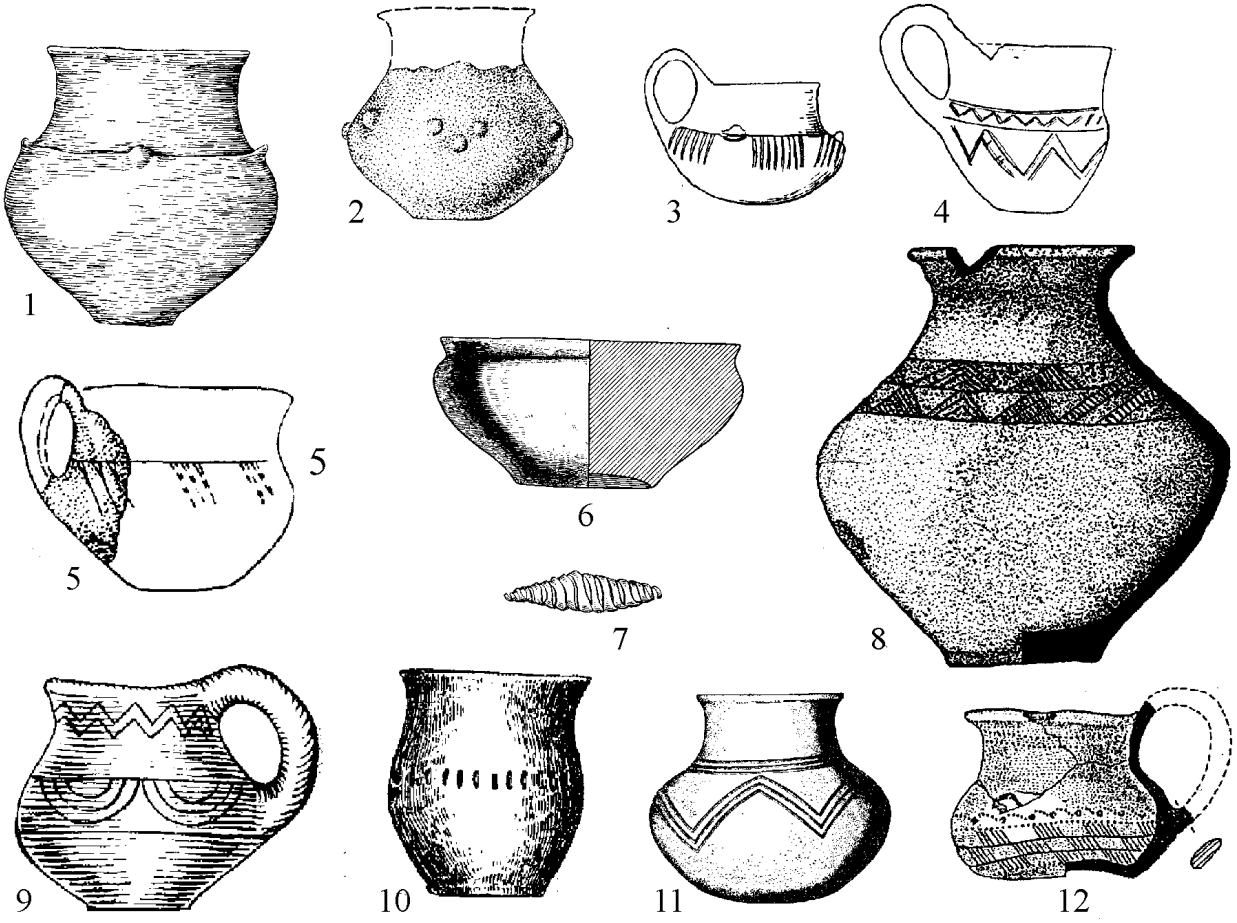

Рис. 52. Посуда из памятников Степи и Лесостепи Северного Причерноморья предскифской эпохи (без масштаба).

1 – 2, 5 – 7, 9 – 11 – по Б.Н.Гракову, 1977; 3 – 4 по А.И.Мелюкова, 1979; 8, 12 – по С.В.Махортых, 2005. 1 – 2 – Чернолесская культура; 6 – 7 – Чернолесская культура (Зелевкинский клад), 8 – киммерийская культура, 9 – 10 – Высоцкая культура, 3 – 4 – Культура Ноа (памятники «фракийского гальштатта»), 5 – белогрудовский этап Чернолесской культуры, 11 – белозерский этап срубной культуры, 12 – киммерийская культура (Киркаешты).

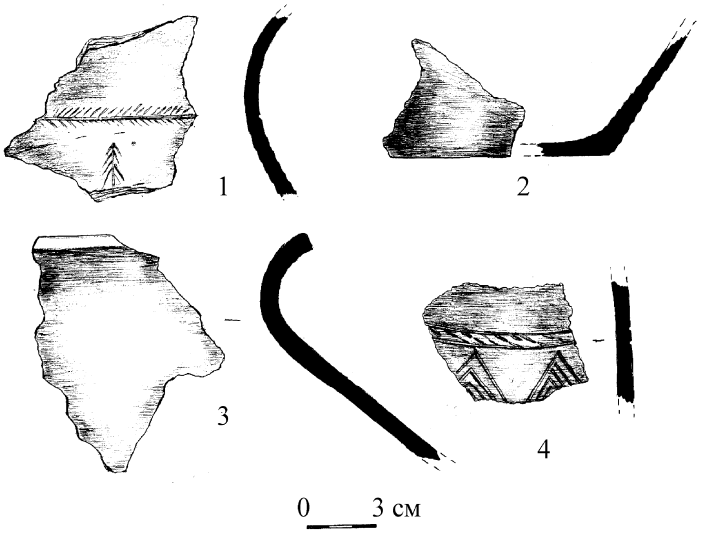

Рис. 53. Материалы памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии. 1 – 4 – Карагасы – Обау. Находки вне комплексов.

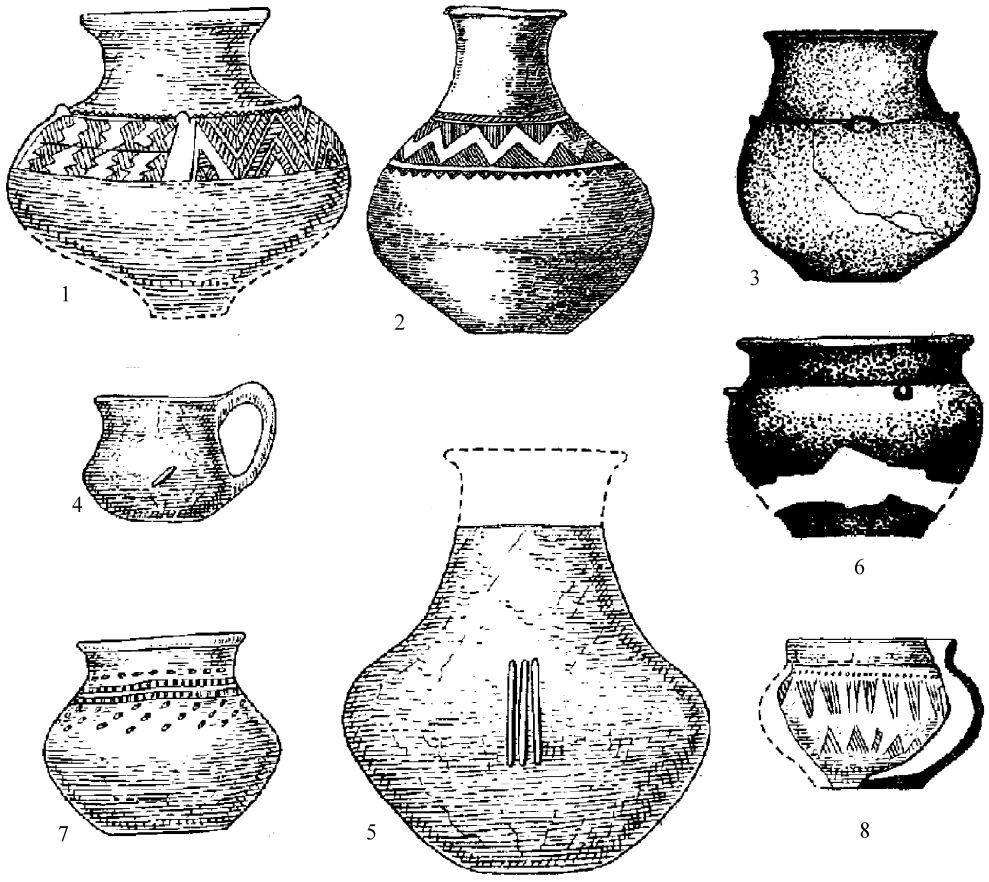

Рис. 54. Керамика Крыма, Степи и Лесостепи Северного Причерноморья предскифской эпохи (1, 7 – по А.И.Мелюкова, 1989; 4 – 5, 8 – по Х.И.Крис, 1989; 2 – 3, 6 – по С.В.Махортых, 2005).

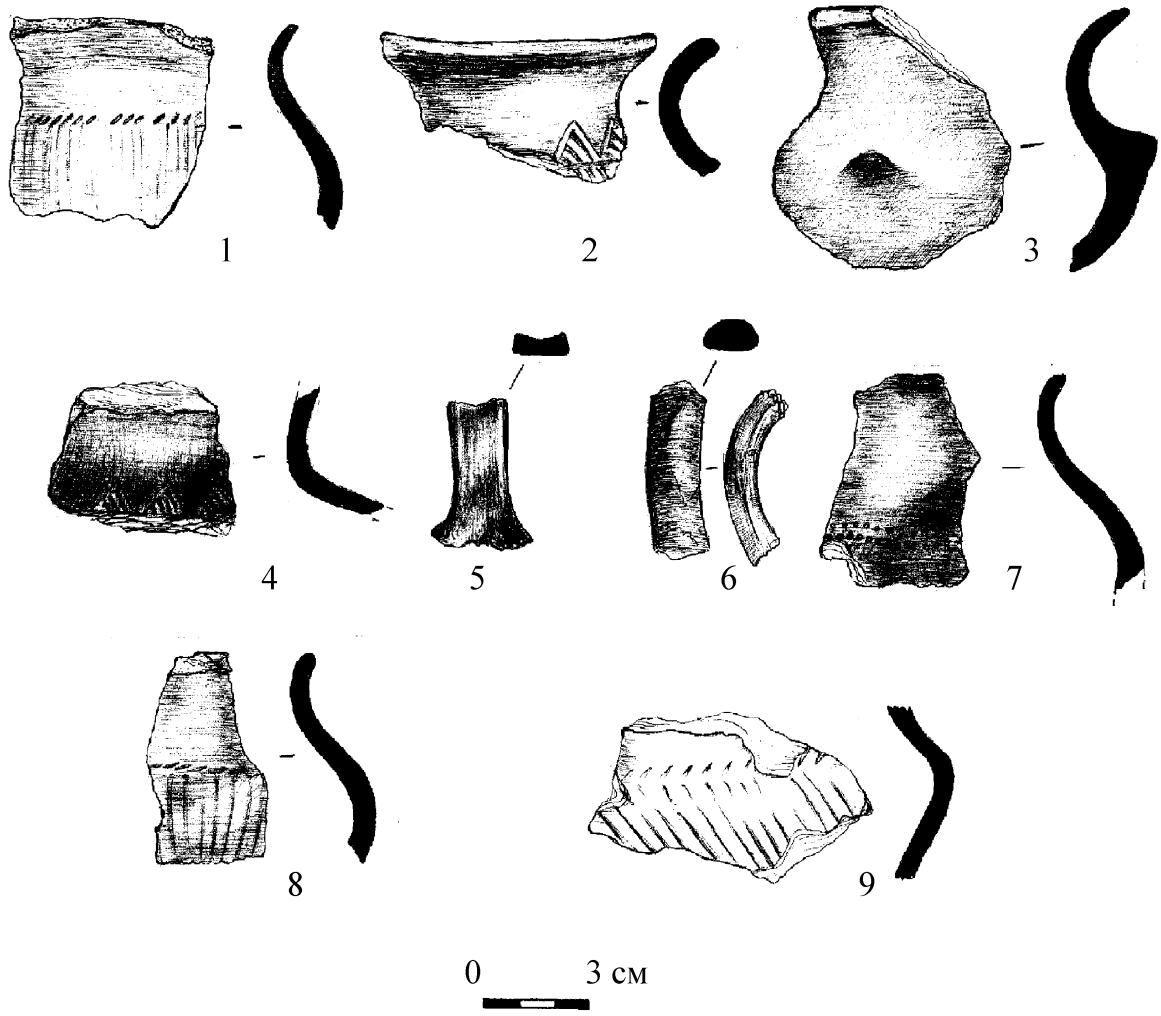

Рис. 55. Фрагменты керамических кружек. Горная Саниба.
Находки вне комплексов.

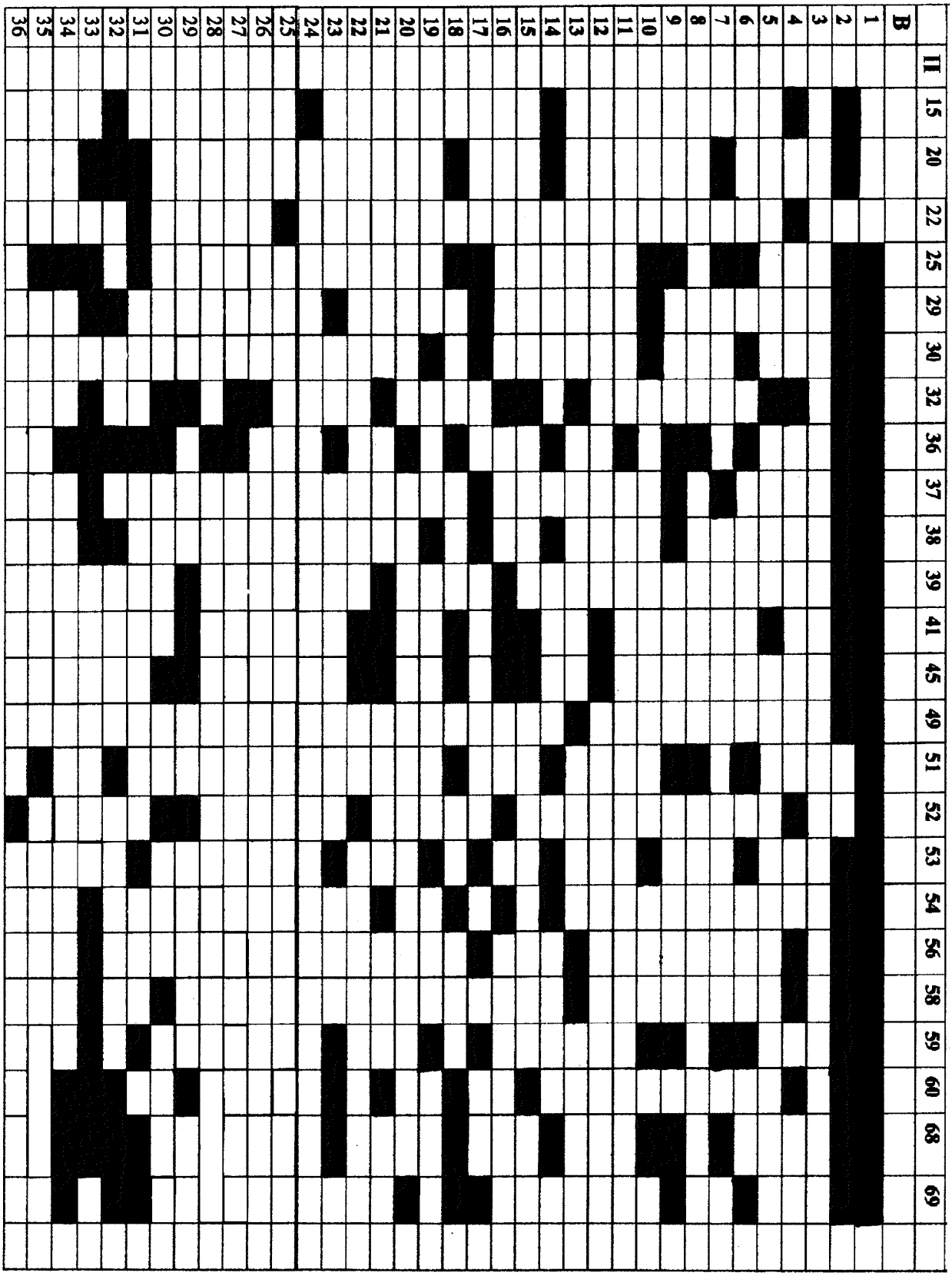

Рис. 56 а. Эльхотовский могильник кобанской культуры.

Сводная схема взаимовстречаемости вещей в погребениях.

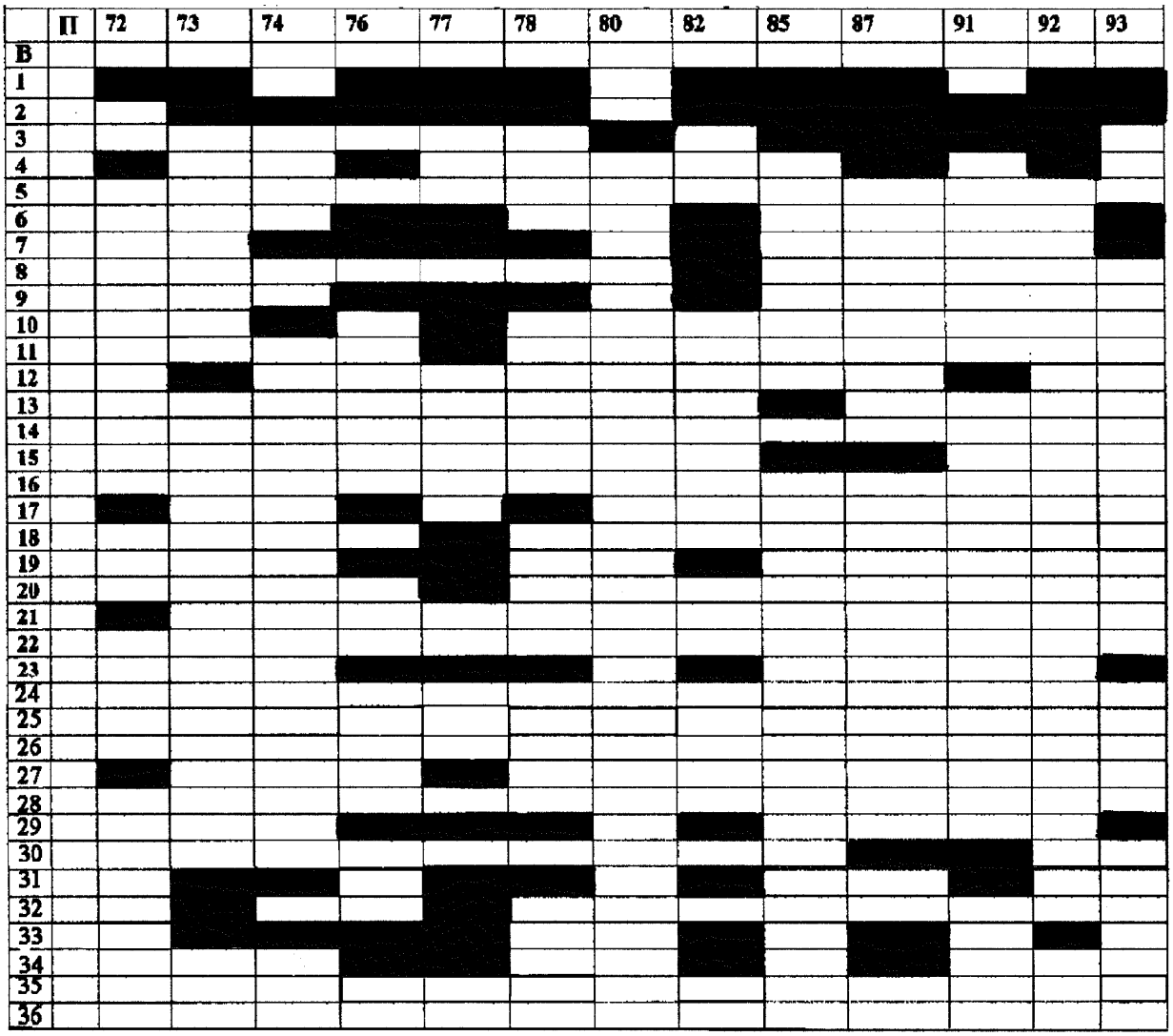

Рис. 56 б. Эльхотовский могильник кобанской культуры.

Сводная схема взаимовстречаемости вещей в погребениях (окончание).

Условные обозначения к рисунку 56.

П – погребения; В – вещи; 1 – корчаги; 2-кружки; 3 - черпачки; 4 – булавки с закрученной головкой; 5 – фибулы; 6 – браслеты; 7 – височные подвески в 1,5 оборота; 8–гривны; 9 – каури; 10–накосники; 11 – налокотники; 12 – бронзовые кинжалы; 13 – железные копья; 14 – крестовидные пуговицы; 15 - железные ножи; 16 – каменные оселки; 17 – перстни; 18 – полусферические бляшки с петлей; 19 – пластинчатые пряжки; 20 - птицевидные привески; 21 - топоры; 22 – бронзовые стрелы; 23 – иглы; 24 - бронзовый нож; 25 – овальная привеска в 1,5 оборота; 26 - миска; 27 - крестовидные привески; 28 - очковидные привески; 29 - кремень (огниво); 30 - ворворки; 31 - сурьмяные бусы; 32 - стеклянные бусы; 33 - бронзовые бусы; 34 - сердоликовые бусы; 35 - гагатовые бусы; 36 - железный кинжал.

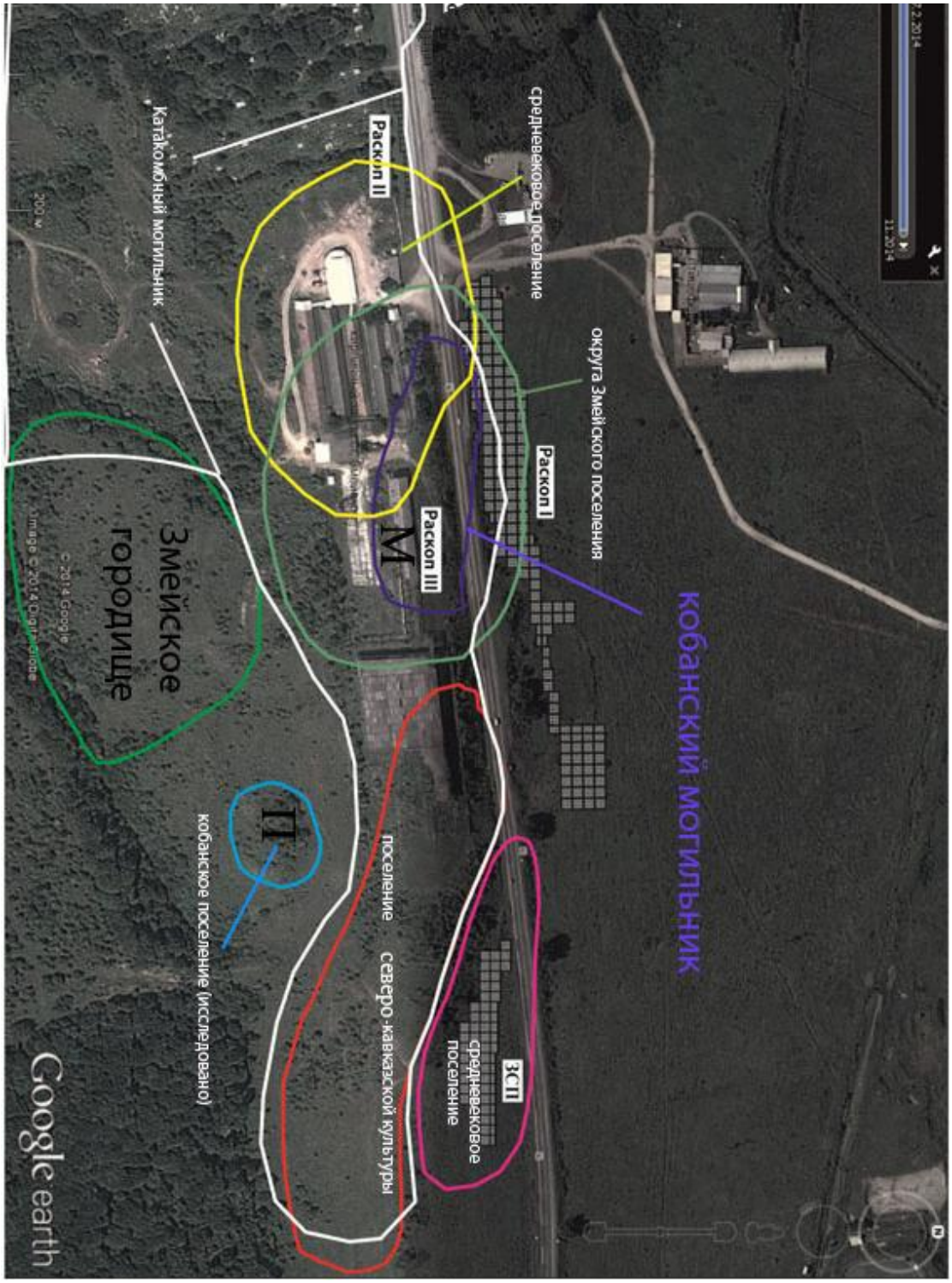

Рис. 57. Космоснимок археологических памятников у ст. Змейская РСО А.

П – поселение кобанской культуры; М – могильник кобанской культуры.

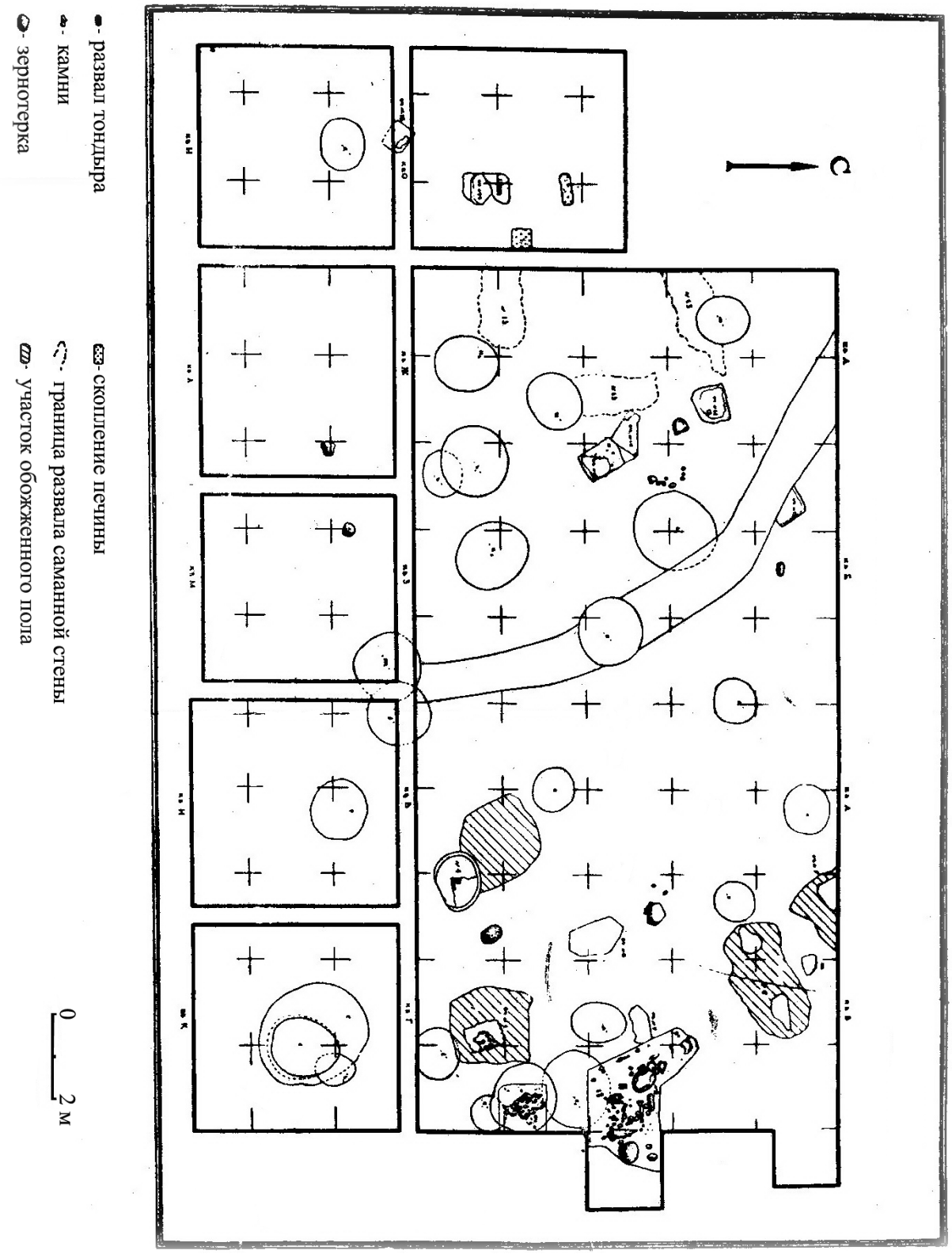

Рис. 58. План раскопок Змейского поселения кобанской культуры (по Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов, 1961).

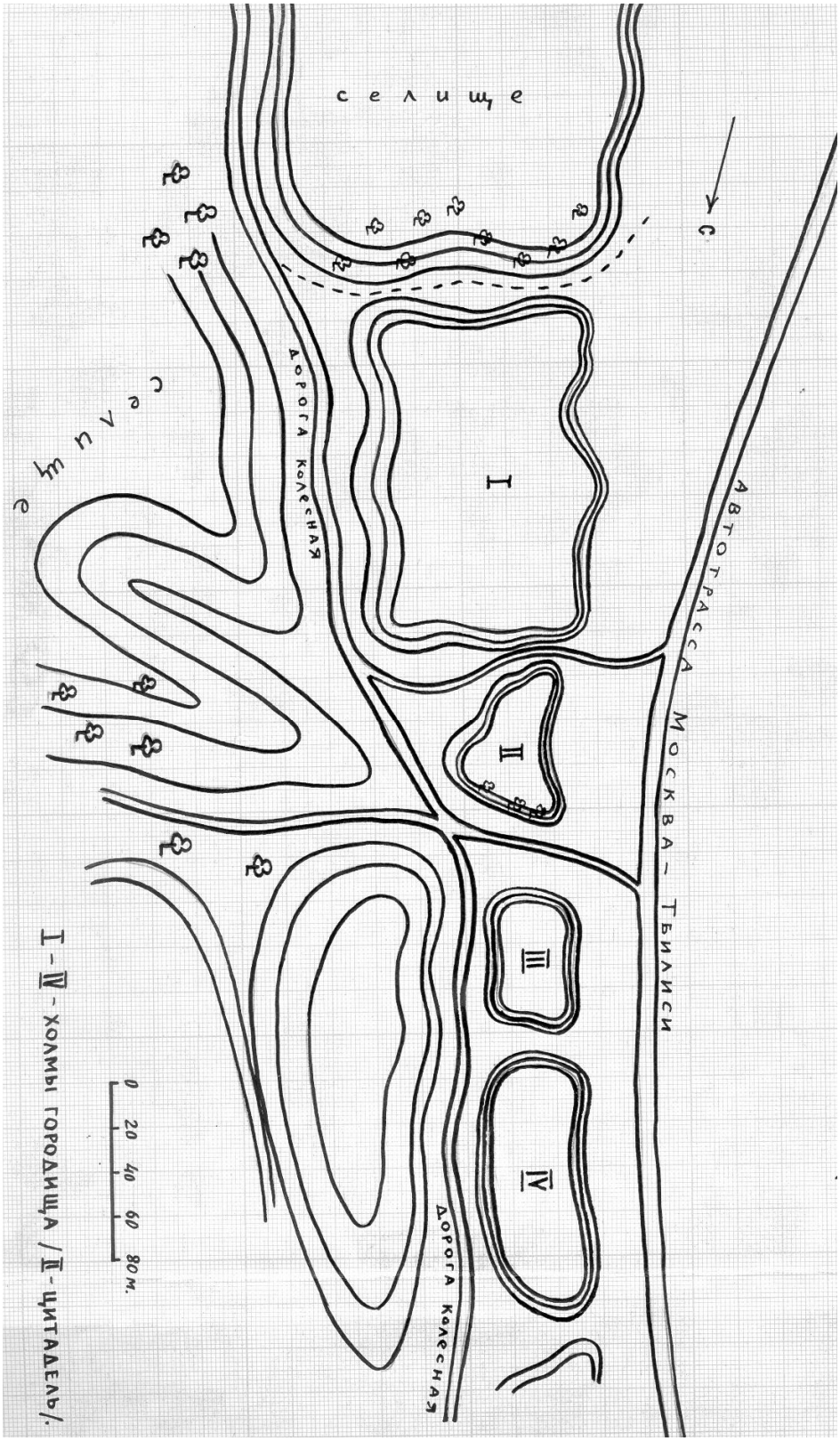

Рис. 59. Эльхотовское средневековое городище и поселение кобанской культуры «Эльхотком», схематичный план (по В. А. Кузнецов, 1965). I – IV – Эльхотовское средневековое городище; II – поселение кобанской культуры «Эльхотком».

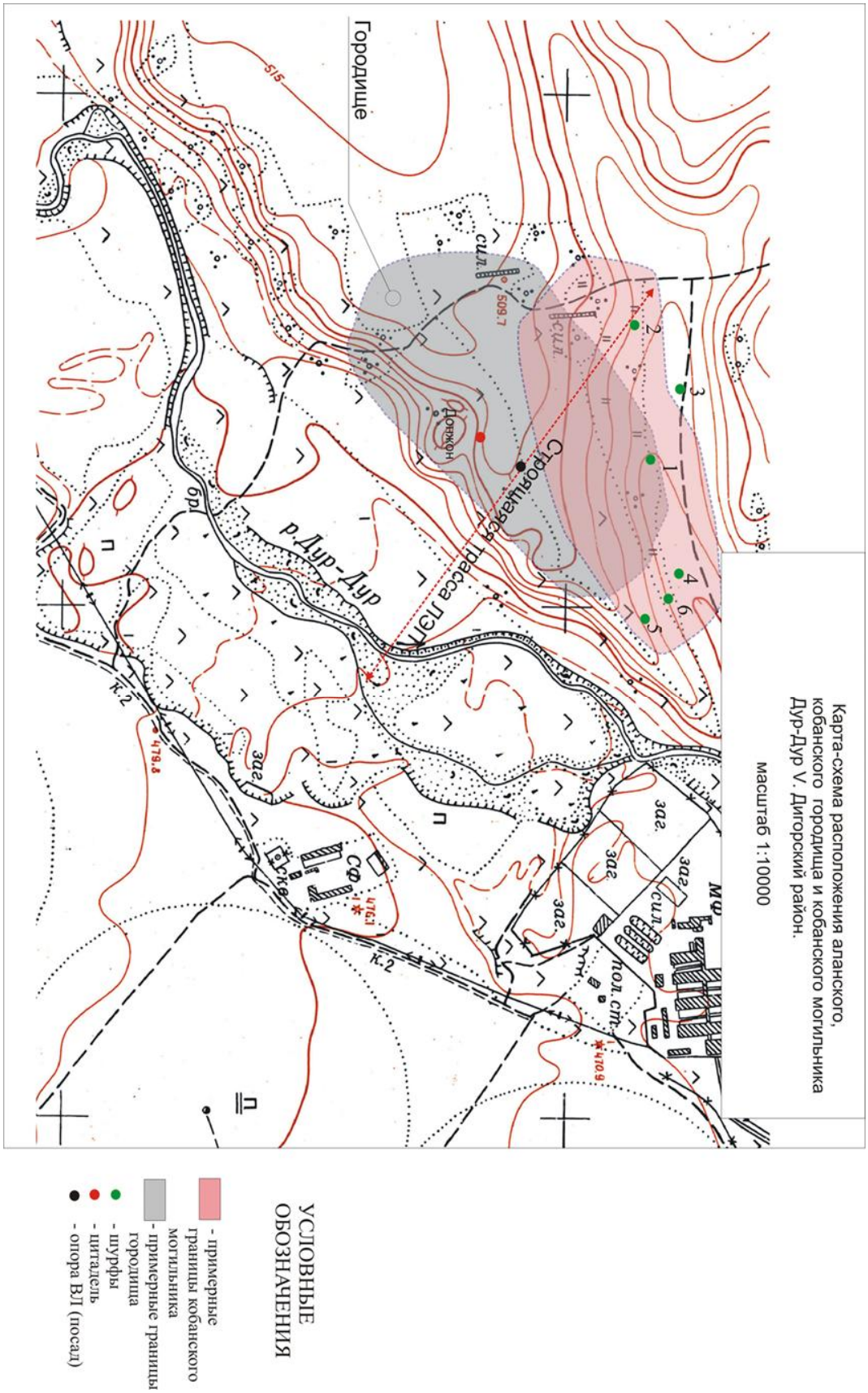

Рис. 60. Поселение кобанской культуры Дур-Дур – V (по З.Х. Царикаева (Албегова), 2006).

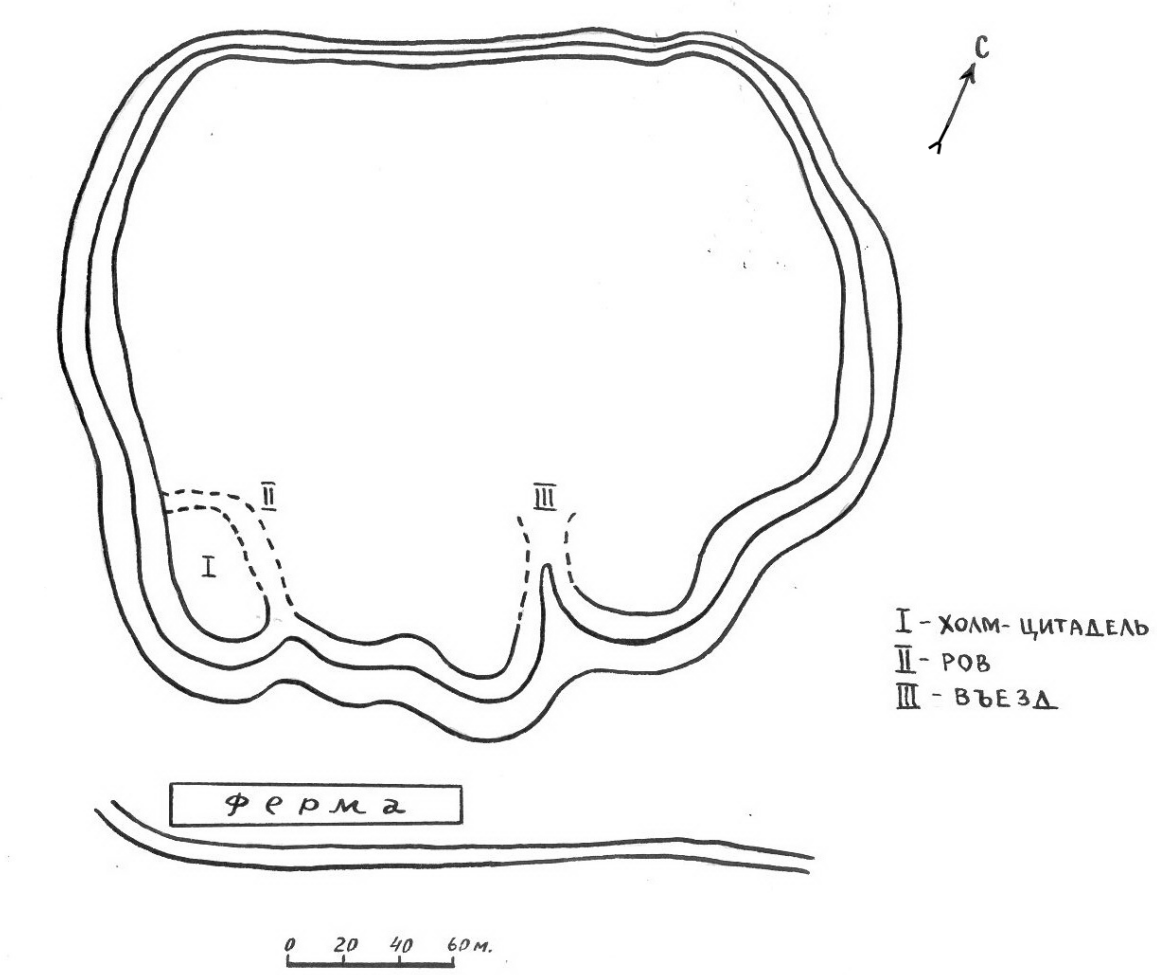

Рис. 61. Средневековое городище Дур-Дур-II и Николаевское поселение кобанской культуры. Схематичный план (по В. А. Кузнецов, 1965).

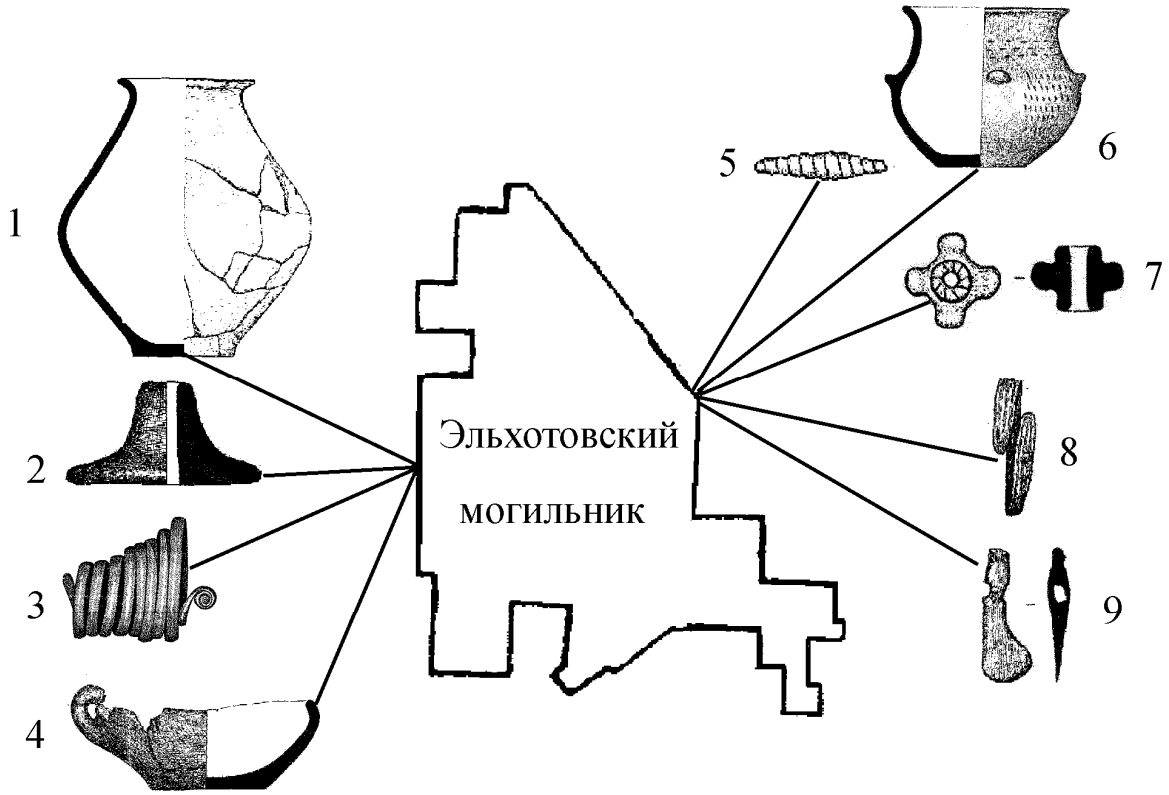

Рис. 62. Схема связей по инвентарю центрального варианта кобанской культуры (Эльхотовский могильник) с памятниками восточного (1 – 4) и западного (5– 9).

Рис. 63. Реконструкция системы женских украшений Эльхотовского могильника (реконструкция автора, рисунок Б. Г. Цогоева).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ»

ЧШИЕВ ВЛАДИМИР ТАЙМУРАЗОВИЧ

ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ТОМ 2. ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ТАБЛИЦЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОБРЯДА И ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Владикавказ

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Таблица № 1. Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника.....3
Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма.....7
Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда.....11
Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер.....15
Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения.....20
Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески.....25
Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда.....29
Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда.....33
Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры.....37
Таблица № 10. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Сводная хронологическая таблица.....41

Таблица № 1 Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника

№ п/п	Положение тела			Ориентация	Кости МРС	Древ. уголь	Охра	Одиночное	Парное	Потревожено	Инвентарь
	на лев. боку	не определено	на прав. боку								
15	+			СВ	+			+			+
20			+	СВ				+			+
22	+			СВ				+			+
23			+	СВ				+			+
25	+			В				+			+
29	+			В				+			+
30			+	СВ				+		+	+
31			+	В				+		+	+
32	+			СВ	+	+	+	+			+
33			+	СВ				+			+
34			+	СВ				+		+	+
36			+	СВ	+	+		+			+
37			+	СВ		+		+			+
38			+	СВВ				+			+
39	+			СВ				+		+	+
41	+			СВ	+	+	+	+			+
44	+			СВ							
45	+			ССВ	+	+	+	+			+
47			+	не опр		+				+	
48	+			СВВ				+			+

Таблица № 1 Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника (продолжение)											
№ п/п	Положение тела			Ориен-тация	Кости МРС	Древ. уголь	Охра	Оди-ночное	Пар-ное	Потрево-жено	Инвен-тарь
	на лев. боку	не определ	на прав. боку								
49	+			СВ		+		+		+	+
50		+		не определ				+		+	+
51			+	СВ	+			+			+
52	+			СВВ		+		+		+	+
53			+	СВ	+			+			+
54	+			СВ				+		+	+
55		+		не определ		+		+		+	+
56	+			СВ	+			+		+	+
57		+		не определ	+			+		+	+
58	+			СВ	+			+			+
59			+	ССВ	+			+			+
60	+			СВ	+			+			+
62	+			СВВ				+			
63			+	СВВ				+			+
64	+			В				+			+
68			+	СВ	+			+			+
69			+	СВ	+			+			+
70		+		не определ				+		+	+
71			+	ССВ				+		+	+
72	+			ССВ	+		+	+			+
73	+ (муж)		+ (жен)	муж СВВ жен СВ					+	+	+
74			+	СВВ				+			+
75			+	СВ	+			+			+

Таблица № 1. Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника (продолжение)									
п/п	Положение тела			Ориентация	Кости МРС	Древ. уголь	Одиночное	Потревожено	Инвентарь
	на лев боку	не опр	на прав боку						
76			+	В	+		+		+
77			+	СВВ	+	+	+		+
78			+	СВ	+		+		+
79		+		СВ			+		-
80	+			СВ			+		
82	+			СВ	+		+	+	+
83		+		не опр			+		+
84	+			не опр		+	+	+	+
85	+			В	+		+		+
86			+	С	+		+	+	+
87		+		СВВ	+	+	+	+	+
91		+		В			+		+
92			+	ССВ	+		+		+
93			+	СВ			+		+
94		+		СВ			+		+

Таблица № 1 Особенности обряда кобанских погребений Эльхотовского могильника (окончание)														
Всего зах-ний	Положение тела			Ориентация тела						Кости МРС	Др. уголь	Охра	Оди-ноч-ное	Пар-ное
	На лев	не опр	на прав	В	СВ	СВВ	ССВ	С	Не опр					
59	24	9	26	7	30	9	5	1	7	24	12	4	57	1
				11%	50,8%	15%	8,4%	1%	11,8%					
				Половозрастная ориентация по сторонам света										
% от всех п/п	40 %	15%	44%	Муж – 2 Жен – 3 Дет - 2	Муж – 8 Жен - 13	Муж - 3 Жен - 4 Дет - 2	Муж - 2 Жен - 2 Дет - 1	Дет		40,6	20,3	6,7	96,6	1,6
	Жен - 3		Жен 18	Ориентация тела относительно общего количества захоронений (59)										
	12.5%		9,2%	Ориентация на В Муж – 3,3 %; Жен – 5 %; Дет – 3,3 %										
	Муж 13		Муж 0	Ориентация на СВ Муж – 13 %; Жен – 22 %; Дет – 0 %										
	54%		0 %	Ориентация на СВВ Муж – 50 %; Жен – 6,7%; Дет – 3,3 %										
	Дет - 5		Дет 7	Ориентация на ССВ Муж – 3,3%; Жен – 3,3%;Дет – 1%										
	8%		26%											

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма												
п/п	Булавки	Пряжки	Фибулы	Пуговицы/ Застежки							Пояс	Ворворки
				крестовид	ромбовид	полусфер	коничес	овальные	дисковид	шаровид		
15	+			+								
20				+								
22	+											
23												
25					+							
29												
30		+										
31				+								
32	+		+									+
33												
34												
36				+			+	+	+		+	+
37												
38		+		+								
39												
41			+									
44												
45												+
47												
48												

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма (продолжение)											
п/п	Булав-ки	Пряжки	Пуговицы							Пояс	Ворворки
			крестовид	ромбич	полусфер	коничес	овальные	дисков	шаровид		
49	+							+			
50											
51			+					+			
52	+										+
53		+									
54											
55			+					+			+
56	+						+				
57											
58	+										+
59		+									
60	+										
62	+										
63											
64											
68			+			+					
69				+	+			+			
70			+								
71											
72	+						+				

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма (продолжение)											
п/п	Булавки	Пряжки	Пуговицы							Пояс	Ворворки
			ром-бич	полу-сфер	кони-ческ	оваль-ные	«ким. звезда»	дис-ков	шаро-вид		
73	+										
74											
75											
76	+	+									
77		+		+	+			+	+	+	
78											
79											
80											
82		+									
83											
84											
85											
86	+										
87	+										+
91											+
92	+										
93											
94											

Таблица № 2. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Аксессуары костюма (окончание)													
	Булавки	Пряжки	Фибулы	Пуговицы								Пояс	Ворворки
				крестовид	ромбич	полусферич	конич ес	овальные	«ким. звезда»	дисковидные	шаровидные		
В скольких погребениях найдено	15	7	2	9	2	2	3	3	1		1	2	8
% от всех п/п	15	11,8	3,3	15,2	3,3	3,3	5	5	1,6	10,1	1,6	3,4	13,5

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда								
п/п	Ножи	Прясла	Оселки	«Скальпель»	Шило	Кремневые вкладыши или резцы	Кремень (огниво)	Иглы
15				+				
20								
22								
23								
25						+		+
29		+				+		+
30								
31								
32	+		+				+	
33								
34								
36								+
37								
38								
39			+				+	
41	+		+				+	
44								
45	+		+				+	
47								
48								

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда (продолжение)							
п/п	Ножи	Прясла	Оселки	Шило	Кремневые вкладыши или резцы	Кремень (ог-ниво)	Иглы
49	+						
50							
51					+		
52			+	+		+	
53					+		+
54			+				
55							
56							
57							
58							
59					+		+
60						+	
62							
63							
64							
68		+					+
69				+			+
70							
71							
72							

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда (продолжение)							
п/п	Ножи	Прясла	Оселки	Шило	Кремневые вкладыши или резцы	Кремень (огниво)	Иглы
73							
74							
75							
76		+					+
77							
78							+
79							
80							
82				+			
83							
84							
85	+						
86							
87	+						
91							
92							
93							+
94							

Таблица № 3. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Орудия труда (окончание)								
	Ножи	Прясла	Оселки	«Скальпель»	Шило	Кремневые вкладыши или резцы	Кремень (огниво)	Иглы
В скольких погребениях найдено	6	3	6	1	3	5	6	10
% от всех п/п	10	5	10	1,6	5	8,4	10	17

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер									
п/п	БУСЫ						БИСЕР		
	сердо-лик	брон-за	гагат	стекло	цвет/прозрачность	сурьма	сердолик	стекло	цвет/прозрачность
15				+	белый/непрозрачный				
20		+		+	сний/непроз/зеленый/ прозрачный	+		+	желтый/ непрозрачный
22		+				+			
23									
25	+	+	+			+	+		
29		+		+	голубой/непрозрачный				
30									
31									
32		+							
33		+							
34									
36	+	+		+	зеленый/белый непрозрачный	+		+	коричнев/го-лубой/непроз
37		+							
38		+		+	зеленый/белый желтый/непрозрачный				
39		+		+	зеленый/белый/непрозр				
41									
44									
45									
47									
48		+							

Таблица 4 Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер (продолжение)									
п/п	БУСЫ						БИСЕР		
	сердо-лик	бронза	гагат	стекло	цвет/ прозрачность	сурь-ма	сердо-лик	стекло	цвет/ прозрачность
49		+							
50				+	белый/ непроз				
51		+	+	+	белый/ зеленый/серый/ оранж/непрозрач/ розовый/зеленый/ прозрач				белый/ синий/ непрозрач ный
52		+							
53		+				+			
54		+							
55		+		+	желтый/ непрозрач-ный			+	красный/ синий/не прозрач
56		+							
57								+	желтый/ непрозрач
58		+							
59		+				+			
60	+	+		+	серый/непроз-рачный				

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер (продолжение)								
п/п	БУСЫ					БИСЕР		
	сердолик	бронза	стекло	цвет/прозрачность	сурьма	сердолик	стекло	цвет/прозрачность
62								
63	+		+	черный/ белый/ зленый/не прозрач-ный		+	+	синий/ не прозрачный
64								
68	+	+	+	черный/ зеленый/ не прозрачный	+		+	серый/ не прозрачный
69	+		+	зеленый/ прозрач/ белый/ бурый, зеленый/ не прозрачный	+			
70			+	зеленый/прозрач-ный			+	синий/ непрозрачный
71								
72								
73 а								
73 б		+	+	черный/ не прозрачный	+			
74		+			+			

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер (продолжение									
п/п	БУСЫ						БИСЕР		
	сердолик	бронза	гагат	стекло	цвет/прозрачность	сурьма	сердолик	стекло	цвет/прозрачность
75		+							
76	+	+							
77	+	+		+	чный/белый/серый/ непрозрачный	+	+	+	серый/не-прозрачный
78						+			
79									
80									
82	+	+				+		+	синий/ непрозрачный
83		+							

84		+							
85									
86	+	+							
87	+	+							
91						+			
92		+							
93									
94		+		+	синий/ непрозрачный				

Таблица № 4. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения. Бусы и бисер (окончание)

	БУСЫ						БИСЕР	
	сердолик	бронза	гагат	стекло	сурьма	железо	сердолик	стекло
В скольких погребениях могильника найдено	11	32	2	16	14	2	4	10
% от числа всех п/п	18,6	54,2	3,3	27,1	23,7	3,3	6,7	16,9

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения													
п/п	Накосники	Перстни	Пронизи		Каури	Браслеты	Бляхи		Бляшки		Трубочки	Гривны	Налокотники
			биконические	цилиндрические			с петлей	нашивные	с петлей	нашивные			
15				+							+		
20	+			+					+	+	+		
22													
23													
25	+	+			+	+	+		+	+	+		
29	+	+											
30	+	+		+		+							
31													
32													
33													
34													
36		+			+	+		+	+	+	+	+	+
37		+			+								
38		+	+		+						+		
39													
41													
44													
45													
47													
48													

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения (продолжение)

п/п	Накосники	Перстни	Пронизи		Каури	Браслеты	Бляхи		Бляшки		Трубочки	Гривны
			биконич	цилиндрические			с петлей	нашивные	с петлей	нашивные		
49		+										
50										+		
51					+	+				+	+	+
52												
53	+	+		+		+		+		+		
54										+		
55					+			+				
56		+										
57		+										
58												
59	+	+			+	+				+		
60												
62											+	
63		+										
64				+						+		
68				+	+				+	+		
69		+	+		+	+	+					
70		+				+						
71					+							
72		+										
73а				+							+	

(Ж)												
73б (М)												
74	+	+								+	+	

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения (продолжение)												
п/п	Накосники	Перстни	Пронизи цилиндрические	Каури	Браслеты	Бляхи		Бляшки		Трубочки	Гривны	Налокотники
						с петлей	нашивные	с петлей	нашивные			
75										+		
76		+		+	+				+	+		
77	+	+	+	+	+				+	+		+
78		+		+								
79												
80												
82				+	+				+		+	
83												
84			+									
85			+					+				
86										+		
87			+									
91									+			
92			+									
93					+							
94									+	+		

Таблица № 5. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Украшения (окончание)													
Всего захоронений	Накосники	Перстни	Пронизи		Каури	Браслеты	Бляхи		Бляшки		Трубочки	Гривны	Налокотники
59			биконические	цилиндрические			с петлей	нашивные	с петлей	нашивные			
В скольких п/п могильника найдено	8	19	2	12	14	12	2	3	4	16	14	3	2
% от всех п/п	13,5	32,2	3,3	20,3	23,7	20,3	3,3	5	6,7	27	23,7	5	3,3

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески												
п\п	крестовидные	топоровидные	зубовидные	галька	клыки	височные подвески				зооморфные		материал
						овальные	круглые		очковидные	птицевидные	«медведь»	
							тип 1	тип 2				
15												
20								+				брон
22						+						брон
23												
25							+	+				брон
29												брон
30							+					брон
31												
32	+											брон
33												
34				+	+							кость
36	+		+				+		+	+	+	брон
37		+					+					брон
38							+					брон
39												
41												
44												
45							+					брон

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески (продолжение)											
п\п	треугольные	галька	клыки	«ведерко»	височные подвески			зооморфные			материал
					круглые		очковидные	птице-видные	«тур»	«баран»	
					тип 1	тип 2					
47											
48											
49											
50											
51	+			+				+			бронза
52											
53					+						бронза
54											
55											
56											
57											
58											
59						+					бронза
60											
62			+								
63											
64		+									камень
68						+				+	бронза
69								+	+		бронза

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески / Подвески (продолжение)									
п\п	крестовид-ные	солярные	клыки	височные подвески				зооморфные	материал
				круглые		очковид	птицевид	«баран»	
				тип 1	тип 2				
70									
71									
72									
73									
74					+				бронза
75									
76				+					
77	+			+		+	+	+	бронза
78									бронза
79									
80									
82				+					бронза
83									
84									
85									
86		+							сурьма
87								+	бронза
91									

92									
93				+					бронза
94			+						клыки

Таблица № 6. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Привески/Подвески (окончание)

	крестовидные	топоровидные	солярные	треугольные	зубовидные	галька	клыки	«ведерко»	височные привески/подвески				зооморфные			
									овальные	круглые		очковидные	птицевидные	«тур»	медведь	«баран»
										тип 1	тип 2					
В скольких п/п найдено	3	1	1	1	1	2	3	1	1	11	4	2	4	1	1	3
% от числа всех п/п	5	1,6	1,6	1,6	1,6	3,3		1,6	1,7	18,6	6,7	3,3	6,7	1,6	1,6	5

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда													
п/п	Горшки		Корчаги			Миска	Кружки		Черпаки		Вид орнаментации		цвет
											налепы	линейн	
	цвет	орнам	орнам	без орнам	цвет	цвет	орнам	без орнам	орнам	без орнам			
15							+		+			+круж/черп	кор/кор
20	кор				кор			+					кор
22													
23									+2		+черп	+черп	кор/кор
25				+	чер		+	+				+круж	чер/сер
29				+	сер		+					+круж	чер
30				+	сер		+					+круж	сер
31							+					+круж	кор
32			+		сер	кор	+				+корч	+круж	сер
33													
34													
36				+	кор			+					кор
37				+	сер			+					кор
38				+	кор		+	+				+круж	кор/кор
39				+	сер			+2					сер/сер
41				+	сер			+					сер
44													
45				+	сер			+					сер
47													
48								+2					чер/сер
49				+	чер								

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда (продолжение)												
п/п	Горшки		Корчаги			Кружки		Черпаки	Вид орнаментации			цвет
	цвет	ор-нам	ор-нам	без	цвет	ор-нам	без орнам	без орнам	налепы	линей-ный	смешан	
50					беж		+2					сер/сер
51					сер							
52	серый	+									+горшок	
53			+		сер	+			+корч	+круж		сер
54			+2		сер/ кор		+		+корч		+корч	сер
55					сер							
56					сер		+					сер
57			+		кор	+				+корч/ круж		кор
58					сер		+					сер
59					беж	+				+круж		сер
60					чер				+корч	+круж		черн
62					сер	+	+			+круж		сер/сер
63							+					чер
64							+	+				кор/беж
68					сер	+	+			+		сер/кор
69					сер	+				+корч/ круж		сер
70					сер		+					кор
71					сер		+					кор
72					кор							
73					сер							кор

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда (продолжение)														
п/п	Горшки		Корчаги			Ку-бок	Кружки		Черпаки		Вид орнаментации			Цвет
											налепы	линейн	смешан	
	цвет	орнам	орнам	без	цвет		орнам	без	орнам	без				
74							+	+				+круж		беж/сер
75									+			+черп		сер
76			+		сер			+			+корч			черн
77			+		сер		+				+корч	+круж		черн
78				+	кор		+3	+				+круж/ круж	+круж	сер/сер/ чер/чер
79														
80						+ оран			+			+черп	+кубок	сер/ оран
82				+	чер		+2				+круж	+круж		чер/ оран
83	сер	+									+горш			
84				+	сер									
85	сер	+		+	сер			+	+		+горш/ черп	+круж		чер/чер
86							+					+круж		сер
87			+		чер			+				+черп	+корч	чер/кор
91								+		+				сер/сер
92				+	сер		+	+		+		+круж		чер/беж /кор
93			+		сер			+			+корч	+круж		сер
94								+						беж

Таблица № 7. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Лощеная керамическая посуда (окончание)

Всего захоронений (59)	Категории посуды, орнаментация, тип орнаментации, цвет.																	
Категории сосудов	Горшки		Корчаги		Миска	Кубок	Кружки		Черпаки		Вид орнаментации (все категории посуды)			Цвет (все категории посуды)				
											налепной	линейн	смешан	кор	чер	беж	сер	оран
Орнаментация	орнам	без	орнам	без			орнам	без	орнам	без								
Количество	1	3	11	26	1	1	22	30	7	3	12	28	4	32	13	6	54	2
В скольких захоронениях найдено	4		37		1	1	39		10									
% находок от количества захоронений	6,7		64,4		1,6	1,6	88,1		18,6					54,2	22	10,1	91,5	3,3
% от всей посуды (107)	3,7		35,5		0,9	0,9	48,5		10,2		11,2	26,1	3,7	29,9	12,1	5,6	50,4	1,8

Примечание: В графе «Орнаментация» цифра после знака (+) показывает количество орнаментированных сосудов, в случае, если их больше одного в погребении. В графе «Цвет» сер =серый, чер=черный, беж=бежевый, кор=коричневый, оран = оранжевый.

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда							
п/п	Копья	Топоры		Стрелы		Кинжалы	
	железо	бронза	камень	бронза	кость	бронза	железо
15							
20							
22							
23							
25							
29							
30							
31							
32	+	+					
33							
34							
36							
37							
38							
39		+					
41		+	+	+		+	
44							
45		+		+		+	
47							
48							

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда (продолжение)										
п/п	Копья	Удила	Топоры		Стрелы		Псалии	Кинжалы		Фр. панциря
			бронза	камень	бронза	кость		бронза	железо	бронза
49	+				+	+				
50										
51										
52					+				+	
53										
54			+							
55										+
56	+									
57										
58	+									
59										
60		+	+		+	+	+			
62										
63										
64										
68										
69										
70										
71										
72			+							

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда (продолжение)

п/п	Копья	Топоры		Стрелы		Псалии	Кинжалы
		бронза	камень	бронза	кость		бронза
73							+
74							
75							
76							
77							
78							
79							
80							
82							
83							
84							
85	+					+	
86							
87							
91							+
92							
93							
94							

Таблица № 8. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Оружие и узда (окончание)										
	Копья	Удила	Топоры		Стрелы		Псалии	Кинжалы		Фр. панциря
			бронза	камень	бронза	кость		бронза	железо	
В скольких погребениях найдено	5	1	7	1	5	2	2	4	1	1
% от всех п/п	8,4	1,6	11,8	1,6	8,4	3,3	3,3	6,7	1,6	1,6

Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры

№ п/п	Мужские	Женские	Детские	Не определенные
15	+			
20		+		
22		+		
23			+	
25		+		
29		+		
30		+		
31			+	
32	+			
33			+	
34			+	
36		+		
37		+		
38		+		
39	+			
41	+			
44				+
45	+			
47				+
48			+	

Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры (продолжение)

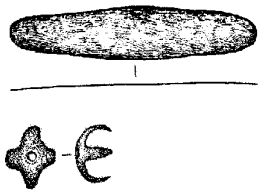
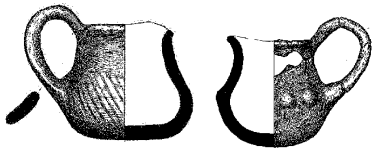
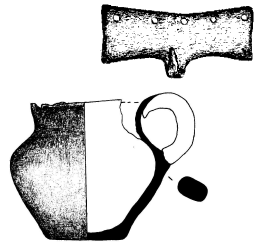
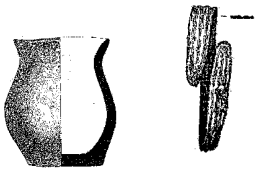
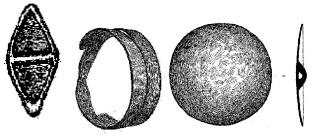
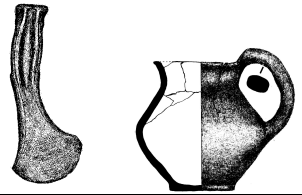
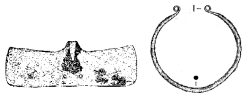
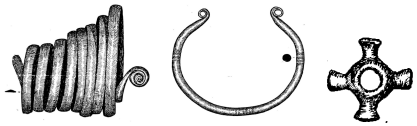
№ п/п	Мужские	Женские	Детские	Не определенные
49	+			
50		+		
51		+		
52	+			
53		+		
54	+			
55		+		
56	+			
57		+		
58	+			
59		+		
60	+			
62			+	
63		+		
64			+	
68		+		
69		+		
70		+		
71		+		
72	+			
73	+	+		
74		+		
75			+	

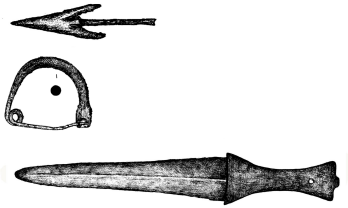
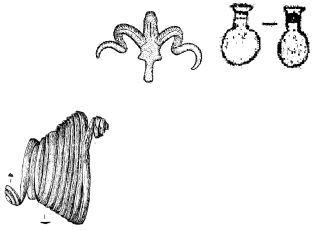
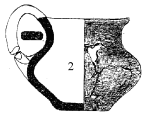
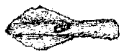
Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры (продолжение)

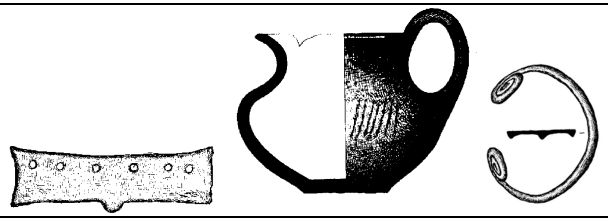
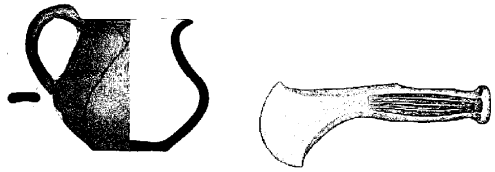
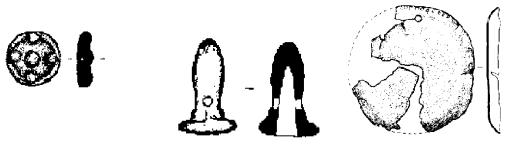
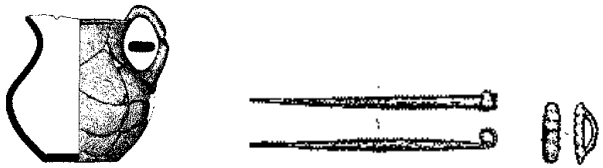
п/п	Мужские	Женские	Детские	Не определенные
76		+		
77		+		
78		+		
79			+	
80			+	
82		+		
83			+	
84				+
85	+			
86			+	
87		+		
91	+			
92			+	
93		+		
94			+	

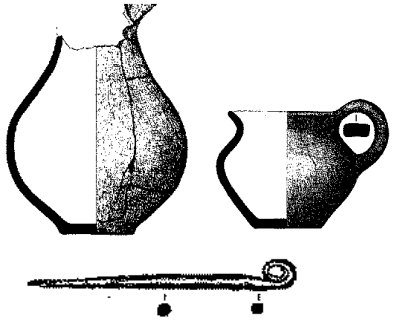
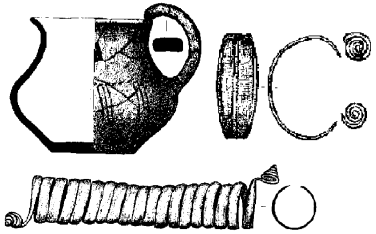
Таблица № 9 Половозрастные характеристики погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры (окончание)

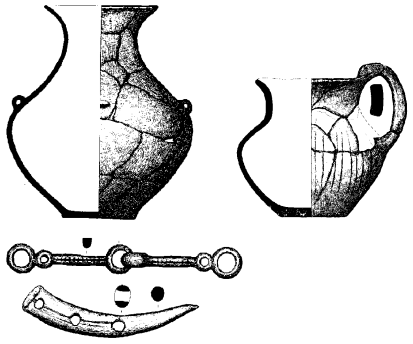
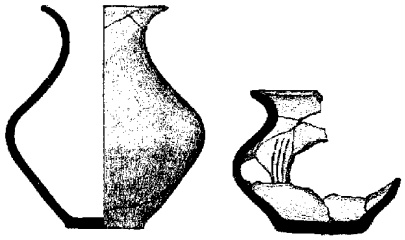
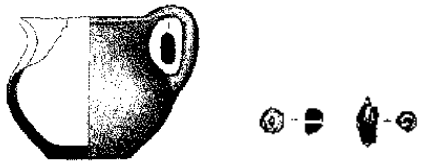
Всего захо-ронений	Мужские	Женские	Детские	Не определенные
59	15	26	15	3
% от всех п/п	25 %	44 %	25 %	5 %

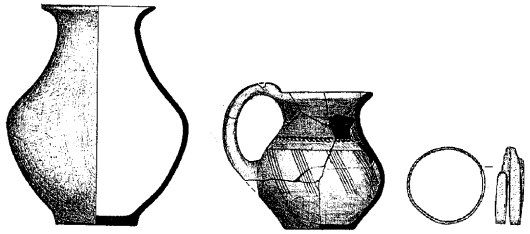
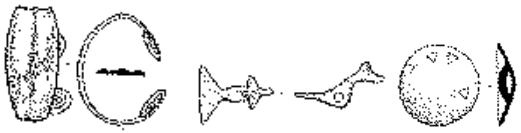
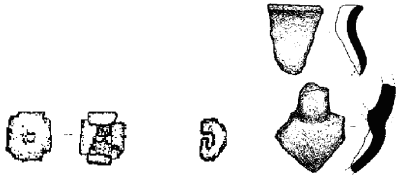
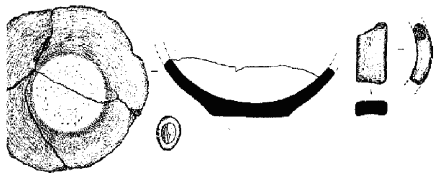
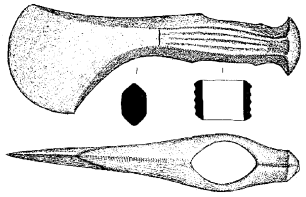
Таблица № 10. Эльхотовский могильник кобанской культуры. Сводная хронологическая таблица					
9 век до н.э.		8 в. до н.э.		Начало 7 вв. до н.э.	
п/п	Датирующие вещи	п/п	Датирующие вещи	п/п	Датирующие вещи
15		23		38	
20		25		39	
22		29		82	
36		30			

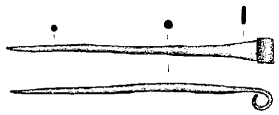
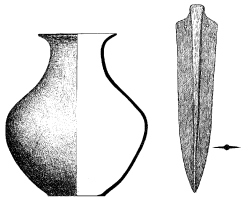
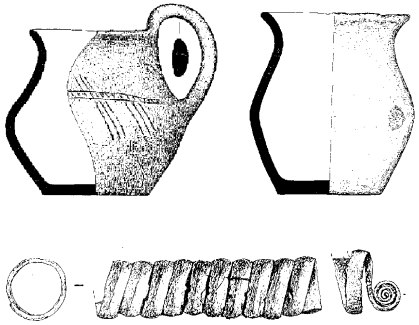
32		31			
41		34			
		37			
77		44			
		45			
80		48			
		49			
		50			

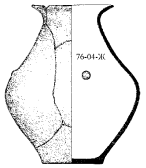
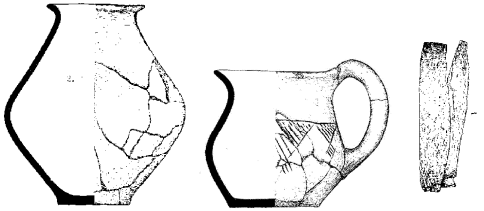
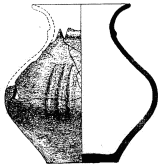
		51			
		52			
		53			
		54			
		55			
		56			

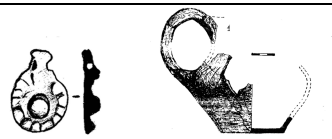
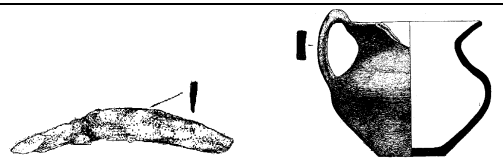
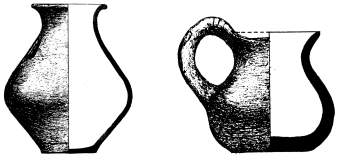
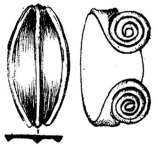
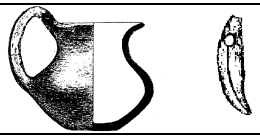
		57			
		58			
		59			

		60			
		62			
		63			
		64			

		68			
		69			
		70			
		71			
		72			

					
		73			
		74			
		75			
		76			

					
		78			
		83			
		84			
		85			

		86			
		87			
		91			
		92			
		93			
		94			

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ»

ЧШИЕВ ВЛАДИМИР ТАЙМУРАЗОВИЧ

ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ТОМ 3

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

КАТАЛОГ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПАМЯТНИКОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНО-РАВНИННОЙ ЧАСТИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ - АЛАНИЯ

Владикавказ
2017

Оглавление.....2
1. Эльхотовский могильник.....3
2. Николаевский могильник.....41
3. Змейский могильник.....52
4. Заманкульский могильник.....56
5. Комаровский могильник.....57
6. Моздокский могильник.....61
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....66

1. Эльхотовский могильник
Раскопки 1996 – 2005 гг. (В. Т. Чшиева)

Эльхотовский грунтовый могильник расположен в Кировском районе РСО – А, на правом берегу р. Терек у южной окраины с. Эльхотово. Погребальные сооружения – грунтовые ямы подпрямоугольной с закругленными углами и овальной формы. Раскопки на памятнике проводились с 1996 – по 2005 г. сотрудниками Института истории и археологии РСО – А (начальник отряда – В. Т. Чшиев). Нумерация погребений памятника не сквозная, так как в ходе раскопок исследовались и средневековые христианские захоронения, встречавшиеся стратиграфически выше кобанских. Также, нами была продолжена нумерация средневековых христианских погребений из раскопок В. А. Кузнецова и В. Х. Тменова, работавших здесь в 1976 г. Вследствие особенностей грунта не всегда возможно установить границы могильных ям. В этих случаях на рисунках даются предполагаемые границы погребального сооружения, обозначенные штрихами.

1.1. Погребение 15 (рис. 1).

Трупоположение, сильно скорченное на левом боку головой на северо – восток. Захоронение взрослое, вероятно – мужское. Ноги погребенного сильно согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь: В северо-восточном углу могильной ямы находились керамические большая фрагментированная кружка и небольшой черпак с утраченной ручкой тулово которых украшено резным геометрическим орнаментом. У правого локтя находилась бронзовая булавка, в ногах – бронзовая спиральная пронизь. У пояса – бронзовый нож (скальпель/ланцет?), у локтя и

колен – стеклянные колесовидные бусы, у спины – бронзовая трубочка. В области груди – бронзовая крестовидная пуговица.

Источники: Чшиев, 1997.

1.2. Погребение 20 (рис. 2).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо – восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: У головы погребенной стояли фрагментированная кружка с туловом украшенным резным геометрическим орнаментом и горшочек «тюльпановидного» типа. Бронза: Витые цилиндрические спиральки, полусферическая пуговица с внутренней петлей, крестовидные и полусферические пуговицы, нашивные полусферические бляшки с двумя отверстиями, конусовидные бусы и бусы «скобочки», овальные небольшие височные привески, трубочки, круглые височные пластинчатые привески с рифлением на внешней поверхности. Стеклянные бусы. У затылка погребенной находилось одно небольшое железное колечко, вероятно выполнявшее функцию бусины.

Источники: Чшиев, 1997.

1.3. Погребение 22 (рис. 3).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо – восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь: У локтя погребенной находилась бронзовая овальная височная привеска. У левого виска – небольшая бронзовая трубочка, у шеи и в верхней части груди – две крупные сурьмяные колесовидные бусы. В нижней части груди – фрагмент бронзовой полусферической нашивной бляшки. У та-

за – бронзовая булавка с витым стержнем и головкой закрученной в трубочку.

Источники: Чшиев, 1997.

1.4. Погребение 23 (рис. 4).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо – восток. Захоронение детское. Инвентарь.

Керамика: У головы погребенной стояли два фрагментированных черпачка с туловом украшенным резным геометрическим и налепным сосцевидным орнаментом. Бронза: У нижней челюсти находились фрагменты небольшой витой спиральки.

Источники: Чшиев, 1997.

1.5. Погребение 25 (рис. 5 а - б).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: В юго-восточном углу могильной ямы, перед лицом погребенной находились фрагментированная корчага и две кружки. Бронза: Витые цилиндрические спиральки, витые цилиндрические накосники, перстни, пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волютки, нашивные бляшки, полусферические и ромбическая пуговицы, игла, трубочки, круглые и пластинчатые привески в 1, 5 оборота, массивные бляхи с внутренней петлей. Стеклянные бусы и бисер. Гагатовая бусина. Раковины каури со сточенными спинками.

В центральной части погребения, на уровне пола, зафиксированы фрагменты древесного угля. Здесь же находился обработанный, заостренный фрагмент кремневой пластины.

Источники: Чшиев, 1999.

1.6. Погребение 29 (рис. 6).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: В юго-восточном углу могильной ямы, перед лицом погребенной находилась фрагментированная корчага. У колена – кружка с петлевидной ручкой, тулово украшено вертикальными резными линиями. У кружки находилось глиняное пряслице (рис. 6, 3).

Бронза: Витые цилиндрические накосники, три перстня из круглой в сечении проволоки, игла, бусы – «скобочки».

Камень: В северо – западном углу могильной ямы находились три кремневые пластины подпрямоугольной формы с заостренными краями (вероятно, вкладыши серпа).

Источники: Чшиев, 1999.

1.7. Погребение 30 (рис. 7).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо - восток. Захоронение взрослое, женское. Погребение потревожено, однако положение костяка установить возможно. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: В северо-западном углу могильной ямы, перед лицом погребенной находились фрагментированная корчага и кружка с петлевидной ручкой, украшенная резным геометрическим орнаментом.

Бронза: Витые цилиндрические спиральки, витые цилиндрические накосники, перстни скрученные из подпрямоугольной пластинки, пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волютки, две круглые височные привески в 1, 5 оборота. На поясе погребенной находилась пластинчатая пряжка снабженная крючком и 4 отверстиями. Внешняя поверхность пряжки украшена гравированным геометрическим орнаментом.

Источники: Чшиев, 1999.

1.8. Погребение 31 (рис. 8).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на юго-восток. Захоронение детское, потревоженное. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: В юго-восточном углу могильной ямы, перед лицевыми костями костяка находилась кружка с петлевидной ручкой, тулово украшено косыми резными параллельными линиями.

Бронза: Здесь же, у кружки, находилась крестовидная пуговица и небольшая трубочка.

Рядом с пуговицей найден астрагал молодого барашка (альчик).

Источники: Чшиев, 1999.

1.9. Погребение 32 (рис. 9).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисть левой руки приближена к лицу, правой – располагается на левом локте.

Инвентарь.

Керамика: В северо-восточном углу могильной ямы, перед лицом погребенного находились корчага, тулово которой украшено вертикальными удлиненными налепами, кружка с частично утраченной ручкой, украшенная

по тулову вертикальными резными линиями и миска, снабженная небольшой петлевидной ручкой.

Бронза: Дуговидная фибула с дужкой украшенной орнаментом «елочка», стержневидная булавка с головкой закрученной в трубочку, топор, крестовидная привеска, ворворка, бусы – «скобочки».

Железо: В северо-восточном углу могильной ямы находился наконечник копья с раскрытой втулкой и отверстием в последней.

Камень: У пояса погребенного находился оселок из черного сланца подпрямоугольной формы с отверстием. У колен погребения – два кусочка кремня.

Также у колен погребенного, находилась охра, в виде округлого в плане пятна.

Источники: Чшиев, 1999.

1.10. Погребение 33 (рис. 10).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение младенца, костяк плохой сохранности.

Инвентарь. Из инвентаря при костяке была обнаружена бронзовая буса – «скобочка», найденная у костей черепа.

Источники: Чшиев, 1999.

1.11. Погребение 34 (рис. 11).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение младенца, кости плохой сохранности.

Инвентарь: В шейном отделе костяка находилась привеска из округлой уплощенной гальки с отверстием. Здесь же находились два клыка собаки или лисы снабженные каждое одним отверстием и одно бронзовое фрагментированное колечко.

Источники: Чшиев, 2000.

1.12. Погребение 36 (рис. 12 а - б).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Захоронение сопровождено заупокойной пищей, рядом с керамическими сосудами находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: У северо-западной стенки могильной ямы находились фрагментированные керамическая корчага и кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: Конусовидные, витые налокотники, перстни - в двух случаях - из уплощенной свернутой пластинки, в одном экземпляре перстень изготовлен из фрагмента накосника с волюткой на конце, пластинчатые браслеты с концами, закрученными в волютки, полусферические нашивные бляшки, трубочки, бусы – «скобочки», полусферические и крестовидные пуговицы, игла, трубочки, двуволютные («очковидные»), крестовидные и зооморфные привески, гривна, украшенная гравированными поясками, височные кольца в 1,5 оборота, ворворка с выступающей дисковидной закраиной, привеска в виде человеческого коренного зуба, фрагментированный пояс украшенный.

Сурьма: Между руками погребенной и корчагой находились три дисковидные пуговицы или бляшки, снабженные петлей на внутренней стороне и украшенные круглыми выступами на внешней. В грудном отделе найдены конусовидная пуговица или бляшка с внутренней петлей и колесовидные бусы.

Стекло: Погребение сопровождено большим количеством круглых, биконических, колесовидных, треугольных бус и бисера. В составе ожерелья найдены, также, цилиндрические удлиненные пронизи или бусы из белой стеклянной массы.

Камень: В грудном отделе погребенной найдены колесовидные сердоликовые бусы, у локтя левой руки находился кусочек кремня подтреугольной

формы. В среднем отделе грудной клетки костяка находилась вытянуто-овальная застежка из светло-серого, почти белого доломита, украшенная поперечным, по отношению к длинной оси предмета, рифлением.

Железо: Рядом с корчагой найдено одно небольшое колечко, возможно – бусина.

Ракушка: Вдоль спины погребенной и у головы находились раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2000.

1.13. Погребение 37 (рис. 13).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: У головы погребенной располагались фрагментированная корчага и крупная кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: У кистей рук находились две небольшие привески в виде топориков. Еще одна привеска аналогичной формы находилась под черепом костяка. Здесь же найдены бусы – «скобочки». На фалангах костяка находились три перстня скрученные из уплошенной тонкой пластинки в 1, 1, 5 и 2 оборота. У колен погребенной находились два кольца свернутые из круглого в сечении прута в 1,5 оборот.

Ракушка: В области шеи и у колен погребенной находились раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2000.

1.14. Погребение 38 (рис. 14).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях

и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: У коленей погребенной располагались корчага и две кружки с петлевидными ручками. Тулово одной кружки украшено вертикальными прочерченными линиями.

Бронза: На фаланге левой кисти костяка был надет перстень изготовленный из уплощенной узкой пластинки свернутой в 2 оборота. У головы погребенной находились три кольца свернутые в 1,5 оборота: первое – из круглого в сечении прута, второе – из проволоки, и третье – из уплощенной узкой бронзовой пластинки. Здесь же найдены бусы – «скобочки». В области пояса погребенной найдена трубочка. В северо-восточном углу могильной ямы находилась биконическая пронизь, свернутая из уплощенной ленты. В грудном отделе захоронения находились крестовидная пуговица и пластинчатая пряжка снабженная крючком и 5 отверстиями по краю.

Стекло: У шеи погребенной найдены колесовидные и цилиндрические удлиненные бусы.

Ракушка: Также у шеи и груди погребенной находились раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2001 а.

1.15. Погребение 39(рис. 15).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Нижняя часть костяка разрушена и удалена в результате перекопа в эпоху средневековья. Руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: В северо-западном углу могильной ямы находились фрагменты корчаги и фрагментированная крупная кружка с петлевидной ручкой. Фрагменты еще одной кружки находились перед лицом погребенного.

Бронза: У кистей рук находился бронзовый топор с прямым корпусом.

Камень: У спины захоронения находился брусковидный оселок из черного сланца с отверстием, а под черепом – небольшой отщеп кремня.

Источники: Чшиев, 2001 а.

1.16. Погребение 41 (рис. 16).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, у сосудов, в северо-восточном углу погребальной ямы находились кости ноги барана. Также, между локтями и коленями погребенного располагалось округлое пятно охры. В центральной части погребения и в засыпке могильной ямы находились фрагменты древесного угля.

Инвентарь.

Керамика: У головы погребенного, в восточном углу могильной ямы находились фрагментированная корчага и крупная кружка с петлевидной, фрагментированной ручкой.

Бронза: У кистей рук находилась дуговидная фибула с дужкой украшенной орнаментом «елочка», под локтями сложенных вместе рук найден топор с прямым корпусом, вдоль спины располагался цельнолитой кинжал (снабженный в верхней части навершия круглым отверстием), рядом с кинжалом находились две полусферические пуговицы или бляшки (вероятно, от портупейного ремня), у лица погребенного, рядом с фибулой найдена крестовидная пуговица, у сосудов, в северо-восточном углу погребения нахо-

дился массивный наконечник стрелы подтреугольной формы с двумя шипами – «крыльями».

Камень: Также, под локтями погребенного, рядом с бронзовым, находился каменный топор с закругленным лезвием и нервюрами на боковых плоскостях корпуса. Рядом с вышеописанным кинжалом, параллельно ему, находился оселок из черного сланца с отверстием в верхней части. На пятне охры находился небольшой кремневый отщеп.

Железо: Перпендикулярно расположению кинжала, на клинке последнего, найдены фрагменты железного ножа. Форма не восстанавливается.

Источники: Чшиев, 2001 а.

1.17. Погребение 44 (рис. 17).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение детское. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь: Под черепом костяка найдена одна цилиндрическая стеклянная буса.

Источники: Чшиев, 2001 а.

1.18. Погребение 45 (рис. 18).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. На полу могильной ямы и в засыпке находилось значительное количество древесных углей. У коленей погребенного находилось округлое пятно охры. В верхней части погребения, у кистей рук захороненного находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В северо-восточном углу могильной ямы и у коленей погребенного находились керамическая корчага и фрагментированная кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: У кистей рук находился топор с прямым корпусом, боковые стороны корпуса которого украшены гравированным зооморфным и геометрическим орнаментом. У таза погребенного находилась волютка от пластинчатого браслета и полусферическая пуговица или бляшка с прямой перекладинкой – петлей и колечко в один оборот. Между диафизами костей рук и корчагой находилась ворворка. В нижней части грудного отдела зафиксирована колечко в 1,5 оборота из круглого в сечении прута и небольшая спиралька в 2 оборота. Под фрагментированной корчагой находился клинок кинжала с сужением в средней части. У колен погребенного и возле корчаги находились наконечники стрел типа «площики».

Камень: У спины погребенного, в области поясницы, находился стержневидный оселок из черного сланца с отверстием в верхней части. На пятне охры у колен захоронения, находился кусочек кремня подпрямоугольной формы.

Железо: На вышеописанном оселке располагались фрагменты однолезвийного железного ножа с горбатой спинкой. Между костей ног погребенного найден небольшой фрагмент заостренного железного предмета.

Источники: Чшиев, 2001 а.

1.19. Погребение 47 (рис. 19).

Трупоположение, вероятно, скорченное на правом боку головой на северо – восток. Захоронение детское (младенец). Кости плохой сохранности. Безинвентарное.

Источники: Чшиев, 2002.

1.20. Погребение 48 (рис. 20).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение детское (подросток). Ноги погребенного согнуты в коленях, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: У северо-восточной стенки могильной ямы погребенного находились две фрагментированные керамические кружки с петлевидной ручкой.

Бронза: В области шеи погребения находились бусы - «скобочки».

Камень: У спины погребенного, в области таза, находился кремневый отщеп с заостренными краями.

Источники: Чшиев, 2002.

1.21. Погребение 49 (рис. 21).

Трупоположение, не устанавливается – погребение разрушено и ограблено. Захоронение взрослое, мужское. На полу могильной ямы и в засыпке находилось значительное количество древесных углей.

Инвентарь.

Керамика: У черепа костяка находились фрагменты корчаги (горло и венчик – отсутствуют). Здесь же найдены фрагменты небольшого сосуда – вероятно, кружки.

Бронза: У фаланг кистей рук находилось колечко из уплощенной пластинки в 1,5 оборота (возможно, перстень). Среди скопления костей найдены фрагмент нашивной бляшки, колесовидная буса, буса - «скобочка» и втульчатый наконечник стрелы ромбовидной формы, снабженный сигнальным отверстием.

Сурьма: Дисковидная с заостренной центральной частью пуговица или бляшка, снабженная внутренним отверстием.

Железо: Фрагмент наконечника копья, ромбовидный в сечении.

Кость: Втулка, с отверстием в поперечной оси и фрагмент (кончик) какого - то заостренного предмета (возможно, стрелы). Также, у грудины костяка находился зуб КРС.

Источники: Чшиев, 2002.

1.22. Погребение 50 (рис. 22).

Трупоположение, не устанавливается – погребение разрушено и ограблено. Захоронение взрослое, по инвентарю, вероятно – женское.

Инвентарь.

Керамика: У юго-восточной стенки и в северо-восточном углу могильной ямы находились фрагменты корчаги и кружки (рис. 21, 1 – 2).

Бронза: Среди скопления костей скелета находилась полусферическая нашивная бляшка с двумя отверстиями.

Стекло: Также, среди костей найдена небольшая колесовидная буса из стеклянной массы (рис. 21, 4).

Источники: Чшиев, 2002.

1.23. Погребение 51 (рис. 23 а - в).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В головах костяка, рядом с фрагментированной корчагой, находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: У черепа костяка находились фрагменты корчаги (горло и венчик – отсутствуют). У колена левой ноги погребенной находился фрагмент ручки с частью стенки кружки (возможно предмет попал в захоронение случайно, во время засыпки могильной ямы в древности).

Бронза: Шейная гривна с концами, закрученными в трубочки, на запястьях рук погребенной находились 4 пластинчатых браслета (по два на каж-

дой руке) с концами закрученными в волютки, крестовидные пуговицы с отверстием в центре, птицевидные привески, рамчатая подтреугольной формы привеска, полусферические нашивные бляшки с двумя отверстиями, трубочки, буса боченковидной формы. В грудном отделе костяка находился небольшой предмет в форме ведерка с овальной дужкой (привеска?) (рис. 22, 24).

Сурьма: Дисковидная бляшка или пуговица снабженная петлей и с солярным рельефом на лицевой поверхности.

Стекло: В области головы, груди и спины погребенной находилось большое количество бус и бисера колесовидной, цилиндрической, овальной и подтреугольной формы.

Камень: Между локтями и нижней частью грудной клетки погребенной находился кремневый отщеп подтреугольной формы с заостренным краем. У северо-западной стенки могильной ямы найден кусочек пемзы (рис. 22, 25). Возможно, последний предмет попал в могильную яму случайно, во время засыпки в древности.

Ракушка: У головы и затылка погребенной находились раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2002.

1.24. Погребение 52 (рис. 24).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение частично потревожено.

Инвентарь.

Керамика: Перед лицевыми костями черепа находились фрагменты крупного керамического сосуда (часть стенок и венчика) украшенные резным геометрическим и налепным сосцевидным орнаментом.

Бронза: В области шеи погребенного находились 8 бус – «скобочек». В нижней части грудного отдела найден стержневидный квадратный в сечении заостренный с обеих концов предмет (проколка или наконечник стрелы), (рис. 23, 3). Между проксимальным эпифизом правой плечевой кости и черепом находился наконечник стрелы – «площик». Здесь же находилась небольшая стержневидная витая вдоль оси булавка, с головкой закрученной в трубочку (последняя – утрачена). У левого плеча погребенного найден конусовидный предмет с отверстием (ворворка?).

Железо: В области таза находился клинок кинжала с четырьмя отверстиями в насаде. В отверстиях находятся бронзовые штыри. У кистей рук находилось небольшое фрагментированное круглое в сечении колечко (рис. 23, 7).

Камень: Рядом с клинком кинжала находился брусковидный оселок из плотного песчаника снабженный отверстием. Второй оселок – из черного сланца – найден у черепа костяка. В центре могильной ямы, между коленями и локтями погребенного, найден кусочек кремня (рис. 23, 8).

Ракушка: У головы и затылка погребенной находились раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2003.

1.25. Погребение 53 (рис. 25).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В головах костяка, между сосудами, находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: У черепа костяка находилась фрагментированная корчага украшенная налепным орнаментом – сосцевидный и в виде коротких парал-

лельных удлиненных валиков. Рядом с корчагой стояла кружка с петлевидной ручкой. Тулово украшено резным орнаментом в виде косых параллельных линий.

Бронза: Пластинчатые браслеты с концами закрученными в волютки, цилиндрические витые накосники и спиральки, пластинчатая пряжка с крючком и 6 отверстиями, 2 перстня свернутые в 1 оборот из уплощенной узкой пластинки, полусферические нашивные бляшки, бусы – «скобочки», игла, височные привески из проволоки в 1,5 оборот (одна фрагментирована). В области таза погребенной находились две крупные бляхи с выступающим ободком (рис. 24, 16, 23).

Сурьма: В области шеи погребенной находились 41 колесовидная сурьмяная буса.

Камень: Между сосудами, вплотную к костям ноги барашка, находились два удлиненных кремневых отщепа с острыми краями. Еще один отщеп, более крупного размера, найден также в головах погребения, рядом с корчагой (рис. 24, 24).

1.26. Погребение 54 (рис. 26).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Погребение потревожено, инвентарь частично утрачен.

Инвентарь.

Керамика: В северо-восточном углу могильной ямы находилась фрагментированная корчага, украшенная резным геометрическим и налепным сосцевидным орнаментом. Рядом с ней находились фрагменты сосуда меньших размеров (вероятно, также корчаги) украшенные близким к вышеописанному видом орнаментов. В центре могильной ямы находилась фрагментированная кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: В области шеи погребенного находились 8 бус – «скобочек». В нижней части грудного отдела найден стержневидный квадратный в сечении заостренный с обеих концов предмет (проколка или наконечник стрелы), (рис. 23, 3). Между проксимальным эпифизом правой плечевой кости и черепом находился наконечник стрелы – «площик». Здесь же находилась небольшая стержневидная витая вдоль оси булавка, с головкой закрученной в трубочку (последняя – утрачена). У левого плеча погребенного найден конусовидный предмет с отверстием (ворворка?).

Железо: Рядом с кружкой находилась полусферическая пуговица или бляшка с петлей и две бусы – «скобочки». В области таза находился топор с прямым корпусом, рядом с ним находилась фрагментированная (видимо полусферичекая) бляшка.

Камень: Рядом с топором находился брусковидный оселок из черного сланца. В центре могильной ямы найден кусочек кремня (рис. 25, 7).

Железо: В верхнем отделе груди костяка найден фрагмент неизвестного предмета в виде несколько изогнутого стержня.

Источники: Чшиев, 2003.

1.27. Погребение 55 (рис. 27).

Трупоположение, не устанавливается. Погребение потревожено, инвентарь частично утрачен. Захоронение взрослое, женское. Могильная яма вытянуто-овальной формы, ориентирована по линии северо – восток – юго – запад.

Инвентарь.

Керамика: У северо – западной стенки могильной ямы находились фрагменты сосуда средних размеров – вероятно корчаги.

Бронза: Крестовидные пуговицы с отверстием в центре, полусферические нашивные бляшки, конусовидный с выступающей закраиной наконечник ремня, бусы – «скобочки», колесовидные литые бусы, нашивные бляшки

подпрямоугольной формы с отверстиями по верхнему краю (вероятно – пластинки от наборного защитного доспеха, в погребении использованы вторично, как украшение).

Стекло: Колесовидные бусы и бисер, бусы ромбической формы с рифлением (рис. 26, 4, 12– 13).

Сурьма: Дисковидная пуговица или бляшка с валиком и круглыми выступами на лицевой стороне (рис. 26, 5).

Кость: Клык собаки или лисы с отверстием.

Ракушка: Раковины каури.

Источники: Чшиев, 2003.

1.28. Погребение 56 (рис. 28).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Погребение потревожено, инвентарь частично утрачен. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. У колен погребенного находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: У восточной стенки могильной ямы находились фрагменты тулова крупного сосуда, вероятно, корчаги. На шейных позвонках погребенного найдена фрагментированная кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: Стержневидная булавка с головкой закрученной в трубочку, 2 бусы – «скобочки», 2 перстня с концами закрученными в волютки, застежка вытянуто-овальной формы с рифлением на внешней стороне и петлей на внутренней.

Железо: Фрагментированный наконечник копья с раскрытой втулкой.

Источники: Чшиев, 2003.

1.29. Погребение 57 (рис. 29).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Погребение потревожено, инвентарь частично утра-

чен. У северной стенки могильной ямы находились древесные угли в виде округлой в плане линзы.

Инвентарь.

Керамика: Фрагментированная корчага, тулово украшено вертикальными резными линиями, горловина – вдавленным пояском. Фрагменты небольшой кружки с вертикальными резными линиями на тулове.

Бронза: Перстни из уплощенной узкой пластинки свернутой в 1, 2 и 1, 5 оборота, полусферические пуговицы с прямой перекладинкоой – петлей.

Стекло: Среди костей в области груди погребенной найден бисер колесовидной формы.

Источники: Чшиев, 2003.

1.30. Погребение 58 (рис. 30).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В центральной части могильной ямы, у керамической кружки, находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находилась фрагментированная корчага с двумя округлыми небольшими ручками в месте перехода тулова в горло сосуда. В центральной части могильной ямы находилась фрагментированная крупная кружка с петлевидной ручкой тулово которой украшено вертикальными резными линиями.

Бронза: Бусы – «скобочки», стержневидная булавка с головкой, закрученной в трубочку, ворворка с выступающей закраиной.

Железо: Фрагментированный наконечник копья с раскрытой втулкой.

Источники: Чшиев, 2003.

1.31. Погребение 59 (рис. 31).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В головах костяка, между сосудами, находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: У черепа костяка находилась фрагментированная корчага. Рядом с корчагой стояла кружка с петлевидной ручкой. Тулово украшено резным орнаментом в виде пояска на «плечиках» сосуда и групп косых параллельных линий.

Бронза: Пластинчатые браслеты с концами закрученными в волютки, цилиндрический витой накосник с концами, закрученными в волютки, пластинчатая пряжка с крючком и 4 отверстиями, 4 перстня свернутые в 1 оборот из уплощенной узкой пластинки, полусферические нашивные бляшки, бусы – «скобочки», игла, 2 височные привески из проволоки в 1,5 оборот, трубочки.

Сурьма: В области шеи погребенной находились 6 конусовидных бус с отверстием в основании конуса.

Камень: У локтя погребенной находились два удлиненных уплощенных кремневых отщепа с острыми краями.

Ракушка: У головы погребенной находились раковины каури со сточенными спинками.

1. 32. Погребение 60 (рис. 32).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В центральной части могильной ямы, у керамической кружки, находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находилась фрагментированная корчага с двумя округлыми небольшими ручками в месте перехода тулова в горло сосуда. В центральной части могильной ямы находилась фрагментированная крупная кружка с петлевидной ручкой тулово которой украшено вертикальными резными линиями.

Бронза: Бусы – «скобочки», стержневидная булавка с головкой, закрученной в трубочку, трубочка, небольшая цилиндрическая спираль, фрагмент полусферической нашивной бляшки, полусферическая массивная пуговица или бляшка с внутренней петлей, два наконечника стрел – «площики», двукольчатые удила с двурядно – прямоугольным рифлением грызла, топор с прямым корпусом.

Железо: Фрагменты однолезвийного ножа.

Кость: Три костяных втульчатых наконечника стрел пирамидальной формы с прямым основанием, роговые полые псалии с тремя круглыми отверстиями в одной плоскости.

Камень: Сердоликовые колесовидные бусы и кусочек кремня.

Стекло: Стеклянный бисер.

Источники: Чшиев, 2003.

1. 33. Погребение 62 (рис. 33).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение детское – подросток, потревожено в древности. Погребение сопровождалось заупокойной пищей.

Инвентарь.

Керамика: В юго-западной стенки могильной ямы находилась фрагментированная корчага и фрагменты кружка с тулово которой украшено группами вертикальных резных линий. Фрагменты еще одной кружки находились у колена захоронения.

Бронза: полусферическая пуговица и две трубочки.

Железо: У правого плеча захоронения найден фрагмент железного предмета в виде двух небольших стержней (стержневидная булавка?).

Кость: Клык собаки или лисы с отверстием в верхней части.

Камень: У спины погребенного находились два удлиненных камешка (галька) с заостренным краем.

Источники: Чшиев, 2003.

1. 34. Погребение 63 (рис. 34).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское.

Инвентарь.

Керамика: Возле рук погребенной стояла кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: На фалангах пальцев рук были надеты два перстня из уплощенной пластинки в 1, 5 – 2 оборота.

Камень: Сердоликовые бусы и бисер колесовидной формы.

Стекло: Бусы вытянуто-овальной, цилиндрической и колесовидной формы, бисер колесовидной формы.

Ракушка: Створка двустворчатой крупной раковины с отверстием в верхней части.

Источники: Чшиев, 2003.

1. 35. Погребение 64 (рис. 35).

Трупоположение, на левом боку головой на юго-восток. Захоронение детское – подросток. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа.

Инвентарь.

Керамика: У головы захоронения находились фрагментированная кружка с петлевидной ручкой и черпачок с заоваленным дном и петлевидной ручкой.

Бронза: У лицевых костей черепа находилась небольшая полсферическая нашивная бляшка с двумя отверстиями и меленькая цилиндрическая спиралька из тонкой проволоки.

Камень: В нижней части грудного отдела и у таза находились две уплощенные гальки с отверстием, овальной и круглой формы.

Источники: Чшиев, 2004.

1.36. Погребение 68 (рис. 36 а - б).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. У колен погребенной и в северо-восточном углу могильной ямы находились кости ног барана.

Инвентарь.

Керамика: У черепа костяка, перед лицевыми костями находилась фрагментированная корчага и две фрагментированные кружки с петлевидными ручками. Одна из кружек орнаментирована «пояском» в месте перехода тулова в горло и группами косых резных параллельных линий по тулову. Здесь же, вместе с сосудами находилось керамическое пряслице, по форме напоминающее длиннополую шляпу с высокой тульей.

Бронза: Цилиндрический небольшой витой накосник, две височные привески свернутые из узкой пластинки в 1,5 оборот, полусферические и конические нашивные бляшки с 2 отверстиями, бусы – «скобочки», игла, трубочки, крестовидные пуговицы с отверстием в центре, полусферическая небольшая пуговица с прямой петлей – перекладинкой, небольшая цилиндрическая спираль свернутая из тонкой проволоки.

Сурьма: Колесовидные, конические бусы и конические бляшки или пуговицы.

Стекло: Колесовидные и цилиндрические бусы и бисер.

Камень: Колесовидные сердоликовые бусы.

Ракушка: Раковины каури со сточенными спинками.

Источники: Чшиев, 2004.

1.37. Погребение 69 (рис. 37).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В северном углу могильной ямы у фрагментированной корчаги, находились кости ног барана. Погребение потревожено и частично ограблено.

Инвентарь.

Керамика: Перед лицевыми костями костяка находилась фрагментированная корчага с туловом украшенным косыми прочерченными линиями и фрагменты кружки, вероятно, украшенной похожим орнаментом.

Бронза: Четыре перстня свернутые из узкой пластинки в 1,2 и 2 оборота, витые биконические пронизи, птицевидные привески, пластинчатые браслеты с концами закрученными в волютки, массивные конические бляхи с внутренней дуговидной петлей, ромбическая пуговица с внутренней прямой петлей – перекладинкой, биконическая буса и буса в форме навершия булавы, привеска в виде миниатюрной скульптурной фигурки тура или горного козла.

Сурьма: Полусферические бляшки или пуговицы с внутренней петлей, колесовидные бусы, дисковидная бляшка или буса с выступом в центре и внутренней петлей.

Стекло: Колесовидные, круглые и цилиндрические бусы и бисер.

Камень: Колесовидные и круглые сердоликовые бусы.

Ракушка: Раковины каури со сточенными спинками.

Железо: Фрагменты стержневидного предмета (шило или проколка?)

Источники: Чшиев, 2004.

1. 38. Погребение 70 (рис. 38).

Трупоположение, не определяется. Погребение разрушено и ограблено. Захоронение детское, вероятно, женское.

Инвентарь.

Керамика: В головах захоронения находились фрагменты сосуда крупного размера, вероятно, корчаги. Здесь же – фрагменты кружки или черпачка (часть тулова с фрагментированной ручкой и часть горла с венчиком).

Бронза: Колечко свернутое из уплощенной узкой пластинки в 1,5 оборота, фрагмент волюты, вероятно от пластинчатого браслета, крестовидная пуговица с отверстием в центре.

Стекло: Колесовидные бусы и бисер.

Источники: Чшиев, 2004.

1. 39. Погребение 71 (рис. 39).

Трупоположение, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение детское – подросток? Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу. Погребение потревожено.

Инвентарь.

Керамика: Фрагменты сосуда крупного размера, вероятно, корчаги и фрагменты донной части и ручки кружки.

Ракушка: Раковина каури со сточенной спинкой.

Источники: Чшиев, 2004.

1. 40. Погребение 72 (рис. 40).

Трупоположение, на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В восточном углу могильной ямы, у керамической корчаги, находились кости ноги и лопатка барана.

Между локтями погребенного и диафизами бедренных костей находилась округлая в плане линза охры. Погребение незначительно потревожено, предметы и кости у северо-восточной стенки могильной ямы разрушены и смещены.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находились несколько фрагментов нижней части корчаги.

Бронза: В этом же углу, рядом с фрагментами корчаги найден топор с прямым корпусом. На фалангах кистей – фрагментированное колечко – возможно, перстень. У правого плеча погребенного находилась булавка с закрученной в трубочку головку. У колен найден неизвестный небольшой овальный предмет (рис. 39, 6).

Железо: У пояса погребного найден небольшой фрагмент неизвестного предмета (рис. 39, 5).

Камень: Рядом с топором найден скол от валуна вытянуто – клиновидной формы, возможно выполнявший функцию оселка.

Источники: Чшиев, 2004.

1. 41. Погребение 73 (рис. 41).

Погребение содержало два захоронения, вероятно, мужское и женское. Погребение потревожено, часть предметов погребального инвентаря утрачена. Трупоположение мужского костяка, скорченное, на левом боку головой на северо-восток. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Трупоположение женского костяка, скорченное, на правом боку рядом с мужским и отчасти на нем. Погребение сопровождалось заупокойной пищей. В восточном углу могильной ямы, у керамической корчаги, находились кости ноги и лопатка барана. Между локтями погребенного и диафизами бедренных костей находилась округлая в плане линза охры. Погребение незначительно по-

тревожено, предметы и кости у северо-восточной стенки могильной ямы разрушены и смещены.

Инвентарь.

Керамика: В южном углу могильной ямы находилась фрагментированная крупная корчага. У северо-восточной стенки могильной ямы, в головах погребенных, находились фрагменты небольшого сосуда, вероятно, кружки.

Бронза: У юго-западной стенки могильной ямы находился кинжал вытянутоподтреугольной формы с коротким насадом подпрямоугольной формы и двумя отверстиями у основания. В северном углу могильной ямы, в головах погребенных находилась цилиндрическая спиралька, трубочка, пластинка и небольшая скобочка свернутая вдвое из узкой пластинки. Железо: У пояса погребного найден небольшой фрагмент неизвестного предмета (рис. 39, 5).

Сурьма: В центральной части могильной ямы находились колесовидные бусы.

Стекло: Здесь же найден фрагмент от, видимо круглой формы, бусы.

Источники: Чшиев, 2004.

1. 42. Погребение 74 (рис. 42).

Трупоположение, скорченное, на правом боку головой на северо-восток, ноги сильно согнуты в коленях, бедренные и берцовые кости расположены почти параллельно, пяточные кости поджаты к тазу. Руки погребенной согнуты в локтях, кисти располагались перед лицевыми костями черепа. Захоронение взрослое, женское.

Инвентарь.

Керамика: Вплотную к правому колену погребенной, находилась кружка с петлевидной ручкой. Средняя часть сосуда орнаментирована косыми линиями, объединенными в группы по три и ограниченные пояском типа «веревочка» проходящим по плечикам сосуда. В северо-западном углу могиль-

ной ямы находилась кружка темно серого цвета с бежевыми пятнами. Ручка утрачена. Форма сосуда – «тюльпановидная».

Бронза: У черепа погребенной находились две круглые височные привески свернутые 1,3 оборота из узкой пластинки. Концы привесок – вытянуто-овальной формы, в средней части, за которую она, вероятно, привешивалась, ширина меньше, чем на концах. Также в погебении находились трубочки, полусферические нашивные бляшки с 2 отверстиями, цилиндрические спиральки, буса – «скобочка», фрагментировнный предмет (перстень ?).

Сурьма: В головах погребенной и грудной части найдены небольшие бусы колесовидной и подтреугольной формы (рис. 41, 6, 8.).

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 43. Погребение 75 (рис. 43).

Трупоположение, не устанавливается. Захоронение. Погребение потревожено.

Инвентарь.

Керамика: В северном углу могильной ямы находились фрагменты кружки с петлевидной ручкой. Тулово украшено вертикальными резными линиями.

Бронза: В центре могильной ямы, среди костей скелета, находилась небольшая фрагментированная трубочка и фрагмент цилиндрической спирали.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 44. Погребение 76 (рис. 44).

Трупоположение, скорченное, на правом боку, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа и, частично, под головой. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, у южной стенки могильной ямы находились кости МРС – ребра барана.

Инвентарь.

Керамика: В головах костяка и перед лицевыми костями черепа находились частично фрагментированная корчага, украшенная налепным орнаментом и кружка с петлевидной ручкой. Рядом с кружкой находилось пряслице усечено-биконической формы с вогнутым основанием.

Бронза: Пластинчатая пряжка с крючком и 8 отверстиями. Внешняя поверхность украшена гравированным орнаментом «волна», вписанным в прямоугольную рамку; два перстня из узкой пластинки свернутые в 1,2 оборота; нашивные бляшки; фрагментированное колечко из круглой в сечении проволоки; полусферическая бляшка с двумя отверстиями; бусы – «скобочки»; трубочка; игла; две булавки с головками, закрученными в трубочку, стержень одной из них – ложновитой; два браслета с концами закрученными в волютки.

Камень: Вокруг шеи погребенной найдены 19 сердоликовых бусин колесовидной формы.

Ракушка: Под черепом погребенной находилась раковина каури со сточенной спинкой.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 45. Погребение 77 (рис. 45 а - б).

Трупоположение, скорченное, на правом боку, головой на северо-восток. Погребение взрослое, женское. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, у колен погребенной находились кости ног барана. В засыпке могильной ямы находились мелкие фракции древесного угля, которые начинают встречаться уже на глубине 70 см. от СДП. Непосредственно в засыпке над костяком и на полу погребения находился древесный уголь более крупных фракций, прослойкой до 5 см. Под прослойкой угля находившегося в виде прослойки занимавшей центральную часть погребальной ямы, грунтовый пол немного обожжен, что ве-

роятно, связано с засыпкой еще горячих углей, или разведением на полу костра перед погребением.

Инвентарь.

Керамика: Перед лицевыми костями черепа находились фрагментированная корчага, украшенная налепным орнаментом и кружка с петлевидной ручкой. Тулово кружки украшено вертикальными параллельными врезными линиями.

Бронза: Два витых налокотника учеченно-конической формы с концами, закрученными в волютки; цилиндрический витой налокотник с концами, закрученными в волютки; два браслета с концами, также, раскованными и закрученными в волютки; 6 зооморфных (птицевидных) привесок; 4 перстня (три свернуты из круглой в сечении проволоки в 2 и 3 оборота и один свернут из уплощенной пластинки в 1,3 оборот); биконические бусы, цилиндрические спирали (вероятно, были нашиты на кожаный или матерчатый пояс); игла; поясная пряжка подпрямоугольной формы с крючком и 5 отверстиями; два кольца свернутые из круглого в сечении прута в 1,5 оборот; две полусферические пуговицы или бляшки с прямой петлей – перекладиной; крестовидная привеска и привеска в виде головы барана, бусы – («скобочки»); нашивные полусферические бляшки с 2 отверстиями.

Сурьма: Две дисковидные пуговицы или бляшки с лицевой стороной украшенные солярным знаком; конические и колесовидные бусы; полусферические пуговицы или бляшки.

Камень: Вокруг шеи погребенной найдены 45 сердоликовых бусин колесовидной и цилиндрической формы.

Ракушка: Раковины каури со сточенной спинкой.

Стекло: Цилиндрические и колесовидные бусы и бисер.

Кость: В грудном отделе скелета погребенной находилась каплевидная привеска или пуговица с отверстием в утонченной части.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 46. Погребение 78 (рис. 46).

Трупоположение, скорченное, на правом боку, головой на северо-восток. Погребение взрослое, женское. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, у сосудов находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В головах погребенной и у коленей находились фрагментированная корчага и две кружки с петлевидными ручками. Тулово одной кружки украшено врезными заштрихованными треугольниками. В заполнении могильной ямы находились еще один кувшинчик с петлевидной ручкой и небольшой черпачок с утраченной ручкой (рис. 43, 11 – 12).

Бронза: Игла, височная (?) привеска свернутая из узкой пластинки в 1,5 оборот, три перстня свернутые из узкой пластинки в 1,3 оборота.

Сурьма: В области шеи погребенной находились дисковидные бусы.

Ракушка: Раковины каури со сточенной спинкой.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 47. Погребение 79 (рис. 47).

Погребение разрушено и почти полностью утрачено. Сохранились in situ кости стопы правой ноги. Исходя из их положения и опыта исследования других захоронений могильника, можно предполагать, что погребение располагалось на правом боку, головой на северо-восток. Погребение взрослое.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 48. Погребение 80 (рис. 48).

Трупоположение, скорченное, на левом боку, головой на северо-восток. Погребение детское. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа.

Инвентарь.

Керамика: Перед лицевыми костями черепа находились горшочек (кубок?), украшенный семечковидным и налепным орнаментом и миниатюрный черпачок с высокой петлевидной ручкой. Тулово последнего сосуда украшено косыми параллельными резными линиями.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 49. Погребение 82 (рис. 49).

Трупоположение, скорченное, на левом боку, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, у сосудов, сгруппированных перед костяком, находились кости ноги барана. Также, у таза погребенной найден один бараний астрагал. Захоронение частично потревожено.

Инвентарь.

Керамика: Перед костяком, в северо-восточной части могильной ямы находились фрагментированная корчага, кружка с петлевидной ручкой (тулово украшено косыми резными параллельными линиями) и небольшая кружка с утраченной ручкой и одним сосцевидным налепом на верхней части тулова.

Бронза: Игла; пряжка подпрямоугольной формы с крючком и 4 отверстиями; бусы – «скобочки»; полусферические нашивные бляшки с 2 отверстиями; небольшая цилиндрическая спиралька. У головы и под ней находились 2 височных кольца – привески свернутых из круглого в сечении прута в 1,5 оборот. У спины и пояса погребенной найдены еще 4 подобных кольца (по два в каждом случае). На шее погребенной находилась тонкая гривна с концами, закрученными в трубочки.

Сурьма: В области шеи погребенной находились бусы колесовидной формы.

Стекло: Бисер цилиндрической формы.

Ракушка: Раковины каури со сточенной спинкой.

Камень: Сердоликовые бусы и небольшой отщеп кремня подтреугольной формы.

Источники: Чшиев, 2005 в.

1. 50. Погребение 83 (рис. 50).

Трупоположение, не определено. Погребение детское.

Инвентарь: Керамический сосуд в форме небольшой корчаги орнаментированный валиком по горлу и вертикальными удлиненными налепами – каннелюрами. У разрушенного черепа находилась одна бронзовая буса – «скобочка».

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 51. Погребение 84 (рис. 51).

Трупоположение, скорченное, на левом боку, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, фаланги кистей рук расположены перед лицевыми костями черепа. Захоронение сопровождалось заупокойной пищей, перед костяком находились кости ноги барана. Погребение частично потревожено и ограблено

Инвентарь.

Керамика: Фрагментированная небольшая корчага.

Бронза: небольшая цилиндрическая спираль, буса – «скобочка», фрагментированная трубочка.

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 52. Погребение 85 (рис. 52).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, правая рука согнута в локте, кисть приближена к правому плечу.

Левая – вытянута вдоль туловища за спиной. Погребение сопровождалось заупокойной пищей – перед костяком находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В северном углу могильной ямы находились фрагментированная корчага и черпачок с утраченной ручкой тулово которого украшено сосцевидными налепами. Рядом с тазом погребенного, у северо-западного угла могильной ямы, находился небольшой фрагментированный горшочек с косыми каннелюрами и сосцевидным орнаментом на тулове. У правого плеча погребенного находилась кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: Фрагменты тонкой цилиндрической спирали; две полусферические бляшки с солярным орнаментом на внешней поверхности; два колечка из уплощенной пластинки в 1,2 оборот.

Железо: У лобной части черепа погребенного находился наконечник копья с раскрытой втулкой и лавролистным пером; в нижней части спины - находился однолезвийный небольшой нож серповидного типа.

Кость: Перед костяком, у южной стены могильной ямы, находились два роговых (отвершия концов рогов оленя) псалия с двумя круглыми отверстиями в одной плоскости.

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 53. Погребение 86 (рис. 53).

Трупоположение, скорченное, на правом боку головой на северо-восток. Захоронение детское (подросток). Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение незначительно потревожено.

Инвентарь.

Керамика: Фрагментированная кружка с петлевидной ручкой, тулово украшено резными вертикальными линиями.

Бронза: Трубочка, бусы – «скобочки», фрагмент полусферической (?) бляшки, небольшая булавка с головкой, вероятно, закрученной в трубочку (утрачена).

Камень: У шейных позвонков костяка найдены сердоликовые бусы колесовидной формы.

Сурьма: У таза захоронения найдена солярная привеска с петлей в верхней части (рис. 51, 2).

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 54. Погребение 87 (рис. 54).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, вероятно – женское. Ноги погребенной согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу. Захоронение потревожено – некоторые кости грудного отдела и рук смещены. Погребение сопровождалось заупокойной пищей – у локтей погребенной находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находилась фрагментированная корчага с геометрическим резным и налепным сосцевидным орнаментом и фрагменты кружки с петлевидной ручкой. У локтей погребенной находилась кружка аналогичного типа.

Бронза: Фрагменты тонкой цилиндрической спирали; ворворка с дисковидной выступающей закраиной; стержневидная булавка с головкой, закрученной в трубочку; бусы – «скобочки»; привеска в виде головы барана.

Железо: Однолезвийный небольшой нож серповидного типа.

Камень: Сердоликовые бусы колесовидной и цилиндрической формы. Также, в заполнении могильной ямы находилась уплощенная кремневая пластинка (рис. 52, 13).

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 55. Погребение 91 (рис. 55).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, мужское. Ноги погребенного согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находилась фрагментированная кружка с петлевидной ручкой и небольшой черпачок с заоваленным дном и высокой петлевидной ручкой.

Бронза: Фрагменты тонкой цилиндрической спирали; ворворка или привеска в виде коренного зуба человека; полусферическая нашивная бляшка с двумя отверстиями; клинок кинжала вытянуто - треугольной формы с тремя отверстиями в насаде. В двух отверстиях сохранился бронзовый штырь, посредством которого, вероятно крепилась рукоять.

Сурьма: У черепа погребенного найдена бусина колесовидной формы.

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 56. Погребение 92 (рис. 56).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение детское (подросток). Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу. Погребение сопровождалось заупокойной пищей – у группы керамических сосудов находились кости ноги барана.

Инвентарь.

Керамика: В восточном углу могильной ямы находилась корчага, две кружки с петлевидной ручкой и кружка с утраченной ручкой, тулово которой украшено косыми параллельными резными линиями.

Бронза: Фрагменты тонкой цилиндрической спирали; бусы – «скобочки»; стержневидная булавка с головкой закрученной в трубочку.

Кость: У коленей захоронения найден небольшой бараний астрагал

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 57. Погребение 93 (рис. 57).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на северо-восток. Захоронение взрослое, женское. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу.

Инвентарь.

Керамика: Перед костяком, у костей рук, находилась корчага с туловом украшенным 4 сосцевидными налепами и кружка с петлевидной ручкой, тулово которой украшено косыми параллельными резными линиями, отходящими от резного пояса в месте перехода тулова в горло.

Бронза: Два браслета с концами завернутыми в волютки; две круглые височные привески, свернутые из прута в 1,5 оборот; игла.

Источники: Чшиев, 2006 д.

1. 58. Погребение 94 (рис. 58).

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на северо-восток. Захоронение детское (ребенок 2 – 3 лет). Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти приближены к лицу.

Инвентарь.

Керамика: Перед захоронением находилась кружка с петлевидной ручкой.

Бронза: Буса – «скобочка»; трубочка; фрагментированная полусферическая нашивная бляшка.

Кость: В области шеи находились три клыка собаки или лисы с отверстиями в верхней части.

Источники: Чшиев, 2006 д.

Находки вне комплексов (рис. 59)

В 2004 году были найдены фрагментированная керамическая кружка, бронзовые конусовидные нашивные бляшки и бронзовая полусферическая пуговица или бляшка с прямой перекладиной – петлей (рис. 55, 1 – 5).

В 2005 г. найден бронзовый витой накосник близкой к цилиндрической формы (рис. 55, 6).

Источники: Чшиев, 2005 в; 2006 д.

2. Николаевский могильник
Раскопки 1970 г. (Т. Б. Тургиева).

Могильник расположен в Дигорском районе РСО – А, в 1,5 км к с-з от станицы Николаевска. Раскопки памятника проводились в 1970 г. (Т. Б. Тургиев) и в 2011 – 2012 гг. (В. Т. Чшиев).

В 1970 г. Т. Б. Тургиевым, во время археологической практики студентов исторического факультета СОГУ им. К. Л. Хетагурова были выявлены и исследованы 13 одиночных погребений могильника. Погребальные сооружения представляли собой грунтовые ямы подпрямоугольной с закругленными углами или овальной формы, заваленные крупными валунами в два – три слоя. Подавляющая часть захоронений ограблены или потревожены. Три более – менее сохранившихся костяка располагались скорченно на правом боку. В отчете Т. Б. Тургиева отсутствует альбом иллюстраций как таковой. Приводятся черно-белые фотографии двух погребений (одна плохого качества) и несколько фотографий погребального инвентаря без масштаба. Ниже приводим их описание и прорисовки.

2.1. Погребение 1 (рис. 61)

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на ЮВ. Захоронение женское, потревожено.

Инвентарь погребения 1.

В области черепа находилась фрагментированная пластинчатая в 1,5 оборота височная привеска (рис. 61, 2). На запястьях рук погребенной находились бронзовые пластинчатые браслеты с концами закрученными в конусовидные волютки (рис. 61, 4). В области груди находились две раковины каури со сточенными спинками (рис. 61, 3) и фрагмент спирали – пронизи из узкой бронзовой ленты. Близ черепа найдена сердоликовая буса цилиндрической формы светло-красного цвета. Вплотную к позвоночнику располагался бронзовый накосник цилиндрической формы (рис. 61, 1).

Источники: Тургиев, 1971.

2.2. Погребение 2 (рис. 62).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на ЮВ.

Инвентарь погребения 2.

У основания черепа находились две бронзовые круглые височные привески в 1,5 оборот (рис. 58, 3). В области шеи зафиксированы одна сердоликовая неправильно округлой формы и одна колесовидная из белой стеклянной пасты. Здесь же были два бронзовых колечка. У позвоночника находился бронзовый накосник цилиндрической формы (рис. 58, 2). Перед лицевыми костями черепа находились фрагменты керамического сосуда черного цвета и «коренной зуб крупного животного».

Источники: Тургиев, 1971.

2.3. Погребение 3.

Погребение ограблено и сильно потревожено, но по оставшимся костям можно судить о детском захоронении с ЮВ ориентировкой.

Инвентарь погребения 3.

У черепа находились фрагменты чернолощеного керамического сосуда, на которых располагалась «кость домашнего животного – остаток напутственной пищи».

Источники: Тургиев, 1971.

2.4. Погребение 4.

Зафиксировано в виде разрушенной и ограбленной могилы. Истлевшие кости сдвинуты в кучу. Пол и ориентация погребенного – не устанавливаются. Вещей не обнаружено.

Источники: Тургиев, 1971.

2.5. Погребение 5.

Погребение ограблено и разрушено. По сохранившимся костям можно судить о том, что костяк был расположен скорченно, на правом боку, головой на ЮВ. Вещей не найдено.

Источники: Тургиев, 1971.

2.6. Погребение 6.

Погребение ограблено и разрушено. Пол и ориентировку определить невозможно.

Инвентарь погребения 6. Из вещей сохранился фрагмент бронзовой пластины с двумя отверстиями по краю и близкая к цилиндрической форме сердоликовая буса бледно – красного цвета.

Источники: Тургиев, 1971.

2.7. Погребение 7.

Погребение ограблено и разрушено. Пол и ориентировку определить невозможно.

Инвентарь погребения 7. Из вещей найден фрагментированный круглодонный черпачек серого цвета. Венчик, горло и ручка отсутствуют. А также: – бронзовая небольшая бусина и распавшаяся «пастовая бусина темного цвета».

Источники: Тургиев, 1971.

2.8. Погребение 8.

Погребение потревожено и ограблено. По расположению черепа можно определить ориентировку захоронения – ЮВ.

Инвентарь погребения 8. В погребении найден пластинчатый бронзовый браслет аналогичного вышеописанным типа.

Источники: Тургиев, 1971; Козенкова, 1996.

2.9. Погребение 9.

Погребение разрушено и ограблено. Корме нескольких разрозненных костей взрослого человека в захоронении ничего не обнаружено. Ориентировка и половозрастные характеристики не определяются.

Источники: Тургиев, 1971.

2.10. Погребение 10.

Погребение разрушено и ограблено. Ориентировка и половозрастные характеристики не определяются.

Инвентарь погребения 10. Из инвентаря найдены три бронзовые крестовидные пуговицы с отверстием в центре (рис. 58, 5) и круглая буса из стеклянной пасты голубоватого цвета.

Источники: Тургиев, 1971; Козенкова, 1996.

2.11. Погребение 11.

Погребение разрушено и ограблено. Корме нескольких разрозненных костей взрослого человека в захоронении ничего не обнаружено. Ориентировка и половозрастные характеристики не определяются.

Источники: Тургиев, 1971.

2.12. Погребение 12 (рис. 60).

Трупоположение, скорченное на правом боку, головой на ЮВ. По инвентарю захоронение атрибутируется как женское.

Инвентарь погребения 12. У головы находились фрагменты керамического сосуда черного цвета (рис. 60, 1). В восточном углу могильной ямы находились фрагменты другого сосуда также черного цвета (рис. 60, 2). Здесь же найдена небольшая чернолощеная кружка с петлевидной ручкой. Тулово украшено четырьмя сосцевидными налепами и вертикальными врезными линиями расположенными группами между первыми (рис. 60, 3; рис. 62, 9).

Источники: Тургиев, 1971; Козенкова, 1996.

2.13. Погребение 13.

Погребение разрушено и ограблено. По положению черепа вероятно, было ориентировано на ЮВ.

Инвентарь погребения 13. Найден фрагмент бронзового накосника.

Источники: Тургиев, 1971.

Раскопки 2011 – 2012 гг. (В. Т. Чшиева)

В 2011 – 2012 гг. на памятнике нами было исследовано восемь погребений. Погребальные сооружения представляли собой грунтовые ямы округлой или подпрямоугольной формы с закругленными углами, заваленные валунами в два – три слоя.

2. 14. Погребение 1 (рис. 63 – 64).

Погребение 1 было обнаружено на глубине 126 см. от Ро. Захоронение ограблено. Ориентировку костяка и половую принадлежность погребенного установить не удается. В южном борту траншеи, несколько выше уровня фиксации погребения, сохранились шесть массивных валунов – возможно часть обкладки могильной ямы. В момент раскопок захоронение представляло собой сгруппированные на небольшой площади трубчатые кости взрослого человека, кости стопы и фрагменты погребального инвентаря. Также, в по-

гребении, на уровне фиксации костей человека и фрагментов могильного инвентаря, находился зуб лошади.

Погребальный инвентарь.

У северной стенки могильной ямы, на окраине скопления костей, находился фрагмент тулова керамической корчаги темно-серого, почти черного цвета.

В центре скопления человеческих костей находился фрагмент тулова керамической корчаги бежевого цвета.

Здесь же находился фрагмент тулова керамической кружки черного цвета. По внешней поверхности в вертикальной плоскости прочерчены тонкие неровные линии.

У костей стопы (плюсны) находился фрагмент плоского дна керамической корчаги коричневого цвета.

Также, у северной стенки, рядом с фрагментом № 4, находился фрагмент венчика керамической корчаги светло-серого цвета.

Рядом с большой берцовой костью находился фрагмент венчика керамического сосуда, (вероятно кружка или небольшая корчага) бежевого цвета.

На скоплении костей, в центральной части, находилась фрагментированная бронзовая круглая височная привеска в полтора оборота с сужением в верхней части. Височная привеска скручена из уплощенной пластинки с двумя канавками по внешней стороне.

Здесь же находилась бронзовая деформированная височная привеска скрученная из уплощенной пластинки.

Источники: Чшиев, 2012 д.

2.15. Погребение 2 (рис. 65 а - в).

Погребение 2 было обнаружено на глубине 135 см. от Ро. Захоронение женское, ограблено. Ориентировку костяка и половую принадлежность погребенного установить не удается.

В момент раскопок захоронение представляло собой сгруппированные на небольшой площади трубчатые кости взрослого человека, кости стопы, черепа и фрагменты погребального инвентаря (рис. 58.) Здесь же находились несколько валунов, вероятно часть обкладки могильной ямы захоронения.

Инвентарь погребения 2.

В северо-восточном углу погребальной ямы находилось скопление фрагментов керамического сосуда средних размеров типа корчаги (рис. 65 а, 1-4).

Также, в центральной части погребения, среди скопления костей и фрагментов керамики находилась бронзовая полусферическая нашивная бляшка с двумя отверстиями по краям (рис. 65 а, 5).

Здесь же находились фрагменты керамической кружки черного цвета с петлевидной ручкой переходящей в отогнутый венчик (рис. 65 б, 1.) В процессе реставрации восстановлена часть тулова и верхняя часть кружки, дно отсутствовало. По периметру верхней части тулова, в месте перехода последнего в горло, проходит орнаментальный поясок в виде наколотых точек, от которого под небольшим углом вниз прочерчены параллельные линии.

В засыпке погребения находился фрагмент небольшого керамического сосуда (вероятно кружка) серого цвета (рис. 65 б, 4 .) На фрагменте имеется орнамент в виде вытянутых в линию вдавленных штрихов, вероятно – поясок, проходивший в месте перехода верхней части тулова кружки в горло.

Также в засыпке погребения обнаружен фрагмент лощеного керамического сосуда бежевого цвета с прочерченным орнаментом в виде ломанных линий (рис. 65 б, 3 .)

Также в засыпи погребения находился фрагмент бронзового кольца скрученного из проволоки подпрямоугольного сечения (рис. 65 б, 2.)

Источники: Чшиев, 2012 д.

2.16. Погребение 3 (рис. 66 - 67).

Захоронение произведено в скорченном положении на левом боку головой на ЮЮВ. Погребение детское (мальчик), частично потревожено. Жертвенная напутственная пища (Кости МРС и керамический сосуд) расположены перед костяком у западной и южной стенок могильной ямы.

Инвентарь погребения 3.

У западной стенки могильной ямы находилась керамическая глубокая миска реповидной формы коричневого цвета (рис. 66, 1). В юго-восточном углу могильной ямы, в области черепа (нижней челюсти) погребенного, находилась бронзовая полусферическая нашивная бляшка с двумя отверстиями по краям (рис. 66, 2). Здесь же находился бронзовый кинжал подтреугольной формы, без черенка, с двумя бронзовыми цилиндрическими в сечении штырьками у основания рукояти (рис. 66, 3). У восточной стенки могильной ямы, на плече погребенного, у праксимального эпифиза плечевой кости, находилась бронзовая стержневидная булавка с ложновитым стержнем и головкой завернутой в трубочку (рис. 66, 4). В центральной части могильной ямы, в области груди погребенного, находились сердоликовые бусы колесовидной формы (три штуки) (рис. 66, 5). Между коленями погребенного и локтем левой руки находилась бронзовая полусферическая бляшка с прямой круглой в сечении перекладинкой с внутренней стороны (рис. 66, 6.) На внешней поверхности слаборазличимый гравированный орнамент в виде креста составленного из вытянутых треугольников с кругом в центре. В области головы погребенного, у нижней челюсти находились два бронзовых колечка сцепленных друг с другом (рис. 66, 7). Между керамическим сосудом и костями МРС находилась бронзовая полусферическая бляшка с прямо-

угольной в сечении перекладинкой с внутренней стороны (рис. 66, 8). В северо-западном углу могильной ямы у коленей погребенного находилась фрагментированная круглая сурьмяная пуговица или буса с внутренним отверстием для ношения (рис. 66, 10). На внешней стороне рельефное изображение в виде креста. Также у коленей погребенного, между ними и керамическим сосудом находилась круглая сурьмяная полусферическая в сечении пуговица или буса (рис. 66, 9). В центральной части погребения, между трубчатыми костями левой руки погребенного и костями МРС находился фрагмент небольшого бронзового предмета (бляшки?) (рис. 66, 11). У диафиза правой бедренной кости погребенного находилась фрагментированная бронзовая трубочка (рис. 66, 12). В центральной части погребения, между ребер и левой плечевой кости костяка находилась фрагментированная тонкая бронзовая спираль цилиндрической формы (рис. 66, 13).

Источники: Чшиев, 2012 д.

2.17. Погребение 4 (рис. 68 - 69).

Захоронение ограблено. Ориентировку костяка и половую принадлежность погребенного установить не удается (рис. 68).

Инвентарь погребения 4.

В центральной части могильной ямы уровне пола находились фрагменты керамической корчаги серого цвета, местами с бежевыми и почти черными пятнами, от неравномерного обжига). В процессе реставрации форма сосуда восстановлена. Тулово корчаги расширенное, венчик резкоотогнутый, дно плоское. На «плечиках» корчаги, в месте перехода верхней части тулова в горло, имеется орнамент в виде невысоких полусферических налепов, составленных четырьмя группами по три налепа в каждой на относительно равном расстоянии друг от друга. Здесь же, на уровне пола погребения, находилась часть тулова и венчика маленькой керамической кружки (черпачка) с заоваленным дном. Ручка утрачена.

В засыпке погребения 4 были найдены часть горла и венчик корчаги и фрагментированная кружка с косыми резными линиями на тулове.

Источники: Чшиев, 2012 д.

2.18. Погребение 5 (рис. 70).

Трупоположение скорченное на левом боку, с руками сложенными и приближенными к голове. Погребение женское, ориентировано на юг – юго-восток.

Инвентарь погребения 5.

В юго-восточной части могильной ямы, под фрагментами черепа и вокруг них, находились фрагменты керамической корчаги темно-серого цвета (рис. 70, 1). Здесь же, на фрагментах корчаги находились фрагменты керамического черпачка, серого, местами, коричневого цвета (рис. 71, 2). . В этой же части могильной ямы, в 10 см. от лицевых костей черепа к северу, на диафизах лучевой и локтевой костей левой руки погребенной находились два пластинчатых бронзовых браслета с концами закрученными в волютки конусовидной формы (рис. 72, 3). Здесь же, на запястьях правой руки погребенной, находились два фрагментированных бронзовых браслета аналогичного вышеописанным типа (рис. 72, 4).

Источники: Чшиев, 2013.

2. 19. Погребение 6 (рис. 71).

Погребение разрушено и ограблено. Половая принадлежность, расположение тела и его ориентировка - не определяются.

Инвентарь погребения 6.

В центральной части могильной ямы на уровне пола погребения были найдены фрагменты керамической корчаги серого цвета (рис. 71, 1). Здесь же находился фрагмент тулова керамической кружки бежевого цвета, с фрагментом утраченной ручки (рис. 71, 2).

Источники: Чшиев, 2013.

2. 20. Погребение 7 (рис. 72).

Трупоположение, на левом боку, в слегка скорченном положении. Головой ориентирован на восток. Погребальная яма овальной формы. Три керамических сосуда (корчага, кружка и миска) в которых вероятно находилась заупокойная пища, располагались перед погребенным, у колен и костей рук. Также у коленей погребенного, вплотную к миске, находились кости голени МРС – вероятно, также составлявшие часть заупокойной пищи. Захоронение детское (подросток), мужского пола.

Инвентарь погребения 7.

Фрагменты керамической корчаги темно-серого, местами почти черного цвета. На одном из фрагментов имеется овальный налеп вытянутой в горизонтальной плоскости формы (рис. 72, 1). Небольшая керамическая кружка с отогнутым венчиком, округлым туловом и плоским дном (илл. 72, 2). Часть венчика – утрачена. Кружка снабжена петлевидной ручкой переходящей в верхней своей части в венчик сосуда. Тулово кружки украшено орнаментом из косых параллельных линий, прочерченных по мягкой глине. В центральной части могильной ямы, в 15 см. к ю-в от колен погребенного, располагалась керамическая миска серого, местами коричневого, цвета, с плоским дном, закругленным бортиком и несколько загнутым внутрь венчиком (рис. 72, 3). Также у колен погребенного располагался клинок небольшого бронзового кинжала (рис. 72, 4). На шейных позвонках и у затылка погребенного находились 8 бронзовых бус-«скобочек» (рис. 72, 5). Здесь же находились фрагменты бронзовой цилиндрической спирали, скрученной из тонкой плоской ленты (рис. 72, 6). Также, в области шеи погребенного находились 5 колесовидных сердоликовых бус (рис. 72, 7). У лобной кости черепа костяка погребенного находилась полусферическая, круглая бляшка с двумя круглыми отверстиями (рис. 72, 8).

Источники: Чшиев, 2013.

2. 21. Погребение 8 (рис. 73).

Погребение ограблено и разрушено. Пол и положение захоронения выявить не представляется возможным.

Инвентарь погребения 8.

В юго-восточной части могильной ямы находились фрагменты керамической корчаги серого, местами коричневого, цвета (рис. 73, *1 а – в*). В центральной части могильной ямы на полу находилась фрагментированная керамическая кружка темно-серого, почти черного цвета с петлевидной ручкой (рис. 73, 2). Кружка орнаментирована. По периметру тулова прочерчены косые параллельные линии. Также, в центральной части могильной ямы, на полу, находился зуб лошади (резец) (рис. 73, *3*).

Находки вне комплексов (раскопки 2011 г.) (рис. 74)

Керамическая кружка с утраченной ручкой и фрагментированным венчиком. Тулово украшено косыми врезными линиями (рис. 74, *1*).

Фрагмент крупной керамической корчаги – часть горла и венчик (рис. 74, *2*). В нижней части фрагмента сохранилась часть орнамента, вероятно представлявшего собой косые резные линии.

3. Змейский могильник

Раскопки 2013 – 2014 гг. (М. А. Бакушева)

Могильник выявлен в 2013 г. в ходе археологических работ, проводившихся в окрестностях ст. Змейской Кировского района РСО – А экспедицией под руководством М. А. Бакушева («Археологическое общество Кубани»). Могильник связан с расположенным вблизи него известным Змейским поселением кобанской культуры. Исследование материалов могильника не

завершено и нами приводятся комплексы 14 грунтовых погребений опубликованных в настоящее время.

3. 1. Погребение 3 (рис. 75)

Трупоположение, скорченное на левом боку, головой на восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Стеклянные (пастовые) округлые бусы, керамические небольшой кувшинчик с туловом биконических очертаний и петлевидной ручкой, корчага, две миски, одна из них украшена геометрическим орнаментом.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3. 2. Погребение 11 (рис. 76)

Трупоположение, скорченное на правом боку, головой на восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Стеклянные (пастовые) и сердоликовые бусы, керамические корчага и биконическое пряслице с выемкой у на одном из концов украшенное врезными параллельными линиями. В комплект со связкой стеклянных бус входили 7 раковин каури с отверстиями в спинках. Бронза в погребении представлена круглыми височными привесками с рифлением, нашивными полусферическими бляшками; цилиндрическими накосниками, иглой, зооморфной поясной пряжкой, поясом из цилиндрических спиралей, крестовидными пуговицами, пластинчатыми браслетами с волютками на концах. В погребении 11 находились, также, клык кабана и клык хищника из семейства псовых (амулеты ?).

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3.3. Погребения 12 и 13 (парное захоронение) (рис. 77)

Трупоположение, скорченное на левом боку, головой на восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Керамические корчага, кружка с петлевидной ручкой, черпачок с утраченной ручкой. Тулово всех трех сосудов украшено вертикальными врезными линиями. Тулово черпачка, кроме того, украшено сосцевидными налепами. В захоронении были найдены костяной втульчатый наконечник стрелы вытянуто – пирамидальной формы и кусочек белого известняка подтреугольной формы.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3.4. Инвентарь погребения 15 (рис. 78)

Керамические корчага с тремя параллельными врезными поясками на «плечиках» тулова и два черпачка с петлевидными ручками. Один из черпачков украшен сосцевидными налепами на средней части тулова. Бронзовый наконечник стрелы – «площик».

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3.5. Погребение 35 (рис. 79)

Трупоположение, слабоскорченное на левом боку, головой на юго-восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Небольшая керамическая корчага с сосцевидными налепами на средней части тулова и керамические горшок и черпачок с петлевидной ручкой. Тулово горшка орнаментировано врезными косыми линиями отходящими вниз от горизонтального пояска опоясывающего «плечики» сосуда.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3.6. Инвентарь погребения 36 (рис. 80)

Керамические кружка биконических очертаний со слабоотогнутым венчиком петлевидной ручкой и корчага с расширением в нижней части корпуса сосуда.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3.7. Погребение 50 (рис. 81)

Трупоположение, слабоскорченное на левом боку, головой на северо - восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Керамические корчага и две кружки. Тулово кружек украшено врезными вертикальными линиями. Одна из кружек снабжена петлевидной ручкой. Ручка второго сосуда – утрачена.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3. 8. Погребение 59 (рис. 82)

Трупоположение, скорченное на левом боку, головой на северо – восток (?).Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Погребение потревожено. Сохранившаяся часть инвентаря представлена керамическими конусовидным пряслицем, кружкой биконических очертаний с петлевидной ручкой и курильница с широкой полой ручкой в которой находились 5 (?) глиняных шариков.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

3. 9. Погребения 60 и 61 (парное захоронение) (рис. 83)

Трупоположение, скорченное на левом боку, головой на северо – восток. Стенки погребального сооружения – грунтовая яма – не выявлены.

Погребальный инвентарь: Керамические – две кружки с петлевидными ручками, тулово одной из которых украшено врезными вертикальными линиями, две миски с загнутыми внутрь краями (одна из них – с выделенным дном). Каменный (галька) оселок и кремневый отщеп. Железные ножи две стержневидные булавки.

Источники: Бакушев, Чечина, 2014.

Находки вне комплексов

В 1959 г. на территории средневекового Змейского могильника была найдена «бронзовая рукоять с циркульным орнаментом» от биметаллического кинжала (бронза-железо) предскифского времени (рис. 83 б).

Источники: Крупнов, 1960, с. 203; Козенкова, 1975; 1996.

4. Заманкульский могильник
Раскопки 1970 г. (В. А. Кузнецова)

Могильник был выявлен в 1970 году В. А. Кузнецовым, в ходе разведочных работ в окрестностях с. Заманкул Правобережного р-на РСО-А. Были зафиксированы два разрушенных и разграбленных погребения, и одно целое. Погребальные сооружения представляли собой впущенные в грунт каменные ящики, сложенные из монолитных песчаниковых и известняковых плит.

4. 1. Погребение 1 (рис. 84 – 85)

Трупоположение, скорченное на левом боку головой на юго – запад. Захоронение женское. Погребальное сооружение – впущенный в грунт каменный ящик. Сохранилась северная вертикальная стенка из монолитной плиты, а также, частично – плиты перекрытия из слоистого песчаника.

Погребальный инвентарь: керамические биконический орнаментированный кувшинчик и кружка с петлевидной ручкой, бронзовая булавка с петлеобразно закрученным кончиком.

Источники: Кузнецов, 1971; Козенкова, 1996.

5. Комаровский могильник
Раскопки 1970 г. (М. П. Абрамовой)

Комаровский грунтовый могильник кобанской культуры расположен в Мозокском районе РСО – А, на левом берегу р. Терек у с. Комарово (рис. 86-

87). Раскопки на памятнике были проведены в 1970 г. М. П. Абрамовой. В результате были исследованы 10 грунтовых погребений с могильными ямами, округлой или близкой к овалу формы в плане (в тех случаях, когда удалось проследить стенки погребений). Практически все погребения были ограблены или потревожены.

5. 1. Погребение 1 (рис. 88).

Трупоположение и ориентировка неизвестны – костяк был срезан при рытье силосной траншеи.

Инвентарь: В западной части северной стены могильной ямы была найдена керамическая чернолощеная корчага. Рядом с ней пяточные кости скелета взрослого человека.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.2. Погребение 2 (рис. 89).

Трупоположение, скорченное на правом боку, головой на ЮЗ или ЮЮЗ. Захоронение – женское. Погребение потревожено и ограблено.

Инвентарь: Сердоликовая, близкой к цилиндрической форме, бусина и гагатовая. Также, среди костей найдены две просверленные небольшие колесовидные гальки. Перед коленями погребенной располагались чернолощеная чашечка (кубок) с резным геометрическим орнаментом и фрагментированный лощеный кувшинчик с массивной ручкой.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.3. Погребение 3 (рис. 90).

Трупоположение, вероятно, скорченное на правом боку. Ориентировка – по всей видимости – на ЮЗ (костяк потревожен, погребение ограблено).

К западу от костей взрослого человека, лежал скелет лошади (на животе), головой на юг. На костях морды животного были найдены железные однокольчатые удила с железными трехпетельчатыми псалиями и костяное украшение узды, выполненное в зооморфном стиле. У левой лопатки лошади

были найдены также, костяные стержневидная застежка и колесовидная просверленная пронизь или буса. Несколько выше них найден бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы с шипом. У головы лошади (к востоку от нее) располагалась большая керамическая фрагментированная лощеная корчага с резным геометрическим орнаментом, фрагментированный небольшой кувшинчик с массивной ручкой, тулово которого опоясывает резной поясок, от которого вниз отходят вертикальные каннелюры и фрагменты покрытой штампованным геометрическим орнаментом миски. Среди разрозненный человеческих костей найдены гешировая (гагатовая) цилиндрической формы буса и две колесовидные – сердоликовые.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.4. Погребение 4 (рис. 91).

Трупоположение, в скорченном положении на левом боку. Ноги согнуты в коленях, руки согнуты в локтях, кисти – у подбородка. Могильная яма овальной формы, вытянута с ЮЮЗ на ССВ. Погребение мужское.

Инвентарь: В южной части могильной ямы стояла большая миска с выделенным дном и загнутыми внутрь краями. На дне ее находились кости барана (нога с лопаткой), а на них – керамическая мисочка. В ногах костяка располагались лощеные большая керамическая корчага и фрагментированный одноручный сосуд. В поясничной части костяка найдены зубы барана, а под ребрами, внутри грудной клетки, лежал небольшой железный нож.

Источники: Абрамова, 1970.

5.5. Погребение 5 (рис. 92).

Трупоположение, скорченное на правом боку, головой на ЮЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти лежат у подбородка. Погребальная яма имеет форму неправильного овала.

Инвентарь: У левого плеча погребенной находилась бронзовая стержневидная булавка с загнутой головкой. Под правой лопаткой – фрагменты

железного стержня, по видимому – стержневидной булавки. В области шеи и в верхней части грудной клетки найдены сердоликовые, гагатовые и стеклянные бусы. Всю южную часть могильной ямы занимали керамические сосуды и их фрагменты. Это – фрагментированная большая корчага, фрагменты большой сероглиняной миски с резным геометрическим орнаментом. Рядом стояли чернолощеный одноручный кувшин и чернолощеная чашечка (кубок), также, украшенные резным геометрическим орнаментом. Здесь же находился фрагмент бронзового пластинчатого предмета (фрагмент полусферической бляхи?) Рядом с сосудами находились кости барана (две передние ноги с лопатками) и керамическое пряслице.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.6. Погребение 6 (рис. 93).

Трупоположение, вероятно, в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЮЗ (захоронение потревожено и ограблено). Погребение мужское (старше 55 лет).

Инвентарь: Фрагменты железного ножа, большая фрагментированная керамическая корчага с резным геометрическим орнаментом заполненным белой пастой. В ногах погребенного стояла глиняная миска, также с резным геометрическим орнаментом, а в ней – одноручный кувшинчик.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.7. Погребение 7 (рис. 94).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой на ЮЮЗ. Могильная яма – в форме неправильного овала.

Инвентарь: У костей стоп стояла керамическая чашечка (кубок) с геометрическим орнаментом, у колен – фрагментированная корчага, здесь же находились фрагменты миски. Среди костей (погребение потревожено и ограблено), находились стеклянные бусы, гагатовая буса и раковины каури.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.8. Погребение 8 (рис. 95).

Трупоположени, скорченное на правом боку, головой на юг. Погребение женское (25 – 30 лет) потревожено и ограблено. В засыпке погребения и на дне встречаются кусочки древесного угля. Между костями найдены стеклянные, янтарные, пастовые (голубого цвета) и гагатовы бусы. А также, просверленные раковины каури и створки крупных раковин. В южном конце могилы на дне лежали наконечники стрел (5 «площиков» – 4 железных и 1 бронзовый). Кроме того, в разных частях пола могильной ямы находились еще 5 бронзовых наконечников стрел (2 втульчатые двухлопастные, 2 втульчатые трехлопастные и один втульчатый пулевидный). У костей рук находилась полусферичесая бляшка с двумя отверстиями и фрагмент цилиндрической спирали. Под кистью руки находилась бронзовая стержневидная булавка с закрученной головкой (длина – 17 см.)

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.9. Погребение 9 (рис. 96).

Трупоположение, скорченное на левом боку, головой на ЮЮЗ. Ноги погребенного согнуты в коленях, кисти приближены к лицевым костям черепа. Погребение мужское (ок. 30 лет). Могильная яма имеет форму неправильного овала, вытянутого с ЮЗ на СВ.

Инвентарь: Среди костей рук находился фрагментированный железный однолезвийный нож с горбатой спинкой. Несколько фрагментов ножа находились и под правым бедром. К западу от костяка находилась небольшая керамическая чашка (кубок) с геометрическим резным орнаментом в виде двойных заштрихованных треугольников. Рядом – кости барана (нога и часть челюсти) и бусы (сердоликовые и из стеклянной пасты). У согнутых колен погребенного располагалась керамическая фрагментированная крупная корчага с резным орнаментом. Рядом с ним, также у колен и у тазовых костей найдены 9 бронзовых наконечников стрел – 7 двулопастных и 2 трехлопаст-

ных. Также, в области таза, между бедрами обнаружена костяная фигурная пластинка, а у проксимального эпифиза левой бедренной кости – фрагментированная тонкая бронзовая бляшка подтреугольной формы с отверстием. У правого бедра найден железный крючок от колчана.

Источники: Абрамова, 1970; Козенкова, 1996.

5.10. Погребение 10 (рис. 97).

Трупоположение, скорченное на правом боку головой юг. Костяк потревожен, но можно установить, что руки погребенного были согнуты в локтях, а кисти располагались у черепа. Могильная яма, видимо, овальной формы, вытянута с севера на юг. Захоронение детское.

Инвентарь: На запястье левой руки был одет бронзовый браслет с несомкнутыми концами. У плеча погребенного была найдена железная стержневидная булавка, а у черепа 1 стеклянная колесовидная бусина. Перед лицом погребенного найдены фрагменты керамического серолощеного кувшина.

Источники: Абрамова, 1970.

6. Моздокский могильник
(Раскопки А. А. Иессена и Б. Б. Пиотровского)

Могильник занимает невысокую возвышенность на второй левобережной террасе реки Терек у северной окраины г. Моздок. Памятник исследовался А. А. Иессеном и Б. Б. Пиотровским (1933–1936 гг.) Погребальные сооружения представляли собой как курганы, так и грунтовые погребения. Захоронения были произведены в лессовидном суглинке, лежащем на галечнике. Глубина залегания грунтовых погребений от дневной поверхности – около 1 м. Курганы содержали по одному центральному погребению, сопровождавшемуся захоронением лошади. Положение костяков – скорченное на бо-

ку, головой на юг. Грунтовые погребения могильника, сопровождавшиеся тождественным подкурганным могилам инвентарем, имели также аналогичное положение тела и ориентировку. Могильник датирован А. А. Иессеном и Б. Б. Пиотровским 6 в. до н.э. (Иессен, 1940, с. 28) и В. И. Козенковой 7 – 6 вв. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 19).

Было исследовано одно цельное и одно почти утраченное грунтовые захоронения и два подкурганных погребения. Форма могильных ям подкурганных погребений – подпрямоугольная с закругленными углами. Размеры курганов: диаметры – 12 и 15 м, высота насыпей 0, 53 м и 0, 80 м.

6. 1. Погребение 1 (грунтовое) (рис. 99).

Трупоположение, скорченное на правом боку, головой на юг, руки согнуты в локтях, кисти – перед лицевыми костями черепа. Костяк принадлежал молодой женщине (в возрасте 20 – 30 лет).

Инвентарь: Перед костяком стояла фрагментированная керамическая корчага серого цвета. На горловине этого сосуда располагался небольшой кувшинчик с массивной ручкой. Рядом с корчагой находились две миски (одна большая и вторая почти вдвое меньше) стенки которых покрыты резным геометрическим орнаментом, заполненным белой массой. Между корчагой и кистями погребенной, на круглом бронзовом зеркале с центральной петелькой стояла миска с закругленным дном. У большой миски находились отдельные кости и череп поросенка, без нижней челюсти. Здесь же найдена керамическая прясловидная привеска. Верхняя часть костяка была усыпана перемешанными грызунами бусами – фрагментированными крупными стеклянными и колесовидными из стеклянной белой пасты. Здесь же зафиксирована круглая сердоликовая бусина. Аналогичные пастовые бусы находились у головы погребенной. Также в области груди погребенной найдены бусы – розетки из голубоватой стеклянной пасты и раковины каури. У затылка погребенной находилась пластинка из олова покрытая сетчатым орнаментом и

снабженная двумя отверстиями. Под черепом находились фрагменты бронзового предмета, возможно, фибулы. На правой руке погребенной найдены бронзовый браслет и бронзовый перстень, верхняя часть которого украшена двумя спиралями. На груди погребенной зафиксированы фрагменты стержневидного бронзового предмета – вероятно булавки с закрученной головкой.

Источники: Иессен, Пиотровский, 1940; Козенкова, 1996.

6. 2. Погребение 2 (грунтовое) (рис. 100).

В 5,7 м к северо-востоку от погребения 1 было зафиксировано разрушенное и ограбленное грунтовое погребение № 2 (сохранились кости черепа и фрагменты нескольких ребер костяка).

Инвентарь: У черепа стоял керамический кувшинчик с массивной ручкой.

Источники: Иессен, Пиотровский, 1940; Козенкова, 1996.

6. 3. Погребение 3 (подкурганное) (рис. 101 – 102).

Трупоположение, сильно скорченное, на левом боку, головой на юг. Могильная яма – подпрямоугольной формы с закругленными углами: ширина – 1,90 м, длина – около 2, 20 м. В западной части могильной ямы располагался костяк лошади, лежавшей на спине, с головой, обращенной на восток. Голова лошади находилась несколько выше расположения костей ног. У ступней погребенного зафиксированы кости барана.

Инвентарь: В юго-восточной части могильной ямы стояла керамическая чернолощеная корчага черного цвета. У головы погребенного располагалась керамическая большая миска со стенками покрытыми резным геометрическим орнаментом заполненным белой массой. На костяке обнаружены 7, аналогичных найденным в погребениях 1 и 2, бус – розеток из стеклянной пасты голубоватого цвета. На черепе лошади у «челки», найдена пастовая буса – пронизка в виде розетки. У рта лошади – совершенно проржавевшие

железные удила и разрушенные бронзовые пряжки для ремней в форме птичьего клюва.

Источники: Иессен, Пиотровский, 1940; Козенкова, 1996.

6. 4. Погребение 4 (подкурганное) (рис. 103 – 104).

Погребение разрушено и ограблено. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Судя по фрагментам человеческих (в восточной части могильной ямы) и лошадиных (в западной части ямы) костей, костяк погребенного располагался в скорченном положении на левом боку головой на юг в восточной части. В западной части могильной ямы, как и в погребении № 3, находился костяк лошади. В заполнении могильной ямы зафиксированы фрагменты керамики с геометрическим резным орнаментом, заполненным белой массой и железный трехгранный наконечник стрелы.

Инвентарь: В юго - восточной части могильной ямы находилась лощеная большая керамическая корчага черного цвета. Здесь же – фрагменты железного предмета и фрагмент миски с резным геометрическим орнаментом. Здесь же найдены фрагменты небольшой керамической чашки с резным геометрическим орнаментом, заполненным белой массой.

Источники: Иессен, Пиотровский, 1940; Козенкова, 1996.

Находки вне комплексов (рис. 105).

В 30 – 40 гг. 20 века с территории Моздокского могильника, преимущественно в собрание Государственного Эрмитажа, поступил ряд предметов. Часть этих находок приводится на рис. 105. Это – керамические кувшинчики с высоким горлом и массивной ручкой, украшенные резным и вдавленным геометрическим орнаментом, вертикальными каннелюрами (рис. 105, 3 – 6). В некоторых случаях (рис. 105, 6), резной геометрический орнамент на этих сосудах заполнен белой массой. Керамическая курильница с полой ножкой и внутренней перегородкой. Фрагмент керамического сосуда, украшенного

изображением головы оленя с ветвистыми рогами, и два бронзовых предмета – фибула, дужка которой украшена нарезками и браслет с несомкнутыми заостренными концами (рис. 105, 1 – 2).

Источники: Иессен, Пиотровский, 1940; Козенкова, 1996.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Эльхотовский могильник

Материалы раскопок 1996 – 2005 гг.

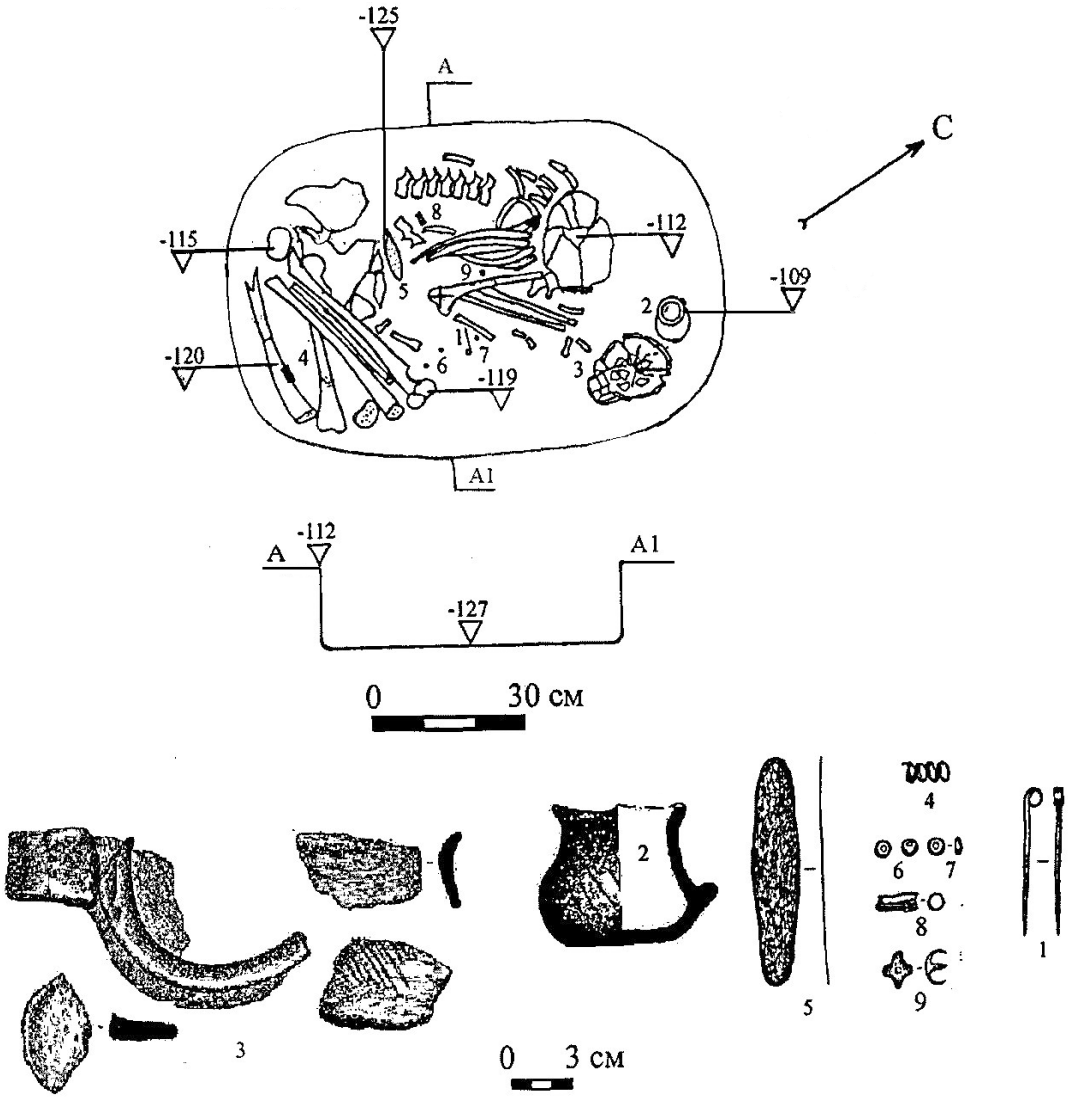

Рис. 1. Погребение 15.

1 – Булавка; 2 – сосуд; 3 – развал сосуда; 4 – пронизь; 5 – нож (скальпель?); 6 – 7 – бусы; 8 – трубочка; 9 – крестовидная пуговица (1, 4 – 5, 8 – 9 – бронза, 2 – 3 – керамика, 6 – 7 – стекло).

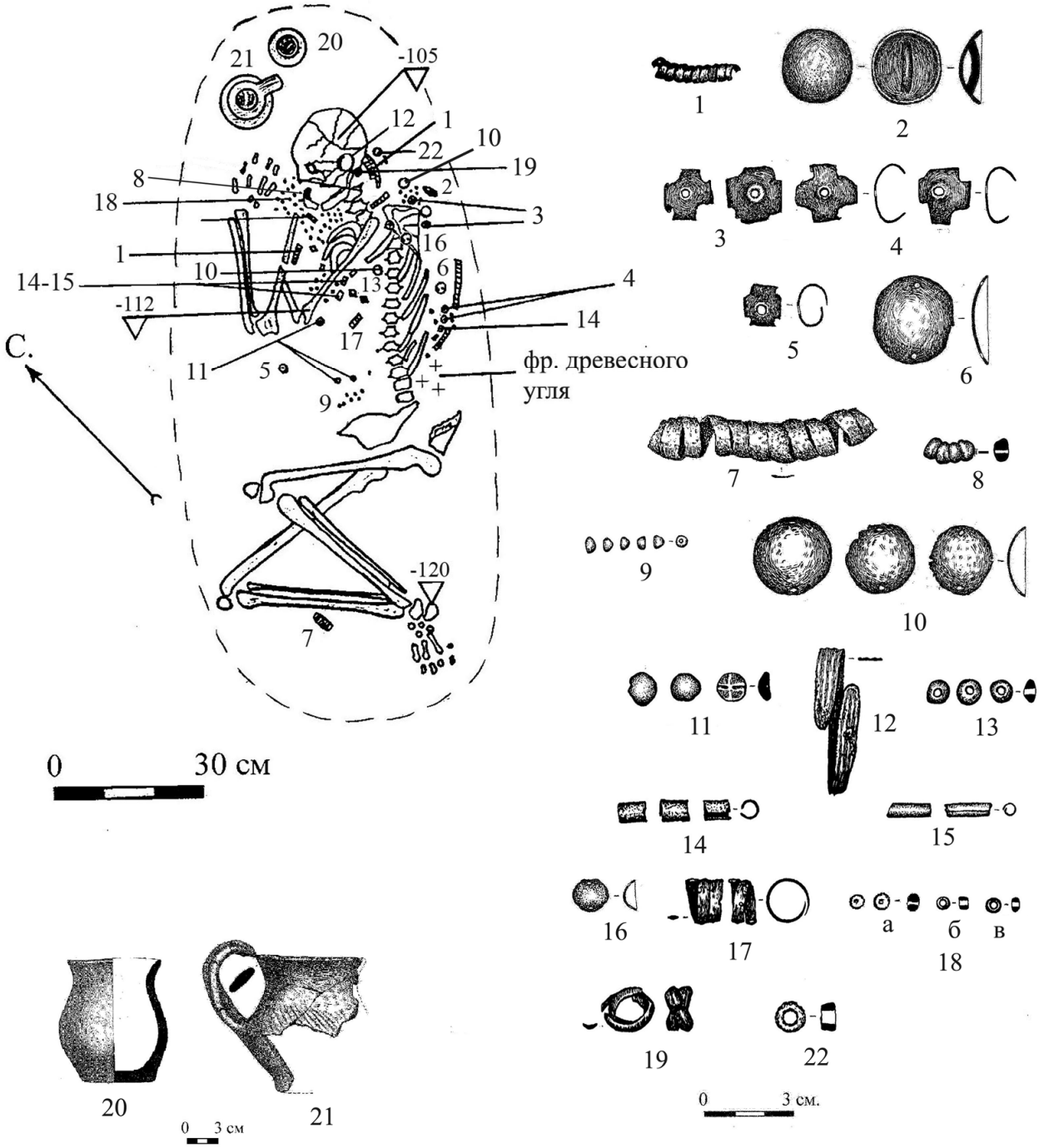

Рис. 2. Погребение 20.

1 – витая спираль; 2 – бляшка; 3, 11 – пуговицы; 6, 10, 16 – нашивные бляшки; 7, 17 – накосники; 8, 13 – 14 – бусы; 9, 18 – бисер; 12 – височная привеска; 15 – трубочки; 19 – привески; 20 – 21 – сосуды; 22 – кольцо (1 – 7, 10 – 12, 14 – 17, 19 – бронза; 8 – 9, 11, 13 – сурьма; 18 – стекло, 20 – 21 – керамика, 22 – железо).

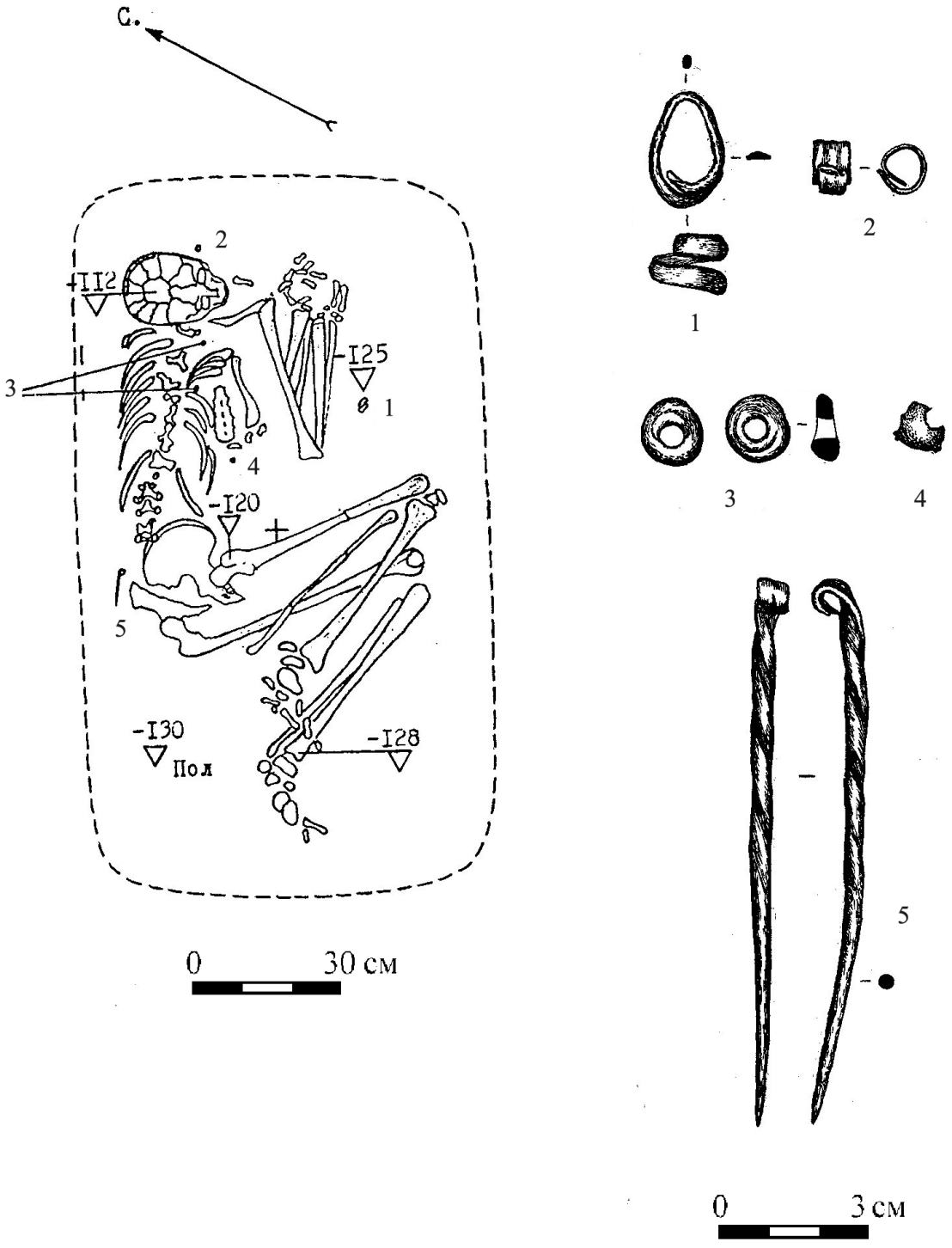

Рис. 3. Погребение 22.

1 – овальная привеска; 2 – 3 – бусы; 4 – фрагментированная полусферическая бляшка; 5 – булавка (1 – 2, 4 – 5 – бронза, 3 – сурьма).

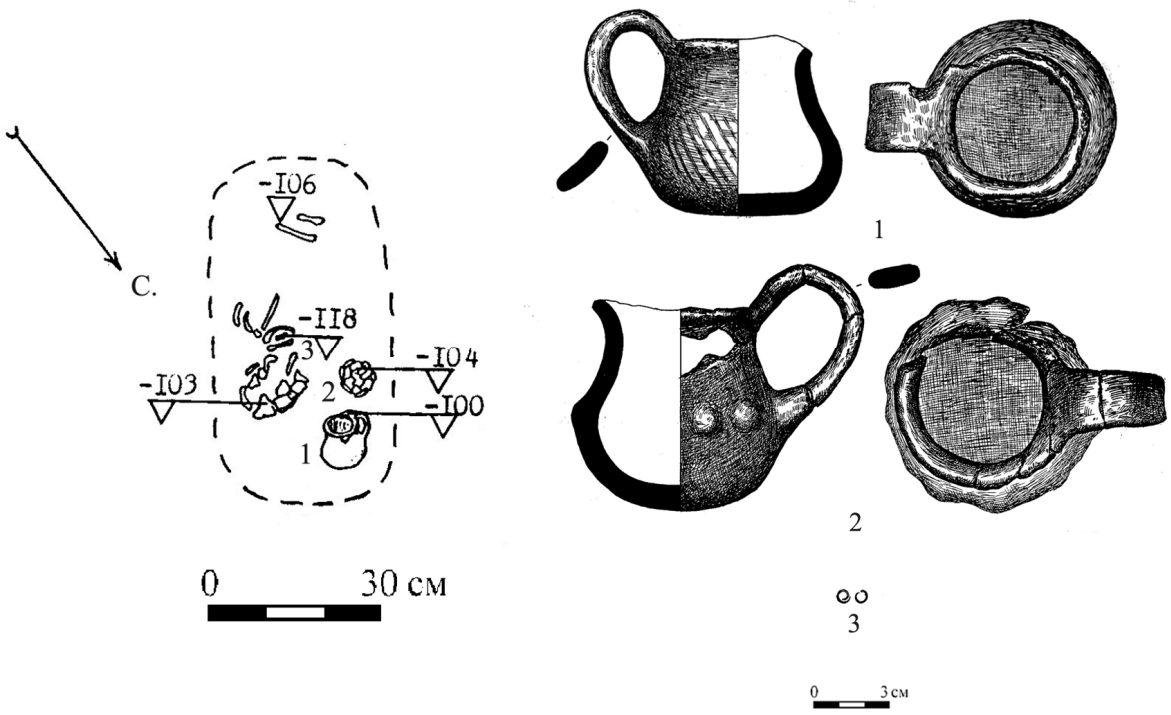

Рис. 4. Погребение 23.

1 – 2 – сосуды; 3 – фрагмент спирали (1 – 2 – керамика, 3 – бронза).

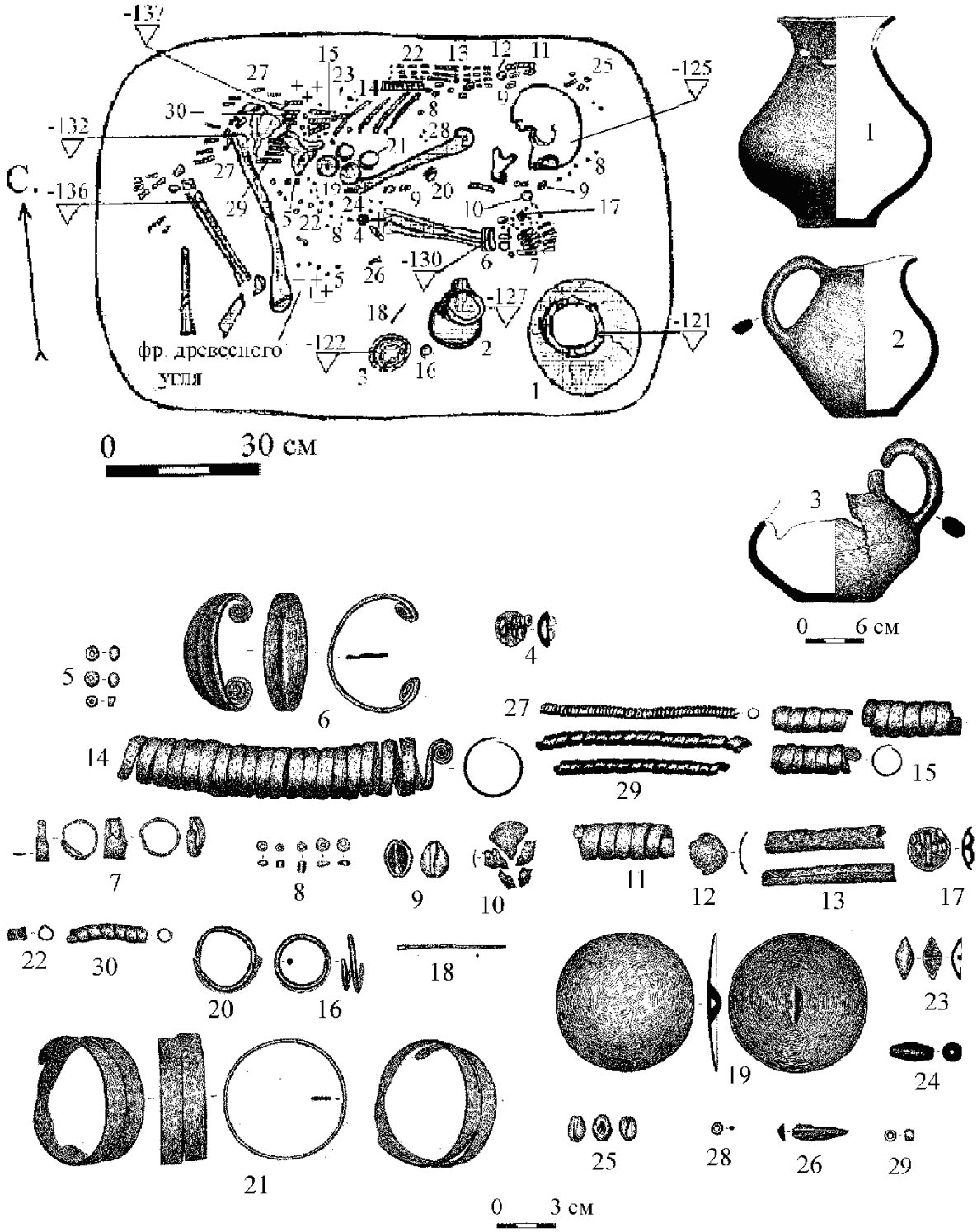

Рис. 5. Погребение 25. 1 – 3 – сосуды; 4, 17, 23 – пуговицы; 5, 8 – бисер, 22, 24, 28 – 29 – бусы; 6 – браслеты; 7 – перстни; 9 – 25 – раковины каури; 10, 12 – нашивные бляшки; 11, 14 – 15 – накосники; 13 – трубочки; 16, 20 – 21 – привески; 18 – игла; 19 – бляхи с петлей; 26 – кремневый отщеп; 27, 29 – 30 –

спирали (1 – 3 – керамика; 4, 6 – 7, 10 – 23, 29 – 30 – бронза; 5, 8 – стекло; 24 – гагат; 5, 29 – сердолик; 9 – 25 – раковины каури; 28 – сурьма).

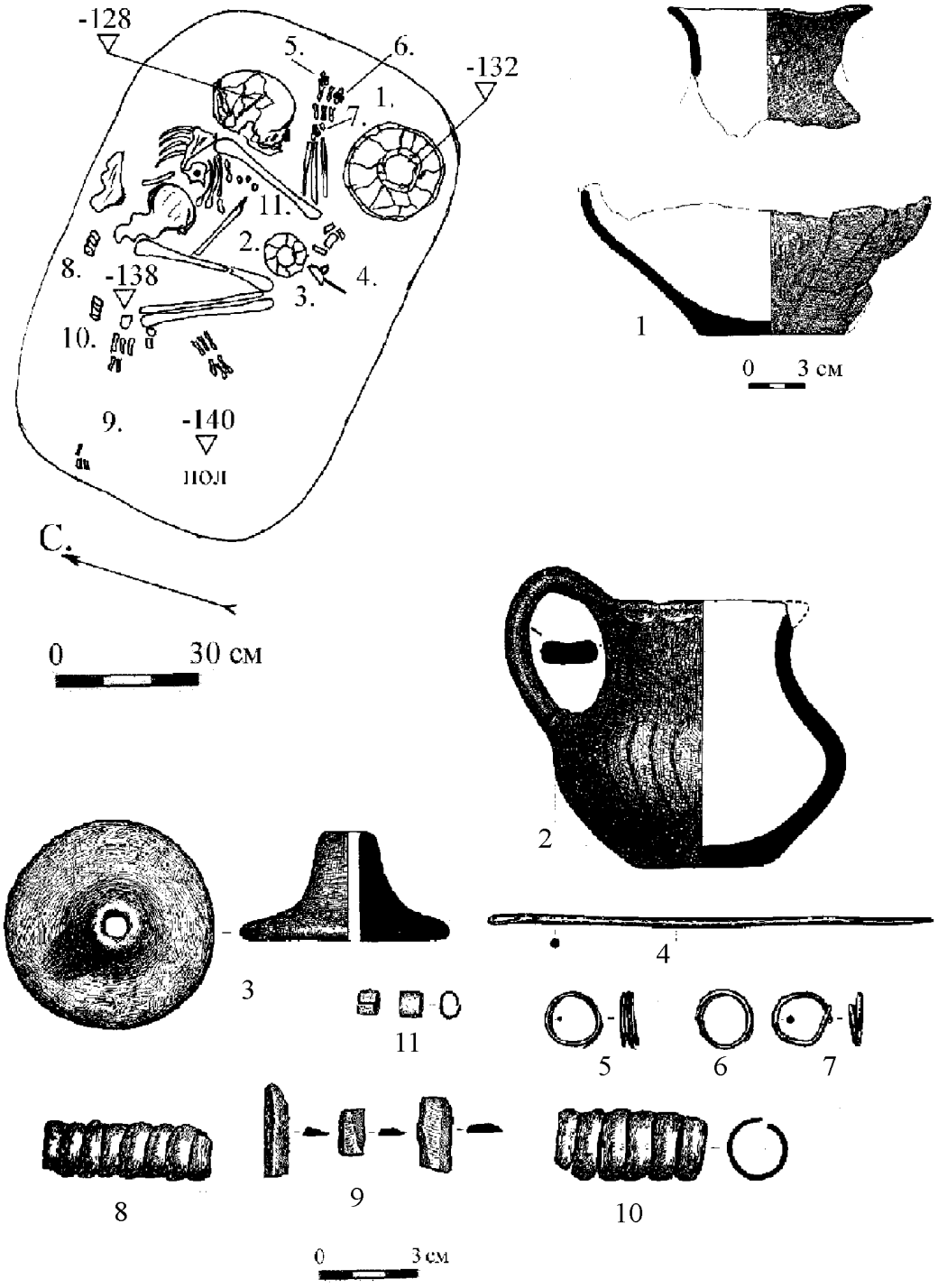

Рис. 6. Погребение 29. 1 – 2 – сосуды; 3 – пряслице; 4 – игла; 5 – 7 – перстни; 8, 10 – накосники; 9 – кремневые вкладыши в серп; 11 – бусы (1 – 3 – керамика; 4 – 8, 10 – 11; 9 – кремень).

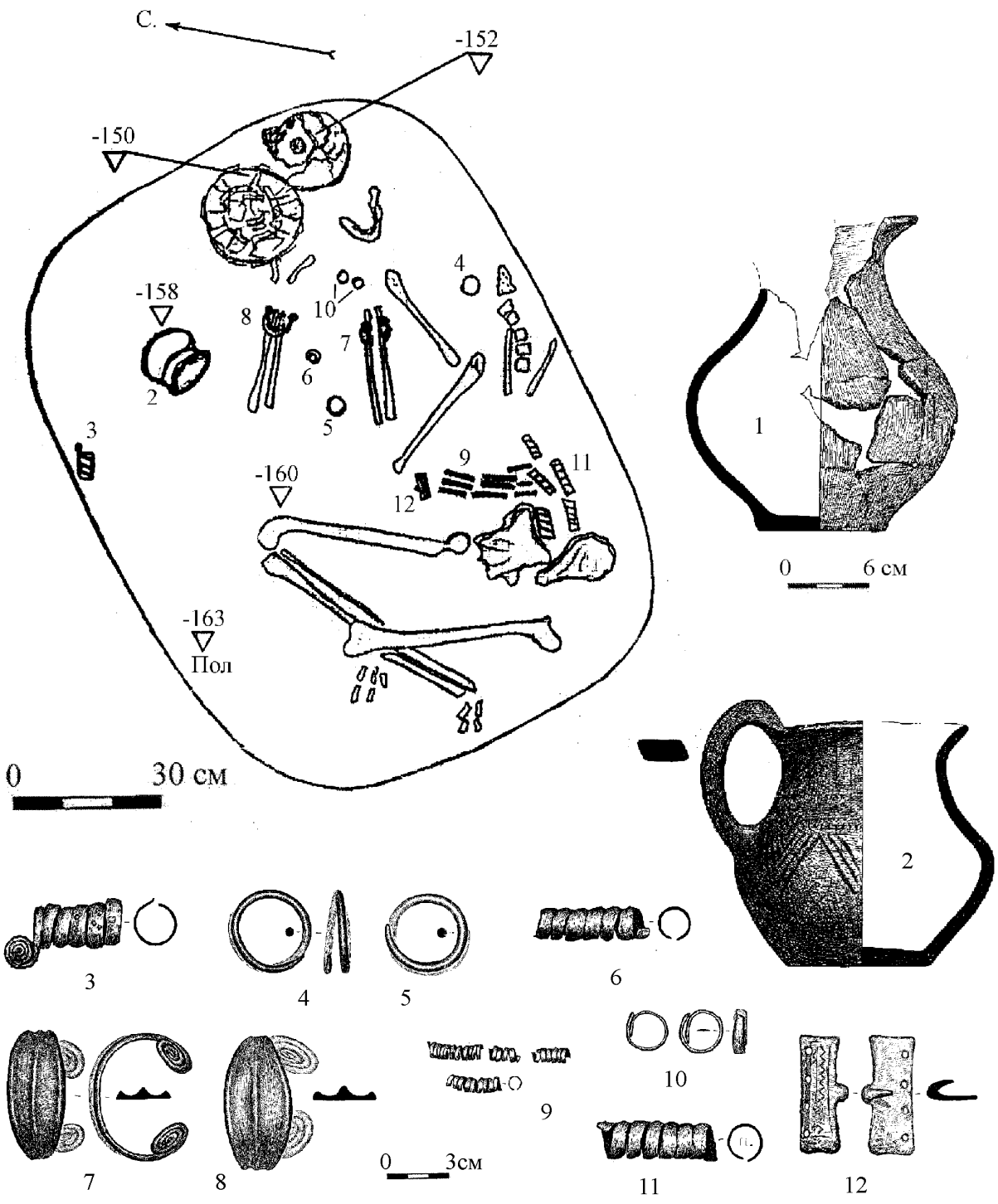

Рис. 7. Погребение 30.

1 – 2 – сосуды; 3, 6, 11 – накосники; 4 – 5 – кольца; 7 – 8 – браслеты; 9 – спирали; 10 – перстни; 12 – пряжка (1 – 2- керамика; 3 – 12 – бронза).

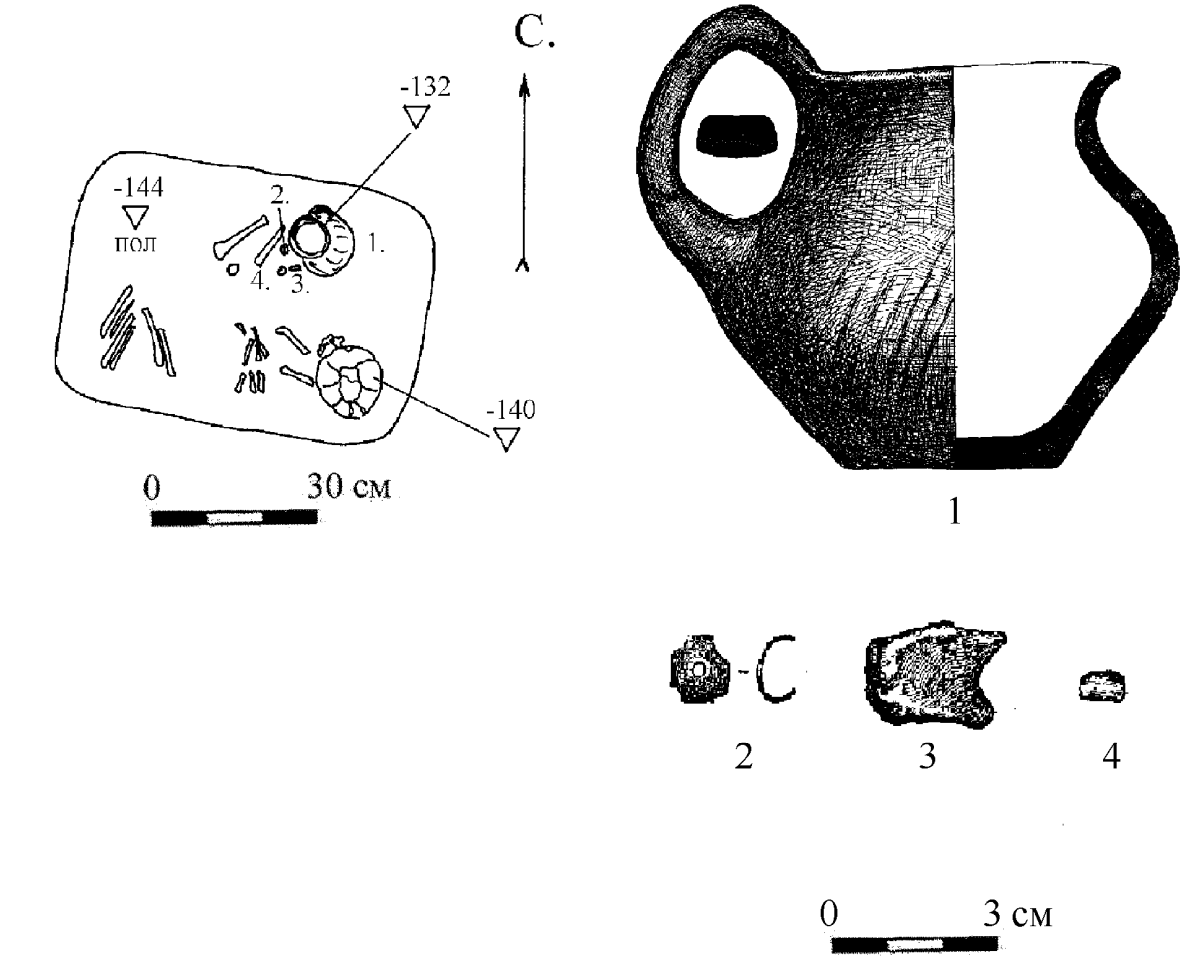

Рис. 8. Погребение 31.

1 – сосуд; 2 – пуговица; 3 – бараний астрагал; 4 – трубочка (1 – керамика; 3, 4 – бронза; 3 – кость).

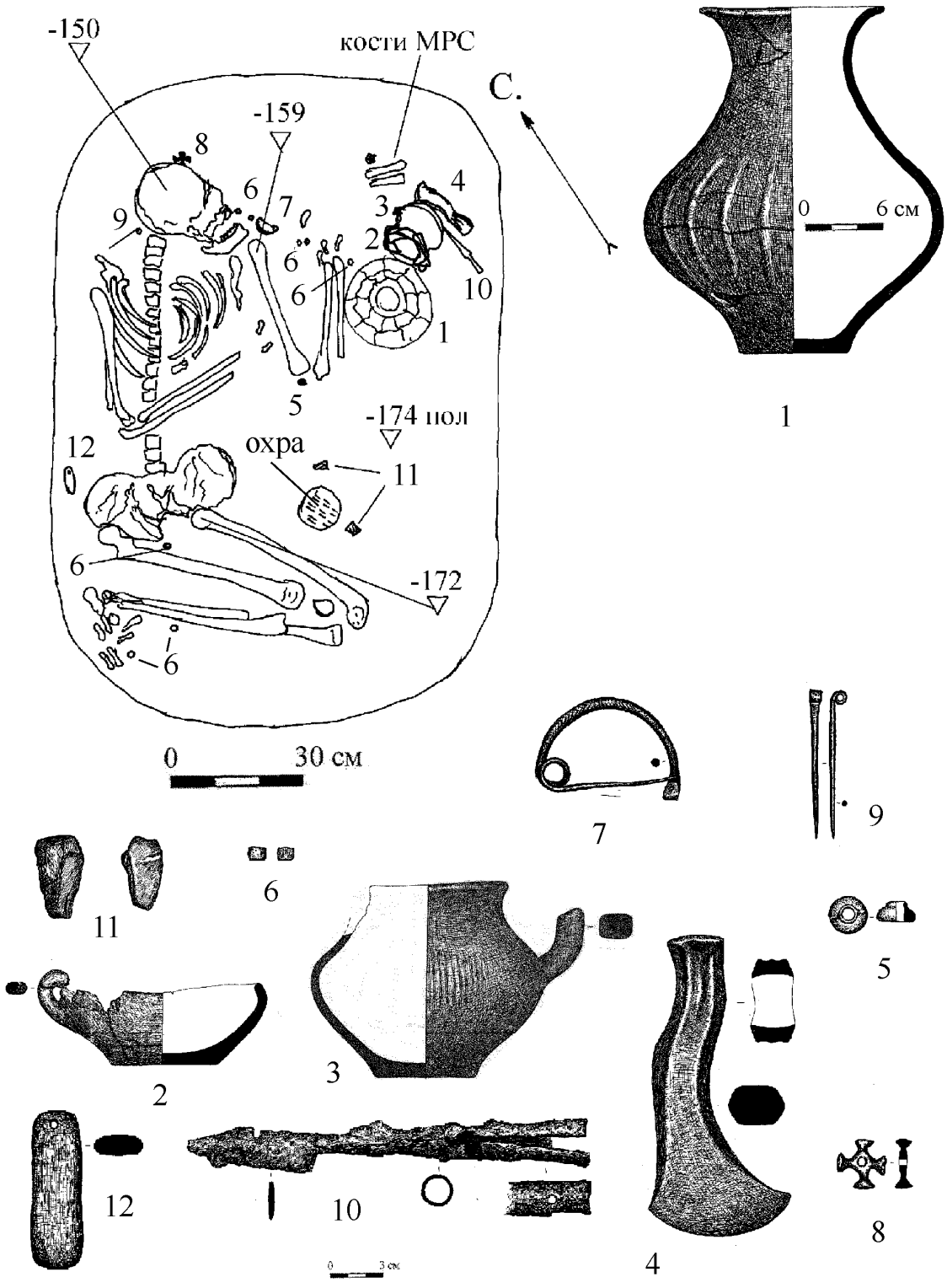

Рис. 9. Погребение 32. 1 – 3 – сосуды; 4 – топор; 5 – ворворка; 6 – бусы; 7 – фибула; 8 – привеска; 9 – булавка; 10 – наконечник копья; 11 – кремневые отщепы; 12 – оселок (1 – 3 – керамика; 4 – 9 – бронза; 10 – железо; 11 – 12 – камень).

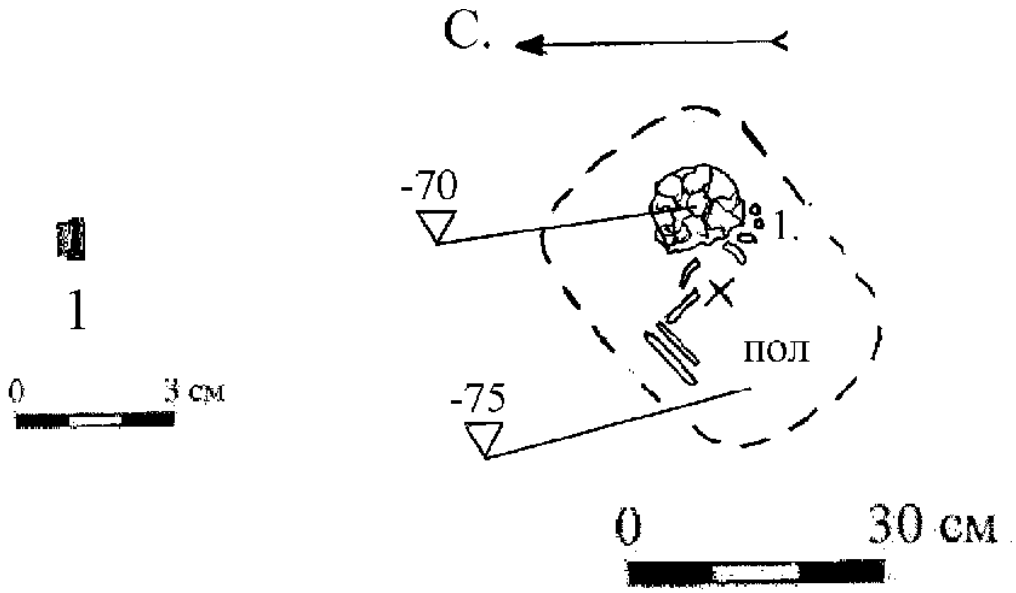

Рис. 10. Погребение 33. 1 – бусы – скобочки (бронза).

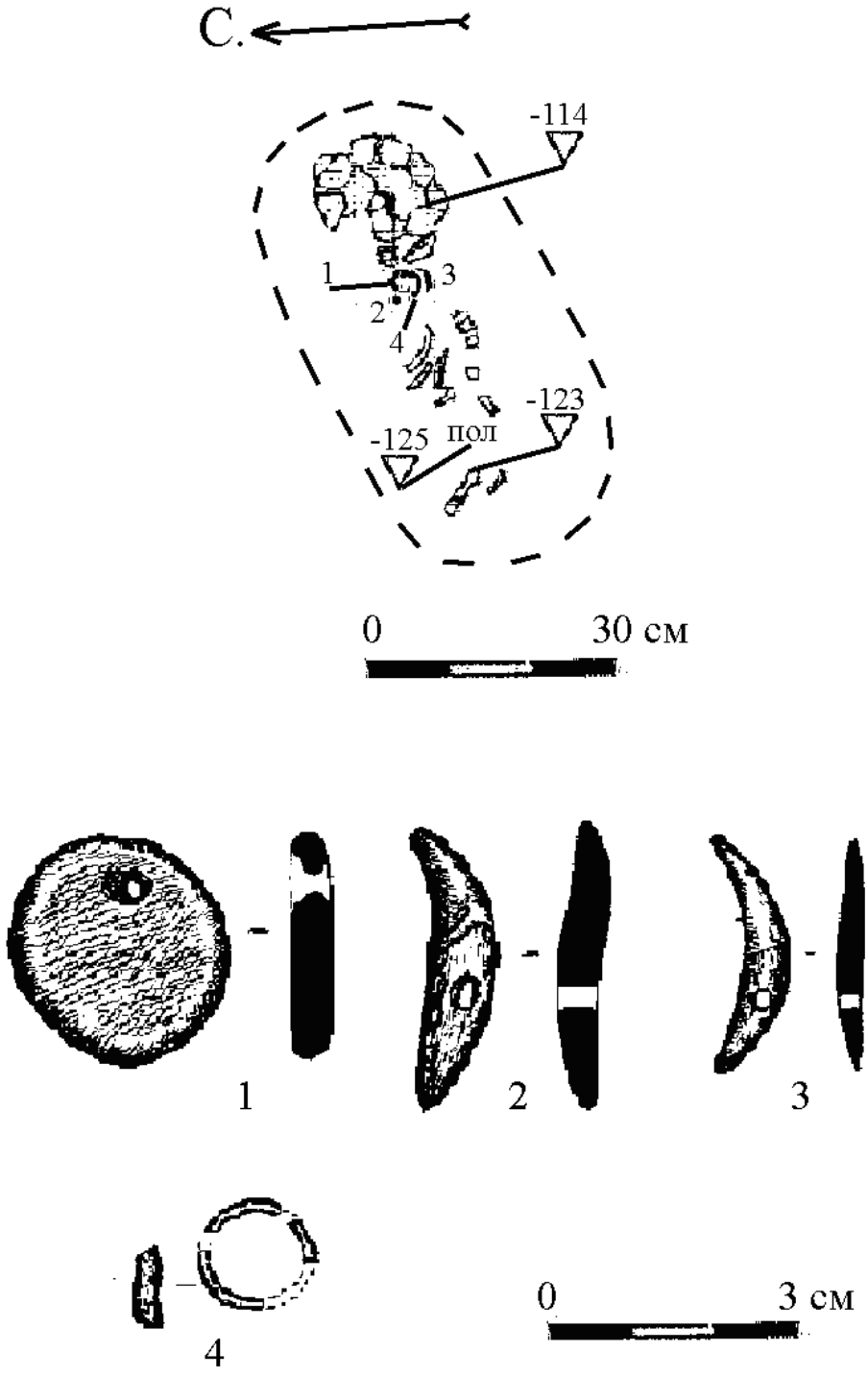

Рис. 11. Погребение 34.

1 – камушек (галька) с отверстием; 2 – 3 – клыки собаки или лисы с отверстием; 4 – бронзовое колечко.

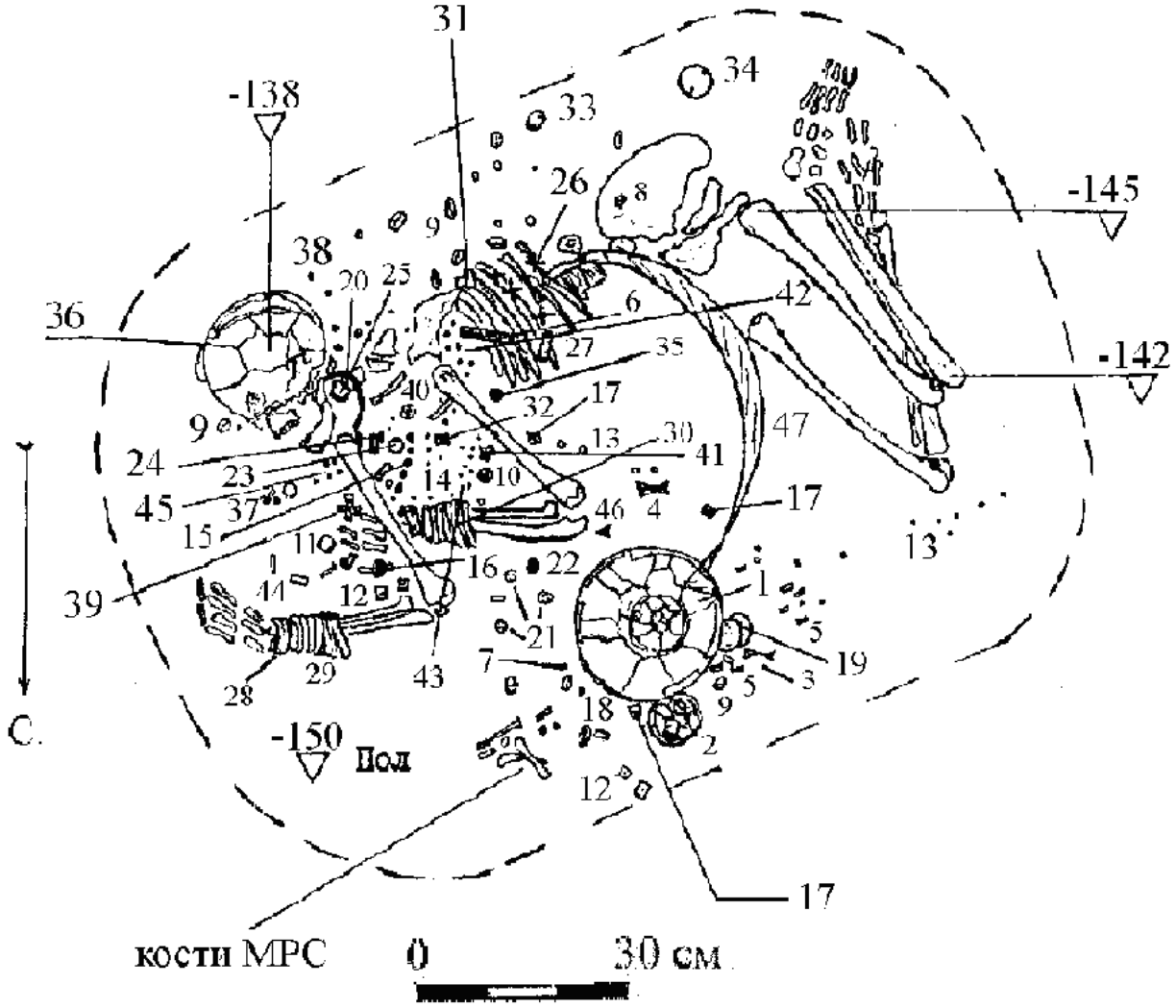

Рис. 12 а. Погребение 36.

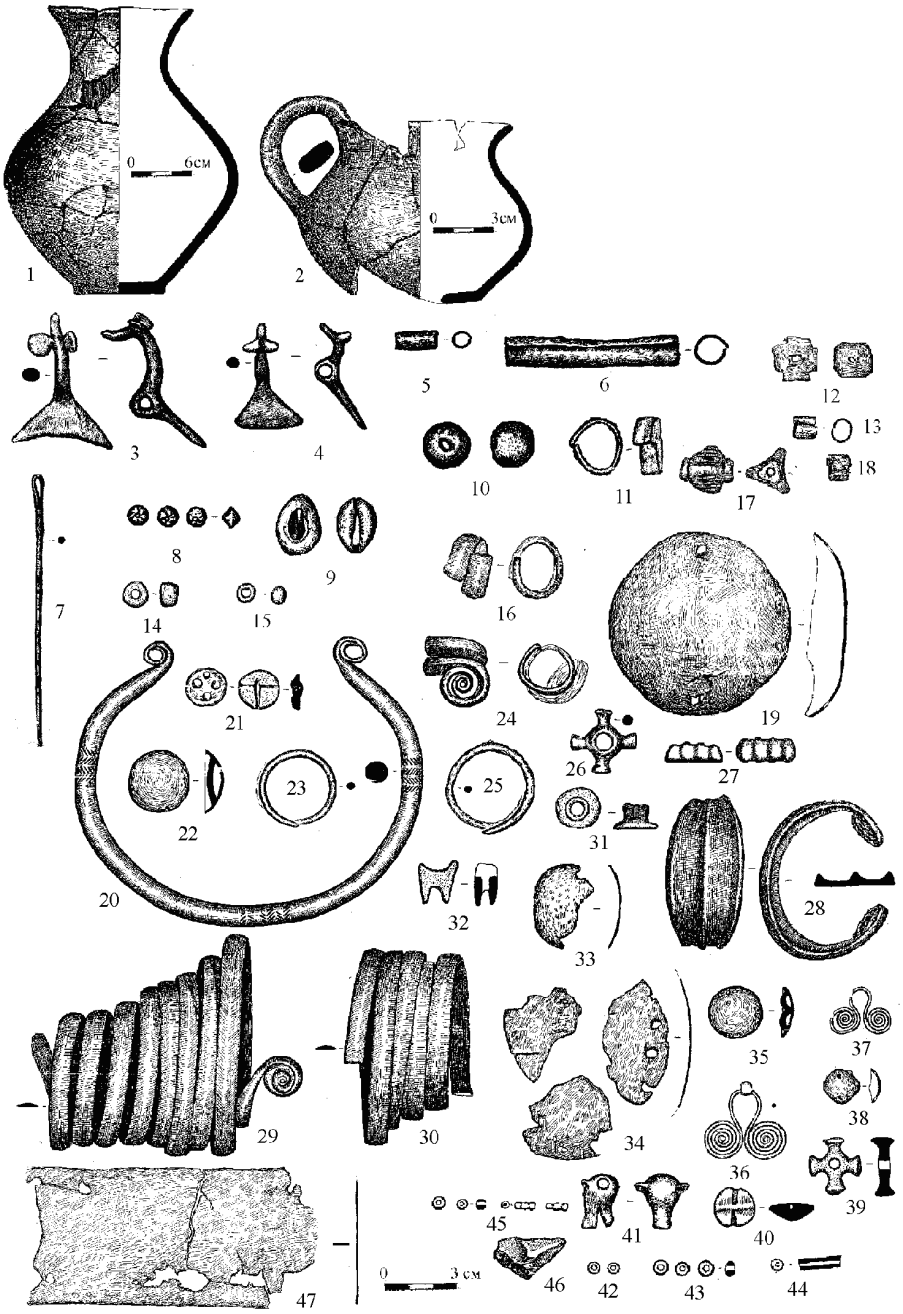

Рис. 12 б. Инвентарь погребения 36.

Инвентарь погребения 36. 1 – 2 – сосуды; 3 – 4 – птицевидные привески; 5 – 6 – трубочки; 7 – игла; 8, 10, 13, 14 – 15, 17, 21, 43 – 44 – бусы; 42, 45 – бисер; 9 – раковины каури; 11, 16, 24 – перстни; 12, 16, 24, 12, 22, 35, 40 – пуговицы; 18 – кольцо; 19 – нашивные бляхи; 20 – гривна; 23, 25 – привески в 1,5 оборота; 26, 39 – крестовидные привески; 27 – застежка; 28 – браслеты; 29 – 30 – налокотники; 31 – ворворка; 32 – привеска; 33, 38 – нашивные

бляшки; 34 – нашивная бляха; 36 – 37 очковидные привески; 41 – зооморфная привеска; 46 – кремневый отщеп; 47 – пояс (1 – 2 – керамика; 3 – 7, 11 – 13, 15 – 16, 19 – 20, 22 – 26, 28 – 39, 41, 47 – бронза; 8, 10, 17, 27, 42, 44 – 45 – стекло; 9 – ракушка; 14 – сердолик; 18 – железо; 21, 40, 43 – сурьма; 46 – кремень).

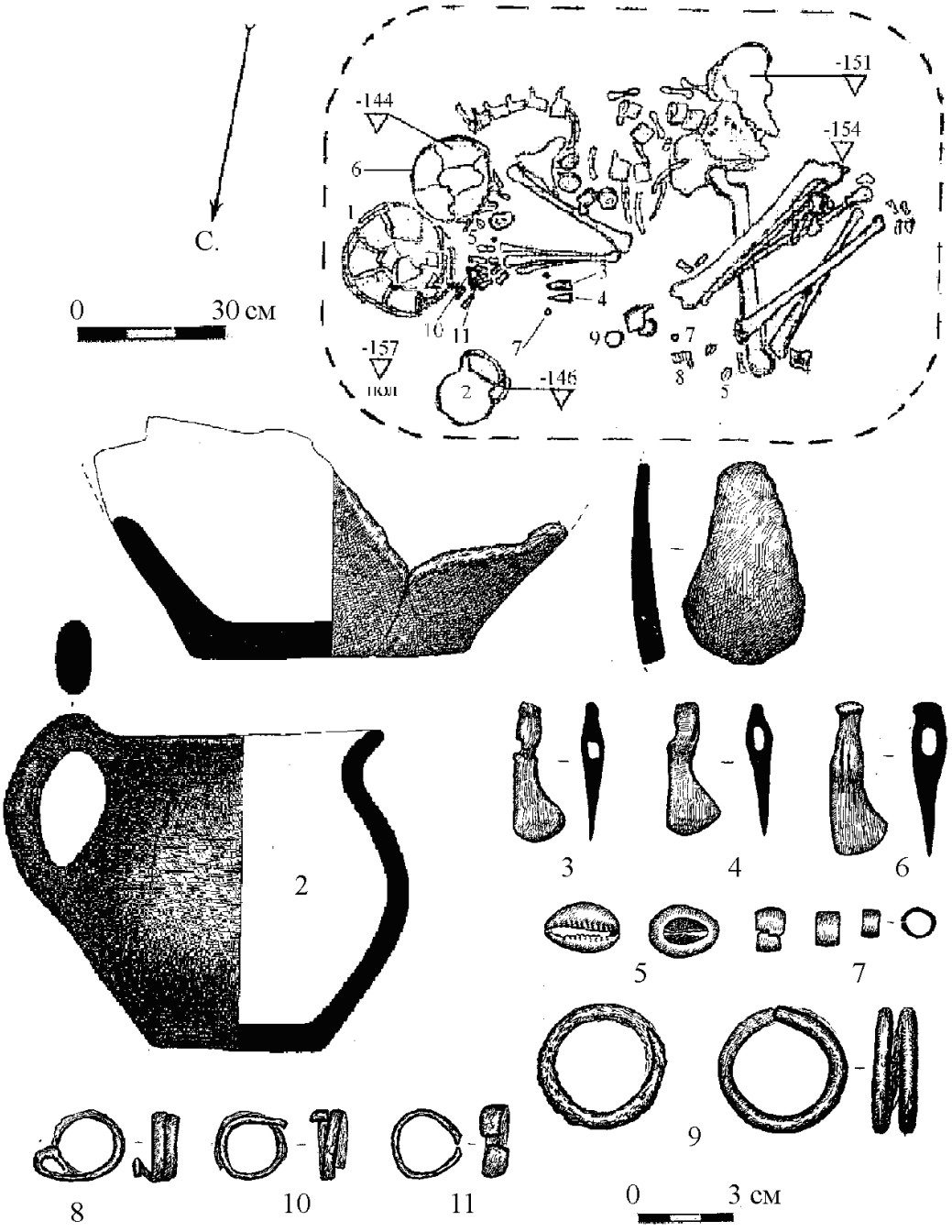

Рис. 13. Погребение 37.

1 – 2 – сосуды; 3 – 4, 6, привески – топорики; 5 – раковины каури; 7 – бусы; 8 – накосник ?; кольца – привески в 1, 5 оборота; 10 – 11 – перстни (1 – 2 – керамика; 3 – 11 – бронза).

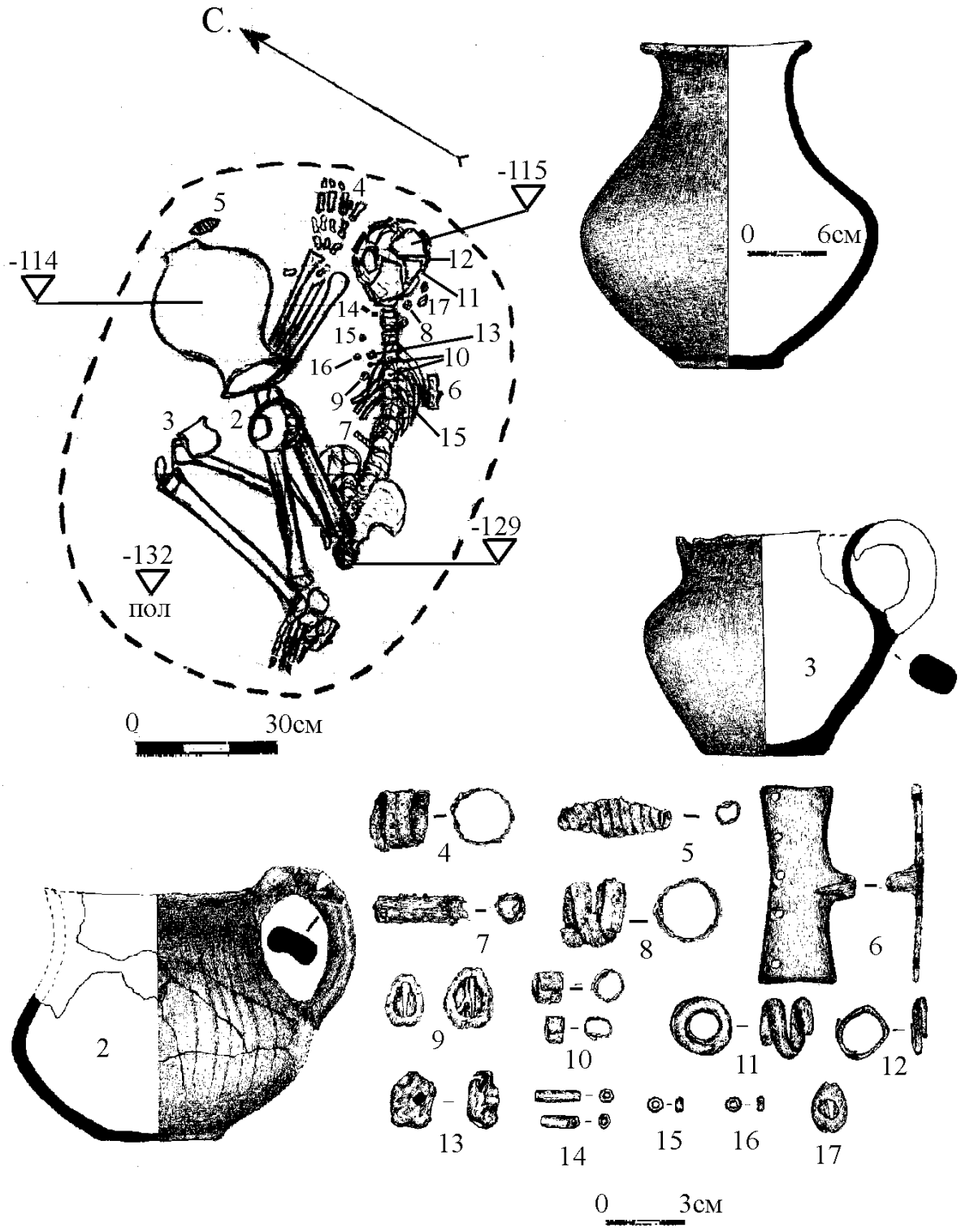

Рис. 14. Погребение 38. 1 – 3 – сосуды; 4 – перстень; 5 – пронизь; 6 – пряжка; 7 – трубочка; 8 – кольцо; 9, 17 – раковины каури; 10, 14 – 16 – бусы; 11 – 12 – привески; 13 – пуговица (1 – 3 – керамика; 4 – 13 – бронза; 9 – 17 – ракушка; 14 – 16 – стекло).

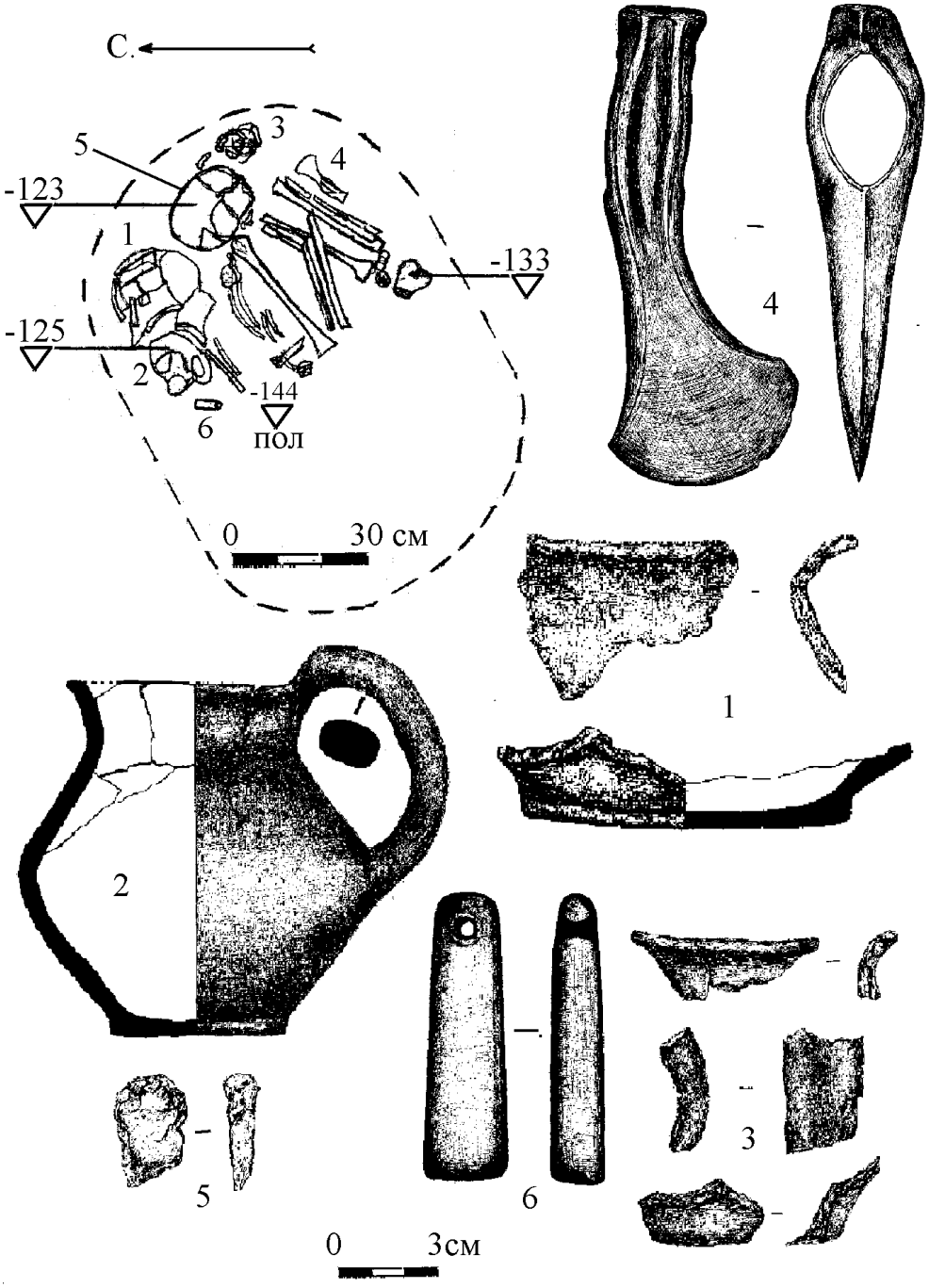

Рис. 15. Погребение 39.

1 – 3 – сосуды; 4 – топор; 5 – отщеп кремня; 6 – оселок (1 – 3 – керамика; 4 – бронза; 5 – 6 – камень).

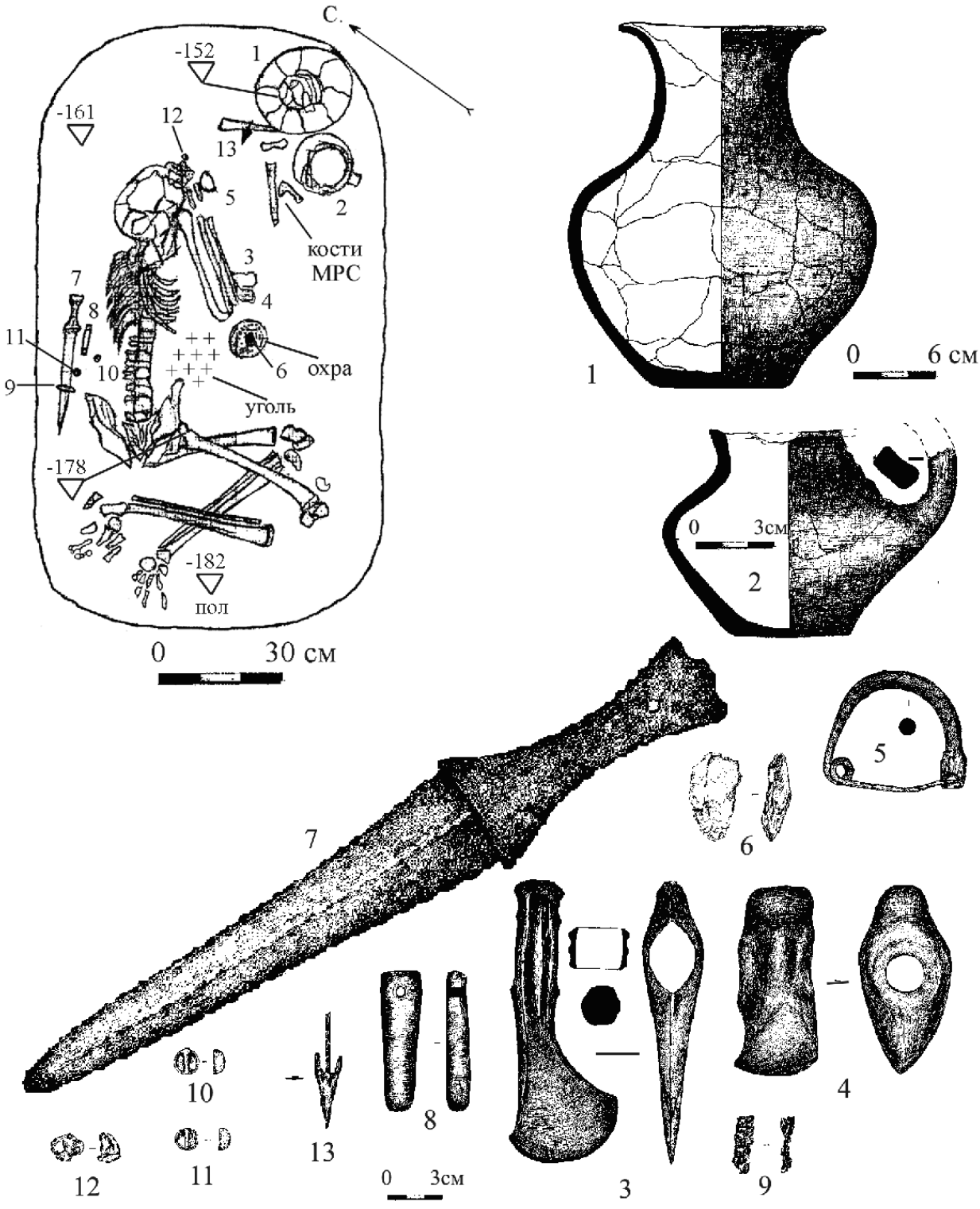

Рис. 16. Погребение 41.

1 – 2 – сосуды; 3 – 4 – топоры; 5 – фибула; 6 – кремень; 7 – кинжал; 8 – оселок; 9 – фрагменты ножа; 10 – 12 – пуговицы; 13 – наконечник стрелы (1 – керамика; 3, 5, 7, 10 – 13 – бронза; 4, 6 – камень; 9 – железо).

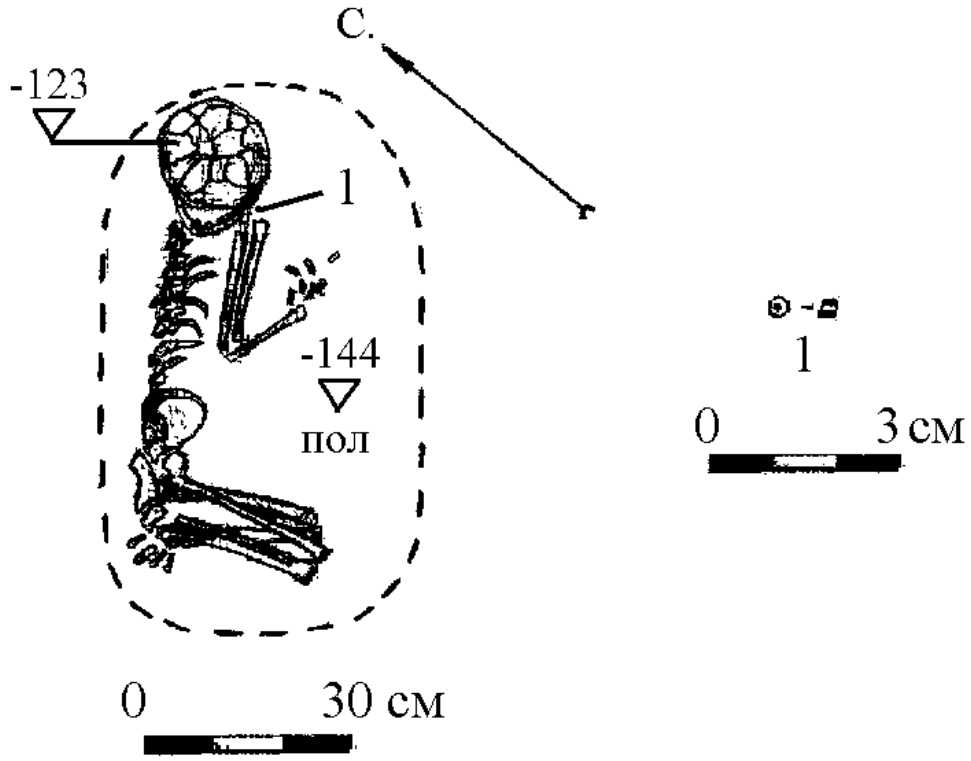

Рис. 17. Погребение 44.

1 – буса (стекло).

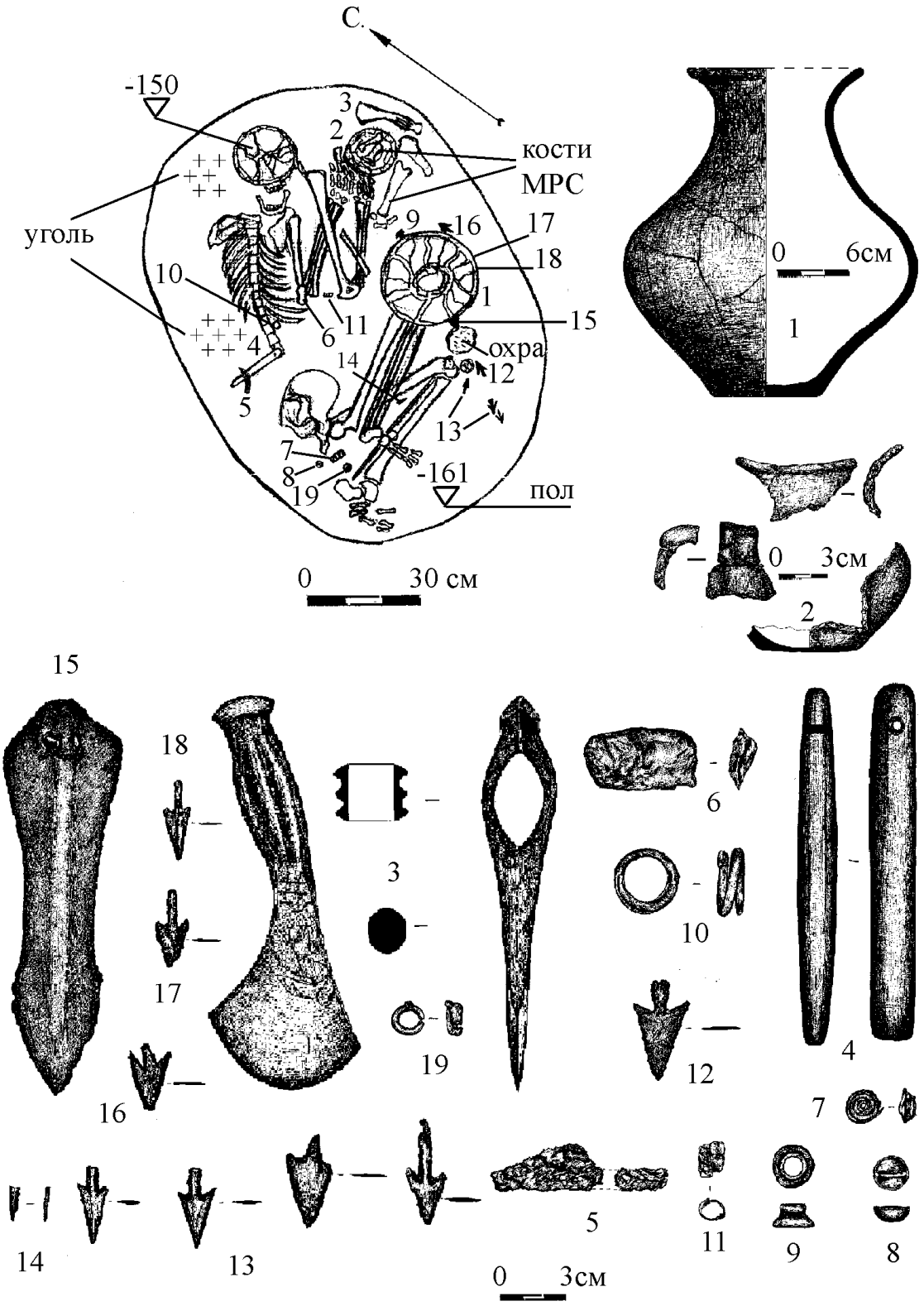

Рис. 18. Погребение 45. 1 – 2 – сосуды; 3 – топор; 4 – оселок; 5 – фр. ножа; 6 – кремень; 7 – волютка; 8 – пуговица; 9 – ворворка; 10, 19 – кольца; 11 – спираль; 12 – 13, 16 – 18 – наконечники стрел; 14 – фр. железного пред-

мета (наконечник стрелы?); 15 – клинок кинжала (1 – 2 – керамика; 3, 7 – 13, 15 – 19 – бронза; 4, 6 – камень; 5, 14 – железо).

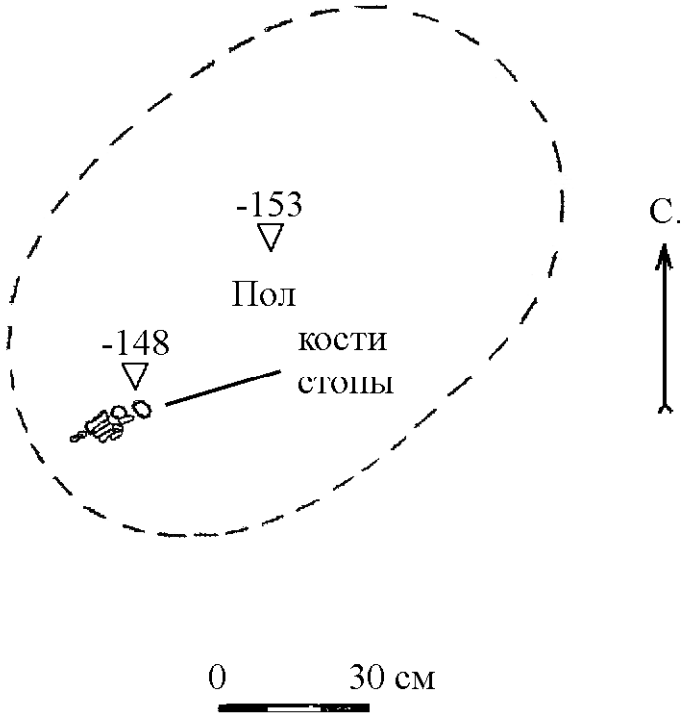

Рис. 19. Погребение 47.

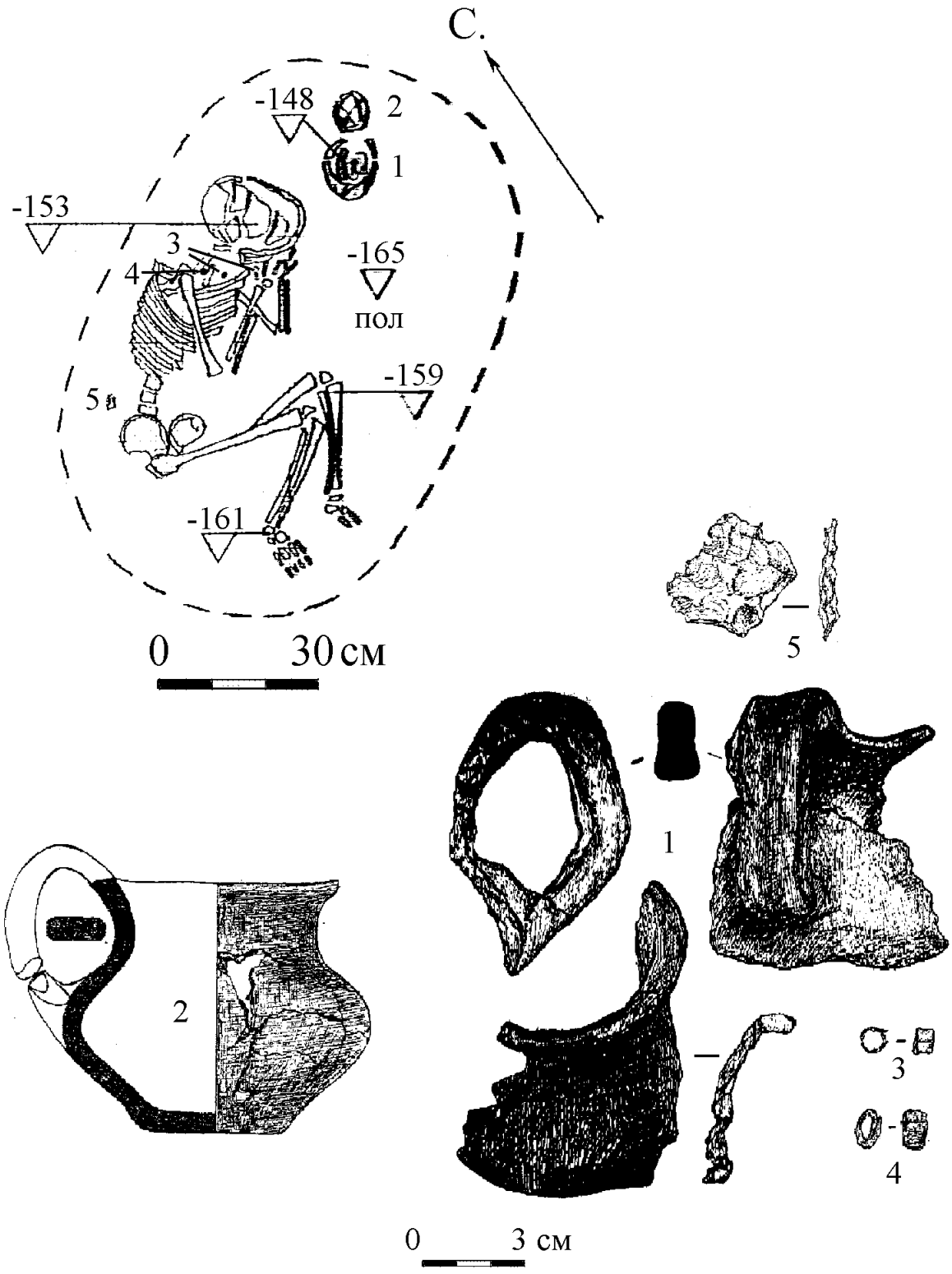

Рис. 20. Погребение 48.

1 – 2 сосуды; 3 – 4 – бусы; 5 – кремень (1 – 2 – керамика; 3 – 4 – бронза; 5 – камень).

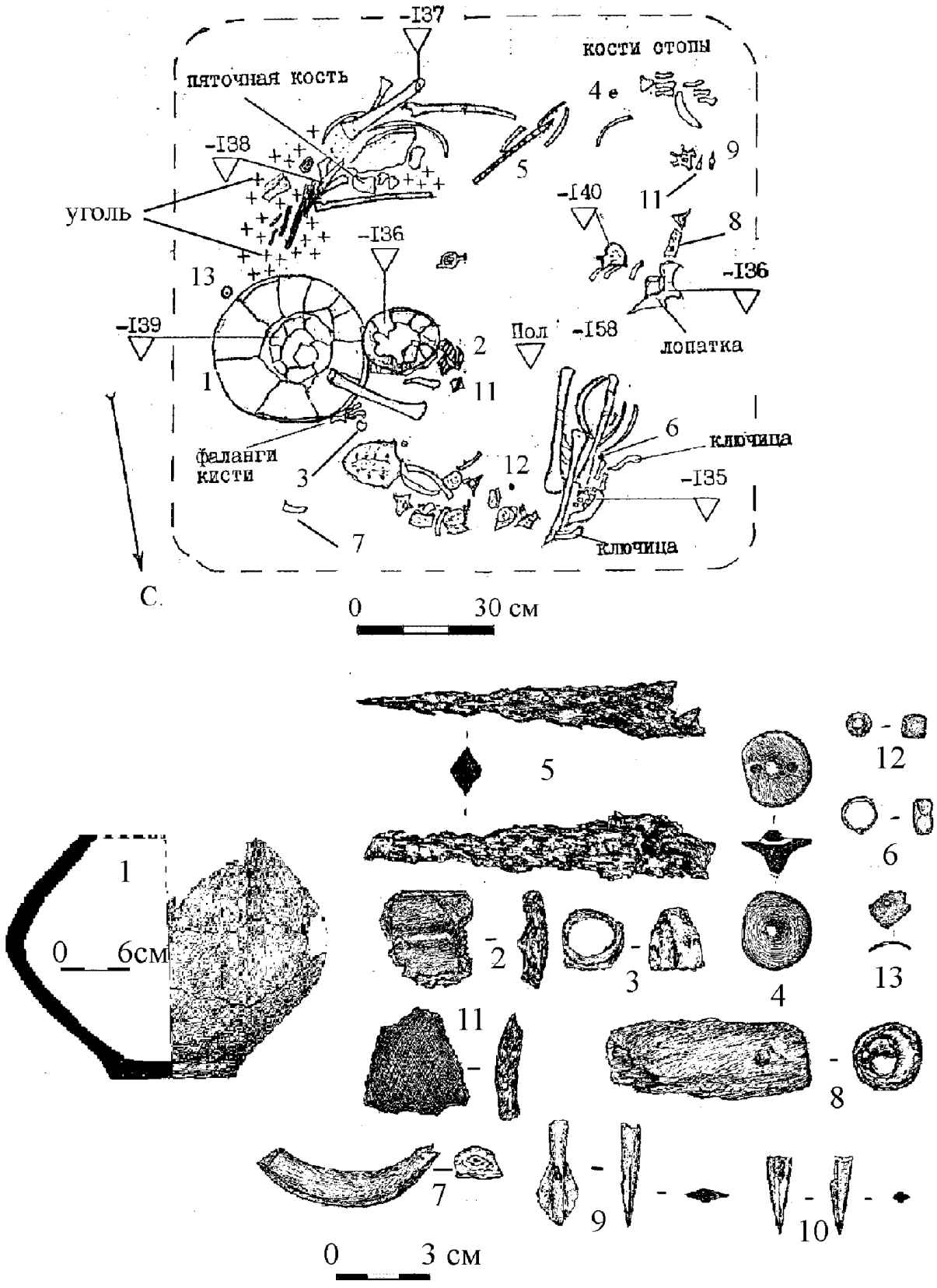

Рис. 21. Погребение 49. 1 – 2, 11 – фрагменты сосудов; 3 – перстень; 4 – пуговица; 5 – наконечник копья; 6 – колечко; 7 – зуб КРС; 8 – втулка; 9 – 10 –

наконечники стрел; 12 – буса; 13 – фр. нашивной бляшки (1 – 2, 11, - керамика; 3, 6, 9, 12 – 13 – бронза; 4 – сурьма; 5 – железо; 7 – 8, 10 – кость).

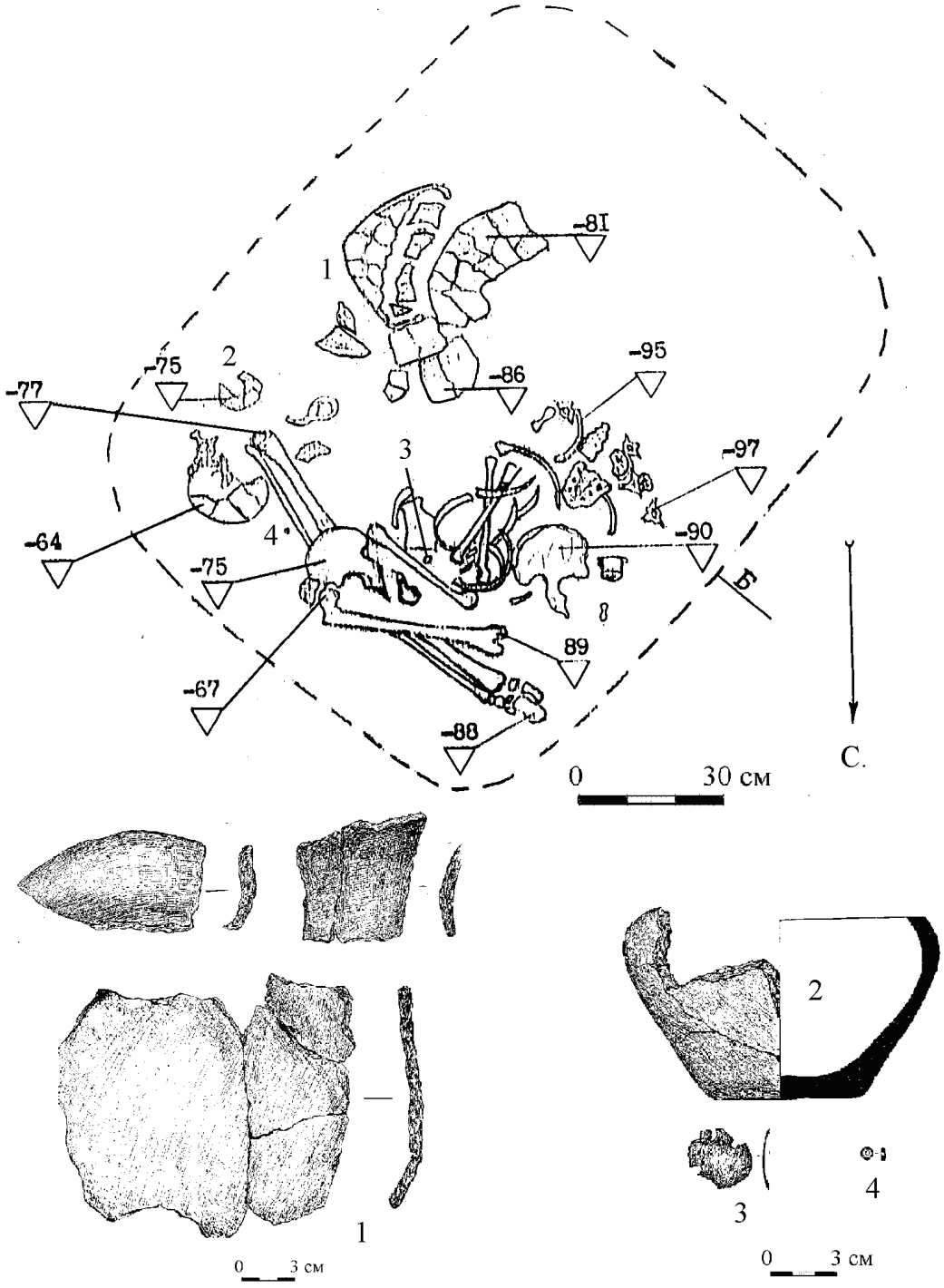

Рис. 22. Погребение 50. 1 – сосуды; 3 – нашивная бляшка; 4 – буса (1 – керамика; 3 – бронза; 4 – стекло).

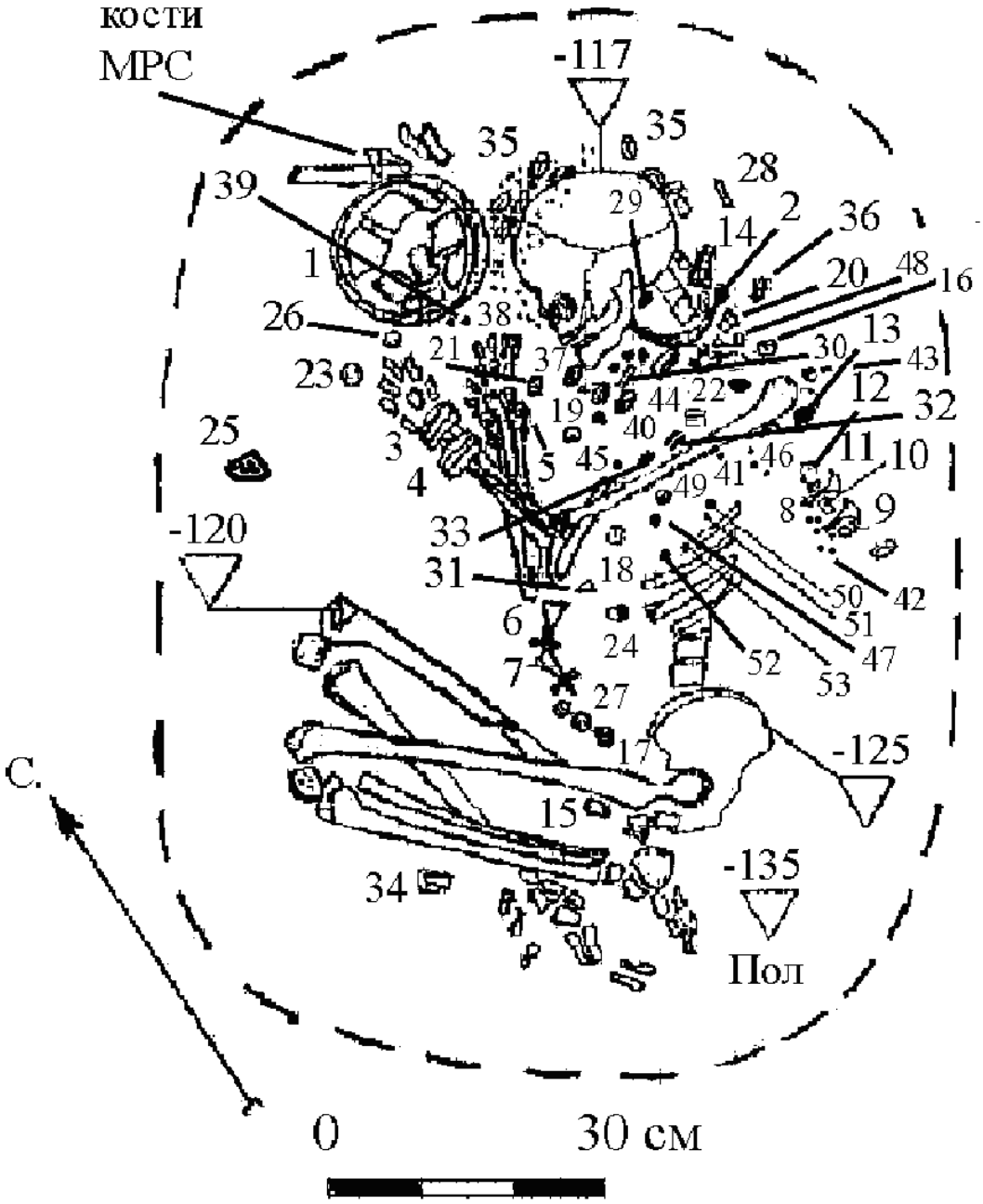

Рис. 23 а. Погребение 51. 1 – фрагмент сосуда; 2 – гривна; 3 – 5 – браслеты; 6 – 9, 14 – привески; 10 – трубочка; 11, 20, 22, 38 – 48, 46 – 48, 50 – 53 – бусы; 12 – 13, 15 – 21 – пуговицы; 23 – нашивная бляшка; 24 – привеска или пуговица в виде ведерка; 25 – пемза; 26 – 27, 29 – нашивные бляшки; 28, 30, 32 – трубочки; 31 – кремень; 33 – привеска; 34 – фрагмент сосуда; 35 – 37 – раковины каури; 38 – бисер; 49 – пуговица или бляшка (1, 34 – керамика; 20, 22 – камень [гагат]; остальное – бронза).

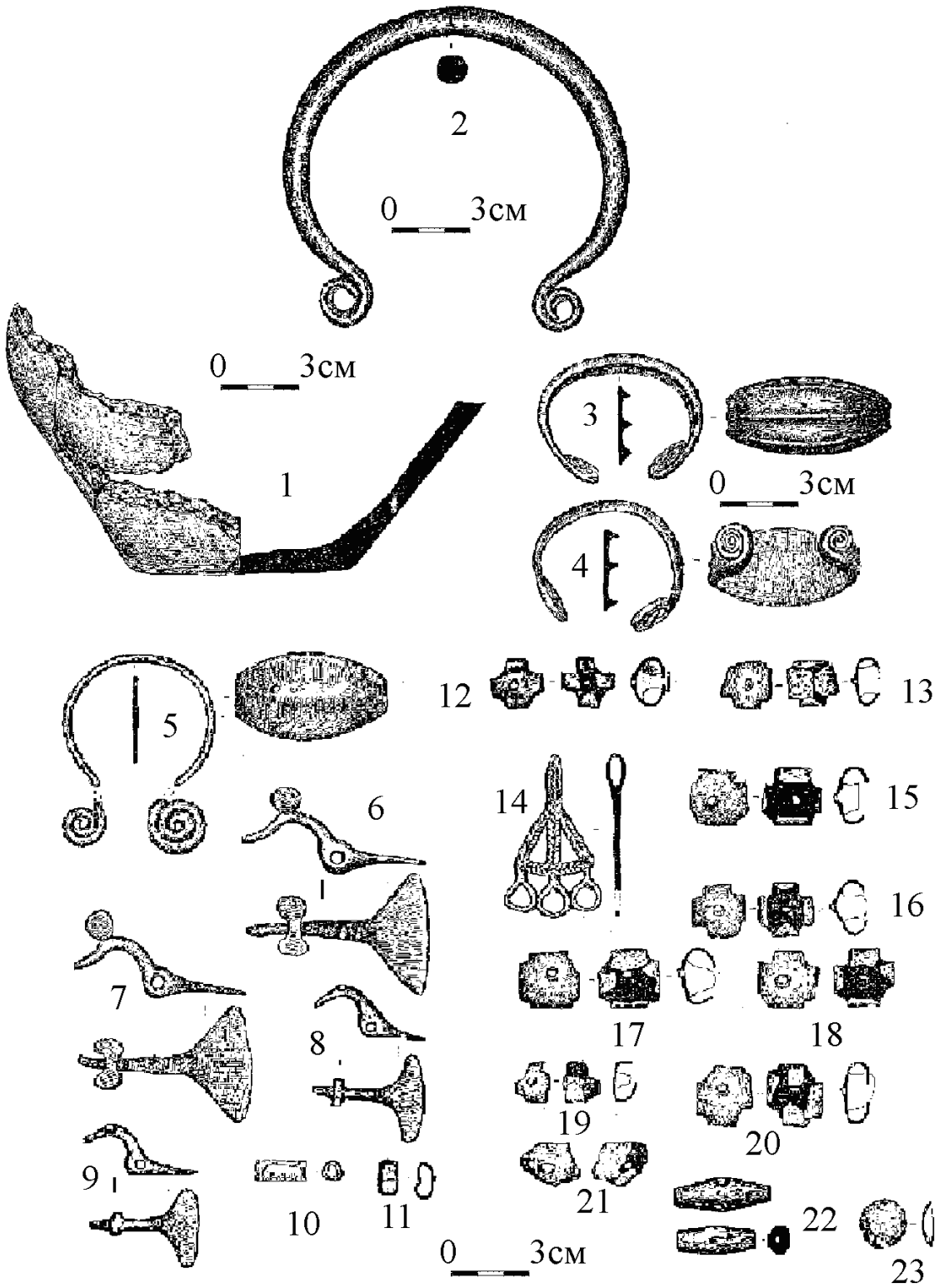

Рис. 23 б. Инвентарь погребения 51. 1 – фрагмент сосуда; 2 – гривна; 3 – 5 – браслеты; 6 – 9, 14 – привески; 10 – трубочка; 11, 20, 22 – бусы; 12 – 13, 15 – 21 – пуговицы; 23 – нашивная бляшка (1 – керамика; 20, 22 – камень [гагат]; остальное – бронза).

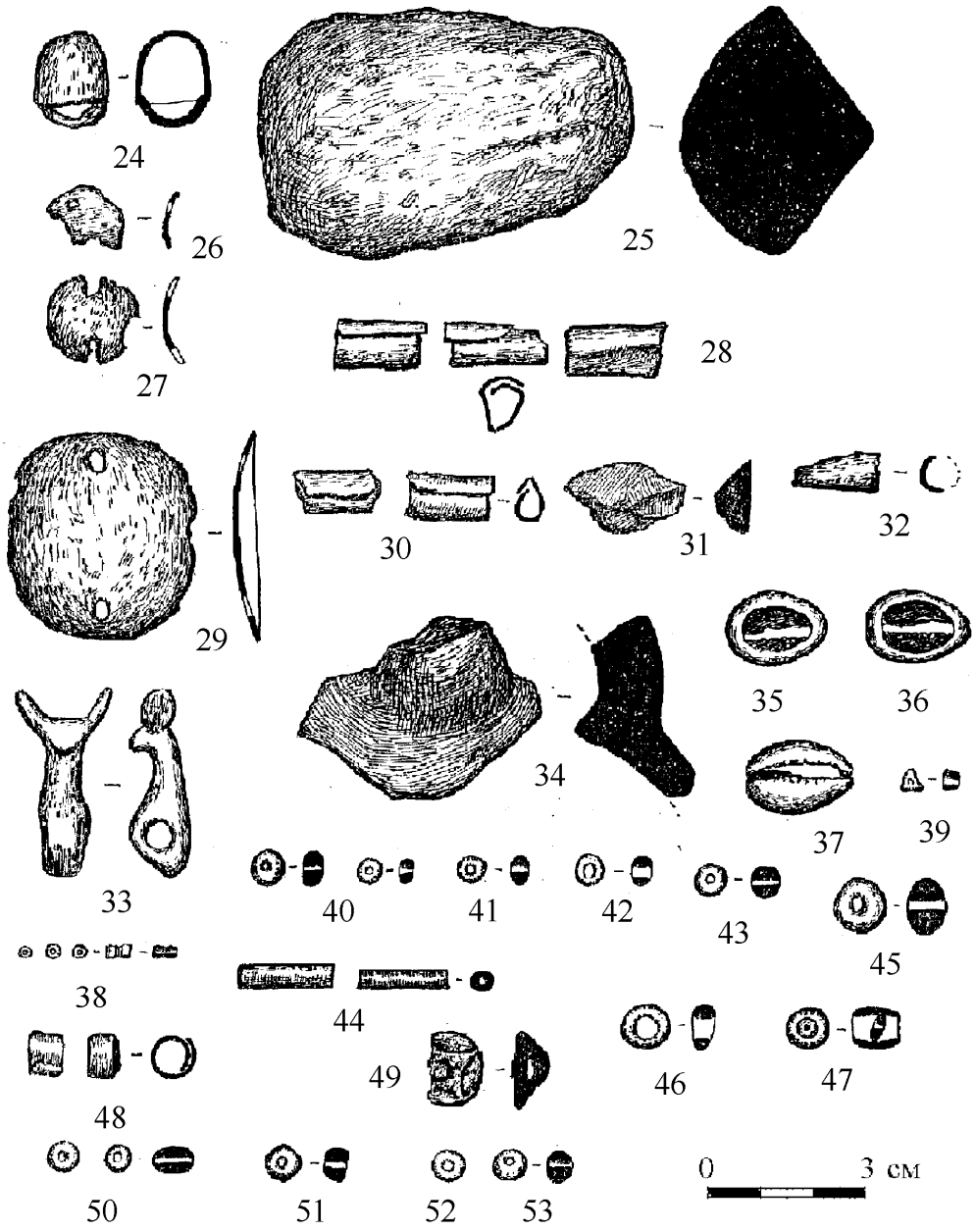

Рис. 23 в. Инвентарь погребения 51.

24 – пуговица?; 25 – пемза; 26 – 27, 29 – нашивные бляшки; 28, 30, 32 – трубочки; 31 – кремень; 33 – привеска; 34 – фрагмент сосуда; 35 – 37 – раковины каури; 38 – бисер; 38 – 48, 46 – 53 – бусы, 49 – пуговица или бляшка (24, 26 – 30, 32 – 33, 47 – бронза; 25, 31 – камень; 34 – керамика; 35 – 37 – раковины; 49 – сурьма; 38 – 46, 50 – 53 – стекло).

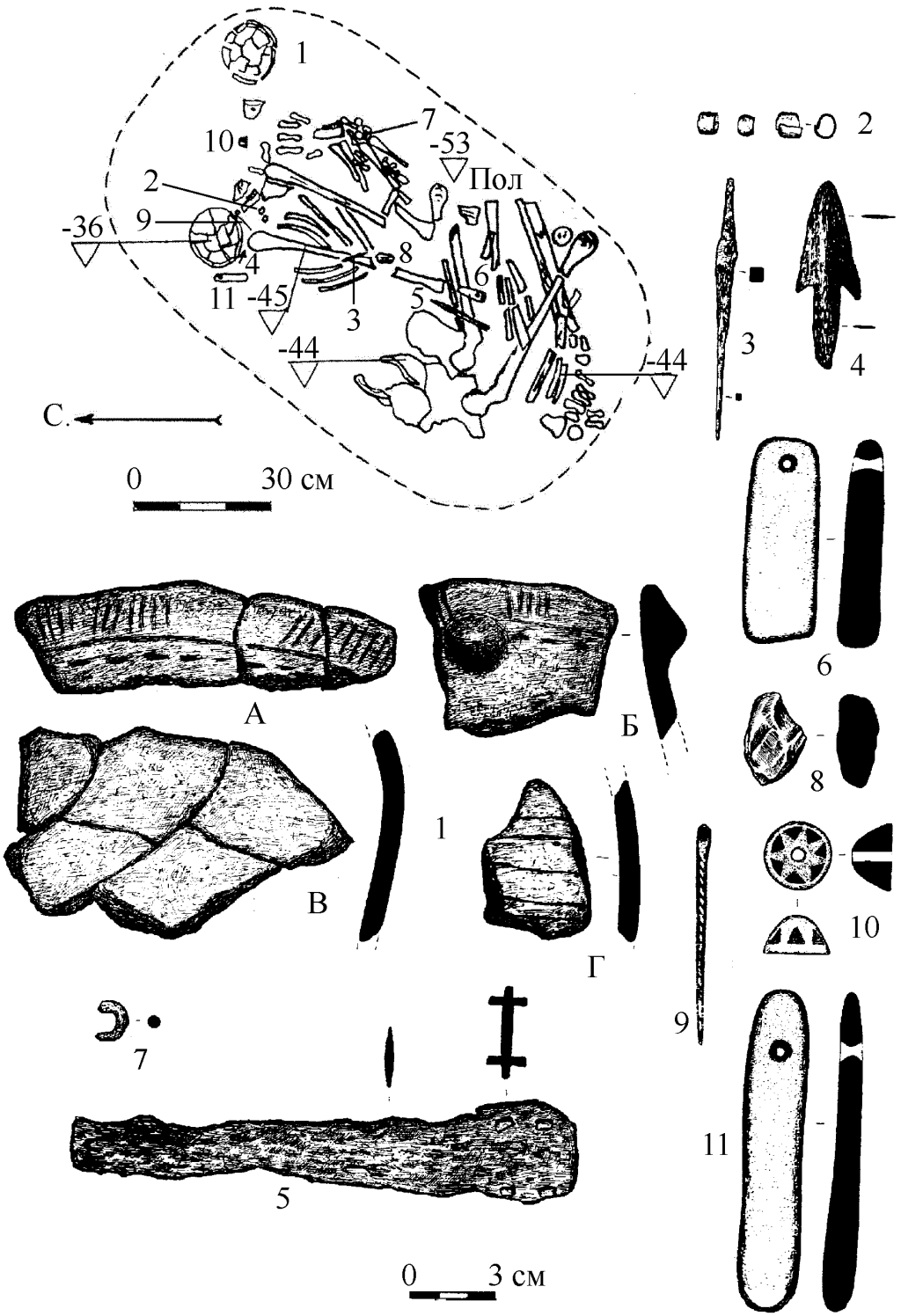

Рис. 24. Погребение 52. 1 – фрагменты сосуда; 2 – бусы; 3 – бронзовый предмет (наконечник стрелы?); 4 – наконечник стрелы; 5 – кинжал; 6, 11 – оселки; 7 – кольцо; 8 – кремень; 9 – булавка; 10 – бронзовый предмет (1 – керамика; 2 – 4, 9 – 10 – бронза; 5, 7 – железо; 6, 8, 11 – камень).

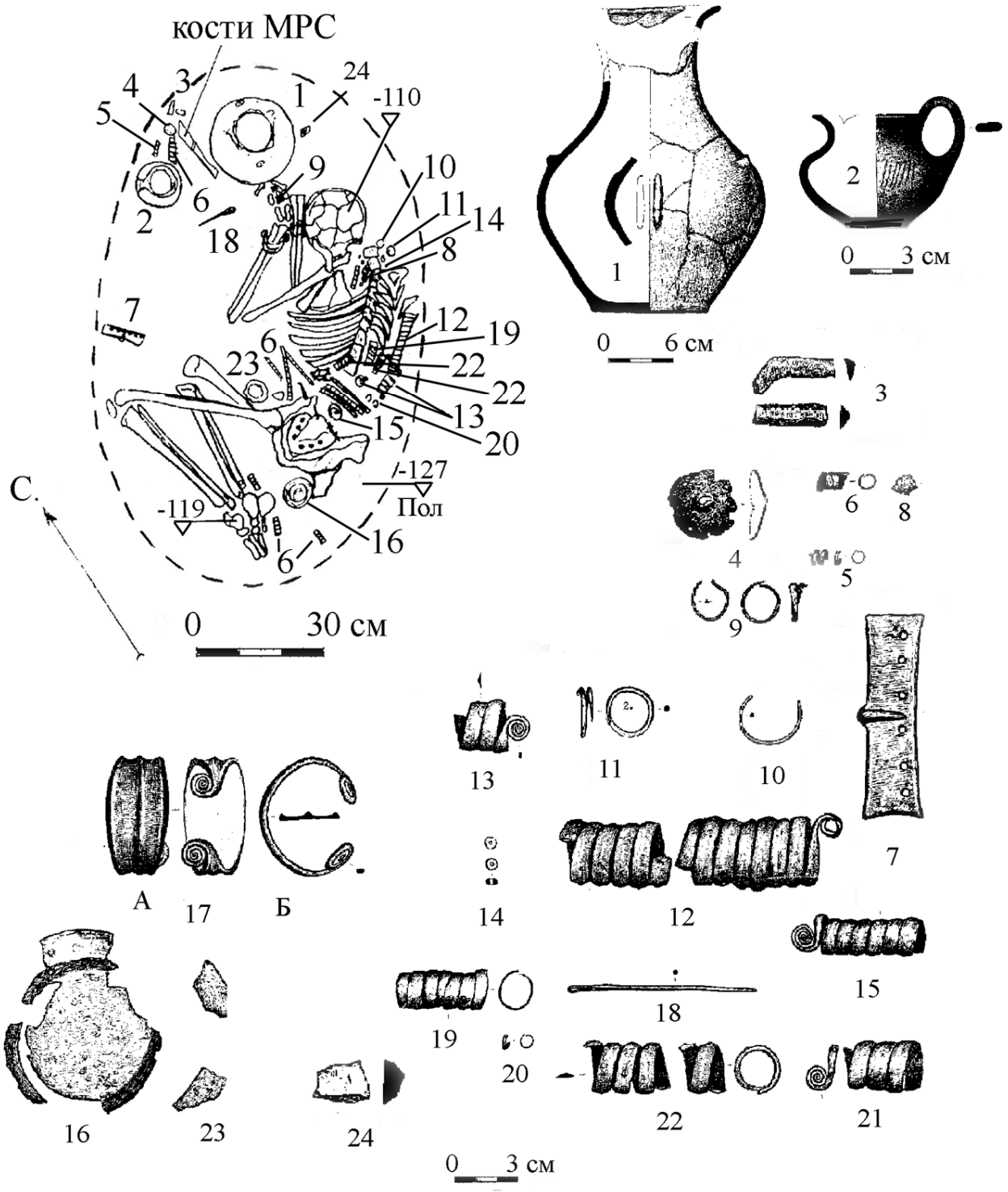

Рис. 25. Погребение 53. 1 – 2 – сосуды; 3 – кремневые вкладыши; 4, 8 – бляшки; 5 – 6 – витые пронизи; 7 – пряжка; 9 – перстни (2 шт.); 10 – 11 – кольца; 12 – 13, 15, 19, 21 – 22 – накосники; 14, 20 – бусы; 16, 23 – бляхи; 17 – браслеты (2 шт.); 18 – игла; 24 – кремневый резец (1 – 2 – керамика; 3, 24 – камень; 14 – сурьма; остальное – бронза).

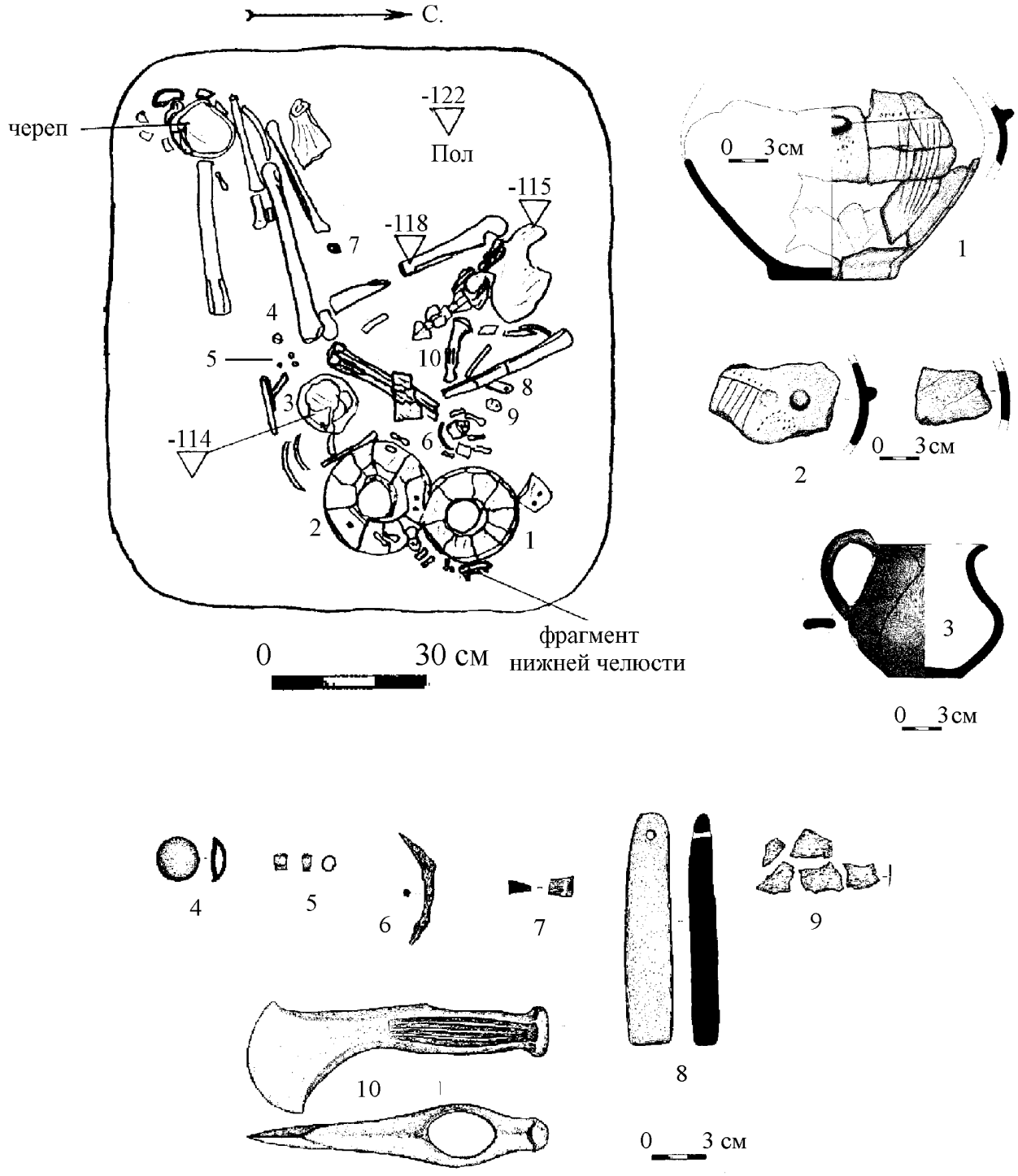

Рис. 26. Погребение 54.

1 – 3 – сосуды; 4 – пуговица; 5 – бусы-скобочки; 6 – фрагмент стержневидного предмета; 7 – кремень; 8 – оселок; 9 фрагменты бляхи; 10 – топор (1 – 3 – керамика; 4 – 5, 9 – 10 – бронза; 6 – железо; 7 – 8 – камень).

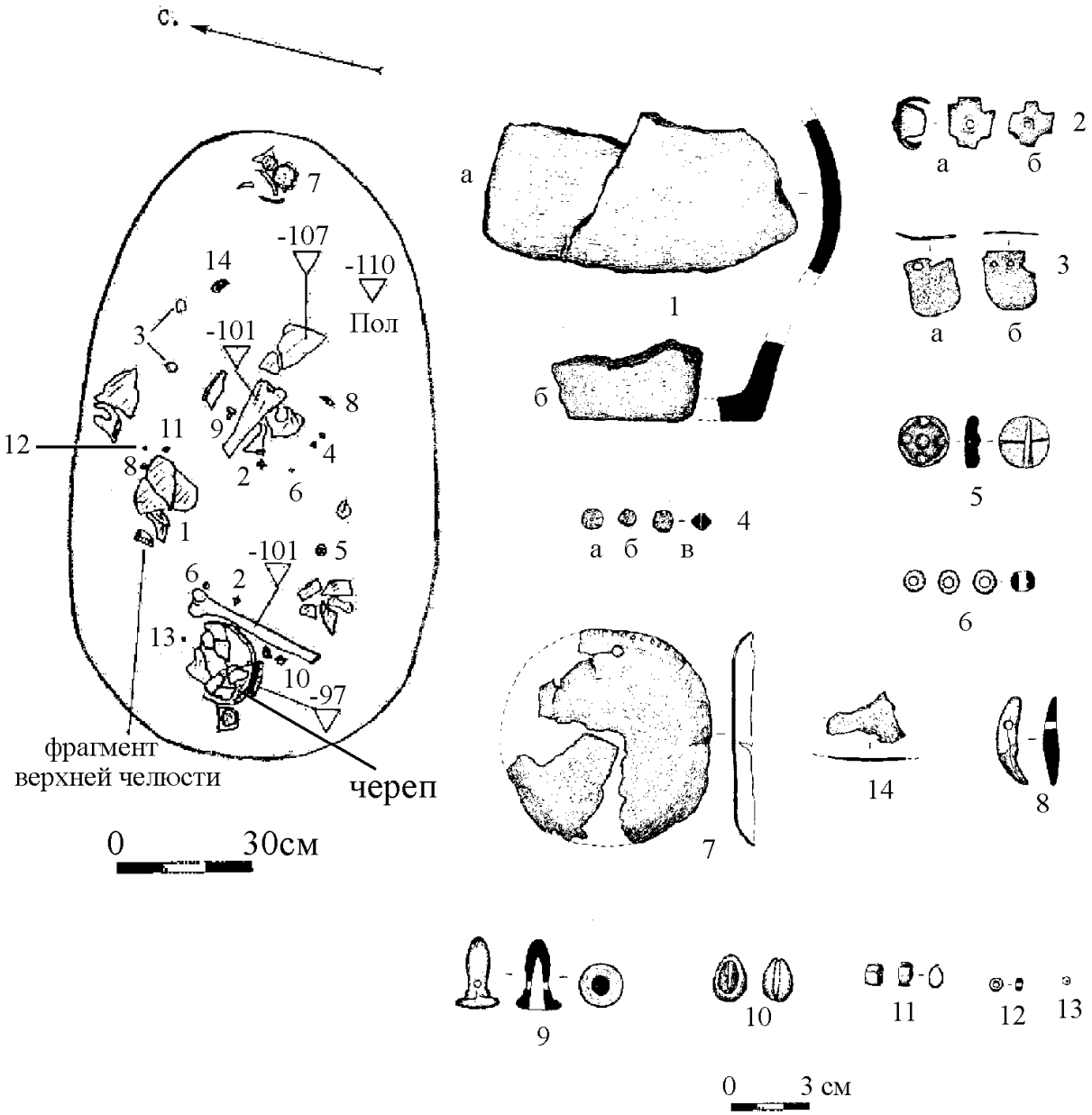

Рис. 27. Погребение 55.

1 – фрагменты сосуда; 2, 5 – пуговицы; 3 – нашивные бляшки; 4, 6, 11, 12 – 13 – бусы; 7, 14 – бляхи; 8 – просверленный клык; 9 – наконечник ремня; 10 – каури (1 – керамика; 2 - 3, 6, 7, 9, 11 – бронза; 4, 12 – 13 – стекло; 5 – сурьма; 8 – клык; 10 – раковины).

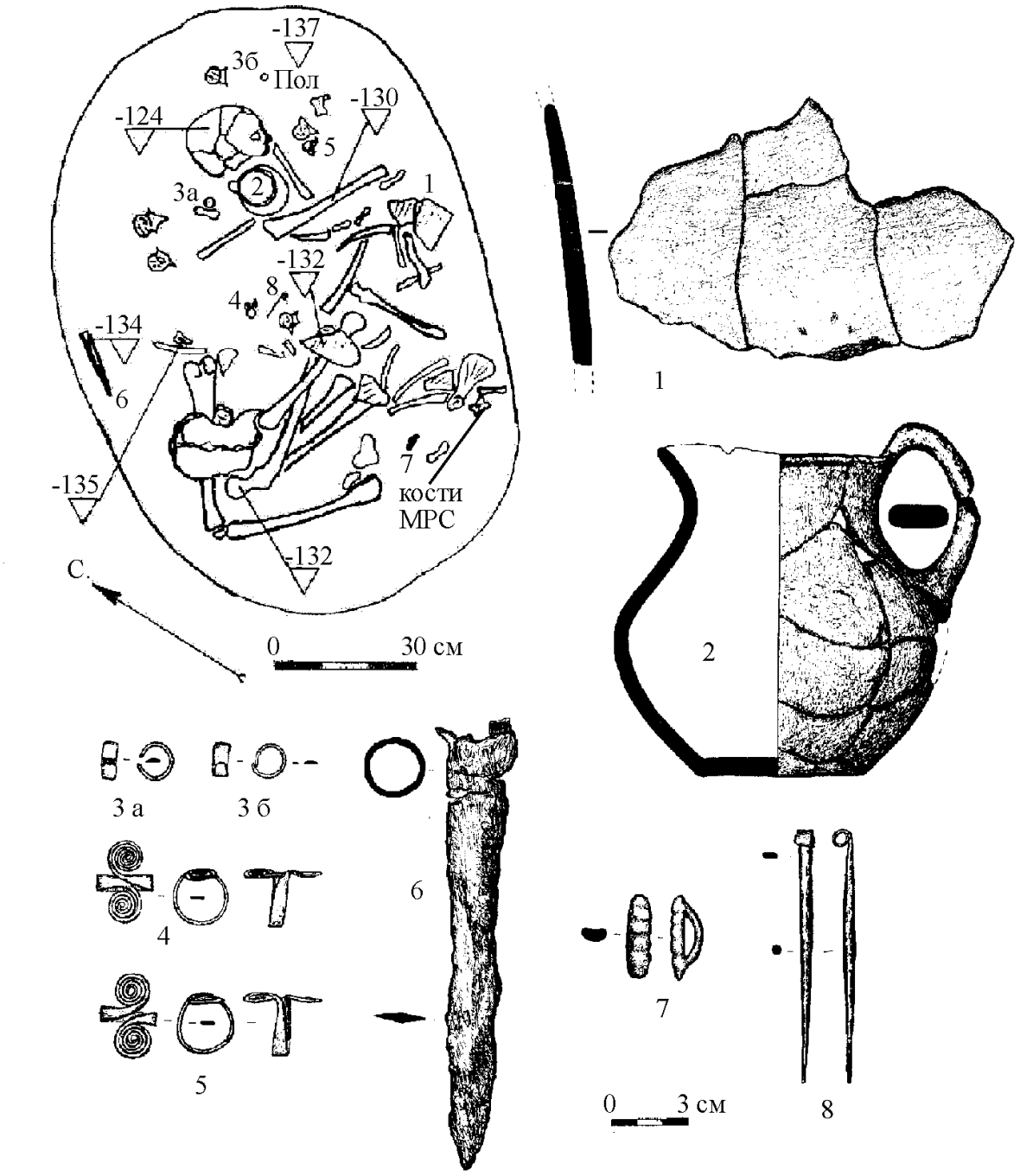

Рис. 28. Погребение 56.

1 – фрагменты корчаги; 2 – кружка; 3 – кольца; 4 – 5 – перстни; 6 – наконечник копья; 7 – застежка; 8 – булавка (1 – 2 – керамика; 3 – 5, 7 – 8 – бронза; 6 – железо).

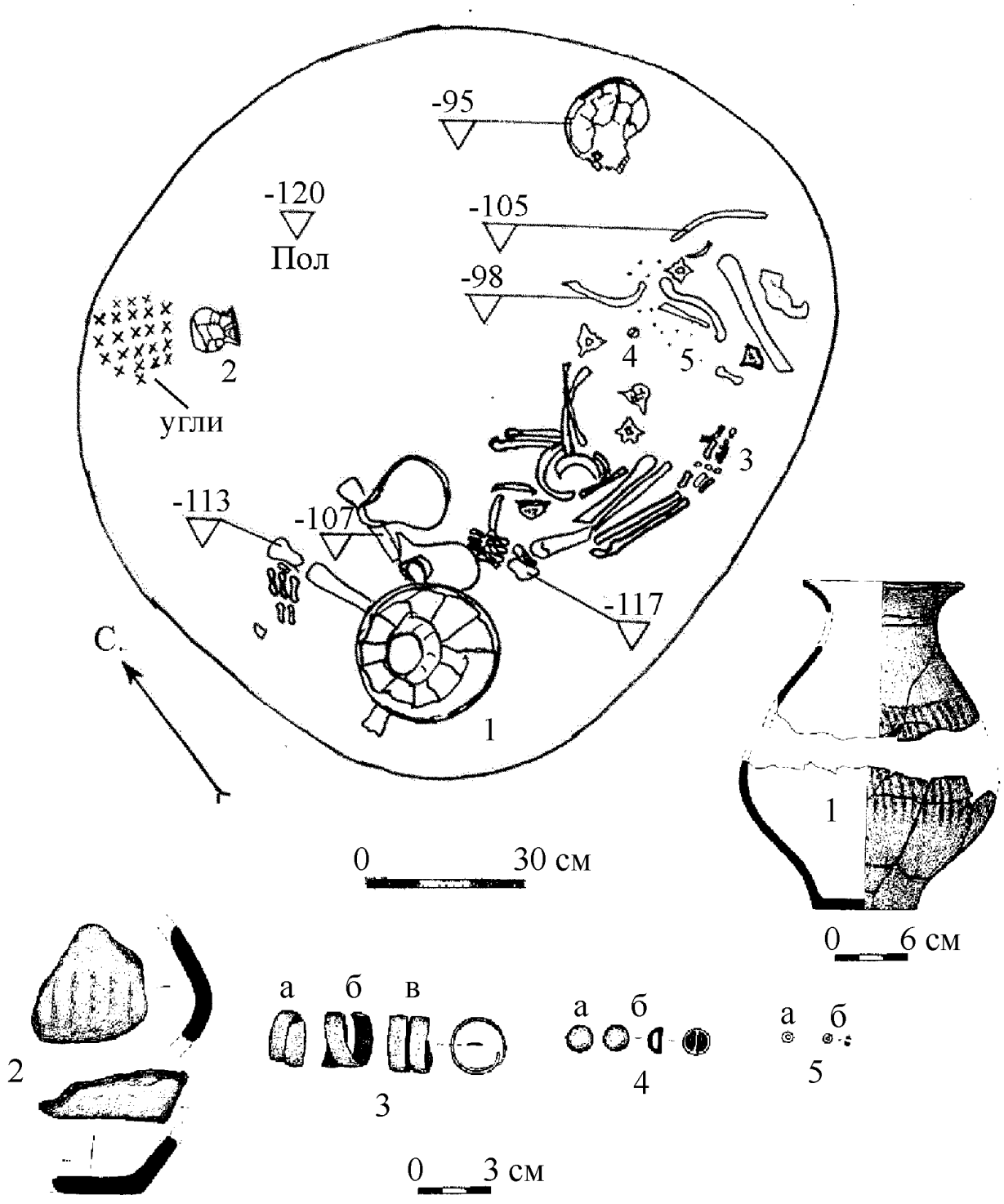

Рис. 29. Погребение 57.

1 – 2 – фрагменты сосудов; 3 – перстни; 4 – пуговицы; 5 – бусы (1 – 2 – керамика; 3 – 4 – бронза; 5 – стекло).

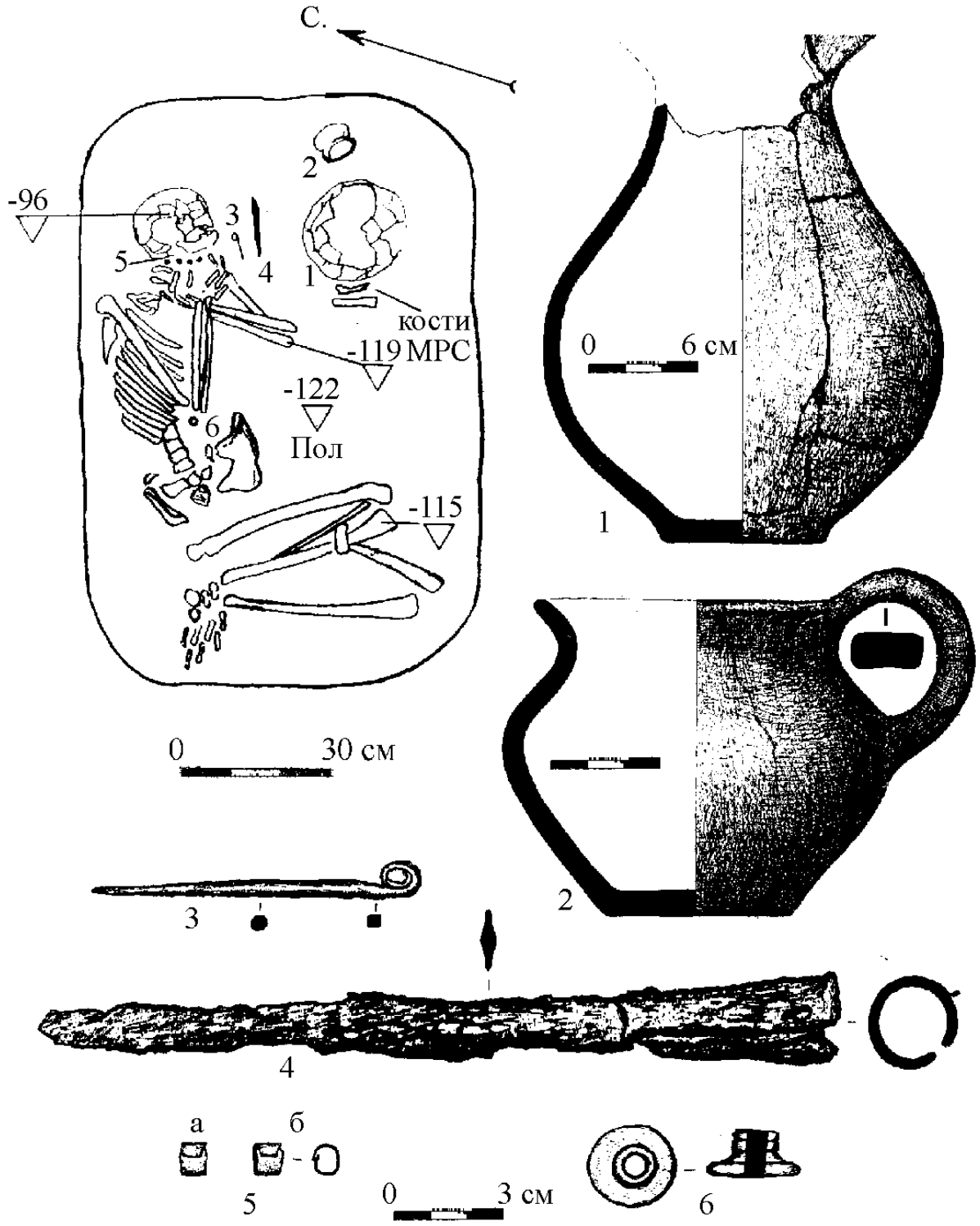

Рис. 30. Погребение 58.

1 – 2 – сосуды; 3 – булавка; 4 – наконечник копья; 5 – бусы; 6 – ворворка (1 – 2 – керамика; 3, 5 – 6 – бронза; 4 – железо).

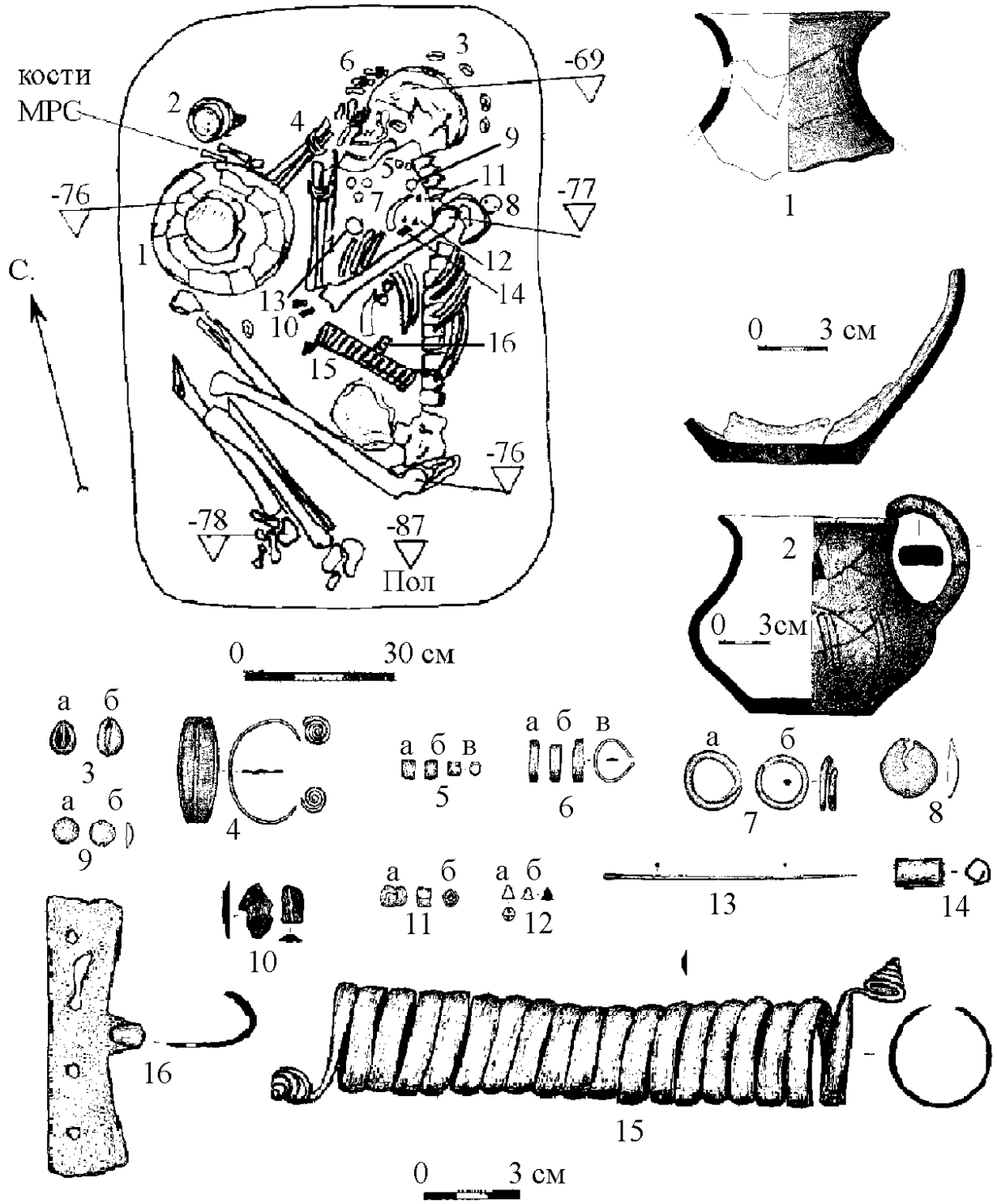

Рис. 31. Погребение 59. 1 – 2 – сосуды; 3 – раковины каури; 4 – браслеты; 5, 11 – 12 – бусы; 6 – перстни; 7 – кольца; 8 – 9 – бляшки; 10 – кремневые пластинки; 13 – игла; 14 – трубочки; 15 – накосник (1 – 2 – керамика; 3 – раковины; 4 – 9, 11, 13 – 16 – бронза; 10 – камень; 12 – сурьма).

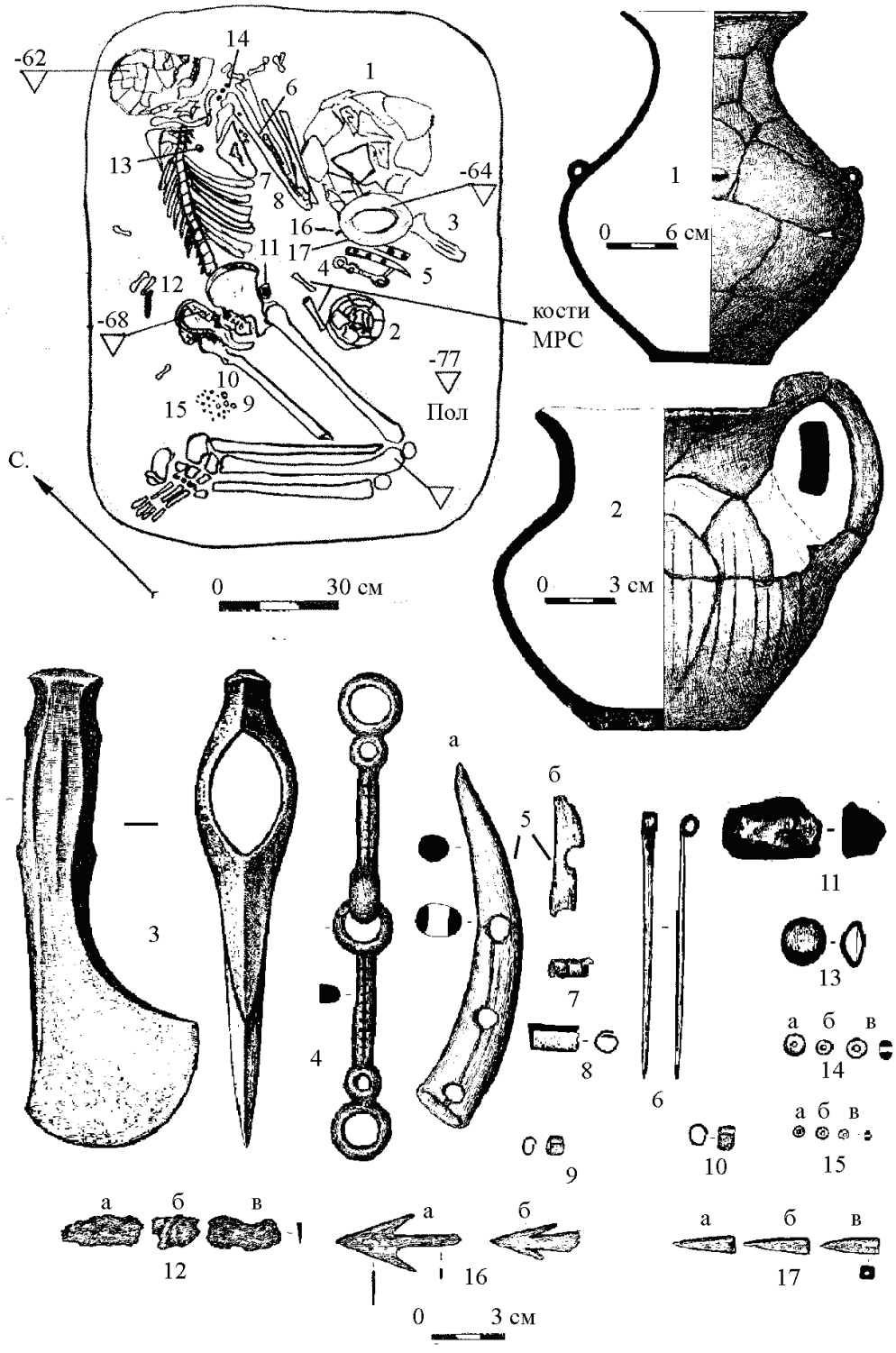

Рис. 32. Погребение 60. 1 – 2 – сосуды; 3 – топор; 4 – удила; 5 – 6 – псалии; 7 – спираль; 8 – трубочка; 9 – 10 – бусы «скобочки»; 11 – кремневый отщеп; 12 – нож; 13 – бляшка; 14 – 15 – бусы; 16 – 17 – наконечники стрел

(1– 2 – керамика; 3 – 4, 6 – 10, 13, 16 – бронза; 5 – рог; 11 – кремень; 14 – сердолик; 12 – железо; 15 – стекло; 17 – кость).

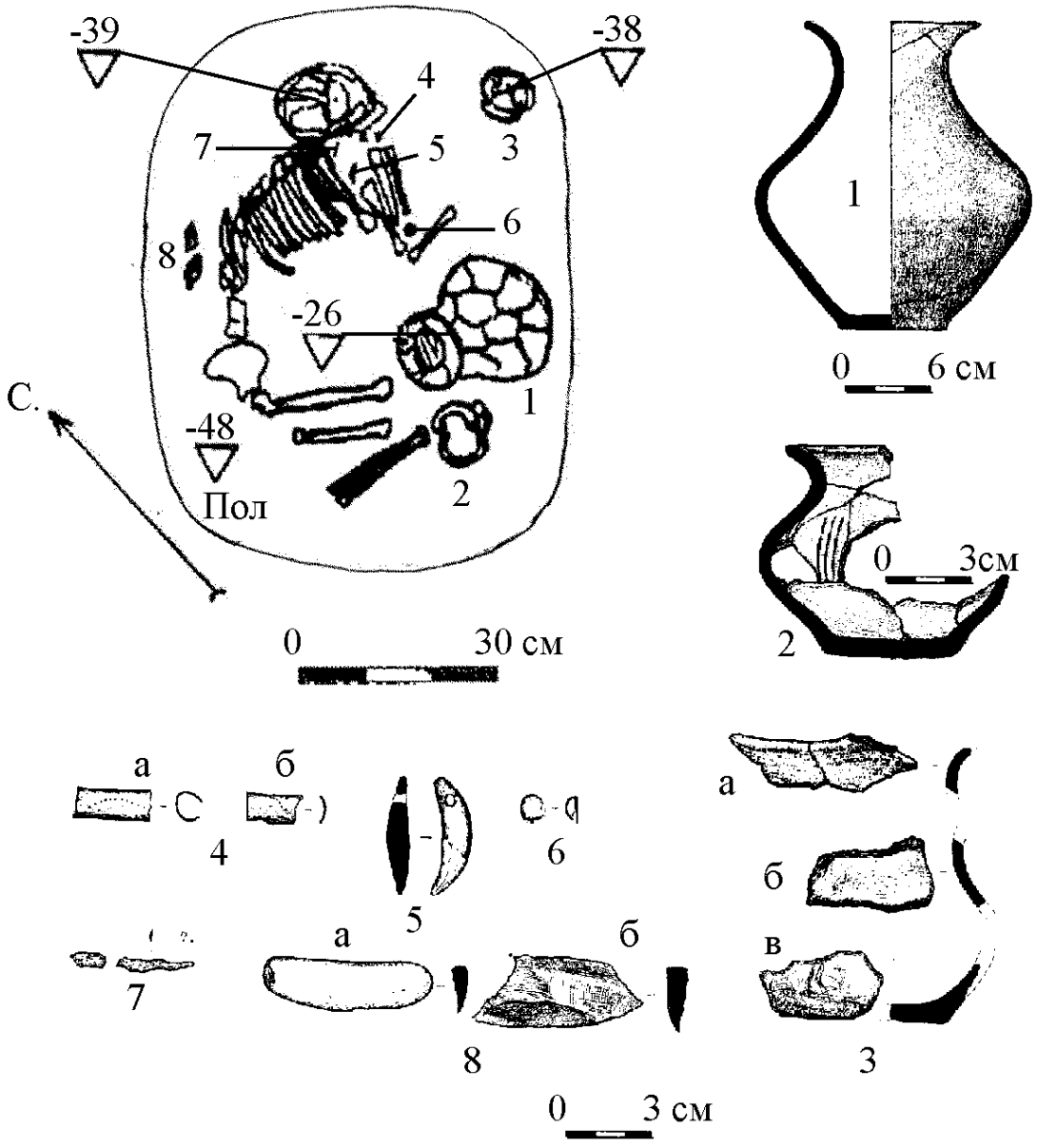

Рис. 33. Погребение 62.

1 – 3 – сосуды; 4 – трубочки; 5 – просверленный клык; 6 – бляшка – пуговица; 7 – фрагменты стержня; 8 – обработанная галька (1 – 3 – керамика; 4, 6 – бронза; 5 – клык собаки или лисы; 7 – железо; 8 – камень).

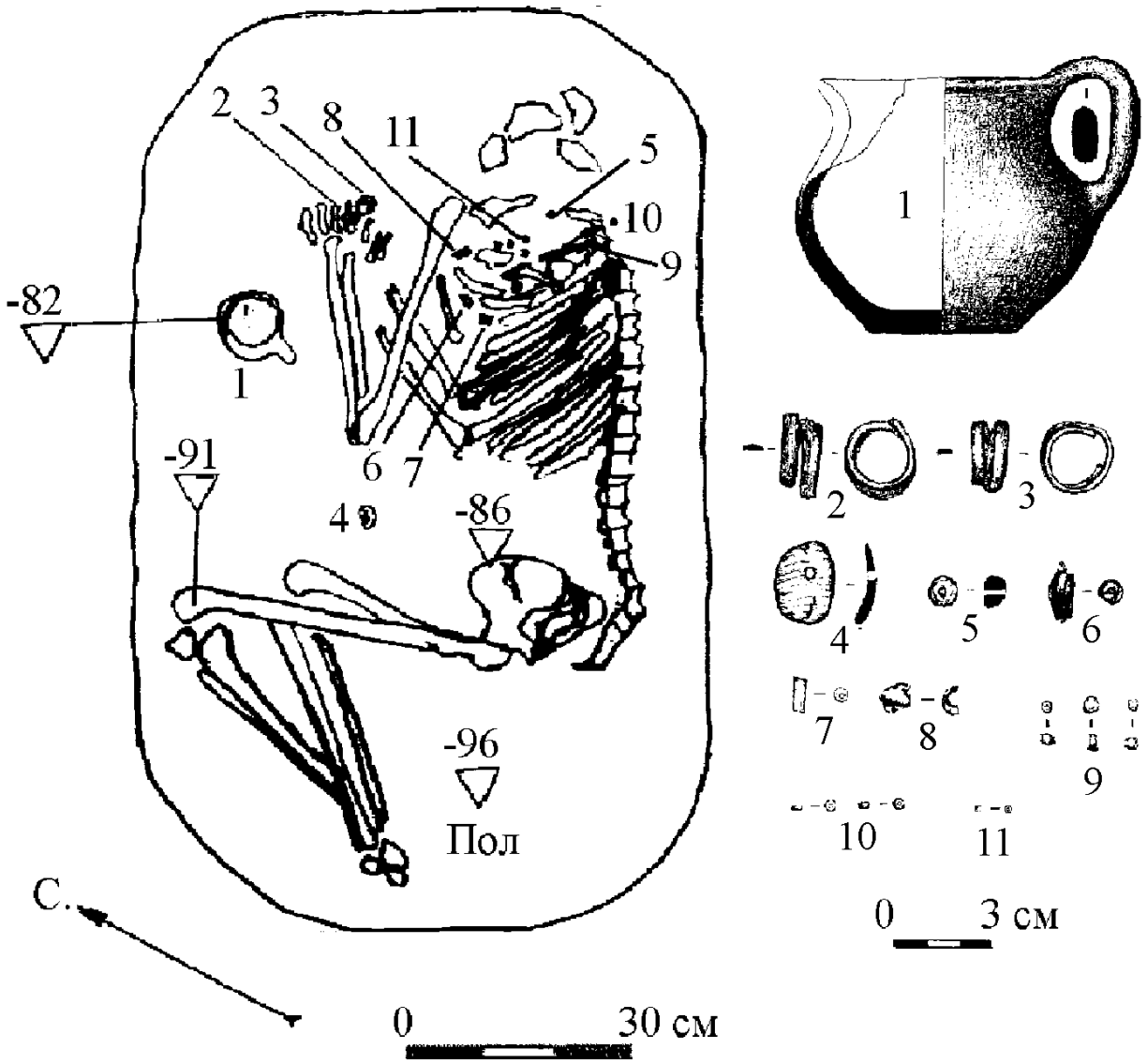

Рис. 34. Погребение 63.

1 – кружка; 2 – 3 – перстни; 4 – привеска – ракушка; 5 – 10 – бусы; 11 – бисер (1 – керамика; 2 – 3 – бронза; 4 – раковина; 5, 10 – сердолик; 6 – 9, 11 – стекло).

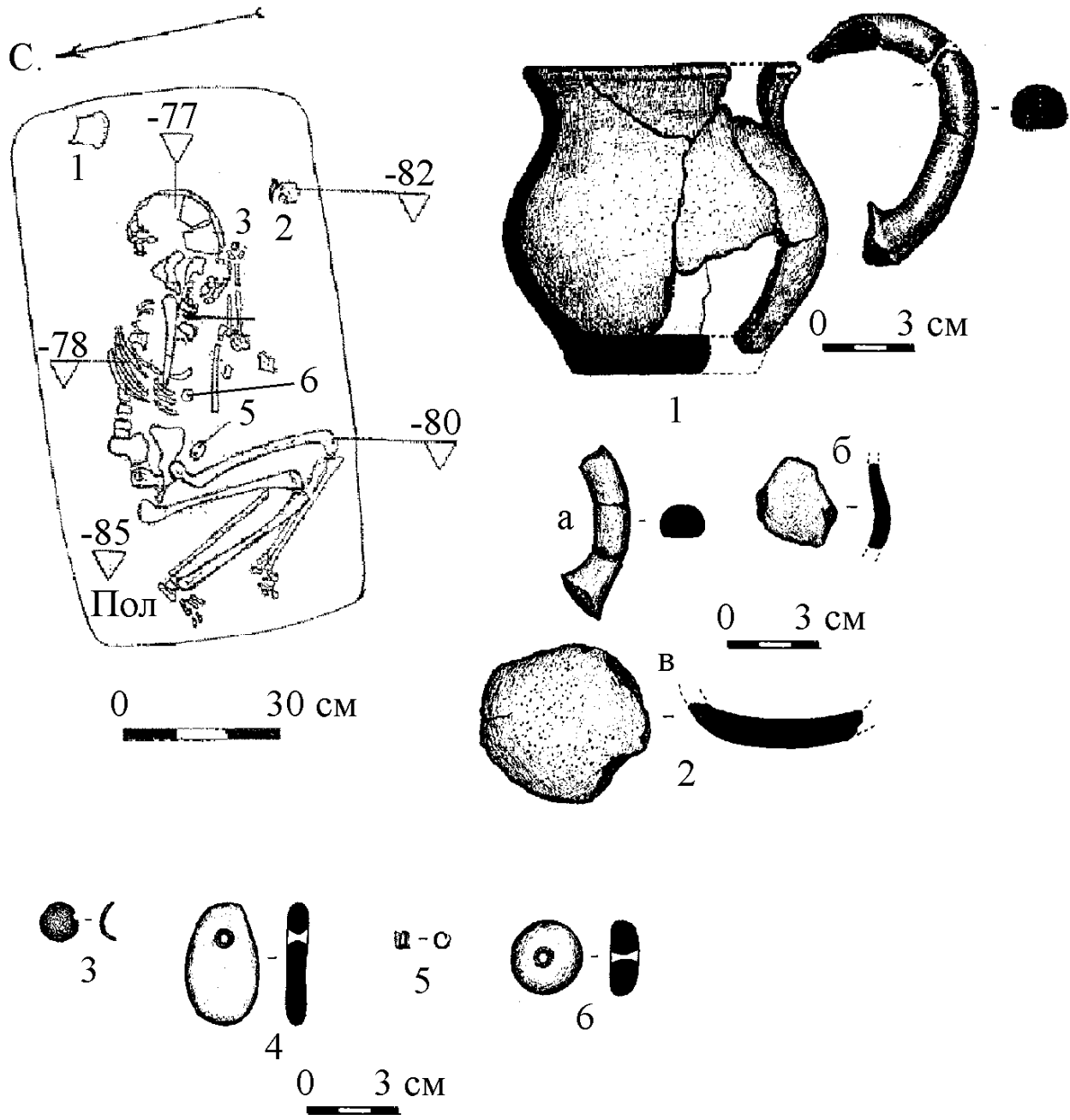

Рис. 35. Погребение 64.

1 – 2 – сосуды; 3 – бляшка; 4, 6 – привески; 5 – спираль (1 – 2 керамика; 3, 5 – бронза; 4, 6 – камень).

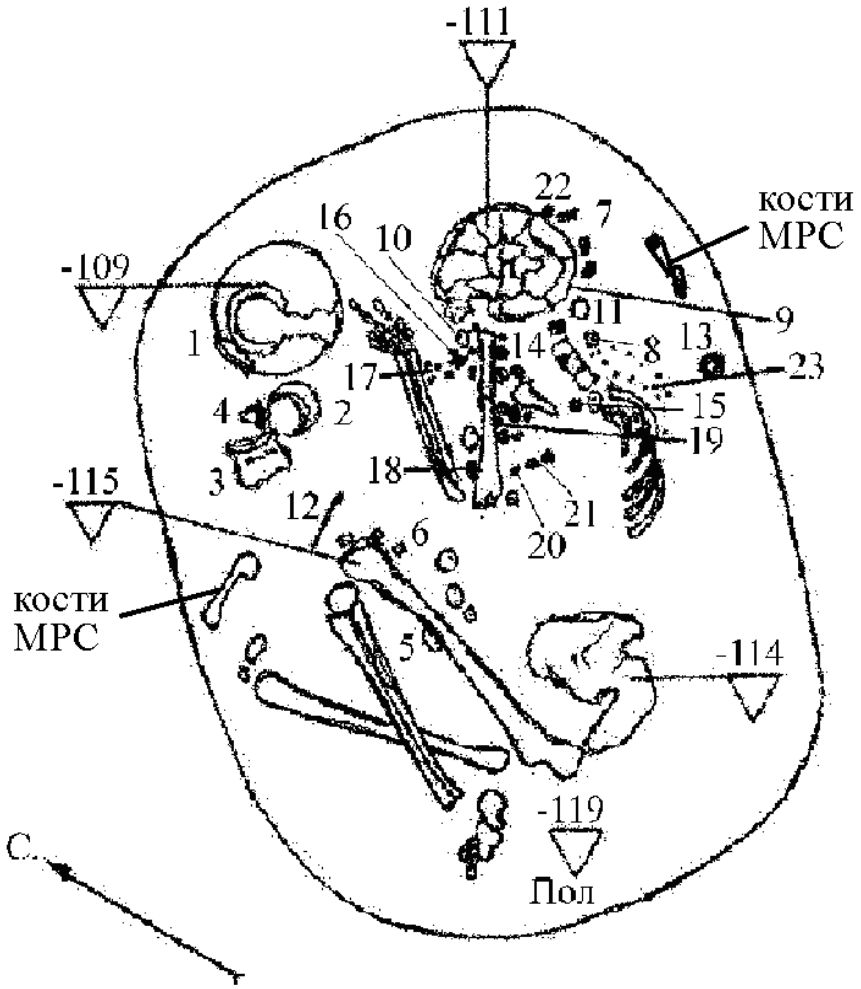

Рис. 36 а. Погребение 68. 1 – 3 сосуды; 4 – пряслице; 5, 9, 20 – бляшки; 6,8,21 – пуговицы; 7 – каури; 10 – 11 – височные кольца; 12 – игла; 13 – накосник; 14 – 15, 17, 19 – бусы; 16 – зооморфная привеска; 18 – трубочки; 22 – спираль; 23 – бисер (1 – 4 – керамика; 5 – 6, 8 – 13, 16, 18, 20, 22 – бронза; 7 – раковины; 14 – сердолик; 17, 19 б, 21 – сурьма; 15, 19 а, в, 23 – стекло).

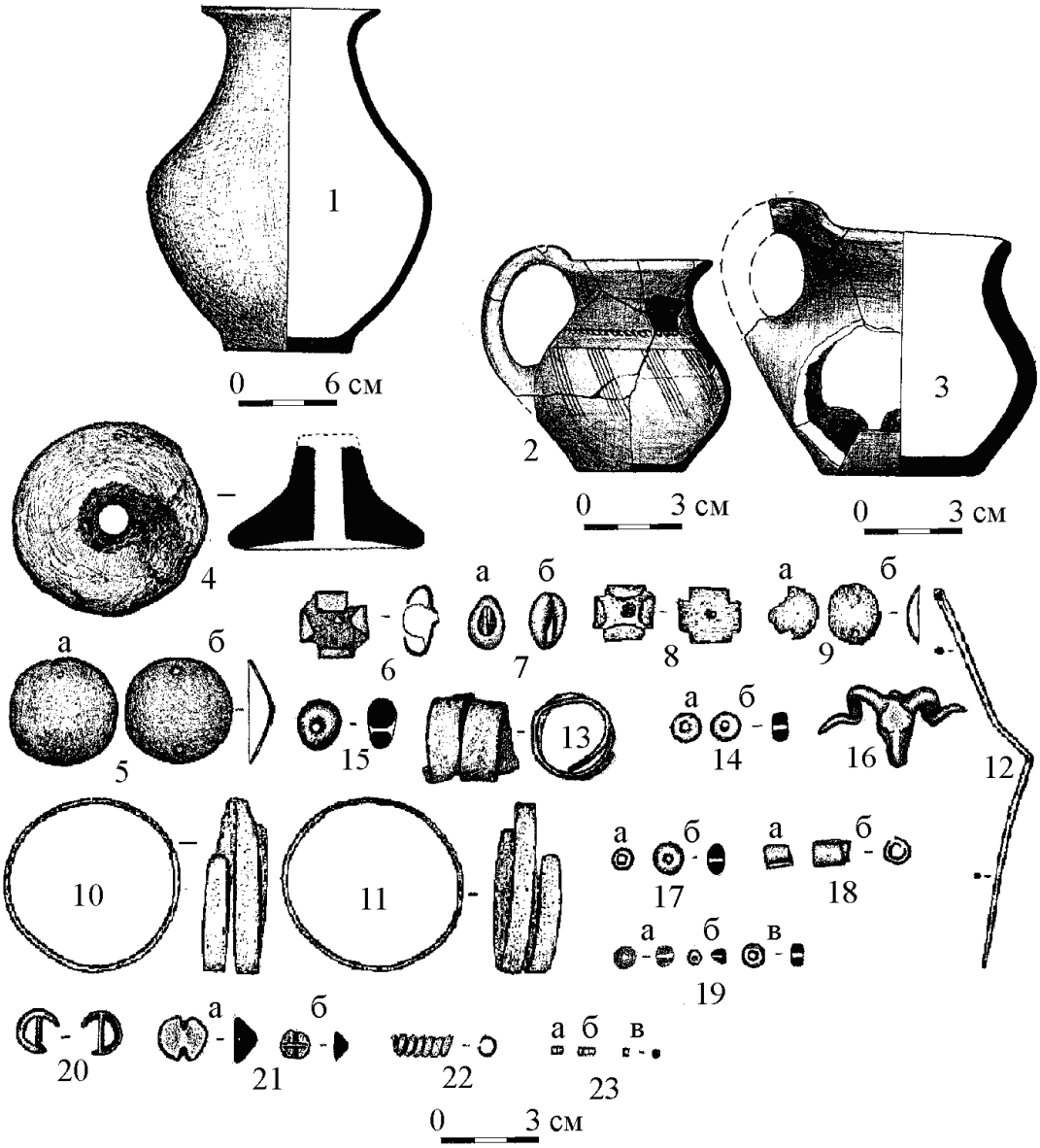

Рис. 36 б. Инвентарь погребения 68. 1 – 3 сосуды; 4 – пряслице; 5, 9, 20 – бляшки; 6, 8, 21 – пуговицы; 7 – каури; 10 – 11 – височные кольца; 12 – игла; 13 – накосник; 14 – 15, 17, 19 – бусы; 16 – зооморфная привеска; 18 – трубочки; 22 – спираль; 23 – бисер (1 – 4 – керамика; 5 – 6, 8 – 13, 16, 18, 20, 22 – бронза; 7 – раковины; 14 – сердолик; 17, 19 б, 21 – сурьма; 15, 19 а, в, 23 – стекло).

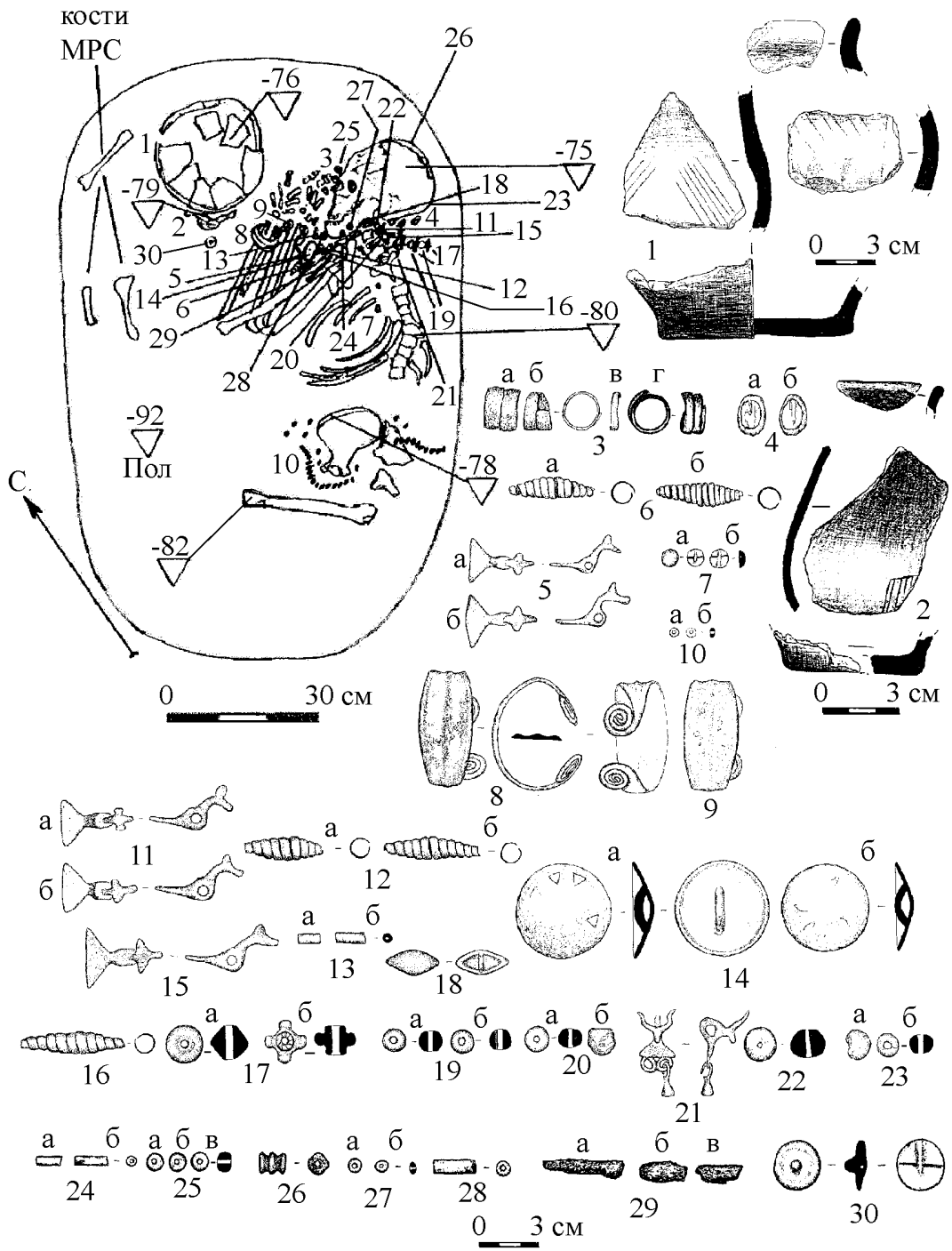

Рис. 37. Погребение 69.

1 – 2 – сосуды; 3 – перстни; 4 – каури; 5, 11, 15 – птицевидные привески; 6, 12, 16 – биконические пронизи; 7, 18, 30 – пуговицы; 8 – 9 – браслеты; 10, 13, 17, 19 – 20, 22 – 28 – бусы; 21 – зооморфная привеска; 29 – фрагменты стержня (1 – 2 – керамика; 3, 5 – 9, 11 – 12, 14 – 18, 21 – бронза; 4 – ракови-

ны; 7, 10, 30 – сурьма; 13, 19 – 20, 23 – 24, 26 – 28 – стекло; 22, 25 – сердолик; 29 – железо).

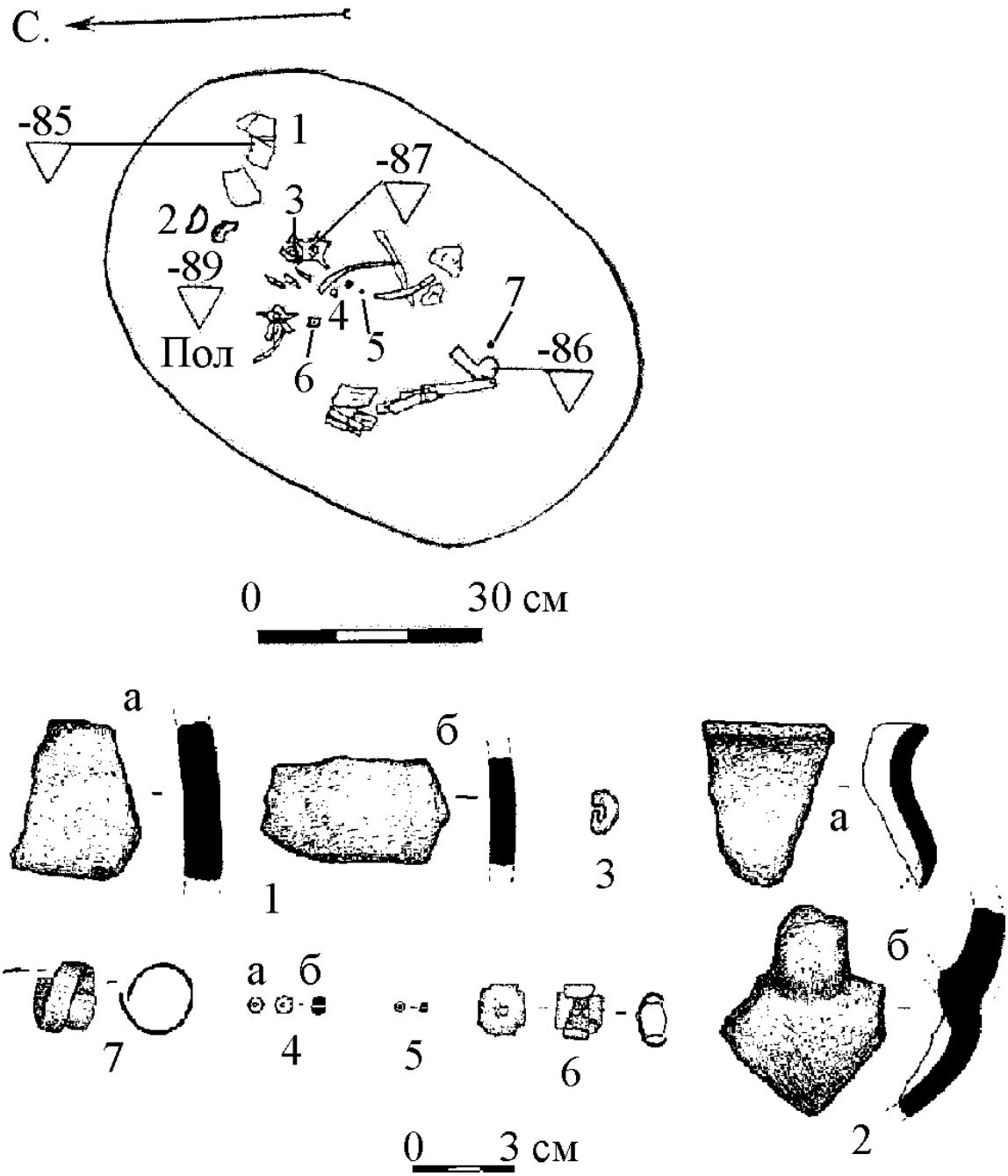

Рис. 38. Погребение 70.

1 – 2 – фрагменты керамических сосудов; 3 – фрагмент браслета; 4 – бусы; 5 – бисер; 6 – пуговица; 7 – перстень (1 – 2 – керамика; 3, 6 – 7 – бронза; 4 – 5 – стекло).

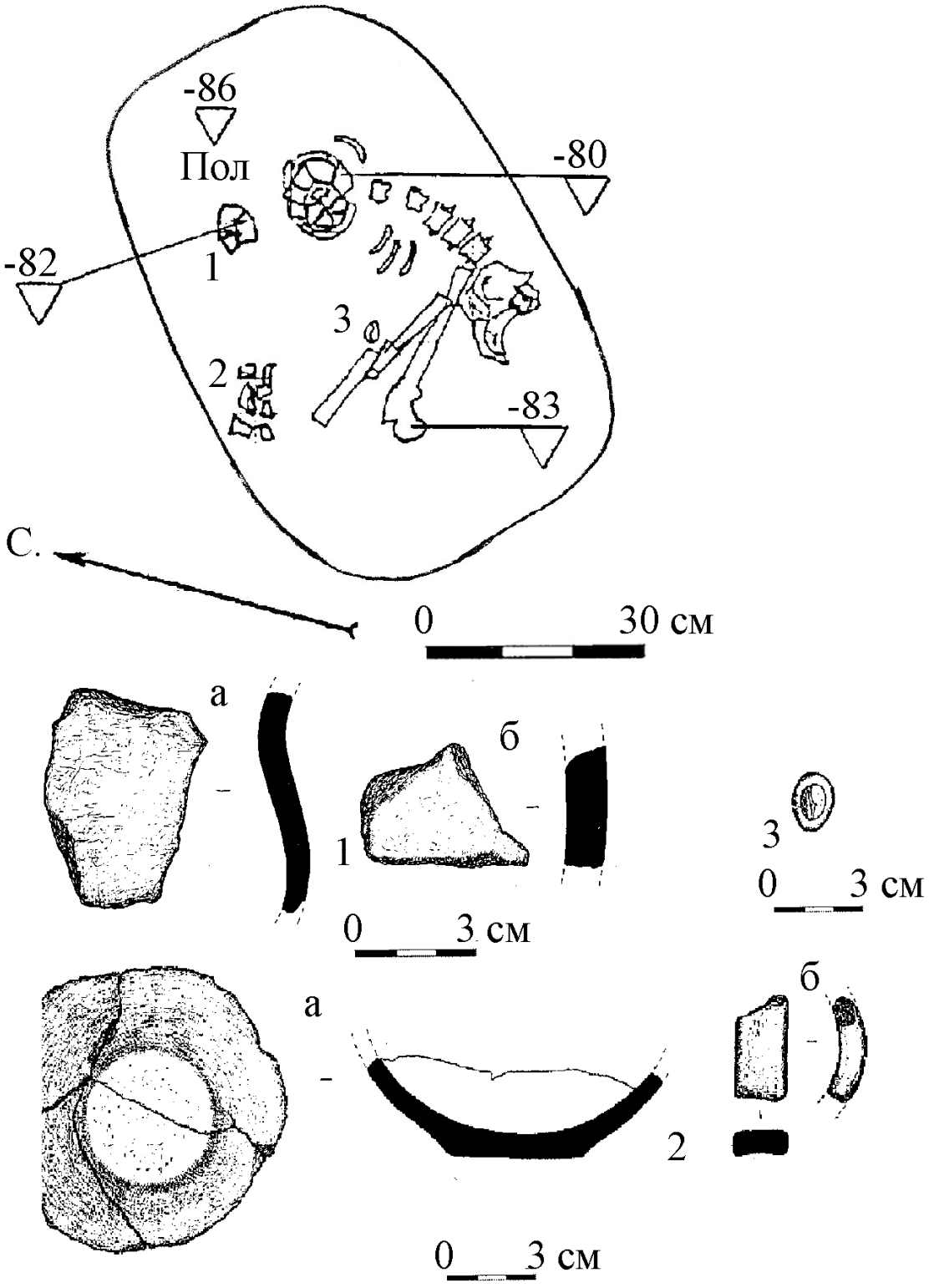

Рис. 39. Погребение 71.

1 – 2 – фрагменты сосудов; 3 – раковина каури (1 – 2 – керамика; 3 – раковина).

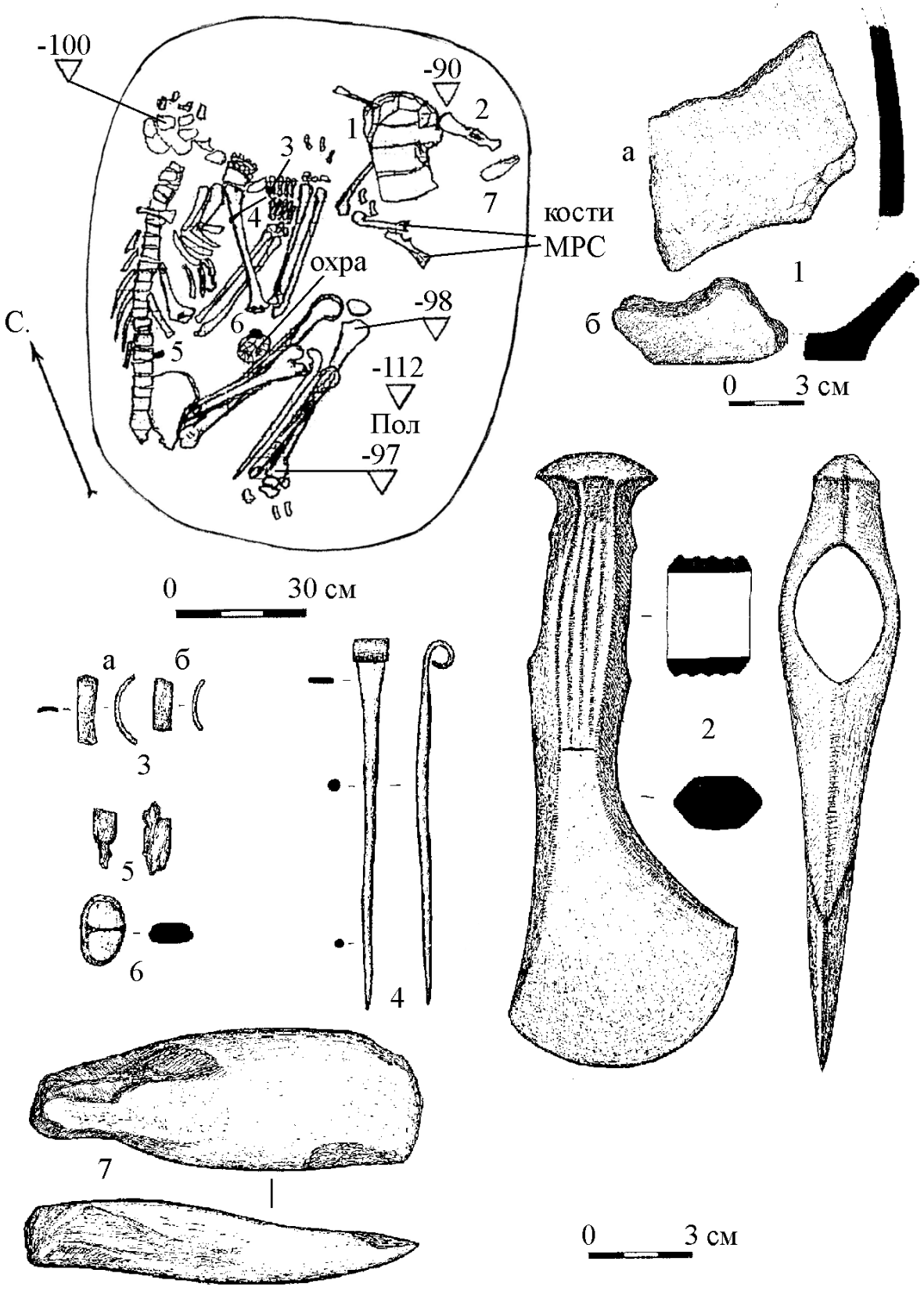

Рис. 40. Погребение 72. 1 – фрагменты сосуда; 2 – топор; 3 – фрагменты перстня; 4 – булавка; 5 – предмет неизвестного назначения; 6 – пуговица;

7 – клиновидный предмет (1 – керамика; 2 – 4, 6 – бронза; 5 – железо; 7 – камень).

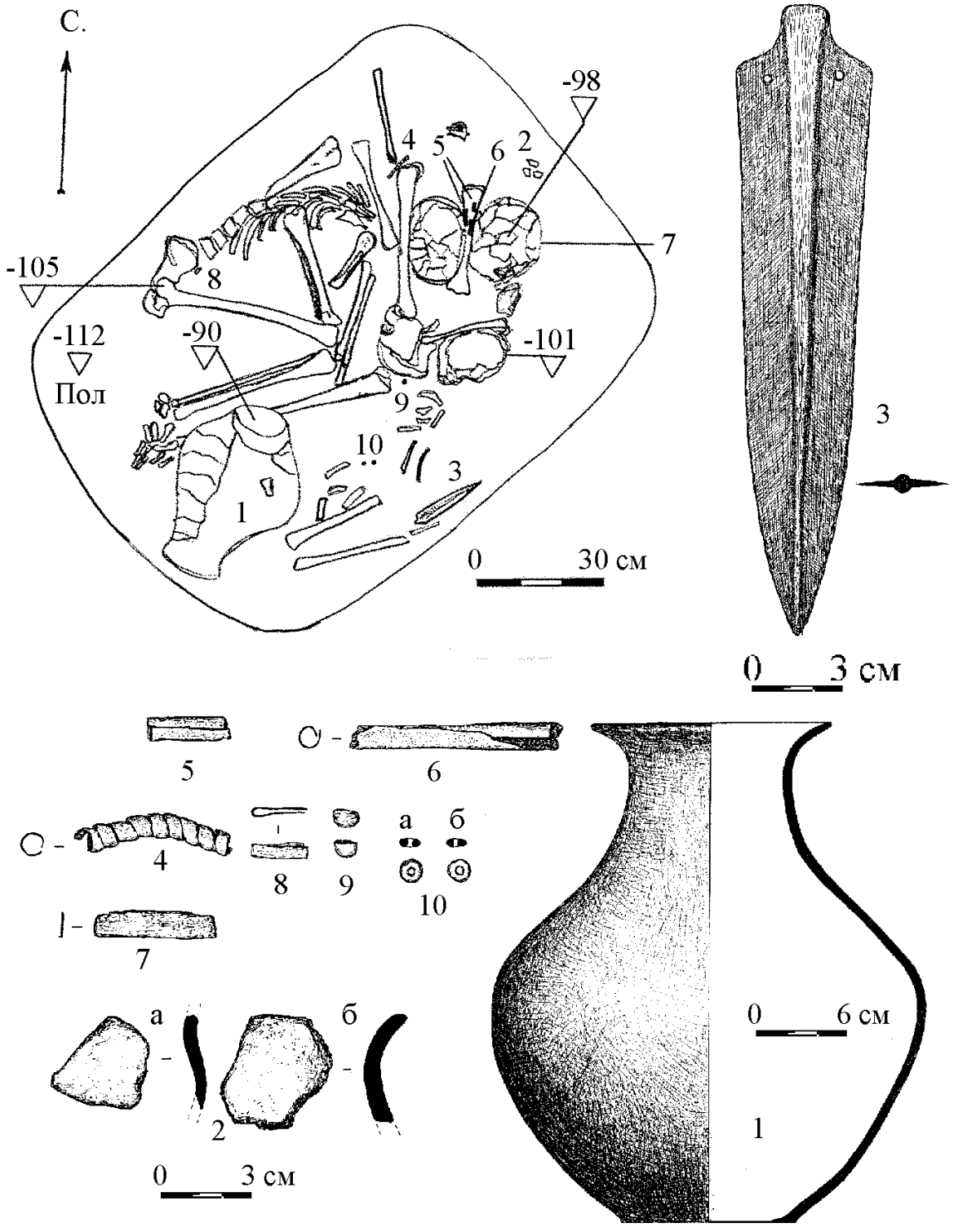

Рис. 41. Погребение 73. 1 – 2 сосуды; 3 – кинжал; 4 – пронизь; 5 – 6 – трубочки; 7 – пластинка; 8 – скобка; 9 – 10 – бусы (1 – 2 – керамика; 3 – 8 – бронза; 9 – стекло; 10 – сурьма).

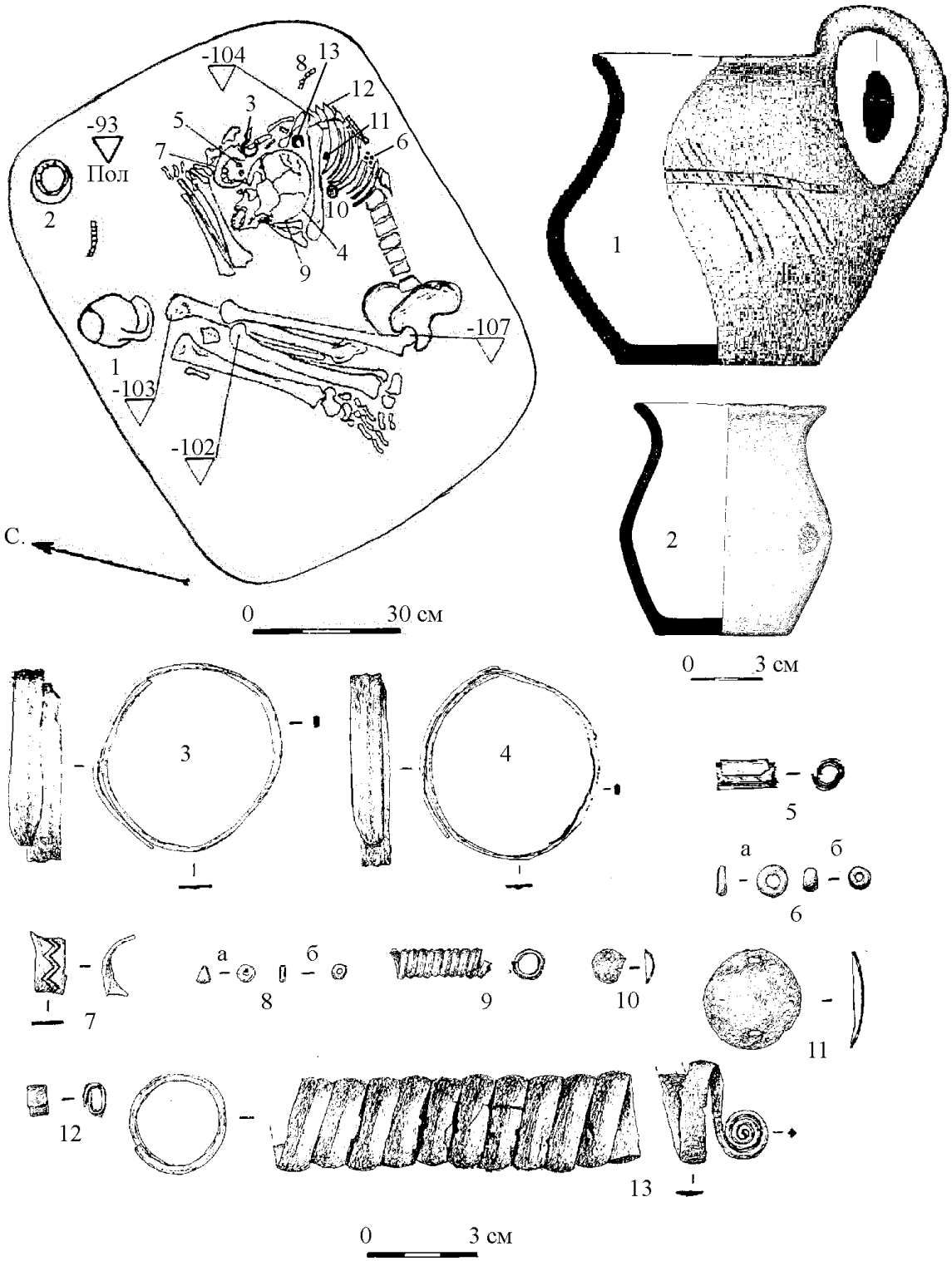

Рис. 42. Погребение 74. 1 – 2 – сосуды; 3 – 4 – височные привески; 5 – трубочки; 6 – колесовидные бусы; 7, 13 – накосники; 8 – конусовидные бусы; 9 – спирали; 10 – 11 – бляшки; 12 – колечко (1 – 2 – керамика; 3 – 5, 7, 9 – 13 – бронза; 6, 8 – сурьма).

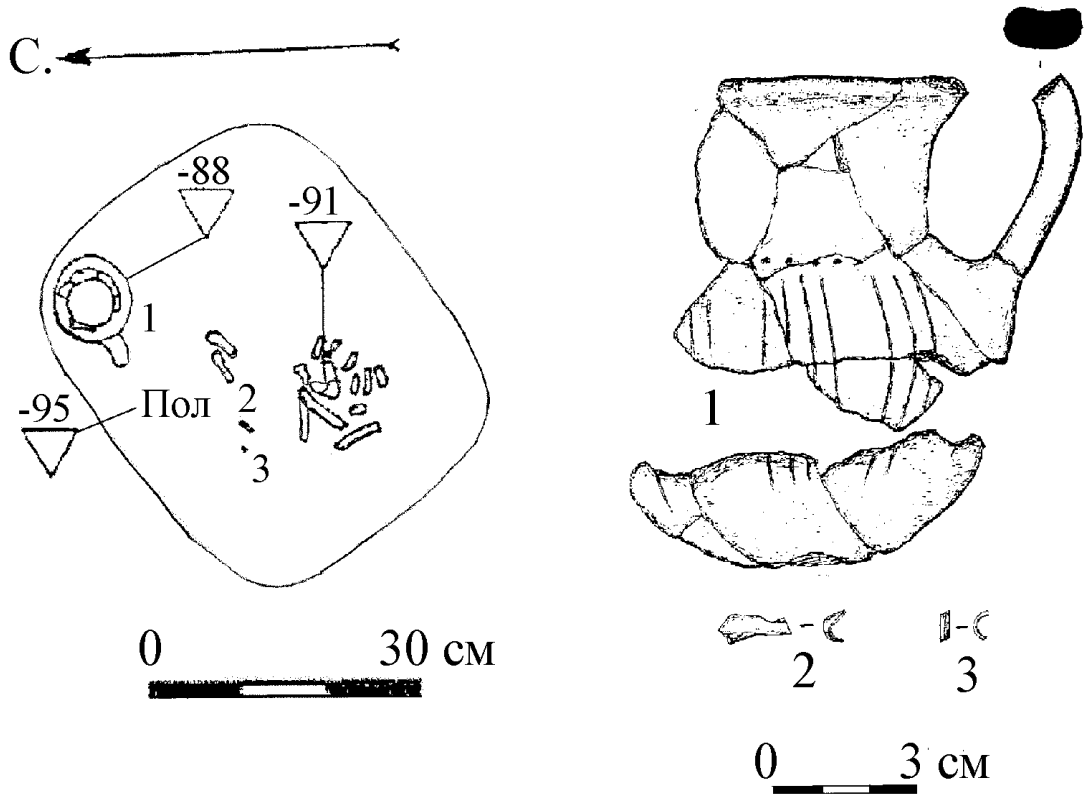

Рис. 43. Погребение 75.

1 – сосуд; 2 – трубочка; 3 – фрагмент спирали (1 – керамика; 2 – 3 – бронза).

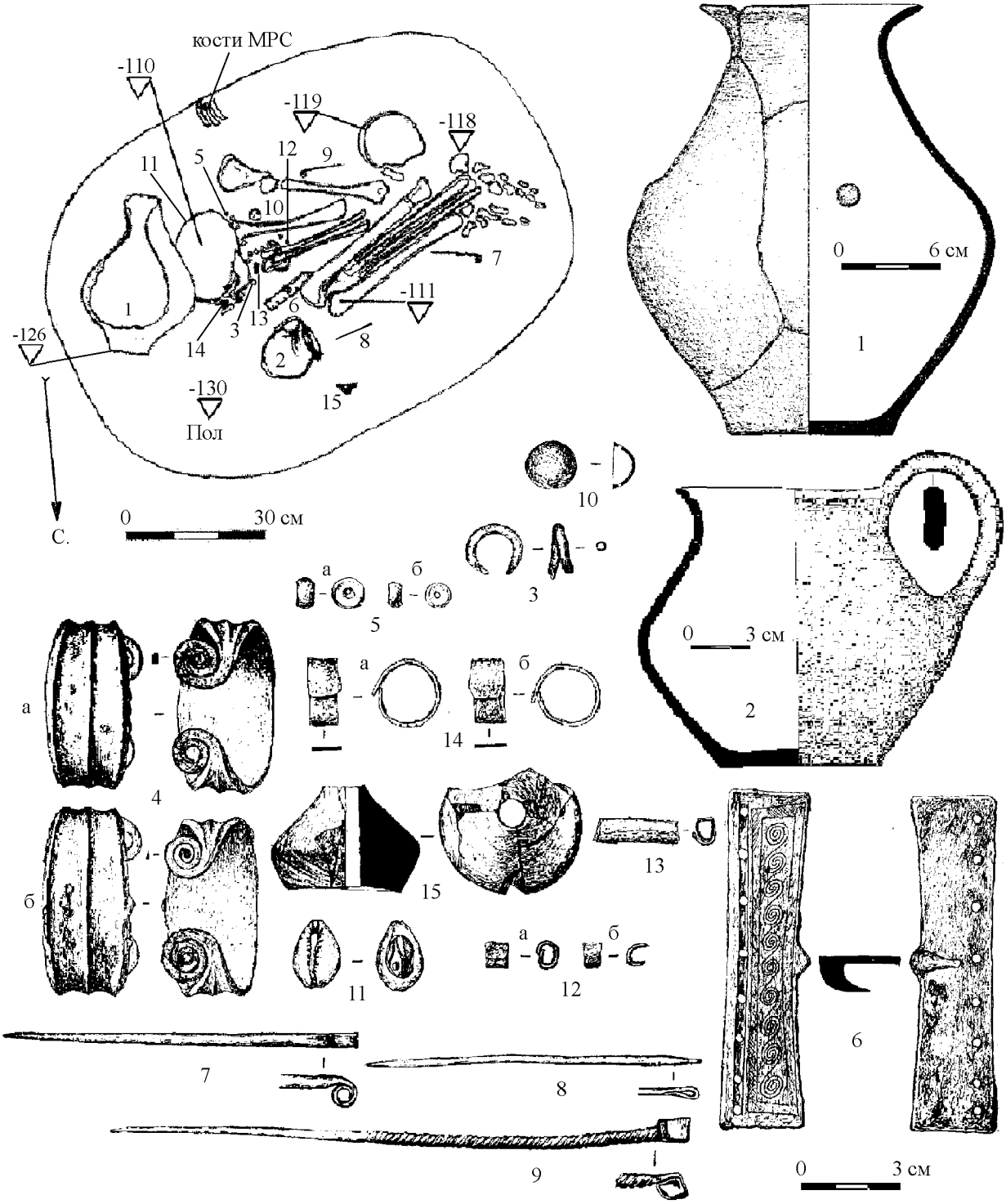

Рис. 44. Погребение 76. 1 – 2 – сосуды; 3 – височное кольцо; 4 – браслеты; 5, 12 – бусы; 6 – поясная пряжка; 7, 9 – булавки; 8 – игла; 10 – нашивная бляшка; 11 – раковины каури; 13 – трубочка; 14 – перстни; 15 – пряслице (1 – 2, 15 – керамика; 3 – 4, 6 – 10, 13 – 14 – бронза, 5 – сердолик; 11 – раковина).

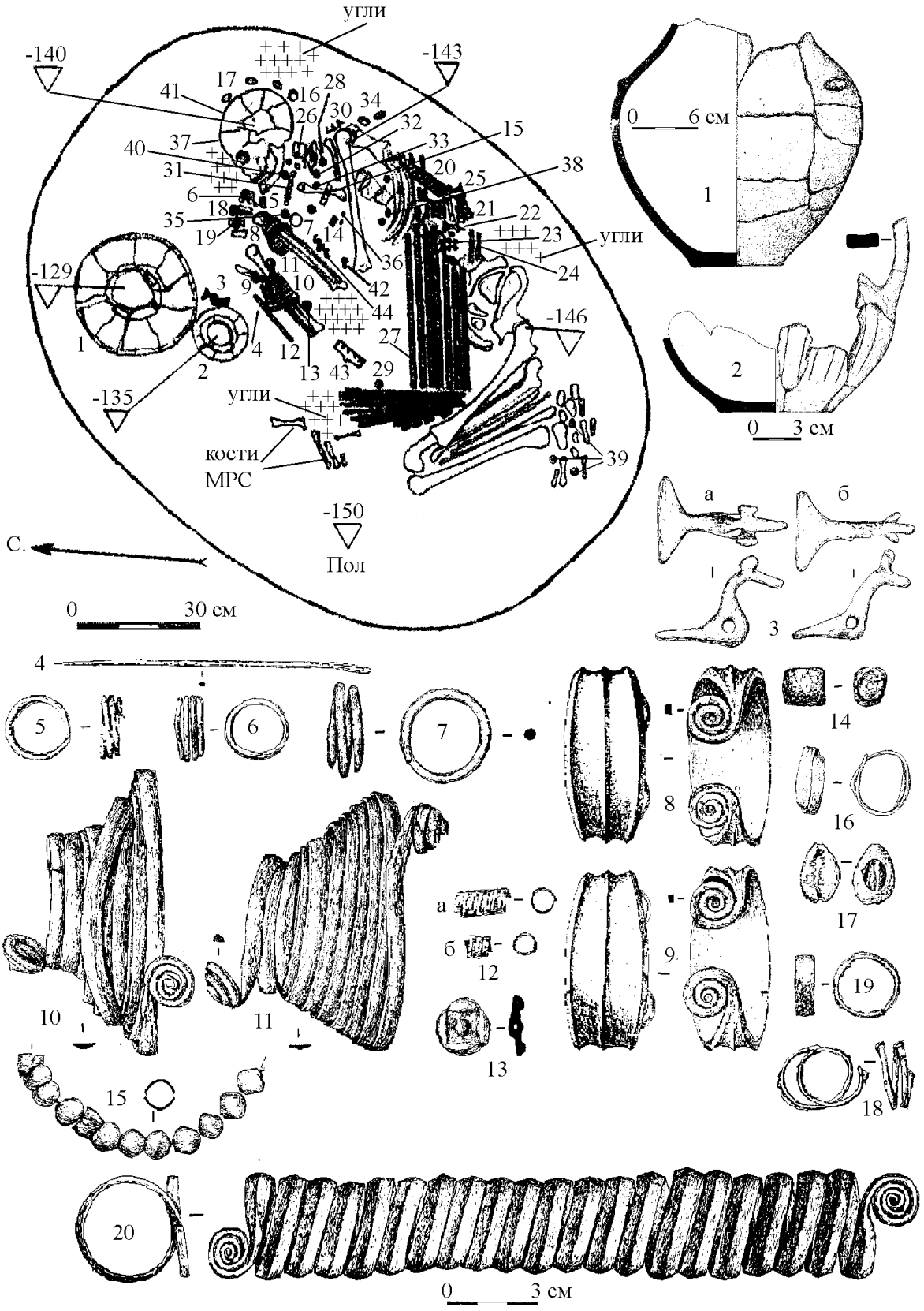

Рис. 45 а. Погребение 77. 1 – 2 сосуды; 3 – привески; 4 – игла; 5 – 6, 16, 18 – 19; 7 – привеска; 17 – каури; 8 – 9 браслеты; 10 – 11 – налокотники; 12 –

спираль; 13 – бляшка – пуговица; 14 – 15 – бусы; 20 – накосник (1 – 2 – керамика; 3 – 12, 5 – 20 – бронза; 13 – сурьма; 14 – стекло).

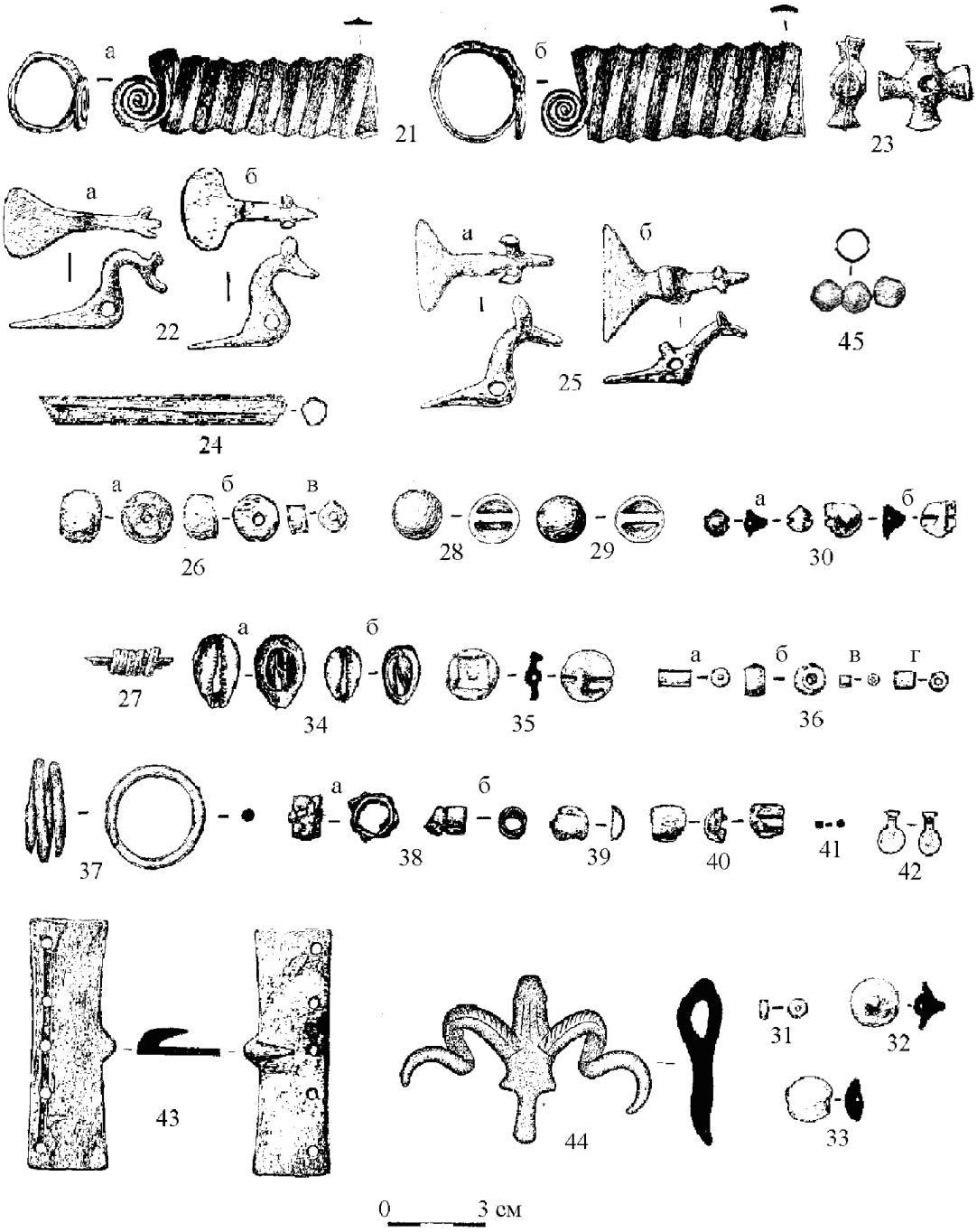

Рис. 45 б. Инвентарь погребения 77. 21 – накосник; 22 – 23, 25, 37, 44 – привески; 24 – трубочка; 26, 30 – 33, 36, 38, 40, 42, 45 – бусы; 28 – 29, 35, 39 – бляшки; 27 – спираль; 34 – раковины каури; 43 – пряжка (21 – 25, 27 – 29, 37 – 39, 43 – 44 – 45 – бронза; 26 – сердолик; 30, 31, 33 – 35— сурьма; 34 – раковина; 36, 40 – 41 – стекло; 42 – кость).

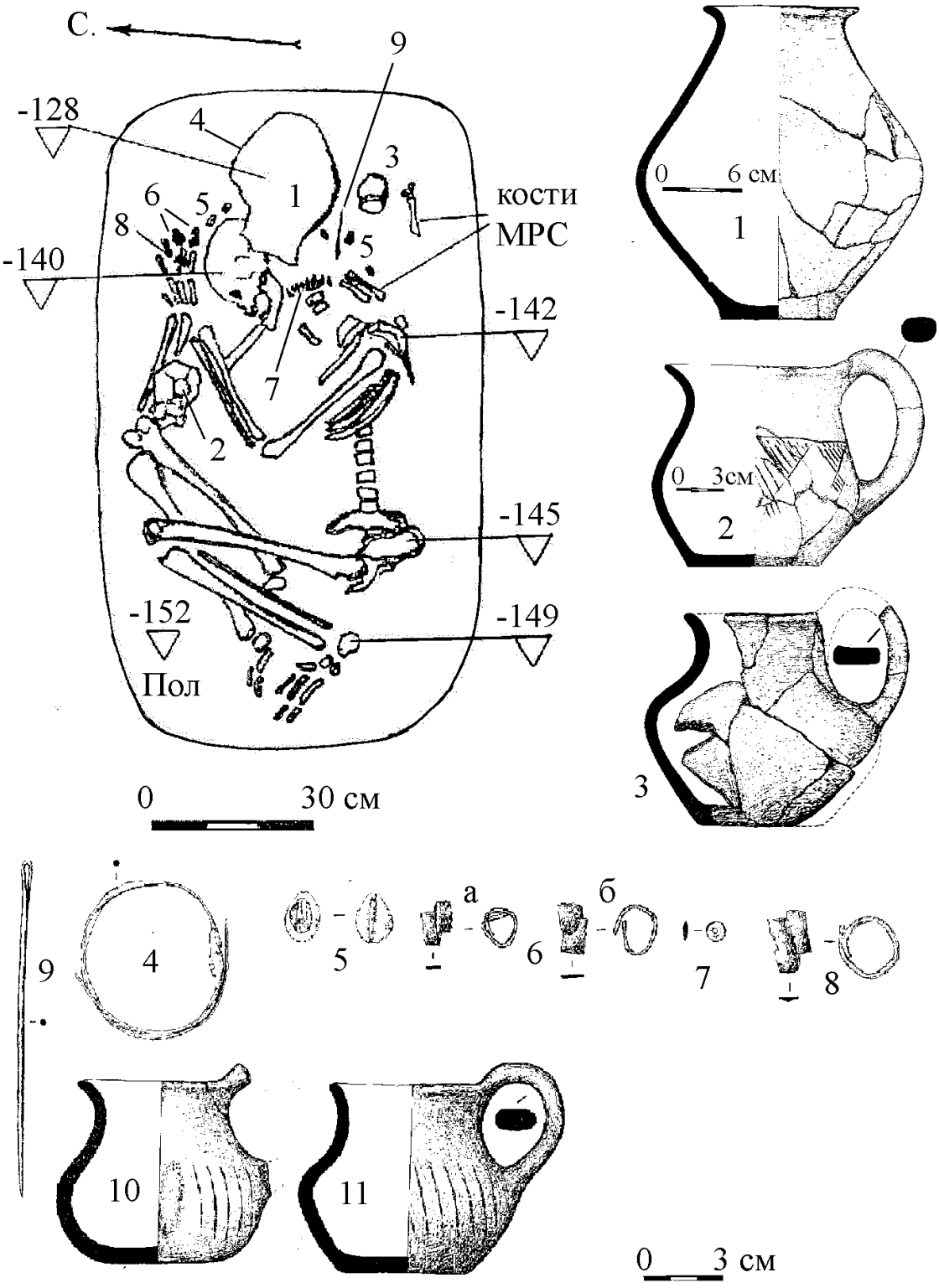

Рис. 46. Погребение 78. 1 – 3, 10 – 11 – сосуды (сосуды № 10 и 11 найдены в засыпке могильной ямы); 4 – височное кольцо, 5 – раковина каури; 6, 8 перстни; 7 – бусы; 9 – игла (1 -3, 10 – 11 – керамика; 4, 6, 8 – 9 бронза; 5 – раковина; 7 – сурьма).

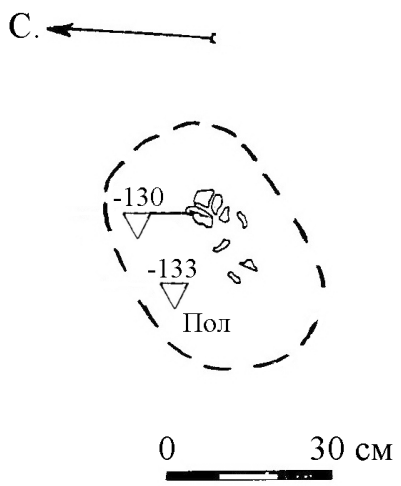

Рис. 47. Погребение 79.

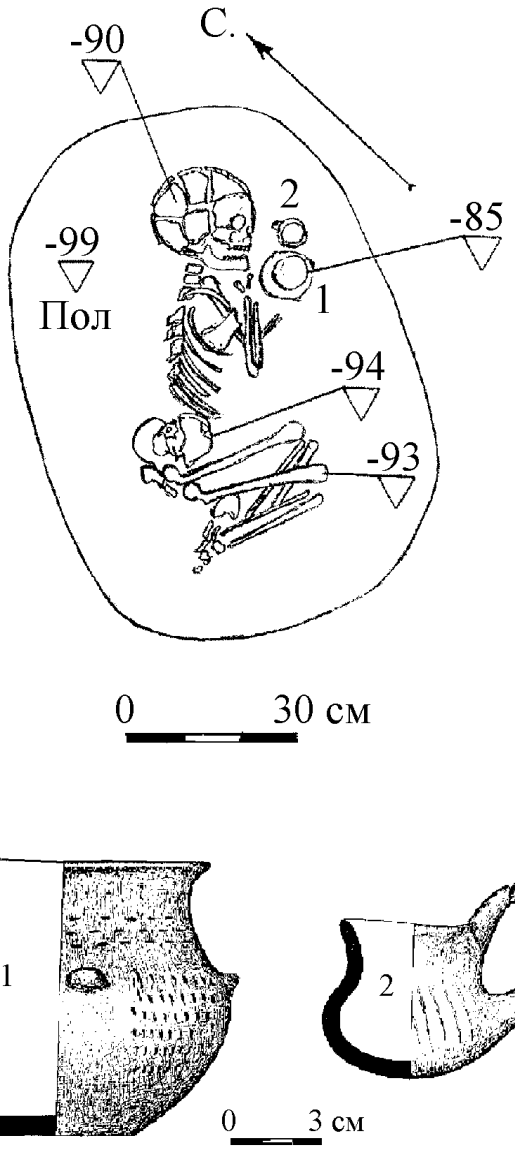

Рис. 48. Погребение 80. 1 – 2 – сосуды (керамика).

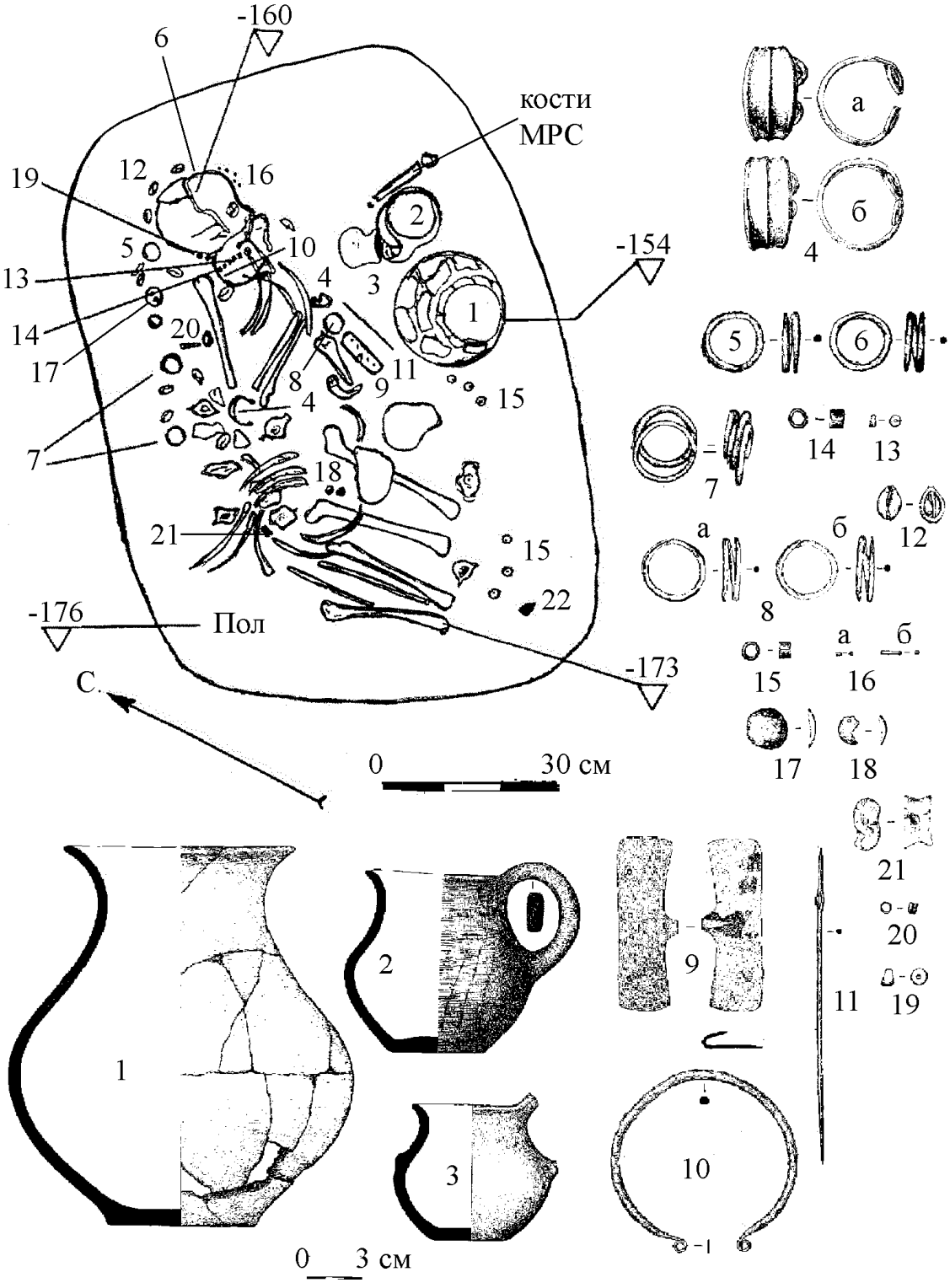

Рис. 49. Погребение 82. 1 – 3 – сосуды; 4 – браслеты; 5 – кольца; 9 – пряжка; 10 – гривна; 11 – игла; 12 – раковины каури; 14 – 15, 19, – бусы; 13, 16 – бисер; 17 – 18 – нашивные бляшки; 20 – цилиндрические спирали; 21 – бараний астрагал; 23 – кремень (1 – 3 – керамика; 4 – 11, 14 – 15, 17 – 18 –

бронза; 12 – раковина; 13 – сердолик; 16 – стекло; 19 – сурьма; 21 – кость; 22 – камень).

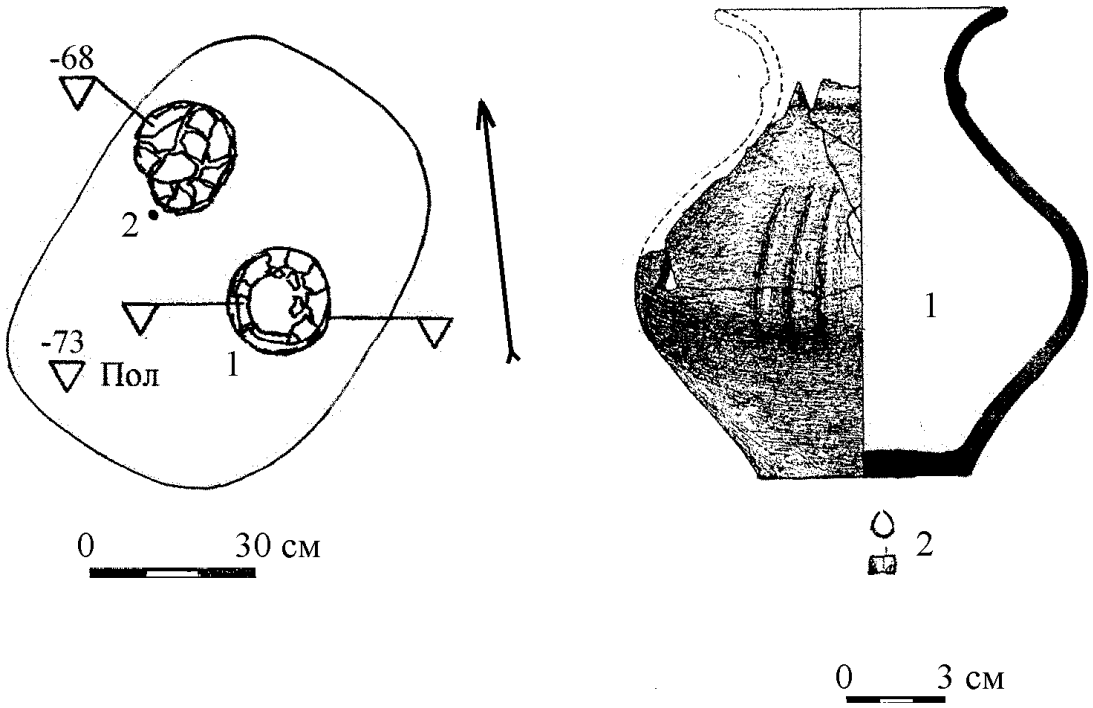

Рис. 50. Погребение 83.

1 – сосуд; 2 – буса – скобочка (1 – керамика; 2 – бронза).

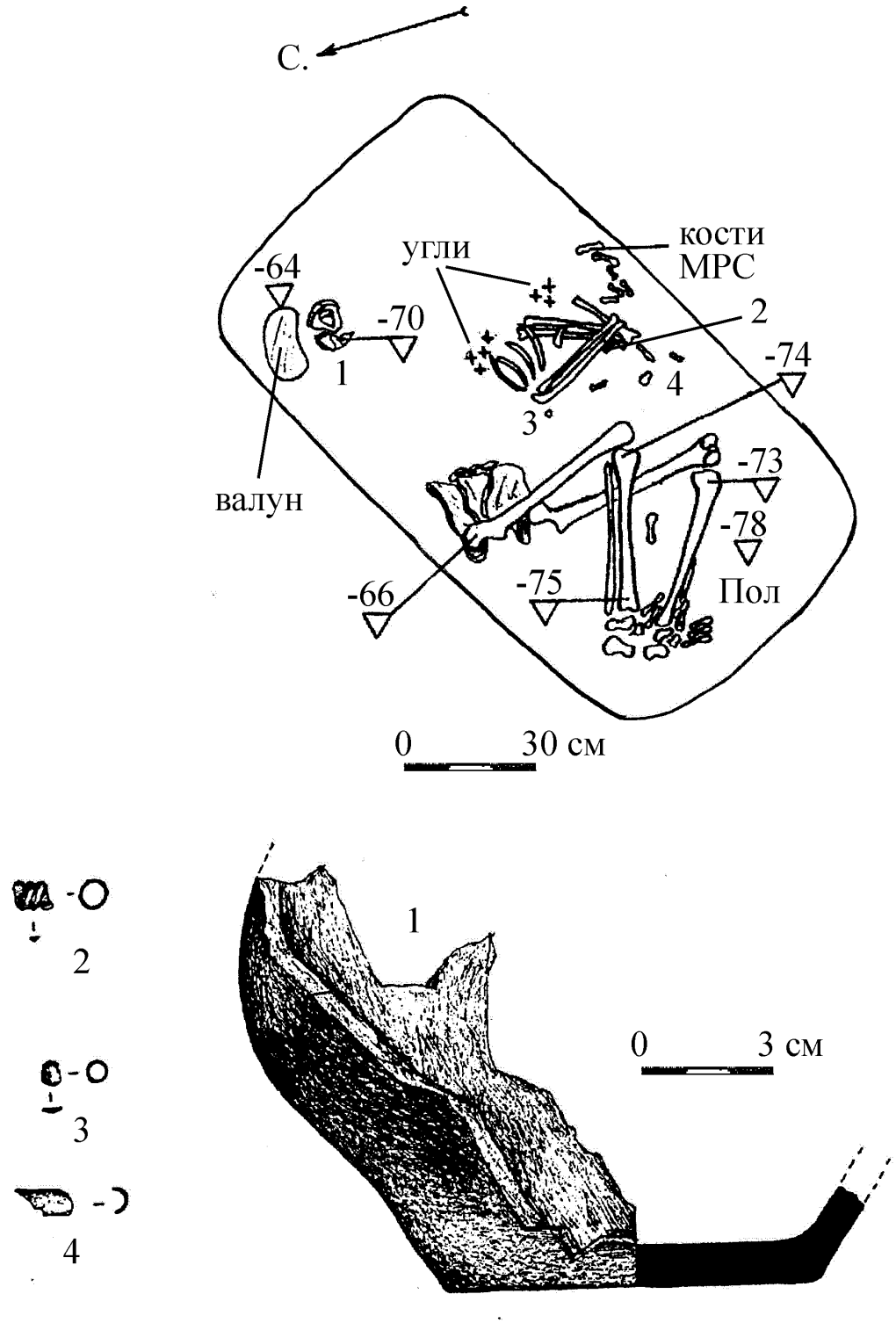

Рис. 51. Погребение 84.

1 – фрагмент сосуда; 2 – спираль; 3 – буса - скобочка; 4 – трубочка (1 – керамика; 2 – 4 – бронза).

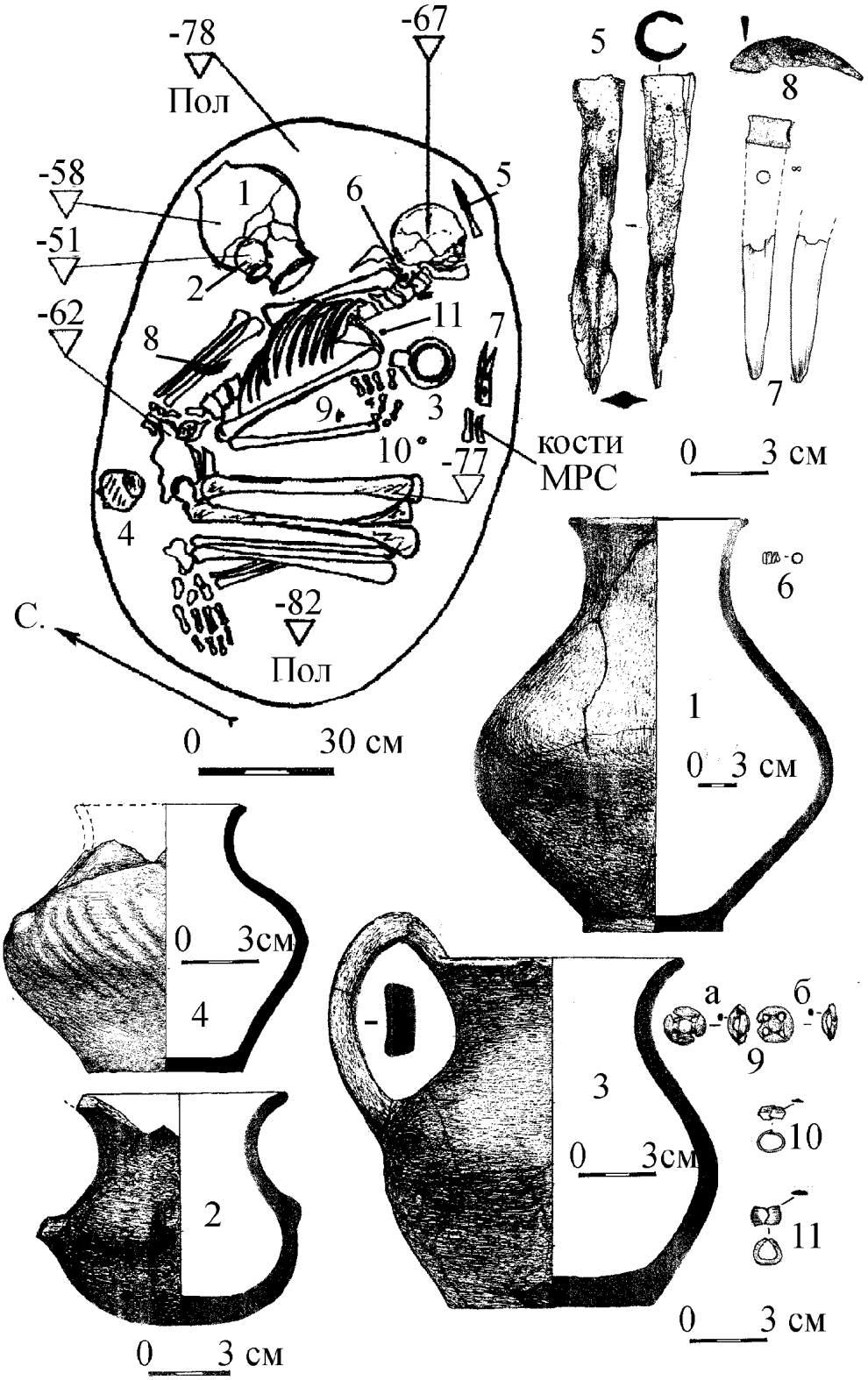

Рис. 52. Погребение 85. 1 – 4 – сосуды; 5 – наконечник копья; 6 – спираль; 7 – псалии; 8 – нож; 9 – бляшки; 10 – 11 – колечки (1 – 4 – керамика; 5, 8 – железо; 6, 9 – 11 – бронза; 7 – рог).

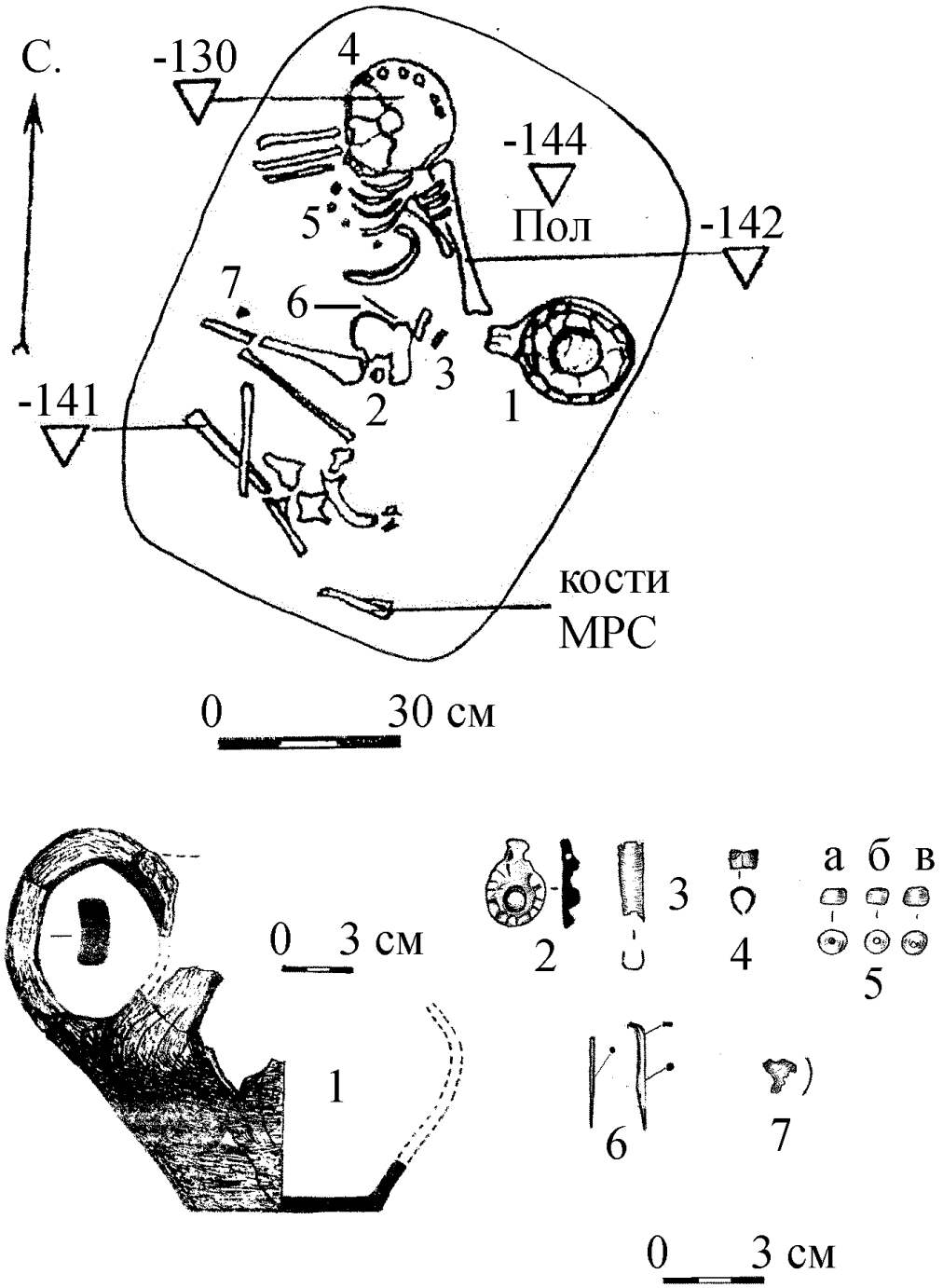

Рис. 53. Погребение 86. 1 – сосуд; 2 – привеска; 3 – трубочка; 4 – 5 – бусы; 6 – булавка; 7 – фрагмент нашивной бляшки (1 – керамика; 2 – сурьма; 3 – 4, 6 – 7 – бронза; 5 – сердолик).

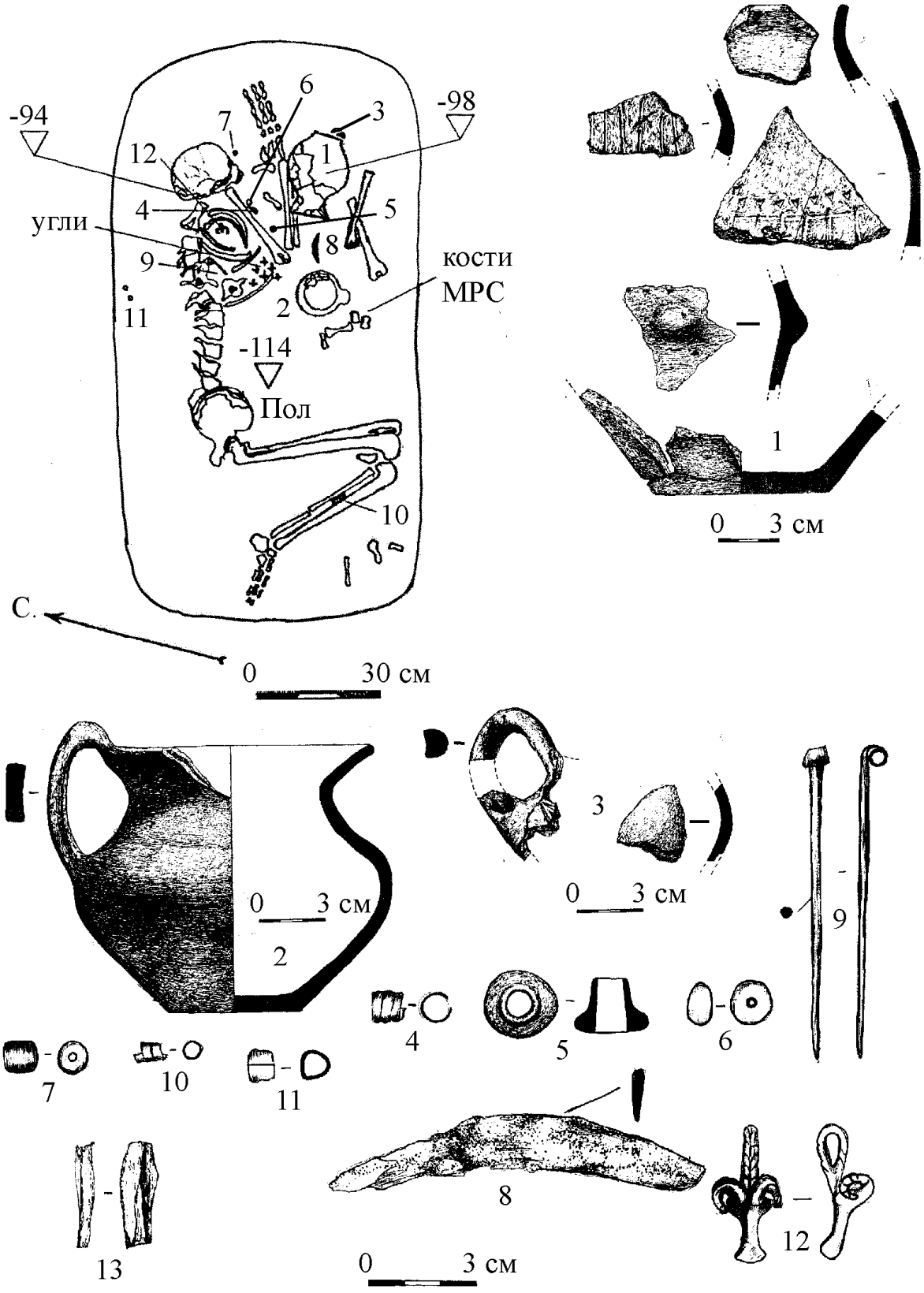

Рис. 54. Погребение 87. 1 – 3 – сосуды; 4, 10, – спирали; 5 – ворворка; 6 – 7, 11 – бусы; 8 – нож; 9 – булавка; 12 – зооморфная привеска (1 – 3 – кера-

мика; 4 – 5, 8 – 12 – бронза; 6 – 7 – сердолик); 13 – кремневая пластина (найдена в заполнении могильной ямы).

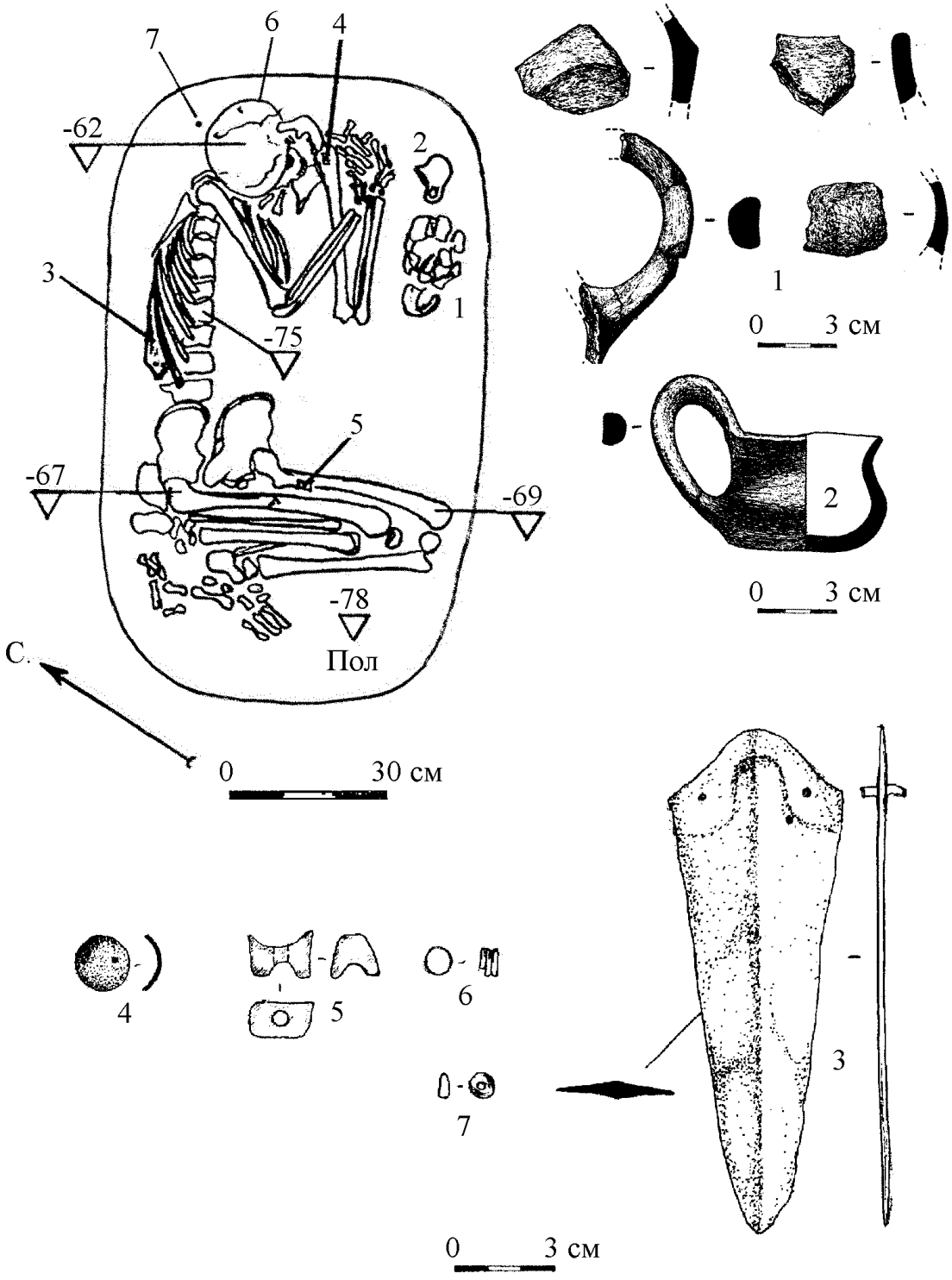

Рис. 55. Погребение 91. 1 – 2 сосуды; 3 – кинжал; 4 – бляшка; 5 – привеска (ворворка?); 6 – спираль; 7 – буса (1 – 2 – керамика; 3 – 6 – бронза; 7 – сурьма).

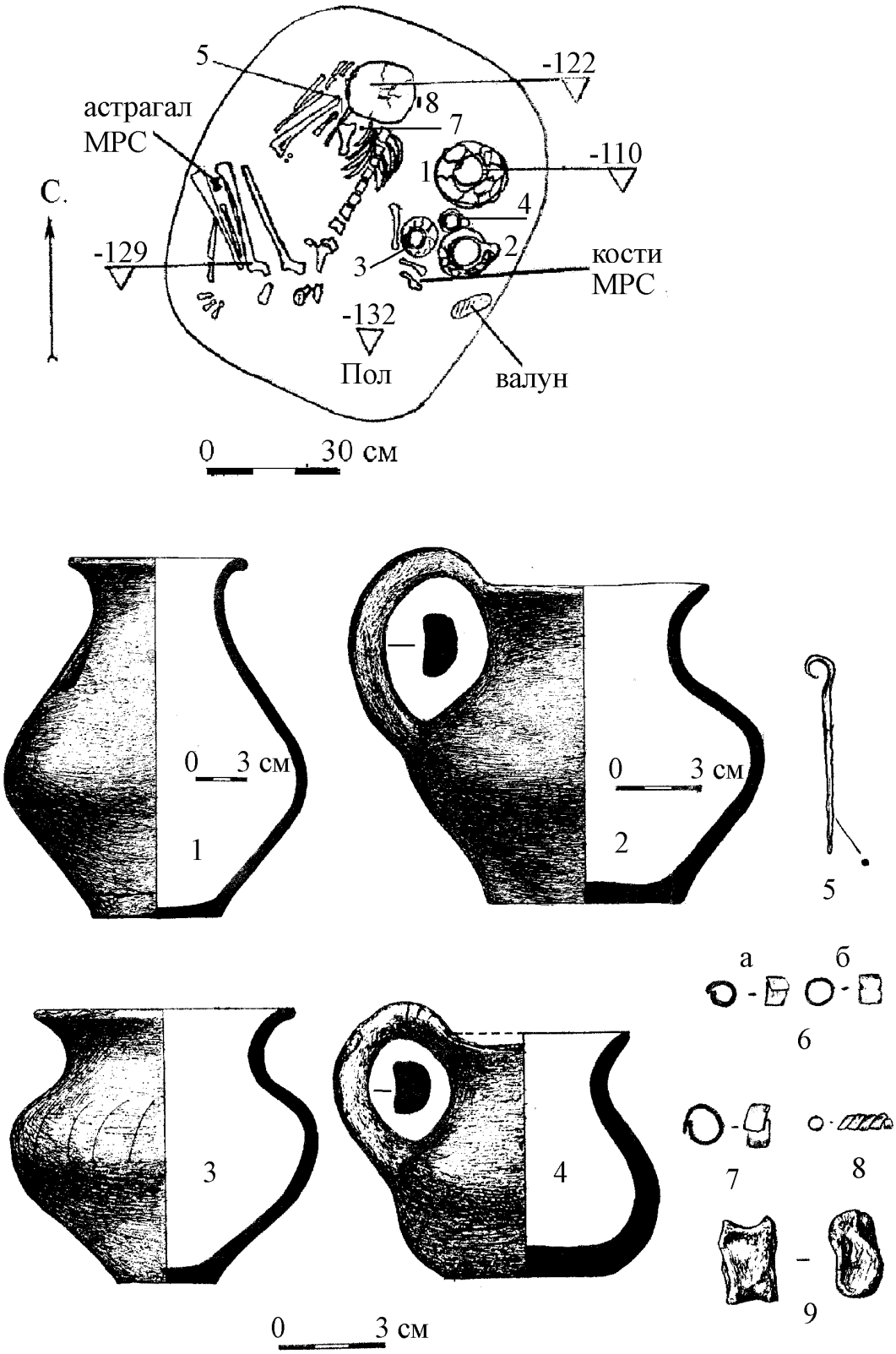

Рис. 56. Погребение 92. 1 – 4 – сосуды; 5 – булавка; 6 – бусы – скобочки; 7 – кольцо; 8 – спираль; 9 – астрагал МРС (1 – 4 – керамика; 5 – 8 – бронза; 9 – кость).

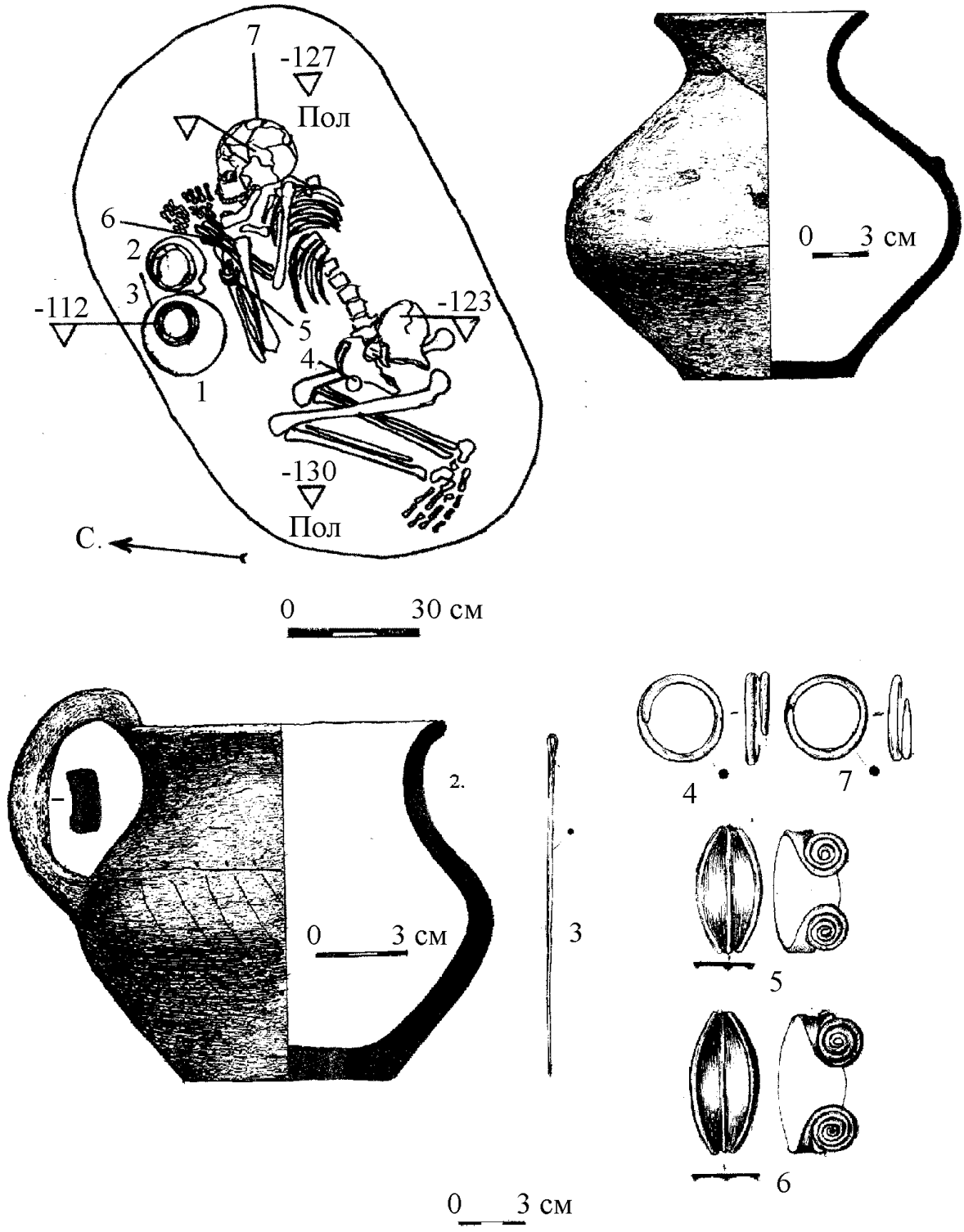

Рис. 57. Погребение 93.

1 – 2 – сосуды; 3 – игла; 4, 7 – кольца; 5 – 6 – браслеты (1 – 2 – керамика; 3 - 7 – бронза).

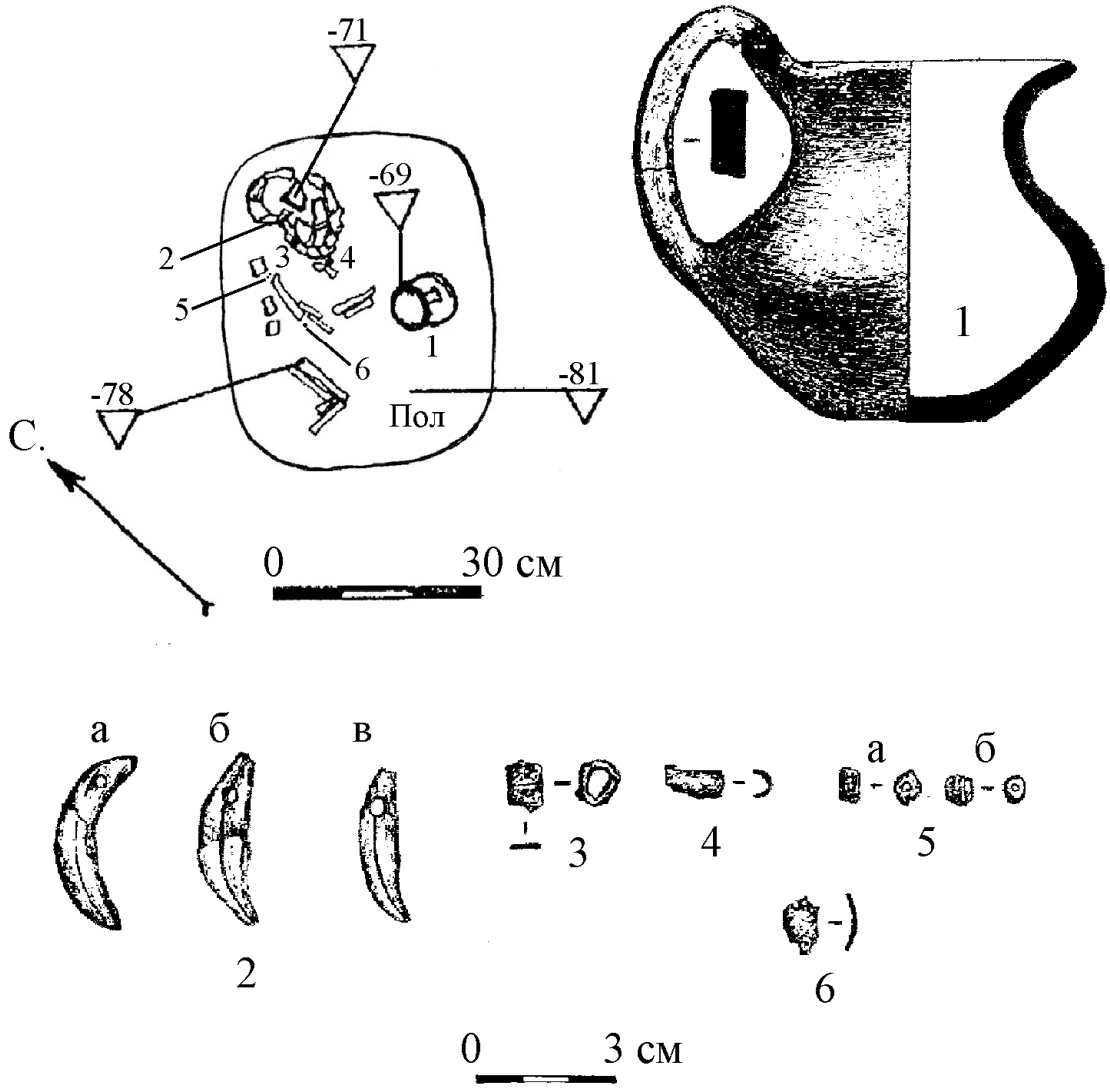

Рис. 58. Погребение 94.

1 – сосуд; 2 – клыки хищника (собака или лиса); 3 – буса – скобочка; 4 – трубочка; 5 – бусы; 6 – нашивная бляшка (1 – керамика; 2 – кость; 3 – 4, 6 – бронза; 5 – стекло).

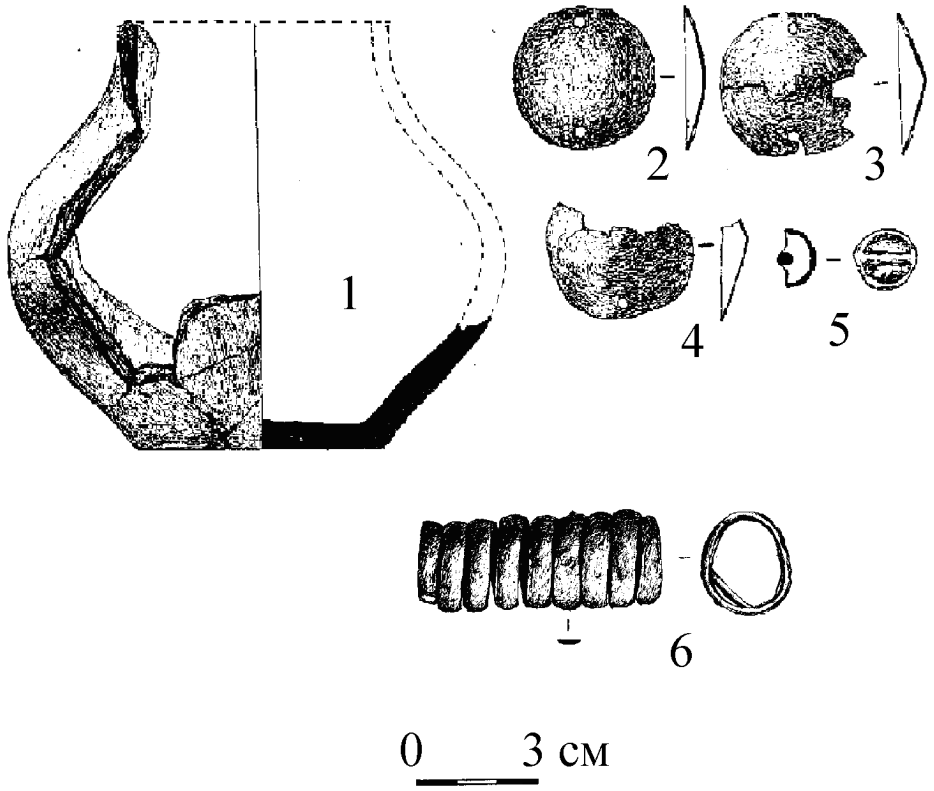

Рис. 59. Находки вне комплексов.

1 – 5 – раскопки 2004 г.; 6 – раскопки – 2005 г. 1 – сосуд; 2 – 3 – нашивные бляхи; 5 – пуговица (бляшка?); 6 – накосник (1 – керамика; 2 – 6 – бронза).

Николаевский могильник

Материалы раскопок Т. Б. Тургиева (1970 г.)

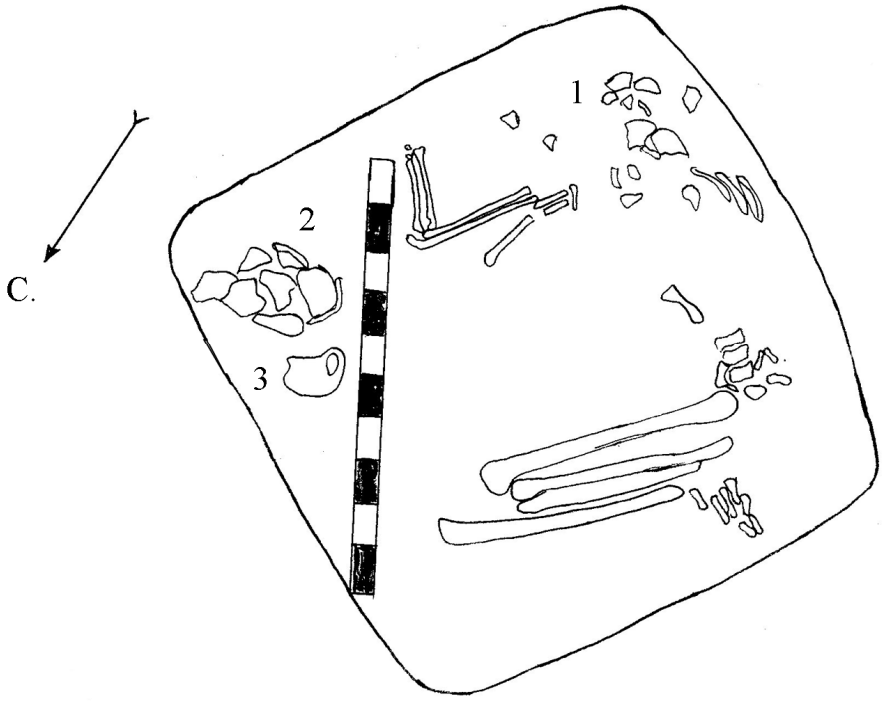

Рис. 60. Погребение 12 (прорисовка по фотографии из отчета Т.Б.Тургиева 1971 г.) 1 – 3 керамические сосуды (по Тургиев, 1971)

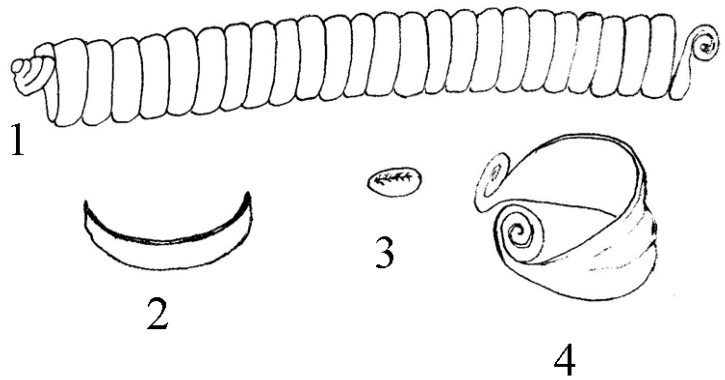

Рис. 61. Инвентарь погребения 1 (прорисовка по фотографии из отчета Т.Б.Тургиева 1971 г.)

1 – накосник; 2 – фрагментированная височная привеска; 3 – раковина каури; 4 – браслет (1- 2, 4 – бронза; 3 – раковина).

Рис. 62. Предметы из погребений (2 – 3 – погребение 2; 5 – погребение 10; 9 – погребение 12) и находки вне комплексов (1970 г.) (по В. И. Козенкова, 1996) (1 – 2 – накосники; 3 – височная привеска; 4, 8 – топоры; 5 – пуговица; 6 – 7 – браслеты; 9 – 10 – сосуды (1 – 8 – бронза; 9 – 10 – керамика).

Николаевский могильник

Материалы раскопок В. Т. Чшиева (2011 – 2012 гг.)

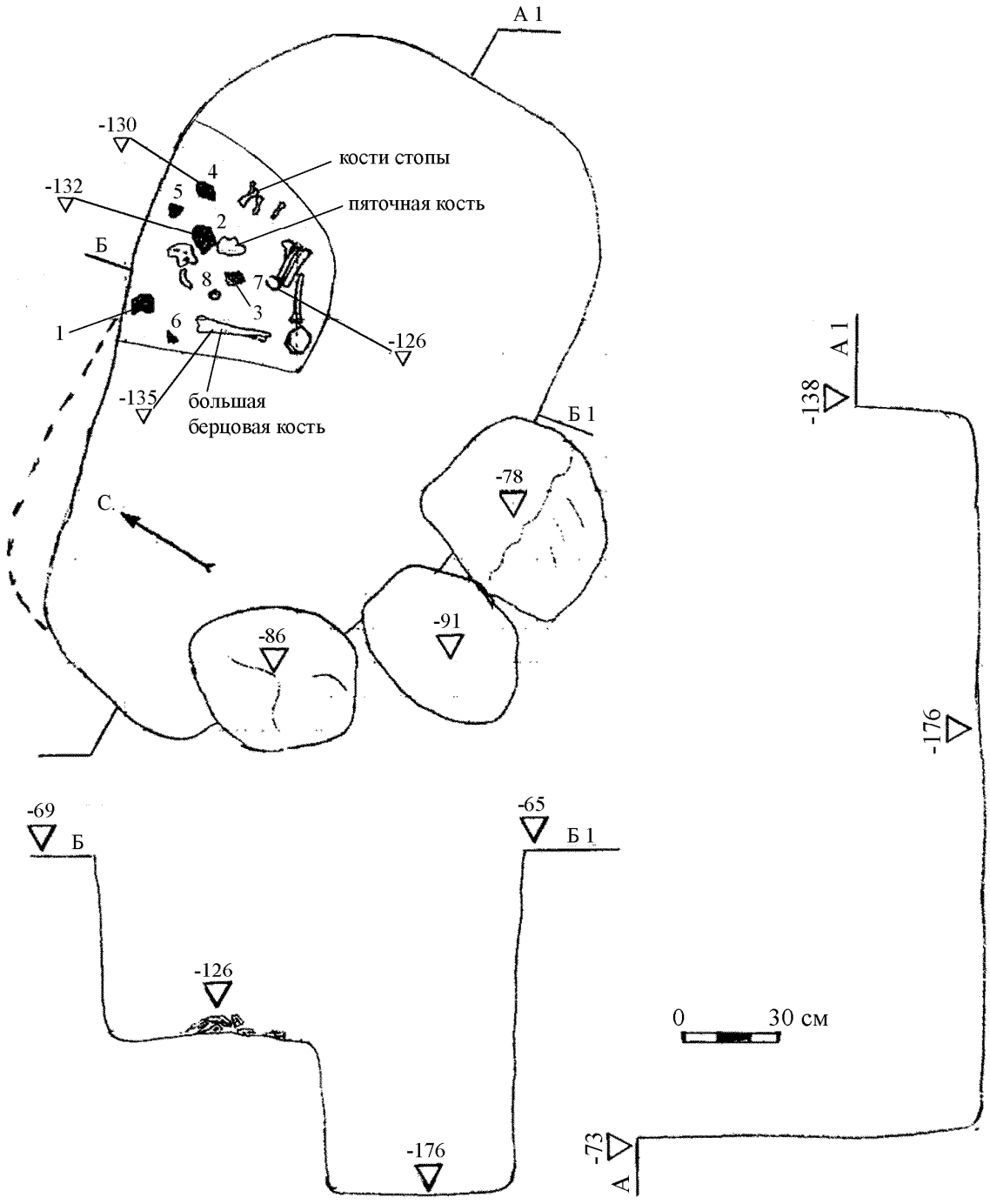

Рис. 63. Погребение 1. 1 – 7 – фрагменты сосудов; 7 – височная привеска с рифлением; 8 – фрагмент височной привески (1 – 7 – керамика; 7 – 8 – бронза).

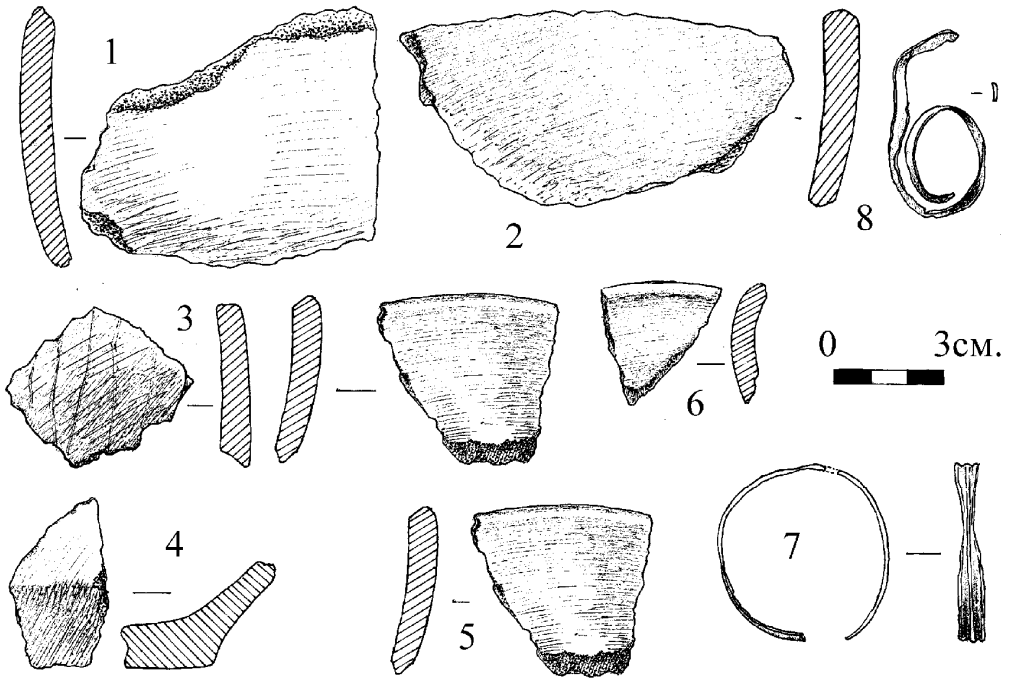

Рис. 64. Инвентарь погребения 1.

1 – 7 – фрагменты сосудов; 7 – височная привеска с рифлением; 8 – фрагмент височной привески (1 – 7 – керамика; 7 – 8 – бронза).

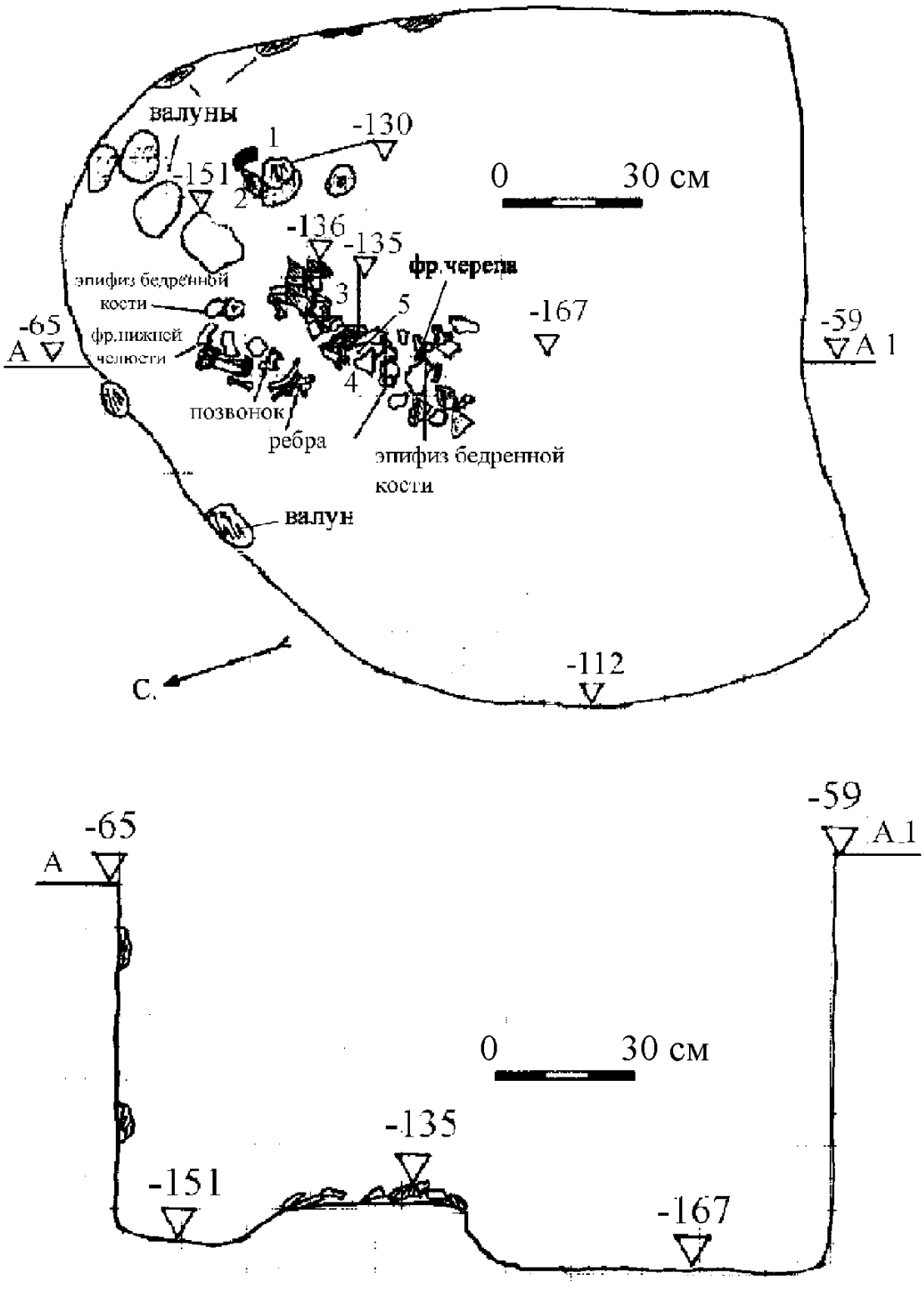

Рис. 65 а. Погребение 2.

1 – 4 – фрагменты сосудов; 5 – нашивная бляшка (1 – 4 – керамика; 5 – бронза).

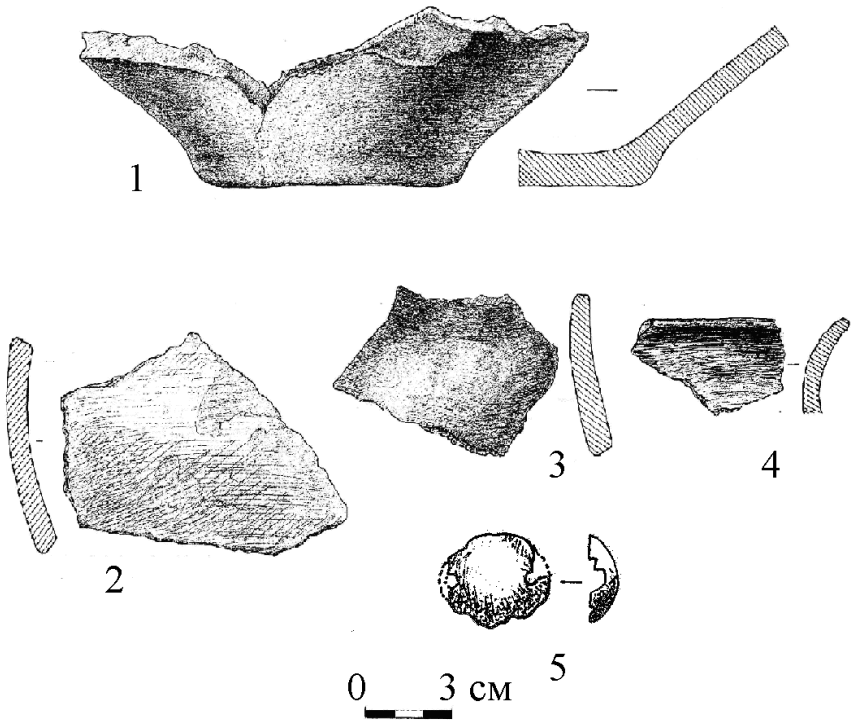

Рис. 65 б. Инвентарь погребения 2.

1 – 4 – фрагменты сосудов; 5 – нашивная бляшка (1 – 4 – керамика; 5 – бронза).

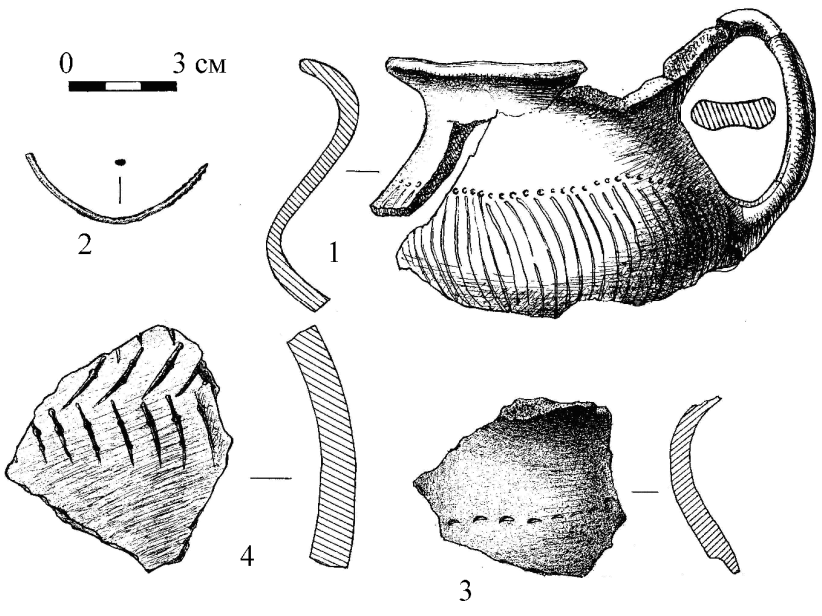

Рис. 65 в. Находки из заполнения погребения 2.

1, 3 – 4 – фрагменты сосудов; 2 – фрагмент неизвестного предмета (1, 3 – 4 – керамика; 2 – бронза).

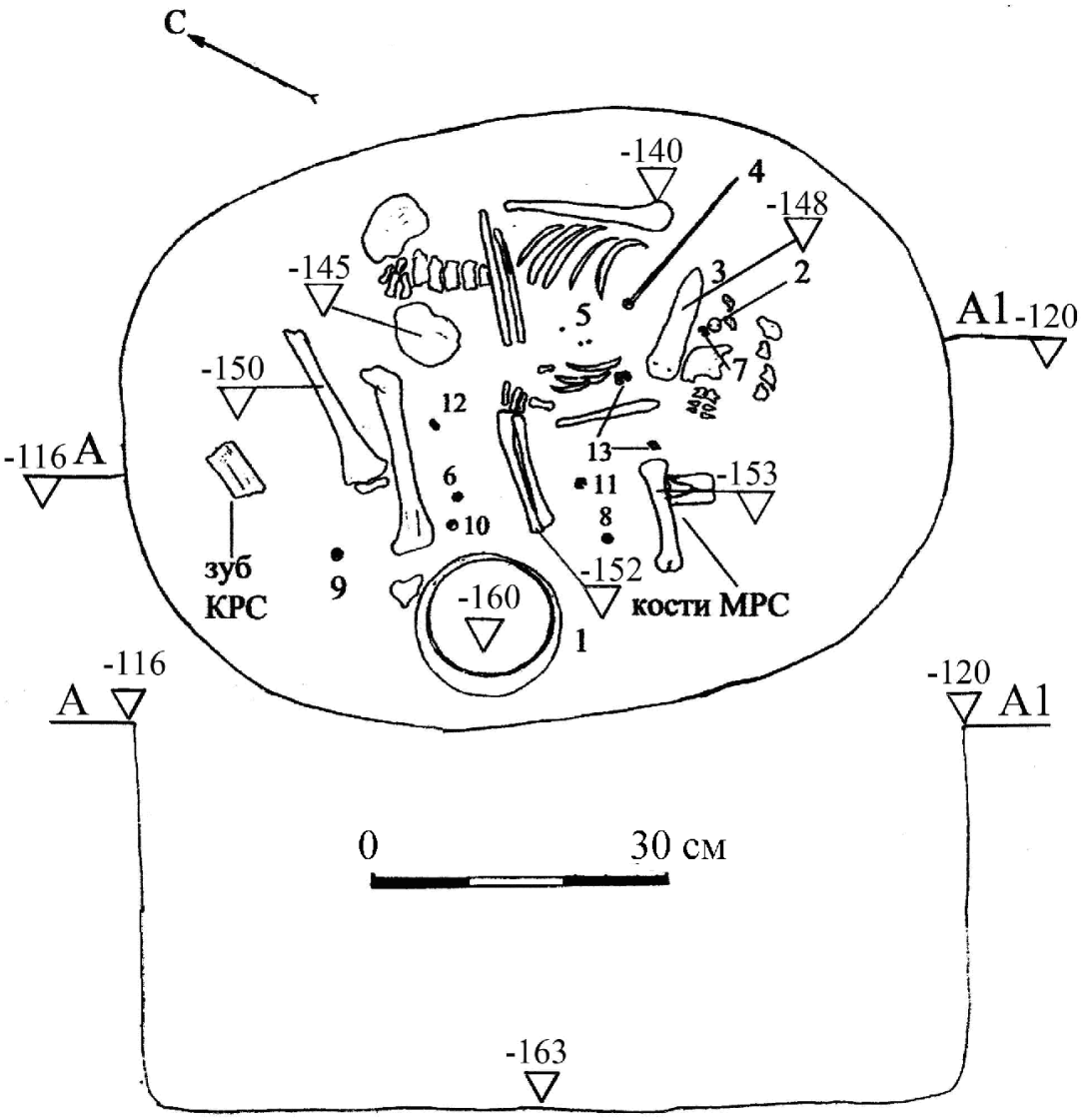

Рис. 66. Погребение 3.

1 – сосуд; 2, 6, 8 – бляшки; 3 – клинок кинжала; 4 – булавка; 5 – бусы; 7 – колечки; 9 – 10 – пуговицы; 11 – фрагмент неизвестного предмета; 12 – фрагмент трубочки; фрагментированная спираль (1 – керамика; 2 – 4, 7 – 8, 11 – 13 – бронза; 5 – сердолик; 9 – 10 – сурьма).

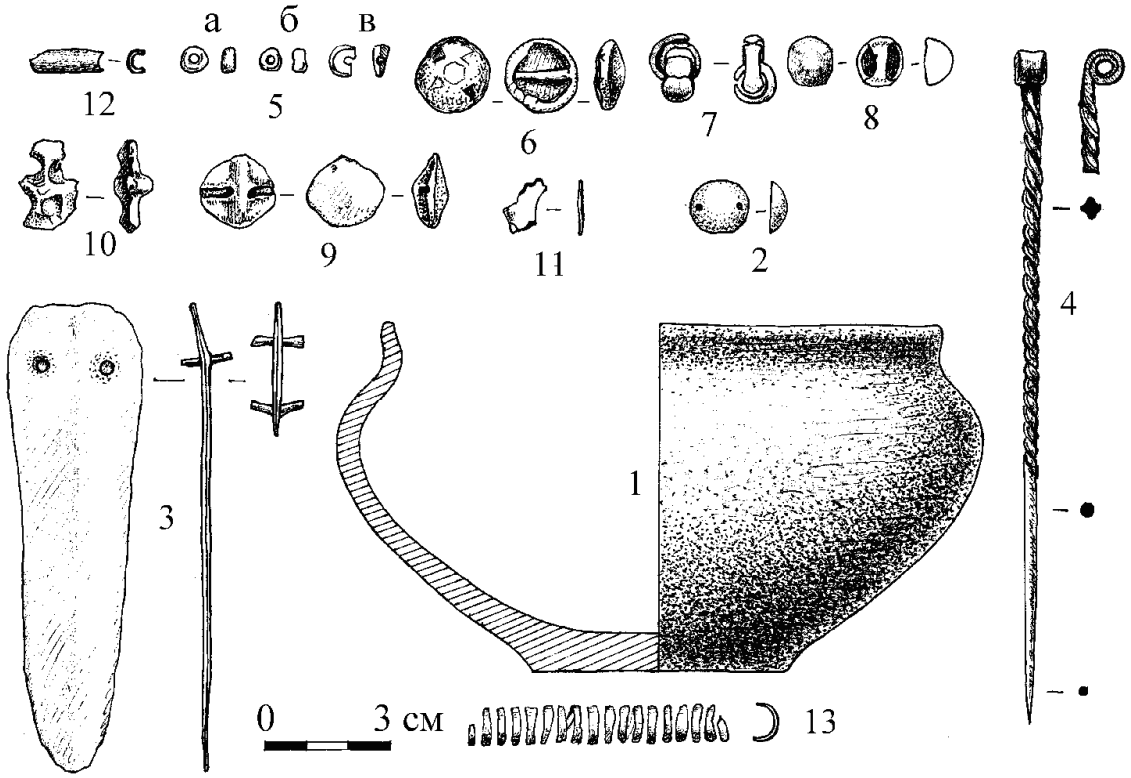

Рис. 67. Инвентарь погребения 3.

1 – сосуд; 2, 6, 8 – бляшки; 3 – клинок кинжала; 4 – булавка; 5 – бусы; 7 – колечки; 9 – 10 – пуговицы; 11 – фрагмент неизвестного предмета; 12 – фрагмент трубочки; фрагментированная спираль (1 – керамика; 2 – 4, 7 – 8, 11 – 13 – бронза; 5 – сердолик; 9 – 10 – сурьма).

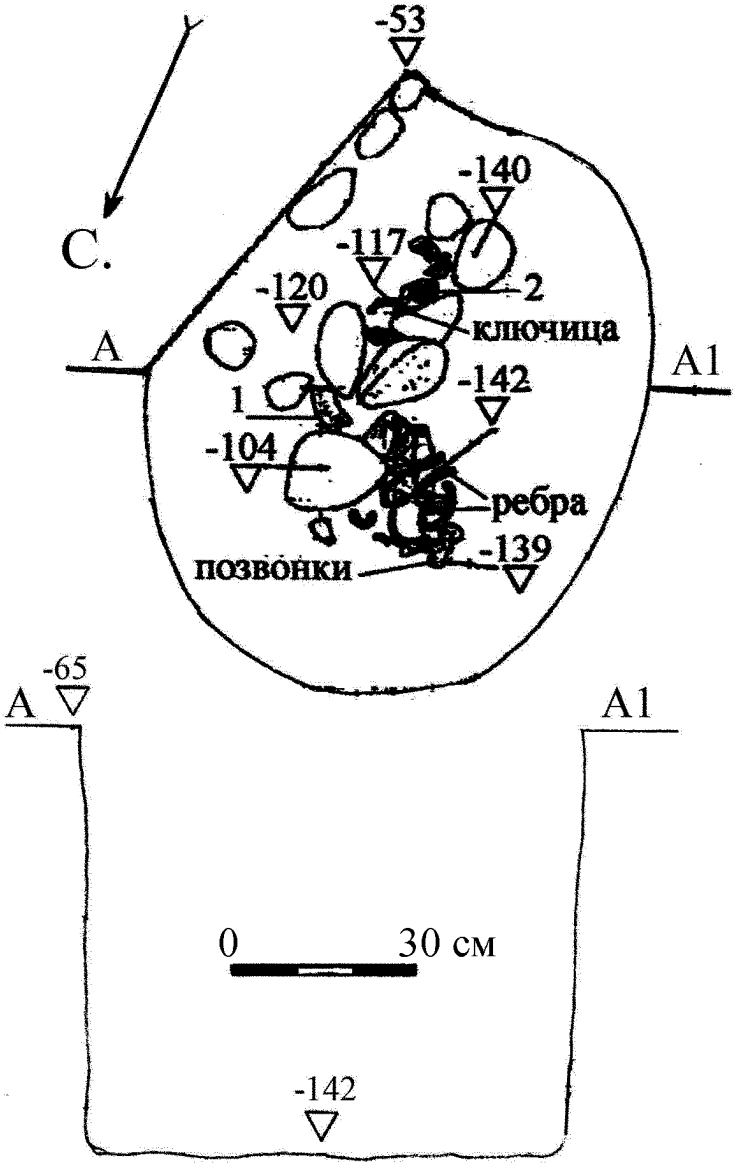

Рис. 68. Погребение 4.

1 – 2 – сосуды (керамика).

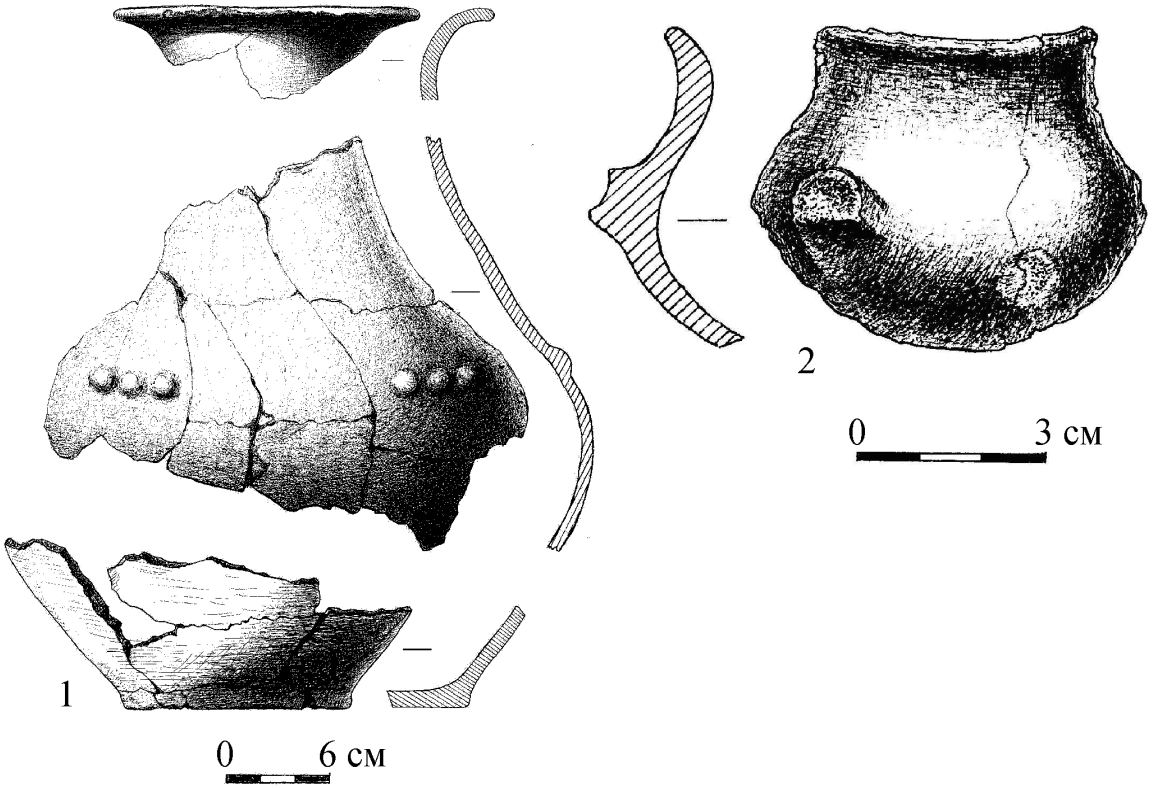

Рис. 69. Инвентарь погребения 4. 1 – 2 – сосуды (керамика).

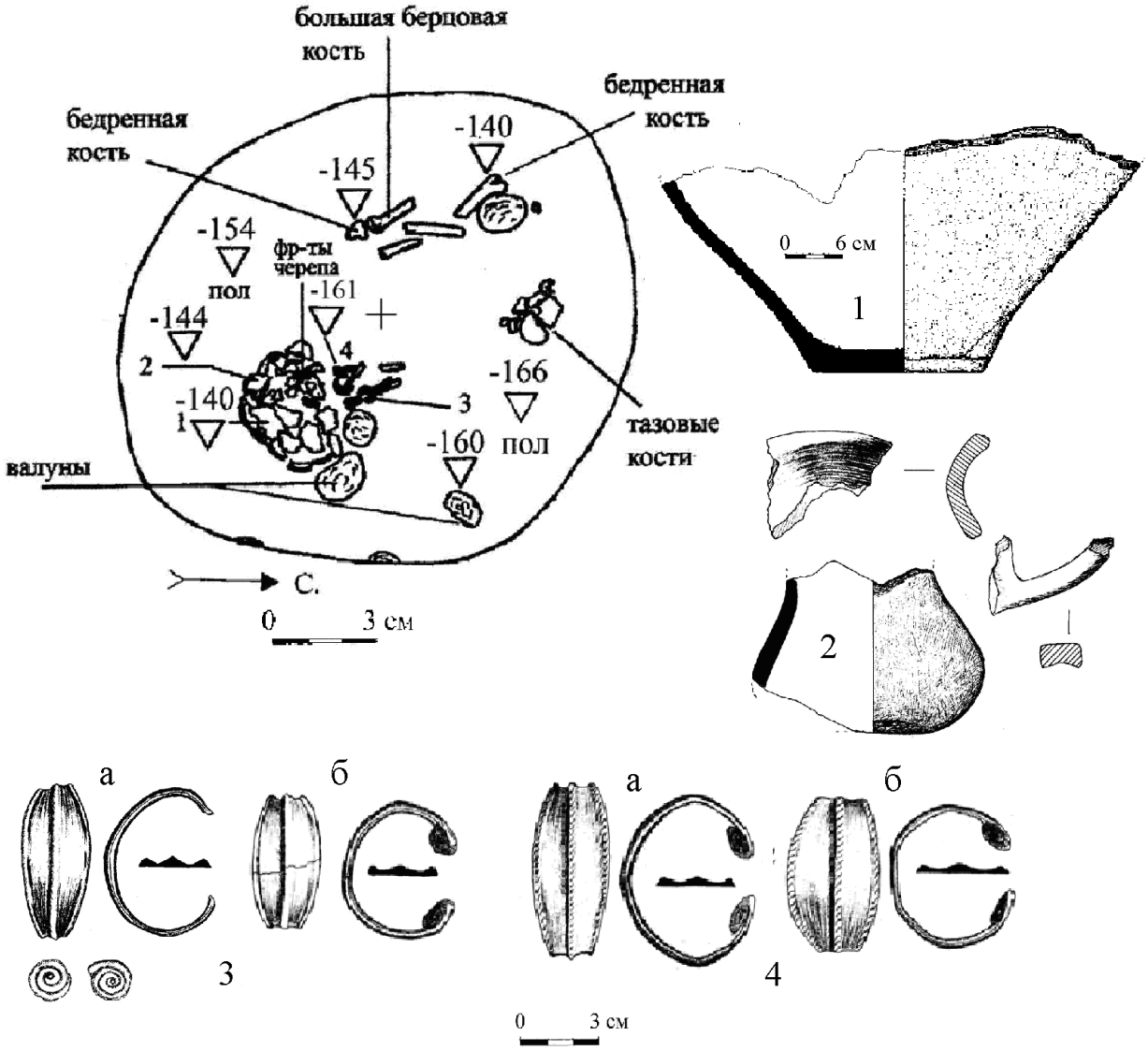

Рис. 70. Погребение 5.

1 – фрагментированная корчага; 2 – фрагменты кружки; 3 – 4 - браслеты (1 – 2 – керамика; 3 – 4 – бронза).

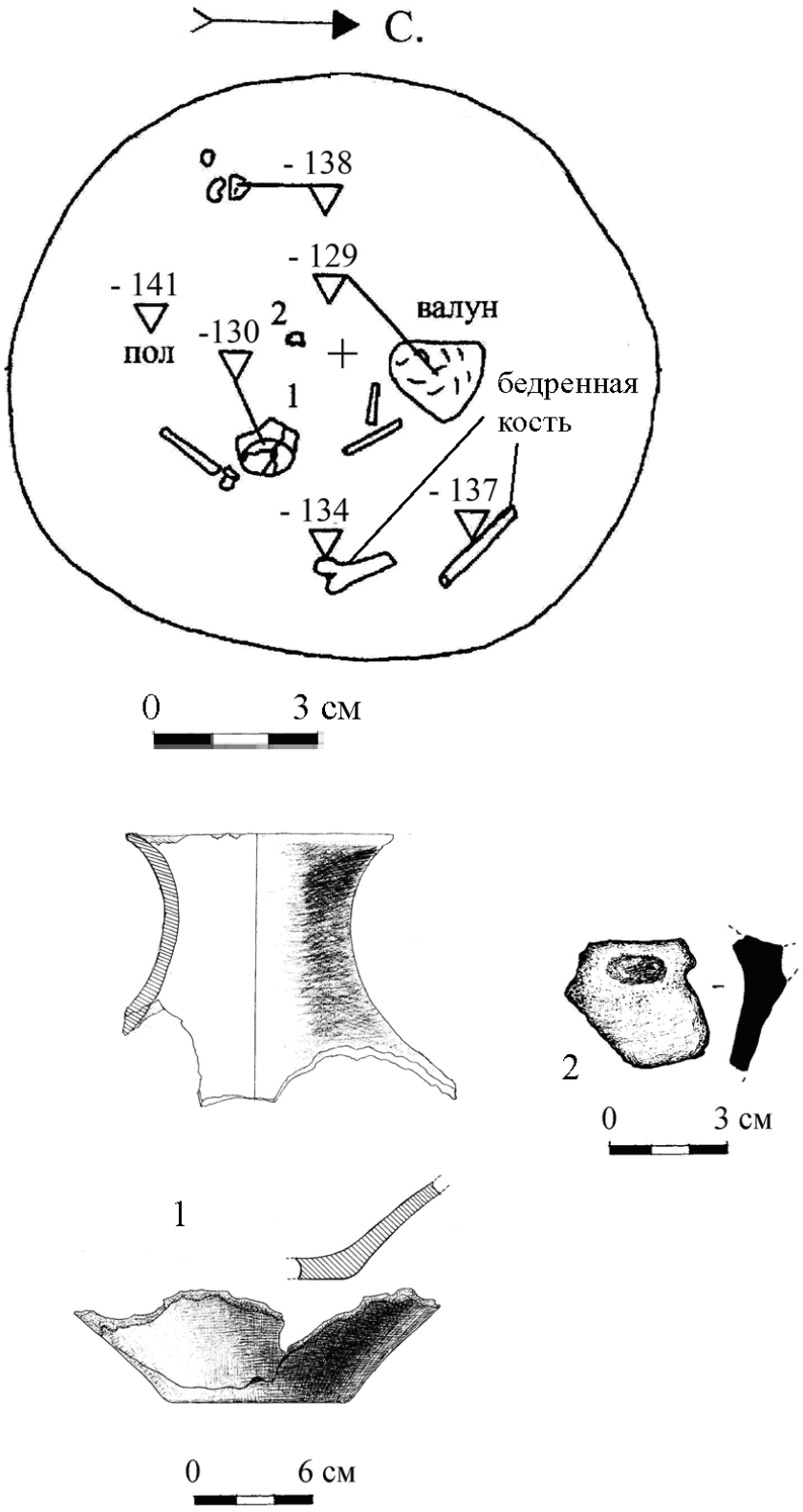

Рис. 71. Погребение 6. 1 – фрагментированная корчага; 2 – фрагмент кружки (керамика).

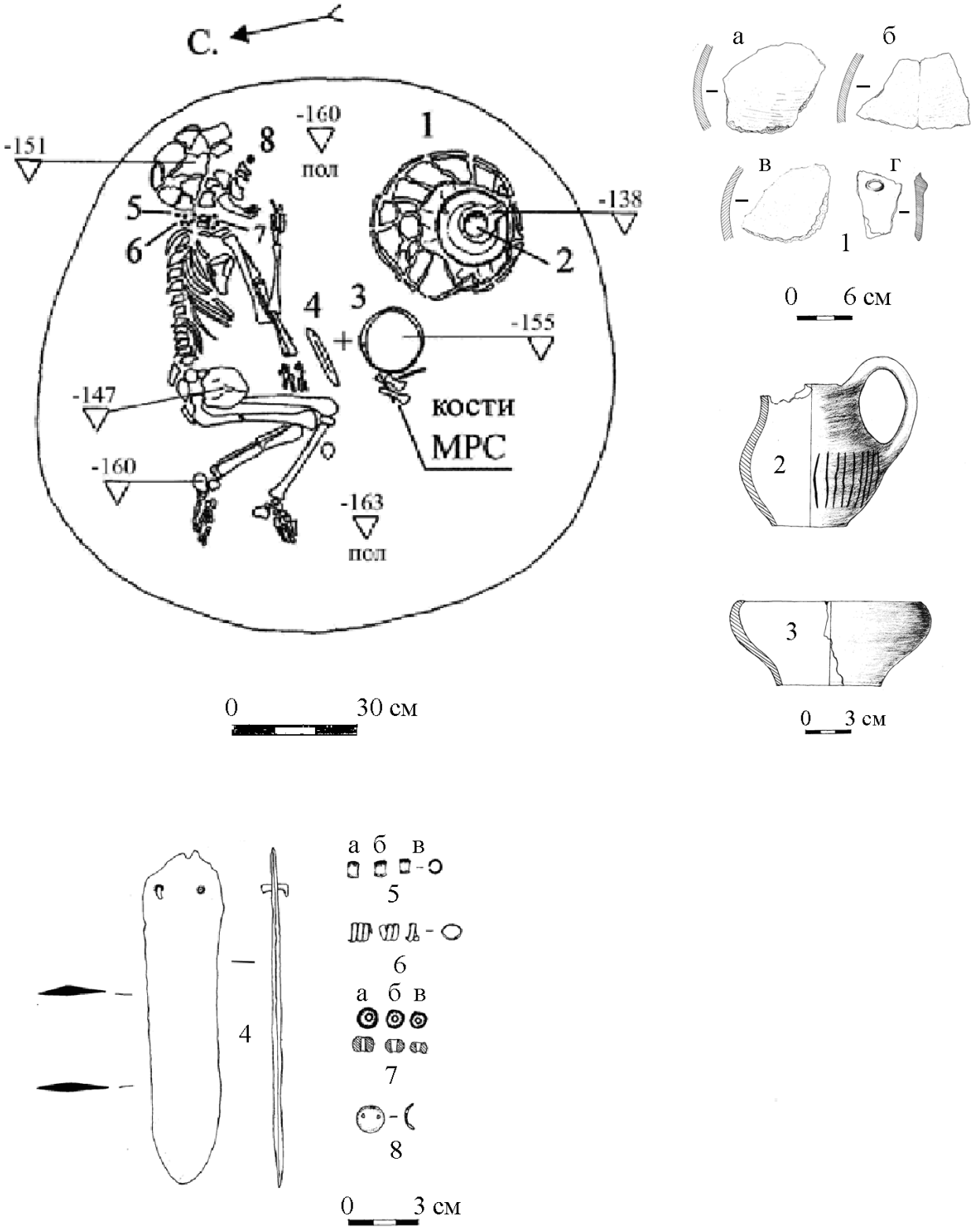

Рис. 72. Погребение 7. 1 – фрагменты корчаги; 2 – фрагментированная кружка; 3 – миска; 4 – кинжал; 5 – бусы – скобочки; 6 – спираль; 7 – бусы; 8 – нашивная бляшка (1 – 3 – керамика; 4 – 6, 8 – бронза; 7 – сердолик).

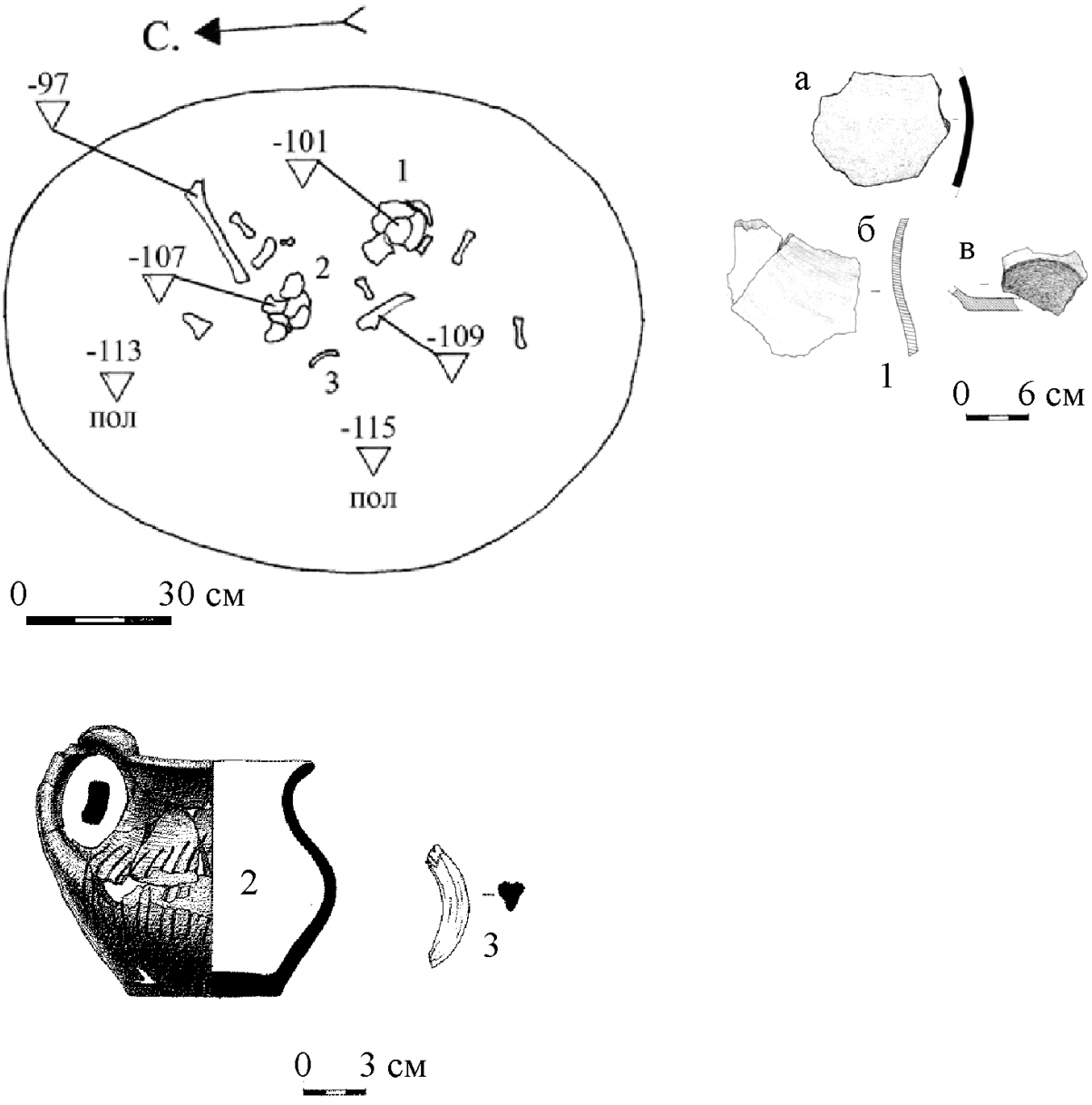

Рис. 73. Погребение 8.

1 – фрагменты корчаги; 2 – кружка; 3 – зуб лошади (1 – 2 – керамика).

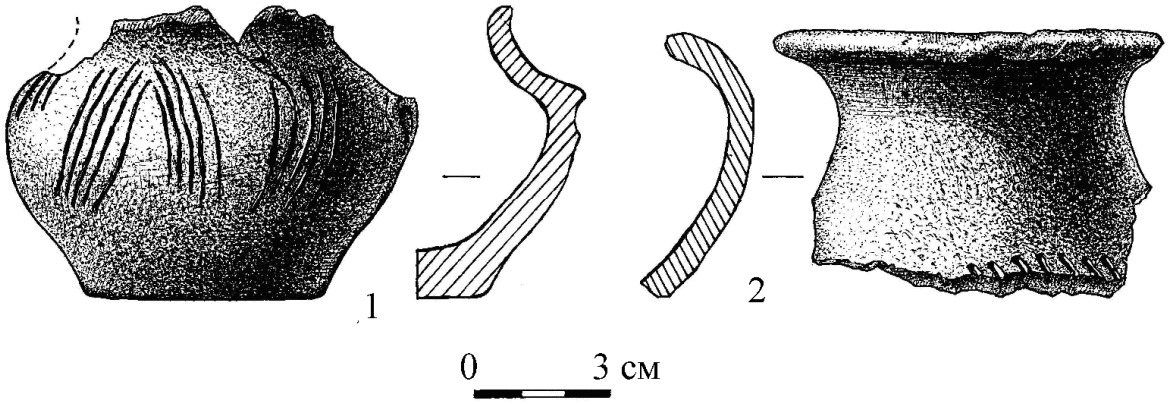

Рис. 74. Находки вне комплексов. Раскопки 2011 г.

1 – 2 – фрагменты сосудов (керамика).

Змейский могильник

Материалы раскопок М. А. Бакушева (2013 – 2014 гг.)

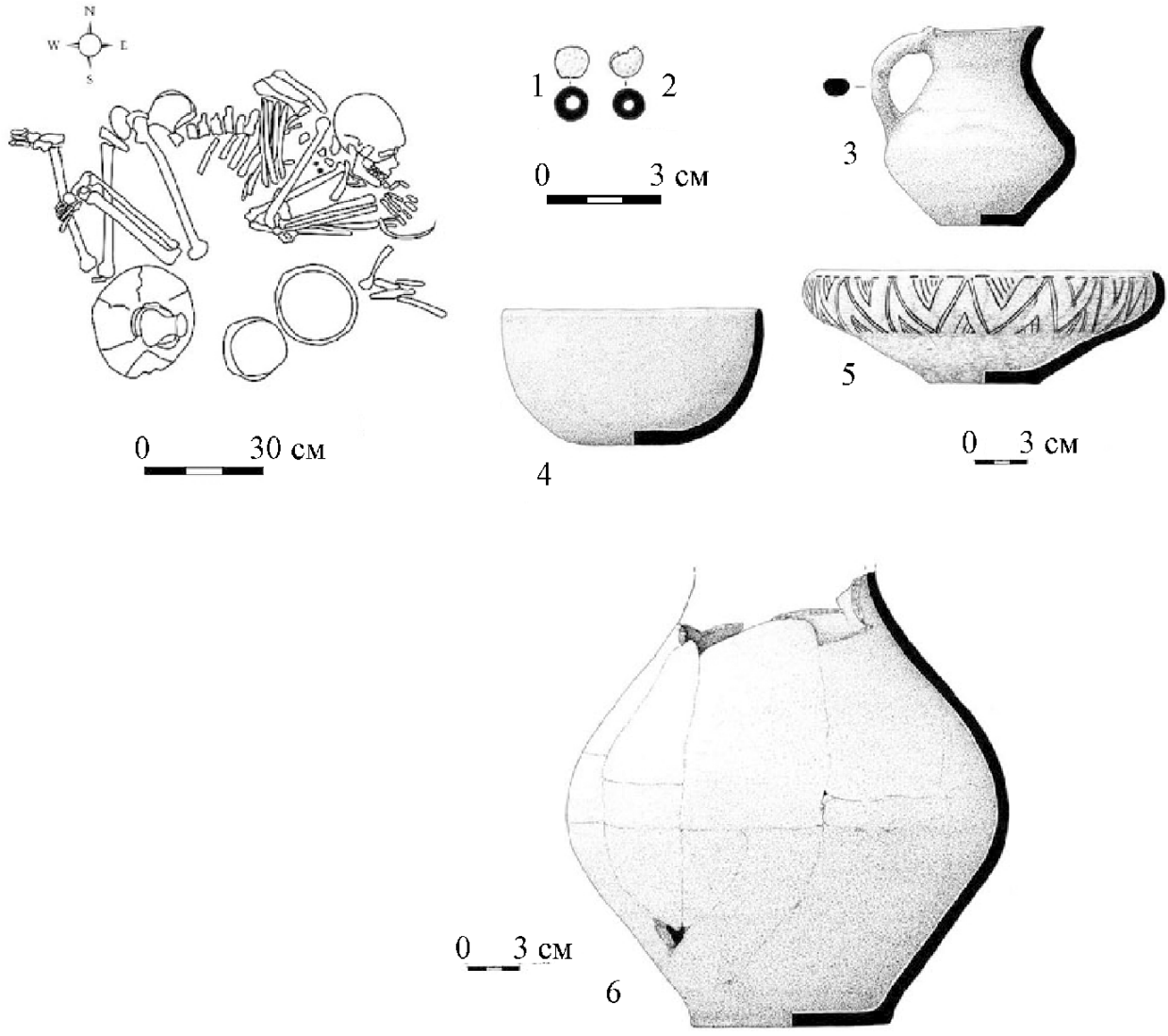

Рис. 75. Погребение 3 (по Бакушев, Чечина, 2014).

1 – 2 – бусы; 4 – 6 – сосуды (1 – 2 – стекло; 4 – 6 – керамика).

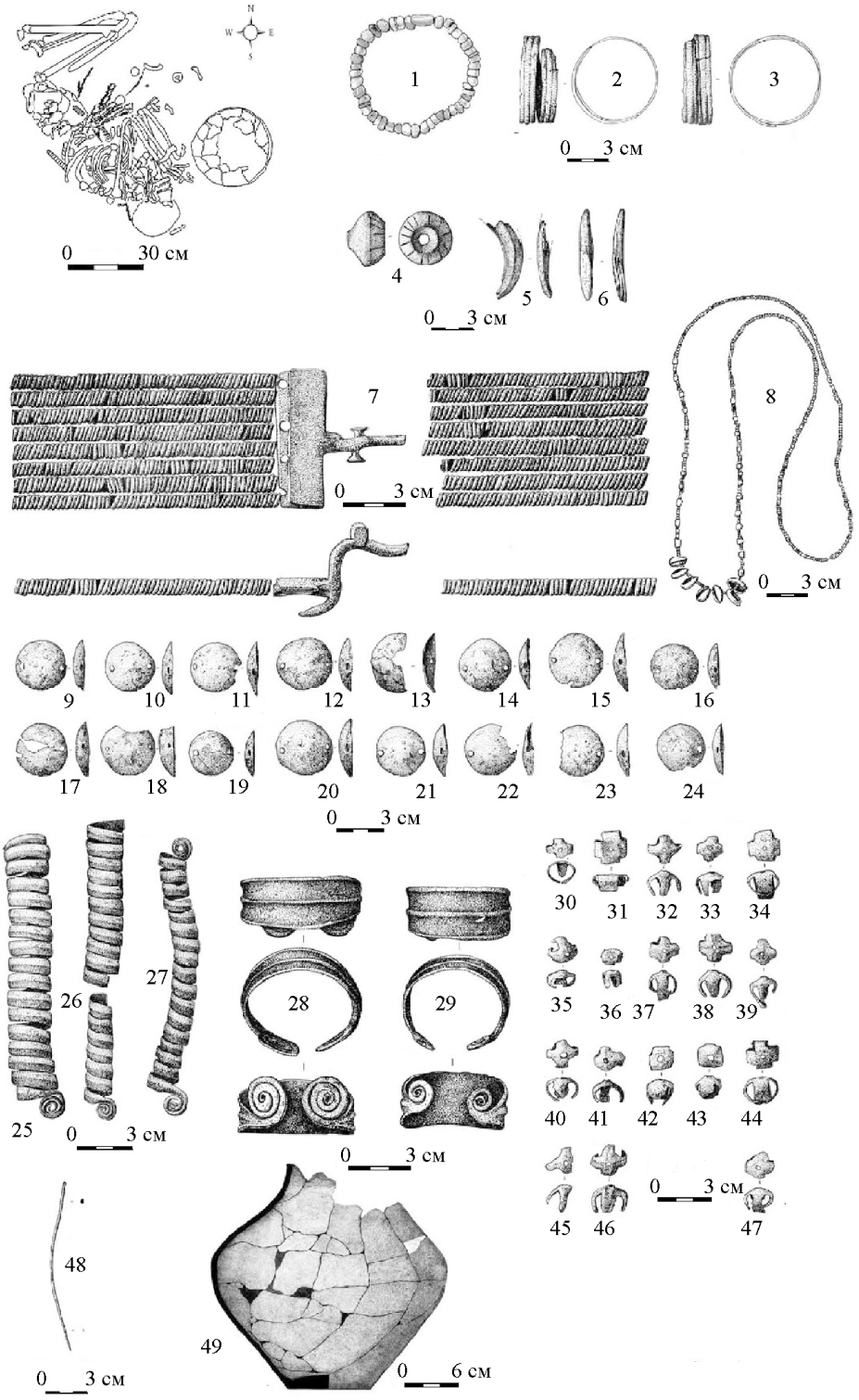

Рис. 76. Погребение 11 (по Бакушев, Чечина, 2014). 1, 8 – бусы; 2 – 3 – привески; 4 – пряслице; 5 – 6 – клык кабана и клык хищника из семейства псовых (амулеты?); 7 – пояс; 9 – 24 –нашивные бляшки; 25 – 27 – накосники; 28 – 29 – браслеты; 30 – 47 – пуговицы; 48 – игла; 49 – сосуд (1 – сердолик; 2

– 3, 7, 9 – 48 – бронза – 4; 8 – стекло и раковины каури; 49 – керамика; 5 – 6 – кость).

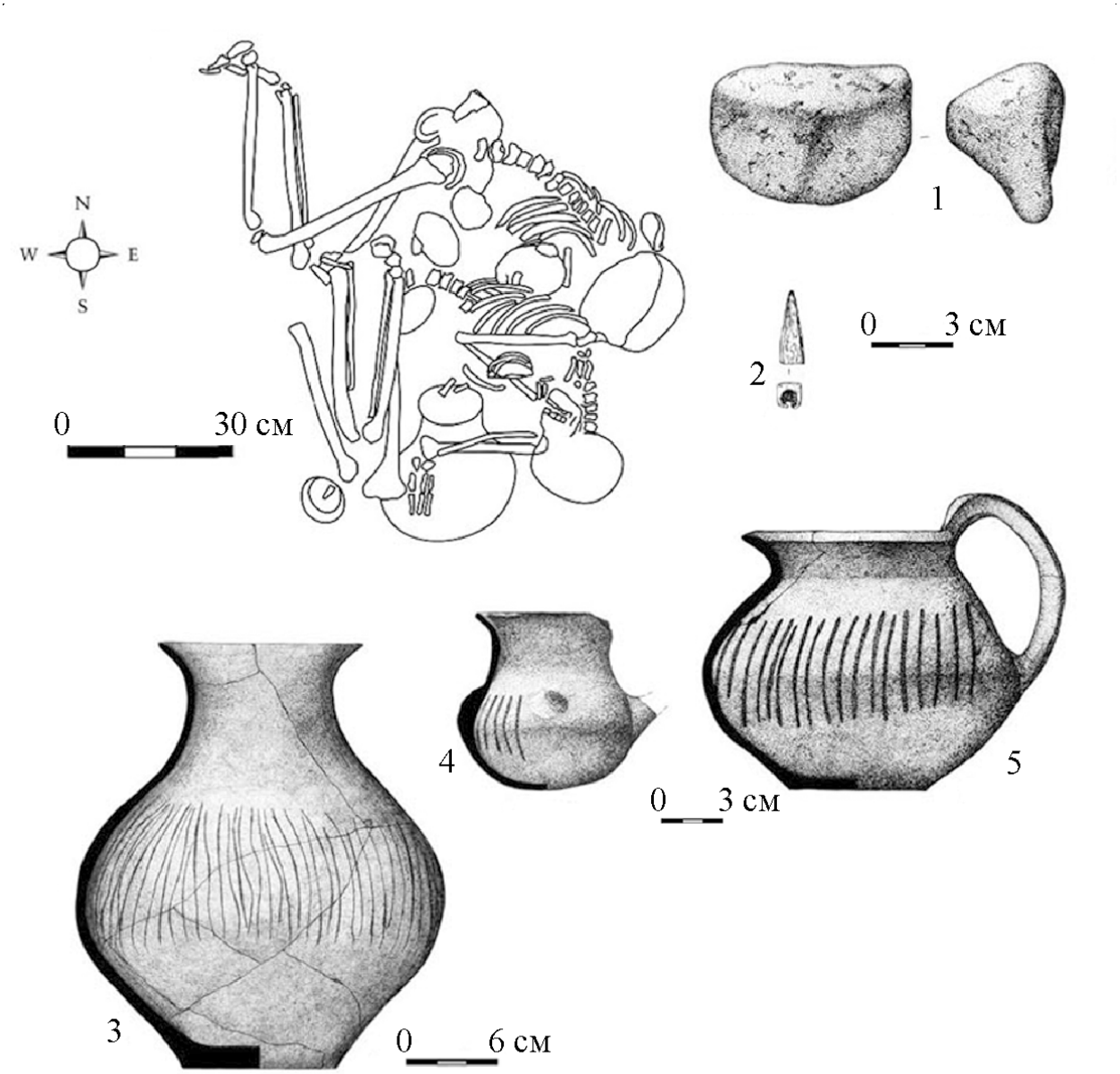

Рис. 77. Погребения 12 - 13 (по Бакушев, Чечина, 2014).

1 – кусок белого известняка; 2 – наконечник стрелы; 3 – 5 – сосуды (1 – камень; 2 – кость; 3 – 5 – керамика).

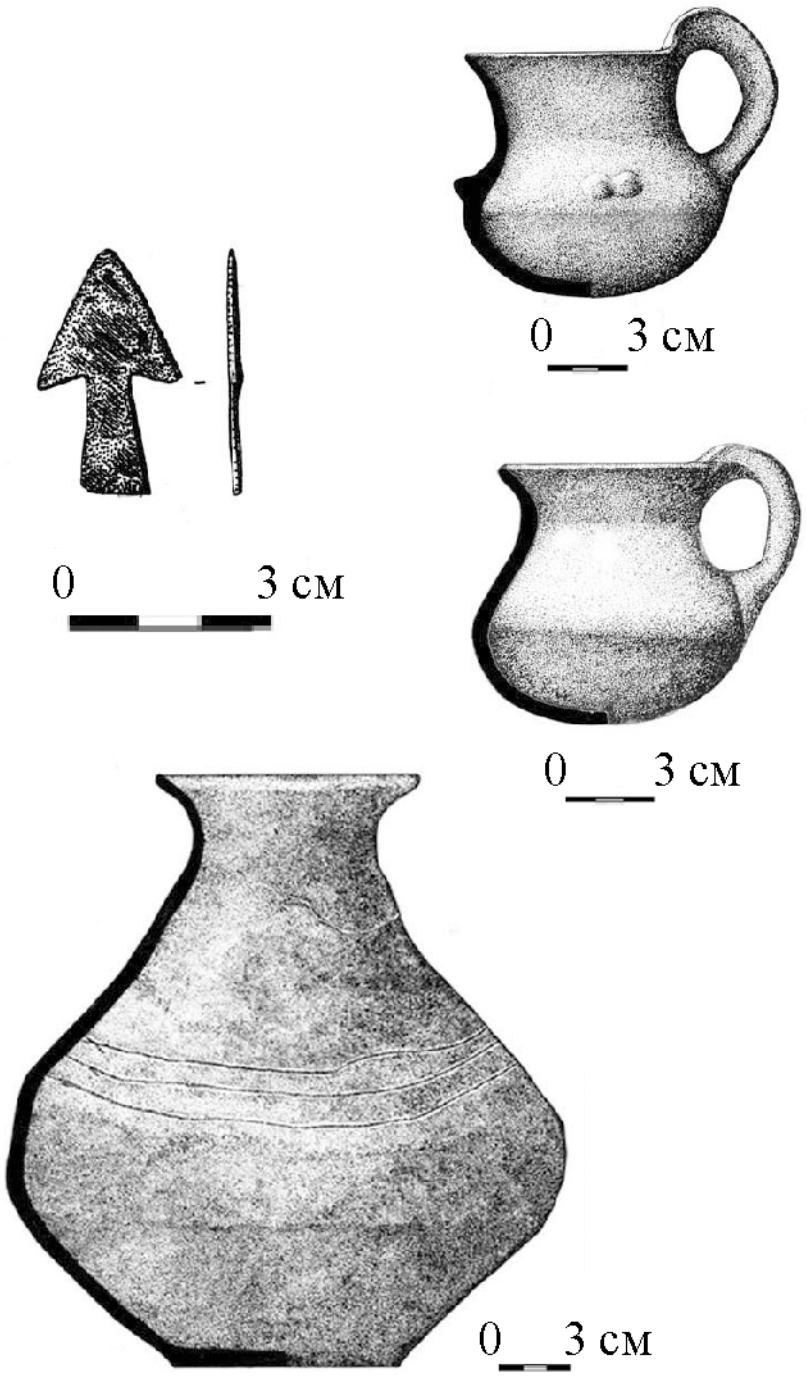

Рис. 78. Инвентарь погребения 15 (по Бакушев, Чечина, 2014).
1 – наконечник стрелы; 2 – 4 – сосуды (1 – бронза; 2 – 4 – керамика).

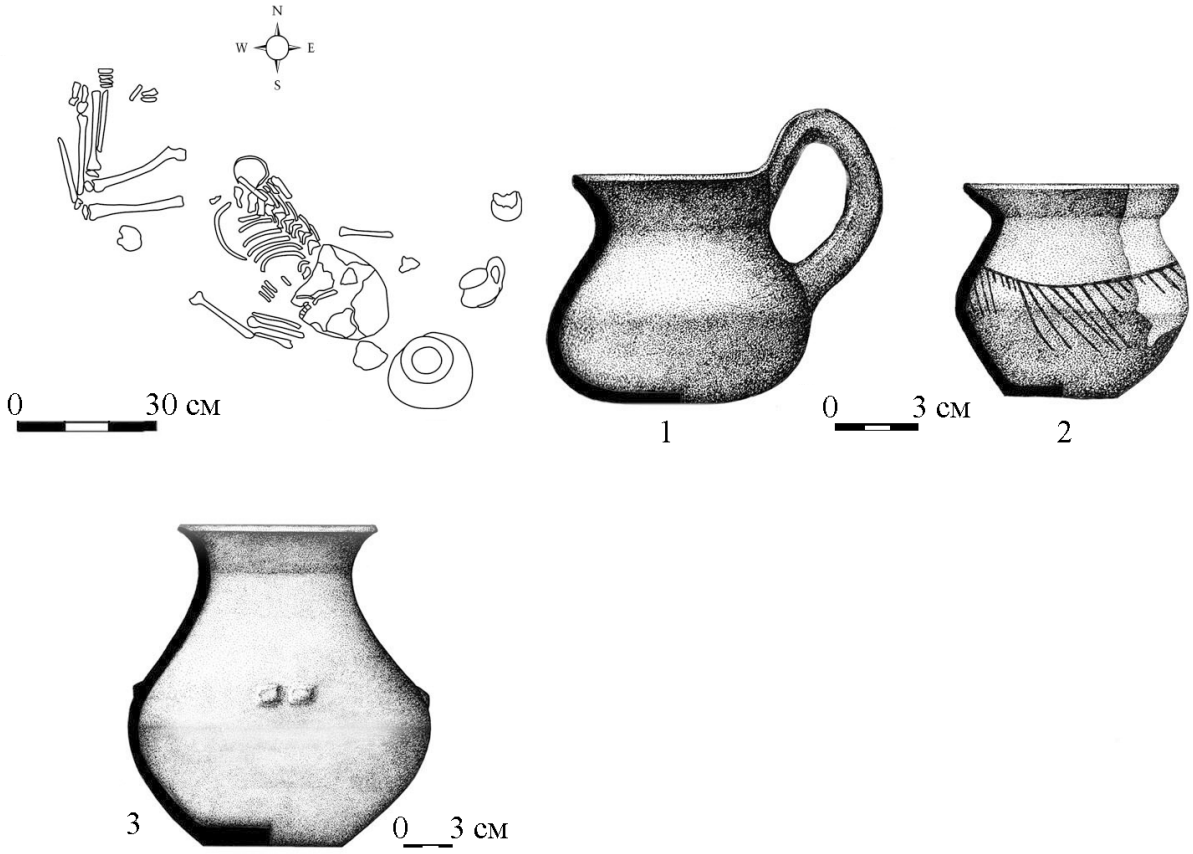

Рис. 79. Погребение 35 (по Бакушев, Чечина, 2014).
1 – 3 – сосуды (керамика).

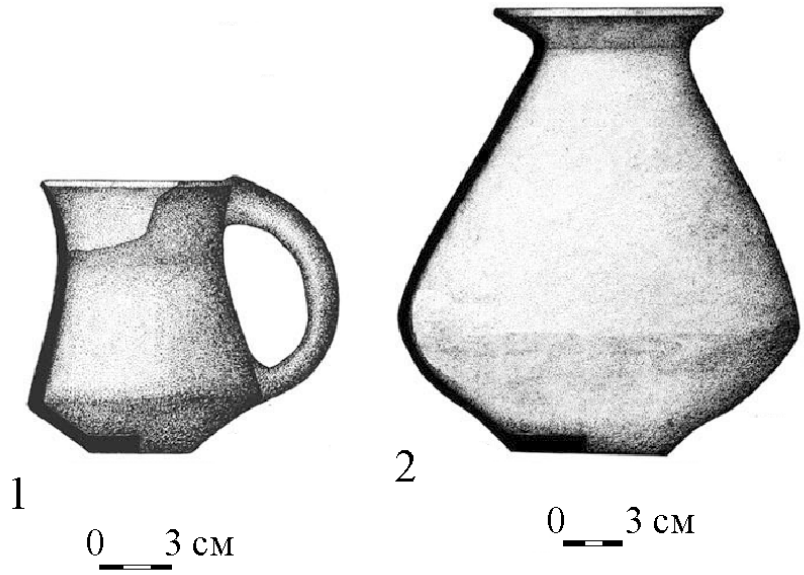

Рис. 80. Инвентарь погребения 36 (по Бакушев, Чечина, 2014). 1 – 2 – сосуды (керамика).

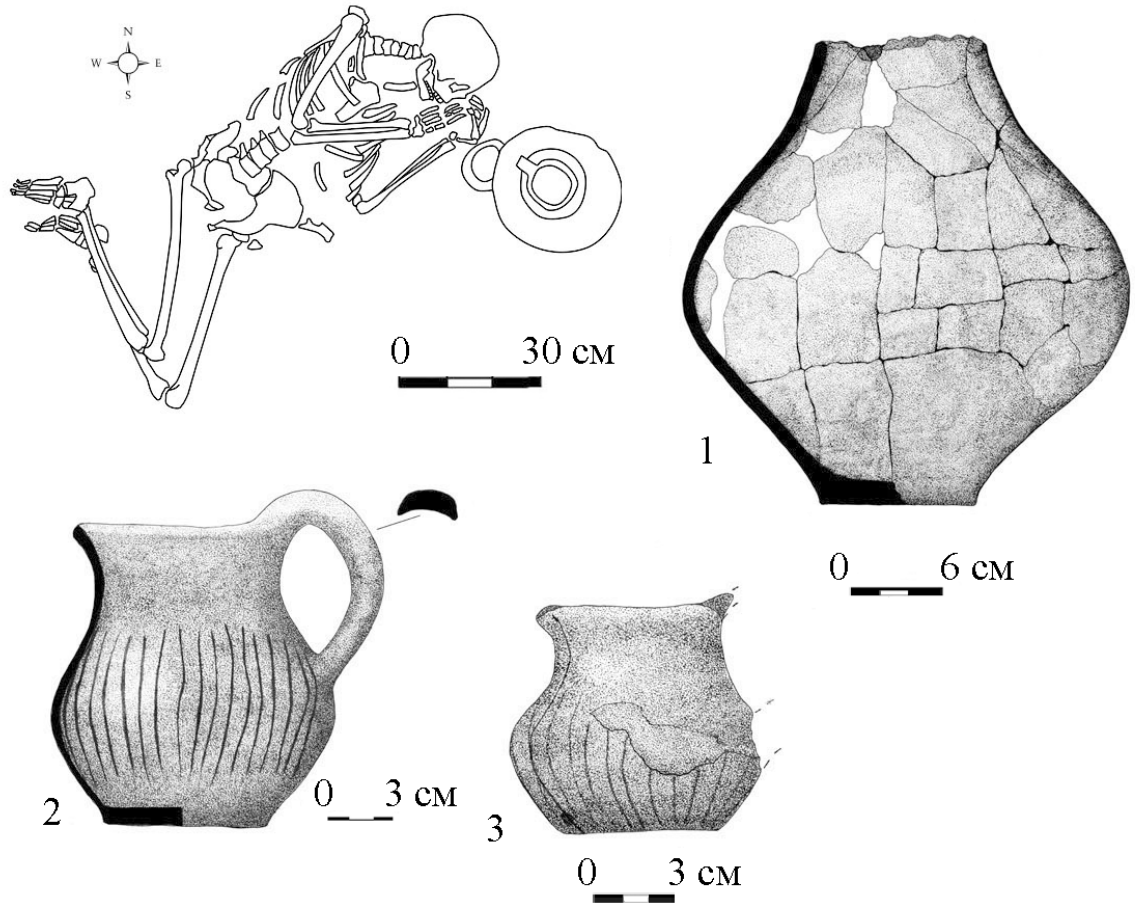

Рис. 81. Погребение 50 (по Бакушев, Чечина, 2014).

1 – 3 – сосуды (керамика).

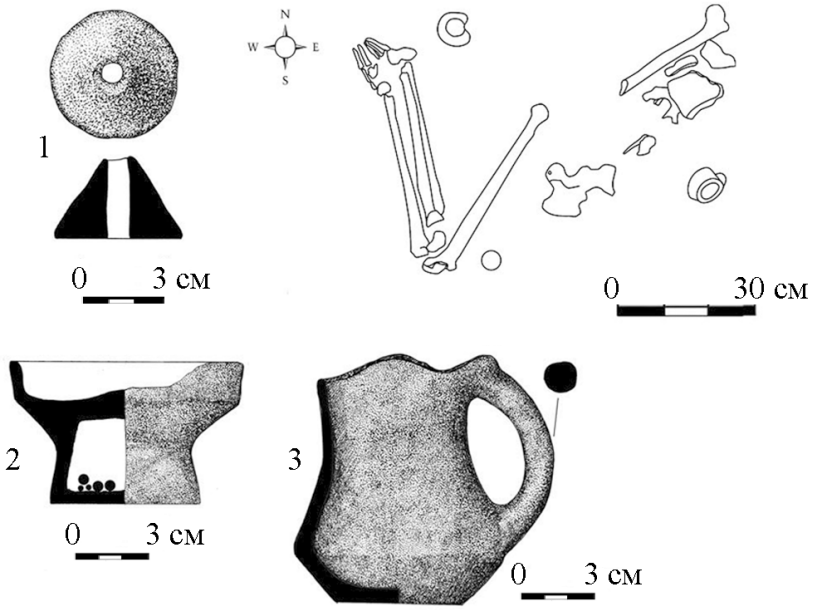

Рис. 82. Погребение 59 (по Бакушев, Чечина, 2014).

1 – пряслице; 2 – 3 – сосуды (керамика).

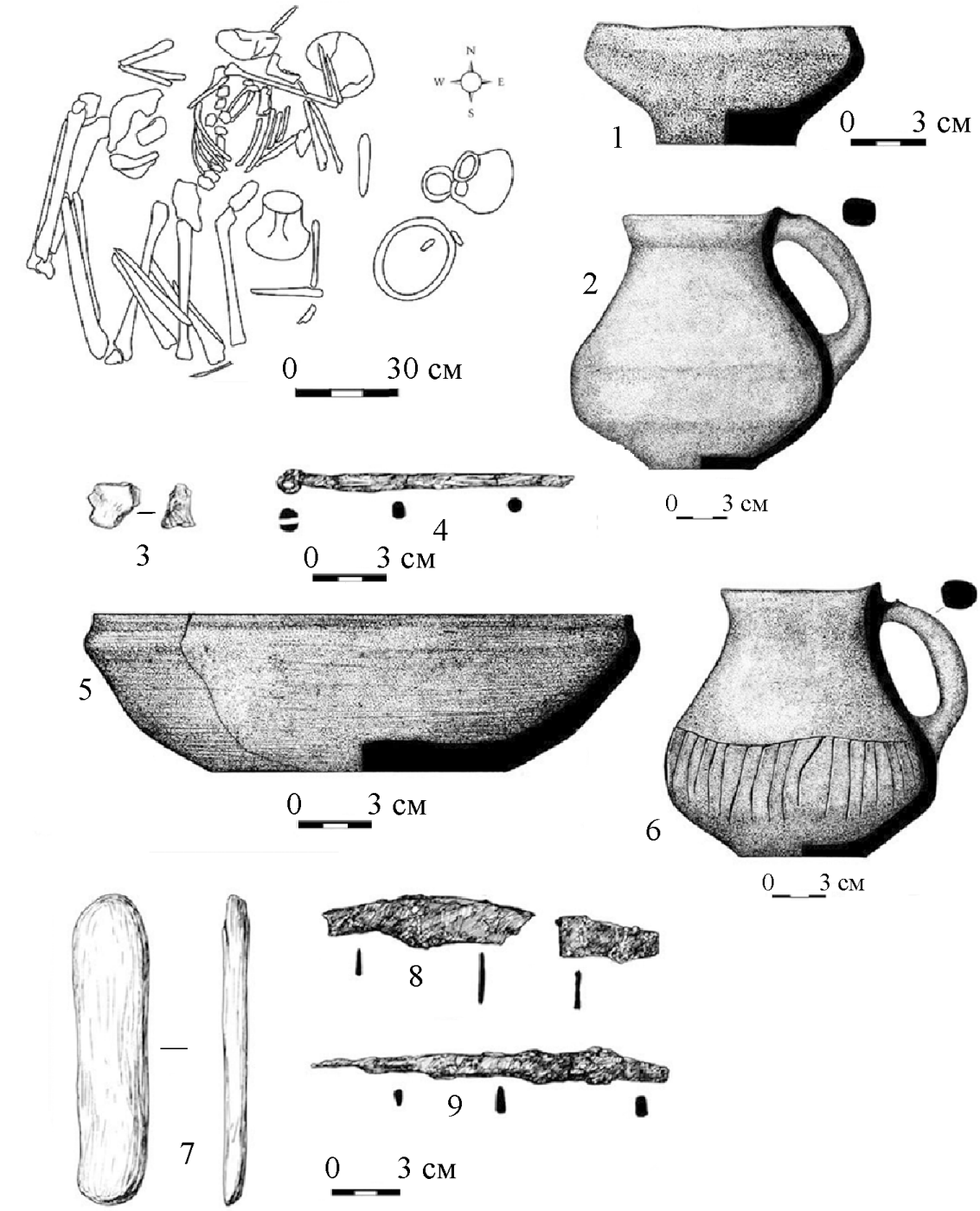
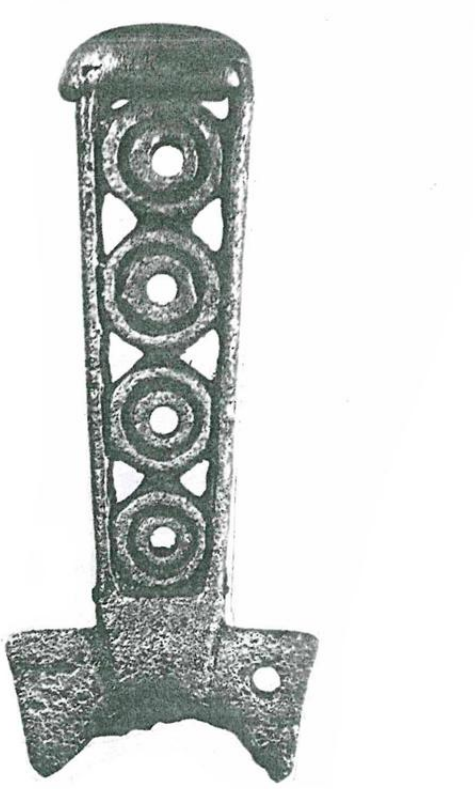

Рис. 83 а. Погребения 60 – 61 (по Бакушев, Чечина, 2014).

1 – 2, 5 – 6 – сосуды; 3 – кремневый отщеп; 4, 9 - штыри (булавки(?); 7 – оселок; 8 – нож (1 – 2, 5 – 6 – керамика; 3, 7 – камень; 4, 8 – 9 – железо).

Находки вне комплексов (1957 г.).

без масштаба

Рис. 83 б. Биметаллический кинжал (бронза – железо).
(По В. И. Козенкова, 1975).

Заманкульский могильник

Раскопки В. А. Кузнецова (1970 г.)

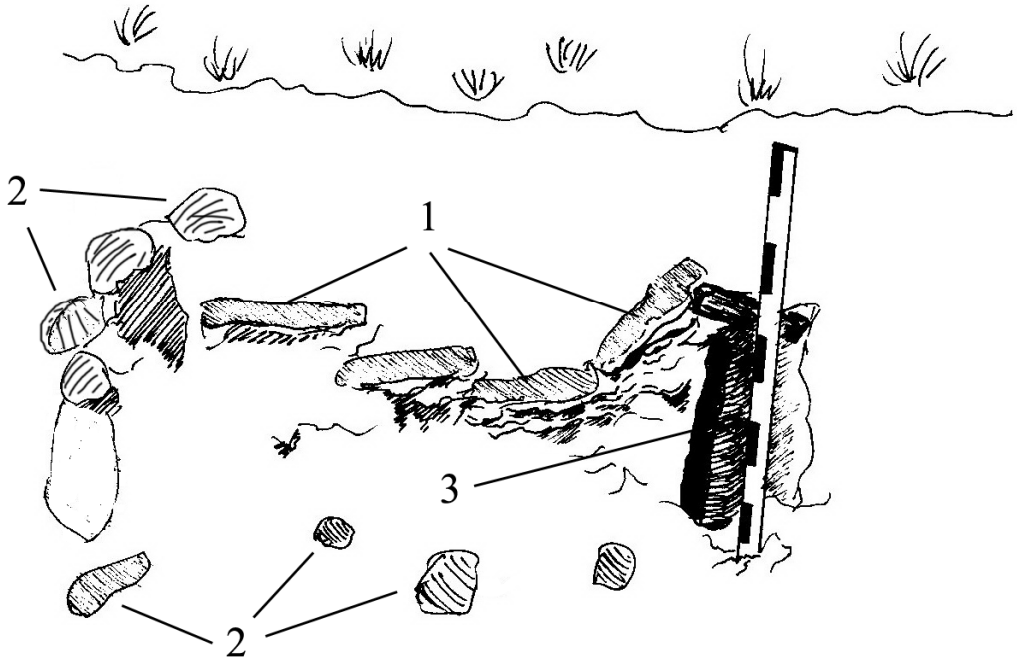

Рис. 84. Обнажившейся часть погребения у с. Заманкул (прорисовка по фото из отчета В. А. Кузнецова 1971 г.). 1 – плиты перекрытия могилы, 2 – валуны, 3 – торцевая плита «каменного ящика».

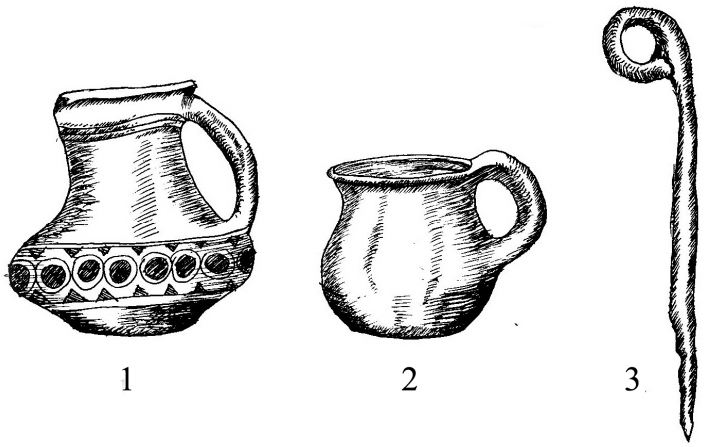

Рис. 85. Инвентарь погребения у с. Заманкул (по отчету В. А. Кузнецова 1971 г.) 1 – 2 – сосуды; 3 – булавка (1 – 2 – керамика, 3 – бронза).

Комаровский могильник

Раскопки М. П. Абрамовой (1970 г.)

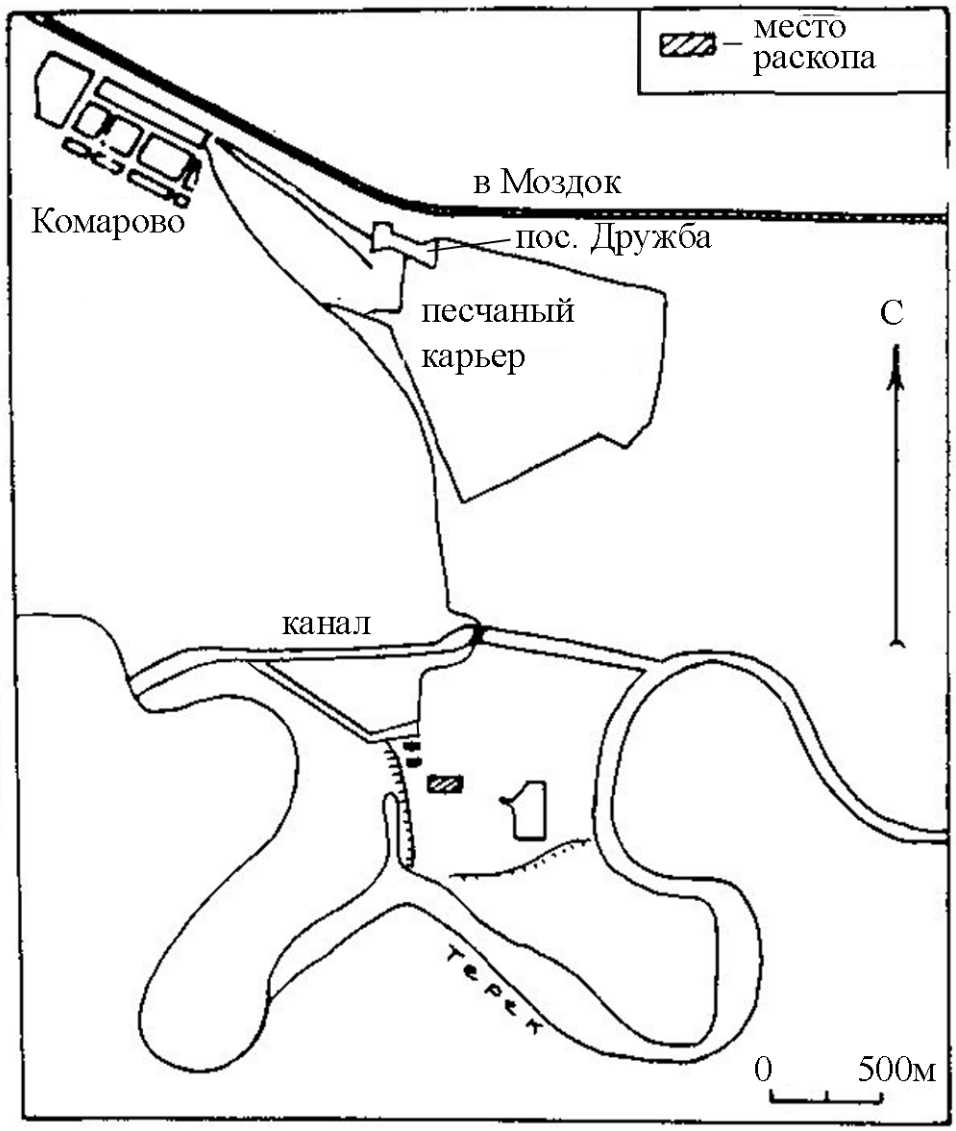

Рис. 86. Месторасположение Комаровского могильника (по М. П. Абрамова, 1970).

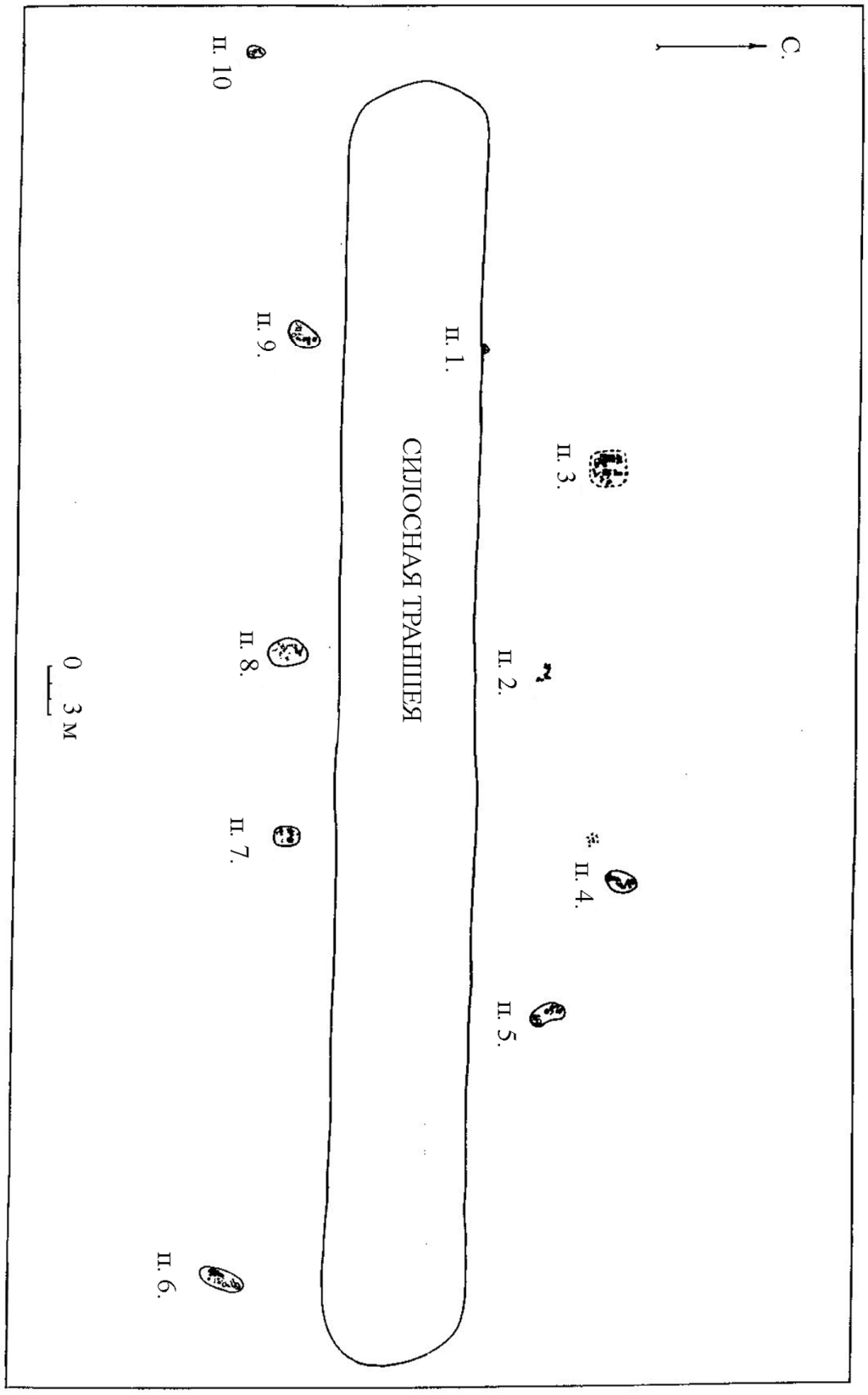

Рис. 87. Общий план расположения исследованных погребений (по М. П. Абрамова, 1970).

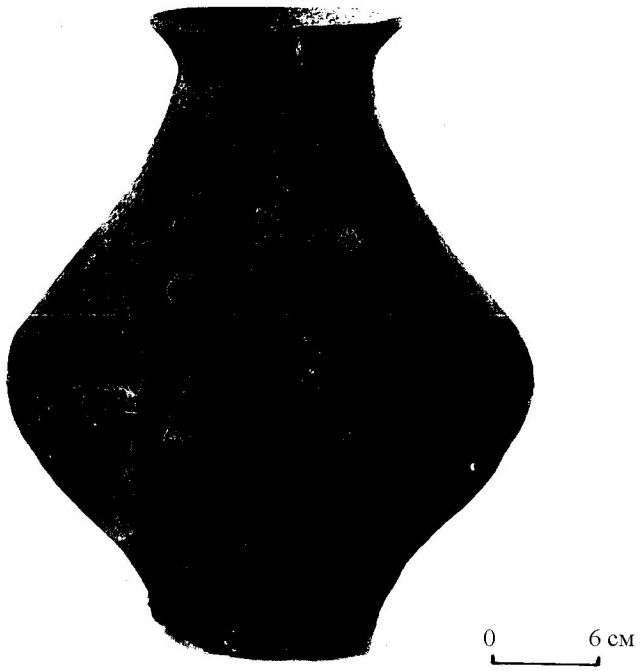

Рис. 88. Инвентарь погребения 1 (по М. П. Абрамова, 1970).

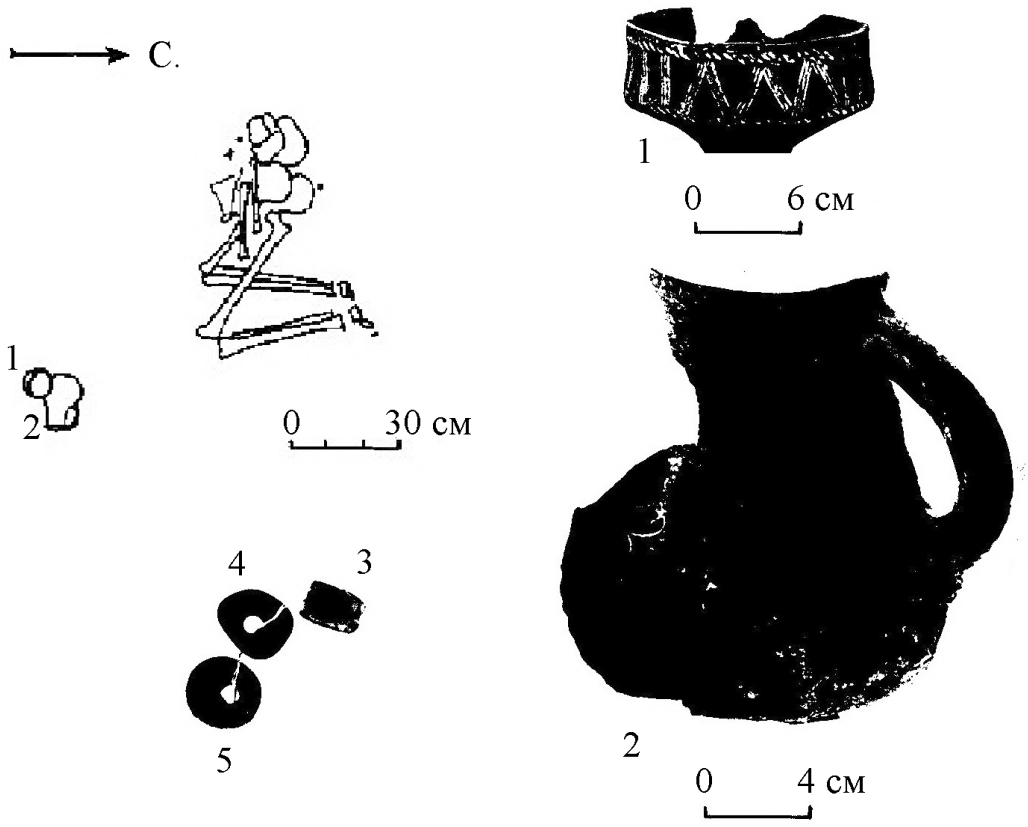

Рис. 89. Погребение 2. 1 – 2 – сосуды; 3 – 5 – бусы (1 – 2 – керамика; 3 – сердолик; 4 – 5 – просверленная галька) (по М. П. Абрамова, 1970).

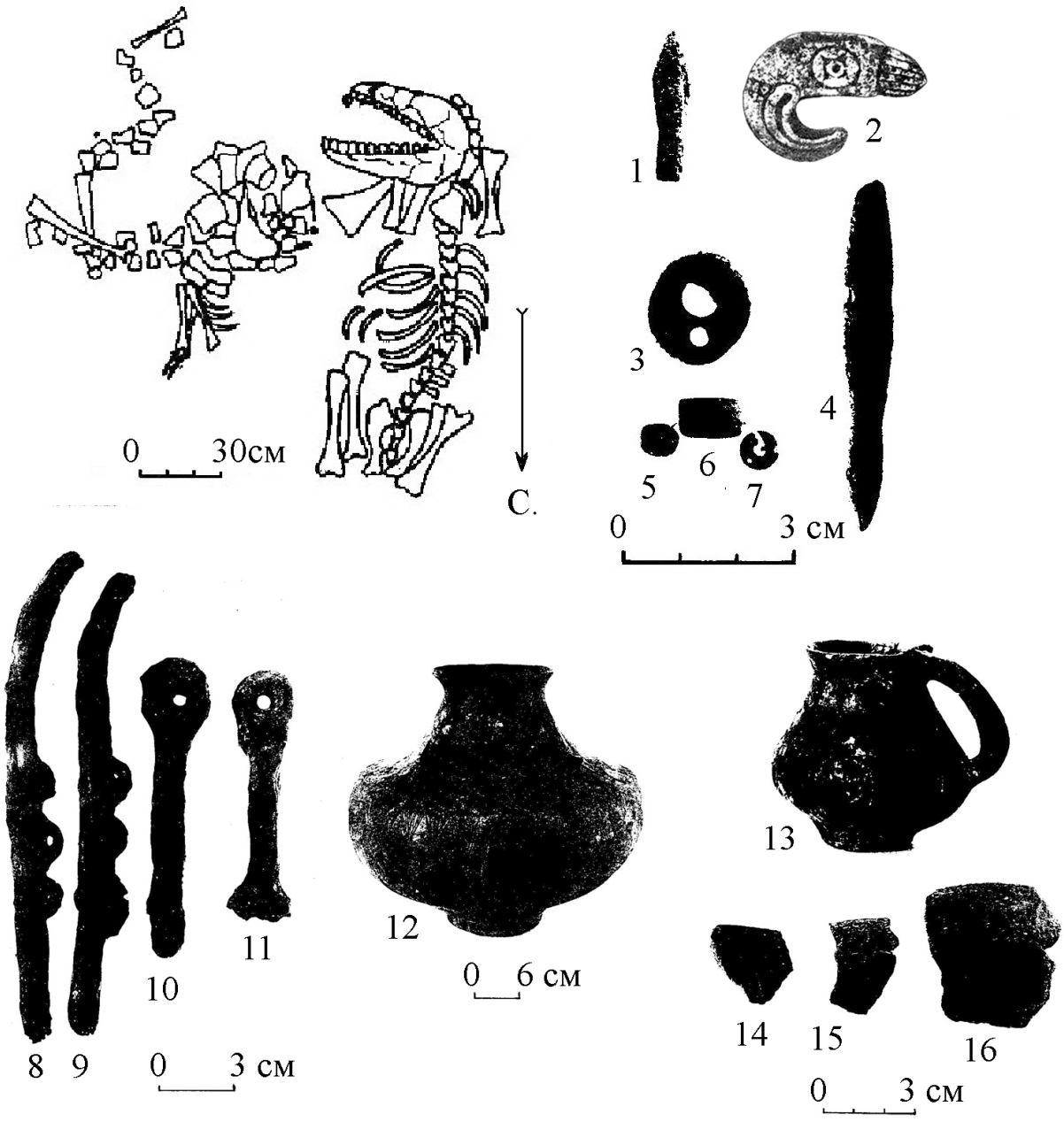

Рис. 90. Погребение 3.

1 – наконечник стрелы; 2 – украшение уздечки; 3 – пронизь; 4 – застежка; 5 – 7 – бусы; 8 – 9 – псалии; 10 – 11 – удила; 12 – корчага; 13 – кувшинчик (кружка?); 1 4 – 16 – фрагменты миски (1 – бронза; 2 – 4 – кость; 8 – 11 – железо; 12 – 16 – керамика) (по М. П. Абрамова, 1970).

.

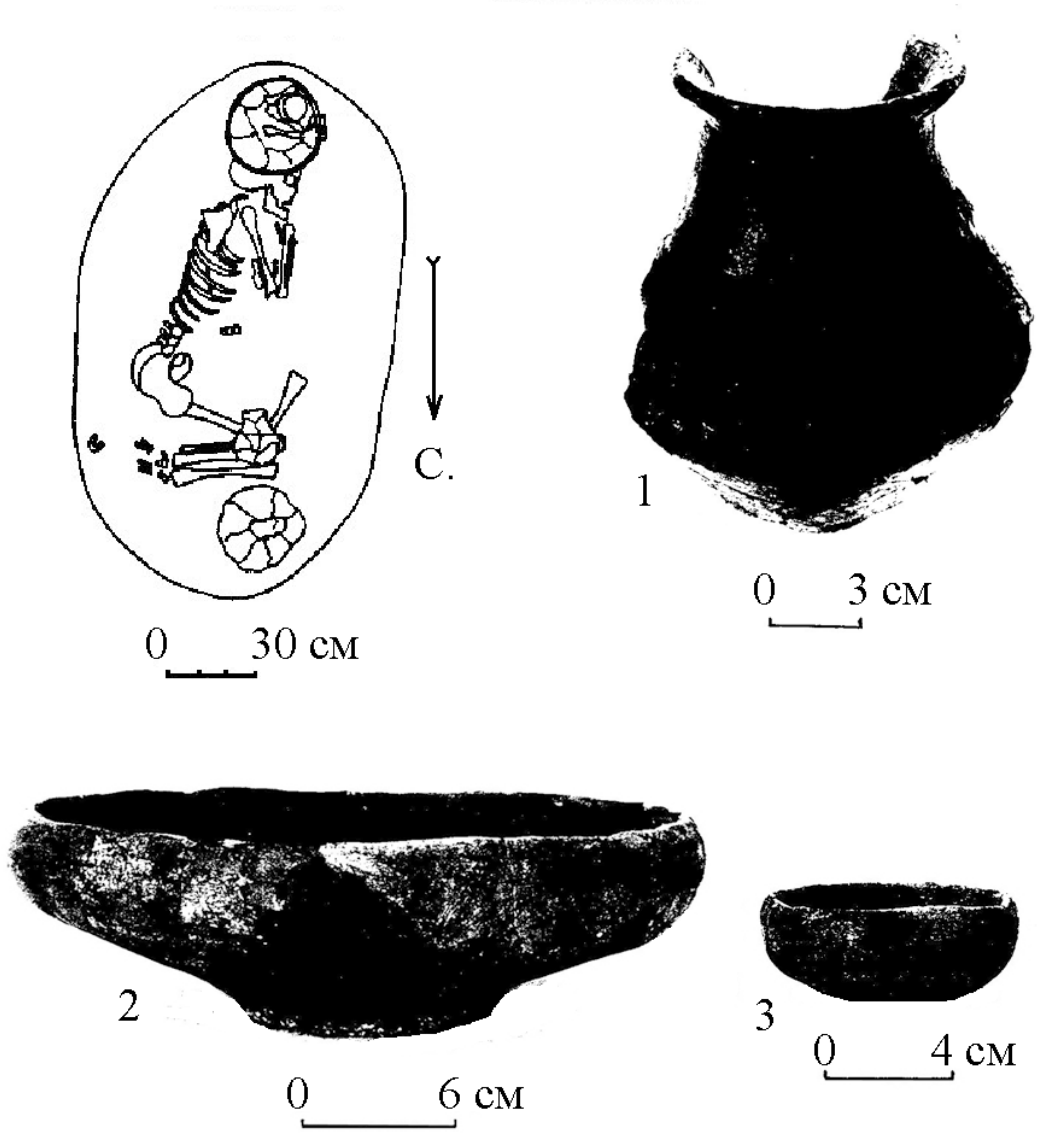

Рис. 91. Погребение 4.

1 – фрагментированный одноручный кувшинчик; 2 – 3 – миски (керамика) (по М. П. Абрамова, 1970).

.

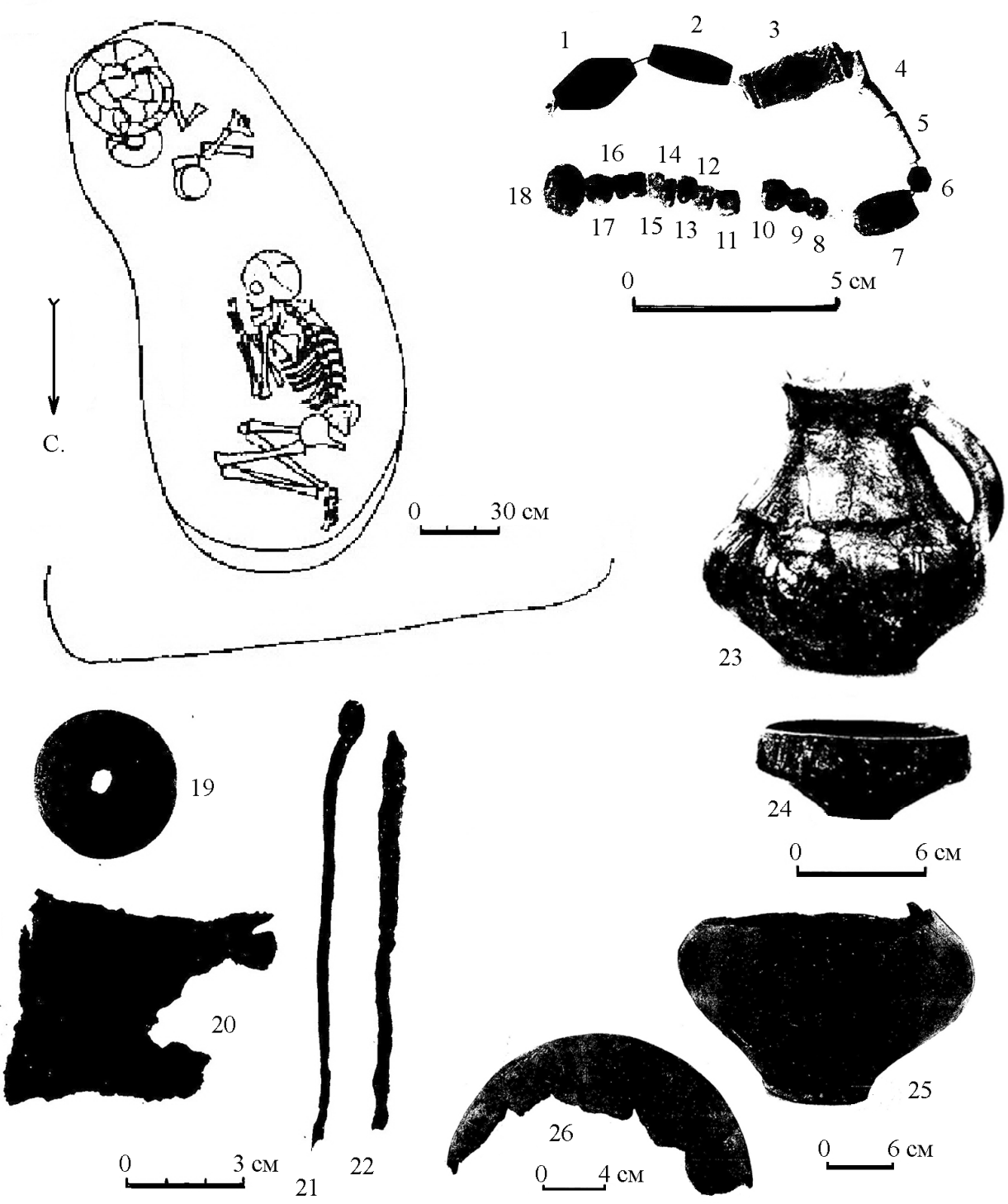

Рис. 92. Погребение 5.

1 – 18 – бусы; 19 – пряслице; 20 – фрагмент неизвестного предмета; 21 – 22 – булавки; 23 – кувшинчик; 24 – миска; 25 – фрагментированная корчага; 26 – фрагмент миски (1 – 2 – гагат; 3 – 6 – стекло; 7 – 18 – сердолик; 19, 23 – 26 – керамика; 20 – 21 – бронза; 22 – железо) (по М. П. Абрамова, 1970).

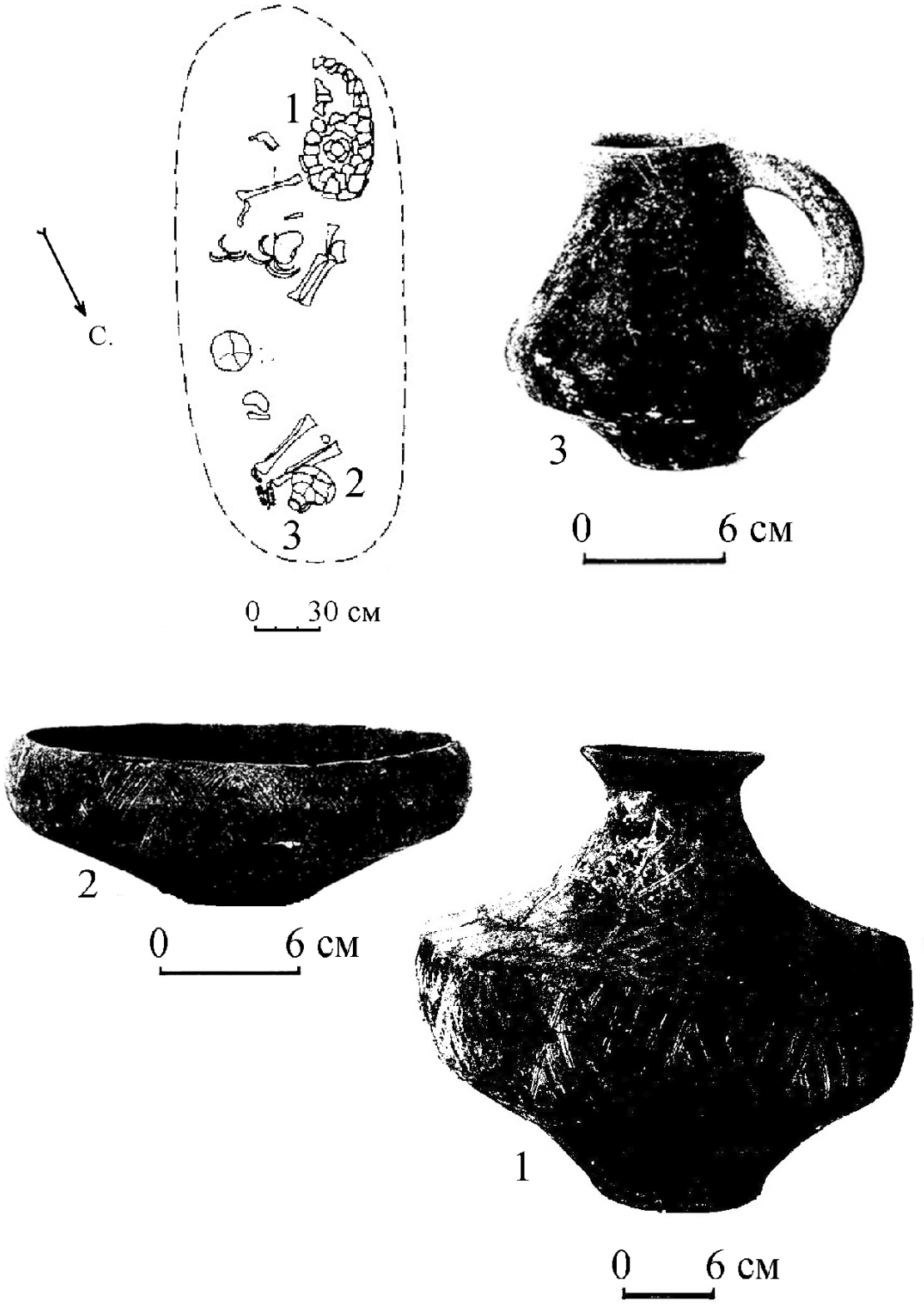

Рис. 93. Погребение 6.

1 – корчага; 2 – миска; 3 – кувшинчик (керамика) (по М. П. Абрамова, 1970).

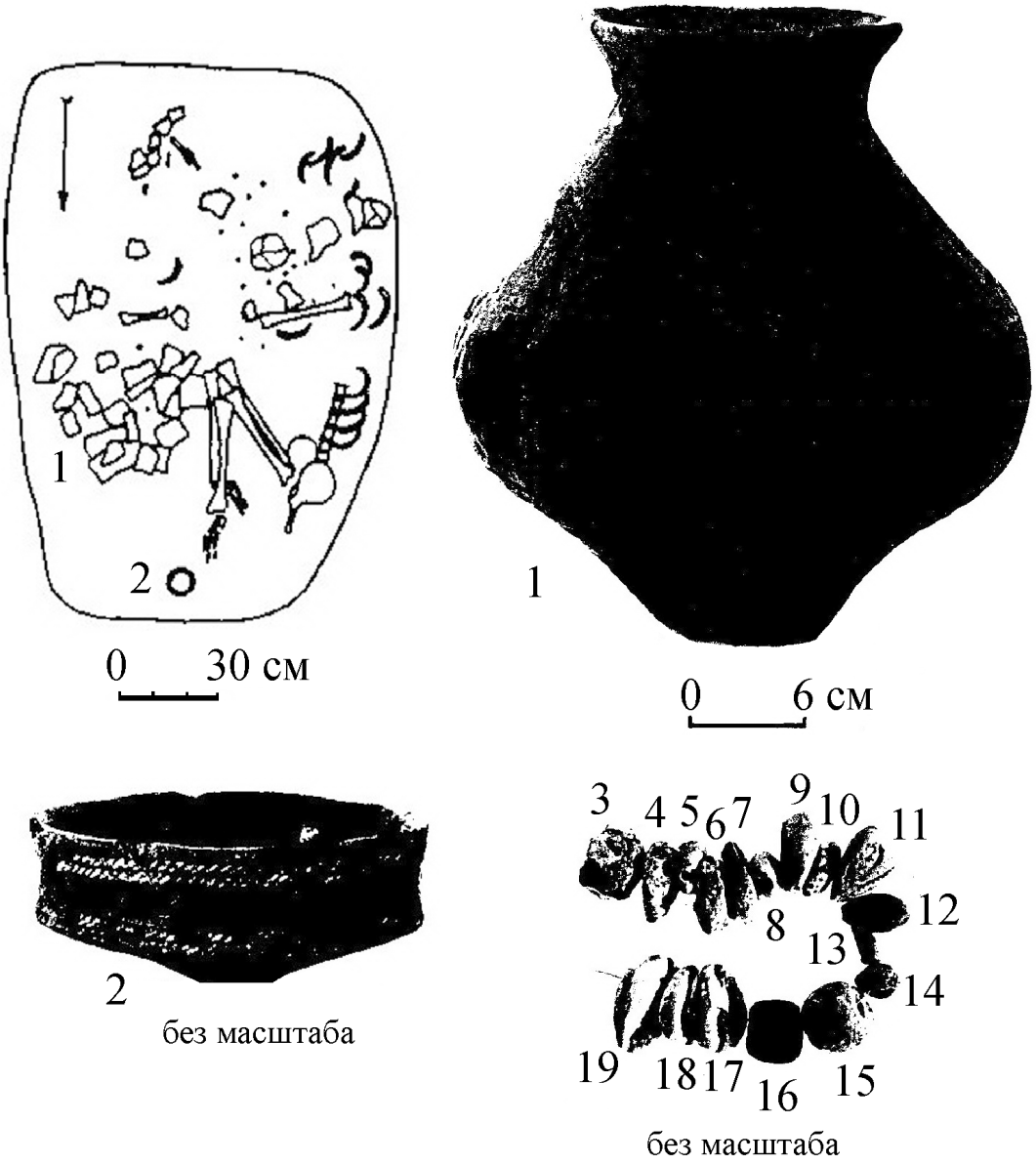
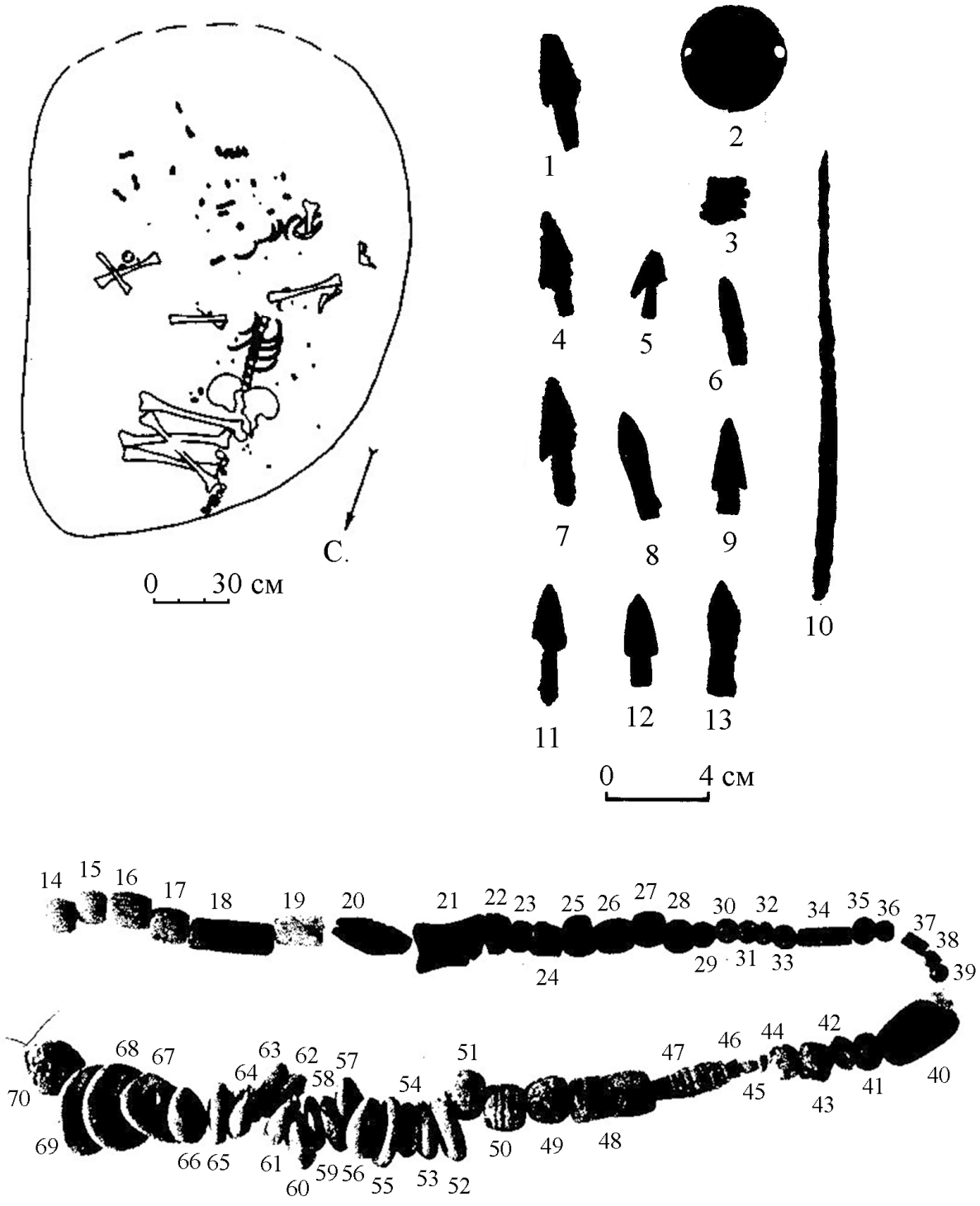

Рис. 94. Погребение 7.

1 – корчага; 2 – кубок; 3 – 19 – бусы (1 – 2 – керамика; 3, 13 – 15 – стекло; 2 – 12, 17 – 19 – раковины каури; 16 – гагат) (по М. П. Абрамова, 1970).

без масштаба

Рис. 95. Погребение 8. 1, 4 – 9, 12 – 13 – стрелы; 2 – нашивная бляшка; 3 – спиральная пронизь; 10 – булавка; 14 – 70 – бусы (1, 4, 7, 11 – железо; 2 – 3, 5 – 6, 8 – 10, 12 – 13 – бронза; 14 – 19, 34, 42 – 51, 70 – стекло; 20 – 24, 40 –

гагат; 25 – 29 – янтарь; 30 – 33, 35 – 39, 41 – сердолик; 52 – 66 – раковины каури; 67 – 69 – створки раковин) (по М. П. Абрамова, 1970).

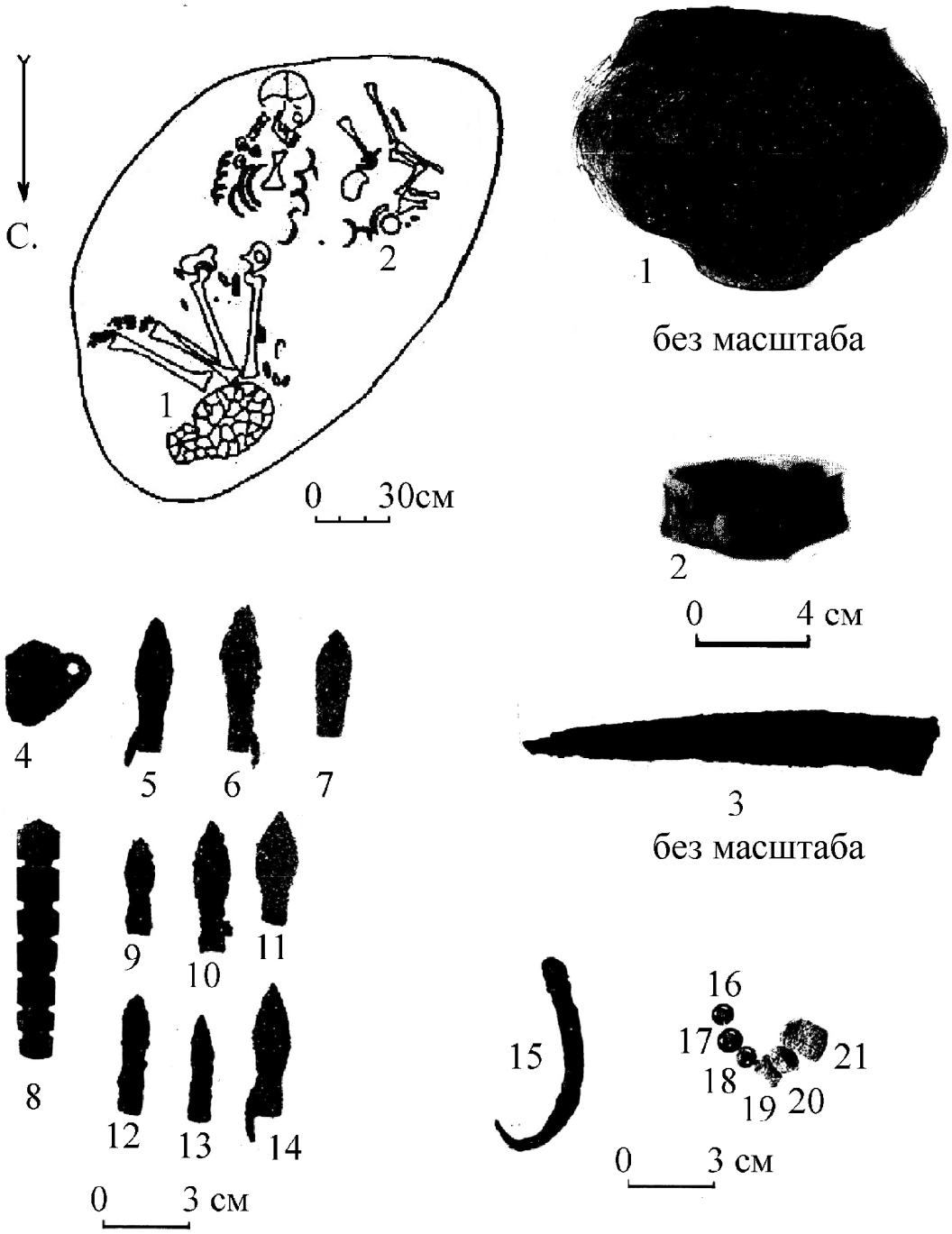

Рис. 96. Погребение 9. 1 – корчага; 2 – кубок; 3 – нож; 4 – фрагмент неизвестного предмета; 5 – 7, 9 – 14 – стрелы; 8 – фигурная пластина; 15 – колчанный крюк; 16 – 21 – бусы (1 – 2 – керамика; 3, 15 – железо; 4 – 7, 9 – 14 – бронза; 8 – кость; 16 – 18 – сердолик; 19 – 21 – стекло) (по М. П. Абрамова, 1970).

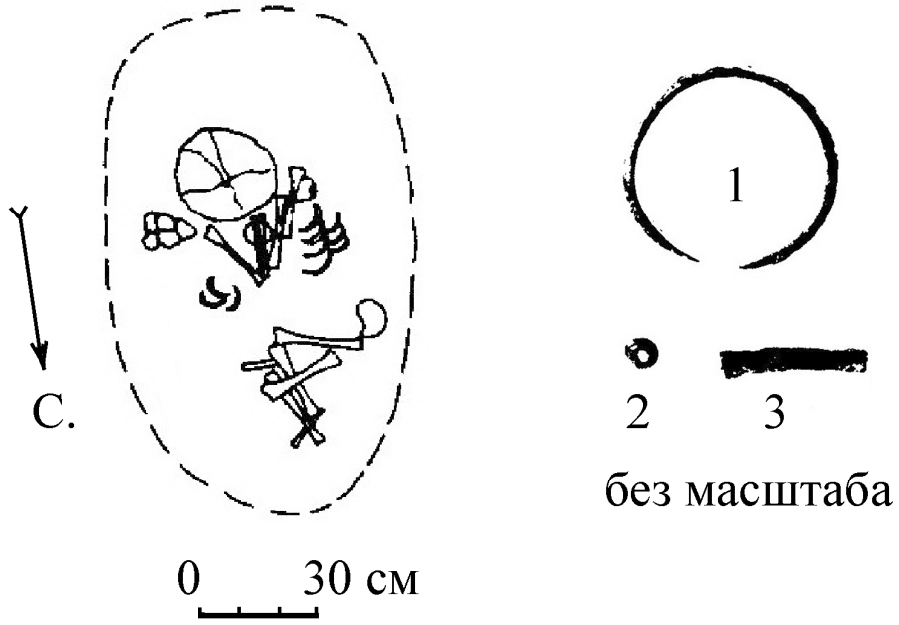

Рис. 97. Погребение 10.

1 – браслет; 2 – бусина; 3 – фрагмент стержневидной булавки (1 – бронза; 2 – стекло; 3 – железо) (по М. П. Абрамова, 1970).

Моздокский могильник (По А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, 1940)

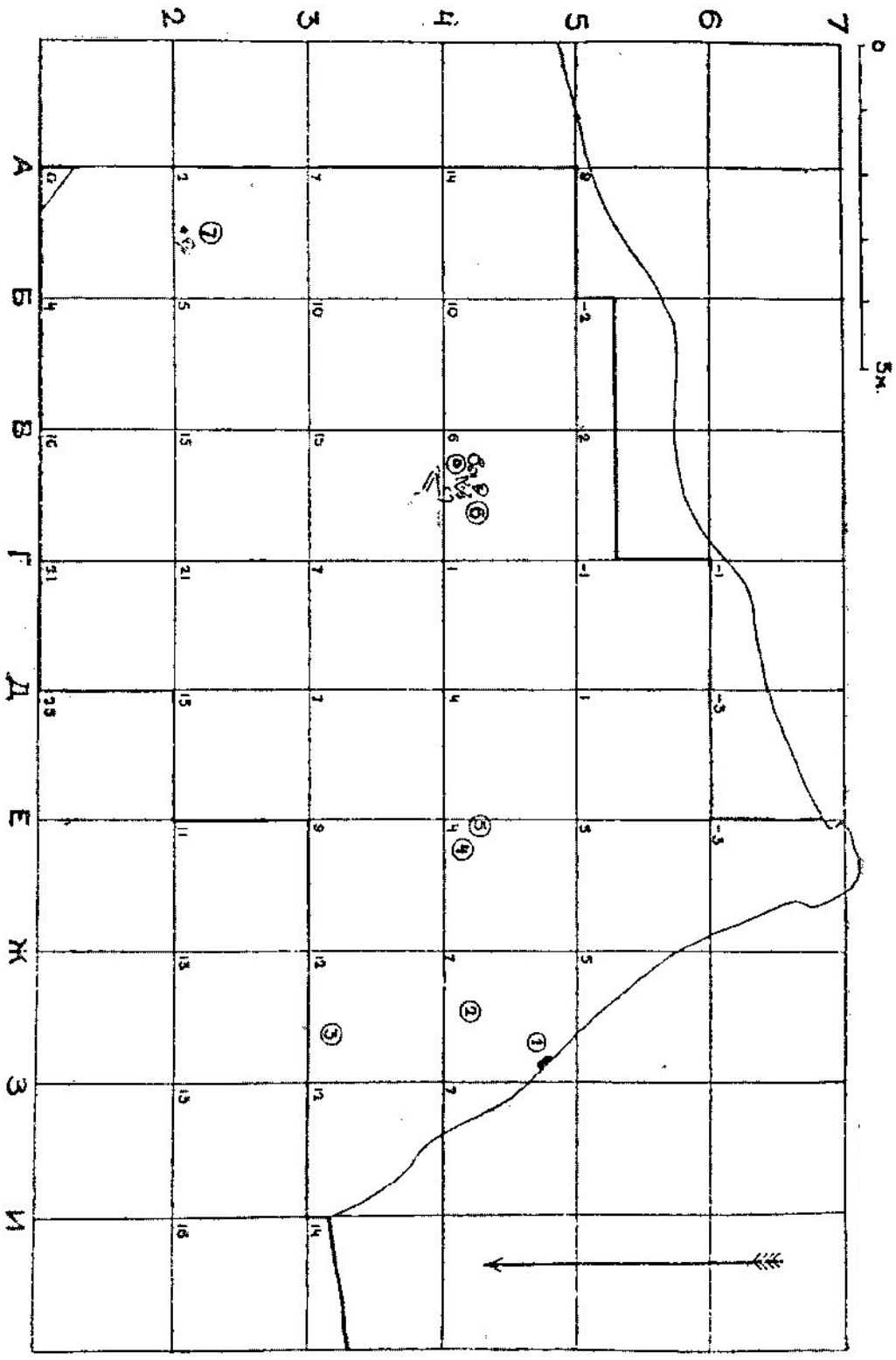

Рис. 98. Общий план Моздокского могильника**.**

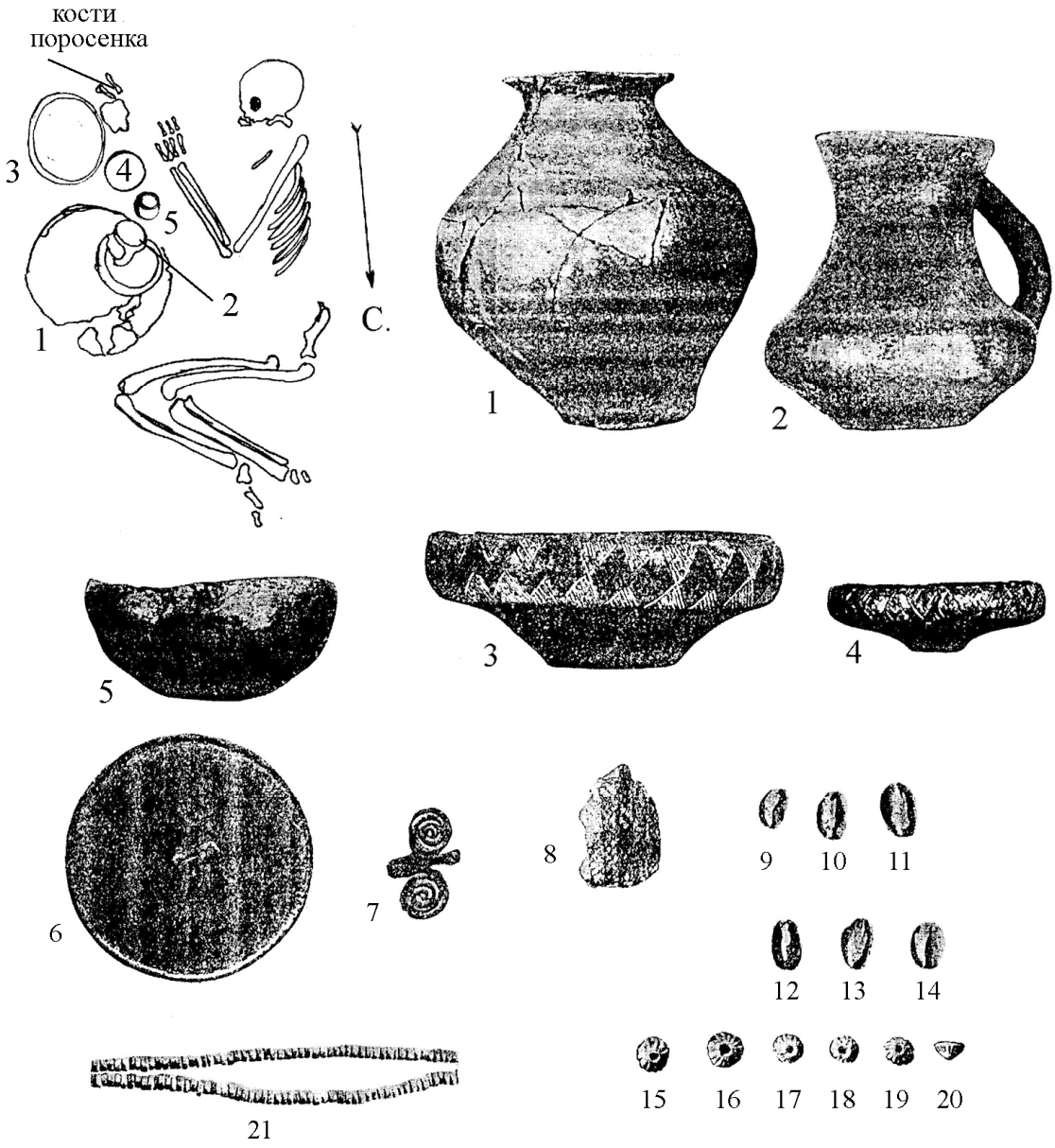

Рис. 99. Погребение 1 (грунтовое).

1 – 5 – сосуды; 6 – зеркало; 7 – перстень; 8 – головное украшение; 9 – 14 – раковины каури со сточенными спинкам; 15 – 21 – бусы (1 – 5 – керамика; 6 – 8 – бронза; 9 – 14 – раковины; 15 – 21 – стеклянная паста).

без масштаба

Рис. 100. Сосуд из разрушенного погребения № 2 (грунтовое).

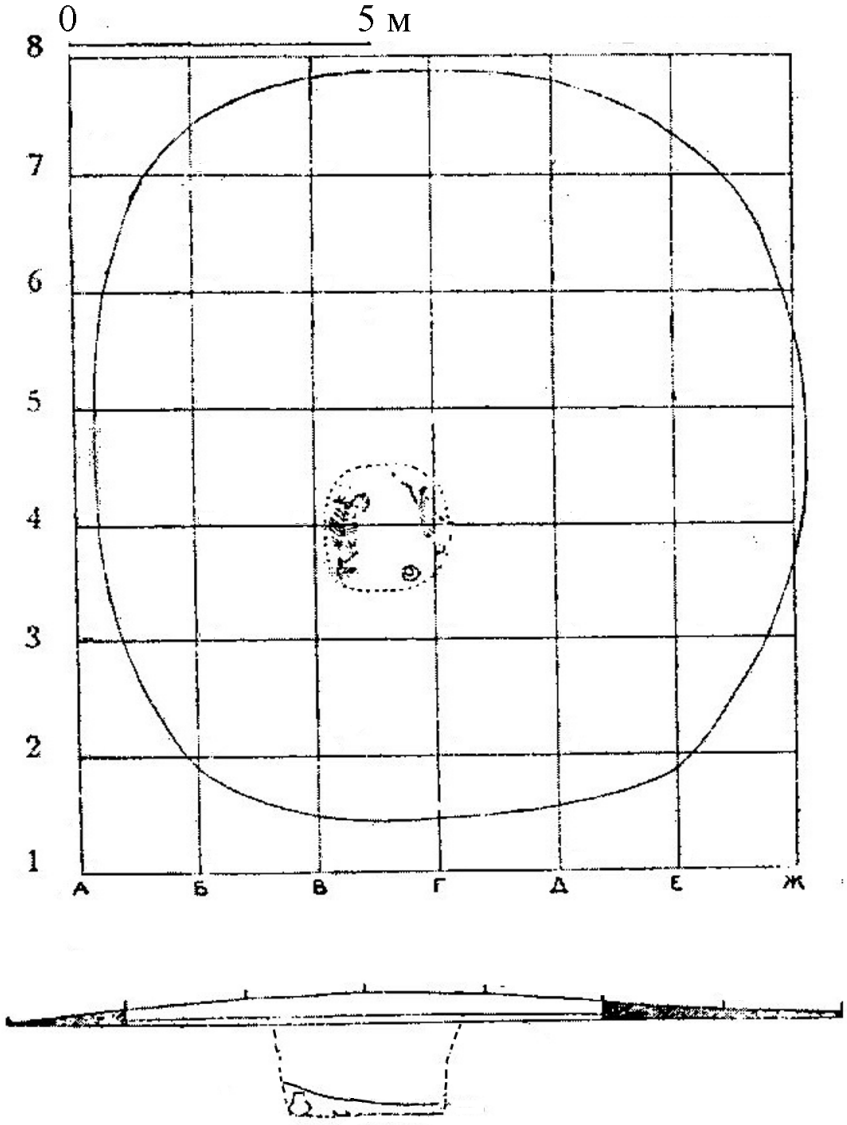
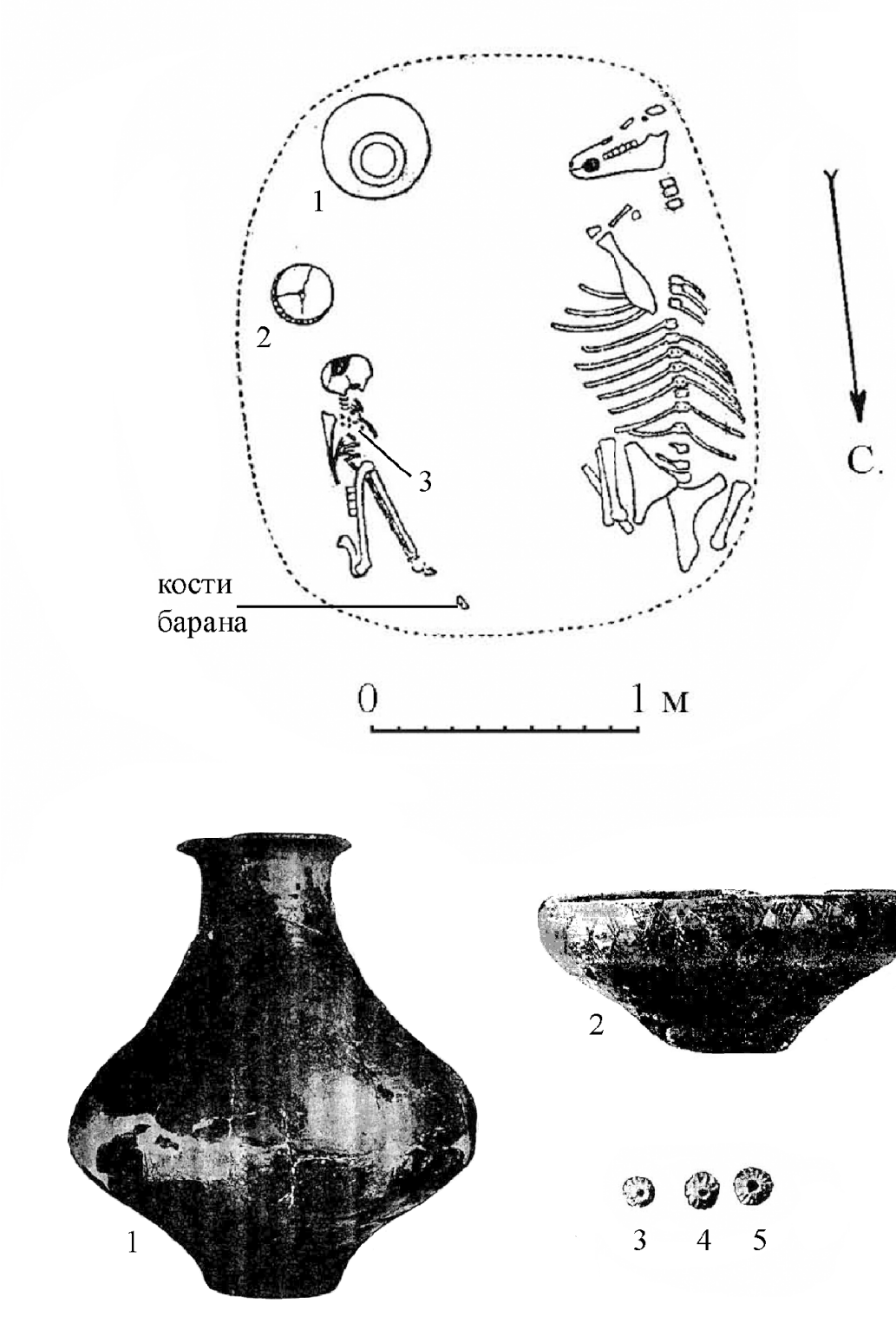

Рис. 101. Погребение 3 (подкурганное). План и разрез.

без масштаба

Рис. 102. Погребение 3 (подурганное).

1 – 2 – сосуды; 3 – 5 – бусы (1 – 2 – керамика; 3 – 5 – стеклянная паста).

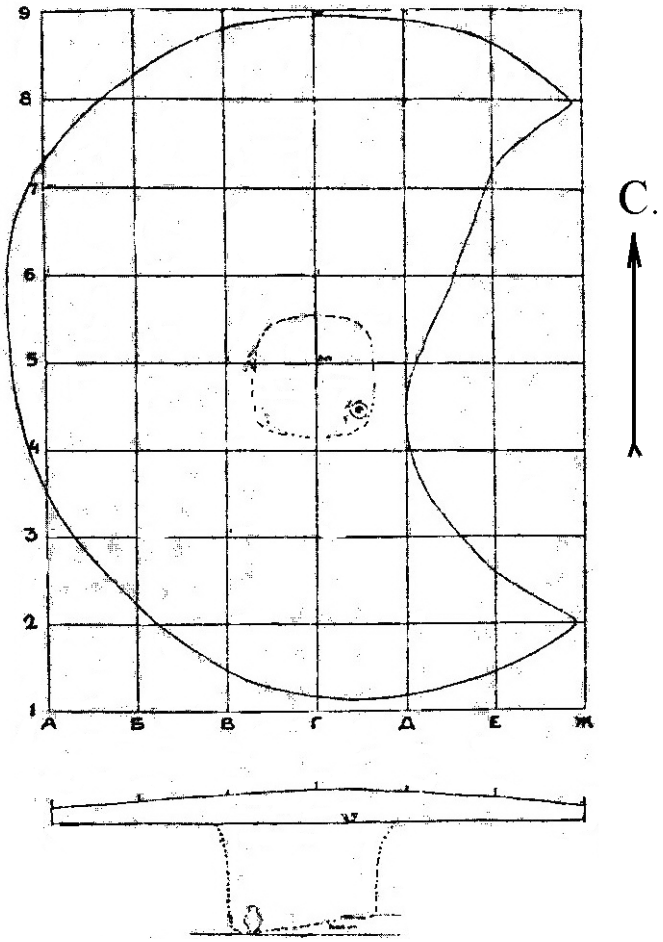
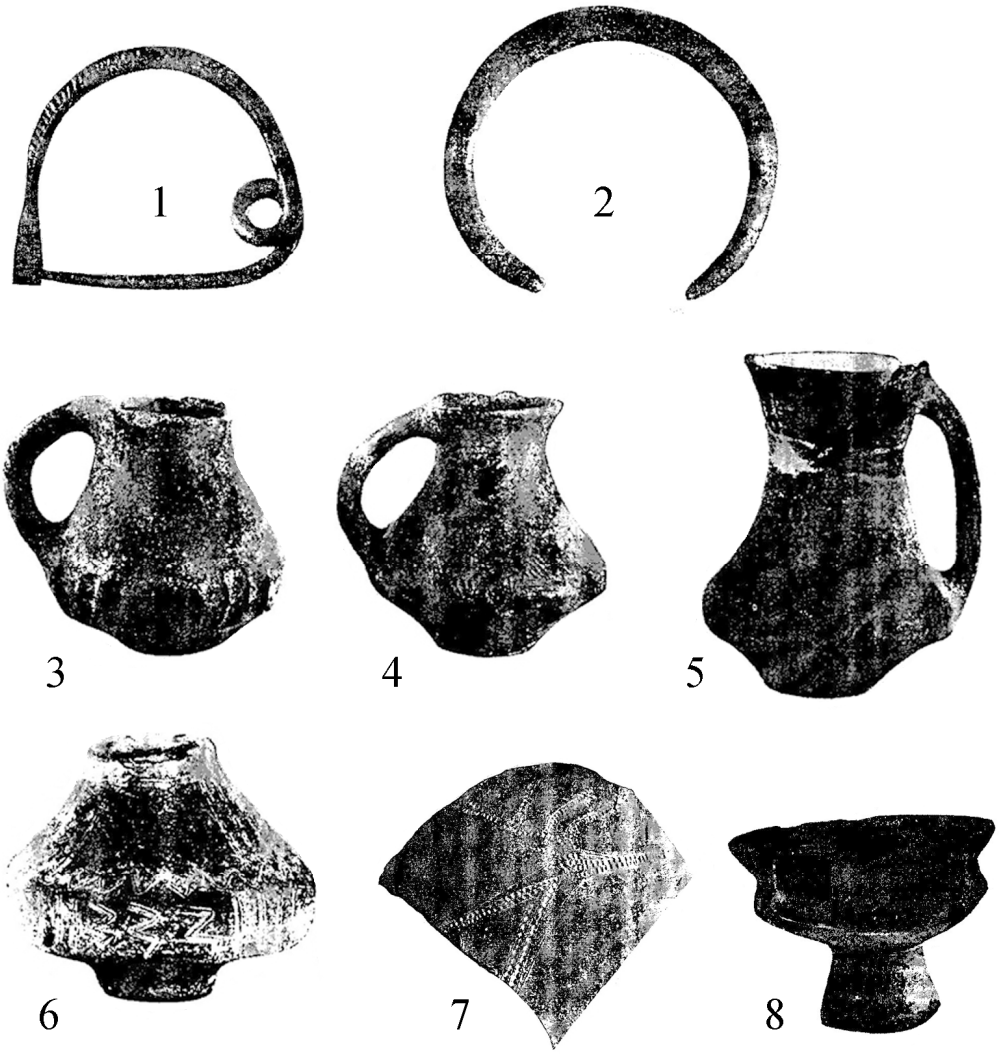

Рис. 103. Погребение 4 (подкурганное).

без масштаба

Рис. 104. Керамическая корчага из погребения 4 (подкурганное).

без масштаба

Рис. 105. Находки вне комплексов.

1 – фибула; 2 – браслет; 3 – 6 – сосуды; 7 – фрагмент сосуда с изображением головы оленя; 8 – курильница (1 – 2 – бронза; 3 – 8 – керамика).